

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ

■ ■ ■ ■ ■ -Карим-паша
Веллингтон Артур Веллеслей
Генрих III Валуа (Анри Анжуйский)
Годой Мануэль (Альхудия)
Карл X Густав
Конде Людовик II Бурбон
Мальборо ■ ■ ■ ■ ■ -Марчелль
Меншиков Александр Данилович
Ришелье Арман ■ ■ ■ дю Плесси
Суворов Александр Васильевич
Сунь Ятсен
Филипп I Орлеанский
Чан Кайши

И многие другие...

ЭВМ

ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Г 34

Серия основана в 1997 году

Автор-составитель *А. В. Веко*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Г 34 Генералиссимусы / Авт.-сост. А. В. Веко. — Мн.: Литература, 1997. — 736 с. — (Энциклопедия военного искусства).

ISBN 985-437-274-X.

Том Энциклопедии военного искусства «Генералиссимусы» содержит 76 статей. В книге собраны сведения о генералиссимусах всех времен и народов. Используются недоступные ранее материалы, рассказывающие о судьбах людей, творивших историю.

Расчитана на широкий круг читателей.

Г 9300900000

ББК 63.3(0)

ISBN 985-437-274-X

© Литература, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	6
АБДУЛ-КЕРИМ-ПАША	9
АЛЛАР ЖАН ФРАНСУА	12
АЛЬЕНДЕ ИГНАСИО	17
АЛЬКУДИЯ (МАНУЭЛЬ ДЕ ГОДОЙ).	24
АНРИ АНЖУЙСКИЙ (ГЕНРИХ III).	27
АНТОН-УЛЬРИХ БРАУНШВЕЙГСКИЙ	28
БЕРЕСФОРД (BERESFORD)	
ВИЛЬЯМ-ЧАРЛЬЗ	44
ВАЛЛЕНШТЕЙН (ВАЛЬДШТЕЙН)	
АЛЬБРЕХТ-ВЕНЦЕСЛАВ-ЕВСЕВИЙ	47
ВЕЛЛИНГТОН, СЭР АРТУР ВЕЛЛЕСЛЕЙ (УЭЛЛСЛИ).	88
ВИКТОР-АМЕДЕЙ I	94
ВИКТОР-АМЕДЕЙ II	100
ВИЛЛАР КЛОД ЛУИ ЭКТОР	109
ВРЕДЕ КАРЛ-ФИЛИПП	123
ГЕНРИХ III ВАЛУА	127
ГИДАЛЬГО (ИДАЛЬГО МИГЕЛЬ)	136
ГИЗ ГЕНРИХ I	137
ГОДОЙ МАНУЭЛЬ ДЕ (АЛЬКУДИЯ).	144
ГОМЕС БАЭС МАКСИМО	145
ДАУН ЛЕОПОЛЬД-ИОСИФ-МАРИЯ	150
ЕВГЕНИЙ, ПРИНЦ САВОЙСКИЙ	
И КАРИНЬЯНСКИЙ	172
ЖОФФР ЖОЗЕФ ЖАК	193
ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ	
(ХУАН АВСТРИЙСКИЙ)	211
ИДАЛЬГО (ИДАЛЬГО-И-КОСТИЛЬЯ) МИГЕЛЬ	212
ИЗМАИЛ-ПАША	216
ИТУРБИДЕ АВГУСТИН	223

КАРЛ-ЛЮДОВИК-ИОГАНН, ЭРЦГЕРЦОГ АВСТРИЙСКИЙ	228
КАРЛ X ГУСТАВ	252
КАРЛ-ЛЕОПОЛЬД, ПРИНЦ ЛОТАРИНСКИЙ	276
КАТЕЛИНО (CATHELINEAU) ЖАК	280
КОНДЕ ЛЮДОВИК II БУРБОН	289
ЛАУДОН ГЕДЕОН-ЭРНСТ ФОН	306
ЛУИ, ГЕРЦОГ АНГУЛЕМСКИЙ	315
ЛУИ, ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ	320
ЛЮКНЕР НИКОЛАЙ	327
МАКС-ЭММАНУИЛ	328
МАЛЬБОРО ДЖОН-ЧЕРЧИЛЛЬ	335
МАХМУД-ШЕФКЕТ-ПАША (ШЕФКЕТ-ПАША)	348
МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ	349
МЕХМЕД-АЛИ-ПАША	369
МИНА СТАРШИЙ ФРАНСИСКО	376
МИРАНДА ФРАНСИСКО	378
МОНТЕКУКУЛИ (МОНТЕКУККОЛИ) РАЙМУНД	388
МОРЕЛОС (МОРЕЛОС-И-ПАВОН) ХОСЕ МАРИЯ	398
МОРОЗИНИ ФРАНЧЕСКО-ДЖЕРОЛАМО	413
ОМЕР-ПАША	422
ПАОЛИ ПАСКАЛЬ	437
ПЕТЕРБОРО КАРЛ-МОРДАУНТ	440
РИШЕЛЬЕ АРМАН ЖАН ДЮ ПЛЕССИ	441
РИШЕЛЬЕ ЛЮДОВИК-ФРАНСУА-АРМАН ДЮ ПЛЕССИ	474
РОБЕРТС ФРЕДЕРИК СЛЕЙ	476
РОЛАН ЖАН-МАРИ	478
САН-МАРТИН (SAN MARTIN) ХОСЕ ДЕ	483
САНТА-АНА (SANTA ANA) АНТОНИО ЛОПЕС ДЕ	507
СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ	522

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ	559
СУЛЕЙМАН-ПАША	594
СУНЬ ЯТСЕН	596
ТАН ЦЗИ-ЯО	611
ТИЛЛИ ЙОГАНН-ЦЕРКЛАС	612
ТРУХИЛЬО (ТРУХИЛЬО МОЛИНА)	
РАФАЭЛЬ ЛЕОНИДАС	627
ФЕРДИНАНД III ЭРНЕСТ	636
ФИЛИПП I ОРЛЕАНСКИЙ	640
ФОНСЕКА МАНОЕЛЬ ДЕОДОРО ДЕ	645
ФОШ ФЕРДИНАНД	648
ФРАНКО БААМОНДЕ ФРАНСИСКО	656
ФРИДРИХ ГЕССЕНСКИЙ	665
ХУАН АВСТРИЙСКИЙ	
(ДОН ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ)	667
ЧАН КАЙШИ (ЦЗЯН ЦЗЕШИ)	674
ЧЖАН ЦЗО-ЛИНЬ	701
ЧЕРЧ РИЧАРД	702
ШАМИЛЬ	704
ШВАРЦЕНБЕРГ КАРЛ-ФИЛИПП	715
ШЕИН АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ	717
ШЕФКЕТ-ПАША (МАХМУД-ШЕФКЕТ-ПАША)	719
ШОМБЕРГ (ШЕНБЕРГ, ШОМБУРГ)	
ФРИДРИХ-ГЕРМАН	722
ЮАНЬ ШИКАЙ	726
ЯКОВ II ЙОРКСКИЙ	732

ВСТУПЛЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателей словарь — уникальное издание. В нем впервые предпринята попытка собрать воедино сведения о личностях, принадлежавших к разным эпохам и народам, странам, и даже континентам. Среди них — коронованные особы и нищие монахи, принцы крови и простые солдаты, благодаря своим природным дарованиям сумевшие возвыситься до полководческих званий, гениальные военные стратеги и жестокие властолюбцы. Но их объединяет то, что все они — заслуженно или нет — носили звание ГЕНЕРАЛИССИМУСА (Generalissimus, Generalissime — превосходная форма от лат. *Generalis* — общий).

Исторически известно, что впервые этот титул был пожалован французским королем Карлом IX (в 1569 г.) своему брату Анри Анжуйскому, ставшему впоследствии королем Генрихом III.

Титул ГЕНЕРАЛИССИМУСА присваивался только лицам царской крови, а как звание — главнокомандующим вооруженных сил (или коалиции вооруженных сил) на время войны. Так, например, звание ГЕНЕРАЛИССИМУСА носили принц Конде, Виллар (в 1733 г., когда он был главнокомандующим трех союзных армий), Валленштейн, Монтекукулли, принц Евгений Савойский, австрийский эрцгерцог Карл (в 1809 г.), князь Шварценберг (в 1813 и 1814 гг.).

В России этот титул узаконен Петром I (Устав воинский 1716 г.). В Уставе говорилось: «Сей чин коронованнымъ главамъ и великимъ владетельнымъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье войско. В небытїи же своемъ оный команду даетъ

надъ всемъ войскомъ своимъ генераль-фельдмаршалу». Однако еще до этого первым русским генералиссимусом Петр назначил А. С. Шеина, боярина, командовавшего всеми сухопутными войсками во время второго Азовского похода (1696 г.).

С именем А. Д. Меншикова связаны многие победы молодой регулярной русской армии над шведскими войсками талантливого полководца короля Карла XII во время Северной войны (1700—21). Патент на титул ГЕНЕРАЛИССИМУСА ему вручил внук Петра I, Петр II (12 мая 1727 г.).

Титул ГЕНЕРАЛИССИМУСА пожалован в 1740 г. отцу нецарствующего младенца Иоанна VI и супругу правительницы Анны Леопольдовны Антону Ульриху Брауншвейгскому, который не имел никаких военных заслуг. Бурхард Кристоф Миних, будучи назначенным начальником всех сухопутных войск Российского государства, тщетно добивался этого титула.

Возводя генерал-фельдмаршала Суворова в 1799 г. в ранг ГЕНЕРАЛИССИМУСА, император Павел I в письме из Гатчины 25 октября написал ему: «Ныне награждаю Вас по мере признательности моей и, ставя на вышний степень чести, геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков». К слову сказать, Суворов дал более 60 сражений и боев и не проиграл ни одного, только трижды будучи численно сильнее противника (Варшава, Адда, Нови). Под руководством Суворова русская армия одержала блестящие победы под Фокшанами, Измаилом, Треббией, Нови, и др., занесенные в учебники по военному искусству.

Титул (звание) ГЕНЕРАЛИССИМУСА присваивался царствующей особой или высшими органами

власти — сенатом, парламентом и т. д. ГЕНЕРАЛИССИМУСАМИ становились пожизненно или на период ведения войны. В СССР звание ГЕНЕРАЛИССИМУСА было введено постановлением от 26.06.45 г. и было присвоено только Сталину.

Уникальность словаря и в том, что он охватывает значительный промежуток мировой истории: от Генриха III (1569 г.) до смерти Ф. Франко и Чан Кайши (1975 г.).

Таким образом, немногим более четырех веков вместили в себя биографии и описание деяний тех личностей, что собраны в этой книге. Нужно также отметить: многое из того, что, казалось бы, давно кануло в лету, незримо присутствует и в наше время, дает о себе знать на исходе XX века.

Статьи в Словаре даны в алфавитном порядке.

АБДУЛ-КЕРИМ-ПАША (1807—1885), турецкий генерал и политический деятель. А.-К.-п. являлся одним из старейших турецких генералов и одним из немногих, сумевших удержаться в звании генерал-фельдмаршала в течение 25 лет.

Родился А.-К.-п. в г. Чипране в Вост. Румынии*, образование получил в Вене, после чего поступил на службу в армию турецкого султана.

Как полководец А.-К.-п. впервые прославился во время Крымской войны**. Тогда он был назначен командующим Анатолийской армии. Однако после нескольких проведенных операций, А.-К.-п. был разбит при Башкадыркляре, и согласно суровым турецким законам был предан суду, на котором, впрочем, сумел оправдать свое имя.

После некоторой опалы А.-К.-п. снова выдвинулся в Черногории в 1862 г. Включенная в состав Османской империи в 1499 г., Черногория добилась фактической независимости лишь в 1796 г. С 1852 г. она являлась наследственным княжеством. Однако постепенно накалявшаяся обстановка на Балканах сделала и Черногорию театром военных

* Румелия (тур. Rumeli), общее название завоеванных в XVI—XIX вв. турками-османами балканских стран. С кон. XVI до XIX вв. назв. тур. провинции с центром в Софии (включая Болгарию, Сербию, Герцоговину, Албанию, Македонию, Эпир и Фессалию). совр. назв. европ. части Турции, кроме Стамбула.

** Крымская (Восточная) война (1853—56). Первоначально русско-тур. война за господство на Бл. Востоке. С февр. 1854 г. к Турции присоед. Англия, Франция, Сардинское кор-во (1855). Война закончилась поражением России и Парижским мирным договором (1856).

действий. Для усмирения локальных восстаний в Черногорию была направлена турецкая армия Омера-паши (см.), одним из военачальников которой был и А.-К.-п.

Будучи военным министром при султанах Мураде V, А.-К.-п. являлся также главнокомандующим турецкими войсками в Сербии. В это время он напряженно работает над реорганизацией турец. армии по европейским образцам; по его настоянию и при непосредственном содействии в Турции открывается несколько военных учебных заведений. В армию и учебные заведения он приглашает опытных иностранных инструкторов.

Некоторое время А.-К.-п. являлся также министром полиции Турции. Но когда на престол вступил Абдул-Хамид II (1876), он был уволен с поста военного министра, оставшись лишь на посту главнокомандующего.

Тем временем накаленная обстановка в Сербии выливается в настоящую войну (1876). А.-К.-п. отправляется в войска, ему присвоено звание генералиссимуса. После нескольких нерешительных военных действий войска под командованием А.-К.-п. разгромили сербов при Джюнисе.

Это был последний большой успех нелегкого военного счастья, выпавший на долю полководца. При всей своей личной храбрости и боевом опыте он, между прочим, не отличался выдающимися военными способностями. Спустя год (в 1877), будучи главнокомандующим вооруженными силами на Дунае, А.-К.-п. ничего не предпринял, чтобы помешать переходу русской армии через Дунай. Он проглядел этот переход. Полководцу к тому времени было уже семьдесят. Без посторонней помощи он не в силах был сесть на лошадь вер-

хом. 23 июля 1877 г. он получает распоряжение из столицы оставить армию. Отставка повлекла за собой ссылку на остров Лемнос, где генералиссимус и умер спустя восемь лет.

АЛЛАР ЖАН ФРАНСУА (1785—1839), французский офицер, который сумел добиться благосклонности магараджи Пенджаба Ранджит-Сингха и стать главнокомандующим его армии.

Родился А. в г. Сан-Тропез. Детство и юность совпали с теми бурными событиями, которыми была охвачена Франция в конце XVIII — начале XIX вв. Поэтому не удивителен выбор юноши, решившего вступить в ряды непобедимой французской армии под знамена молодого полководца Наполеона. Побывав во многих походах и пройдя по ступеням военной иерархии, А. стал капитаном и адъютантом маршала Брюна*, который в 1806 г.

* Брюн Гильом-Мари (1763—1815), фран. маршал. Сын адвоката из провинции. Приехал учиться на юриста, но, увлекшись политикой, оставил учебу и записался в волонтеры (1789). Благодаря дружбе с Дантоном получил сначала место в воен. министерстве, а затем перешел в дейст. армию. В 1793 был произведен в генералы. В 1795 участвовал в подавлении восстания 13 вандемьера. В 1796 отличился во время итальянского похода Наполеона. В 1798 назначен главнокомандующим, вторгся в Швейцарию, занял Берн и преобразовал Швейцарию в Гельветическую республику. В 1799 был назначен главнокоманд. в Батавской республике, разбил англо-русскую армию при Бергене и по договору в Алькмаре заставил герцога Йоркского, командовавшего англо-русск. армией, очистить Голландию. После переворота 18 брюмера Наполеон поручил ему окончить войну в Вандее, а затем назначил на место Массена главнокоманд. в Италии, где Брюн действовал с большим успехом, чем ускорил заключение Люневильского мира. В 1803—05 был послом в Константинополе. При провозглашении импе-

взял Штральзунд, подписал со шведами конвенцию об уступке Франции остров Рюген, но затем подвергся опале и до конца империи оставался не у дел.

В 1815 г., после убийства Брюна, А. покидает Францию, чтобы спустя два десятка лет вернуться на родину облеченным высокими почестями при дворе пенджабского магараджи. Тогда путь А. лежал в поисках применения своих способностей и личного счастья на Восток. Сначала он отправляется в Египет, но вскоре перебирается еще дальше — в Персию. Целеустремленность и некоторая авантюризм характера помогают ему добиться благос-

рии Брюн получил титул маршала, но вследствие независимого характера никогда не пользовался расположением Наполеона. Принял участие в войне 1806 г. и, как было отмечено, взял Штральзунд. После падения империи и отстранения Наполеона от власти признал Бурбонов. Но когда Наполеон вернулся, Брюн не замедлил предложить ему свои услуги, был назначен главнокоманд. войсками в южных департаментах. Строгость, с которой он в течение 100 дней поддерживал порядок, вызывало недовольство роялистов, которых было много на юге. После второй реставрации Бурбонов Брюн велел своей армии принять белую кокарду, сдал команду представителю нового правительства, а сам направился в Париж. По пути он остановился в Авиньоне, откуда его не выпускала толпа фанатов-роялистов. Агенты распространили слух о том, что якобы Брюн причастен к сентябрьскому убийству принцессы Ламбалль. Ночью, несмотря на меры предосторожности, он был убит и выброшен в реку. Но прислуге удалось найти тело маршала и тайно захоронить его.

клонности у Аббаса-Мирзы*, который принял французского офицера к себе на службу и даже повысил его до звания полковника. Но, наверное, не о такой службе мечтал А., тем более, что Аббас-Мирза, кроме высокого военного чина, не предоставил ему никакого командования.

В 1820 г. А. Оставляет службу у Аббаса-Мирзы и через Афганистан отправляется в Лагору, Пенджаб (ныне г. Лахор, центр провинции на В. Пакистана). Он узнал, что там в это время разворачивается война сикхов за образование своего государства.

Сикхи не были народностью. Они представляли собой отдельную религ. общину, основателем которой был Нанак, живший во второй половине XV в. В течение трех веков они вели безуспешную борьбу, подвергались жестоким гонениям, но только падение империи великих монголов дало им возможность в нач. XVIII в. захватить небольшую территорию с центром в Лагоре, провозгласить Сикхское государство и приобрести некоторое политическое значение.

* Аббас-Мирза (1783—1833), сын персидского шаха Фетх-Али, наместник шаха Ирана в Иранском Азербайджане. В войнах с Россией (1811—12, 1826—28) командовал перс. войсками и потерпел поражение от русских. Когда 30.01.1829 г. толпа под предводительством духовенства убила Грибоедова, русского посла, Аббас-Мирза отправился в СПб в числе делегации, возглавляемой перс. принцем Хозрев-Мирзой. Чтобы предотвратить новую угрозу войны с русскими, делегация преподнесла императору Николаю I знаменитый алмаз «Шах» в 86 7/16 карата, цена за смерть Грибоедова. Сын Аббаса-Мирзы, Моххамед-Мирза, в 1834 вступил на перс. престол.

Основателем этого государства стал магараджа Ранджит-Сингх (1780—1839), прозванный Пенджабским львом. Еще в молодости он получил от афганского эмира Лагорское губернаторство. Вот тогда-то и зародилась в нем мысль о создании своего собственного государства. Фундаментом этой идеи было религиозное рвение сикхов. Ранджит-Сингх превратил их монашеский орден в армию. Но чтобы она стала действительно армией, он призвал на помощь за солидное вознаграждение А.

Предложение для бывшего офицера французской армии оказалось как нельзя кстати. А. с большим удовольствием откликнулся на него, а через личное знакомство стал от имени магараджи собирать под свое командование французских офицеров таких же искателей счастья, каким был сам.

Приобретя полное доверие Ранджит-Сингха, А. реорганизовал его воинственную армию по французскому образцу и был назначен магараджей ее главнокомандующим.

Сикхи оказались превосходным военным материалом для А., что подтвердили в скором времени сражения с их участием. Последовала череда их завоеваний до Мультана на Ю., Пешавара на З. и Кашмира на С. Продвижение на В. было остановлено р. Сетлендж, за которой начиналась территория, подвластная англичанам.

Это происходило в 1837 г. А двумя годами ранее А. посетил Францию. К этому времени он сумел прочно закрепиться при дворе Ранджит-Сингха, был назначен генералиссимусом его армии и женился на туземке. Во Франции его встретили с почетом в правительстве, по поручению которого А. отныне являлся *change d'affaires* (с 1836).

Он умер в Пешаваре 23 января 1839 г.,

и вершине головокружительной карьеры и славы. В этом же году ушел из жизни и Ранджит-Сингх, его патрон и покровитель, не оставив после себя достойного преемника. Во главе армии, организованной А., остался совет генералов (хальза), который первым делом устранил от дел в армии французских генералов Авитэбля и Курта.

Спустя шесть лет (1845) дело, начатое А. и Ранджит-Сингхом, потерпело крах. Сикхская армия перешла р. Сетледж и вступила на британскую территорию, чем было положено начало Первой сикхской войне. В течение нескольких недель англичане были теснимы. Сикхи разбили их у Мудки, Фирузпура и Аливаля. Но столкновение у Собраона побудило сикхов отступить и даже сдать Лагору.

АЛЬЕНДЕ ИГНАСИО (ум. 1811), генералиссимус восставших в Мексике.

В начале XIX в. по всем странам Латинской Америки, где Испания владела колониями, прокатилась волна повстанческого движения. Этому способствовали события, произошедшие в Европе. В 1808 г. Наполеон арестовал королевскую семью в Байонне, посадил на престол в Мадриде своего брата Жозефа и начал войну против испанцев, защищавших традиции и независимость своего отечества. С 1810 г. Испания пыталась усмирить восставших, но безуспешно. Лишь некоторые индейские племена поддерживали колониальный режим, да и то только потому, что ненавидели восставших креолов больше, чем далеких испанцев.

25 августа 1810 г. в Мексику прибыл новый вице-король Венегас. К этому моменту повстанческое движение в стране значительно усилилось. Среди главных его деятелей выделялись священник Мигель Идальго (см.), капитан, креол по происхождению, А. и доктор канонического права Мануэль Итуррьяга. Последний по договоренности с Идальго и А. в феврале 1810 г. разработал план, предусматривавший создание повстанческих хунт в основных центрах страны. Хунты должны были вести тайную агитацию против испанского владычества, а с началом вооруженных действий — поднять восстание каждая в своем районе. Управление страной предполагалось передать хунте их представителей провинции, которая действовала бы от имени Фердинанда VII, но испанское господство при этом должно было быть полностью ликвидировано.

Большая часть участников заговора действовала в одном из важнейших центров антииспанской деятельности — г. Керетаро. Здесь происходили тай-

ные собрания сторонников независимости, в числе которых был и А. Заговорщики обсуждали план действий, предполагая начать их в первой половине декабря 1810 г. 11 августа власти получили первый донос о существовании заговора, но не придали этому особого значения. Между тем, Идальго пытаясь привлечь на свою сторону как можно больше сторонников из провинции Гуанахуато, где были расположены воинские части, открыл план заговорщиков некоторым молодым офицерам. Один из них доложил обо всем начальству, и интендант Рианьо отдал приказ об аресте А. и др. офицеров, сочувствующих повстанцам. В то же время среди заговорщиков в Керетаро также нашелся предатель, оповестивший власти о предполагаемом моменте заговора. Были произведены обыски, найдено оружие, после чего начались аресты. Узнав об этом, А. поспешил в Долорес к Идальго. Он сообщил ему, что времени терять нельзя и надо действовать немедленно.

Утром 16 сентября Идальго объявил своим приверженцам, что настало время взяться за оружие. Колокольный звон привлек к церкви все население города и крестьян из окрестных деревень и асьенд. В то же утро Идальго и А. с отрядом повстанцев двинулись из Долорес на юг. По дороге к ним присоединились крестьяне из ближайших асьенд и селений. Заняв небольшой городок Сан-Мигель, восставшие направились к важному центру Селайе. При приближении довольно внушительной силы повстанцев гарнизон города, считая сопротивление бесполезным, вместе с представителями испанских властей под покровом ночи покинул Сан-Мигель. 21 сентября повстанческий отряд вступил в Селайю. Отсюда он двинулся на северо-запад, в направлении к крупному центру горнодобывающей

промышленности и столице одноименного интендантства — Гуанахуато.

Здесь уже шла подготовка к обороне крепости. Казенное зернохранилище «Алондига де Гранадитас», мощное здание, расположенное на юго-западной окраине города, могло выдержать длительную осаду. 28 сентября отряд повстанцев подошел к Гуанахуато. К этому моменту он уже превратился в настоящую армию, численность которой доходила до 20 тыс. человек. Авангард, состоявший из индейцев и руководимый А., вскоре занял город. После безуспешной попытки добиться мирной капитуляции гарнизона, засевшего в Алондиге, повстанцы начали ее штурм. В результате ожесточенного боя ценой тяжелых потерь этот оплот испанцев был занят восставшими.

За короткий срок освободительное движение распространилось на значительно большую территорию. Колониальная администрация вынуждена была активизировать свои действия. Считая, что ближайшим объектом нападения может стать г. Керетаро, вице-король Венегас приказал отправить туда подкрепление. В Мехико были стянуты пехотные полки из Пуэблы, Толуки и др. городов, два батальона, укомплектованные матросами с кораблей, стоявших в Веракруссе, а также несколько сформированных батальонов «волонтеров Фердинанда VII». Гарнизоны Сан-Луис-Потоси и Гуадалахары были приведены в полную боевую готовность. Вице-король назначил высокие награды за головы руководителей повстанцев — Идальго, А. и офицера Альмады. Они были отлучены от церкви и объявлены еретиками.

10 октября главные силы армии Идальго, численность которой составляла уже около 80 тыс. чело-

век, выступили в южном направлении и через неделю без боя заняли Вальядолид. Отсюда Идальго решил идти к столице Мехико и 20 октября двинулся на северо-восток. Вскоре он достиг Акамбаро, где произвел смотр своей армии. Она была разделена на пехотные и кавалерийские полки — по тысяче человек в каждом. В Акамбаро совет командиров провозгласил Идальго генералиссимусом. А. был назначен генерал-капитаном.

Узнав о приближении повстанцев к столице, вице-король направил им навстречу часть гарнизона Мехико под командованием Трухильо. 30 октября у горного перевала Монте-делас-Крусес разгорелся ожесточенный бой, который продолжался приблизительно девять часов. К концу дня Трухильо, потеряв примерно треть своих людей убитыми и ранеными и израсходовав боеприпасы, был вынужден отступить. На следующий день он возвратился в Мехико.

В тот момент, когда, казалось бы, все шло хорошо для повстанцев, между Идальго и А. возникли существенные разногласия. Вопреки ожиданиям, Идальго, достигнув Гуахимальпы, не решился идти дальше к столице. А. настаивал на этом, веря в силы восставших, однако напрасно-генералиссимус не согласился. Он считал, что повстанцы, измотанные длительным напряженным боем, должны отдохнуть и получить подкрепления. Но попытки поднять население Мехико и соседних городов были безуспешны. Отказавшись от попытки взять столицу, он повел свою армию на северо-запад. В Селайе повстанцы разделились. Главные силы под командованием А. двинулись на Гуанахуато, а Идальго с небольшой группой направился на юг, в Вальядолид, чтобы восполнить потери.

Узнав об успехах освободительного движения в Новой Галиссии, Идальго решил двинуться в Гуадалахару. Между тем испанские войска под командованием генерала Кальехи были направлены к Гуанахуато, чтобы разгромить находившегося там А. 24 ноября Кальеха начал штурм города и после 6-часового боя овладел им. А. с небольшой группой сподвижников бежал. Генерал-победитель приказал предать город огню и мечу, многие жители были перебиты. На всех главных улицах были сооружены виселицы, начались массовые казни.

Между тем, обосновавшись в занятом им Гуадалахаре, Идальго 29 ноября издал декрет, предписывавший ликвидацию рабства и освобождение всех рабов в течение 10 дней, отмену подушной подати, упразднение монополий на табак, порох, гербовую бумагу и другие товары. 5 декабря он издал в созданной им газете «Пробудитель Америки» распоряжение о возврате земель индейским общинам.

В связи с расширением национально-освободительного движения (в январе 1811 г. восставшие добились значительных успехов в провинциях Коауиле, Техасе, одержали победы в Нуэво-Леоне и Новом Сантандере) колониальные власти решили форсировать операции против повстанцев. Основным центром сосредоточения повстанческих сил была в этот момент Гуадалахара, куда в середине декабря 1810 г. прибыл вновь сформированный отряд А. Узнав о приближении испанских войск под командованием Кальехи, повстанцы отошли на восток от Гуадалахары и заняли позиции вдоль р. Лермы, в районе моста Кальдерон. 16 января 1811 г. здесь произошло столкновение передовых частей, и испанцам удалось захватить мост. Несмотря на то, что войска Кальехи были хорошо вооружены, дисцип-

линированы, обучены, располагали артиллерией и большим количеством боеприпасов, повстанческая армия успешно отразила натиск неприятеля. Но испанцам помог случай. Один из снарядов попал в повозку с боеприпасами. В результате взрыва загорелась сухая трава, огонь быстро распространился, и, поскольку ветер дул в лицо повстанцам, они вскоре были окутаны густыми клубами дыма. Это вызвало большое смятение и под усилившимся нажимом противника повстанческая армия отступила, понеся огромные потери.

Поражение при Кальдероне оказало на восставших деморализующее воздействие, ряды армии значительно поредели. Этому способствовали и некоторые мероприятия испанского командования. 23 января Кальеха издал обращение к населению Новой Галисии. В нем он грозил смертью за участие в восстании и, в частности, всем лицам, захваченным с оружием в руках. Для разбора дел с «изменниками» в Гуадалахаре был создан специальный «комитет безопасности». Одновременно испанский генерал Крус, действовавший на северо-западе Новой Галисии, объявил амнистию всем мятежникам, которые капитулировали перед «законными властями». Разложению повстанческой армии способствовали также усилившиеся разногласия среди ее руководителей. Некоторые из них возлагали вину за неудачи целиком на Идальго. После разгрома при Кальдероне остатки повстанческих отрядов отступили на север, в Сакатекас. По пути Идальго был смещен своими сподвижниками, и на пост генералиссимуса был назначен А.

Между тем колониальные власти активизировали свои действия по ликвидации очагов восстания. Пользуясь благоприятной обстановкой, на местах

поднялись элементы, ратовавшие за восстановление прежних порядков. В конце января ими был совершен переворот в Сан-Бласе и почти одновременно — в Тепике. Эти центры вскоре были заняты испанскими войсками. 1 марта 1811 г. был совершен переворот в Сан-Антонио (Техас) и одновременно в Сан-Луис-Потоси, куда 5 марта вступили войска Кальехи.

Испанцы по пятам преследовали отступавшие на север остатки главных сил повстанцев. 16 марта руководители восставших устроили в Сальтильо военный совет, на котором было решено двигаться дальше на север, к Монклове, оставив в Сальтильо часть людей для обороны города.

На следующий день подполковник Элисандо, в свое время примкнувший к движению за независимость, совершил переворот в Монклове, отстранил патриотов от власти и выступил со своим отрядом навстречу повстанцам. Он стал поджидать их возле родников Бахана, где устроил засаду. Утром 21 марта, когда остатки армии восставших численностью около 2 тыс. человек подошли к Бахану, они попали в засаду. В числе пленных оказались Идальго и А., которых отправили для суда в Чиуауа. 31 июля 1811 г. был расстрелян Идальго и вскоре за этим последовала казнь А. В целях устрашения их головы, а также головы Альмады и Хименеса, были отправлены в Гуанахуато и выставлены в железных клетках по четырем углам Алондиги.

АЛЬКУДИЯ (Мануэль де Годой) (1767—1851), герцог с титулом «князь мира». Родился 12 мая 1767 г. в Бадахасе.

Образованным, но бедным дворянином явился А. в Мадрид. Превосходный ученик, обладавший даром подмечать тонкости в поведении людей и премудрости жизни, он вскоре был допущен ко двору испанского короля и приобрел расположение королевы Луизы-Марии и ее царственного супруга Карла IV. Подобное высокое покровительство сделало свое дело, и в двадцать четыре года А. (тогда еще просто Мануэль де Годой) получил звание генерал-адъютанта лейб-гвардии. Спустя год (1792) он уже генерал-лейтенант, а еще через год — в 1793 г. — первый министр королевства. Тонкий знаток человеческой психологии, А. проявил себя великолепным дипломатом. В 1795 г. он заключил мир с Францией, в награду за который ему было присвоено звание «князь мира» (*Principe de la paz*). Он был также произведен в гранды первого класса и получил от короля в дар богатое имение.

Следующим этапом в головокружительной карьере А. стал оборонительный и наступательный союз с Францией, подписанный 29 августа 1796 г. Известно, какие отношения существовали между Испанией и ее северной соседкой в последние перед этим века и десятилетия. Дальновидный политик, А. решил обезопасить страну от возможного возгорания революционного пламени, бушевавшего во Франции.

Следующим шагом на жизненном пути А. стало бракосочетание с Марией Терезией Бурбонской, дочерью инфанта Дона Луиса, брата короля Карла III. Брак был заключен в 1797 г., спустя год после подписанного в Сан-Идельфонсо союза с французской республикой.

В это время возникла морская война Испании с Англией, что окончательно подорвало торговлю первой и повлекла сильные нападки на А. Мануэль Годой вынужден был оставить пост министра, однако его влияние на короля и королеву, а также политику ничуть не ослабло. Он по-прежнему оставался своим и нужным человеком.

Через три года после отставки с поста министра (1801) А. был произведен в генерал-капитаны и поставлен во главе испанской армии в войне с Португалией. Одержанные войсками под командованием А. победы принудили португальское правительство подписать Бадахосский мир. 1 октября 1804 г. А. был произведен в генералиссимусы сухопутных и морских сил, а в 1807 г. в качестве генерал-адмирала Испании и Индии он получил титул «Atteza».

Но вскоре начинается черная полоса в жизни и карьере А. Испано-французский союз, несмотря на все принесенные для него жертвы, стал причиной войны с Англией. 21.10.1805 г. у мыса Трафальгар (около г. Кадис) во время войны Франции против 3-й антифранцузской коалиции состоялось сражение. Английский флот во главе с адмиралом Г. Нельсоном (он погиб в этом бою) разгромил франко-испанский флот адмирала П. Вильнева, чем обеспечил господство английского флота на море. Создалась континентальная система. Все это навлекло на А. ненависть народа и придворной партии, во главе которой стоял сам наследник испанского престола герцог Астурийский. Передача Неополитанской короны, где до тех пор царствовал брат короля Карла IV, Иосифу Бонапарту, повела было к перемене испанской политики. А. было поручено вступить в тайные переговоры с Португалией, как вдруг он снова пере-

шел на сторону Наполеона и подписал в Фонтенбло договор. В этом договоре были оговорены условия разделения Португалии между Францией и Испанией.

А между тем ненависть народа к королевскому любимцу возрастала, особенно после возбуждения А. процесса против герцога Астурийского, будущего Фердинанда VII.

Наступили трудные времена. А. на каждом шагу подстерегала реальная опасность. Он измышляет план: вместе с королевской семьей бежать в Америку. Но этому плану не суждено сбыться. 18 марта 1808 г. в Аранжуесе вспыхивает восстание. Дворец А. разграблен, самому ему чудом удается спастись бегством и избежать смерти. Напуганный народными волнениями, Карл IV издает манифест, в котором дает обещание предать А. суду. Он даже отдал приказ об аресте А., но в дело вмешался Наполеон Бонапарт. Зная влияние А. на короля и королеву, он добился освобождения А. и принял его в Байонне, откуда А. старался убедить Карла IV отречься за себя и за все семейство от всяких прав на престол.

После этого он вместе с королем и королевой, другом которых оставался до самой их смерти, отправился во Францию, а оттуда в Рим, где получил от папы титул князя Поссеранского. Те громадные имения и богатства, которыми он владел в Испании, были разграблены и конфискованы.

После июльской революции 1830 г. А. отправился в Париж и жил здесь в нужде, получая лишь небольшое жалование от Людовика Филиппа. От былой славы и величия остались лишь блеклые воспоминания. Ими А. и жил долгих семнадцать лет (до 1847), когда ему была возвращена большая часть его

имущества и титулов, а также дано было позволение вернуться с семейством на родину, в Испанию. Однако Мануэлю де Годю, герцогу А. жизнь не предоставила возможности воспользоваться этим разрешением. 7 октября 1851 г. он умер, так и не вернувшись в родную Испанию.

АНРИ АНЖУЙСКИЙ, см. ГЕНРИХ III.

АНТОН-УЛЬРИХ БРАУНШВЕЙГСКИЙ (1714—1774), второй сын герцога Фердинанда-Альбрехта Брауншвейг-Вольфенбюттельского (до 1735 г. Брауншвейг-Бевернского), родной брат знаменитого прусского полководца герцога Фердинанда Брауншвейгского. Родился 28 августа 1714 г.

Императрица Анна Иоановна была озабочена назначением наследника престола.

Она приняла при российском дворе и воспитала, как родную дочь, Анну (бывшую Елизавету) Леопольдовну, дочь своей старшей сестры Екатерины. Все это делалось с той целью, чтобы передать престол ее потомству. Анна Леопольдовна жила во дворце, между тем как матери ее, Екатерине Ивановне, было отведено отдельное помещение в другом доме. И поскольку о будущем потомстве принцессы заботились так же, как и о ней самой, то рано был поднят вопрос о браке. Под влиянием австрийского дома Анна Иоановна остановила свой выбор на А.-У., который и должен был стать женихом принцессы Анны Мекленбург-Шверинской.

Ему было 14 лет*, когда он приехал в Россию. Их стали воспитывать вместе, полагая, что между детьми укрепитя привязанность, которая впоследствии перейдет в более нежное чувство.

Однако надежды не оправдались. Анне Леопольдовне с первого взгляда не понравился суженый. Будучи угрюмым, замкнутым в себе, капризным и

* В других источниках можно встретить 1733 г. как год приезда А.-У. в СПб. В таком случае, если сопоставить эту дату с датой рождения, выходит, что ему было не 14, а 19 лет.

упрямым ребенком, она не являла собой образца общительности и дружелюбия. А.-У. же был невысокого роста, женоподобный мальчик-заика, тихий, скромный и очень ограниченный. Так что будущие жених и невеста не сошлись характерами.

Вскоре это заметил ловкий придворный авантюрист Бирон, который решил воспользоваться возможностью и женить на принцессе своего сына Петра. Петру, правда, было на пять лет меньше, чем Анне, но Бирон не видел в этом препятствия. Он решительно полагал, что в решительную минуту сумеет склонить императрицу на свою сторону.

Но планы Бирона рушились об упорный характер принцессы. Девочкой та не подавала никаких надежд. Привлекательная собой, она была чрезмерно серьезна и угрюма. Девушкой она стала еще серьезнее и, по воспоминаниям очевидцев, никогда не смеялась. Она была резка в выражениях и не терпела подчиненности. Те, кто знал ее характер, понимали, что она не любит А.-У. лишь потому, что его назначили ей в женихи. Вот почему в то время, когда одни видели только превращение девочки-дикарки в надменную повелительницу, в глазах других Анна оставила след своей сдержанностью и заключенностью в себе, воспитанные в ней бироновской эпохой. Позже она могла быть и словоохотливой, и остроумной хозяйкой, но лишь в тесном кругу приближенных.

Нельзя сказать, чтобы Анна была девушкой без души и сердца. Она увлекалась чтением французских и немецких романов, предпочитая драмы, и нередко декламировала целые отрывки любимых мест книги. Она говорила приближенным, что ей нравятся те места из драм, где угнетенные принцессы выражают свои чувства к своим угнетателям. От люб-

ви к драме лишь один шаг к романтике. Не без романа обошлась и молодость Анны.

Когда ей было шестнадцать, ее внимание обратил на себя саксонский красавец Линар, посланник при дворе. Их сближению содействовала гувернантка Анны, Адеркас. Линар затеял интригу, чтобы помешать браку Анны и А.-У. Но А.-У. был под покровительством императрицы, поэтому когда история открылась, Линара немедленно попросили отозвать, а гувернантку выслали в Германию.

Итак, перед Анной Леопольдовной встал выбор: или принц А.-У., или Петр Бирон, о котором принцесса и слышать не хотела. Поэтому, выбирая меньшее из зол, она дала, наконец, согласие на брак с А.-У., принцем Брауншвейгским. Двадцатилетним блондином с завитыми локонами. Узнав эту новость, А.-У. бросился целовать руки императрице Анне и благодарить ее за руку племянницы.

Венчание состоялось 3 июля 1739 г., а 12 августа 1740 г. у них родился первенец, которому, по замыслу императрицы, суждено было занять российский престол. Младенец был принят ею на полное попечение. Набожная Анна прежде всего отпраздновала рождение внука торжественными молебнами во всех городах империи. Она пожелала, чтобы ему нарекли имя Иван, сама была единственной восприемницей младенца от купели.

Ребенка поместили во дворце, а родителей оставили не у дел. Пеленать и распеленовывать его можно было только в присутствии герцогини курляндской, жены Бирона Бенигны. В глазах императрицы Анны эта женщина как нельзя более была годна в роли тетушки.

Вскоре оказалось, что Иван, ребенок миниатюрный по размерам, страдал сжатием нервов и посто-

янным запором. Никакие средства не помогали. Ходили слухи, что болезненное предрасположение ребенка усиливалось стараниями Бенигны Бирон. Родители переживали, но отлучить их от первенца назвали столь естественным, что не видели в этом никакой жертвы для их родительских чувств. И им пришлось терпеть эту разлуку до тех пор, пока не скончалась императрица Анна.

«Анна Ивановна умерла от той же каменной болезни, которая свела в могилу обеих ее сестер. Эта болезнь развилась в ней в тот критический для женщины физиологический период, который отмечает переход к преклонному возрасту. Императрица Анна умерла 46 лет отроду. Переходный период в физиологической жизни был главной причиной опасного оборота болезни».

В завещании, составленном незадолго перед смертью, императрица объявила Ивана Антоновича наследником престола, а регентом при нем Бирона. Ловкому интригану и карьеристу удалось склонить на свою сторону даже канцлера Бестужева, которому он заплатил 30 000 рублей.

Недовольство А.-У. завещанием так и осталось всего лишь недовольством. Благодаря вовремя принятым мерам Бирону удалось устранить от регентства как А.-У., так и принцессу Анну. А.-У. бросался туда и сюда, обращался за советом то к Остерману, то к Кейзерлингу, но те удерживали его от необдуманных действий против Бирона, хотя и соглашались с несправедливостью решения в отношении самого А.-У.

Бирон оказался на вершине власти в Российской империи, достигнув высшей почести. Вскоре сенат дал ему титул королевского высочества. Тот же титул для видимости был пожалован и А.-У., хотя

вместе с тем регенту было назначено 500 000 рублей годового содержания, тогда как родителям наследника всего лишь 300 000*. И к вновь зашедшему «солнцу» в лице Бирона обратились теперь все обычные поклонники величия и власти. Кто прежде целовал руку А.-У., тот счел своим долгом выказать преданность Бирону. За 10 лет царствования Анны Иоган-Эрнест Бирон успел стать ненавистным русским. Он не терпел ничего русского, презирал русских, не раз выказывая жестокость и ненависть, даже зверства в отношении их. Все эти качества трудно было подозревать в образованном придворном советнике императрицы, но так было. Пытками при сборе недоимок он заставил бежать русских сотнями и тысячами семей за границу, в соседние государства. За многое могла посчитаться Россия с Бироном, когда его сделали регентом над ней. Теперь недостаточно было знания дел. Чтобы удержаться на вершине власти, нужны были иные способности и сильная придворная партия. А ее Бирон мог составить только из немцев. Но те, что находились при дворе, были не на его стороне.

Остерману он имел основания не доверять. При Анне Иоановне Бирон нуждался в нем лишь как в искусном дельце, но в душе ненавидел Остермана и являлся его врагом. Да и сам Остерман был не тот, что после смерти Петра II, когда, боясь падения, он готов был уступить власть любому иност-

* Относительно цифр, указывающих сумму, выделенную на содержание родителей наследника, тоже разночтения. Так, напр., Андреев говорит о 200 000, в то время как Брокгауз-Ефрон называет 300 000. Те же самые разночтения встречаются и относительно иных цифр.

ранцу, только бы не представителям старой русской партии.

Теперь Остерман стал самостоятельнее и опытнее. Он прекрасно понимал, что необходимо Бирону, хотя сам лично мог прекрасно обойтись и без него. Поэтому Остерман имел свои виды на будущее и в душе лелеял мечту о падении временщика.

Другой главный представитель немецкой партии в России в это время был Миних. Но он тоже был некоторое время на стороне Бирона. Бесстрашный солдат, прекрасный знаток военного дела с серьезной подготовкой и образованием, человек умный, Миних начинал военную службу под знаменами лучших полководцев Зап. Европы. Свою карьеру в России он начал инженером, успешно проведя Ладожский канал.

Когда после смерти Петра немцам стали выпадать главные роли в России, Миних должен был выйти вперед. По словам очевидцев, Миних был юношей до старческого возраста и являлся страстным поклонником женского пола. Замирающими от удовольствия глазами он глядел на каждую хорошенькую даму, а затем хватал ее руку, припадая к ней в страстном поцелуе. Но даже это донжуанство не привело к возвеличению честолюбца.

Чтобы хорошо обставиться в России с материальной стороны, Миних занимал одновременно много должностей и брал сверх того, где только мог. Он даже требовал для себя титул генералиссимуса, в чем ему было отказано. Оценивая характер этого человека, современники предостерегали каждого, чтобы не доверяли ему, так как Миних способен предать любого, лишь бы для этого была личная польза. По-видимому, Бирон придерживался того же мнения, но Миних был нужен ему, так как имен-

но Миниху немецкая партия была обязана многим. Он учредил кадетский корпус, для обучения в котором выписывали офицеров и унтер-офицеров из-за границы, особенно из Пруссии. Благодаря этому немецкий элемент привился в армии. Измайловский гвардейский полк был учрежден исключительно с целью укомплектования его немецким элементом в противовес Преображенскому и Семеновскому полкам, по своему составу русскими.

Именно с армии и началось то брожение, которое, в конце концов, и привело позднее к свержению немецкой партии при дворе. В первую очередь, это брожение в гвардии было направлено против Бирона. Ренегат знал, что А.-У. и принцесса Анна настроены против него. Отношения с Анной были весьма натянутыми, к ней трудно было подступиться даже Бирону.

Зато с принцем Брауншвейгским А.-У. он не стеснялся. Бирон был очень низкого мнения о способностях принца, знал о нерасположении принцессы к нему и не соблюдал даже обыкновенных придворных приличий. Однажды он высказал прямо в глаза А.-У., что жена его до брака говорила, будто охотнее положит голову на плаху, чем пойдет за него замуж. Личные объяснения между А.-У. и ренегатом были иногда так горячи, что дело могло кончиться оскорблением. Раз противники чуть было не схлестнулись на шпагах, потому что А.-У. хоть и слыл добрым и кротким, но был по природе смел и даже неустрашим.

Не удивительно, что Бирон подозревал А.-У. в готовившемся заговоре. Но в силу своей трусости и нерешительности А.-У. даже не знал о заговоре гвардейцев. Он узнал о нем лишь тогда, когда его арестовали по приказу Бирона. Заговор был рас-

крыт. Вина главарей движения — кабинет-секретаря Яковлева, офицера Пустошкина и его товарищей — была доказана. Все они были наказаны кнутом. Но имя А.-У. тоже оказалось скомпрометированным. Принца пригласили в чрезвычайное собрание в кабинет-министров, сенаторов и генералитета. Здесь, 23 октября, в тот самый день, когда был издан указ о ежегодной выдаче родителям юного императора 200 000 рублей, А.-У. было строго внушено, что при малейшей попытке ниспровержения строя с ним будут поступать точно так же, как с любым другим подданным императора.

Вслед за тем его заставили подписать просьбу об увольнении от занимаемых военных должностей, и А.-У. был полностью устранен от всяких дел правления.

Однако подобное обращение вызвало лишь сильнейшее раздражение у А.-У. и еще большее недовольство Бироном и его партией. Но принц Брауншвейгский так и не смог подняться над своей нерешительностью, чтобы стать во главе заговора по свержению Бирона.

А между тем Бирон продолжал затевать всевозможные интриги с целью посеять раздор в семье наследника. Он отправил послание в Пруссию, в котором намекал, что был бы не против увидеть представителем саксонского двора в Петербурге того самого Линара, которого за несколько лет до этого не вполне церемонно удалили из России. Расчет Бирона был прост. Он надеялся, что между принцессой Анной и Линаром возобновится связь, благодаря которой удастся посеять семя еще большего раздора между Анной и А.-У. Именно на этом ренегат основывал свой план к последующим мерам по устра-

нению грозившего ему совместного регентства с родителями императора.

С близкой к этому плану целью он затеял игру с великой княжной Екатериной Петровной. Великодушная политика в отношении дочери Петра I была одной из целей, предписанных тактикой в действиях против брауншвейгской фамилии. Но планам Бирона не суждено было сбыться. Время его господства при петербургском дворе неумолимо приближалось к концу.

Ребенок-император остался с родителями, хотя ходили упорные слухи, что Бирон задумывает взять его от матери, а после удалить А.-У. с супругой за пределы России. Анна Леопольдовна и А.-У. были встревожены этими слухами. Это было похоже на правду, особенно после того, как Бирон стал выказывать благосклонность к дочери Петра I.

Первой на решительные меры отважилась Анна Леопольдовна, а не А.-У., как ожидалось бы. Она открылась Миниху относительно возможной разлуки с сыном. Миниху только и нужно было согласие принцессы, чтобы принять меры и начать действовать против Бирона. В тот же вечер он является к принцессе тайно с несколькими офицерами и просит ее при них высказать желание, чтобы регент был арестован. Офицеры, состоявшие при императоре, также были приглашены стать свидетелями. Принцесса целует Миниха на счастливое окончание дела, допускает к руке офицеров, бывших с ним, и они удаляются.

Принц А.-У. ничего не знал о том, что затевается. В тот самый день, 8 ноября 1740 г., когда готовился заговор против Бирона, А.-У. был у него утром, провел с ним некоторое время, и затем они вместе отправились в манеж. Если бы принц знал

что-нибудь о готовящемся заговоре, то, вероятно, не нанес бы визит Бирону. По слабости своего характера он вполне мог бы выдать себя, проговориться.

Вечером Бирона посетил Миних. Бирон был в особенно тревожном состоянии. Он поделился с Минихом своими опасениями и подозрениями, рассказал о предупреждении банкиров-евреев — Липмана и Биленбаха. Но Миних для этого и явился к нему, чтобы постараться рассеять всякие подозрения.

Удалось ему это или нет неизвестно, но той же ночью, в два часа, у дворца, где жил Бирон и где все еще оставалось выставленным для прощания тело императрицы, появился отряд офицеров. Командовали ими Миних и его адъютант Манштейн. Подъехала карета, которую выдали за карету правительницы. Караул Преображенского полка пропустил карету.

Тревоги и паники не было. Караульные офицеры в самом дворце беспрепятственно пропустили группу к спальне Бирона. Дверь оказалась запертой. Манштейн, руководивший группой, приказал взломать ее, что было сделано. Бирон и его жена в испуге проснулись и тотчас же поняли, что произошло.

На некоторое время Миних стал подателем милостей в русской державе. Спустя три дня после устранивания Бирона, 11 ноября 1740 г., А.-У. был пожалован титул генералиссимуса, о котором так мечтал сам Миних. Но чтобы не обидеть принца А.-У., которому тоже очень хотелось быть генералиссимусом, Миних удовлетворился для себя званием первого министра. Кроме того, себе и своим офицерам он взял дома, принадлежавшие Бирону. Остерману, которого держали в неведении относительно заговора и для которого заговор стал полной неожиданно-

стью, было присвоено звание генерал-адмирала только лишь с целью ублажить дипломата.

Однако вскоре А.-У. и его супруге стало казаться, что Миних при случае может так же легко арестовать и их и поступить с ними, как с Бироном. А.-У. отдал приказ верным людям наблюдать за Минихом. Они докладывали, что тот бывает часто у великой княжны Елизаветы. Для А.-У. это не могло предвещать ничего хорошего. За Елизаветой тоже стали следить. А.-У., который с благодарностью отверг лошадей из конюшни отстраненного регента и заявил, что не намерен пользоваться ничем, что принадлежало Бирону, снизошел до того, что назначил офицера Чичерина и 10 гренадеров следить за Екатериной Петровной.

Но и это ему показалось мало, поэтому он назначил на ту же должность аудитора Барановского и придал ему сержанта Обручева. А.-У. и Анна некоторое время после переворота были в таком страхе, что ежедневно меняли постели во дворце, чтобы нельзя было знать, где они спят.

Против Миниха их настраивал Остерман, приобретший неограниченное влияние на А.-У. Остерман преследовал свою личную цель — удалить от власти Миниха, передав ее безвольному А.-У. Он даже уговорил А.-У. принять православие. Этот план, если бы он удался, сосредоточил бы всю полноту власти в руках Остермана, потому что принц А.-У. был всего лишь послушным орудием в его руках. Анна Леопольдовна вряд ли оказалась бы такой сговорчивой, и Остерман прекрасно знал об этом. Куда большее влияние на нее оказывала ее любимая фрейлина Юлиана Менгден. После конфискации богатств Бирона Анна пожаловала видную долю их своей фрейлине, хотя та и не представляла собой ничего

особенного и давала порой такие советы, которые ставили Анну в затруднительные положения. К тому же, присутствие Бирона ощущалось и после его ссылки. Прибывший в Санкт-Петербург Линар посеял семя нового раздора между Анной и А.-У. Прошлое воскресло в памяти и поступках. Принц Брауншвейгский часто находил комнату супруги запертой в то самое время, когда он не считал этого нужным. И если Остерман хотел быть его адвокатом, то должен был устранить его от правительницы, тем более, что Линар действовал нахально и высокомерно. Его расчет был прост: он желал играть при Анне ту же роль, которую играл Бирон при покойной императрице. Он даже отвез в Дрезден часть русских коронных бриллиантов, чтобы получить там отставку у своего короля и сделаться в России обер-камергером правительницы. Роль Бенигны при новом Бироне должна была сыграть Юлиана Менгден, изъявившая желание стать женой Линара.

А.-У. тоже не был обойден милостями. Манифестом от 12 января 1741 г. ему был пожалован титул «Имперского Высочества». Но ему все равно не удавалось оказывать сколько-нибудь значительного влияния на дела при дворе и политику государства. Всем заправляла его супруга, Анна Леопольдовна. Ее правление продолжалось чуть больше года. Окруженная иностранцами, чуждая русскому обществу, она не могла иметь русской партии при дворе, точно так же, как и А.-У. Анна отстранила от себя Остермана, допустила падение Миниха, который стоял за Пруссию и ее интересы. Фридрих II, шурин А.-У., отзывался о нем, как о северном герое. Сам же А.-У., хотя и был в равной степени родственен царствовавшим домам Ав-

стрии и Пруссии, открыто держал сторону Австрии. Остерман был с ним. А.-У. и Остерман воспользовались страхом, который Анна испытывала к генерал-фельдмаршалу, открывшему ей дорогу к власти, и стали настраивать ее против Миниха. Опытный политик, чуткий к малейшим переменам вокруг, он сам попросил у Анны отставки. Везде было объявлено, что по старости лет (Миниху было 54 года всего) он слагает с себя звание генерал-фельдмаршала. Миниха оставили жить в Петербурге. А.-У. не стал больше преследовать Миниха, а Анна со свойственной ей откровенностью признавалась великой княжне Елизавете, что она поступила так с Минихом не по собственному желанию, а по принуждению.

За дворцовыми склоками и семейными скандалами стремительно приближалось время отставки и ссылки не только А.-У., но и всей браунгшвейгской фамилии при русском дворе, которая постепенно стала снова усиливаться. Назревал очередной дворцовый переворот, который взялся осуществить Шетарди, французский посланник в России. Знаменем этого переворота была избрана дочь Петра I, Елизавета Петровна.

Сама Елизавета, возможно, и не осмелилась бы на подобный решительный шаг, хотя, наблюдая за правительницей Анной и ее супругом А.-У., она не могла не понимать, что требуется совсем немного усилий, чтобы достичь власти.

Шетарди сблизился с Елизаветой. Раньше с той же целью ее обхаживал Миних, но великая княжна прекрасно осознавала, что на этого человека нельзя положиться. С Шетарди можно было надеяться на успех. В его распоряжении были денежные средства, причем немалые. Он также нашел деятельного и

смелого помощника для себя в лице домашнего врача Елизаветы, Лестока.

Лесток принадлежал к иностранцам на русской службе, которые продавали свои услуги тем из иностранных государств, что платили больше. До блага России Лестоку не было никакого дела. Деньги и почести имели для Лестока свое обаяние. Он становится ревностным союзником Шетарди. Он старается постоянно внушать Елизавете, какая незавидная горькая участь ждет ее в том случае, если она не решится на смелые действия. Он вертел перед ней картинку, на одной стороне которой Елизавета была изображена на троне в золоченых нарядах, а на другой — в черном монашеском одеянии.

Шпики и доносчики тоже делают свое дело. Каждый день они докладывают А.-У. и Анне неутешительные новости. Подозрительность родителей наследника возбуждена до пределов. Анна отправляется к Елизавете и со слезами говорит о подозрениях относительно активности Лестока. Елизавета сумела сдержаться и даже выказала свое немалое удивление. Она, как могла, убеждала Анну Леопольдовну в своей искренности и просила ее верить. Но в душе Елизавета понимала, что должна сделать решительный шаг теперь или никогда. Если хладнокровие изменит ей, то ее ждет очень скоро мрачное монастырское уединение.

А тем временем огромные суммы денег, задействованные Шетарди, делали свое дело. Но не только деньги французского посланника прибавляли Елизавете Петровне сторонников. Гвардейцы (солдаты гвардии в то время были преимущественно дворянского происхождения) были в большинстве своем расположены в пользу дочери Петра, и она не упускала возможности задобрить их и расположить к себе.

Наконец наступила решительная ночь. Елизавета молится перед образами, ей страшно. Лесток и камер-юнкер Воронцов уговаривают ее долго, и она, наконец, уступает им. Главные деятели заговора против А.-У. и Анны Леопольдовны — Лесток, Воронцов, учитель музыки Шварц и гвардеец Грюштейн — в полной готовности. В сопровождении Лестока и Воронцова Елизавета Петровна едет в санях в Преображенские казармы. Елизавета в кирасе и с эспонтоном в руке обращается к солдатам и спрашивает их, готовы ли они стоять за дочь Петра Великого? Рота преображенцев провозглашает Елизавету матушкою-императрицею и отправляется за ней ко дворцу правительницы.

Дворцовая стража всполошилась, караульный готов забить тревогу, но Лесток разрезает кожу барабана и тревога не распространяется. Преображенцы уже во дворце. Там все в безмолвии. Елизавета сама будит караульных. Солдаты, пришедшие с ней, в случае необходимости готовы и насилие. Но Елизавета останавливает их и говорит, что если будет кровь, то она не пойдет с ними. Солдаты успокоились, подчинились, и арест совершается спокойно, без шума, как будто происходит простая формальность.

Елизавета Петровна сама разбудила Анну. Увидев перед собой великую княжну, та в одну минуту понимает, что случилось. Нет ни жалоб, ни упреков. Анна Леопольдовна одевается, и ее увозят из дворца. Малютка-император спал, когда ватага гвардейцев вошла в комнату и обступила колыбель. Увидев толпу усатых военных, мальчик разрыдался. Елизавете стало жаль ребенка, она приласкала его, а затем приказала отвезти его к матери. В переполохе маленькую дочь Анны Леопольдовны, Екатерину,

уронили на пол, и она так и осталась до конца жизни глухонемой.

Елизавета Петровна ограничилась поначалу решением выслать А.-У. и его семейство из России. Семья уже находилась в пути, когда неожиданно была арестована и заключена в рижской крепости. Оттуда их перевели в Дюнамюнд, а затем в Раненбург (ныне г. Чаплыгин в Липецкой обл. До конфискации принадлежал *МЕНШИКОВУ*, см.) Здесь А.-У. с семьей провели три года, пока, наконец, 9 ноября 1744 г. им не было приказано покинуть Раненбург и отправиться в заточение в Холмогоры.

В 1762 г., после восшествия на престол Екатерины II, А.-У. было предложено покинуть пределы Российской Империи и уехать за границу, оставив детей в Холмогорах. Но принц Брауншвейгский отказался, предпочтя неволю с детьми свободе в одиночестве. Возможно, это был один из немногих мужественных поступков генералиссимуса. Потеряв зрение, он умер 4 мая 1774 г. Место захоронения А.-У. не установлено.

БЕРЕСФОРД (Beresford) ВИЛЬЯМ ЧАРЛЬЗ, виконт Бересфорд, английский генерал и португальский маршал (1768—1854, по иным сведениям род. в 1770), внебрачный сын маркиза Уотерфорда (Ватерфорда). Молодым офицером английской армии участвовал в войнах в Северной Америке, где потерял один глаз, а также в Ост-Индии и Египте.

В 1805 г. Б. Отправляется в южную Африку, где принимает участие в штурме и взятии Капштадта (1806). В том же, 1806 г., его назначают командовать экспедицией, отправляемой в Буэнос-Айрес. Под командованием Б. армия занимает город, но вскоре вспыхивает восстание местного населения. Армия англичан была разбита и изгнана из Буэнос-Айреса, а ее командующий Б. был взят в плен повстанцами.

В плену он провел несколько месяцев, в течение которых напряженно обдумывал план побега, который в скором времени ему удалось осуществить.

Сразу же по возвращении в Англию (1807) Б. посылают на остров Мадейра, который был взят им именем португальского короля. В течение последующих месяцев Б. выполняет функции губернатора и королевского наместника Мадейры. За это время он сумел изучить португальский язык, знание которого, как резонно предполагал Б., могло помочь ему в осуществлении карьеры при португальском дворе.

В 1808 г. Б. был прикомандирован к армии Веллестея (будущего герцога Веллингтона, см.) в Португалии. Полководческие способности и прошлые боевые заслуги позволили Б. через год, (в 1809) стать португальским маршалом. Он был по-

ставлен во главе португальской армии с поручением произвести ее реорганизацию. Б. принялся за дело с энтузиазмом, но без лишней поспешности и рвения. Поэтому и успехи его в переустройстве армии оказались значительными и благотворными.

Однако нужно заметить, что склонность Б. выдвигать на командные должности англичан вызывало сильное недовольство против него в высших слоях португальской аристократии. Но Б. имел довольно значительный авторитет и сильное влияние не только на армию и ее командование, но также и на гражданские институты государства, в том числе и на правительство.

В 1811 г. португальская армия под командованием Б. разбила маршала Сульта при Арбуере. В следующем году Б. принял участие в битве при Саламанке, где был тяжело ранен. После окончания войны на Пиренейском полуострове Б. вернулся в Англию. За заслуги перед Британской короной он получил титул барона и место в палате лордов, которое, впрочем, долго не занимал.

Вскоре его заслуги снова понадобились в Португалии. Б. возвращается туда, где по-прежнему числился главнокомандующим вооруженных сил. К тому же, Б., по сути, управлял этой страной. Недовольство его реакционной политикой растет день ото дня. Ненависть к нему распространяется теперь не только среди аристократических слоев, но и среди простого народа. Под этим непрекращающимся давлением правительство в 1819 г. вынуждено уволить со службы и отстранить со всех должностей иностранцев, в особенности английских офицеров. Б. покидает Португалию.

В связи с этим конфликтом Б. в 1820 г. отправля-

ется в Бразилию для переговоров с королем, но в стране происходит революция. Б. не было позволено высадиться на берег Португалии, и он возвращается в Англию. Здесь его ждало пустующее кресло в палате лордов. Он начинает посещать заседания, на котором является одним из наиболее сильных сторонников герцога Веллингтона. В 1823 г. Б. получает титул виконта. В 1828 г. Веллингтон, сделавшись премьер-министром, назначил Б. генерал-фельдцейхмейстером.

Падение кабинета Веллингтона побудило Б. подать в отставку. Вместе с тем, полностью охладев к политике, он перестал появляться и на заседаниях палаты лордов.

ВАЛЕНШТЕЙН (правильнее **ВАЛЬДШТЕЙН**) **АЛЬБРЕХТ-ВЕНЦЕСЛАВ-ЕВ-СЕВИЙ** (1583—1634), один из самых известных и великих полководцев. Происходил из старинного чешского дворянского рода, небогатого и невлиятельного. Валенштейном назывался по воздвигнутому в XIII в. замку Вальдштейн, что неподалеку от г. Турнау. Родители его были чехи умеренных взглядов.

Родился В. 24 сентября 1583 г., рано осиротел и остался на попечении дяди. Дядя его, католик, отдал В. в иезуитскую школу, где его возвратили в «лоно католической церкви». Трудно со всей определенностью судить о степени сознательности этого важного по тем временам и ответственного решения юного В., но руководивший и направлявший его отец-иезуит, да и родные католики, понимали, что означало для юноши переход из лагеря угнетенных в лагерь угнетателей, из лагеря преследуемого или, в лучшем случае, едва терпимого большинства чехов-патриотов в лагерь, где новообращенные приобрели многие материальные преимущества и где им открывался доступ к милостям, источником которых была господствующая католическая церковь и немец-император (он же обычно и чешский король «по избранию» в узкой коллегии чешских феодалов, избранию, никак не отражавшему действительного отношения к нему чешского народа).

В. продолжал свое образование в протестантском университете в Альтдорфе, что неподалеку от «вольного имперского города» Нюрнберга. Затем с образовательными целями В. совершил ряд путешествий, сначала по германским землям, а затем в Нидерланды, Англию, Францию. Наиболее продолжительным оказалось путешествие в веч-

ный город — Рим, а также по Италии. Как указывали биографы великого полководца, из университета в Альтдорфе, Падуе, Болоньи он вынес непоколебимую веру в астрологию. И это действительно так. У него был личный астролог Сени, без совета с которым В. не предпринимал решительно никаких шагов даже тогда, когда стал знаменитым полководцем.

После возвращения из путешествия В. вступил в ряды австрийской армии, сражался в Венгрии против турок и к 1604 г. дослужился до звания капитана.

В 1606 г. патер-иезуит сосватал В. пожилую вдову, которая после своей смерти (1614) завещала В. обширные богатые поместья в Моравии. Патер-иезуит добился своего — поместья не попали в руки протестантов. Вскоре В. достались также земельные владения и одного из его дядей, не оставившего после себя потомства. В один прекрасный момент своей жизни В. из бедного офицера превращается в одного из крупных земельных собственников. Так создалась прекрасная материальная основа для его карьеры кондотьера. На собственные средства В. собирает отряд отборных наемных солдат численностью в 200 человек и предлагает услуги эрцгерцогу штирийскому, будущему императору Фердинанду II, для разбойничьей войны, которую тот ведет против Венеции.

В. так успешно командовал своим наемным отрядом, что был произведен в полковники и ему был пожалован титул графа. Отличившись при освобождении осажденной Градиски, В. был назначен командующим имперских войск в Моравии.

Над Европой в это время сгущались грозовые тучи. Напряженная обстановка вскоре должна бы-

да вылиться в серьезные столкновения. Малейшая искра грозила взорваться бушующим пламенем войны.

И такая искра появилась. Ею стало чешское восстание. Поводом к восстанию послужила отмена императором-австрийцем религиозных свобод, согласия на которые чехи вырвали силой еще у императора Рудольфа II. Восстание началось 23 мая 1618 г. Чехи выбросили из окон пражского замка наместников короля Фердинанда I Габсбурга — Славату и Мартиницу. Фердинанд был низложен, а на чешский трон был избран курфюрст Фридрих V Пфальцский (1619), глава Протестантской унии. Позже он был прозван «Winterkonig» («Король на одну зиму»), так как уже 8 ноября 1620 г. под Прагой, у Белой Горы, войска католической лиги, возглавляемые Максимилианом I Баварским и полководцем Тими (см.) нанесли чехам и пфальцским частям поражение — страшный день в чешской истории, на 300 лет определивший положение Чехии как поработенной немцами страны, австрийской колонии. В сражении у Белой Горы отличилась баварская конница Паппенгейма. Наемный отряд В. переметнулся на сторону инсургентов, но сам полковник остался верен императору. В считанные дни он набрал новых добровольцев и отправил их в помощь имперским войскам. Полк В. в немалой степени тоже способствовал победе. Началась продолжительная война, которая станет поворотным событием в судьбе всей Европы и определит ее дальнейший облик и которая будет названа Тридцатилетней войной (1618—48).

Тридцатилетняя война стала первой войной в истории, охватившей практически всю Европу. По одну сторону баррикад сражался католический блок,

представлявший Контрреформацию. Во главе его стояли Габсбурги, царствовавшие тогда на двух престолах — венском и мадридском. Католический облик пользовался поддержкой Польши и Папы Римского. Ему противостояли германские князья-протестанты и на определенных этапах протестантские королевства: Дания (при короле Христиане IV) и Швеция, король которой Густав II Адольф Ваза заслуженно пользовался репутацией великого полководца. Протестантские страны Англия и Нидерланды, не принимая непосредственного участия в войне, оказывали своим единоверцам разнообразную помощь — займами субсидиями, оружием и амуницией. Так, Нидерланды на первых порах (с 1619 г.) давали ежемесячно по 50 000 гульденов восставшим против Габсбургов чехам. Из политических побуждений этому блоку оказывала помощь и Московская Русь, враждебная и католикам, и протестантам. Из тех же побуждений евангелический блок поддержала Франция, попавшая в кольцо австрийских и испанских Габсбургов. Франция лишь на последнем этапе войны вступила в боевые действия и довела их в союзе со Швецией до победного конца. Чем более разгоралась война, тем более затушевывался ее первоначальный религиозный характер — столкновение Протестантской унии (образована в 1608 г.) и Католической лиги (образована в 1609 г.), или Реформации или Контрреформации.

Когда вспыхнуло чешское восстание, собственный полк В., как отмечалось, примкнул к инсургентам. В. остался верен императору. Успев захватить государственную казну Моравии в Ольмюце и сформировав на свой счет кирасирский полк, он поспешил к Фердинанду. Неустрашимый, талантливый полководец, щедрый, умелый в обращении с людьми.

ми, В. привлекал к себе на службу людей разных национальностей и вероисповеданий, преимущественно католиков, так как боролся он за католическое дело. После каждой победы он представлял своим войскам возможность грабежа захваченной территории, но одновременно умел держать свою разношерстную разгульную армию в строгой дисциплине. Служба у В. была чрезвычайно выгодна и давала значительный почет. Войска, которыми он командовал, боготворили В.

После битвы у Белой Горы В. поддержал Фердинанда II и при усмирении своих соотечественников-чехов. Захваченную казну Моравии он передал в пользование императору, а свои денежные средства значительно увеличил участием в предпринятой императорской казной и владельческими князьями порче монеты. За все эти заслуги Фердинанд II (император с 1619 г.) наградил В. конфискованными землями изгнанных чехов. К тому же и сам В. по смехотворным ценам приобрел обширные земельные владения — Фридланд, Райхенберг и другие, так что вскоре он стал крупнейшим землевладельцем Чехии, сосредоточив в своих руках более 120 000 га земли.

В 1623 г. он женился на Элизабет фон Гаррах, дочери влиятельного при дворе графа фон Гарраха. Его владения были объявлены княжеством, а он еще недавно «простой чешский дворянин» стал герцогом Фридландским.

В. умело управлял своими владениями с помощью нидерландского банкира. На своих землях он основывал добротные и опрятные жизнеспособные города, поощрял горное дело и учреждал, вводя наемный труд, мануфактуры для производства оружия и амуниции.

В 1625 г. наступил датский период войны, когда боевые действия вступил король Христиан IV. В. на свои средства укомплектовал войско численностью в 50 000 (по Шиллеру в 20 000) и был назначен их командующим. Дальнейшие расходы и жалование войскам В. покрывал за счет занимаемых армией областей. Он нисколько не беспокоился о том, чьи это земли — друзей или врагов. «Война живет войной», — любил повторять полководец. Он умел держать свои войска в «стальной узде повиновения» (Шиллер), но гнет его, по свидетельству историков, не был так велик, как бремя завоеваний и власть других генералов Тридцатилетней войны.

Вскоре вместе с графом Тилли В. вытеснил датчан из нижней Саксонии и перенес войну в пределы Дании. 25 февраля 1625 г. (по иным источникам — 25 апреля 1626 г.) В. одержал свою первую значительную победу в Тридцатилетней войне над полководцем датского короля графом Мансфельдом. Битва произошла близ переправы через Лабу (Эльбу), у Дессау. Некоторое время В. преследовал Мансфельда через Силезию, Моравию и Венгрию, где остатки армии Мансфельда растаяли, а сам полководец умер на пути в Венецию.

Этим маневром В. упредил нападение Бетлена Габора, семиградского князя, на наследственные земли императора, который (Габор) заключил союз с Мансфельдом.

В августе 1626 г. В. соединился с армией Тилли, разбил датчан под Луттером, а затем оба полководца разгромили Мекленбург, Померанию Шлезвик, Голштинию и продвинулись далеко на Север, вплоть до Ютландии, чем принудили Христиана IV Датского к Любекскому миру (1629). Дания вышла из войны, не потеряв ничего из своих владений, но

пообещала не вмешиваться в религиозные распри империи. Заслуги же В. были вознаграждены пожалованием ему Мекленбургского герцогства. Кроме того, воюя, В. никогда не упускал личных выгод: он купил за бесценок княжество Заган, а император отдал ему в заклад (под истраченные суммы из собственных сбережений) два тех самых соединенных завоеванием Мекленбургских герцогства.

Ввиду ожидавшегося вступления в войну Швеции император назначил В. генералом Балтийского и Немецкого морей. Но при осаде морской крепости Штральзунд (1628) В. постигла неудача. Ганза (знаменитый союз торговых городов Германии, тяготевших к протестантской унии) не послала полководцу обещанных судов, чтобы блокировать крепость с моря, и В. не в силах был этого сделать. Это еще больше усилило в нем желание сделать империю морской державой: он стал укреплять побережье, закладывая гавани для будущих портов имперского флота, проектировал канал поперек Голштинии. За этими действиями В. внимательно следил шведский король Густав-Адольф, столкновение с которым становилось все более неминуемым.

Победа В. обеспечили империи торжество католицизма, и в 1629 г. Фердинанд II издал Реституционный эдикт, по которому все секуляризованные еще в 1552 г. владения католических монастырей, аббатств и духовных княжеств подлежали возврату духовенству. А это не могло не вызвать в империи страшного смятения.

В. был против эдикта. Сам он не был столь ревностным католиком, проявлял религиозную терпимость, почти религиозный индифферентизм. Строгие католики видели и чувствовали в В. силу скорее враждебную, чем дружескую и покровительственную.

Реституционный эдикт он осуждал, но с этого времени стало ясно, что его политика далеко не совпадает с политикой императора.

Однако враждебными В. были и германские князья, с которыми он обращался надменно и интересами которых совершенно не дорожил.

В. был против не только Реституционного эдикта. Он не одобрял и вмешательства императора в войну за мантуанское наследство на севере Италии, которая отвлекала значительные силы (до 25 000 человек) и к тому же неизбежно обостряла и без того натянутые отношения с Францией как раз в то время, когда назревали новые конфликты извне и внутри империи. Политика В. на укрепление центральной власти вызывала ненависть владетельных князей Германии, за счет средств которых он к тому же вел войну.

Тем временем католическая Франция действительно следила с тревогой за возрастание мощи империи. Она начала сближаться со Швецией. Тонкий и чуткий политик Ришелье (см.) поддерживал дипломатические связи с большинством стран Европы и даже с Московской Русью.

Первоклассная военная держава Швеция тоже, в свою очередь, с тревогой наблюдала за продвижением имперских католиков к морскому побережью и опасалась, что католическая линия Ваза, окрыленная этими успехами, предъявит претензии протестантской Швеции.

При посредничестве дипломатии Ришелье шведский король заключил мир с Польшей на 6 лет, тем самым развязал себе руки и стал готовиться к войне. Франция оказала Густаву-Адольфу и еще одну огромную услугу, методами иезуитской дипломатии посодействовав устранению с театром с предстоя-

щих военных действий крупнейшего и талантливейшего полководца империи, великолепного организатора ее вооруженных сил.

В августе 1630 г. в Регенсбурге собрался съезд князей. На нем присутствовал сам император Фердинанд II. Хорошие отношения между императором и князьями лиги сильно поколебались со времени появления на службе у первого В. Привыкший играть роль законодателя и даже распорядителя судеб Империи, гордый курфюрст Максимилиан I баварский заметил, что новоявленный полководец императора сразу сделал его совершенно ненужным, что вместе с авторитетом лиги исчезло все его прежнее значение. Другому, а именно В., суждено было пожать плоды его побед и покрыть забвением все его прежние заслуги.

Нужно отметить, что курфюрст Баварский более остальных был решительно настроен против В. К тому же, непосредственно перед съездом и во время его Максимилиана обхаживал патер Жозеф, преданный человек Ришелье и давний его друг. Не удивительно, что недовольный императором, исполненный недоверия к его замыслам, Максимилиан вступил в союз с Францией. К тому же стали склоняться и другие государи лиги. Страх перед завоевательной политикой императора, недовольство вопиющими злоупотреблениями целиком заглушали в них чувство благодарности. Вымогательства В. стали для них совершенно невыносимы. Брандунбург оценивал свои убытки в 20 миллионов, Померания — в десять, Гессен — в семь, остальные примерно в той же пропорции. От всех неслись отчаянные мольбы о помощи, и напрасны были всякие представления. В этом единственном вопросе между католиками и протестантами не было разногла-

сий. Император испугался, его забросали огромным количеством петиций, сплошь направленных против В. Петиции ошеломили Фердинанда реальными и придуманными ужасающими описаниями всевозможных насилий.

Сам Фердинанд II не был варваром. Если он и был отчасти виновен в тех гнусностях, что творились в Германии, то он все же не знал всей безмерности их. Недолго думая, он уступил требованиям князей и немедленно уволил из своей армии 18 000 единиц конницы. Когда происходило это уменьшение армии, шведы уже заканчивали приготовления к походу в Германию, и большая часть отпущенных императором солдат поспешили стать под их знамена.

Эта уступчивость императора дала повод курфюрсту Баварскому выступить с более решительными требованиями. Торжество, одержанное им над императором, было неполным, пока В., герцог Фридрихландский, оставался главнокомандующим.

Как только был поднят вопрос об устранении В., князя тут же пустились жестоко мстить полководцу за его высокомерие и гнет, которые пришлось испытать всем им. Поэтому отставки его требовала вся коллегия курфюрстов и даже испанцы, причем с таким горячим единодушием, которое ошеломило императора. Но именно единодушие и ярость, с которой завистники императора настаивали на устранении В. должны были убедить его не делать этого. Сам В., уведомленный о кознях против него на Регенсбургском съезде, не замедлил открыть императору глаза на истинные замыслы курфюрста Баварского. Он немедленно явился в Регенсбург, окруженный такой пышностью, которая затмила самого императора и дала лишь новую пищу для его врагов.

Фердинанд долго не мог решиться. Тяжела была жертва, которой от него требовали князья. Всем своим превосходством и положением он был обязан герцогу Фридландскому. Он прекрасно осознавал, как много теряет, принося в жертву В. Но, к несчастью, он именно теперь нуждался в благосклонности курфюрста Баварского. Он задумал передать престол своему сыну Фердинанду, избранному королем Венгрии, и для этого ему необходимо было согласие Максимилиана. Это обстоятельство оказалось для него сильнее всего остального, и 12 августа 1630 г. он дал согласие о смещении с поста генералиссимуса В.

Это была цена за голос Максимилиана в пользу Фердинанда Венгерского.

Устранение от дел в армии В. и сокращение численности войск было произведено императором накануне неизбежной войны со Швецией. И Густав-Адольф счел этот момент как нельзя более благоприятным, чтобы ввязаться в борьбу, рассчитывая при этом заручиться поддержкой немецких князей-единоверцев, в защиту которых якобы и выступала Швеция.

Густав-Адольф высадился с войском на берегах Германии в начале августа 1630 г. На первых порах его армия насчитывала около 30 000 человек. Эта небольшая, но закаленная в непрерывных войнах армия, отличалась тогда несравненными боевыми качествами и высоким моральным духом. Ее тактика, разработанная самим королем, составила эпоху в истории военного дела, намного превзойдя в подвижности и быстроте устарелую тактику господствовавшей тогда испанской военной школы.

Шведское войско стало одерживать в Германии победу за победой. Саксонский курфюрст Иоганн-

Георг силою обстоятельств вынужден был стать союзником Густава-Адольфа, как и курфюрст Бранденбургский Георг-Вильгельм и герцог Померанский Богуслав XIV. Густаву-Адольфу не удалось спасти Магдебург: 20 мая 1631 г. войска Тилли (см.), Паппенгейма и Холька, истребив 30 000 жителей, разграбили и сожгли город. Осенью того же года Тилли ворвался в Саксонию, но был наголову разбит в сражении под Брейтенфельдом близ Лейпцига (17.09.1631), а следующей весной Густав-Адольф разгромил его у переправы через р. Лех (15.04.1632), где Тилли был смертельно ранен. Шведы заняли столицу Баварии Мюнхен и Нюрнберг.

А В. после отставки жил в своих дворцах в Гичине (в Фридландском герцогстве) и в Праге, придавая своим планам ореол таинственности. В конце XIX в. в Стокгольмском архиве были открыты документы, которые свидетельствуют о том, что уже сразу после отставки В. вел тайные переговоры с Густавом-Адольфом.

У р. Лех империя лишилась своего последнего защитника, талантливового и смелого полководца графа Тилли. Теперь шведский король Густав-Адольф мог действовать беспрепятственно. Его армия почти не получает должного отпора. С мечом в одной руке и с милостью в другой проносится Густав-Адольф из конца в конец по всей Германии — как покоритель, законодатель и судья. Проносится в такое короткое время, которое другой употребил бы на обозрение страны во время увеселительной поездки. Города и крепости подносят ему свои ключи. Нет для него неприступных замков, реки не останавливают его победоносного шествия. Часто он побеждает лишь одним своим именем. Вдоль всего Майна развеваются его знамена. Нижний Пфальц

очищен, испанцы и лотарингцы изгнаны за Рейн и Мозель. Бурным потоком хлынули шведы и гессенцы на майнцские, вюрцбургские и бамбергские владения. Три бежавших епископа искупают вдали от своих престолов злосчастную свою преданность императору. Наконец, и для предводителя лиги Максимилиана Баварского приходит очередь испытать в своих владениях те бедствия, которые ранее по его вине испытывали другие. Укрывшись в неприступных замках, разбитый курфюрст предоставил свои владения неприятелю. А Мюнхен, столица Баварии, сам открывает ворота непобедимому королю Швеции. И в то время, когда сам Густав-Адольф расширяет свои владения в южных землях Германии и с неодолимой силой сокрушает своих врагов, его союзники и полководцы одерживают такие же победы в остальных городах и областях Германии.

А на другом театре военных действий неменьшие плоды пожинал союзник Густава-Адольфа, курфюрст саксонский. После победы под Лейпцигом на совещании в Галле союзники приняли решение, что курфюрст Саксонский приступит к завоеванию Чехии, а король направит войска в земли лиги.

Саксонские войска уже подходили к Праге. Императорские гарнизоны бежали отовсюду, где бы ни появились саксонцы. Шлекенау, Тешен, Ауссиг, Лейтмериц — все эти города один за другим перешли в руки неприятеля. Всякое католическое селение становилось жертвой грабежа и насилия. Ужас обуял всех папистов королевства. Памятуя о своих злодеяниях против протестантов, они не стали дожидаться, пока над ними взметнется карающий меч. Всякий, кто был католикам и кому было что терять, спешил оставить родные места и укрыться в столице. Сама Прага совершенно не была подготов-

лена к появлению неприятеля. Ее гарнизон был слишком мал, чтобы выдержать долговременную осаду.

Слишком поздно решились при венском дворе послать на помощь Праге фельдмаршала Тифенбаха. В этом опаснейшем положении католические граждане уповали только на В., жившего в стенах Праги в качестве частного лица. Но В., совершенно не собиравшись воспользоваться собственным военным опытом и авторитетом для спасения города, он был рад долгожданному случаю удовлетворить свою месть. Если он и не привлек саксонцев в Прагу, то, несомненно, своим поведением облегчил им захват города. Правда, один из императорских полководцев, граф Марадас, предполагал взять оборону города на себя. Не имея на это полномочий, он решил приступить к делу на свой страх и риск. Он испросил совета у герцога Фридландского. Марадас считал, что мнение В. может служить ему заменой полномочий. Но В. коварно сослался на то, что он в отставке и не у дел. Его ответ поколебал решимость Марадаса. А когда В. вместе со всем своим двором покинул Прагу, общее смятение дошло в городе до крайних пределов. Прага была оставлена на произвол судьбы именно потому, что ее покинул В. Его примеру последовало все католическое духовенство и дворянство, все чиновники. Все дороги вплоть до Вены были покрыты беглецами.

Когда на следующее утро саксонцы появились у стен города, за его стенами царил гробовая тишина; не было видно никаких приготовлений к обороне. Граждане Праги, покинутые своими защитниками, впустили саксонцев. В своей капитуляции они старались лишь соблюсти малую выгоду-свободу и достояние жителей.

Взятие Праги, за которым последовала сдача большинства городов Чехии, вызвало во всем королевстве значительную и быструю перемену. Многие дворяне протестанты, нищенствовавшие по свету, снова стали возвращаться в свое отечество. И граф Турн, известный зачинщик чешского восстания, испытал великую радость вернуться победителем туда, где некогда совершил преступление и был сурово наказан.

Большая часть Чехии была теперь безвозвратно потеряна императором, и оттуда саксонцы двинулись на Австрию, в то время как король Швеции пролагал себе путь в наследственные земли императора через Франконию, Швабию и Баварию. Долгая война проглотила силы Австрийской монархии, истощила страну, уменьшила численность армии. Исчезли слава ее побед, дух непобедимости, повиновение и дисциплина войск. Одни союзники Фердинанда были разбиты, другие — под натиском грозной опасности поколебались в своей преданности. Сам Максимилиан Баварский, могущественнейшая опора Австрии, уже как будто склонен был соблюдать нейтралитет, которого от него добивался Густав-Адольф при посредничестве французской дипломатии и путем переписки.

Таким образом, Фердинанду II необходим был полководец, достаточно опытный, чтобы создать армию в кратчайшие сроки и повести ее в бой, но в то же время слепо преданный Австрийскому дому. Понесками такого полководца уже давно занимался императорский тайный совет. Это же было и предметом раздоров между его членами. В первом порыве Фердинанд вызвался самолично возглавить войска, однако не составило труда заставить его отказаться от решения, внушенного лишь отчаянием. Но то, что

было недопустимо для императора ввиду его сана и лежащей на нем ответственности, обстоятельства позволяли взять на себя его сыну. Это был одаренный и мужественный молодой человек — с ним австрийцы связывали свои надежды на лучший исход военных действий. Самим рождением предназначенный для защиты монархии, из корон которой две уже увенчали его голову, Фердинанд III (см.), король Чешский и Венгерский, соединял с высоким саном наследника уважение войск и любовь народа, помощь которых была ему так необходима для ведения войны.

Но как не вески были аргументы в пользу этой кандидатуры, предложенный министрами, недоверие, а быть может, даже зависть императора сильно затрудняли осуществление этого замысла. Как опасно было вручить судьбу Империи юноше, который сам еще нуждался в том, чтобы им руководили; как рискованно противопоставить величайшему полководцу своего времени новичка, чья пригодность для этой должности не доказана опытом; сколь огромны тяготы для поданного возникают из необходимости содержать дорогой штат свиты, соответствующей королевскому сану такого полководца и необходимой, в силу предрассудков того времени, от его пребывания среди войск. Как страшно, наконец, для самого принца начать свою политическую карьеру на посту, который делает его бичом своего народа и угнетателем стран, над которыми ему суждено впоследствии властвовать.

К тому же, мало было еще найти полководца для армии, нужно было найти и армию для этого полководца. После насильственного удаления В. император защищал свое дело преимущественно войсками лиги и Баварии. Но Максимилиан бездействовал,

Тилли пал. А зависимости от ненадежных друзей желали теперь избежать назначения собственного главнокомандующего. Но каким образом без всемогущей силы золота и без воодушевляющего имени полководца вызвать к жизни армию, причем такую, которая могла бы по дисциплине, по воинскому духу и по сноровке сравняться с многоопытными войсками Густава-Адольфа? Во всей Европе был только один человек, способный на это великое деяние. И этого единственного человека оттолкнули, смертельно оскорбили.

Настал, наконец, день, давший несказанное удовольствие оскорбленной гордости герцога Фридрихландского. Сама судьба взяла на себя роль мстителя. Удаленный из театра войны и осужденный на мучительное бездействие, тогда как его соперники пожинали лавры на полях славы, гордый герцог с притворным равнодушием взирал на перемену счастья. Пылая всепожирающей страстью, но неизменно выказывая притворное спокойствие и беспечность, В. втайне лелеял ужасные планы, порожденные местью и честолюбием, и медленно, но верно приближался к цели. Из памяти В. изгладилось все, что для него сделал император, но огненными чертами запечатлелось в ней все, что он сделал для императора. Его неутолимой жажде величия и могущества неблагодарность монарха прищлась как нельзя кстати; она давала ему возможность порвать свои обязательства и освобождать от всякого долга по отношению к тому, кто создал его счастье. Когда до В. дошел слух о победе Густава-Адольфа под Лейпцигом, он поспешил предложить свою дружбу королю, чтобы действовать заодно с удачливым врагом Австрии. Изгнанный граф Турн, уже давно служивший королю Швеции, взялся передать поздрав-

ления В. и предложение вступить с ним в более тесный союз. В. просил у короля всего лишь 15 000 человек и взамен на это брался покорить Чехию и Моравию, напасть на Вену и до самой Италии гнать императора. Густав-Адольф был слишком проницательным ценителем чужих выдающихся заслуг, чтобы в открытую отвергнуть столь важного сторонника. Но когда В. возобновил свое предложение после битвы при Брейтенфельде, требовал определенного ответа, осторожный король не решился связать свою славу с химерическими замыслами этой отчаянной головы и доверить столь значительные воинские силы честности человека, который являлся к нему в качестве изменника. Сославшись на незначительность своей армии, король из-за чрезмерной своей осторожности потерял, быть может, случай закончить войну одним ударом. Впоследствии он пытался возобновить прерванные переговоры, но уже было поздно — благоприятный момент миновал, и оскорбленная гордость В. никогда не могла простить ему этого пренебрежения.

Отказ короля лишь ускорил разрыв, неизбежный между этими двумя натурами. Оба рожденные повелевать, а не исполнять чужие решения, они вряд ли смогли бы действовать заодно. В. был ничем, если он переставал быть всем. Он должен был действовать самой неограниченной свободой или не действовать совсем.

А тем временем по всей Империи катился ропот возмущения: «Будь В. у дел, до этого никогда не дошло бы!» И вот настал день, когда к В. прибыли посланники Фердинанда Квестенберг и Верденберг. В. достаточно хорошо владел собой, чтобы скрывать внутреннее торжество и выказывать видимость равнодушия. Пробил час мести, и его гордое сердце ли-

ковало при мысли о том, что императору с лихвой будет уплачено за нанесенное оскорбление.

Однако посланники императора передавали В., что при нем будет находиться особый наблюдатель. Этой уловкой хотели успокоить курфюрста Баварского. Уполномоченным было поручено также упомянуть, что при В. будет находиться король Венгерский, сын императора, чтобы под руководством В. изучить военное дело, но при одном упоминании этого имени переговоры едва не были прерваны. Герцог заявил, что никогда и ни в каком случае он не потерпит в своем деле помощника, наблюдателя или кого бы там ни было, хотя бы сам Господь Бог решил разделить с ним его власть над армией. Но даже и тогда, когда отказались от этого предложения, любимец императора, министр князь фон Эггенберг, стойкий друг и защитник В. при дворе, лично присланный к нему, чтобы преодолеть притворное нежелание герцога, долго и напрасно истощал свое красноречие.

Наконец В. уступил и дал согласие. Якобы уступая лишь силе убеждения, он принимал начальствование всего на три месяца. В. согласился набрать армию, но отказался быть главнокомандующим. Созданием армии на пустом месте В. хотел лишний раз доказать свое умение и свою мощь. Он был убежден, что армия, вызванная к жизни одним его именем, без своего творца тотчас же возвратится в небытие. Он пользовался ею лишь как приманкой.

Итак, В. приступил к делу. Над химеричностью его обещания издевалась вся Германия, сам Густав-Адольф находил слова В. чрезмерными. Но почва для этого дела была подготовлена давно, и своим обещанием В. только привел в действие механизм, создаваемый до этого в течение многих лет.

Едва распространился слух о том, что В. набирает войска, как со всех концов Австрии толпами стали стекаться удалыцы, желавшие попытать счастья под знаменами прославленного полководца. Многие, раньше служившие у В. и испытывшие его великодушие, откликнулись на его зов из тьмы неизвестности, чтобы снова делить с ним славу и добычу. Размеры обещанного жалованья привлекали тысячи охотников, а обильное питание, которое армия должна была получать за счет крестьянина, была для последнего непреодолимым соблазном лучше самому вступить в ряды войска, чем страдать под его гнетом. К тому же все австрийские земли были обременены неимоверными налогами, а в те времена солдат брал в поход с собой все семейство. Таким образом, можно было гарантировать безбедное существование себе и своей семье.

Испанский двор и король Венгерский согласились дать значительные субсидии для войска Империи. Министры сделали крупные взносы, сам В. издержал 200 000 талеров из своих денег для ускорения вооружения. Неимущих офицеров он содержал на свои деньги, а более состоятельных В. заставил своим примером, повышениями по службе и соблазнительными посулами набирать войска на свой счет. Всякий, кто формировал отряд на свои деньги, становился его командиром. Религия не играла при назначении офицеров никакой роли. Богатство, храбрость и опытность были важнее веры.

Это беспристрастие по отношению к различным вероисповеданиям, а еще более заявления, что предстоящий поход не связан с религией, успокоили протестантских подданных и побудили их также принять участие в расходах на общее дело.

В то же время В. вел переговоры от своего име-

ни с иностранными государствами насчет войск и денег. Он вторично соблазнил герцога Лотарингского выступить за императора. Польша должна была доставить В. казаков, Италия—военные припасы. Не прошло и трех месяцев, как армия выросла до 40 000 человек.

В самое короткое время В. на глазах изумленной Европы совершил то, что всем казалось невыполнимым. Волшебная сила его имени, его богатства, его военного гения собрала под его знаменами тысячи солдат там, где, по общему мнению, другие не собрали бы и нескольких сотен. С избытком снабженная всем необходимым, возглавленная опытными военачальниками, одушевленная энтузиазмом, эта вновь созданная армия ждала лишь мановения руки своего вождя, чтобы доказать смелыми подвигами, что она достойна его.

Герцог Фридландский исполнил свое обещание — армия стояла, готовая к бою. Теперь он отступил на второй план, представляя императору назначить ей начальника. Но дать ей кого-либо в предводители, кроме В., означало то же самое, что на пустом месте создать точно такую же вторую. Это многообещающее войско, последняя надежда императора, тут же обратилась бы в призрак. В. был причиной его бытия, и без него оно, словно порождение магической силы, возвратилось бы в прежнее небытие. Офицеры были либо его должниками, либо в качестве его кредиторов теснейшим образом связаны с его интересами, с устойчивостью его власти. Полками командовали его родственники, его креатуры и его любимцы. Лишь один В. мог сдерживать перед войсками те чрезмерные обещания, которые привлекли всех на его службу. Его слово было единственной порукой в исполнении смелых ожи-

даний каждого, слепая вера в его могущество была единственной связью, сливавшей различнейшие побуждения отдельных лиц в живое единство общего дела.

В. отказывался от командования только для виду. Он хотел припугнуть императора и вытянуть из него согласие на свои непомерные требования. А между тем из-за успехов неприятеля положение для Империи с каждым днем ухудшалось. От одного человека зависело быстро положить конец всеобщему бедствию.

В очередной и последний раз князь фон Эггенберг был послан к своему другу, чтобы любой ценой выбить у него согласие принять власть над войсками. Он нашел В. в Цнайме, в Моравии, где тот дерзко выставил напоказ окружавшие его войска — те самые, которые так хотел получить император.

Гордый подданный принял посла своего властелина, словно какого-то ничтожного просителя. Эггенберг сразу приступил к уговорам. «Никоим образом, — был непреклонен В. — я не могу верить своему восстановлению на посту главнокомандующего. Этим я обязан лишь критическому положению, а не справедливости императора. Теперь, правда, когда бедствия его достигли предела, и он надеется на спасение только от меня, он проявил благосклонность. Но после того, как помощь будет оказана, меня снова предадут забвению; когда будет восстановлена безопасность, дело опять кончится неблагодарностью. А если я обману надежды, возлагаемые на меня, то рискну всей своей славой, своим благополучием и покоем. Вновь оживет старая зависть, и государь, зависимый от других, не задумываясь, снова принесет в жертву разным особым соображениям слугу, в котором более не нуждается. Лучше

уж я безотлагательно, по своей воле покину пост, с которого меня неминуемо рано или поздно свергнут козни моих врагов. Лишь в тиши частной жизни обрету я покой и безопасность, и лишь ради императора покинул я на некоторое время против своей воли этот блаженный покой...»

Утомленный этой затянувшейся комедией, министр заговорил теперь более внушительным тоном. Ему было приказано любым путем добиться согласия В. Поэтому он начал грозить упрямцу иступленным гневом монарха, если тот будет и дальше настаивать на своем отказе. «Величие монарха достаточно унижено, — заявил он, — но вместо того, чтобы пробудить великодушие подданного, это унижение лишь раздражило его гордыню и усугубило его упрямство. Если и эта великая жертва окажется напрасной, то я боюсь, как бы проситель не превратился в повелителя и как бы монарх не отомстил подданному за свое оскорбление». Эггенберг все более распалялся в гневе, никак не ожидавший такого холодного приема. Он справедливо полагал, что, сколь бы ни провинился Фердинанд, как император он имеет право требовать повинования. Человек может заблуждаться, но властелин не должен сознаваться в своей ошибке. И если герцог Фридландский пострадал от незаслуженного приговора, то всякая потеря может быть возмещена, и его величество в силах исцелить все раны, им самим нанесенные. А если герцог требует обеспечения неприкосновенности его особы и его сана, то император не откажет ни в каком разумном требовании. Но никакое раскаяние не может искупить непочтение к монарху, и неповиновение его приказам уничтожает самые блестящие заслуги. «Какую бы цену не назначил бы герцог, — сказал он, — повелитель согласен

на все заранее. Но он требует повиновения. В противном случае его негодование сокрушит непокорного слугу».

В., обширные владения которого были рассеяны по Австрии и могли в любую минуту очутиться во власти императора, сразу же почувствовал, что это не простая угроза. Но он не из страха перестал сопротивляться. Именно этот повелительный тон, каким говорил Эгенберг, дал понять ему, сколь велико отчаяние самого Фердинанда. Он осознал, что император слаб, уязвим, что он готов согласиться на любые условия, чтобы добиться его согласия. В. ясно представил себе, что он уже у цели своих желаний. Он согласился, делая вид, что убежден красноречием посланника. Оставив министра одного, он отправился письменно изложить свои требования к просителю.

Не без трепета ожидал Эгенберг послания, в котором надменнойший из подданных решался ставить требования надменнейшему из государей. Но, не сомневаясь в том, что требования эти будут завышены, на самом деле он был шокирован чрезмерностью условий, изложенных в письме. Главным условием В. была беспредельная высшая власть над всеми немецкими войсками Австрийского и Испанского домов. Он желал безграничных полномочий, по которым мог карать или награждать кого-либо по своему усмотрению. Причем не только король Венгерский, но и сам император должны были отказаться от права являться в армию, а тем более отдавать какие бы то ни было распоряжения.

«Монарх не может производить назначения в армии, — категорично заявил герцог Фриндландский. — Его жалованные грамоты недействительны без моего утверждения. Всяким достоинием, конфи-

скованным или завоеванным в империи, буду распоряжаться лишь я единолично, без вмешательства императорских или имперских судов. В качестве вознаграждения я требую передачи одной из наследственных земель императора, а в виде чрезвычайного подарка — одну из земель, завоеванных в Германии. Любая австрийская область обязана в случае необходимости предоставить мне убежище. Кроме этого, я требую, чтобы мне при заключении и будущем мирного обеспечили герцогство Мекленбургское и формально известили меня заблаговременно об отставке, если сочтут нужным вторично лишить меня звания главнокомандующего».

Князь фон Эггенберг тщетно пытался умерить пыл гордеца, требования которого лишали императора всех его верховных прав над армией и отдавали его в полное подчинение своему полководцу. Князь не знал, какая реакция последует, когда он представит монарху эти грабительские условия, и опасался, что тот обрушит на него весь свой гнев.

Валленштейн не собирался уступать даже в мелочи. Ему слишком ясно показали всю его незаменимость, чтобы торговаться из-за цены. Эти требования поставил герцог не только под влиянием метительности или надменности. В его голове уже созрел план будущего мятежа, для осуществления которого ему необходимы были все эти преимущества, выговоренные для себя взамен на соглашение с двором. По этому плану император должен был лишиться всякого авторитета в Германии, и власть его переходила в руки полководца. Он становился единственным вершителем судеб для войск. Чтобы незаметно занять место своего повелителя и перенести на себя все его верховные права, лишь на время уступленные ему высшей властью, он дол-

жен был старательно отдалять эту власть от взоров армии. Вот истинная причина, по которой В. так упорно не хотел позволить какому-нибудь принцу Австрийского дома находиться при армии. Свобода распоряжаться по своему усмотрению всем конфискованным и завоеванным в Германии имуществом давала ему могучее средство приобретать приверженцев и покорные орудия своих замыслов, давала возможность играть в Германии главенствующую роль — роль диктатора.

Право пользоваться в случае необходимости убежищем в австрийских землях давало ему полную возможность держать императора чуть ли не в плену в его собственном государстве и через его собственную армию высасывать все соки из этих земель, подрывая тем самым в корне основы австрийского могущества.

Этот достойный казни преступник, осмелившийся ставить такие дерзкие условия монарху, был теперь самым необходимым человеком в империи. Фердинанд, искушенный в притворстве, согласился на все, что требовал от него В.

Итак, наконец, во главе императорской армии стал полководец, заслуживающий этого имени. Всякая другая власть в войсках, не исключая власти самого императора, теряла значение в тот момент, как В. был вручен жезл главнокомандующего. Все, что не исходило от его особы, было недействительно. От берегов Дуная до Везера и Одера все почувствовали животворное появление нового светила. Новый дух вселился в солдат, началась новая эпоха войны, новые надежды придали папистам бодрости, и протестантский мир с тревогой начал взирать на перемену ситуации.

Возвращение В. состоялось (23.03.1632). Облечен-

ный неограниченными полномочиями до конца войны, он первым делом изгнал из Чехии саксонцев, которыми командовал его бывший генерал Арнхайм, и устремился к Нюрнбергу, где окопался сам Густав-Адольф.

Невдалеке устроил свой укрепленный лагерь и В. После безуспешного штурма его позиций король бросился к Вене. Страшная весть обгоняет его армию. В столице и окрестностях начинается паника, вся надежда на войско В. Но полководец с хладнокровием игнорирует весь этот маневр противника и нападает на его союзников (стратегия Второй пунической войны). Он опустошает Саксонию, курфюрст которой взывает к шведскому королю о помощи.

Форсированными маршами король возвращается и, соединившись с Бернгардом Веймарским, бросается на В. Король знал, что полководец ослабил свои силы и отправил корпус Паппенгейма на помощь Кельну, подвергнувшись нападению голландцев.

16 ноября 1632 г. две армии под предводительством великих полководцев сходятся для битвы под Лютценом при заметном численном перевесе шведов. В. отправляет гонцов к Паппенгейму, и тем удастся известить генерала, но тот не может собрать всех солдат, так как пехота рассыпалась по г. Галле, занятая обычным своим делом — грабежами.

Во главе кавалерии Паппенгейм возвращался к полю битвы, когда уже было сломлено левое крыло войск В.

Битва под Лютценом была проиграна В., но в ней от шальной картечи пал шведский король Густав II Адольф. Политическое руководство протестантской армии принял на себя шведский канцлер Оксеншерна, а военное — Бернгард Веймарский и швед-

ские генералы Банер и Горн. Правление в Швеции перешло в руки регентского совета на время малолетства Христины, единственной дочери короля, которой к моменту гибели отца было всего шесть лет.

После битвы под Лютценом В. отступил на зимние квартиры в Чехию, а весной 1633 г. он одержал победу над незначительным корпусом шведов под Штайнау, которым командовал тот самый граф Турн, возглавлявший чешское восстание в 1618 г. и дважды появлявшийся тогда с чешскими инсургентами под стенами Вены.

Граф Турн сдался, но к большому неудовольствию двора В. отпустил бывшего подчиненного. Затем вытеснил шведов из Силезии, а потом вторгся в Саксофонию и Бранденбург, чтобы побудить их к союзу ради изгнания из Германии всех чужеземцев и их вооруженных сил — шведов, испанцев, французов, голландцев — и чтобы немцы сами могли заниматься своими внутренними делами и добивались мира в своей стране. В. отклонил чешскую корону, которая должна была стать ценой за измену.

В то же время В. по большей части бездействовал, чем проводил активные военные маневры. Почти целый год он пребывал в этом бездействии, ограничиваясь лишь второстепенными рейдами и операциями. Снова против В. стало расти недовольство со стороны владетельных князей и при дворе императора. Осенью 1633 г. В. получает приказ императора двинуться в Верхний Пфальц на помощь курфюрсту Баварскому, тому самому, который больше остальных был против полководца. Но вместо того, чтобы выполнить приказ, В. направляется в Богемию и в Пильзе 16 декабря на военном совете признает, что зимний поход невозможен.

При дворе это было принято как окончательная

измена. В. тут же выразил готовность устраниваться от дел и подать в отставку. Но офицеры, считавшие себя больше на службе у В., чем у императора, заставили его отказаться от подобного намерения.

А тем временем под В. стали подкапываться. И снова особую активность проявил Максимилиан Баварский. При поддержке придворного патера Ламормена и испанского посла в Вене он стал вербовать себе сторонников. Вопреки настояниям Фердинанда II, он не получал никакой военной помощи от императорского полководца. Особенно Максимилиан негодовал после того, как пала баварская твердыня на Дунае, стратегически важный Регенсбург, и это сильно ухудшило положение В. Император стал игнорировать свой договор с ним, отдавать приказания, имевшие целью ослабить В. В ответ полководец заручился письменным обязательством высших офицеров оставаться верным ему, даже если император уволит его с поста полководца. Версия о подлоге обязательства, совершенного доверенными лицами В., неисторична. Это произошло 12.01.1634 г., а затем 19 февраля они вторично подписали в Пильзене реверс, в котором повторили свое обязательство не оставлять В., однако с оговоркой: «поскольку это совместимо с присягой на верность императору». В свою очередь, В. тоже подписал реверс о том, что он и в мыслях не имеет предпринимать что-либо против императора или католической церкви.

Однако еще 24.01.1634 г. император издал тайный приказ о смещении В. Это был приказ для ознакомления только немногих, безусловно, верных двору генералов. В их числе были Пикколомини, Галлас, Коллоредо. А за два дня перед вторичным подписанием реверса в штабе В. император подписал другую грамоту, в которой объявлялось, что состоящий

в заговоре генералиссимус смещается со своего поста и что войска освобождаются от повиновения ему.

Первым отказался повиноваться Пражский гарнизон. Опальный полководец отправился в Эгер, поближе к шведам, к которым теперь он волей-неволей должен был примкнуть. По дороге к нему примкнул Бутлер во главе своего полка драгун. В. остановился в Эгере и отсюда вел переговоры с неприятелем, советовался с астрологом и предавался новым надеждам. А в то же время, где-то совсем рядом, оттачивался кинжал, который должен был положить конец его дням.

Когда-то В. выделил из своих офицеров ирландца по имени Лесли, облагодетельствовал его. Теперь майор Лесли счел себя обязанным привести в исполнение приговор над герцогом и заслужить кровавую награду. Как только Лесли появился в свите В. в Эгере, он поспешил раскрыть коменданту крепости, полковнику Бутлеру, а также подполковнику Гордону — шотландцам и протестантам — все коварные замыслы В., необдуманно доверившего ему их в пути. В лице Гордона и Бутлера Лесли нашел людей, способных на решительный шаг. Им предстоял выбор между долгом и изменой, между законным властителем и беглым, всеми покинутым мятежником. И то обстоятельство, что этот мятежник был их благодетелем, не могло внушить им хотя бы минутное колебание в выборе. Все трое клянутся друг другу хранить верность императору. Остается лишь выбрать подходящий момент.

А ни о чем не подозревающий В. льстит себе уверенностью, это в эгерском гарнизоне найдет вернейших и храбрейших своих сторонников и защитников. Ему вручают императорские указы, содер-

жащие приговор и обнародованные во всех лагерях. В. уясняет себе подлинные размеры угрожающей ему опасности, всю невозможность отступления, всю безвыходность своего одиночества, всю необходимость сдаться на милость врагу. В откровенном разговоре с майором Лесли В. сообщает о том, что задумал сдать Эгер пфальцграфу Биркенфельдскому. И Лесли прекрасно понимает, что Эгер и Эльбоген — это ключи от королевства.

Узнав эту тайну от самого В., Лесли немедленно посвящает в нее остальных участников заговора, и они вносят изменения в свои первоначальные планы. Нависшая опасность уже не позволяет думать о пощаде. И чтобы избежать большой беды, они принимают решение убить в следующую ночь В. и ближайших его сторонников.

Чтобы все обошлось как можно более тихо, решено было привести приговор в исполнение во время банкета, который устраивал полковник Бутлер в Эгерском замке. На банкет собрались все те, кто был нужен, кроме В. Снова пришлось корректировать план. Заговорщики решают убить приверженцев В., а затем и его самого.

Банкет был в полном разгаре. Когда принесли десерт, майор Лесли подал условный знак занять подъемный мост и забирает ключи от всех ворот замка. Столовая вдруг наполняется вооруженными людьми. Они становятся за креслами тех гостей, которые им были заранее указаны. «Да здравствует Фердинанд!» — провозглашают они клич.

Ошеломленные, предчувствуя неминуемую гибель, вскакивают четверо со своих мест. Кински и Терцки, графы, заколоты прежде, чем успевают обнажить шпаги. Ротмистру Нойману, адъютанту графа Терцки, во время суматохи удается бежать, но

во дворе часовые узнают его и тоже убивают. Только фельдмаршал барон Иллов сумел сохранить достаточное присутствие духа, чтобы обороняться. Прислонившись к окну, он осыпал Гордона горькими упреками в предательстве и вызывал его на честный рыцарский поединок. Пораженный десятью ударами и подавленный численным превосходством, он пал, успев заколоть двоих врагов.

Лесли поспешил в город, чтобы предупредить возможные волнения. Туда же были отправлены сто драгун Бутлера. Они должны были объезжать город и держать в страхе приверженцев В., чтобы предотвратить всякую смуту. Одновременно все ворота города были заняты солдатами, а доступ к замку бургомистра, где почивал полководец, преграждал многочисленный надежный отряд, так что В. не мог ни ускользнуть, ни получить помощь извне. Ему могло помочь только чудо.

Но прежде чем решиться на убийство самого В., заговорщики долго совещались в замке. Их жестокие сердца содрогнулись перед столь чудовищным злодеянием — насильственно прервать славную жизнь великого полководца. Они ведь видели его вождем в сражениях, в дни его счастья, окруженного победоносной армией, в полном блеске его властного величия — и снова их обуял страх. Но мысль о неминуемой опасности подавляет минутную слабость. И заговорщики оставляют в силе первоначальное решение. Намеченный убийца, ирландец, капитан Деверу, получает кровавый приказ.

А в то же самое время ничего не подозревавший В. вел обычную беседу со своим личным астрологом Сени. «Опасность не миновала», — пророчески изрек астролог. «Опасности нет, — ответил В., словно желая подчинить небо своей воле, — но что ты в

ближайшем будущем очутишься в темнице, это, друг мой Сени, начертано на звездах», — закончил он пророчески. Затем В. расстался с астрологом и уже лежал в постели, когда перед дворцом появился капитан Деверу с шестью алебардщиками. Часовые, не раз видевшие его здесь в неурочное время, беспрепятственно пропустили всех.

На лестнице им встречается паж. Он хотел поднять тревогу — и его закололи на месте. В комнате перед спальней убийцы натываются на камердинера, только что ушедшего от своего господина и заперевшего дверь на ключ. Приложив палец к губам, он подает знак не шуметь. «Теперь, любезный, как раз пора шуметь!» — отвечает ему на это Деверу. С этими словами он бросается к дверям, выбивает их ногой.

Пробужденный от сна ружейными выстрелами, В. бросается к окну, чтобы позвать стражу. Но в ответ слышит лишь рыдания и вопли графинь Терцки и Кински в смежном флигеле, которые только что узнали о смерти своих мужей.

В одной рубашке В. стоял у окна, прислонившись к столу. «Так это ты, негодяй, задумал предать врагу войско императора и сорвать корону с главы его величества? Умри же!» — кричит Деверу. Минуту-другую он медлил, словно дожидаясь ответа. Но изумление и надменность замыкают уста полководца...

Широко раскинув руки, принимает он смертельный удар алебардой в грудь, безмолвно падает, обливаясь кровью.

Так в ночь на 25 февраля 1634 г., пятидесяти лет отроду окончил свою полную славы, необыкновенную жизнь один из величайших и талантливейших полководцев истории. Его личность и сразу, и по-

том, через столетия после убийства, вызывала и вызывает неоднозначную оценку. Одни историки оправдывают В. тем, что полководец преследовал широкие и глубокие политические планы, будучи сторонником терпимости (толерантности), противником религиозного фанатизма; другие напротив, изображают его как кондотьера, не имевшего никаких ни политических, ни религиозных убеждений, смотревшего на церковь, на императора и на все остальное исключительно как на орудия для достижения честолюбивых целей. В отношениях со шведами его противники видят несомненное доказательство ничем неоправданной изменой. Даже о значении В., как полководца, мнение не вполне установилось. Одни признают его военным гением, другие доказывают, что только богатство сделало его военачальником, а в битвах он одерживал победы только при численном превосходстве и других благоприятных условиях. Но как бы кто ни относился к образу В., одно, безусловно, справедливо: это была незаурядная личность.

Обширнейшие и многочисленные владения В. были конфискованы и розданы приверженцам императора, наиболее «потрудившимся» в заговоре против полководца. После Эгерского убийства война продолжалась еще долгих 14 лет и закончилась там, где и началась — в Чехии. Эта цветущая страна была опустошена. Ее население уменьшилось за время войны с 3 млн. человек до 800 000. Вестфальский мир 24.10.1648 г. положил конец Тридцатилетней войне и дикому разгулу Контрреформации. Результатом войны стало то, что владения в Европе перераспределились в пользу Франции и Швеции, которая прочно и надолго утвердилась в Германии, на ее балтийском побережье, и которой досталось 5 млн. тале-

ров для возмещения военных расходов. Соединенные Нидерланды и Швейцария были окончательно признаны независимыми государствами.

Германия стала конгломератом государств, за которыми, как бы они ни были малы, признавались суверенные права, в т. ч. и право заключать союзы между собой и с иностранными государствами (но не против императора). Подтверждались основы Аугсбургского религиозного мира (1555), который отныне распространялся и на кальвинистов. Швеция и Франция были признаны гарантами Вестфальского мира (а также и в том, что касалось его внутригерманских определений).

Вестфальский мир и т. наз. Пиренейский мир (1659) — итог 25-летней франко-испанской войны, означавшей конец великодержавной Испании, — навсегда устранили угрозу создания объединенной реакционно-католической мировой империи Габсбургов, наделенной подавляющим могуществом.

Германия была опустошена Тридцатилетней войной, значительная часть ее населения была перебита или вымерла во время эпидемии и голода. Страна обнищала материально и оскудела духовно, стремление к имперской цивилизации были парализованы, победил княжеский абсолютизм, увековечивший раздробленность германских земель, их национальную политическую и экономическую отсталость.

ВЕЛЛИНГТОН, СЭР АРТУР ВЕЛЛЕСЛЕЙ (УЭЛЛСЛИ) (1769—1852), герцог Веллингтон, князь Ватерлооский — великобританский фельдмаршал и политический деятель.

Родился 29 апреля 1769 г. В. принадлежал к английской дворянской семье Веллеслей (Уэллсли), затем Уэсли (Wesley), и только с к. XVIII в. они стали Веллеслеями (Wellesley). Предки В., носившие фамилию Colley of Rutland, при Генрихе VIII переселились из Англии в Ирландию. В 1728 г. Ричарда Коллей признал своим наследником его бездетный кузен Гаррет. В 1746 г. Ричард Веслей получил звание ирландского пэра с титулом барона Морнингтона. Сын его Гаррет в 1760 г. получил графский титул. Третий сын графа Гаррета и был знаменитый герцог В. Старший брат герцога В., Ричард (1760—1842), учился в Итоне и Оксфорде, состоял членом английской палаты общин, являлся сторонником Питта. В 1797 г. старший брат герцога В. был назначен генерал-губернатором Индии. При его управлении английские владения колонии были значительно расширены как за счет местных, до тех пор не захваченных территорий, так и за счет территорий, находившихся под протекторатом Франции. Именно

* Майсор, совр. Майсур, историческая обл. В Юж. Индии. До XVII в. тер. Майсура входила в крупные южноиндийские гос-ва. В XIV в. основано вассальное Виджаянагару кн-во Майсур. В XVIII в. при султанах Хайдар Али и его сыне Типпа-Саибе — сильнейшее в Ю. Индии кн-во. В рез. 4 англо-майсурских войн тер. была сильно урезана, и оно стало англ. вассалом. После достиж. Индией независимости (1947) — инд. штат. С 1973 г. — штат Карнатака.

Ричарду Веллеслею принадлежит заслуга расширения незначительного владения до размеров значительной империи. В 1798—99 гг. Он начал войну с Типпу-Саибом, султаном Майсора*. После полной победы царство султана было присоединено к английским владениям. В 1803 г. он покорил народность махратта и завоевал Дели. В 1799 г. Ричард был возведен в звание маркиза Веллеслей. В 1805 г. он оставил Индию, в 1809—12 гг. был посланником в Испании. В 1812 г. Ричард поддержал в палате лордов эмансипацию католиков, хотя сам и принадлежал к тори. В 1821—28 и 1833—34 гг. был лордом-лейтенантом Ирландии.

Младший брат Ричарда, Артур, родился в Дублине (третий сын 1-го графа Морнингтона). Образование получил в Итоне, затем учился во французской военной школе в Анжере. После окончания учебы (в 1787) поступил на службу в английскую армию, и тут же в 1793 г. купил себе патент на чин подполковника. В следующем году В. участвовал в походе в Нидерланды. В 1790—96 гг. он являлся членом Ирландского парламента. В 1796 г. В. в чине полковника отправлен со своим полком в Индию. Там, нередко живя одной жизнью со своими солдатами, он на практике узнал, какую тяжесть может выносить солдат без ущерба своей боевой способности, как он должен питаться, отдыхать, одеваться и прочие тонкости нелегкой походной жизни. Эти знания, по позднейшим собственным признаниям самого В., впоследствии оказались для него неоценимо важными. Свои досуги он посвящал изучению военной истории и политического положения Индии. Когда его старший брат в 1797 г. был назначен генерал-губернатором Ост-Индии, В. стал его неофициальным советником. В 1799 г. именно под командованием В. вой-

ска Англии участвовали в войне с Типпу-Саибом. Когда Типпу-Саиб погиб и армия В. заняла г. Серингапатама, он был назначен военным и гражданским губернатором завоеванного англичанами государства Майсор. На этом посту В. оставался до 1803 г., когда снова возгласил армию, теперь уже против народностей махратта. В этой войне В. впервые проявил свои полководческие способности.

В 1805 г. он вернулся в Англию вместе со своим старшим братом и спустя год (1806) был избран в палату общин, на заседаниях которой появлялся весьма редко.

В 1807 г. В. был принят в министерство Портланда статс-секретарем по делам Ирландии, но через несколько месяцев оставил его, чтобы присоединиться к экспедиции против Дании.

В 1808 г. В. отправлен в Португалию во главе отряда численностью в 10 000 человек. Именно в Португалии начинается его слава как полководца.

21 августа 1808 г. В. разбил маршала наполеоновской армии Жюно при Вимейро. В это время прибыл в Португалию генерал Беррард. В. должен был передать командование ему, а сам вернуться в Англию. Но в апреле 1809 г. он снова возвращается. Он назначен главнокомандующим соединенными англо-португальскими войсками. 16 мая В. разбил при Оporto маршала Сульта, вторгся в Испанию и соединил свои силы с испанскими; 27 и 28 июля 1809 г. при Талавере В. разбил французов под командованием короля Иосифа Бонапарта. Перемирие, заключенное в Цнайме Наполеоном с Австрией (12 июля 1809 г.), дало Наполеону возможность отправить в Испанию маршала Массену с 70-тысячной армией. Предвидя это, В. начал отступление в Португалию, опустошая по пути страну. 27 и 28 сентября 1810 г.

он дал Массену сражение при Бузако. Позиция В. с фронта была весьма сильной, французы не могли ее преодолеть. Все их атаки были отбиты. Но В. все равно вынужден был отступить. Не имея возможности атаковать противника с фронта, Массена решил обойти его с флангов. В. отдал приказ поспешно отступить в направлении Лиссабона и укрылся за предусмотрительно укрепленную им известную Торрес-Ведрасскую позицию (линию), находившуюся перед Лиссабоном.

Укрепления оказались непреодолимыми для Массена, и он был отбит, преследуемый британским полководцем. Но вскоре Массена получил подкрепление, и теперь В. должен был отступить. Только в сентябре 1811 г., когда лучшие из французских войск были отозваны из Испании для участия в русском походе, В. вновь перешел в решительное наступление.

22 июля 1812 г. он разбил при Саламанке маршала Мармона и 12 августа вступил в Мадрид. В сентябре В. двинулся к Бургосу, но встретил здесь столь отчаянное сопротивление, что вынужден был снять осаду и отступить к португальской границе.

За поход 1812 г. В. получил сначала титул графа, а затем — маркиза. Парламент дважды назначал ему в награду по 100 000 фунтов стерлингов, а испанские кортесы поднесли ему звание гранда, маркиза Торрес-Ведрасского и герцога Циудад-Родригского.

Поражение французов в России и отзыв Наполеоном с Пиренейского полуострова еще значительной части своих войск возвратило В. свободу действий и привело, в конце концов, к окончательному изгнанию французов из Испании. В начале 1813 г. он получил верховное командование также и над испанскими войсками, был облечен званием верховного

главнокомандующего. 21 июня 1813 г. В. одержал блестящую победу под Витторией, где наголову разбил короля Иосифа Бонапарта и получил в награду фельдмаршальский жезл британской армии. От испанских кортесов ему было даровано поместье, а от принца-регента Португалии — титул герцога Витториа.

После битвы под Витторией В. взял Сан-Себастьян и принудил Сульта к отступлению во Францию, преследуя его по пятам. В феврале 1814 г. В. переправился через р. Адур, занял Бордо, вытеснил маршала Сульта с Тарбской позиции и 10—12 апреля, после упорного боя, занял Тулузу.

Отречение Наполеона положило конец военным действиям. Английский принц-регент пожаловал В. орден Подвязки и титул герцога, а парламент поднес ему 400 000 фунтов стерлингов для покупки поместья. Вслед за этим его отозвали в Англию, а затем (1814) отправили в качестве чрезвычайного посла во Францию. В феврале 1815 г. В. выступал великобританским уполномоченным на Венском конгрессе.

При известии о бегстве Наполеона с острова Эльба и высадке его в Гренобле В. не проявил политической проницательности. Он пророчил легкую победу Людовику XVIII над Наполеоном. Но дело приняло более серьезный оборот: Людовик XVIII бежал. В. срочно отправился в Брюссель и принял здесь главное командование над соединенными англо-голландско-брауншвейгскими войсками, находившимися в Нидерландах. 18 июня 1815 г. В. благодаря энергии и полному самообладанию, которое никогда не покидало «железного герцога», совместно с прусским полководцем Блюхером ценой невероятных усилий отразил атаку французов. Только благодаря

своевременно прибывшему на помощь Блюхеру В. удалось все-таки опрокинуть французскую армию под Ватерлоо, а затем двинуться на Париж.

5 июля объединенные войска вступили в столицу Франции. За Ватерлоо В. был осыпан щедрыми наградами, званиями и почестями. Он был произведен в фельдмаршалы русской, прусской, австрийской, нидерландской, испанской и португальской армий. Император Александр I пожаловал ему орден св. Георгия 1-й степени, нидерландский король — титул князя Ватерлооского; монархи других европейских государств прислали В. драгоценные подарки, выражая признательность и свое уважение.

По союзному договору от 20 ноября 1815 г. В. было вверено главное командование всеми союзными войсками, назначенными для оккупации Франции. На этом посту В. сохранил присущий ему бесстрастный образ действий и вообще воздерживался от вмешательства в политику. Когда Блюхер предложил ему расстрелять Наполеона, В. категорически воспротивился подобному, и в согласии с императором Александром I предотвратил расчленение Франции и продолжительную оккупацию ее территории, чего весьма настойчиво домогалась Пруссия. Несмотря на то, что он старался сделать для Франции, в ответ на его предложение о возврате на свои места захваченных французами во время войн Наполеона произведений искусств вызвало против В. в Париже такое бурное недовольство, что на его несколько раз было совершено покушение.

На Аахенском конгрессе в 1818 г. В. поднял вопрос об отозвании оккупационных войск из Франции и содействовал разрешению проблемы контрибуции в пользу последней. В том же году В. был назначен генерал-фельцейхмейстером великобри-

танской армии с местом в кабинете лорда Ливерпуля. В палате пэров и в кабинете В. проявил себя как самый крайний тори. Он поддерживал любые репрессивные меры лорда Ливерпуля против недовольства рабочих.

В 1822 г. В. был представителем Великобритании на Веронском конгрессе, а в 1826 г. представлял свою страну в России, где во главе чрезвычайного посольства принес поздравления императору Николаю I по случаю коронации и восшествия на российский престол. Тогда же В. был назначен почетным шефом пехотного Смоленского полка, который в период 1826—1852 гг. назывался «пехотный герцога В. полк».

В декабре того же 1826 г. В. был назначен главнокомандующим всеми британскими сухопутными силами. Смерть лорда Ливерпуля и образование кабинета Каннинга побудили В. отказаться от своих должностей. Но после смерти Каннинга В. согласился снова занять их. В январе 1828 г., после падения кабинета Годерича, В. предложили сформировать кабинет. В него вошли как крайние тори, так и сторонники Каннинга (Палмерстон, Гескиссон). Сам же В. по своим политическим убеждениям всегда принадлежал к крайним тори. Его столкновения с Гескиссоном вскоре привели к отставке сторонников Каннинга, после чего кабинет В. принял более однородный торийский характер.

На очереди стоял вопрос об эмансипации католиков, возбужденный агитацией О'Коннеля в Ирландии. Так называемая протестантская партия, т. е. сторонники английской церкви, рассчитывали, что В., всегда бывший решительным противником эмансипации, останется им и на этот раз. Но их ожидания не оправдались. В. поступил так, как его стар-

ший брат Ричард в 1812 г. Кабинет В. внес проект об эмансипации католиков и сам В. поддержал его в палате лордов, оправдывая перемену своих взглядов требованием времени. И авторитет В. помог провести реформу через верхнюю палату (1829). Эмансипация католиков была самым крупным делом кабинета В. Его же иностранная политика отличалась большой близорукостью. Он был недоволен поддержкой, которую Каннинг оказал греческому восстанию, и был недоволен результатом сражения при Наварине. Он предоставил одной России вести войну с Турцией и, таким образом, как бы побуждал Грецию подчиниться России. Парламентской реформе В. решительно противился. Под влиянием июльской революции 1830 г. в Англии возникли стремления к реформе избирательного права, но В. не хотел уступить власть вигам. Общественное мнение было сильно возбуждено против него: лондонская чернь перебила стекла в его дворце. В. вынужден был выйти в отставку, потерпев сокрушительное поражение в палате общин. Когда билль о реформе, отвергнутый палатой лордов, вторично прошел в палате общин, В. убедил значительную часть пэров отказаться от оппозиции этому биллю и воздержаться от подачи голоса, опасаясь назначения новых лордов. И таким образом он сам же способствовал проведению этого билля о реформе (1832).

Когда в 1834 г. король предложил В. снова сформировать кабинет, он отказался.

В кабинете Пиля (1834—35, а потом еще раз в 1841—46 гг.) В. был сперва министром иностранных дел, а затем министром без портфеля. В 1846 г. он поддерживал политику Пиля по отношению к хлебным законам. Это было последнее, что В. сделал в политике.

С 1846 г. и до самой смерти В. занимался только армией и довольствовался своей военной славой, которая и поныне еще составляет национальную гордость англичан. В качестве полководца В. всегда обнаруживал широкое военное образование, превосходное знакомство с местностью, на которой развертывались боевые действия, проницательный взгляд, редкое самообладание, терпение и находчивость. Военного гения у него не было, но со времени наполеоновских войн он считался славою Англии и пользовался громадной популярностью. И хотя В не обнаружил в себе гениальных порывов, но, обладая острым и здравым умом, железной волей, непоколебимым чувством долга, он в самых тяжелых положениях не пренебрегал малейшими благоприятными данными обстановки для благополучного выхода из сложившейся ситуации. Все эти перечисленные выше качества и стали основой полководческой деятельности В. Переплетаясь в его характере, они породили ту военную стратегию, которой пользовался полководец: это была, по большей части, медлительная, осторожная, до некоторой степени даже пассивная стратегия — точный расчет, тщательная подготовка задуманной военной операции и приведение в исполнение раз принятого решения без малейших колебаний. Излюбленный им способ действия в бою заключался в занятии сильной оборонительной позиции (Вимейра, Талавера, Ватерлоо), о которую противник либо разбивался, либо истощался до такой степени, что В. оставалось его добить переходом в наступление и преследование. Вместе с тем В., искусно пользуясь ошибками противника, умел не упустить подходящего случая, чтобы самым настойчивым образом вырвать успех у слепого счастья. Поэтому

его девизом было изречение: «Счастье — спутник добродетели».

М. Драгомиров так охарактеризовал В.: «Великий характер, но характер упорства: отсидеться, укрепиться, заготовить в прок. Позицию при Ватерлоо он, например, проездом осмотрел за год ранее перед тем, как воспользоваться ею, не по предвидению, а на всякий случай. Таков он был во всем. Дела он делал, и хорошо, но неизвестности предаваться не любил. Как второстепенный генерал, он, конечно, выдавался, но ставить его рядом с Наполеоном нельзя».

Во время управления В. кабинетом его полководческая слава была подорвана, но потом, когда он вернулся к исключительно военному делу, она была восстановлена. Уже при жизни ему было поставлено несколько памятников и вряд ли еще кому-то из великих полководцев истории удавалось снять такую обильную жатву наград и почестей, как В., сэру Артуру Веллеслию.

Однако личная жизнь полководца складывалась не так счастливо и безоблачно, как его служебная карьера. В. пережил любопытный и во многом поучительный роман. Когда он был всего лишь капитаном Веллслеем (Уэллслеем), то ухаживал за красавицей Катериной Пакенгем, третьей дочерью лорда Лонгфорда. Девушка отвечала В. взаимностью. Ухаживание закончилось бы браком, если бы не противодействие отца, лорда Лонгфорда. Он считал Артура Веллслея (Уэллсли) слишком бедным для женитьбы на его дочери.

Вскоре В. получил назначение и должен был отправиться со своим полком в Индию. В последнюю их встречу Катерина уверяла возлюбленного, что будет ждать его возвращения и непременно

станет его женой и просила В. считать также себя ее женихом.

Прошли долгих девять лет, прежде чем они снова увиделись. За это время многое переменилось, изменились и сами молодые влюбленные. В. стал известен своими боевыми заслугами, в Англии его ждало повышение по службе. С Катериной тоже произошла перемена. Она переболела оспой, которая не только обезобразила ее внешность, но и едва не свела в могилу. Благородная девушка хотела освободить В. от слова, данного им когда-то, но он не воспользовался ее благородством и женился на Катерине. Сама королева Шарлота, которой Катерина была представлена при дворе, восхитилась твердостью воли девушки, столько лет ждавшей жениха, и приняла ее восторженно.

Спустя девять лет после этого случая английская писательница Мария Эджуорт, бывшая в очень хороших отношениях с Лангфордом, писала своей родственнице: «Как счастливо чувствует себя, вероятно, леди Веллингтон после блестящей победы ее мужа! Читали ли вы в газетах, как она стремглав бросилась навстречу лорду Бэри, чтобы узнать от него первые сведения о своем муже еще до того, как он выйдет из экипажа?»

Сам В. не мог считать себя таким же счастливым. У него был сложный характер. Он часто брюзжал: «Жизнь не стоит того, чтобы жить». Посвятивший себя военным походам и политическим баталиям, он не был чувствительным к радостям семейной жизни. У него и его жены были совершенно различные взгляды, вкусы и привычки. В душе В. уживались одновременно раздражительность и добродушие. Родственники сравнивали вспышки его гнева с паровым клапаном. После

Каждой такой вспышки он с удвоенной нежностью старался загладить свою вину.

Биографы вспоминают, что однажды В. отправил своего второго сына Чарльза на о-ов Мальту с важным поручением по службе. Когда он вернулся на неделю позже, чем ожидал В., суровый воин предположил, что неделя эта была проведена в кутежах в Париже. Он наказал сына тем, что в течение нескольких дней не обмолвился с ним ни словом. Потом он случайно узнал, что Чарльз был задержан карантинном в Марселе. И вот на третий день он сам подошел к сыну, нежно прижал к груди и дружески спросил, не хотелось бы ему поохотиться этой зимой? В ответ на слово сына о том, что у него нет лошади, В. сказал: «Я послал твоему банкиру тысячи фунтов. На лошадь хватит».

Такие сцены часто происходили в доме герцога В. Из любви к мужу Катерина покорно переносила его раздражительность. Впрочем, виделись они не так уж и часто. В. годами участвовал то в военных походах, то в дипломатических миссиях по обязанностям службы.

Он умер 14 сентября 1852 г. Его старший сын, Артур Ричард (1807—84), генерал-лейтенант английской армии, был вторым герцогом В. и умер бездетным. Племянник В., Генри Веллеслей (1846—1900), полковник артиллерии, унаследовал титул герцога в 1884 г.

ВИКТОР-АМАДЕЙ I (1587—1637), герцог Савойский, сын Карла-Эммануила I (1587—1637).

В.-А родился в суровый век непрекращающихся войн и получил такое же суровое воспитание. Эти войны вел его отец, Карл-Эммануил, с Францией и Генрихом IV. Но после того, как последний пал от руки наемного убийцы, Карл-Эммануил пошел на сближение с Францией. В 1619 г. для закрепления этого союза был заключен брак В.-А. с сестрой Людовика XIII Марией-Кристиной. В Европе в это время начинал разгораться костер Тридцатилетней войны.

Франция пока оставалась в стороне от боевых действий. В лице Ришелье и его дипломатии она лишь внимательно следила за тем, как к протестантской коалиции присоединилась Дания (1625) и прилагала настойчивые усилия к тому, чтобы побудить к войне Густава II Адольфа. Цель Франции заключалась в том, чтобы принудить габсбургский блок воевать на два фронта — против Дании на северо-западе и Швеции на северо-востоке и тем самым осложнить положение блока.

В свою очередь, Испания спешила воспользоваться сложной обстановкой в самой Франции и вытеснить ее с завоеванных позиций в Северной Италии. С конца 1627 г. франко-испанские противоречия осложнились, и это привело к новому конфликту в Сев. Италии.

На этот раз проблема возникла из-за обладания Мантунским герцогством, которым еще в 1613 г. при активном содействии овладел кардинал Фердинанд Гонзаг. Почти 15 лет он правил под именем Винсента II, но умер в декабре 1627 г., не оставив наследника, завещав престол мужу своей племянницы герцогу Калу де Неверу, члену Французской

королевской семьи. Невер поспешил занять трон, для чего и прибыл в Мантую в январе 1628 г. Однако его право на престол было оспорено Карлом-Эммануилом Савойским, недавним союзником Франции, который заручился поддержкой Испании. Герцог Савойский договорился с Мадридом о разделе Мантуанского наследства: левобережье р. По он оставлял за собой, а территорию на правом берегу уступал Филиппу IV. На этой же территории находилась крепость Казале, контролировавшая пути, что связывали испанские владения в Италии с Австрией, Германией и Нидерландами.

Поскольку Мантуя формально была вассалом Империи, герцог Невер обратился за помощью к Фердинанду II Габсбургу, но тот категорически отказал в помощи. Более того, император потребовал от Невера неукоснительного подчинения всем распоряжениям испанского губернатора Миллана. Воспользовался благоприятным моментом и герцог Савойский, отец В.-А. Он захватил Монферрат, который входил в Мантуанское герцогство. Невер оказался в сложном положении. Он взывал о помощи к папе, Венеции и Франции, хотя на помощь последней не очень-то рассчитывал. Во Франции всем заправлял Ришелье, он стоял во главе Королевского совета и не забыл о той роли, которую играл Невер во «фронде принцев» в 1616—17 гг. Против помощи Неверу категорически выступила Мария Медичи, а ее влияние на политику Франции в то время было осязательным. К тому же, у Франции в тот момент хватало собственных проблем: войска вели осаду Ларошели. Поэтому Франция заняла ожидательную позицию.

Тем временем Карл-Эммануил Савойский при поддержке губернатора Миллана захватил почти всю

территорию Монферрата. Держалась только крепость в Казале, за стенами которой укрылись сторонники Невера. Французское правительство оказалось перед необходимостью определиться в «мантуанском деле». С Ларошелью уже покончено, но Ришелье опасается открытой войны с Испанией, которой Франция не вынесет. И все-таки, взвесив все «за» и «против», он советует Людовику XIII поддерживать Карла де Нереву.

Людовик XIII сам возглавляет армию, вместе с ним Ришелье. 15 января 1629 г. они выступили из Парижа. Через месяц армия вступила в Гренобль, где остановилась для короткой передышки. В Вене были уверены, что французы не решатся на переход через Альпы в зимних суровых условиях. Но они недооценили Ришелье и не учли того факта, что личное присутствие короля значительно повышает боевой дух войск.

1 марта 1629 г. королевская армия успешно преодолела перевалы, перешла границу и вторглась в Пьемонт в районе горы Женевр. 6 марта французы захватили Сузу. Удар был настолько неожиданным, что Карл-Эммануил Савойский и его старший сын, принц Пьемонтский В.-А., поспешил запросить перемирия. 11 марта В.-А. лично прибывает в Сузу, где расположил свой лагерь Людовик XIII. Он передал обещание Карла-Эммануила вывести савойские войска из Монферрата и заявил об отказе от всяких претензий на него в будущем. Герцог Савойский и его сын В.-А., принц Пьемонтский, даже согласились передать Людовику XIII цитадель Сузы, а также взять на себя снабжение французской армии в Пьемонте. Карл-Эмануил и его сын, В.-А., соглашались на добровольную роль вассалов Франции, в глубине души затаив недовольство.

И Франция не преминула воспользоваться заверениями в благонадежности и помощи герцога Савойского и принца Пьемонтского. 29 декабря 1629 г. из Парижа французская армия снова выступает в поход. Ее маршрут — в Сев. Италию. 18.01.1630 г. она уже в Леоне. Во главе армии сам Ришелье и маршал Лафорс. В соответствии с Сузским договором герцог Савойский обязан обеспечить свободное прохождение войск через свою территорию в Сев. Италию. Ришелье уведомил герцога о выступлении маршала Лафорса, но так и не получил от него вразумительного ответа. Наведя справки по четко налаженным каналам своей дипломатии, он узнает, что герцог Савойский и В.-А. ведут секретные переговоры с генералом Спинолой. Это означало, что Французские войска в районе Казале могли подвергнуться нападению с тыла.

Ришелье немедленно докладывает об этом в Париж Людовику XIII и просит согласия на вторжение в Савойю. «Если Ваше Величество хотят добиться успеха в Италии, то необходимо как можно скорее атаковать Савойю», — пишет он в послании.

А тем временем французская армия маршала де Лафорса перешла через Альпы и вторглась в Пьемонт. Официального объявления войны не было. Направление главного удара — Турин, у стен которого сосредоточены главные силы герцога Савойского и В.-А. В короткий срок Лафорс захватывает Риволи, что в 20 лье от Турина. Герцог Савойский и В.-А. начинают спешную перегруппировку своих войск по окрестным крепостям. Но 29 марта 1630 г. французская армия неожиданно поворачивает от Турина на юг и овладевает Пиньеролем, имеющим важное стратегическое значение: оттуда открывается путь на Милан, Геную и в Швейцарию.

Утрата Пиньероля всполошила Милан, Мадрид и Вену. Начинаются интенсивные закулисные переговоры между воюющими сторонами. Посредничает в переговорах племянник папы и папский легат Антонио Барбарини. Ему помогает молодой аббат Джулио Мазарини. 10 мая 1630 г. в Гренобле состоялось совещание с участием Людвига XIII и Ришелье, сюда же прибыли посол герцога Савойского и Мазарини, к тому времени ставший папским легатом. Их предложения сводились к тому, чтобы Франция отказалась от поддержки Невера и вывела войска из Сузы, Пиньероля и Казале. В ответ на это Империя обязалась вывести свои войска из района военных действий. По сути Франции навязали статус-кво, и она отказалась.

12 мая на военном совете в Гренобле было принято решение начать наступление на Савойю и захватить ее главные стратегические пункты — Шамбери, Монмелян и форт Шамбоньер. Уже на следующий день 15-тысячная армия вторгается на территорию Савойи с юга. 14 мая капитулирует Шамбери, а к концу месяца французы очищают от савойцев альпийские предгорья. Им не удается взять лишь Манмельян. В начале июня Людовик XIII и Ришелье перемещаются из Гренобля в самое сердце Савойи — в Сен-Жан-де-Морьен. Сокрушительное поражение явилось тяжелым ударом для Карла-Эммануила, герцога Савойского. 26 июля он умирает. Новым герцогом Савойским становится В.-А. I, его сын. Он немедленно заключил мир с Францией в Регенсбурге, но, несмотря на это, недовольный его условиями, стал готовиться к новой войне. Это не стало тайной для Ришелье, и вскоре он привлек В.-А. на свою сторону путем некоторых территориальных уступок по договору в Кераско (1631).

В 1632 г. В.-А. принял, как король Кипра и Иерусалима, титул королевского высочества. Когда стычки между Францией и Испанией переросли в открытый военный конфликт, В.-А. поначалу собирался занять сторону последней. Но Ришелье пообещал В.-А. увеличение его владений в Сев. Италии, и герцог Савойский по договору в Риволи (1635) вступил в союзнические отношения с Францией. Назначенный главнокомандующим франко-савойской армией, В.-А. нанес испанцам два крупных поражения — одно при Тарновенто, а второе при Монбальдоне.

В.-А. умер внезапно 8 сентября 1637 г. Франция потеряла своего самого надежного союзника в Северной Италии — герцога Савойского. Регентшей была объявлена вдова В.-А., Мария-Кристина, сестра Людовика XIII. Но ее права сразу же оспорили братья покойного герцога — принц Томас, сражавшийся на стороне имперской армии, и кардинал Морис Савойский, убежденный сторонник Филиппа IV Испанского.

ВИКТОР-АМЕДЕЙ II (1666—1732), герцог Савойский, затем король Сардинский, сын Карла-Эммануила II.

Девятилетним мальчиком вступил на престол (1675). Мать его, Жанна Немурская, к которой перешло регентство до совершеннолетия сына, старалась держать В.-А. вдали от государственного управления. Ведя с фаворитами политику, направленную против Людовика XIV, в 1680 г. она составила план женить сына на португальской принцессе. Но В.-А. отказался от этого брака. Закончилось все тем, что придворная партия, поддерживавшая В.-А. и выступавшая против его матери, сместила Жанну Немурскую от регентства и в 1683 г. устранила ее от правления.

Во внешней политике В.-А. II считал своей задачей осуществление извечной программы савойского дома — «съесть Сев. Италию, как артишок, листик за листиком» (само выражение приписывается именно В.-А. II). Он искусно пользовался международными отношениями, часто меняя свои взгляды и ориентации: то вступал в союз с Людовиком XIV, то переходил на сторону его противников. Но при этом неизменно увеличивал свои владения в результате каждой войны.

Поначалу он вынужден был подчиниться французскому влиянию, вступил в 1684 г. в брак с племянницей Людовика XIV Анной Арлеанской, и в угоду французскому королю преследовал в своих владениях вальденсов*. Но затем В.-А. II вдруг решает поменять свою ориентацию и тайно присоединяется к Аугсбургской лиге, начинает войну против Франции. Однако военное счастье отвернулось от В.-А. II. Он был разбит Катина при Стаффарде, потерял всю Савойю, вынужден был бежать, а затем

при помощи Австрии пытался ее вернуть. Но, несмотря на эту помощь, он проиграл сражение при Марсалии и потерпел неудачу во время вторжения в Дофине.

Скитания по чужим землям не приносили ему блага, и в 1696 г. В.-А. II заключил с Францией отдельный мир, по которому получил обратно Савойю, Пьемонт и Пиньероль. Чтобы заверить Людовика XIV в искренности своих заявлений и личной преданности, В.-А. II выдает свою дочь Марию-Аделаиду замуж за внука французского короля, герцога Бургундского. Сам же В.-А. II получил от Людовика XIV командование над французской армией в Италии. Вот-вот должна была вспыхнуть война за испанское наследство (1701—14).

Еще при жизни Карла II Габсбурга (1665—1700) Франция и Австрия дипломатическим оружием боролись из-за испанского наследства, не обращая внимания на право испанского народа и его короля определить, кем должна быть управляема Испания.

Притязания французского короля Людовика XIV и австрийского императора Леопольда I основывались на родстве с царствовавшим в Испании домом.

* Вальденсы, приверженцы ср.-век. ереси, зародившейся в XII в. в Лионе (зачинатель — Пьер Вальдо). Призывали к «евангельской бедности», аскетизму; выступали против католич. церкви, отвергали необходимость духовенства как особой социальной группы, утверждая, что всякий достойный человек может выступать в роли священнослужителя. Ересь вальденсов распространилась во многие из зап.-европ. гос-вах, в осн. среди ремесленников и крестьян. Некоторые общины сохранились даже в XX в., преимущественно в Италии.

Первый хлопотал за внука Филиппа Анжуйского (будущего короля испанского Филиппа V) на том основании, что его жена, Мария-Терезия, была сестрой Карла II и старшей дочерью Филиппа IV. Вторым был женат на Маргарите, младшей дочери Филиппа IV и сестре Карла II. Но Маргарита в отличие от Марии-Терезии не отрекалась от прав на испанский престол. Третьим претендентом являлся малолетний принц Баварский Иосиф Фердинанд, внук Леопольда I. Сначала предполагалось решить спорный вопрос путем переговоров. Деятельное участие в этом приняли Англия и Голландия под общим руководством Вильгельма III Оранского. Для этого у них имелся личный интерес: обе — морские державы, соперничавшие с Испанией за господство на море. Пользуясь слабостью Испании, они не хотели допустить к престолу какое бы то ни было из европейских государств и стремились к разделу испанской монархии между троими претендентами. Людовик XIV выразил согласие на этот проект, и еще при жизни Карла II по этому поводу был заключен трактат между Англией, Голландией и Францией в Гааге (11.10.1698). Но через год неожиданно умирает малолетний принц Баварский. Переговоры возобновились и привели к новому договору (13.03.1700), где оговаривались прежние условия, но теперь они касались лишь двоих претендентов. Когда условия договора стали известны в Испании, они вызвали негодование. И Карл II, желая сохранить целостность страны после своей смерти, пишет завещание, по которому под влиянием французской партии делает наследником престола Филиппа Анжуйского.

1 ноября 1700 г. Карл II умер. Людовик XIV, вопреки секретным соглашениям (1698 и 1700) признал завещание покойного короля действительным и про-

возгласил своего внука королем Испании. 23 января 1701 г. Филипп V прибыл в Испанию со своей женой, Марией-Луизой, второй дочерью В.-А. II. Повсюду их ждал торжественный прием. Иностранные государства готовы были смириться со свершившимся фактом, все, кроме Австрии. Дальнейшими своими действиями Людовик XIV вооружил всю Европу. Англия и Голландия дали ему понять, что согласны с назначением Филиппа, но при условии, что Испания станет совершенно независимой страной. Однако Людовик XIV показал, что интересы Франции и Испании тождественны, признав за Филиппом V и право на французскую корону.

Началась война. Поначалу В.-А. II был на стороне Людовика XIV, который после Рисвикского мира обещал ему из испанского наследства Миланскую область. Военные действия происходили одновременно в Италии, Германии, Нидерландах, а также на морях и в колониях. Англия, Голландия, курфюрст Бранденбургский и впоследствии герцог Савойский В.-А. II, примкнули к императору Леопольду I, а часть Италии и Германии (Бавария) соединились с Людовиком XIV.

В летней компании 1701 г. французские войска расположились у Риваги, Феррары, Буссоленго, Вероны и Оппенао. 25 июля к ним присоединился

* Рисвикский мир (1697), между Францией и Аугсбургской лигой; заключен в Рисвике (Рейсвейк, деревня недалеко от Гааге). Стал завершением войны за Пфальцское наследство (1688—97). Франция отказалась от большинства терр., захваченных ею после Нимвегенского мира (1678—79), но Страсбург и другие земли в Эльзасе сохранила.

В.-А. II, которому Людовик XIV доверил главное командование. Французские и имперские войска занимались выбором диспозиций, но до конца лета 1701 г. в битву так и не вступили, за исключением нескольких мелких стычек. 31 августа, наконец, французы без предварительной артиллерийской подготовки атаковали позицию имперцев у Киари, но были отбиты, потеряв убитыми и ранеными 3600 человек. После боя французская армия расположилась на линии Ураго-Кастрецато, где оставалась в бездействии более двух месяцев. Ближе к зиме стал давать знать о себе недостаток продовольствия, и в ночь на 13 ноября генерал Виллерау перешел через р. Олио к Кремоне и расположился на зимние квартиры. Принц Евгений Савойский (см.), командующий имперской армией, не успев помешать этому отходу французов, двинулся вниз по р. Олио и, став между армией Виллерау и Мантуей, обложил эту крепость. Вслед за тем он взял Боргофорте, Остилию, Понтемолино, Гвасталлу и Мирандолу и также приказал размещаться на зимние квартиры.

В 1703 г. В.-А. II вдруг меняет свою ориентацию и заключает секретное соглашение с Австрией. До 1 июля бездействовала французская армия, а ее союзник Макс-Эммануил Баварский (см.) овладел Инсбруком (22 июня) и прочно укрепился в Тироле. 20 июля, оставив небольшое прикрытие в Дезенцано, генерал Бандом с основными силами двинулся на соединение с баварцами. 28 июня он находился недалеко от Триента, как вдруг пришло сообщение от Людовика XIV об измене В.-А. II. Король приказал прекратить движение к Тиролю и направить армию против изменника.

Бандом вынужден был повернуть обратно и 29 ав-

густа прибыл в Бенедетто. В отсутствие Вандома его брат осадил Бресчелло (27 июля), падению которого тщетно пытался помешать Штаремберг. Герцог Савойский В.-А. II имел в своем распоряжении 8000 ед. пехоты и 3500 — кавалерии. Эти силы были довольно незначительными для того, чтобы противодействовать французам, В.-А. рассчитывал на соединение с Штарембергом через Лигурийские Альпы или через Пьяченцу. Не дождавшись помощи, В.-А. при приближении французов покинул Асти и отступил к Вилланова. 6 ноября французы заняли Асти, и Вандом решил остановиться на зимние квартиры. 4 декабря он вернулся в Милан, а ожидавший этого момента Штаремберг тут же соединился с В.-А. Искусно проведя демонстрацию на правом берегу По, он все-таки достиг Ницца-делла-Палья, где и соединился с В.-А. 13 января 1704 г. Вандом, упустивший случай разбить вдвое более слабого врага, вынужден был отойти на зимние квартиры.

К началу 1704 г. имперцы занимали Миланскую область и Феррару. Число их уменьшилось до 10 000 человек. После того, как Штаремберг покинул войска, командование над ними принял генерал Линенген. 30-тысячная армия В.-А. II стояла на границах Савойи. Вандом с 62-тысячной армией получил повторный приказ короля Людовика XIV вытеснить имперцев из Италии и предпринять вторжение в Савойю. Для этой цели он должен был быть усилен еще 24 батальонами и 12 эскадронами.

11 января при Кастельнуово-ди-Бормида Вандом одержал победу над 5-тысячным отрядом Соляри. После этого французы три месяца оставались в бездействии. Получив известие о движении 19-тысячного войска В.-А. II к Казале, Вандом решил атако-

вать савойцев. 8 мая с 29 тысячами выступил к Кречентино. Узнав об этой передислокации противника, В.-А. II счел за лучшее отступить, поплатившись лишь своим арьергардом, который был уничтожен 11 мая при Кречентино.

К началу 1705 г. французы располагали 77-тысячами человек, из которых 22 000 Вандома находились в Пьемонте, 15 000 его брата в области Бреши, 11 000 де-Лафельяда — в Ницце, 5000 Лафара облагали Мирандолу. Еще 24 000 находились в гарнизонах. Соединенные силы Штаремберга и герцога Савойского В.-А. не достигали и 17 000 человек. Но в начале года в Италию был послан с 28-тысячами солдат Евгений Савойский. Он должен был соединиться с войсками В.-А. II и перейти в наступление против Вандома. Дальнейшее общее командование имперских войск возлагалось на принца Евгения, под началом которого состоял теперь В.-А. II.

В кампании 1706 г. долгое время царило бездействие как с одной стороны, так и с другой. Имевшие численное преимущество французы в отсутствие главного полководца имперцев принца Евгения представляли реальную угрозу австрийским войскам. В.-А. II с 8-тысячной армией отступил в Карманьоле, испугавшись возможного разгрома. Турин остался оборонять Даун (с.м.), которого обложил де-Лафельяд. Укрывшись в Карманьоле, В.-А. посылал усиленные просьбы о помощи, заботясь якобы об участии Турина. Боясь, что с падением сардинской столицы В.-А. II может отказаться от союза с Австрией, побудили принца Евгения перейти к решительным действиям. План его заключался в том, чтобы, бросив сообщения с Тиродем и двигаясь по правому берегу р. По,

обойти правый фланг французской линии и, соединившись с В.-А., дать де-Лафельяду решительное сражение под Турином.

Победа принца Евгения над французами под Турином вернула В.-А. II Пьемонт. Воодушевленный этим обстоятельством, он решил повторить подвиг союзника и попробовать овладеть Тулоном. Но попытка кончилась полной неудачей, и с 1709 г. В.-А. предпочел уклониться от активного участия в военных действиях.

По Утрехтскому миру* В.-А. II получил Ниццу, несколько округов в Альпах и Сицилию, с титулом короля. Он немедленно отправился в свое новое королевство, но в 1718 г., под давлением Испании и Австрии, вынужден был поменять его на Сардинию, которая и составила с Пьемонтом и Савойей, Сардинское королевство.

Внутреннее государственное управление В.-А. II отличалось некоторыми чертами, напоминающими «просвещенный абсолютизм». Он заботился об улучшении армии и финансов, поощрял земледелие и промышленность, кодифицировал законодательство и издал в 1723 г. новый кодекс под названием «Королевских конституций». Своим законодательством В.-А. II старался увеличить права светской власти за счет привилегий католического духовенства. Он также основал в Турине университет. После смерти Анны Орлеанской В.-А. II

* Утрехтский мир (1713), общее название ряда заключенных в Утрехте мирных договоров (франко-англ., франко-голланд., франко-прус. и др.), которые завершили (наряду с Раштаттским миром 1714 г.) войну за Испанское наследство.

женился на одной из своих фавориток, маркизе Спино (1730 г.), и отрекся от престола в пользу своего сына Карла-Эммануила III. Но жена уговорила В.-А. вернуть себе престол. Однако попытка сделать это закончилась полной неудачей. Карл-Эммануил III приказал арестовать отца и заключить в замке Риволи, где В.-А. II доживал последние годы своей жизни.

ВИЛЛАР КЛОД ЛУИ ЭКТОР (1653—1734), герцог (1705), французский маршал-генерал (1733), пэр Франции. Один из талантливейших полководцев Людовика XIV.

Военная карьера В. началась в войсках Тюрреня и Конде Великого (см.) в Голландии. Сражаясь под их знаменами, тогда еще совсем юный В. выказал особенную храбрость и, как бы мы сказали сейчас, проявил лидерские и организаторские способности. Поэтому уже в 1674 г. 21-летнему В. поручают командование кавалерийским полком. Безумно храбрый и богато одаренный способностями от природы, он быстро делает карьеру военного. В 1702 г., в самом начале войны за Испанское наследство (1701—14; о причинах см. в ст. **ВИКТОР-АМАДЕЙ II**), В. уже командовал отдельным корпусом в армии маршала Катина (1702). Именно корпус В. разбил принца Баденского при Фридлингене. Войска, торжествуя победу, провозгласили В. маршалом. Королю Людовику XIV оставалось только утвердить В. в этом звании и передать ему маршальский жезл.

А начиналась операция следующим образом. Компания 1702 г. в Эльзасе и Баварии стала разворачиваться переходом маркграфа Людвиг Баденского (с армией а 32 000 ед. пехоты и 14 000 — кавалерии) через Рейн между Майнцем и Шпеером (27 апреля) и расположением его войск лагерем у Франкенталя, где он стал готовиться к осаде Ландау. Маршал Катина, вызванный из Италии и стоявший у Страсбурга, пытался оказать помощь 5-тысячному гарнизону. Будучи численно слабее, он даже не стал испытывать военного счастья. 18 июня 1702 г. имперцы тесным кольцом обложили Ландау. Город продержался до 9 сентября.

А тем временем курфюрст Баварский овладел

Ульмом и, оставив там гарнизон в 4000 воинов, отправил генерала д'Арко с 10 000 человек к горам Шварцвальда. Здесь он должен был соединиться с армией В., которую Людовик XIV отправил для усиления войск Катина. Узнав о движении баварцев на соединение с В., Людвиг Баденский решил помешать этому. 22 сентября он перешел через Рейн на высоте Страсбурга, занял войсками все проходы в горах Шварцвальда и стал на пути соединения союзников. По всем правилам военного искусства решение маркграфа Баденского было правильным, однако ему не следовало медлить с атакой, а разгромить союзников поодиночке. Сверхосторожность маркграфа и погубила его, потому что 24 сентября В. с 30 батальонами, 40 эскадронами и 33 орудиями обошел горы через Гюнингенский проход. Здесь он отдал приказ построить мост, который и был готов к 1 октября. 2 октября В. совершил то, что считалось самым выдающимся эпизодом войны: он перешел на правый берег Рейна и решил атаковать имперцев, не дожидаясь соединения с баварцами. После ряда маневров и обходных движений, В. атаковал маркграфа Баденского 14 октября при Фридлингене. Армия В. насчитывала 17 000 человек, у его противника было 14 000. Упорное двухчасовое сражение не могло выявить победителя. Победа колебалась, пока В. не приказал кирасирам атаковать окопы на высоте Фридлингена. Эта блестящая атака решила исход битвы в пользу армии В., которая потеряла 2500 убитыми и ранеными против 2000 Людвига Баденского. Маркграф тут же приказал своим войскам отступать к Штауфену, чтобы соединиться с подкреплениями. 15 октября 1702 г. Фридлинген сдался В., после чего последний отправил свою армию на зимние квартиры.

Победа В. имела не только военное значение, но для короля Людовика XIV и политическое. Он опасался, что имперцы своими действиями подорвут к нему доверие союзника, Макса-Эммануила Баварского, который был единственным у французского короля и которого он боялся потерять.

В начале 1703 г. боевые действия противника возобновились. Для имперцев главной целью на Рейне и в Баварии было уничтожение войск союзника Людовика XIV, курфюрста Баварского, и захват его владений; главным для французов было поддержать своего единственного союзника и оказать ему помощь в Германии. Численность войск самого курфюрста достигла 52 000 человек, но почти половина из них была разбросана по гарнизонам в нижнем течении р. Инн, в Ингольштадте и Неймарке. Оказывать ему помощь и была призвана армия В. (32 000 человек, входившие в 49 батальонов и 77 эскадронов). Его войска были разбросаны в Эльзасе и Франш-Конте.

Военные действия французов открыл генерал Талльяр в середине января. Он пошел в наступление против принца Гессенского и 24 февраля принудил его к отступлению, в результате чего была снята осада Трирбаха. 3 марта Талльяр овладел Сент-Ванделем.

Одновременно на другом участке начал боевые действия и В. Его войска постепенно стягивались к Рейну на Альтенгейм, Нойбург и Гюгинген. Цель маневра маршала В. сводилась к обходу и внезапному нападению на зимние квартиры Людвиг Баденского. В. рассчитывал за самые короткие сроки покончить с этим противником, после чего планировал овладеть Келем и двинуться в Баварию на соединение с войсками Макса-Эммануила. 12 февраля 1703 г. В. двинулся через Каден на Нойбург,

обошел оборонительную линию маркграфа Бризах-Фрайбург, и 18 февраля занял Альтенгейм, а на следующий день — Кинциг. Отсюда В. и принял внезапное нападение на Людвига Баденского и заставил его отступить. Вслед за тем В. совершил марш-бросок к Оффенбургу, овладел городом, а 25 февраля осадил крепость Кель, которая сдалась ему 9 марта 1703 г.

Открытый успехами союзной армии, Макс-Эммануил начал предпринимать тоже более активные действия. Его победы заставили имперцев стянуть свои силы к Дунаю. Тогда В. с 34 000 солдат перешел 18 апреля Рейн у Страсбурга и двинулся на соединение с баварцами, которое произошло 10 мая у Ридлингена. При личном свидании с Максом-Эммануилом маршал В. изложил курфюрсту свой дерзкий план. В. предложил объединенным войском (60 000 человек) двинуться долиной р. Дунай прямо на Вену. Обстановка подобному замыслу благоприятствовала. Дело в том, что в это самое время Австрия была занята борьбой с восставшими венграми. Но Макс-Эммануил сначала согласился, а затем отказался, сославшись на опасения за безопасность собственных владений. Связанный приказом короля защищать Баварию, В. вынужден был оставаться на месте, укрепившись на левом берегу Дуная. А между тем предположение маршала обнаружило в нем широту стратегического замысла, совершенно не свойственного той эпохе, когда господствовал методизм пятипереходной системы (армия может выполнить не более пяти переходов к месту сражения от места дислокации). Именно этот план маршала В. впоследствии использовал Наполеон, который в 1805 г. таким способом разрешил сложную для себя задачу.

Переправившись через Дунай, В. занял позицию между Диллингеном и Лавингеном. Против него стояла имперская армия все того же Людвига Баденского. Памятуя о двух недавних поражениях от бесстрашного маршала, тот решил попробовать действовать хитростью. Отправив 5-тысячный отряд к р. Иллери для вторжения в Баварию, Людвиг Баденский рассчитывал выманить В. на правый берег Дуная. Но В. даже не тронулся с места. Он разгадал план противника и отправил к Оффенгаузену отряд в 45 000 человек. На рассвете 31 июля этот отряд атаковал и разбил противника. Тогда маркграф Баденский оставил против В. 20-тысячную армию, а сам двинулся на Аугсбург. В. пытался остановить противника, выслав вслед за ним 20 батальонов и 44 эскадрона. Но маркграф опередил французов. 5 сентября он занял Аугсбург, перебросив через р. Лех два моста и выслав многочисленную конницу к Мюнхену.

19 сентября 1703 г. армия В. снова соединилась с армией Макса-Эммануила. Их силы выросли до 30 000 человек. 20 сентября произошло сражение при Гохштадте.

Первая атака французов закончилась неудачей. Командовавший передовыми частями генерал д'Уссон был обойден кавалерией противника. Не получая вестей от В., занятого переправой через Дунай, и видя перед собой превосходящие силы противника, генерал отступил.

Но вскоре к полю боя прибыли оба командующих. Обойдя левый фланг противника, союзники так энергично начали атаку, что имперцы поспешно отступили к Нордлингену, а затем направились к Аугсбургу, где засел Людвиг Баденский. 22 сентября союзники снялись с места и двинулись в том же

направлений, преследуя противника. 26 сентября они достигли Герсгофена, что недалеко от Аугсбурга. Но, видя перед собой сильно укрепленные позиции, В. и Макс-Эммануил удовлетворились тем, что оставили 19-тысячный отряд охранять переправу через р. Лех, а сами направились к Вилингену.

Узнав об этом, Людвиг Баденский покинул Аугсбург и захватил Мимменген, но очень скоро оставил его и отошел к Лейткирху. Мимменген заняли союзники. Здесь начались между ними разногласия. Маршал В., сторонник активных наступательных действий, предлагал немедленно атаковать маркграфа, пока тот не соединился с графом Штирумом. Но Макс-Эммануил не согласился, предпочитая крепостную войну. Со своей армией он отправился в Кемптейну и 16 ноября овладел им. Французы В. тем временем осадили Ландау под командованием Талляра. Узнав об этом, имперцы бросили на помощь осажденным отряд в 24 000 человек. 14 ноября у р. Шпейрбах в баварском Пфальце передовые отряды В. наткнулись на неприятеля. Не перестраивая походные колонны в боевой порядок и боясь упустить момент, маршал В. с ходу атаковал имперцев и нанес им поражение.

В 1704 г. главные события войны за Испанское наследство разворачивались на иных театрах боевых действий (см. в ст. *ВИКТОР-АМАДЕЙ II, ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ, ШОМБЕРГ, МАЛЬБОРО*). В районе же Рейна и Эльзаса, где действовала армия под командованием маршала В., происходили незначительные позиционные сражения. В 1705 г. на Рейне маркграф Баденский, постоянный противник В. в первой половине войны, усиленный подкреплениями, направился через Цвайбрюкен к Сааре. Но В. зорко следил за любыми перемещениями импер-

ской армии. Он тут же перешел Цвайбрюкен, овладел Саарбрюкеном и направился к Триру, где разгромил 7-тысячный отряд врага и захватил огромное количество продовольственных запасов. При незначительных силах маршал В. не мог сделать большего. И только после соединения 3 июля с Марсеном у Верта его силы возросли до 40 000 человек. От Верта он двинулся к Вейсенбургу, где разбил 6-тысячный отряд имперцев и овладел укрепленными линиями противника. Дальнейшая его попытка взять Лаутербург оказалась безуспешной. Но зато В. достались Гамбург (сдался 27 июля), Друссенгейм (24 сентября), Гагенау (6 октября).

В следующем году боевые действия в Эльзасе и на Рейне не имели каких-то решающих последствий. Снова это была главным образом позиционная и крепостная война. К началу 1706 г. Людвиг Баденский занимал Бишвейлер и Друсенгейм. Десятитысячный отряд, подчиненный ему, занимал знаменитые Штольгоффенские линии обороны, которые 19.4.1703 г. В. уже покорял. Теперь они находились в руках противника. Французская армия была разбита на две группировки: одна из них под командованием Марсена (11 000 человек) осаждала Траурбах, вторая, В., занимала пространство между Страсбургом и Гюнингеном. 30 апреля они соединились и 1 мая атаковали лагерь имперцев у Бишвейлера, чем вынудили Маркграфа Баденского отойти с левого берега Рейна. Друсенгейм и Гагенау 12 мая сдались В., но дальнейшего наступления маршал не развил, т. к. в это время Марсен получил приказ направляться во Фландрию. К концу августа армия В. насчитывала 25 000 человек против 55-тысячной армии неприятеля, поэтому В. воздержался от каких-либо активных действий. В то же время для

прикрытия Эльзаса с севера он построил у Вейсенбурга укрепленные линии.

21 мая 1707 г. В. направил свою армию на Штольгоффенские линии. Имперской армией, противостоявшей В., теперь командовал граф Тунген, заменивший умершего 4 января старого противника В., Людвига Баденского. Благодаря скрытности маневров и удачно выбранным пунктам для атак, маршалу В. с самыми малыми потерями удалось 23 мая овладеть Штольгоффенскими линиями. В панике остатки имперской армии отступили к Пфорцгейму. В. поспешил преследовать их, но уже не застал там противника. 8 июня он занял Штутгарт, а 15 июня переправился через Неккар и 19-го подошел к Шорндорфу. 20 июня войска В. разгромили 5-тысячную группировку противника при аббатстве Лох. В это время маршал получил приказ от Людовика XIV отправить часть армии (в 6000 человек) в Прованс на помощь Тулону, поэтому вынужден был приостановить наступление. 29 июня В. узнал о том, что неприятель занял Гейльбронн. Он выступил в Шорндорф. Из оставшихся в его распоряжении сил (29 000 человек) он отправил семитысячную группу к Лаутеру и 2500 — для охраны моста. 9 июля В. подошел к Брухзалю, в то время как имперские войска находились у Рейнгацзена. У В. был план не допустить к этой группировке подкреплений. С этой целью он овладел 14 июля Мангеймом, но не успел помешать подкреплению противника перейти 16 июля на левый берег Рейна. При таких условиях В. пришлось ограничиться оборонительными действиями и отступить к Раштадту (29 августа), откуда он в последних числах октября увел свою армию к зимним квартирам.

В начале 1709 г. маршал В. был послан с армией

во Фландрию с целью упредить прорыв противника во Францию вдоль побережья и с севера. С полученными подкреплениями численность армии возросла до 80 000 человек. 14 июня маршал В. двинулся к Лансу и укрепил его, а в это время союзники осадили Турнэ. Совместные силы принца Евгения и герцога Мальборо (см.) превосходили численность армии В. на 50 000 человек. 3 сентября они заняли Турнэ, а 4-го двинулись к Монсу. Узнав о переходе объединенной армии противников через р. Шельду, В. тоже совершает переправу через эту реку и решает атаковать армию союзников во время ее движения к Монсу.

9 сентября французская армия маршала В. расположилась у Мальплаке. 11 сентября 1709 г. две армии сошлись в кровопролитной схватке. Англо-австро-голландская под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского насчитывала 117 000 человек и 100 орудий. Ей противостояли французские войска под командованием маршала В. численностью 90 000 человек при 60 орудиях. В. начал бой с целью разорвать осаду Монса, который находился в кольце союзников, но затем вынужден был отойти за оборонительную позицию, предусмотрительно сооруженную, пока противник осаждал Турнэ. Однако после жестокой борьбы французские позиции были полностью захвачены. Началась паника, французы обратились в бегство. В этой страшной битве их потери составили 14 000 человек убитыми и ранеными. Тяжело ранен был сам маршал В. Жертвы союзников оказались и того больше: 24 000 убитыми и ранеными. Битва при Мальплаке позже была названа самой кровавой битвой XVIII в.

Французы отступили к Валансьенну. Командование на себя принял Буффлер. С частью армии

(46 000 человек) он расположился на позиции между Валансьеном и Кэнэ, а Бервик (с 35 000) занял позицию на противоположном берегу Самбры, в укрепленном лагере напротив Мобежа. Союзники же после Мальплаке не стали преследовать французов. Они двинулись к Монсу. 24 сентября началась осада крепости, а 20 октября Монс пал.

Боевые действия 1710 г. начались 23 апреля обложением крепости Дуэ союзными войсками. В это время французская армия (75 000 человек) находилась у Камбре, куда 20 мая прибыл маршал В., оправившийся после ранения. Численное превосходство противника было настолько велико, что В. и не помышлял об открытом сражении (союзническая армия составляла 160 000 человек). Свою цель В. видел в том, чтобы отвлечь на некоторое время внимание противника от осаждаемых крепостей. Тем не менее, постепенно крепости сдались: Дуэ — 27 июня, Бетюн (близ Арраса) — 28 августа, Сент-Венана — 29 сентября и Эра — 8 ноября.

В начале 1712 г. французская армия была расположена за Скарпой, а армия Евгения Савойского — между Дуэ и Бушеном. К этому времени политическое положение в Зап. Европе резко изменилось: умер Иосиф I, в Англии сменилось правительство. Новые государственные чиновники, разделяя общественное мнение, высказывались за прекращение войны. Теперь, со вступлением на престол Карла VI, уже не Франция, а Австрия угрожала политическому равновесию в Европе. Поэтому, а также потому, что с поста командующего был устранен герцог Мальборо, сторонник войны, английское правительство вступило в переговоры с Францией и пришло с ней к согласию — созвать конгресс в Утрехте. Переговоры эти привели к тому, что герцогу

Ормонду, сменившему на посту командующего герцога Мальборо, было дано секретное предписание ограничиться лишь оборонительными маневрами, а затем и вовсе прекратить военные действия против Франции. Версальский кабинет о том же самом немедленно известил своего командующего, маршала В. Таким образом, вся тяжесть войны перенеслась на Австрию, которая тщетно пыталась помешать всеобщему перемирию. А раз так, то принц Евгений Савойский должен был поторопиться с нанесением решительного удара по противнику. Но австрийский полководец втянулся в крепостную войну и почти месяц (с 8.06 по 3.07) осаждал Кенуа, а 17 июля приступил к осаде Ландреси. Его план был очевиден: с падением Ландреси открывалось пространство между Шельдой и Самброй, откуда долиной Уазы открывался прямой путь к Парижу.

Маршал В., получивший приказ ограничиться оборонительными маневрами до выхода англичан из войны, в это время бездействовал за Шельдой. Взятие Кенуа и начавшаяся осада Ландреси обеспокоили французское правительство. В. получает приказ действовать решительно и что-то предпринять для воспрепятствования движения австрийской армии. И В. предпринял.

Успех французского полководца выразился в известной Дененской операции. Франция, истощенная неудачами, выдвинула маршала В., свою последнюю надежду, на северный фронт, чтобы попытаться остановить наступление превосходящих сил австрийцев, руководимых Евгением Савойским. Под Дененом находился укрепленный лагерь, которым командовал граф Олбемарл (10 500 человек). Стараясь сохранять максимальную секретность, маршал В. направился к Денену. 24 июля 1712 г. он

стремительно атаковал ошеломленного противника, бросив против него всю 24-тысячную армию. Принц Евгений, узнав об атаке, хотел было броситься на помощь графу Олбемарлу, но не смог переправиться через Шельду. Маршал В. все рассчитал точно. Из-за численного превосходства французам ничего не стоило сломить сопротивление противника. Лишь около 4000 человек удалось спастись бегством, остальные пали в битве. Маршал В. мастерски провел операцию, направив ее в самую чувствительную точку расположения принца Евгения — на его коммуникационный путь, отходивший перпендикулярно к пути наступления. Пять генералов австрийской армии были убиты или взяты в плен. Маршал В., впервые в истории ведения войн, вопреки основам тогдашней тактики, атаковал противника в колоннах. Успех В. под Дененом заставил принца Евгения отойти к Брюсселю и спас Париж.

Армия маршала В. ликовала. Воспользовавшись таким ее настроением, В. отправляет Альберготти для осады Дуэ. 8 сентября крепость сдалась. В этот же день отряд Сен-Фремона обложил Кенуа; город сдался 4 октября. А 19 октября пал Бушен.

В 1713—14 гг. В. со своей армией продолжал принимать участие в локальных боях на Рейне и во Фландрии. В начале июня 1713 г. маршал принял у Гаркура командование на Рейне и 11 июня начал осаду крепости Ландау, которая сдалась маршалу 20 августа. А спустя месяц, 22 сентября, В. приступил к Фрибургу, который пал 16 ноября. Через 10 дней после этой победы В. между Францией и Англией открылись мирные переговоры в Раштадте. Они продолжились до 7 марта 1714 г. и закончились подписанием мирного соглашения.

После заключения мира В. был назначен генерал-губернатором Прованса, где оставил о себе память тем, что распорядился прорыть канал. В 1715 г., после смерти Людовика XIV, В. был назначен в регентский совет. В политической истории того времени В. запомнился тем, что выступал против принятия финансового проекта Лоу и противился заключению союза между Францией, Англией, Голландией и императором. Однако его сопротивление оказалось безуспешным, и союз был заключен.

1732 г. семидесятидевятiletний В. участвовал в войне за польское наследство, будучи возведен в звание, которое до него носил лишь один Тюрень — генерал-маршала. А через год Людовик XV поручил В. главное командование над войсками. За три месяца легендарный полководец, совершив поход в Турин, завоевал герцогства Миланское и Мантуанское и овладел всей долиной р. По. Но домой французская армия возвращалась без триумфа: на обратном пути в Турине в 1734 г. на 80-м году жизни В. умер.

Вопреки современным ему воззрениям в тактике и стратегии, В. выше всего ставил наступление и всегда говорил, что «гибнут только в обороне». Обожаемый войсками за свою безграничную храбрость и простоту, доступность в общении, В. никогда не был любим людьми, равными ему, за острый язык, критический ум и развитое самомнение. «Пользуйтесь мной, государь! Я единственный генерал в Европе, которому военное счастье никогда не изменяло», — говорил он Людовику XIV. В. также обвиняли в сребролюбии, но, как потом оказалось, он часто и щедро помогал своим офицерам из собственных средств, никогда при этом не заботясь о возврате долга.

После смерти В. были изданы его трехтомные мемуары (Париж, 1884—92). Однако Вольтер считал только первый том произведением самого маршала и предполагал, что два остальных тома составлены аббатом Лапоз де Маргон по ежедневному журналу маршала В. и его переписке во время походов с военным министром.

ВРЕДЕ КАРЛ-ФИЛИПП (1767—1838), князь, баварский фельдмаршал.

После получения университетского образования до 1779 г. В. служил на различных административных постах. В 1779 г. эрцгерцог Карл поручил ему формирование пфальцско-баварского корпуса. Во главе этого корпуса В. участвовал в сражении при Фридрих Фельде (14.10. 1799 г.). За проявленные полководческие способности в битвах 1799—1800 гг. В. был произведен в генерал-майоры. В 1800 г. он прикрывал отступление австрийской армии и участвовал в сражении при Гогенлиндене. После заключения мира В. было поручено реформирование баварской армии. В 1804 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. В следующем году он участвовал во всех походах Наполеона, командуя дивизией баварского контингента. В. способствовал победе при Абенсберге и Ландсгуте (1809 г.), именно он спас при Неймаркте разбитый Гиллером корпус Бессьера, взял Зальцбург, покорил Тироль и, овладев Инсбруком, успел поддержать Наполеона при Ваграме. За это Наполеон возвел В. в графское достоинство и пожаловал ему обширные поместья. В походе в Россию (12.06. — 14.12.1812 г.) В. участвовал в сражении при Полоцке. После гибели генерала Деруа принял командование над VI корпусом. Во время отступления В. отделился с баварскими войсками от маршала Удино и под Вильно несколько дней прикрывал отступление французских войск.

В 1813 г., когда Бавария перешла на сторону союзников, В. был назначен главнокомандующим баварско-саксонской армией. 16—19 октября 1813 г. произошла знаменитая битва под Лейпцигом. Наполеон Бонапарт во главе французской армии проти-

востоял силам коалиции. Против него, удерживавшего Лейпциг силами 185-тысячной армии при шестистах орудиях, действовала австро-русская армия под общим командованием князя Шварценберга (с.м.). Численность этой группировки составляла 160 000 человек. Единым фронтом с ней выступила прусская армия под командованием генерала Блюхера численностью 60 000 человек. Общее количество орудий этой стороны составляло 1400 единиц. 16 октября Шварценберг предпринял атаку против 115-тысячной группировки Наполеона. Упорное сражение длилось до ночи, и в ходе него французам удалось добиться некоторого успеха. В то же время Блюхер атаковал маршала Мармона, который с 24-тысячным корпусом удерживал свои позиции в течение всего дня. Французские потери в этот день составили 27 000 человек, союзники оставили на поле сражения 35 000 человек.

С наступлением сумерек битва прекратилась. Ночью обе стороны получили подкрепление. К утру 17-го Наполеон имел в своем распоряжении 150 000 штыков, тогда как союзники имели армию вдвое превосходящую наполеоновскую по численности (включая шведов, во главе которых стоял наследник престола Жан-Батист Бернадот). В этот день произошло бедствие. На следующий день Наполеон выступил с целью оттеснить союзников и освободить дорогу для отступления. Но этот маневр не удался. На всех направлениях французы были отброшены союзниками обратно к Лейпцигу. В ночь на 19 октября французы отошли по единственному уцелевшему мосту. Корпус князя Юзефа Понятовского, оставшийся для прикрытия отступления, был почти полностью уничтожен. Сам Понятовский утонул при взрыве моста через р. Эльстер. За три дня под Лейпцигом

Наполеон в общей сложности потерял 60 000 человек убитыми и ранеными, свыше 11 000 французов сдались в плен; в армии союзников не досчитались более 50 000 человек.

После битвы под Лейпцигом Бавария заключила союз с Австрией, Пруссией и Россией против Наполеона. В. принял командование над объединенной баварско-саксонской армией и двинулся с ней к Майну, чтобы помешать отступлению Наполеона к Франкфурту. Бывшие союзники 30 октября сошлись при Ханау. Наполеон имел в своем распоряжении остатки некогда великой и непобедимой армии численностью в 80 000 человек, уцелевших после битвы под Лейпцигом. Под командованием В. находилось 50 000 человек. Наполеон атаковал левый фланг В., преграждавший ему дорогу. Ему удалось оттеснить противника и продолжить отход с основной массой войск. У Ханау остались только три дивизии для прикрытия арьергарда. На следующий день, 31 октября, арьергард под командованием маршала Мортье атаковал Ханау. В ходе боя В. получил тяжелое ранение и передал командование своему приемнику, генералу Френзелю, который отступил и открыл дорогу французам. За два дня баварско-саксонская армия В. потеряла 9000 человек, в то время как потери французов составили 6000 человек.

После выздоровления В. снова был поставлен во главе баварских войск и под Ла-Ротьером, командуя V германским корпусом, отнял у французов 23 орудия (1.02. 1814 г.). При Роне В. разбил маршала Мармона, а при Донмари — маршала Удино. За содействие в победе при Бар-сюр-Об император Александр I наградил его орденом Георгия 2-й ст., а после битвы при Арсис-сюр-Об В. был пожалован

баварским королем в фельдмаршалы и получил титул князя.

В 1814 г. В. был назначен командующим баварскими оккупационными войсками во Франции и представлял Баварию на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815). После заключения мира В. способствовал установлению в Баварии конституционного строя. В 1822 г. он был назначен генералиссимусом баварских войск. Он обладал несомненными качествами полководца, личная храбрость и пылкость сочетались у него со спокойствием и быстротой реакции в решительную минуту. Последним его выступлением было усмирение движения в рейнской Баварии в 1832 г.

ГЕНРИХ III ВАЛУА (1551 — 1589), король Франции в 1575—89 гг., третий сын Генриха II и Екатерины Медичи, до вступления на престол носил титул герцога Анжуйского. Г. III стал последним представителем Ангулемской линии династии Валуа на французском престоле.

Название этой династии происходило от небольшого графства средневековой Франции в провинции Иль-де-Франс, позднее разделенного между департаментами Эны и Уазы. Старые графы Валуа принадлежали к младшей линии рода Вермандуа. Последняя представительница этого рода вышла за Гуго, сына Генриха I Французского, и принесла ему в приданное Валуа и Вермандуа. От этого брака происходил род капетингских Вермандуа, прекративший свое существование в 6-м поколении. После этого графство Валуа было присоединено Филиппом-Августом (в 1215 г.) к короне. Король Филипп III Отважный передал увеличенное графство Валуа своему сыну Карлу (в 1285 г.). Этот Карл Валуа, брат короля Филиппа IV Красивого, и стал основателем королевского рода Валуа. Папа Мартин V в 1280 г. даровал ему королевство Аоагонию, от которого Карл, однако, отказался в 1290 г. Первый брак доставил ему графства Анжу и Мен. На основании прав второй жены, Екатерины де Куртене, он принял титул императора константинопольского. Карл Валуа принимал активное участие в делах государства во время царствования своего брата и умер в 1325 г. в Ножане. Он оставил двоих сыновей, из которых младший, Карл, граф Алансонский (умер в 1346 г.), был основателем рода валуасской линии Алансонов. Этот род пресекся со смертью коннетабля Карла в 1527 г.

После того, как три сына Филиппа IV Красивого

умерли, не оставив потомства мужского пола, в 1328 г. на престол вступил старший сын Карла Валуа Филипп VI, как ближайший потомок Капетингов. Это возвышение стало причиной долгих войн между Англией и Францией. Филипп VI имел двоих сыновей: своего преемника Иоанна Доброго и Филиппа (был в 1375 г. объявлен графом Валуа и герцогом Орлеанским, но умер без потомства). У Иоанна Доброго (царствовал с 1350 по 1364 г.) было четыре сына, в том числе его преемник Карл V и герцог Филипп Смелый Бургундский, ставший основателем младшего Бургундского дома. Карл V (ум. 1380) имел двоих сыновей — Карла VI и принца Людовика.

Принц Людовик получил титул и земли герцога Орлеанского и графа Ангулемского-Валуа. Именно при нем Валуа было сделано герцогством-пэрией. Людовик, известный истории как герцог Орлеанский, после бездетной смерти последнего представителя старшей линии Валуа Карла VIII, вступил на престол под именем Людовика XII (1498) и объединил графство Валуа с короной. Впоследствии Валуа было неоднократно даруемо принцам Валуаского дома, потом Бурбонского, но всегда в соединении с герцогством Орлеанским. Орлеанский дом потерял титул герцогов Валуа только после революции 1789 г., но частично сохранил соединенные с титулом земли.

Младший сын умерщвленного в 1407 г. герцога Орлеанского и Валуа, Иоанн, граф Ангулемский, имел сына Карла, у которого, в свою очередь, был сын, вступивший на французский престол после смерти Людовика XII под именем Франциска I (1515). Сын его, Генрих II, имел четверых сыновей, из которых трое царствовали: Франциск II, Карл IX

и Г. III. Четвертый сын был герцогом Алонсонским. Никто из них не оставил законного наследника, и после убийства Г. III французский престол перешел к Генриху IV Наварскому из дома Бурбонов (1589), также происходящего от Капетингов. Сестра последних королей из дома Валуа Маргарита (первая жена Генриха IV, с которой он развелся) умерла в 1615 г., как последний законнорожденный отпрыск дома Валуа.

Г. III от природы был одарен многими способностями, но воспитание при безнравственном дворе матери, Екатерины Медичи, любимчиком которой он был, развило в нем порочные наклонности и сделало по изнеженности, развращенности и суеверию похожим на представителей итальянской династии того времени. В царствование старшего брата Карла IX Г. принадлежал к партии непримиримых католиков и принимал активное участие в борьбе с кальвинизмом.

Ему было всего 16 лет от роду, когда Карл IX пожаловал ему титул генералиссимуса и назначил главнокомандующим французской армией, посланной воевать против гугенотов. И хотя Г. III командовал армией чисто номинально, а фактическое руководство войсками лежало на маршале Таванне, в битвах при Жарнаке и Монконтуре он отличился личной храбростью и смелостью. Накануне Варфоломеевской ночи Г. III вместе с Генрихом Гизом участвовал в ночном совете в Лувре у короля Карла IX (см. подробнее в ст. ГИЗ), на котором было принято решение об избиении гугенотов.

В 1573 г. Г. III принял командование над войсками, осаждавшими Ларошель. Но беспечность и лень юного Г. повлекли за собой поражение королевской армии.

Еще в 1567 г. Г. III был назначен генеральным наместником королевства. Однако Карл IX опасался усиления власти брата, с самыми мрачными предчувствиями наблюдая, как вокруг него группируются сторонники и создается придворная партия, готовая отстаивать интересы Г. Поэтому когда до французского двора дошел слух о скорой кончине польского короля Сигизмунда II Августа, Карл IX не без помощи своей матери всячески содействовал браку Г. с Анной Ягелонкой. Екатерина Медичи добилась избрания своего любимого сына на польский престол (1574 г.). Французский монарх, таким образом, освобождался от двух неприятностей: он отстранял Г. от двора и придворных интриг, а также не допускал на польский престол представителя Габсбургов.

Однако вести о событиях Варфоломеевской ночи (24.08.1572), в подготовке которой Г. принимал самое непосредственное участие, вызвали выступления против его кандидатуры протестантов Речи Посполитой. Дело в какой-то момент казалось проигранным, но французский посланник Бискуп де Монлюк сумел переубедить поляков и получить большинство голосов сенаторов и шляхты, собравшихся на выборы нового короля Речи Посполитой. Бискуп де Монлюк дал письменное подтверждение условий, на которых Г. Валуа будет избран королем (т. н. Генриховы артикулы). В этих артикулах содержалось 18 пунктов, ограничивавших власть нового короля. Там говорилось, что король не имеет права назначать себе преемника, иметь сношений с иностранными государствами, организовывать военные походы. По письменным условиям король не имел законодательного и судебного права, ограничивалось его право в установлении податей и утверждалось пра-

во собственности феодалов. В обязанности короля вменялось поддержание религиозного мира в государстве с многими конфессиями (католицизм, православие, иудаизм, протестантизм, магометанство, униатство). Сам же король даже в мирное время должен был находиться под опекой 16 сенаторов. В заключение там говорилось, что, если король не будет исполнителем взятых на себя обязательств, все жители Речи Посполитой освобождаются от подчинения и верности королю.

Непременным условием избрания на польский престол для Г. стало также сразу по приезде в Речь Посполитую венчание с Анной Ягелонкой. Были подписаны финансовые военные взаимоотношения Франции и Речи Посполитой, условия наказания и осуждения французским двором всех зачинщиков и главных участников Варфоломеевской ночи. На элекционном сейме в Варшаве 11.05.1573 г. гнезненский архиепископ Уханьски объявил об избрании Г. Валуа королем польским и великим князем литовским, а 16.05.1573 г., после получения окончательного согласия части послов-протестантов, коронный и литовский надворные маршалки официально объявили об избрании на трон Г. Валуа.

«Там же на долгих трактатах и отдаваню розматых комплетаторов Генрик, княжа Андеговенское, брат короля французского, на королевство Полское и Великое княжество Литовское, Руское и Жмойтское мая дня 14 выбран», — читаем в «Хронике Литовской и Жмойтской».

Г. прибыл в Краков 18.02.1574 г., а 24.02.1574 г. состоялись коронация и произнесение присяги в полном соответствии с подписанным письменным обязательством (Генриховыми артикулами). Большинство послов сейма, видя неспособность Г. испол-

нять военные и финансовые обязанности, потребовала произнесения присяги по каждому пункту отдельно.

Вскоре после коронации нового монарха во многих воеводствах стало распространяться движение за лишение Г. престола. Многие из статей Генрихова артикула не исполнялись. Так, не был создан совет из 16 сенаторов, предусмотренный письменными условиями. Неудовольствие было вызвано также и тем, что Г. категорично отказался вступить в брак с Анной Ягелонкой. Жизнь Г. в Речи Посполитой становилась невыносимее день ото дня. Но в Кракове молодому польскому королю был представлен его соотечественник, 25-летний дворянин Франсуа дю Плесси Ришелье, отец будущего великого кардинала Ришелье (с.м.). Молодой человек вынужден был покинуть Францию после неприглядной истории с убийством некоего сьера де Бришетьера. Это была месть за убийство старшего брата Ришелье на дуэли — лейтенанта Луи дю Плесси. Вопреки нормам тогдашней этики он заманил обидчика в западню и хладнокровно зарезал безоружную жертву, а затем бежал из страны. Несколько лет он скитался по Германии, пока судьба не забросила его в Польшу. Он привык оказывать услуги тому, кто готов был платить за них.

Между молодыми соотечественниками почти сразу же установились доверительные отношения. Это помогало Г. скрасить некоторое одиночество, которое он переживал, а Франсуа дю Плесси де Ришелье — стать очень скоро весьма заметной фигурой при Краковском дворе.

30.05.1547 г. во Франции умер Карл IX. И именно Ришелье первым принес королю Польши известие о кончине его старшего брата. Но Сенат Речи Поспо-

литой не отпустил короля на родину и принял постановление, что такое решение может принять лишь вальный сойм. Любое промедление могло окончиться для Г. тем, что он потерял бы французский престол. Медлить было нельзя, но Г. находился под бдительным присмотром во избежание побега. На помощь королю снова пришел преданный слуга Ришелье. Именно он занялся организацией побега, который они и осуществили в ночь на 19.06.1574 г., тайно покинув Краков. Подкоморий коронный Ян Тэнчыньски успел догнать беглеца, но сумел получить от него лишь заверение вернуться в Речь Посполитую, как только будут улажены дела во Франции. Через Ломбардию он возвратился на родину, где был коронован на престол под именем Г. III. О возвращении обратно в Речь Посполитую он, конечно же, и не помышлял, хотя до конца жизни сохранял за собой титул короля Польского и Великого князя Литовского.

В Париже Г. III окружил себя изнеженными фаворитами и проводил все свое время между утонченным и извращенным распутством и паломничествами к святым местам или аскетическими подвигами. Управление государством он передал в руки своей матери. С воцарением Г. III не был забыт и преданный помощник сеньор де Ришелье, который стал важной государственной персоной. Молодой король назначил своего любимца на почетную должность прево Королевского дома, а затем (в 1576 г.) возвел в ранг главного прево Франции, одновременно пожаловав орден Св. Духа, которым могли похвастать лишь немногие избранные. В руках Ришелье оказалась огромная власть. В эпоху ожесточенных религиозных войн главный прево страны фактически объединял в одном лице верховного судью, мини-

стра юстиции и руководителя секретной службы короля. Столь многотрудные обязанности мог исполнять лишь человек весьма сурового склада, энергичный и одновременно без лишней щепетильности. Безгранично преданный королю Ришелье удачно сочетал в себе все эти качества. На столь высоком и ответственном посту он сумел проявить умеренность и здравый смысл. Он был суров, но не жесток, энергичен, но не суетлив, расчетлив, но не жаден. Интересы короля и государства он ставил выше личных и семейных. Многие из этих качеств унаследует впоследствии его сын, кардинал Ришелье.

В 1575 г. Г. III вступил в брак с Луизой Водемон, представительницей Лотарингского дома, родственного Гизам. Относясь, в сущности, безразлично и даже апатично к религиозным спорам, Г. III решил покончить междоусобную войну и эдиктом 1576 г. сделал некоторые уступки протестантам. Однако раздраженная католическая партия во главе с Гизами основала священную лигу для борьбы с протестантами. Г. III решил парализовать ее деятельность и вызвался стать во главе лиги. Но это не привело к положительным результатам. В это время умер брат Г. III, Франциск Анжуйский. При бездетности самого Г. III это еще более обострило положение в стране. Гизы не за что не хотели допустить прихода к власти Генриха Наваррского. В 1585 г. они вынудили Г. III издать в Немуре эдикт против протестантов, вызвавший войну «трех Генрихов».

Несмотря на уступки короля, руководители лиги продолжали обвинять его в измене и наперебой с протестантами распространяли гнусные антикоролевские памфлеты. Терпение Г. III лопнуло и тяготившийся опекой лиги король решил освободиться

от нее. Но Генрих Гиз (см.) упредил действия Г. III и двинулся в Париж с войсками лиги, где был восторженно встречен народом. 12 мая 1588 г. вспыхнуло восстание (т. н. «день баррикад»): горожане забаррикадировали все улицы столицы и оцепили город. Г. III едва успел проскочить из Парижа и укрыться в Шартре. У Гиза не хватило, однако, смелости завладеть тронем. Он удовлетворился званием наместника королевства и устранением Генриха Наваррского от престолонаследия, надеясь добиться власти от генеральных штатов, созванных королем в Блуа. Когда оказалось, что преобладание сторонников лиги подавляющее, Г. III приказал умертвить Генриха Гиза и его брата кардинала Лотарингского.

Эти убийства окончательно порвали связь Г. III с католической партией. Фанатичные проповедники-католики стали требовать низложения и даже убийства «тирана». В Париже вспыхнуло новое восстание; король был объявлен лишенным престола. Вслед за тем примеру Парижа последовали и многие другие города. Тогда Г. III ничего не оставалось, как окончательно перейти на сторону протестантов. Он вступил в союзные отношения с Генрихом Наваррским и направился с ним к Парижу. Католической лиге грозила неминуемая опасность. 1 августа 1589 г. ярый приверженец Католической лиги доминиканский монах Жан Клеман под предлогом сообщения Г. III важной государственной тайны проник в его резиденцию в Сен-Блу. Лишь на мгновение главный прево де Ришелье опоздал предупредить удар кинжала, выхваченного монахом из-под сутаны. Король Г. III умер на следующий день, 2 августа 1589 г. С его убийством, как было сказано выше, пресеклась династия Валуа.

Законное право на престол перешло к вождю гугенотов королю Наварры Генриху из дома Бурбонов, который и стал новым королем под именем Генриха IV. Главный прево колебался недолго. Он стал верой и правдой служить новому королю и умер 19.07.1590 г., сраженный жестокой лихорадкой на 42-м году жизни.

ГИДАЛЬГО, см. ИДАЛЬГО МИГЕЛЬ.

ГИЗ ГЕНРИХ I (1550—1588), герцог Лотарингский. Принадлежа к могущественному роду и будучи принцем крови, Г. воспитывался при дворе французского короля Генриха II, известного учреждением т. наз. «Огненной палаты» (1547)*. Детство Г. совпало с распространением во Франции движения Реформации. Важную роль в распространении новых идей играла Коллегия королевских лекторов. (Колледж де Франс). Но сами идеи церковного реформирования появились в стране под влиянием гуманизма задолго до Реформации. Идеи последней явились своеобразной формой социального протеста для большинства ремесленников. Французский король Франциск I занимал позицию веротерпимости в отношении новых религиозных идей. Однако решительные выступления сторонников новой веры и стремительный рост движения во всей Франции заставили двор пойти на такие же ответные меры. Когда в 1534 г. афиши, составленные сторонниками Реформации, были расклеены даже в королевском дворце, Франциск I счел это неслыханной дерзостью. Запылали костры инквизиции. В 1535 г. во Франции были сожжены 35 еретиков и более 300 посажены в тюрьмы. В следующем году вышло первое издание «Наставление в христианской вере» Кальвина, и кальвинизм стал вытеснять лютеранство.

Воинствующий характер нового реформационного учения имел огромный успех. С приходом к власти Генриха II (1547) начались жестокие преследования. Но они лишь усилили тягу сторонников кальвиниз-

* «Огненная палата», чрезвычайный трибунал при парижском парламенте. Была создана Генрихом II в 1547 г. для расправ с гугенотами.

ма к организационному объединению. В 1559 г. в Париже собрался первый синод кальвинистских церквей Франции, на котором были представлены двенадцать общин, в т. ч. из Парижа, Орлеана и Руана. С 1560 г. Реформация вступила в новую стадию, которая характеризовалась значительным расширением движения за счет примкнувшего к нему дворянства. Король вынужден был занять позицию веротерпимости. Он даже попытался склонить папу к умеренной реформе церкви: предоставить мирянам право причащаться под обоими видами, отменить обет безбрачия для духовенства, ввести национальный язык в богослужение. Но папа не дал согласия на реформы, и во Франции начались гражданские (гугенотские) войны.

Франция раскололась на два враждующих лагеря. Кальвинистский лагерь был локализован преимущественно в юго-западных и южных областях страны. Аристократия и дворянство юга видели в кальвинистской Реформации прекрасное средство к улучшению своего материального положения за счет секуляризации церковных владений. Их вождями стали представители боковой линии царствующей династии — король Наварры Антуан Бурбон (а после его смерти в 1562 г. — его сын Генрих Наваррский, будущий король Генрих IV) и принц Конде (Людовик I Бурбон, родоначальник рода Конде, прадед Конде-Великого.)

Гугенотскому дворянству противостояли представители католического лагеря. Это дворянство базировалось в старинном домене короля — в северо-восточных и центральных провинциях. Они входили в Королевский совет и пользовались преимуществом назначения на церковные должности. По указанной причине, не будучи заинтересованным в се-

куляризации церковных владений, это дворянство считало себя защитником престола и католической веры. Вождями и вдохновителями этого лагеря были герцог Франсуа Гиз, главнокомандующий французской армией, и его брат Карл, кардинал Лотарингский (отец и дядя Генриха Г.).

Прелюдией религиозной гражданской (гугенотской) войны стал Амбуазский заговор (1560 г.). Его составила партия Бурбонов во главе с принцем Конде. Воспользовавшись малолетством нового короля (Франциска II, находившегося на престоле в 1559—60), Конде намеривался отстранить от власти Гизов, созвать Генеральные штаты и обеспечить права Бурбонов и свободу кальвинизму. Но заговор был раскрыт, многие мятежные дворяне были казнены, Антуан Бурбон и Луи Конде арестованы. И лишь неожиданная смерть короля спасла их от казни.

С вступлением на престол юного Карла IX правление перешло к его матери — регентше Екатерине Медичи. Она поделилась властью с Антуаном Бурбоном, что вызвало ожесточенную борьбу при дворе. Между тем страну всколыхнули религиозные волнения, а затем и вооруженные столкновения, спровоцированные акцией герцога Гиза против гугенотов в Шампани в местечке Васси в 1562 г. Юный Генрих Г. уже в то время был рядом с отцом. Убийство нескольких гугенотов и ранение около ста человек из участников собрания положили начало открытому вооруженному противостоянию.

В ответ на акцию Гизов принц Конде в том же году, предводительствуя гугенотами, взял Руан, Орлеан и другие города, но в конце года потерпел поражение при Дре. Тяжело раненный, он попал в плен и вынужден был подписать мир в том самом Амбуазе. В 1563 г. Г. находился с отцом в войсках и

принимал участие в осаде Орлеана, во время которой своими глазами увидел гибель отца, чье дело теперь переходило в руки тринадцатилетнего Г., нового герцога Лотарингского.

С тех пор Г. становится ревностным католиком и непримиримым врагом протестантов. Едва достигнув 16 лет, он отправился в Венгрию воевать с турками. Во Франции в это время продолжают воевать вооруженные стычки католиков с гугенотами. Снова за оружие взялся принц Конде. Он одержал победу при Сен-Дени и осадил Шартр; в 1568 г. заключил мир с двором, но через год возобновил военные действия. К этому времени Г. возвратился из Венгрии и окунулся в самую гущу гражданской войны. Первой его мезтью за гибель отца стало сражение при Жарнаке, где был разбит и взят в плен принц Конде. Попав в руки Г., он вряд ли мог рассчитывать на какое бы то ни было снисхождение. И принца Конде расстреляли. Против кальвинистов выступил адмирал Гаспар де Колиньи, чья племянница была замужем за принцем Конде. Но Г. победоносно защитил Пуатье от Колиньи.

В 1570 г. в Сен-Жермене был заключен мир, по которому кальвинистское богослужение допускалось повсюду, кальвинистам разрешалось занимать государственные посты. Гарантией исполнения условий мира должны были стать четыре крепости, предоставленные в полное владение кальвинистов (Монтобан, Коньяк, Ларошель и Лашарите).

Однако этот мир вряд ли мог удовлетворить Г. и его дядю, кардинала Лотарингского. Заполучив в союзники Екатерину Медичи и заручившись санкцией Карла IX, 24 августа 1572 г. они устроили в Париже Варфоломеевскую ночь. Поводом стала свадьба Генриха Наваррского и сестры Карла IX

Маргариты Валуа. К этому событию в Париж съехались гугенотская аристократия и представители рядового дворянства из южных регионов. В ту же ночь началось избиение. Адмирал Колиньи был убит лично Г. Это стало второй мстью за смерть отца.

К полудню 24 августа только в Париже было убито более 2 тысяч человек — дворян, купцов, ремесленников и даже иностранцев, приверженцев протестантства. Резня продолжалась несколько дней и быстро перекинулась в провинции. Генрих Наваррский спасся лишь потому, что перешел в католичество.

События в Париже вызвали восстание гугенотского дворянства на юге Франции, к которому присоединилась торгово-промышленная буржуазия. Объединение кальвинистов и лютеран привело к созданию в 1575 г. гугенотской конфедерации. В нее вошли земли от Дофинэ и Лангедока до Сентонжа. Конфедерация стала настоящим «государством в государстве» — со своей армией, системой налогов и самоуправлением.

В 1574 г. на престол взошел Генрих III (см.), протестантам были сделаны некоторые уступки. Но память о Варфоломеевской ночи была еще настолько свежа, что эти уступки имели незначительные последствия. А между тем военные действия в стране продолжались, и Г. был непременно организатором и исполнителем многих из них. В 1575 г. он участвовал в стычке при Дормансе, где получил ранение в голову, после чего получил прозвище *Ie Balatre* (имеющий рубец на лице).

После событий 1575 г. интересы католического лагеря обнаружились более остро, чем это было до сего времени. Провокатор массовых убийств гугено-

тов, Г. и его родственники посягали на овладение государственной властью. Они открыто перешли на путь антидинастической борьбы. Для этого им было нужна мощная организация, аналогичная гугенотской конфедерации. И такой организацией стала Католическая лига, образованная в 1576 г. Принадлежность к лиге была объявлена обязательной для всех католиков. Члены ее должны были беспрекословно повиноваться главе лиги — Г., претенденту на престол Франции. Цели, которые он ставил перед лигой, были близки к тем, к коим стремились гугеноты на юге: восстановление провинций и штатов в их древних правах.

В свои ряды Г. привлек феодальную аристократию, дворянство и формирующуюся буржуазию северных и центральных провинций Франции. Но Католическая лига, призванная, вроде бы, прогнать гугенотской конфедерации, должна была послужить интересам Г. Несовпадение политических и экономических интересов рядового дворянства, буржуазии и феодальной аристократии ослабляло лигу и, в конце концов, сделало возможным использование этого союза королем Генрихом III в интересах укрепления монархии. Сначала он вступил в нее, чтобы сделать ее неопасной для себя, а затем стал ее главой и объявил об отмене эдикта о свободе вероисповеданий.

Началась новая война, которая закончилась в 1580 г. неблагоприятным для протестантов Перигорским миром. Слабость короля в это время побудило Г. возобновить Католическую лигу. Он не терял надежды проложить себе дорогу к престолу. Он вступил в союз с Филиппом II Испанским и с папой Сикстом V. По тайному сговору между ними Г. обязался полностью истребить ересь как во Фран-

ции, так и в Нидерландах. Взамен он требовал помощи с возведением на престол. В 1585 г. папа издал буллу, в которой объявлял об отлучении от церкви Генриха Наваррского, единственного законного претендента на престол. В том же году Г. наводнил южную Францию своими войсками и вынудил короля подписать договор, по которому во Франции не должно быть терпимо никакое вероисповедание, кроме католического. Это стало поводом т. наз. войны трех Генрихов (Генрих Наваррский, Генрих Гиз и Генрих III). В том же году была создана Парижская лига. Не имея ничего общего по социальному составу с Католической лигой, они, тем не менее, сошлись в антиправительственной направленности и начали представлять реальную угрозу монарху. В 1588 г. Г. спровоцировал восстание католиков в Париже. Целью этого восстания был захват короля, которого он держал в осаде в Лувре. Но Генриху III удалось бежать. Королева-мать Екатерина Медичи под давлением Г. обнародовала эдикт, направленный против протестантов. Г. потребовал для себя титул коннетабля Франции*. Для утверждения его в этом титуле были созваны государственные чины в Блуа. Г. казалось, что он, наконец, достиг вершины своего могущества и сможет вершить судьбу страны. Но это был всего лишь апогей. По приказу Г. был убит король Генрих III, который заключил союз с Генрихом Наваррским и направлялся в Париж, чтобы свергнуть Г. Это случилось в

* Коннетабль, с XII в. воен. советник короля; с XIV в. — главноком. армией. В 1627 г. должность упразднена. При Наполеоне существ. должности коннетабля и вице-коннетабля.

августе 1588 г. А в декабре был убит сам Г. С его смертью пало могущество дома Гизов. Старший сын Г., Карл Лотарингский, сразу после убийства отца был заключен в тюрьму, но через три года бежал и пытался вести борьбу с Генрихом IV. Однако, видя всю бесполезность сопротивления, он подчинился королю и был назначен губернатором Прованса. Впоследствии был изгнан Ришелье из Парижа и поселился во Флоренции.

**ГОДОЙ МАНУЕЛЬ де, см. АЛЬКУ-
ДИЯ.**

ГОМЕС БАЭС МАКСИМО (1836 — 1905),

один из руководителей национально-освободительной борьбы кубинского народа против власти Испании.

Ему исполнилось семь лет, когда была образована независимая Доминиканская Республика. Еще в 1821 г. Санто-Доминго приобрела независимость в результате войны за освобождение испанских колоний в Америке, но в 1822 г. была включена в состав Республики Гаити. Причиной войны стал тот кризис, который охватил саму Испанию. Утратившая морское господство (в результате войн с Англией в XVI—XVII вв.) и претерпев борьбу европейских династий за испанский престол (см. в ст. *АЛЬКУДИЯ, ВИКТОР-АМЕДЕЙ II, ВИЛЛАР, ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ, МАЛЬБОРО, МИНА*), в XIX в. Испания была охвачена революционными преобразованиями. В результате революции 1808—14 гг. Были созваны Кадисские кортесы и издана Кадисская конституция (1812 г.). Но после падения во Франции Наполеона победила контрреволюция, возвращенный король Фердинанд VII восстановил абсолютизм. Однако спустя шесть лет пламя революции вспыхнуло снова. Ее организаторы потребовали восстановления Кадисской конституции 1812 г. В августе 1822 г. власть перешла в руки эскальтадос (партии левых либералов). В мае следующего года вступил в силу закон об аграрной реформе, но проведен он не был. В то же время в страну вошли войска Франции, конституционное правительство капитулировало, и восстановленный в правах король Фердинанд VII вернулся к абсолютизму.

Невозбранное владение колониями продолжалось до тех пор, пока Испания казалась колонистам непобедимой. Но влияние событий в Европе вскоре

сказалось и на ход исторических событий в Лат. Америке. В 1810 г. вспыхнула война за независимость. Испания пыталась усмирить повстанцев, но тщетно. Колонизаторов поддерживали некоторые индейские племена, потому что ненавидели креолов больше, чем испанцев. К концу 1815 г. испанцам удалось почти повсеместно восстановить свое господство, однако через год война за независимость разгорелась с новой силой, и в 1819 г. войска под предводительством Боливара освободили от них Гранаду, в 1821 г. — Венесуэлу, в 1822 г. — Кито. Войска под руководством Х. Сан-Мартина (с.м.) действовали не менее эффективно, отвоевав независимость для Ла-Платы в 1816 г., в 1818 г. — для Чили, в 1821 г. — для Ниж. Перу. Во власти Испании оставались лишь немногие территории, в том числе Пуэрто-Рико и Куба.

Открытый в октябре 1492 г. Колумбом, о. Куба являлся важным транзитным пунктом торговых и военных экспедиций Испании. Во время войны за независимость испанских колоний в Америке (1810—26) прогрессивная часть землевладельцев, которую возглавил Ф. Аранго-и-Парреньо, выступила за политические и экономические преобразования. Испания была вынуждена пойти на некоторые уступки. Ведь Куба была ее военно-морским оплотом в Лат. Америке. Опасения, что сюда может перекинуться пламя войны за независимость, оказались не напрасными. Уже в 20-е гг. на Кубе начинают издаваться газеты революционного толка, призывающие к свержению испанского господства.

Первое восстание за освобождение от рабства жестоко подавляется (1844 г.). В это время в самой Испании произошел контрреволюционный переворот, возглавленный генералом Р. М. Нарваэсом, ус-

транившим от власти прогрессистов. К 60-м гг. система рабовладения вступила в полосу кризиса. Начали зарождаться капиталистические отношения. Толчком к началу войны за независимость стала в немалой степени и Гражданская война в США (1861—65) за отмену рабства. Испанским властям приходится гасить вспышки войны то в одной, то в другой колонии.

В 1861—65 гг. Г. принимает активное участие в войне против испанцев на родном острове Гаити. Пример Гражданской войны в США, в результате которой было отменено рабство, подстегивает местных патриотов к активным действиям. На Кубе начинают издаваться массовые антиколониальные издания, происходят забастовки. Все это вылилось в Тридцатилетнюю освободительную войну. С ее началом (1868) Г. вступает в освободительную армию. Четырехлетний опыт войны на Гаити пригодился ему на Кубе, и вскоре он становится генералом повстанческой армии, проявив при этом талант истинного полководца. К концу первого года войны армия восставших насчитывала в своих рядах уже 26 000 человек (население Кубы исчислялось цифрой чуть более 200 000 человек). 10 апреля 1869 г. революционный конгресс в Гуаимаро принял республиканскую конституцию и единогласно вотировал немедленное освобождение от рабства. Приток в армию восставшего чернокожего населения принял огромные масштабы. Генералы восставших, Г., Антонио Масео и др., вели упорную борьбу против жесточайших попыток подавить восстание. Особой жестокостью отличался генерал-губернатор граф Вальмаседа. Однако генерал Валериано Вейлер, действовавший под его патронажем, превзошел губернатора своей жестокостью. Основными очагами революционной борь-

бы стали провинции Санта-Клара, Камагюей и Ориенте, но фактически восстание охватило весь остров.

Военное превосходство испанцев было заметным, но это не помешало армии Г. одержать ряд крупных побед над колониальными войсками. Первой из них стала битва при Поло-Секо (1873). В следующем году армия Г. одержала еще две крупные победы — при Наранхо и Гуасимас. Однако вскоре наиболее консервативная часть рабовладельческой буржуазии сумела приостановить затяжную войну. В 1877 г. новому генерал-губернатору Мартинесу Кампос удалось навязать повстанцам договор в Занжоне. От имени Испании он пошел на ряд уступок: полная амнистия для участников войны, освобождение чернокожего населения от рабства и политические реформы. Нужно сказать, что соглашательская верхушка Освободительной армии и сама была напугана размахом войны, поэтому и пошла на стовор с буржуазией. 10 февраля 1878 г. она подписала в г. Санхон компромиссный мирный договор, по которому должны были прекратиться вооруженные действия.

Г. в числе лидеров, оставшихся на революционных позициях, эмигрировал с Кубы в США. Но в эмиграции он не бездействовал. В военных лагерях эмигрантов шла интенсивная подготовка к новым боевым столкновениям. Руководство и разработку планов этих действий взял на себя новый лидер освободительного движения Хосе Марти. В 1892 г. он создал в США Кубинскую революционную партию. Г. стал сторонником идей Х. Марти.

24 февраля 1895 г. после семнадцатилетнего перерыва Г. снова высадился на Кубе в провинции Ориенте. Облеченный званием генералиссимуса Ос-

вободительной армии, Г. начал новую войну. Она имела буржуазно-демократическую направленность. Главную поддержку ей оказали городские средние слои (пролетариат) и крестьянство. Главным лозунгом боевых действий стало провозглашение независимости от Испании и создание национального государства. 19 мая 1895 г. в одном из боев погиб Х. Марти. Руководство взяли на себя Г. и А. Масео. В сентябре того же года было создано революционное правительство Кубы, объявленной Республикой, и выработана конституция. С октября 1895 г. по январь 1896 г. Освободительная армия прошла с боями весь остров и нанесла армии колонизаторов несколько серьезных поражений. 25 ноября 1897 г. Испания была вынуждена предоставить Кубе автономию.

Вскоре в открытый конфликт на Кубе вмешались США. Десант Хосе Марти и Г. на Кубу проходил не без поддержки США, которые стремились к вытеснению Испании из Лат. Америки и к расширению своего влияния в этом регионе. Все это время американский флот держал остров в блокаде. В апреле 1898 г., чтобы не допустить прихода к власти на острове революционных демократов, войска США высадились на берег и присоединились к повстанческой армии. 16 июня 1898 г. они захватили Сантьяго. Войскам Освободительной армии американское командование не разрешило войти в город. Американские власти объявили независимость Республики Куба от испанских колонизаторов, однако в то же время потребовали от Г. роспуска Освободительной армии, что он и сделал в январе 1899 г., заняв компромиссную позицию.

ДУАН ЛЕОПОЛЬД-ИОСИФ-МАРИЯ

(1705—1766), граф Даун, австрийский фельдмаршал. Происходил из старинного германского графства рода Даунов. Его отец, известный полководец Вирих-Филипп-Лоренц Даун, прославился при обороне Турина от французов в 1706 г. Позже управлял Неаполем на правах короля и в 1708 г. изгнал французов из Ломбардии, чем принудил папу Климента XI заключить мир с Австрией. Являлся губернатором Нидерландов, затем Милана, который в 1733 г., во время войны за польское наследство, сдал французам.

Д. начал свою военную карьеру в 1718 г., зачисленный в 13-летнем возрасте на службу в имперскую армию. Свое боевое крещение он получил, участвуя в войне за австрийское наследство (1740—48 гг.). Тогда Д. командовал полком и за успехи на поприще военачальника был произведен в фельдмаршал-лейтенанты. Тяжелые впечатления от многочисленных поражений австрийцев в этой войне отчасти послужили источником отличительных черт характера Д., как полководца, которые впоследствии в нем ярко проявились.

В 1745 г. Д. получил чин фельдцейхмейстера (должность главного начальника артиллерии) австрийской армии. Пользуясь большим доверием императрицы Марии-Терезии, он после заключения Аахенского мира (1748 г.) провел в жизнь ряд крупный и полезных реформ в австрийском военном деле и реорганизацию австрийской армии. В 1749 г. им был написан «регламент Дауна», который долгое время служил руководством для австрийской армии. По плану Д. и при его непосредственном активном участии в 1751 г. в Вене была основана Военная академия.

В 1756 г. вспыхнула Семилетняя война. Так называлась третья война из-за Силезии между Прус-

сией и Англией с одной стороны, Австрией, Саксонией, Россией, Францией и Швецией — с другой. Мария-Терезия не могла примириться с утратой Силезии. Уже в русско-австрийский оборонительный союз от 22 мая (2 июня) 1746 г. был внесен 4-й секретный сепаратный артикул, по которому, в случае нападения Фридриха II на Австрию или на Польшу или на Россию, утраченные венским двором права на Силезию и Глац тотчас же восстанавливались. Сопrotивление Пруссии выбору эрцгерцога Иосифа в римские короли при жизни императора, требование Фридриха II, чтобы саксонское казначейство погашало свои долговые обязательства, доставшиеся прусским подданным, всегда преимущественно перед другими кредиторами, наконец, конфискация (осенью 1752 г.) ипотечных сумм, причитавшихся подданным Георга II с Силезии — все это заставило соседей Пруссии подумать о собственной безопасности и о мерах к ограничению могущества прусского короля.

На конференциях, проведенных в Москве 14 и 15 мая 1753 г., русские государственные чиновники постановили не допускать дальнейшего расширения границ Пруссии и даже стремиться к возвращению ее в прежние скромные границы. Кроме того, было решено, закончив вооружаться, вторгнуться в Вост. Пруссию, если того потребует безопасность русской империи. Англия ради защиты Ганновера в том же году начала переговоры в С.-Петербурге, желая взять на свое содержание русский вспомогательный корпус для диверсии в Вост. Пруссии. Подкупив Менцеля, чиновника канцелярии министерского кабинета в Дрездене, прусский посланник Мальцан сообщал Фридриху II (с 1752 г.) из донесения саксонского посланника в С.-Петербурге Функе точные

и подробные сведения о переговорах между Саксонией, Россией, Англией и Австрией. С лета 1754 г. начались вооруженные столкновения между англичанами и французами в американских колониях на берегах Огайо. В июле 1755 г. Франция отозвала своих дипломатических представителей из Лондона и Ганновера. Для защиты Ганновера английский посол в России Вильямс подписал 19 сентября того же года конвенцию с Россией: Елизавета, за предоставленную Англией субсидию, обязалась содержать на лифляндской и литовской границах корпус в 55 000 человек. Фридрих II пошел на встречу Георгу II и подписал союз с Англией, чтобы смягчить наступательный характер англо-русского соглашения, направленного против Пруссии.

16 января 1756 г. была подписана так называемая Вестминстерская конвенция о нейтралитете для Германии: если любая держава под каким-либо предлогом ввела бы войска в Германию, то Пруссия и Англия обязывались воспротивиться этому объединенными силами. Между тем, с самого начала колониальных распрей в Америке стало ясно, что Англия считает своим главным врагом Францию, а Австрия — Пруссию. Мария-Терезия согласна была защищать Ганновер диверсией против Фридриха II. В то же время Георг II ждал от венского двора помощи в Бельгии. Еще в заседаниях 19 и 21 августа 1755 г. государственная конференция в Вене стремилась к примирению с Францией, предложив инфанту Филиппу, зятю Людовика XV, часть Нидерландов в обмен на Парму, Пьяченцу и Гвасталлу. За это версальский двор должен был отказаться от союза с Пруссией, чтобы свести ее к границам эпохи до Тридцатилетней войны.

К русско-австрийскому союзу думали привлечь

Саксонию — обещанием Магдебурга, Швецию — обещанием Штетина и части Померании. Австрийскому послу в Париже графу Штарембергу было поручено обратиться с этими предложениями к принцу Конти или к маркизе Помпадур. Граф предпочел последнюю. Благодаря закулисным интригам 1 мая 1756 г. был подписан акт о нейтралитете и оборонительный (т. наз. Версальский) договор между Францией и Австрией. В нем Австрия выражала желание соблюсти нейтралитет в распрях между Людовиком XV и Георгом II из-за колоний; обе монархии обязывались помогать друг другу при защите их европейских владений корпусом в 24 000 человек. Граф Кауниц (с 1753 г. стоявший во главе австрийской политики) преследовал еще и дальнейшую цель: уступкой всей Бельгии склонить Францию к деятельному участию против Фридриха II и добиться ее согласия не только на возвращение Силезии и Глаца Марии-Терезии, но и на дальнейшее ослабление Пруссии.

Россия должна была сделать трудный выбор между Австрией и Англией, потому что каждый из ее союзников соединился с одним из ее врагов. На аудиенции 25 марта 1756 г. австрийский посол граф Эстерхази сообщил Елизавете, что Мария-Терезия старается убедить версальский двор отказаться от союза с Пруссией и в случае удачных переговоров решила напасть на Фридриха II с 80-тысячным войском в надежде на помощь России. Елизавета ответила, что она сама собиралась сделать императрице-королеве подобное предложение. Послу также был вручен русский проект наступательного союза, а граф Воронцов в апреле принял для переговоров тайного уполномоченного версальского двора Дугласа. Но граф Кауниц хотел оттянуть начало войны до того времени, когда оборонительный союз

с Францией удастся превратить в наступательный или когда собственные вооружения будут доведены до таких размеров, что можно будет начать войну и без участия Франции. 22 мая он сообщил русскому двору, что начало войны приходится отложить до следующей весны. Фридрих II все время следил за каждым шагом союзников. 16 июля в Берлин пришло известие из Дрездена о том, что австрийские войска из Венгрии перемещаются в Богемию и Моравию. Спустя два дня он приказал своему послу в Вене Клингрэффену спросить Марию-Терезию, не направлены ли австрийские приготовления против Пруссии. 26 июля императрица-королева дала ответ, что принятые ею меры подразумевают лишь безопасность Австрии и ее союзников. Несколько дней спустя, отвечая на новый запрос Клингрэффена, она отвергла предположение о существовании наступательного союза между Австрией и Россией. Тем не менее, 26 августа 1756 г. Фридрих II послал своим войскам приказ перейти саксонскую границу. Прусское войско, возглавляемое самим королем, герцогом Бевернским и принцем Фердинандом Брауншвейгским, насчитывало 67 000 человек. Саксонская армия собралась в лагере у Пирны.

9 сентября отряд пруссаков завладел в Дрездене дипломатической перепиской саксонского двора. Август III предлагал Пруссии нейтралитет, но Фридрих требовал, чтобы саксонские войска присоединились к прусским. На третий запрос Фридриха к Марии-Терезии 11 сентября был получен ответ, в нем императрица-королева принимала вызов к войне.

13 сентября прусский авангард перешел австрийскую границу. Австрийский фельдмаршал Браун, стоявший лагерем у Колина, решил переправить отряд на правый берег Эльбы и соединиться с саксон-

цами. Для отвлечения неприятеля он стал у Лобозица, где 1 октября был атакован Фридрихом. Армия Брауна вдвое уступала силам противника, и тактически в этом сражении победу одержали пруссаки, но стратегически Браун задержал наступление неприятеля к Мельнику. Отступив и перейдя Эльбу, 11 октября австрийский фельдмаршал достиг Шандау. В этот день и в этом месте он условился соединиться с саксонцами, но те опоздали, перешли Эльбу лишь 13-го, не решились пробиваться на соединение с австрийцами и 15-го сдались во главе с фельдмаршалом Рутовским Фридриху. Все саксонское войско было включено в состав прусской армии, а Саксония перешла под управление Фридриха II.

Версальский двор должен был теперь по условиям договора от 1 мая 1756 г. (см. выше) отправить на помощь Австрии 24-тысячный корпус. Но Людовик XV пошел дальше: по новому союзному договору от 1 мая 1757 г. он обязался принять участие в войне с армией свыше 100 000 человек и выплачивать Марии-Терезии ежегодную субсидию в 12 млн. гульденов. За это венский двор должен был передать Франции часть своих Нидерландов (Ньепор, Остенде и др.), а остальную Бельгию с Люксембургом уступить инфанту Филиппу. В случае победы Франция получала Минорку, Австрия — Силезию и Глац, а также княжество Кроссен с частью Лузаци, Саксония — герцогство Магдебургское и княжество Гальберштадтское, Швеция — прусскую часть Передней Померании. По новому договору между Марией-Терезией и Елизаветой (от 22 января 1757 г.) каждая из императриц обязалась выставить армию численностью не менее 80 000 человек и продолжать войну до завоевания Силезии и Глаца. Взамен одновременного вознаграждения в 2 млн. гульденов по

договору 1746 г. Австрия согласилась выплачивать России ежегодную субсидию в млн. рублей. (31 декабря 1756 г. Елизавета присоединилась к оборонительному договору между Францией и Австрией, с оговоркой — не помогать Людовику XV против Англии и не требовать от него помощи против Турции).

В январе 1757 г. большинство имперского сейма в Регенсбурге признало вторжение Фридриха II в Саксонию и Богемию нарушением имперского мира и постановило утратить контингенты имперских округов и оказать помощь императору. Заодно с Фридрихом II, кроме Ганновера, пошли Гессен-Кассель, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Саксен-Гота, Шаумбург-Липпе-Бюккенбург. Все они приняли английские субсидии; во главе наблюдательного 47-тыс. корпуса, созданного на английские деньги, был поставлен сын Георга II, герцог Кумберландский.

Главнокомандующим австрийской армии был назначен принц Карл Лотарингский*. Д. был поставлен во главе самостоятельного отряда. По совету фельдмаршала Шверина и генерала Винтерфельда

* Карл, герцог Лотарингский и Баварский (1713—1780), великий магистр Тевтонского ордена, австрийский генерал-фельдмаршал, брат австрийского императора Франца I. После смерти брата и восшествия на престол его супруги Марии-Терезии, Карл был произведен в фельдмаршалы и в 1742 г. назначен главнокомандующим. Но, имея здесь своими противниками великих полководцев (Фридрих Великий, принц Мориц-Саксонский), Карл действовал неудачно и постоянно терпел поражения. Провел несколько удачных сражений с французами и баварцами. После заключения Аахенского мира он был назначен губернатором австр. Нидер-

Фридрих II решился открыть компанию в апреле. 27 апреля герцог Беве́рнский соединился со Шверинским у Мюнхенгреца. Богатые склады провианта в Юнгбунцлау достались пруссакам.

Все австрийские корпуса вынуждены были отступать на Прагу, где соединились и составили 61-тыс. армию, не считая гарнизона крепости численностью в 13 000 человек. 2 мая Фридрих II достиг белой горы, оставил фельдмаршала Кейта с 30-тыс. армией на левом берегу Молдовы, чтобы отрезать здесь австрийцам путь к отступлению. Сам же Фридрих с 20-тыс. армией переправился ниже Праги на правый берег, утром 6 мая соединился с силезской армией фельдмаршала Шверина, подошедшей от Эльбы, и в тот же день дал первое сражение (Пражская битва).

Разбитая австрийская армия укрылась в Праге, где и была осаждена пруссаками. Армия фельдмаршала Д. получила приказ лично от Марии-Терезии отважиться на битву, чтобы спасти город. И Д. выступил через Колин к Праге. Фридрих II с частью

ландов. С началом же Семилетней войны Карл был снова поставлен во главе австрийских войск. После осады Фридрихом в Праге Карл разбил корпус герцога Брауншвейг-Беве́рнского, но после разгрома от Фридриха при Лейтене навсегда отказался от военного поприща, вернулся к управлению Нидерландами и показал себя столь выдающимся администратором, что население еще при жизни воздвигло ему статую с надписью: «Orlime prensire», уничтоженную во время революции. Не путать: Карл Лотарингский (1571—1640), старший сын Генриха Гиза; Карл IV Лотарингский (1604—1675); Карл-Леопольд Лотарингский (1643—1690), см.

армии вышел к нему навстречу и атаковал его 18 июня на высотах у Колина. Недостаток резервов превратил неудачу атаки в полное поражение. Под командованием Д. находилось 40 000 человек, у Фридриха — 34 000. Войска Д. занимали высоты между Колином и Хотцевицем. Пруссакам почти удалось опрокинуть правый фланг Д., однако в это время правый фланг самих пруссаков дрогнул и был обращен в бегство австрийцами. Прусская кавалерия 6 раз шла в атаку, но так и не смогла прорвать оборону противника. В результате войска Фридриха были отброшены, потеряв 14 тыс. человек убитыми и ранеными и 43 орудия. Армия Д. потеряла 9 тысяч. Результатом сражения при Колине стало то, что 20 июня Фридрих II снял осаду Праги и отступил в Саксонию. 26 июня обе австрийские армии (почти 100 000 чел.) соединились под городом.

Тем временем русская армия под командованием Апраксина и Фермона насчитывала 80 000 — 90 000 человек и пока бездействовала, ожидая подходящего момента. Шведы находились у Грейфсвальда, а имперская армия двигалась к Эрфурту. Французская армия Роган-Субиза достигла Эйзенаха, а 2-я французская армия маршала д'Эстре 26 июля принудила герцога Кумберландского отступить от Гастенбека и вслед за ганноверцами двигалась в герцогство Бременское. Вскоре маршала д'Эстре сменил герцог Решилье (см.). Он продолжал теснить армию герцога Кумберландского к Штаде, после чего тот при посредничестве Дании подписал Клостер-Цевенскую конвенцию (8 сентября), положившую конец сопротивлению Ганновера.

Но король Георг II отказался ратифицировать эту конвенцию. В силу обещаний, данных им Англии, Фридрих II с 20-тысячным корпусом выступил

в Тюрингию против французов. 3 ноября он перевел свой корпус через р. Заалу и стал лагерем у Росбаха, где союзники были разбиты.

Имперцы ушли за Майн, Роган-Субиз отступил к Нордгаузену, где его ожидало подкрепление. А между тем, по причине отступления герцога Бевевернского в Силезию, летучий отряд австрийцев проник в Бранденбург, стремительным маршем прошел по его землям и 16 октября захватил Берлин. В городе началась паника, чиновники и министры бежали в Шпандау. Но Гадик, командир летучего отряда, удовлетворился контрибуцией и на следующий день покинул столицу.

Тем временем австрийцы в другой части овладели Швейдницею и Бреславлем. Фридрих II решил, что настала пора поправить дела новой битвой и 28 ноября перешел речку Кацбах. Узнав об этом движении неприятеля, принц Карл Лотарингский двинулся навстречу Фридриху. И 5 декабря, на высотах за Лейтеном, две армии сошлись в битве. Армия Фридриха насчитывала 33 000 человек при 71 орудии, под знаменами Карла и Д. находилось 60 000 человек и 65 орудий. Предприняв ложную атаку на правый фланг австрийцев, Фридрих II, используя рельеф местности, отвел свои основные силы и применил метод «косой атаки». Охватив левое крыло австрийцев, он отбросил его кавалерийской атакой. Австрийцы потеряли 7000 человек убитыми и ранеными, 20 000 человек были взяты в плен, включая трех генералов. Пруссакам также достались 24 орудия. В армии Фридриха потери составили 6000 человек убитыми и ранеными. В результате этой победы Фридриху удалось вернуть себе Бреславль (10.12.) с 18-тысячным гарнизоном.

Численность русской армии в 1757 г. доходила до

83 тыс. человек. 21 июля она вступила в пределы Пруссии, перешла на левый берег р. Прегеля и стала у Норкитена. Прусский фельдмаршал Левальдт, узнав, что русская армия обошла его, решил напасть на нее. 19 августа у дер. Гросс-Егерндорф при выходе русской армии из леса он атаковал. Но фельдмаршал Апраксин отбил атаку пруссаков, однако не перешел в общее наступление и сосредоточил армию у Алленбурга. Русский военный совет признал, что армия недостаточно снабжена провиантом для дальнейшего продвижения и решил повернуть в Тильзит, куда армия и перешла 12 сентября. Елизавета и ее советники признали, что действия армии не соответствуют обещаниям, данным Россией союзникам. 17 октября был подписан указ об отрешении Апраксина от командования и отдаче его под суд. В командование русской армией вступил Фермор (21.10.). Придворная конференция требовала зимнего похода на Кенигсберг, чтобы хоть как-то оправдаться в глазах союзников. Фермор направился в Вост. Пруссию, а 11 января 1758 г. его 34-тысячная армия вступила в Кенигсберг, город капитулировал. Жители и государственные служащие были приведены к присяге на верность императрице Елизавете, в главные города Вост. Пруссии назначены русские власти. Все доходы должны были поступать в русскую казну, а Фермона назначили генерал-губернатором.

Фельдмаршала Апраксина обвиняли в том, что он отступил из Вост. Пруссии под влиянием переписки, которую он вел с вел. кн. Екатериной (будущей императрицей Екатериной Великой), а также по причине припадка, случившегося с Елизаветой. Переписка проходила через руки канцлера Бестужева, поэтому 14 февраля 1758 г. и он был

арестован. Канцлером был назначен граф Воронцов.

В таком состоянии внутренних дел Россия вступила в очередной год войны. При венском дворе тоже произошли некоторые перемены. Главнокомандующий австрийскими войсками принц Карл Лотарингский подал прошение об отставке. Неудача под Лейтеном заставила его навсегда отказаться от военного поприща. Главное начальство над войсками Мария-Терезия передала своему фавориту фельдмаршалу Д. Именно с этого момента лучше всего обрисовывается образ Д., как полководца, хотя и сильно связанного гофкригсратом.

Фридрих II решил и в этом году открыть военные действия наступлением из Верхней Силезии (чтобы перенести войну в Моравию). 4 мая он был уже на пути из Богемии в Ольмюц и тем самым отрезал Д. от крепости. В конце мая началась осада Ольмюца, но из-за недостатка боевых припасов Фридриху пришлось прекратить ее. Узнав из донесений о движении русской армии, король выступил из Ландсгута против Фермона, начавшего 5 августа бомбардировать Кюстрин. 12 августа прусская армия переправилась через Одер между Кюстрином и Шведтом. Узнав об этом, Фермон снял осаду Кюстрина и ночью с 12 на 13 августа отступил к Цорндорфу. Здесь и произошло сражение, отличавшееся особой жестокостью. Но тактически битва при Цорндорфе осталась нерешенной, так как ни Фридрих, ни Фермон не возобновили ее на следующий день. Стратегическая же цель — задержать наступление русских — была достигнута королем.

В отсутствие Фридриха Д. планировал, соединившись с имперской армией на Эльбе, разгромить принца Генриха. Но 11 сентября король был уже в

Дрездене, а 26-го он выступил на Бишофсверд и Бауцен, чтобы отрезать связь Д. с Богемией.

14 октября обе армии сошлись у Гохкирха. Д. представилась прекрасная возможность взять реванш за поражение под Лейтеном, хотя тогда совершенно не разделял наступательного стремления К. Лотарингского и настоятельно рекомендовал более осторожный, оборонительный план действий. Численное превосходство было на стороне Д. (35 тыс. человек против 30-тыс. армии Фридриха). Прусская армия располагалась на высотах Гохкирха. Ранним утром ее линия обороны была внезапно атакована по приказу Д. австрийскими войсками. После непродолжительного сопротивления пруссаков австрийцам удалось ворваться в их лагерь и захватить артиллерию. Фридриху II стоило невероятных усилий организовать свои войска и благополучно отступить к Бауцену. В сражении при Гохкирхе он потерял 9 тыс. человек убитыми и ранеными, в том числе принца Брауншвейгского и фельдмаршала Кейта, все палатки, обоз и 101 орудие. Потери Д. составили 8 тыс. человек убитыми и ранеными.

К середине сентября русский командующий Фермор вполне убедился в бездействии Д. и невозможности скоординировать с ним свои операции. К 15 ноября почти все части русской армии перешли за Вислу и разместились на зимних квартирах. Фридрих II после трех наступательных компаний решил держаться в следующем, 1759 г. стратегической обороны, не избегая при удобном случае отдельных битв. И победа над австрийцами в Силезии стала для него предварительным условием всякого наступления. Он рассчитывал выставить армию в 110 тыс. человек.

В марте 1759 г. австрийские войска собрались в

Мюнхенгреце. Целью военных операций Д. избрал Силезию. Французы рассчитывали вновь завоевать линию Везера, на Майне командование принял герцог Брольи, на Рейне — маркграф Контад. У пруссаков фельдмаршал Левальдт был заменен графом Дона, которому в советники Фридрих назначил генерала Воберснова.

Чтобы спутать все планы врагов, Фридрих уже в феврале выслал Воберснова для разрушения русских складов снабжения войск в Познани, а сам 10 июля занял лагерь у Шмотзейфена, который контролировал дороги из Лузачии в Силезию. Имея 44-тыс. армию, он готов был принять битву против 77-тыс. армии, но Д. и не думал о нападении.

19 июня в командование русской армией вступил граф Салтыков. По окончательному плану, подписанному Елизаветой 3 июня, главные силы русской армии (до 39 тыс.) были направлены на соединение с австрийцами. В отдельный от австрийцев бой с прусской армией разрешалось вступить только в случае значительного превосходства над ней. Тем временем Фридрих заменил графа Дона на генерала Веделя по причине неудачных операций против русского тыла, предоставив ему диктаторские полномочия.

Тем временем Салтыков решил обойти прусскую армию у Целлихау. В ночь с 11 на 12 июля главным силам русской армии было приказано следовать на Кроссенскую дорогу, чтобы соединиться с армией фельдмаршала Д. Этот обход вызвал запоздалое движение пруссаков против русской армии. Все три их атаки были отбиты. Русская кавалерия обратила конницу Воберснова в беспорядочное бегство. Между тем, срок, условленный с австрийцами для со-

единения на Одере, миновал. По решению Д. генерал Гадик должен был теперь сдерживать принца Генриха на Верхней Шпрее, сам Д. — Фридриха II, а 20-тыс. корпус Лаудона (см.) — двинуться на встречу с русскими. Вопреки плану кампании, граф Салтыков стал подумывать о соединении со шведами, о набеге на Берлин через Франкфурт и вообще о том, чтобы отодвинуть весь театр войны не в Силезию, как того домогались австрийцы, а ближе к Вост. Пруссии, уже завоеванной русскими. Из Кроссена он отправил во Франкфурт генерала Вильбоа и сам выступил с главной армией туда же 21 июля. Этим движением к Берлину русский главнокомандующий и навлек нападение Фридриха именно на одну свою армию. 20 июля Вильбоа занял Франкфурт, спустя три дня туда же прибыл Лаудон, а затем и сам граф Салтыков. Д. через Лаудона предлагал Салтыкову идти обратно к Кроссену и там соединиться с австрийским главнокомандующим для наступательных действий. Но в ответ на это тот потребовал от Лаудона перейти на правый берег Одера, а сам готовил к набегу на Берлин отряд графа Румянцева. Нетрудно догадаться, что политика русской армии расходилась с официальной политикой С.-Петербургского двора. 30 июля передовые русские разъезды доложили, что пруссаки собираются наводить мосты у Лебуса, а на другой день утром было получено донесение, что прусская кавалерия перешла Одер у Герица. Салтыков решил тогда принять бой у Кунерсдорфа. В результате сражения пруссаки были обращены в полное бегство. Из 48-тыс. армии у короля Фридриха после этой битвы в наличии оставалось всего 3 тыс. человек.

На следующий день прусский король перешел

обратно за Одер, сумел собрать около 28 тыс. человек и 18 августа стал в Фюрстенвальде. После двух побед русской армии Салтыков был убежден, что теперь очередь действовать за фельдмаршалом Д. и что русская армия не должна выносить всю тяжесть войны на своих плечах. 11 августа состоялось свидание Салтыкова и Д. в Губене. В результате переговоров было решено оставаться на прежних позициях до взятия Дрездена, а затем сообща двинуться в Верхнюю Силезию.

26 августа главнокомандующий имперской армии принц Фридрих Цвейбрюккенгский появился перед Дрезденом. Фридрих II послал генерала Вунша на защиту города, но накануне его прибытия комендант Шметтау капитулировал (4 сентября). А тем временем принц Генрих решил уничтожить в тылу у Д. все его склады снабжения армии в Богемии, а затем идти в Саксонию. В связи с этим Д. пришлось оставить мысль о нападении на Фридриха II и отрядить 12-тыс. австрийский корпус в помощь Салтыкову, который шел осаждать Глогау. Сам же фельдмаршал последовал за принцем Генрихом в Саксонию. Фридрих, избавившись от Д., решил предупредить русских у Глогау. Он последовал за ними и 24 сентября достиг Одера раньше Салтыкова. С 21-тыс. армией король готов был принять битву против 50-тыс. армии русских. Но на военном совете 12 сентября, несмотря на протесты Лаудона, Салтыков принял решение перевести всю армию на правый берег Одера и удалиться на зимние квартиры. Лаудон со своей армией вынужден был возвратиться в австрийские пределы.

Под занавес этого года императора Фридриха II постигла новая неудача. 20 ноября 1759 г. австрийская армия под командованием фельдмаршала Д.

(до 26 тыс. человек) вступила в сражение с прусским корпусом генерала Финка (13 тыс. человек) при Максене в Саксонии. Д. окружил позиции неприятеля и после непродолжительного сопротивления вынудил генерала Финка сдаться. Были захвачены 17 пушек, а сам Финк и 11-тыс. армия сдались в плен. 10 января 1760 г. король отвел оставшиеся в его распоряжении войска к Фрейбергу и расположил их там на зимние квартиры.

В 1760 г. военные действия начались наступлением русских к Бреславию (15 июля). Главнокомандующий 1-й австрийской армией Д. наблюдал за основными силами Фридриха II у Дрездена, а принц Генрих с другой прусской армией поджидал русских у Сагана. А тем временем командующий 2-й австрийской армией Лаудон вторгся в пределы Силезии, окружил корпус генерала Фуке у Ландсгута и вынудил его сдаться (23 июля). После этой победы Лаудона назначили командующим силезской армии, независимым от Д. Уже в новой должности он осадил крепость Глац и вынудил ее сдаться (26 июля), а 31 июля он со своей армией появился уже под Бреславлем. Лаудон тщетно требовал сдачи города у коменданта Тауэнцина. Узнав, что русских нельзя ждать раньше, чем через дней десять, а принц Генрих уже под Глогау, 4 августа он отступил на Стригау.

Принц Генрих, действительно, спешил на выручку города. 6 августа он подошел к Бреславию и занял авангардом позицию, удобную для его прикрытия. В тот же день к городу подошел и Салтыков и, оценив обстановку, слишком поспешно заключил, что принц Генрих прочно укрепился в Бреславле. Отсюда Салтыков направился вниз по Одеру к Лейбусу, уже занятому русскими войсками, в надежде

на соединение с Лаудоном. Но по пути он узнал, что Фридрих II и Д. из Саксонии (где последний неудачно пытался овладеть Дрезденом) приближаются к р. Кацбах. Туда же на соединение с Д. отправился Лаудон.

Австрийские корпуса Лаудона, Д. и Ласи, стоявшие за Кацбахом и насчитывавшие 90 тыс. человек, решили атаковать Фридриха II у Лигница 3 августа и вызвали на помощь графа Чернышева. Но в ночь с 14 на 15 августа Фридрих II снялся лагерем из-под Лигница. Его армия в три раза уступала австрийцам по численности, и Фридрих понимал, что сопротивление бесполезно. Начав отступление к Парквицу, на высотах у Пфафендорфа Фридрих II неожиданно наткнулся на корпус Лаудона и разбил его наголову. В результате этого сражения 4000 австрийцев было убито и ранено, 6000 пленено. Лаудон потерял 82 орудия, доставшиеся пруссакам. 21 августа Фридрих стоял уже под Бреславлем.

План совместных операций русских с австрийцами рушился. 1 сентября Салтыков снова сдал дела Фермону и по причине болезни покинул армию. Военный совет русской армии (10 сентября в Каролате) решил отказаться от осады Глогау. Было также решено сформировать отдельный отряд под командованием генерала Тотлебена (в подкрепление — корпус Чернышева) для набега на Берлин.

Около 11 часов дня 22 сентября конница Тотлебена была уже на высотах напротив Котбусских и Галльских ворот Берлина. Штурм этих ворот не имел для Тотлебена никакого успеха. Он отступил к Кепенику, где на следующий день и соединился с корпусом Чернышева. На помощь русским спешил также Ласи, а на выручку Берлина шли генерал Гюльзен из Саксонии и принц Вюртембергский с се-

вера. Бездействие Тотлебена и Ласи позволило генералу Гюльзену проникнуть в Берлин и соединиться с принцем Вюртембергским. Однако и в этом случае силы оказались неравными. Пруссак теперь было 14 тысяч, а русских и австрийцев — 37 тысяч. Пруссаки решили не сопротивляться, и в ночь на 28 сентября отступили к Шпандау. Генералу Рохову было предоставлено право заключить капитуляцию.

В тот же день главные силы Фермона соединились у Франкфурта. Здесь к командующему поступило донесение, что Фридрих II лично спешит на помощь столице. Фермон послал срочное приказание Чернышеву отступить от Берлина и соединиться с главными силами. 2 октября к войскам снова возвратился Салтыков и начал обратную переправу войск на правый берег Одера. Но переход на зимние квартиры был завершён новым главнокомандующим, генерал-фельдмаршалом Бутурлиным.

Узнав о том, что русские войска покинули Берлин, Фридрих II повернул в Саксонию и 25 октября перешел Эльбу. Фельдмаршал Д., имевший строжайший приказ лично от Марии-Терезии во что бы то ни стало удержать Саксонию, занял позицию на высотах к северо-западу от Торгау. Но Фридриху II суждено было снова выйти из сражения победителем. Пруссакам удалось овладеть высотами. Австрийцы в беспорядке отступали к Торгау, а сам Д. был тяжело ранен в тот самый момент, когда уже собирался посылать сообщение Марии-Терезии о победе над Фридрихом II.

В деятельности Д. этого времени несомненно проявились военный талант, тонкий расчет и глубокие познания в технике военного искусства, что признавал за ним сам Фридрих II Великий. Все

три года, отчасти благодаря энергичному содействию русской союзнической армии, Д. довольно успешно боролся против активного и гениального короля-полководца, не раз принуждая его подчиняться своей воле. Ему неоднократно удавалось разрушать планы Фридриха, увертываться от ударов и даже самому наносить серьезные поражения противнику, как например при Гохкирхе. Ему удалось заставить капитулировать крупный прусский отряд генерала Финка у Максена. Но на всех военных операциях Д. лежала резкая печать медлительности, методичности, чрезмерной осторожности и даже робости, пристрастия к хитрым стратегическим маневрам и партизанским действиям против сообщений и снабжения неприятельской армии. Очень часто он старался избегать решительных столкновений с регулярными войсками врага. Даже в тех немногих сражениях, которые ему пришлось дать пруссакам, он всегда придерживался позиционной тактики и надеялся главным образом на силу орудийного огня и неприступность позиций. Не раз австрийская армия под верховным командованием Д. и при деятельной помощи союзников имела возможность победоносно закончить войну с Пруссией одним-двумя смелыми ударами. Но Д. не желал рисковать ни на йоту, как будто намеренно щадя Фридриха II и давая ему время вернуться из опасного положения. Такой образ действий, выделявший его даже на фоне всеобщего увлечения методичной стратегией в эпоху магазинной системы ведения войны, закрепил за ним историческое прозвище — «немецкий Фабий-Кунгтатор». Это сильно отразилось и на судьбах русской армии, принявшей участие в Семилетней войне. Она должна была, по утвержденным свыше

приказам, действовать на Одере в непосредственной связи и даже совместно с австрийской армией. Вследствие взаимного недоверия правительств России и Австрии, отражавшегося на характере инструкций обоим главнокомандующим, эти совместные действия никак не могли наладиться. Д. все время, под разными предлогами, уклонялся от соединения с русской армией. Он неоднократно избегал ее действительной поддержки, иногда вероломно нарушая всякие предварительные соглашения с Салтыковым и предписания свыше. Он часто старался подставить своего ретивого союзника под первый огонь и использовать его не столько в интересах общего, но ради узко австрийского и своего личного благополучия. Поэтому несколько раз за время войны (например, у Пальцига-Цюллихау, Куннерсдорфа, Франкфурта, Губека, Ольмюца) русские войска оказывались в довольно опасных положениях. Много раз они терпели бедствия из-за недостатка в продовольствии, снабжение которым входило в обязанности Австрии и, в частности, Д.

В кампании 1760 г. Д., наконец, потерпел от Фридриха II Великого чувствительное поражение у Торгау, был ранен и выбыл из строя. И хотя вскоре он вновь оправился и был поставлен во главе войск до самого конца войны (1762 г.), но ничем особенным себя больше не проявил, и дальнейшая его боевая деятельность была уже вполне бесцветна. По заключенному миру (1763 г.) с Австрией и Саксонией Пруссия закрепила за собой Силезию. В том же году был подписан Парижский мирный договор. Согласно ему, от Франции к Великобритании перешли Канада, Восточная Луизиана и большая часть французских владений в Индии. Главная цель Семилетней войны — победа Великобритании над

Францией в борьбе за колониальное и торговое первенство — была достигнута.

После окончания войны Д. был назначен президентом военного совета (гофкригсрата). На этом посту он продолжил реформирование армии и многое из того, что задумал, сумел претворить в жизнь. Президентом гофкригсрата Д. оставался до самой смерти в 1766 г.

ЕВГЕНИЙ, принц САВОЙСКИЙ и КАРИНЬЯНСКИЙ (1663—1736), маркграф Салуццо, австрийский генералиссимус, один из величайших полководцев истории. Младший сын Евгения-Морица Савойского и Кариньянского, главного начальника швейцарских войск на службе французского короля.

В детстве Евгений был тщедушным и весьма слабого здоровья ребенком. Его готовили к духовному званию; при дворе французского короля Е. называли не иначе, как «маленький аббатик». Но душа юноши не лежала к духовной деятельности. После достижения совершеннолетия Е. обратился к королю Людовику XIV с просьбой дать ему кавалерийский полк. Но это желание честолюбивого юноши встретило насмешку со стороны короля и его военного министра Лувуа. Уязвленный до глубины души, Е. покинул Францию и, затаив обиду, отправился на поиски счастья в Австрию. Перед отъездом он поклялся возвратиться на родину не иначе, как с оружием в руках.

Охотно принятый в императорские войска Австрии, Е. начал свою военную карьеру в боевых действиях в австро-турецкую войну 1683—99 гг. Он был участником освобождения Вены польским королем Яном Собеским. За два года командования драгунским полком Е. настолько выделился своими военными и полководческими способностями, что уже в 1686 г., при осаде Офена, двадцатитрехлетний полковник оказался в ответственной роли начальника обороны циркумвалацкой линии против многочисленной армии верховного визиря. В следующем, 1687 г., Е. — уже в чине генерал-майора — преследовал турок, разбитых при Герсане. Ему удалось проникнуть в укрепленный лагерь турок. Спе-

шив своих драгун, Е. взял штурмом последний турецкий оплот. В 1688 г. Е. был произведен в фельдмаршал-лейтенанты. В этом году он снова отличился, первым взойдя на брешь при штурме Белграда.

Когда началась Третья Нидерландская война (1688—97), Е. получил в командование войска, посланные в помощь герцогу Савойскому, Виктору-Амедею II (см.). Походы в Италию развили полководческие дарования Е. Здесь своим противником он имел именитого французского полководца маршала Катина, одного из лучших полководцев того времени. Но в лице герцога Виктора-Амедея II, не обладавшего необходимыми для вождя способностями, Е. нередко встречал преграду для своих военных планов. Е. отговаривал герцога Савойского от сражений при Стаффардо (1690) и при Марсалии (1693), но тот настоял на своем. Е. тщетно пытался исправить ошибки герцога своим личным мужеством и распорядительностью. Зато 28.07.1691 г., после упорного сражения, Е. вынудил французов к отступлению за р. По. В следующем году по его настоянию было произведено вторжение в Дофине и Прованс. Это доставило Франции огромные неприятности и беспокойство. Но наступление было остановлено по той простой причине, что герцог Савойский вдруг заболел.

За победы в Италии Е. в 1693 г. было пожаловано звание фельдмаршала. Военная репутация Е. была уже так высока, что о нем говорили во всей Европе. Людовик XIV стал звать Е. на свою службу, предлагая маршальский жезл и 20 000 ливров содержания, а также наместничество в Шампани. Но Е. ответил, что всем своим состоянием обязан австрийскому императору, а в деньгах не нуждается.

В 1697 г. Е. был назначен главнокомандующим

армией в Венгрии против турок. С этого момента ему, наконец, открылась возможность действовать свободно и самостоятельно. 11 сентября 1697 г. армия под командованием Е. одержала блестящую победу у Зенты, на р. Тейссе. Перед самым сражением к Е. прибыл курьер с депешей от императора, в которой запрещалось осуществлять решительные действия. Е. догадался о содержании депеши, поэтому не стал ее вскрывать. Он отдал приказ войскам атаковать турок. Когда об этом узнали в столице, председатель гофкригсрата генерал Капрара, поддавшись внушениям завистников и по причине личной неприязни к Е., потребовал и настаивал на предании Е. военному суду. Но император Леопольд I, в полном согласии с общественным мнением, не только не осудил победителя над турками, но и поставил во главе армии в Венгрии, а также даровал полную свободу от гофкригсрата.

Периодом наибольшего расцвета полководческого таланта Е. стала война за Испанское наследство (1700—14), во время которой им было совершено 12 походов в Италию и Нидерланды. Первый поход — 1701 г. в Италию — ознаменовался трудным движением 30-тысячной армии Е. от Ровередо к Мантуе среди первобытной природы Тиролевских Альп, не имевших даже вьючных путей. Орудия и обоз были разобраны и перенесены через горы на руках.

В 1701 г. Людовик XIV решил ограничиться в Италии оборонительными действиями. Там находилась французская армия маршала Катина, который предполагал, что самый вероятный путь наступления австрийцев будет идти по правому берегу р. Адиджа. Поэтому к маю 1701 г. он сосредоточил армию на позиции между озером Гарда и Адиджем у Риволи. Эта позиция была сильной и выгодной в

стратегическом отношении. Она давала возможность преградить наступающей из Тироля армии противника дорогу в Италию. Маршал Катина планировал удерживать позицию у Риволи и одновременно двинуть войска во все горные проходы к западу до озера Комо и, не переходя через р. Адиг из уважения к венецианскому нейтралитету, ограничиться оборонительными действиями.

Между тем австрийская армия под командованием Е. собралась к концу мая у Бреонио. Отсюда 4 июня она начала наступление по левому берегу р. Адижа, и уже 6 июня обе армии расположились следующим образом. Австрийцы: генерал Гутенштейн — недалеко от Монте-Бальдо, главные силы Е. — у Мартино, генерал Пальфи — возле Леньяго. Кроме того, к ним должны были присоединиться 3700 человек пехоты и 5000 кавалерии союзников. Французы: 8700 человек — у Риваги, один батальон у Феррары, 2300 человек — у Буссоленго, главные силы Катина — у Вероны, 10 000 генерала Тессе — в Оппиано, 4000 человек — в Мантуе.

Вместо того, чтобы занять центральную позицию, откуда можно было бы предпринять наступление против переправляющегося противника, маршал Катина растянул свои войска кордоном по р. Адигу. Последствием этого стало то, что, получив известие о готовившейся переправе у Капри, он не успел сосредоточить достаточных сил к незащищенному пункту. Стянув к 10 июля к Ногаре 20-тысячную армию, он вынужден был отойти к р. Минчио. Между тем, Е. 9 июля переправился через Адиг у Капри, а уже 15-го — прибыл к Виллафранку, где в тот же день соединился с ген. Гутенштейном. К 16 июля у Е. было 33 000 человек и 70 орудий против 38-тысячной армии Катина, которая распо-

ложились на фронте Мармироло—Боргетто. 26 июля австрийцы начали движение к Минчио, а для прикрытия его отряд генерала Пальфи должен был имитировать движение на Гоито. Ночью все войска без помех переправились и расположились недалеко от Пескьеры. Маршал Катина вместо того, чтобы, пользуясь численным превосходством, атаковать имперскую армию и отбросить ее за Адиге, позволил ей совершить фланговый марш и восстановить сообщение с Тиродем. После переправы через Минчио Е. решил использовать выгодное положение и отходом левого фланга французской армии заставить ее без боя покинуть свои позиции по рр. Минчио и Къезе. 31 июля австрийцы выступили на Лонато и Каминело, где расположились лагерем. При указанном движении Е. выигрывал новую коммуникационную линию на Тироль по долине Къезе и занимал такое положение, что Катина должен был опасаться за Олио. Не уяснив себе обстановки, французский маршал был твердо убежден в наступлении Е. к Мантуе и р. По. Поэтому он переправился через Олио и занял позицию у Канетто. Австрийский главнокомандующий узнал об отходе французов и 8 августа передвинулся в Вигиццоло и отправил кавалерийский отряд Пальфи для рекогносцировки в сторону Къяри и Палаццоло. Известие об этом побудило Катина отвести армию в Сончино, куда он прибыл 15 августа и занял позицию у Романенго. 22 августа на смену маршалу Катина прибыл новый главнокомандующий французской армии маршал Виллерау. Оценив обстановку, он решил перейти в наступление. 29 августа французские войска перешли р. Олио и к 31-му расположились к югу от Къяри. Е. получил известие о переправе противника и расположился фронтом к югу на

позиции у Кьяри. Австрийцы имели в своих рядах 13 000 ед. пехоты, 9000 ед. кавалерии, французы — 30 000 ед. пехоты и 8000 ед. кавалерии. 31 августа французы без артиллерийской подготовки атаковали позицию у Кьяри, но были отбиты, потеряв 3600 убитыми и ранеными. Потери австрийцев не превысили 200 человек.

После боя у Кьяри французская армия расположилась на линии Ураго-Кастрецато, где оставалась в бездействии более двух месяцев. Однако недостаток продовольствия вынудил маршала Виллеруа в ночь на 13 ноября скрытно перейти через Олио, отойти к Кремоне и расположиться на зимних квартирах.

Е. не успел помешать отступлению французов, двинулся вниз по Олио и, став между армией Виллеруа и Мантуей, обложил эту крепость. Попутно он овладел Боргофорте, Остильей, Понтемолино, Гвасталлой и Мирандолой. Прикрываясь Минчио и По, Е. также расположился на зимних квартирах.

В начале 1702 г. австрийские войска занимали квартирное расположение к востоку от р. Олио, в районе Остиано, Новелрара, Мирандола и Кастильоне. Французы стояли западнее той же реки, главная квартира войск находилась в г. Кремона. Виллеруа, будучи полностью уверенным в том, что подкрепление к нему подоспеет раньше, чем к его противнику, решил оттеснить принца Е. за Минчио. Тоже самое понимал и Е. Упредив наступление неприятеля, он составил дерзкий план для овладения Кремоной, введя туда войска подземным ходом из крепостного рва. В этом ему помог австрийский соумышленник аббат Козоли. Подземный ход вел как раз через его погреб. В назначенное время, в 7 часов утра 1 февраля, 600 человек собрались во дворе

дома аббата, а затем двинулись в город, перебили караул и овладели воротами, заняли площадь и взяли в плен маршала Виллеруа.

Этим, однако, и закончились успехи имперцев. Сменивший Виллеруа генерал Ревель собрал войска и вытеснил австрийцев из города. 18 февраля прибыл новый главнокомандующий французской армии герцог Вандом. Он решил перейти в наступление по южному берегу По, а затем предпринять операции по деблокированию Мантуи. Принц Е., узнав о наступлении противника, приказал снять блокаду Мантуи и сосредоточить главные силы (24 тыс.) на линии Куртатоне-Боргофорте. Тем временем Вандом 23 мая дошел до Минчио, занял Ривальту и Гито и вынудил имперцев очистить весь левый берег Минчио. 1 июня он овладел Кастильоне. Сообщения Е. с базой подвергались теперь большой опасности.

Между тем Вандом продолжал наступление. К 25 июля 1702 г. он переправился на правый берег По и дошел до р. Энца. Узнав о его приближении, Е. приказал устроить укрепленную линию на 6000 человек у Боргофорте, а 3 кавалерийским полкам генерала Висконти — двинуться к Бресчелло и наблюдать за линией р. Энца, а также позаботиться о постройке бастионов у Санта-Виттории, куда отошли его части при наступлении французов. Но у Санта-Виттории Вандом атаковал Висконти. Застигнутый врасплох отряд Висконти пытался оказать сопротивление, но был отброшен к Гвасталле, потеряв 600 человек убитыми и ранеными и 400 пленными. Окрыленный этим незначительным успехом, французский маршал решил во что бы то ни стало настигнуть австрийскую армию и сразиться с ней в открытом поединке. 28 июля он выступил из Санта-Витторио в направлении Новеллары, попутно

овладев Реджьо, Карпи, Моденой и Кореджьо. Вандом надеялся соединиться с армией Водемона и продолжить наступление на Боргофорте.

А армия Е. в ночь на 1 августа перешла р. По и потянулась к Солето. Спустя две недели французы Вандома получили подкрепление от Водемона и прибыли к Люцаре (15 августа). Когда Е. доложили о подходе французов, он приказал своей армии выйти навстречу неприятелю, понимая, что сражение вряд ли удастся избежать.

Узнав о приближении Е., Вандом приказал построить свою армию в боевой порядок. Е. опасался за путь отступления на Солето, которому угрожал выдвинутый вперед левый фланг противника. Поэтому он вызвал к себе генерала Коммерси и отдал приказ выступить против французов именно на этом участке.

Поле будущего сражения представляло собой пересеченную местность. Е. прекрасно понимал, что действия конницы будут затруднены. Кроме того, пересеченная местность скрывала расположение неприятеля. Е. опасался, что географические неудобства приведут к некоторой разрозненности войск и несогласованности в действиях. Так оно и случилось.

В 5 ч. утра по условленному сигналу Коммерси начал артиллерийскую канонаду, продолжавшуюся в течение часа, а затем двинулся в атаку. Из-за пересеченной местности австрийцам трудно было развернуться, и бой очень скоро превратился в несогласованные стычки в разных местах. Головные батальоны Е. при поддержке нескольких эскадронов двинулись в атаку. Встреченные с фронта и поражаемые огнем с фланга, австрийцы дрогнули. В бою был смертельно ранен генерал Коммерси, и его ар-

мии пришлось отступить. Е. отправил на этот участок подкрепление, которое попало под фланговый огонь и с огромными потерями было отброшено назад. Чтобы исправить положение, Е. лично отправился на правый фланг. Главнокомандующий организовал войска, снабдил их подкреплением и приказал повторить атаку. После ожесточенного поединка австрийцам все-таки удалось дойти до линии французских расположений, а полк Гутенштейна успел даже прорваться через окопы. Но в этот момент Вандом пустил в дело четыре кавалерийских полка под командованием Безона, находившиеся в резерве. Конница французов опрокинула австрийцев и остановила их дальнейшее наступление. К вечеру интенсивность сражения на этом участке стала ослабевать.

На левом фланге дела складывались также не лучшим образом. Войска под командованием графа Штаремберга перешли в наступление, которое вскоре было остановлено. Тогда 17 эскадронов направилась в обхват правого фланга Вандома. Загорелся упорный бой, в результате которого взятая во фланг конница отхлынула назад и открыла тыл, однако своей атакой она заставила французов приостановить наступление на этом участке. Наступление темноты и усталость войск прервали бой, армии были разведены. Потери противников составили примерно одинаковое количество: австрийцы — 2700 убитыми и ранеными, французы — около 3000 убитыми и ранеными.

Боевые действия больше не возобновлялись. Только лишь в первых числах ноября Вандом вдруг решил обойти левый фланг Е. 5 ноября французы двинулись к Реджиоло, а спустя два дня захватили мост у Банданелло и расположились

здесь лагерем. Е. сразу догадался, что Вандом намерен расположиться на зимние квартиры в районе рр. Секья и Панаро. Он отправил четыре полка кавалерии на правый берег Секья с приказом задержать переправу французов до подхода главных сил. Однако маршал Вандом не решился атаковать сильную позицию, выбранную Е., и 13 ноября отошел к Фабрико.

В 1703 г. Е. отозвали в столицу империи, командование войсками он передал графу Штарембергу. Несмотря на то, что кампания в Италии 1702 г. закончилась не совсем удачно, Е. все-таки заслужил похвалы. Ему пришлось постоянно бороться с противником, превосходящим его в два раза по численности. При затрудненном сообщении с Австрией, Е. встал выше предрассудков времени и, вместо шаблонного способа обеспечения войск продовольствием, сумел извлечь все необходимое из средств занятой им страны.

В Вене его ждало неожиданное повышение. Е. был назначен президентом гофкригсрата, и к нему теперь приходило высшее руководство всеми военными делами империи. Но к войскам Е. не вернулся. Ему пришлось отправиться в Венгрию. Воспользовавшись тем, что Австрия воевала за Испанское наследство, Ференц II Ракоци начал антигабсбургскую войну (1703—11). Е. было приказано усмирить восстание, что он с успехом и сделал. Ракоци вынужден был отступить. В следующем, 1704 г., он стал князем Трансильвании и занялся созданием своей собственной регулярной армии.

В 1704 г. Е. возглавил 16-тысячную австрийскую армию, которая 11 августа соединилась у Шенфельда с армией Мальборо (см.) и одержала победу над французами и баварцами при Гохштедте. Результа-

том этой победы стал разрыв союза между Людовиком XIV и Максом-Эммануилом Баварским.

В начале 1705 г. Е. был послан во главе 28-тысячной армии в Италию на помощь графу Штарембергу и Виктору-Амедею II (с.м.). 22 апреля Е. прибыл в Ровередо. Здесь он узнал о тяжелом положении осажденной Мирандолы. Е. принимает решение переправить часть войск через Минчио у Сальонце, а с остальными отправиться к Мирандоле. Однако отряд, отправленный Е. через Минчио, был отброшен французами обратно за реку, а 10 мая Мирандола пала.

Тогда в голове австрийского главнокомандующего рождается дерзкий план захвата Милана. По предложению Е. это должно произойти так, чтобы город застать врасплох. Он не стал повторять ошибку и переплавляться снова через Минчио, а посадил войска на плоты и переплавил их по озеру Гарда до Соло и Говардо. Оттуда Е. выступил в ночь на 23 июня к верховьям Олио, где намеревался соединиться с сардинцами. 2 июля армия Е. овладела Понтольо и Палацоло, а затем Сончино, где Е. получил необходимые подкрепления. 15 июля он выступил на Романенго.

Узнав о передвижениях армии Е., Вандом соединился с войсками Лапара и своего брата, направился через Лоди и расположился лагерем против Е. Но австрийский главнокомандующий решил избежать поспешного сражения и скрытным маршем стал перемещаться к верховьям Адды, он хотел перейти реку раньше, чем французы успеют начать преследование. 10 августа ночью Е. вышел к Треццо, а оттуда к Парадизо, куда прибыл на рассвете 13-го и тут же приказал наводить мосты через Адду. Но из-за недостатка материалов строительство

мостов затянулось. Е. успел перебросить на противоположный берег реки лишь часть армии, как вдруг там оказался Вандом. Это заставило полководца отказаться от переправы. Он решил воспользоваться разделением французской армии и напал на Кассано, где располагался 13-тысячный отряд под командованием брата Вандома. 15 августа произошло сражение. После упорного сопротивления французы отбили Е., который с большими потерями вынужден был отступить к Тревилио. Здесь он приказал разбить лагерь. Французы расположились у Ривальто и не предпринимали решительных действий, ограничившись наблюдением за маневрами Е. Соотношение сил было не в пользу последнего, ряды его армии сократились до 10 000 человек, в то время как под знаменами Вандома находилось 21 000 человек.

После двухмесячного позиционного стояния Е. в ночь на 10 октября оставил Тревилио и двинулся на Москацано. Он планировал переправиться через Серьо и, прикрываясь нижним течением Адды, соединиться с сардинцами. Но, получив известие о передвижении Е., французский маршал приказал своим войскам на нижней Адде перейти на левый берег Серьо, а сам переправился через Адду у Лоди с главными силами и подошел к Кастильоне. Заняв высоты между Лонаго и Кастильоне, Вандом отбросил передовые части Е. к Къезе. После этого войска обеих армий вынуждены были разойтись на зимние квартиры. Французы расположились между Дезенцано и Карпендоло, а австрийцы — у озера Гарда. Граф Штаремберг, продолжавший боевые действия в Пьемонте, 21 октября овладел г. Асти. Французские подразделения в Ницце под командованием маршала Бервика 14 ноября овладели городом, а

4 января, уже 1706 г., ему сдалась и цитадель Ниццы. Таким образом, быстротой и решительностью своих действий главнокомандующий Вандом сделал все попытки Е. проникнуть в Пьемонт тщетными. В конце 1705 г. умер император Леопольд I, и на престол в Вене взошел Иосиф I. Принц Е. отбыл в столицу, оставив временное командование генералу Равентлау.

Боевые действия в Италии в 1706 г., проведенные Е., считаются верхом военного искусства этого полководца. В эпоху, когда целями боевых действий на войне считались осады крепостей (т. н. крепостные войны), а самым существенным средством одоления противника являлась угроза его коммуникациям, Е. поставил перед собой цель одним массированным ударом овладеть всей Италией.

В апреле 1706 г., воспользовавшись временным отсутствием в австрийской армии Е., маршал Вандом задумал овладеть Турином, у которого находилась 25-тысячная армия под командованием графа Штаремберга. Под знаменами Вандома находилось более 44 000 человек. 19 апреля Вандом овладел Понте-сан-Марко и повел атаку на левый фланг австрийцев у Кальчинато. После упорного сопротивления французам (36-тысячная армия) генерал Ровентлау (20-тысячный отряд) был разбит и отброшен к Ровередо. В этой битве австрийский генерал потерял 3000 убитыми и ранеными. Потери французов составили не более 500 человек. Следующая битва могла закончиться полным крахом для имперской армии, однако Вандом не стал развивать наступление на Ровередо, куда вскоре прибыл австрийский главнокомандующий Е. с незначительным отрядом (3600 человек). Он тут же провел перегруппировку сил и двинулся к Вероне, недалеко

от которой расположился на левом берегу Адиджа.

Обе армии бездействовали с конца мая до середины июля. Е. имел в своем распоряжении 16 000 ед. пехоты и 5000 ед. кавалерии. Он ожидал 10-тысячного подкрепления из Германии. Силы Вандома почти в два раза превосходили армию Е. (39 000 человек), но Вандом не стал наступать, а старался выиграть время для овладения Турином, обложенным де Лафельдом с 13 мая.

Настойчивые требования Виктора-Амедея II (см.) и опасение Е. потерять этого, хотя и не столь существенного, но все же союзника австрийцев, вынудили полководца перейти к решительным действиям. В ночь на 5 июля Е. быстро спустился вниз по Адиджу, 9-го переправился у Бадья, 16-го перешел р. По у Полицеллы и достиг р. Панаро у Кампосанто. Правый фланг французской армии был обойден, и она, не имея теперь никакой возможности удержаться на р. Адидже, отступила за р. Минчио. При таком командующем, как маршал Вандом, подобный обход фланга не имел бы для французов никаких последствий. Но, к несчастью французов, маршал был назначен командовать войсками в Нидерланды, чтобы поправить там положение после поражения Виллеруа при Рамильи. Его преемником на посту французского главнокомандующего в Италии был назначен герцог Орлеанский (см. ФИЛИПП II ОРЛЕАНСКИЙ). Не уступавший своим характером смелости и решительности Е., Филипп Орлеанский, тем не менее, не обладал достаточным опытом и был связан советами маршала Марсена, имевшего полномочия короля Людовика XIV — в случае разногласий во мнениях с герцогом Орлеанским — принять главное командование над армией.

Армия Е. была разделена на две части по разные

стороны р. По. Пользуясь своей сосредоточенностью и превосходством сил, французы легко могли разбить австрийцев по частям. Но герцог Орлеанский и маршал Марсен сами допустили ту же ошибку и разделились на два войска. Оставив на р. Минчио 10-тысячный отряд графа Медави, французы с остальной армией (26 000 человек) перешли на правый берег р. По и стали лагерем при Сан-Бенедетто за р. Секьей. Они заняли фланговую позицию в отношении пути наступления на Турин.

24 июля Е. перешел через р. Панаро у Кампосанто, затем переправился через Секью и 1 августа овладел Капри и Кореджью, находившимися на правом фланге французской армии. Одновременно с этим принц Гессенский (с.м. ФРИДРИХ ГЕССЕНСКИЙ) начал наступление на Минчио против графа Медави и оттеснил его к Кастильоне. 9 августа Е. прибыл в Реджью, взял его после недельной осады и 15-го утром двинулся к Парме, которая пала на следующий день.

Герцог Орлеанский и маршал Марсена до сих пор проявляли полную пассивность, но после столь решительных действий Е. они стали опасаться за сообщения с Миланом. Они переправились на левый берег р. По, чтобы поддержать отряд Медави. Но они опоздали: Гоито находилось уже в руках австрийцев.

19 августа австрийская армия Е. находилась около Пьяченцы, а на следующий день двинулась к Страделле. Обладание этим пунктом было для Е. тем важнее, что эта узкая теснина являлась ключом для вторжения в Пьемонт. Герцог Орлеанский разгадал намерение австрийского главнокомандующего и, зная стратегические выводы страделльской позиции, поспешно направился туда из Кремоны по

левому берегу р. По. Он опоздал всего на несколько часов и не успел преградить путь австрийцам. Герцогу Орлеанскому пришлось отступить через Кивассо к Турину. 28 августа он соединился с де Лафельдом. А тем временем Е. следовал на Вогеру и смело прошел между Тортоной и Алессандрией, занятыми сильными французскими гарнизонами. 31 августа Е. уже был в Асти, а 2 сентября он соединился с армией Виктора-Амедея II. Численность союзников составила 36 000 человек, в то время как под знаменами герцога Орлеанского находилось почти 60 000 человек. С такой силой ему можно было достигнуть решительных результатов. Но вместо активных действий Филипп Орлеанский решил встретить неприятеля, не выходя из своих контрвалацких линий.

7 сентября 1706 г. под Турином разыгралось грандиозное жестокое сражение, в котором французы понесли страшное поражение и вынуждены были отступить к Алессандрии на соединение с Медави, добровольно отрезав себя от остальных французских войск на рр. По и Минчио.

Поражение французов от Е. под Турином повлекло за собой потерю всей Италии, несмотря на их успешные действия на р. Минчио. Между тем, принц Гессенский (18-тысячная армия) овладел Гоито и начал осаду Кастильоне, на выручку которого из Мантуи спешил Медави со своей 13-тысячной армией. 8 сентября у Сольферино он столкнулся с австрийцами и отбросил их на левый берег Минчио. Но эта победа не могла уже поправить общего положения дел, когда главная французская армия была разбита под Турином и когда принц Е. своим маршем к Милану совершенно отрезал Медави от его базы. С разрешения короля Людовика XIV Медави

вступил в переговоры с Е. и, сдав имперцам Модену, Мирандолу, Виченцу, Кремону, Мантую и Милан, получил разрешение австрийского главнокомандующего на отступление во Францию. За французами осталась лишь Суза, но вскоре они оставили Пиньероль, Верчелли, Иврею и Верруа, перешедшие под власть сардинцев. 15 сентября Е. сдалась крепость Кивассо, а 20-го Новара с фортом Бар. Затем настала очередь Лоди, Пичигетоне, Тортоны, Александрии и др. укреплений, общее число которых доходило до 20. А в начале следующего, 1707 г., 10-тысячный отряд австрийцев овладел Неаполитанским королевством.

Таким образом, вся Италия оказалась потерянной для французского короля Людовика XIV. Можно себе представить, что творилось в душе монарха, когда он вспоминал невзрачного тщедушного юношу болезненной наружности, который некогда обратился к нему с просьбой предоставить в командование лишь кавалерийский полк. Теперь он превратился в известного всей Европе непобедимого полководца, управлять войсками которому доверил бы каждый монарх. Ведь движение Е. в Пьемонт бесспорно принадлежит к блистательным подвигам. И успех этот объясняется смелостью решения бросить свои коммуникационные сообщения и быстрым движением ударить по сообщениям противника, не останавливаясь, вступить в решительный бой, а также — искусно выбранным пунктом атаки укрепленных линий под Турином. Е. отдал во власть Габсбургов всю Италию, несмотря на 33 крепости, занятые французскими гарнизонами, лишенными сообщений со своими главными силами.

С 1708 г. принц Е. действовал в Нидерландах, имея под своим началом неоднородную по своему

составу, союзническую армию — орудие, мало гибкое в руках любого полководца. И тем не менее, в союзе с талантливым герцогом Мальборо, им были одержаны победы над французами при Удернаде (1708) и Мальплаке (1709; об этих сражениях см. в ст. МАЛЬБОРО). Имевший талант к составлению дерзких военных планов, Е. и в Нидерландской кампании не изменил себе. В 1712 г., после отзыва Англией своего полководца герцога Мальборо с фронта, Е. задумал решительное вторжение в пределы Франции и продвижение долиной Уазы на столицу — Париж. Однако, отдавая дань своему веку, увлекся осадой крепостей и проиграл в результате Дененскую операцию против Виллара (см.). Именно это поражение одного и победа другого именитых полководцев стали причиной заключения 11 апреля 1713 г. мирного договора, имеющего в дипломатической истории Европы такое же значение, как и Вестфальский мир. Австрия в союзе с имперскими князьями продолжала войну до 1714 г., пока, наконец, в Раштадте не был заключен мир. Главными результатами войны стало отречение Филиппа V от личных и наследственных прав на французский престол, он был признан лишь королем Испании и ее колониальных владений; Англия получила Гибралтар, Порт-Магон, острова Минорку и Сан-Доминго, французские владения в Новой Шотландии (Акадию, Гудзонов залив, Ньюфаундленд). Голландия получила лишь право содержать гарнизоны в крепостях Менене, Намюре, Турне и Ипре. Герцог Савойский Виктор-Амедей II был признан королем Сицилии; ему были предоставлены Шато-Дофин, Ницца и Монфера. Пруссия получила Гельдерн, а за ее государем были признаны королевский титул и верховные права над Невшателем. Бельгия,

Милан, Неаполь и Сардиния были присоединены к Австрии. Курфюрстам кельнскому и баварскому возвратили их владения. Франция удержала за собой главные приобретения Людовика XIV, но, несмотря на достижение главной цели войны за Испанское наследство — возведение на престол Испании Бурбона, — утратила свое бывшее грозное могущество. Новым королевствам — Пруссии и Савойе — отводилась роль сдерживающих элементов в отношении Австрии, могущество которой с тех пор стало постепенно клониться к упадку. Значительными выгодами воспользовалась и Англия, усилившая свое морское могущество.

Война закончилась, но принц Е. не остался без дела. Он отправился на восточные рубежи империи, где вспыхнула новая война с турками. В 1716—18 гг. во главе огромной армии Е. нанес решительное поражение неприятелю у Петервардейна (1716), где имперская армия была обязана своей победой исключительно присутствию духа Е. Еще большее самообладание проявил полководец в следующем году, при осаде Белграда, когда очутился между армией визиря и сильным белградским гарнизоном. В ночь на 16 августа 1717 г. под покровом тумана Е. вывел армию из траншей и неожиданно и смело атаковал турок, обратив их в бегство. Эти победы нанесли сильный удар по могуществу турок в Европе и привели к заключению Пассаровицкого мира.

С 1718 по 1734 г. Е. не принимал участия в войнах. В это время он был занят исключительно государственными делами. До 1724 г. он был штатгальтером в австрийских Нидерландах. Новый император Карл VI не относился к Е. с таким доверием и уважением, как Леопольд I или Иосиф I. Враждебная Е. партия при дворе усилилась, но, несмотря на

это, при Карле VI не было сделано ни одного государственного акта без совета с принцем Е., авторитет которого во многих вопросах был общепризнан. Особенно он выделился, как искусный правитель Италии.

Судьбе было угодно еще раз испытать полководческий дар Е. В 1733 г. умер польский король Август II. Между Францией, с одной стороны, и Россией, Австрией и Саксонией — с другой, возник спор из-за кандидатов на престол. Франция прочила в короли Станислава Лещинского, ее противники — Августа Саксонского. Вспыхнула война за Польское наследство (1733—35). Престарелый Е. был назначен верховным генералиссимусом коалиционных сил на Рейне, в состав которых входили и русские войска под командованием генерала Ласси. Но в эту последнюю в его жизни кампанию политические соображения взяли верх над полководческим дарованием. Он был отозван из армии, вернулся в Вену, где и умер 21 апреля 1736 г. Принца Е. погребли в соборе Св. Стефана.

Чрезвычайно деятельный, даже в старости отличный кавалерист, не раз проявлявший личную храбрость, находчивый, никогда не терявший присутствия духа, выносливый в походах, Е., несмотря на суровую дисциплину, которую он поддерживал в своих войсках, все равно пользовался их безграничной любовью, верой и преданностью. Русский полководец Суворов (см.) в детстве зачитывался биографией и мемуарами этого полководца. И вообще, жизнь и военная судьба этих военачальников во многом схожа. В детстве и юности оба слабые здоровьем и не подававшие великих надежд, они прославили свои имена знаменитыми победами и грандиозными сражениями, исполненными их полковод-

ческого гения. Возможно, не их вина в том, что и Е., и Суворову приходилось, выполняя приказы своих всемогущих монархов, подавлять восстания и гасить пламя освободительной борьбы поработенных народов, стремившихся обрести свободу и независимость. Однако того, что их руки обгажены кровью борцов за свободу своих народов, тоже не следует забывать.

Наполеон Бонапарт, причисляя Е. к великим полководцам, советовал учиться у него высшей части военного искусства — умению соображаться со своими средствами и обстоятельствами.

В Вене, столице Австрии, поставлен памятник Е.

ЖОФФР ЖОЗЕФ ЖАК (1852—1931), маршал Франции (1916), главнокомандующий французской армией во время Первой мировой войны 1914—18 гг.

В 1870 г. вспыхнула война между Францией, стремившейся сохранить свою гегемонию в Европе и препятствовавшей объединению Германии с Пруссией, выступавшей в союзе с некоторыми другими германскими государствами (Франко-прусская война 1870—71). В ходе войны пала Вторая империя во Франции и завершилось объединение Германии под главенством Пруссии. До разгрома французской армии при Седане война со стороны Пруссии носила в целом исторически прогрессивный характер, но после провозглашения республики во Франции стала целиком завоевательной.

18-летним юношей Ж. был призван в армию и в чине младшего офицера участвовал в войне, окончил инженерную школу и был зачислен в саперные войска. Дальнейшая его жизнь оказалась тесным образом связана с французской армией, ее славой и бесславием. В период колониальных завоеваний Франции (1894—1901) Ж. служил на Дальнем Востоке, в Центральной Африке и на Мадагаскаре, где руководил постройкой укреплений и прокладкой железных дорог. В 1894 г. Ж. было поручено командование экспедиционным отрядом, имевшим задачей оккупировать Тимбукту к югу от Сахары. Первый отряд французов, посланный в этот район, был разбит туарегами. Но Ж. проявил при выполнении приказа большую выдержку и довел операцию до успешного завершения.

По возвращению во Францию Ж., имея огромный опыт колониальной войны, подобно другим колониальным офицерам, делает стремительную военную

карьеру: в 1908 г. он командует корпусом, а в 1910 г. Ж. уже назначается членом Высшего военного совета. Не имея представления о характере будущей войны в европейских условиях, Ж. только в последние годы перед войной начинает настойчиво, но механически, не понимая сути дела и его последствий, разрабатывать новую французскую военную доктрину. А главная суть этой доктрины сводилась к восхвалению наступательных операций во что бы то ни стало. Его наставником в 1910 г. был известный французский генерал Кастельно, который очень скоро стал его ближайшим помощником.

Через год, в 1911 г., после агадирского инцидента (в Марокко, бывшей тогда колонией Франции) правительство приняло решение сместить с занимаемого поста вице-председателя Военного совета (будущего главкома) генерала Мишеля. Опытный военачальник был ненавистен представителям новой военной доктрины за свои взгляды о необходимости использования в будущей войне резервных войск. Военный министр Мессими выдвинул на этот пост Ж. как человека, способного проводить в жизнь новую военную доктрину. Кандидатура Ж. и его реноме как республиканца и «франкмасона» нашла поддержку у тогдашнего республиканского правительства. Однако это же правительство нашло вполне приемлемым и возможным предложить Ж. в качестве помощника роялиста-католика Кастельно, на что Ж. сразу же согласился. Под руководством Ж. (а если быть более точным, под вывеской с его именем) в дальнейшем происходило разработка французского мобилизованного «Плана XVII», первых директив армиям, а также проводился закон о трехлетнем сроке воинской службы для призывников. Разработанный таким образом мобилизационный

план был применен в начале Первой мировой войны и оказался совершенно несостоятельным. Все его предпосылки (предположения о направлении главного удара германской армии через общую границу, о числе перволинейных германских корпусов и многое другое) оказались неверными. Крепости у северных границ Франции оказались также неподготовленными к обороне.

Первая мировая война (1914—18) была неизбежна. Крайнее обострение противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья, рынки сбыта и мировое господство привели к глубокому кризису в мировой империалистической системе. Противоречия между двумя коалициями держав (германо-австрийский блок и Антанты) могли быть решены только с помощью силы. Наибольшего накала эти противоречия достигли в отношениях между Англией и экономически усилившейся Германией.

Непосредственным поводом для начала военных действий стало убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его жены (14.06.1914 г., т. н. Сараевское убийство). Спустя месяц, 15.07.1914 г., Австро-Венгрия использовала этот инцидент и под прямым давлением Германии объявила войну Сербии. 19.07. Германия объявила войну России, а 21.07. — Франции. 22.07. Англия объявила войну Германии, а 10.8 на сторону Антанты в войну вступила Япония.

Спустя три недели после объявления Германией войны Франции боевые действия развернулись в непосредственной близости от границ последней. 14 августа 1-я и 2-я французские армии начали наступление. На следующий день они перешли границу Германии и продвинулись до Саарбурга, Верга-

виля и Орона. Вступил в действие план Лотарингской операции, одной из четырех, известных под названием «Пограничных сражений». Наблюдая за продвижением противника в глубь своей территории, фельдмаршал фон Мольтке запретил 6-й и 7-й немецким армиям контратаковать. Он хотел, чтобы французы настолько сковали здесь свои силы, что не смогли бы оказать в нужный момент помощи французским войскам на севере, где начал осуществляться план Шлиффена. Только после попыток французов выйти из боя, фон Мольтке 20 августа отдал приказ о контратаке и разгромил неприятеля в сражении у Саарбурга. А 23 августа начал контрнаступление принц Рупрехт Баварский. Он разбил XV и XVI французские корпуса у Моранжа. В конце концов, французам удалось укрепить свой фронт по линии Нанси—Шарм—Эпиналь. Здесь они удержались до 5 сентября, когда началась битва на Марне.

Одним из крупнейших сражений первого месяца войны стали Арденны. В рамках «Плана XVII» французский генерал Ж. направил 3-ю армию генерала Рюффеля и 4-ю армию генерала де Лангля де Кари в лесистые Арденны, где находился центр боевых действий. 21 августа в плотном утреннем тумане французы впервые столкнулись с 5-й армией кронпринца Фридриха Вильгельма и 4-й армией герцога Альбрехта Вюртенбургского. После двухдневного ожесточенного сражения Рюффель вынужден был отвести войска за р. Мёз, а затем в укрепленный район Вердена, после чего был освобожден от должности. 4-я армия де Лангля де Кари, поначалу оттеснившая немцев в район между Стене и Седаном, отступила вскоре на Верхнюю Марну. Битва в Арденнах стала одной из самых ожесточенных и кровопролитных битв этой войны.

Третьим из пограничных сражений стала Самбро-Маасская операция. 21 августа 2-я армия генерала фон Бюлова форсировала Самбр между Намюром и Шарлеруа. На следующий день, несмотря на яростное сопротивление частей 5-й армии генерала Ланрезака, Шарлеруа пал. Французскую армию немцам удалось отбросить в юго-западном направлении. При этом образовалась брешь между ней и англичанами, развернувшимися у Монса. 22—23 августа 3-я армия генерала Хаузена пересекла Маас и нанесла удар по флангу 4-й французской армии, который обнажился в результате отступления с Арденн. Ланзерак вовремя отошел, потеряв 5000 убитыми и ранеными, а затем 29 августа нанес короткий контрудар и сумел задержать немцев, но вынужден был опять отступить, чтобы защитить открытый левый фланг.

В то же время проходила Монсская операция. 23 августа британский экспедиционный корпус генерала сэра Джона Френча (70-тысячная армия при 300 орудиях), развертывавшийся за каналом Монс, был атакован 1-й армией генерала Клука (160 000 человек и 600 орудий), осуществлявший в соответствии с планом Шлиффена маневр на юг в направлении Франции. Но, несмотря на подавляющее превосходство в живой силе и артиллерии, немцам в течение 10 часов не удалось сломить сопротивление англичан. Но затем англичане вынуждены были отойти. Тяжелое поражение, нанесенное Франции и Англии во всех четырех пограничных сражениях, показало, что война будет вестись на французской территории.

Потерпев поражение у Монса, 26 августа британский экспедиционный корпус сэра Дж. Френча отошел в юго-западном направлении на левом фланге

пяти французских армий генерала Ж. Английский 2-й корпус (ген. Смит-Дорин) был обойден германской 1-й армией генерала фон Клука у Ле-Като, в 35 милях юго-западнее Монса. Будучи отрезанным от 1-го корпуса р. Уаза, Смит-Дорин был вынужден принять бой. В течение целого дня три с половиной дивизии отбивались от массированных ударов армии фон Клука, потеряв 8000 убитыми и ранеными и 36 орудий. Под покровом ночи Смит-Дорину удалось отойти к Сен-Катену — примерно на 12 миль к юго-западу. Эта задержка позволила британскому корпусу оторваться от германских армий, продвигавшихся по Франции в юго-восточном направлении.

Одновременно с этими сражениями на другом участке франко-германского фронта тоже происходили кровопролитные бои. 20—24 августа, после пограничных сражений, пять германских армий устремились во Францию на участке от Амьена до Вердена. Оборону на этом участке осуществляли: слева, между Парижем и Авьеном, 6-я армия генерала Монури, правее — британский экспедиционный корпус сэра Дж. Френча, 5-я армия генерала Франше д'Эспери, 9-я армия генерала Фоша (см.), 4-я армия генерала де Лангля де Кари и 3-я армия генерала Саррая. 30 августа 6-я армия Монури была отведена для усиления гарнизона Парижа.

Наступление французских армий приняло вид разрозненных действий на различных фронтах, причем наступление в Эльзасе велось исключительно по политическим соображениям и кончилось полным провалом. Наступление в Лотарингии, Люксембурге и Арденнах, а также в южной Бельгии всюду кончилось жестокими поражениями, сопровождавшимися громадными потерями.

25 августа Ж. был вынужден отдать директиву об отходе армии. Он намеревался дать сражение на линии Верден — р. Эн — р. Сомма. Во время отхода и подготовки контрнаступления Ж. проявил ценные качества полководца: необычное спокойствие, выдержку, настойчивость и умение ежедневно руководить своими командующими армиями. Предполагаемый план отхода, однако, не удался. Зато французское командование добилось организации более глубокого контрманевра, который привел к сражению на Марне и к полупобеде французской армии.

1 сентября главнокомандующий союзными войсками маршал Ж. вынужден был отдать приказ о новом отходе от линии южнее Сены. Генерал Гальени, военный губернатор Парижа, 3 сентября получил сообщение от авиаторов, что германская армия перенесла направление своего флангового удара с запада на Париж, хотя направление планировалось на восток, пересекая фронт Гальени и раскрывая свое правое крыло. Это отклонение от «Плана Шлиффена» оказалось роковым для немцев. Военный губернатор Парижа немедленно потребовал от колебавшегося Ж. нанести быстрый контрудар по обнажившемуся флангу противника. Отвергнув сначала это предложение, Ж. затем согласился с ним. Гальени приказал 6-й армии 8.30 4 сентября выступить. 600 парижских такси были мобилизованы, чтобы помочь дивизии прибыть на фронт. Но приказание Ж. не было получено другими генералами до 5 сентября. К тому времени сэр Дж. Френч и генерал Франше д'Эспери считали, что момент утрачен и продолжали отступление, тогда как 6-я армия уже двигалась вперед, к флангу противника.

Англичане совершили обратный маневр, чтобы

присоединиться к наступлению на следующий день, 6 сентября. 1-я армия генерала фон Клука отступила под ударами Гальени, открыв 30-мильную брешь между ним и 2-й армией фон Бюлова. В этот прорыв начала входить 9-я армия англичан. Это, а также ложные слухи о высадке английской и русской армий на бельгийском побережье заставили верховное командование немцев отдать приказ об отступлении армиям Бюлова и фон Клука. Тем временем на востоке, близ Нанси, точным огнем французской артиллерии была отбита атака 6-й армии под командованием принца Рупрехта. Здесь наступление было остановлено 8 сентября. Армия генерала Саррая удерживала свои позиции под Верденом и отбросила назад германскую 5-ю армию. Однако в центре генерал Фош отступил под немецким контрударом, осуществленным правым крылом фон Хаузена и левым фон Бюлова в районе Маре-де-Сен-Гон. Положение выглядело опасным до того момента, когда немецкое верховное командование отдало приказ об общем планомерном отходе. Шанс на быстрое окончание войны был потерян. Немецкие потери составили 800 000 человек, французские и английские — 1 080 000 человек.

Заслуги Ж. в руководстве сражением на Марне оспаривались прежде всего командующим парижским укрепленным районом генералом Гальени, который утверждал, что ему принадлежит идея удара по правому флангу германской армии к северо-востоку от Парижа. Сам Ж. уже в конце августа высказал предположение, что германские войска удастся остановить только на р. Сене, южнее Марны, что предусматривала также его директива от 1.09. Противники маршала (генерал Персен, депутат Марген, журналист Пьерфе) обвиняли Ж., что свой

знаменитый приказ о наступлении от 6 сентября он отдал тогда, когда французское наступление уже успешно началось. После войны, в 1919 г., особая парламентская комиссия, сформированная в результате требований оппозиции, рассмотрела действия Ж. по подготовке плана войны и проведению пограничного сражения, причины сдачи ряда крепостей и очищения важных пограничных районов (металлургический бассейн Брией) и хотя не вынесла ему осуждение, однако способствовала умалению его славы как «победителя на Марне».

Потерпев в сентябре неудачу в Марнском сражении, немецкие войска отступили на удобную позицию, находившуюся на гребне плато к северу от р. Эна. С запада на восток располагались 1-я армия генерала фон Клука, 7-я армия генерала фон Хеерингена и 2-я армия генерала фон Бюлова под общим командованием генерала фон Фалькенхайна. Командующий союзными войсками Ж., не разобравшись в перемене немецкой тактики от подвижной войны к позиционной, решил на фронтальную атаку силами левого фланга, где стояли 6-я армия генерала Монури, английские экспедиционные силы сэра Дж. Френча и 5-я армия генерала д'Эспера.

Под интенсивным огнем артиллерии союзники переправились через р. Эна по понтонным мостам 13 сентября и успешно атаковали немецкие позиции, расположенные выше на плато. Яростные немецкие контратаки на следующий день, поддержанные артиллерийским огнем, заставили 6-ю армию Монури отступить дальше даже исходного рубежа на р. Эна. Союзники вновь попытались наступать, но затем сражение перешло в артиллерийскую перестрелку. После сильного давления при Реймсе союзники осознали безрезультатность фронтальных

пехотных атак без артподготовки. Битва при Эне ознаменовала переход к позиционным действиям в Первой мировой войне.

С конца 1914 г., в 1915 г. и до конца 1916 г. Ж. оставался на посту главнокомандующего французской армией и руководил операциями затянувшейся позиционной войны, за что в парламенте его обвиняли то в медлительности, то в напрасной трате живой силы в связи с неудачными операциями и большими человеческими потерями.

Тем временем в августе—сентябре 1914 г. русские войска, бывшие союзническими французским и английским по Антанте, в Гальцийской битве разгромили австро-венгерские войска и овладели большей частью Галиции, а в октябре в ходе Варшавско-Ивангородской операции отрезали контр-наступление австро-германских войск в Польше. 16 октября на стороне германского блока вступила в войну Турция. Образовались фронты в Закавказье, Месопотамии, на восточной границе Сирии и Палестины. Турецкая армия в декабре 1914 — январе 1915 гг. потерпела поражение от русских войск в Закавказье. В 1915 г. из 268 дивизий германского блока 107 находились на русском фронте. Русские войска, отступая, оставили Галицию, Польшу, часть Прибалтики. Последними в войну вступила Италия (10.05.1915 г. на стороне Антанты) и Болгария (1.10.1915 г. на стороне германо-австрийского блока).

Провал «блицкрига» по «Плану Шлиффена» вынуждал Германию идти на жестокие бесчеловечные методы ведения войны, а также на поиск иных, политических и финансовых способов борьбы, которые способствовали развалу Антанты.

Первым таким шагом германского руководства

стала битва у бельгийского города Ипр. 22 апреля 1915 г. немецкий генерал Фалькенхайн на фронте протяженностью в 4 мили прибег к газобаллонной атаке против удерживавших Ипрский выступ англичан. Он уничтожил и вывел из строя тысячи солдат. Введя в бой канадские резервы, 2-я армия генерала Смита-Доррина остановила продвижение немцев, но 24.04. подверглась новой газовой атаке. Англичане отступили на более укрепленную позицию на окраинах Ипра, которую с большим трудом удерживали до окончания сражения 25 мая. Английская армия с союзниками потеряла 60 000 офицеров и солдат против потерь немцев в 35 000 человек. Таково было обратное обычному соотношению потерь обороняющихся и атакующих, вызванное применением хлора.

9 мая 1915 г. после интенсивной артподготовки Ж. предпринял мощное наступление на 6-мильном фронте к северу от Арраса, заставив немцев отойти примерно на 3 мили и захватив часть хребта Вими. Последующие контратаки вынудили французов отступить, и до окончания сражения (18.06.) обе стороны вели войну на истощение. Французский главнокомандующий потерял почти 100 000 человек убитыми и ранеными, немцы — 77 000 человек.

29 сентября Ж. предпринял попытку исправить положение. 4-я армия генерала де Лангля де Кари и 2-я армия генерала Петена атаковали немецкие позиции в Шампани. Они стремились перерезать их коммуникации в направлении с запада на восток вдоль р. Эна. Первая атака увенчалась некоторым успехом, и французы захватили тысячи пленных и много орудий. Две последующие атаки были менее успешными. 30 октября немцы контратаковали и вернули часть утраченной территории и ж.-д. ком-

муникации. Сражение закончилось 6 ноября, когда французы продвинулись примерно на две с половиной мили на 15-мильном фронте, что не давало им никаких заметных преимуществ. Их потери составили до 140 000 человек, однако 25 000 немецких пленных и около 160 орудий были ими захвачены.

Маршал Ж. планировал наступление в Шампани для прорыва немецких коммуникаций с тем, чтобы заставить противника отойти от линии фронта на Уазе и Сомме. Англичанам, с учетом их незначительных сил, была отведена более скромная задача. 25 сентября 1915 г. после интенсивной артподготовки 4-я армия генерала де Лангля де Кари начала наступление, захватившее 1-ю и часть 2-й линии немецкой обороны. Немецкие контратаки, спланированные Фалькенхайном, приостановили дальнейшее продвижение союзников. Далее к северу от канала Ла-Басе к Лансу и перед Лосом 1-я английская армия в результате наступления достигла тыловых немецких линий. Но у генерального штаба не оказалось свободных резервов, поэтому и здесь немецкие контратаки оказались успешными. Французы потеряли 120 000 человек убитыми и ранеными, англичане — 50 000, немцы — 165 000 человек. Фронт вернулся к положению, существовавшему за год до этого.

В конце 1915 г. Ж. был назначен командующим всеми французскими армиями, включая «восточную» на Балканах (генералиссимус французских войск). В 1916 г. его полководческая репутация сильно пострадала. Начало обороны Вердена французскими войсками было крайне неудачным не без вины Ж. Его обвиняли в игнорировании указаний местного командования на необходимость более тщательного укрепления верденского участка.

29 февраля 1916 г. генерал фон Фалькенхайн силами 5-й армии (1 млн. человек) предпринял мощное наступление на позиции 2-й французской армии у Вердена. На 15-километровом участке прорыва немцы сосредоточили 17 дивизий против двух французских. Понимая, что французы, вдохновляемые патриотическими чувствами, будут сражаться до последнего, немецкий генерал предполагал вести войну на истощение и изнурение противника. В течение дня он провел мощнейшую артподготовку, в ходе которой были уничтожены укрепления на переднем крае французов, что позволило немцам почти без боя овладеть ими. В соответствии с новой наступательной стратегией многие французские форты, включая Дуомон, намеренно не были укомплектованы. 25 февраля этот форт был захвачен немцами. Контратака французов и прицельный артиллерийский огонь временно приостановили немецкое наступление. Однако немцам удалось захватить деревню и форт Во (29 марта и 6 июня соответственно). 11 июля они предприняли решительную атаку высот, чтобы захватить контроль над Верденом, но атака не удалась. Измотанная в ходе боев, немецкая армия прекратила наступление. В результате 6-месячного сражения ей не удалось овладеть городом. Немецкие потери составили 280 000 человек убитыми и ранеными, тогда как потери французов — 315 000 человек. Через три месяца французские войска под командованием генерала Нивеля предприняли контрнаступление (24.10.), в результате которого им удалось оттеснить противника и вернуть форты Во и Дуомон (ко 2 ноября). В ходе следующего наступления французы продвинулись еще дальше. Самое продолжительное за всю войну сражение завершилось 18 декабря 1916 г., но

оно так и не привело к существенному изменению обстановки на фронте. Французы вышли на рубежи, занимаемые ими в феврале. Общие потери французов составили 542 000 человек, а немцев — 434 000 человек. Такими же безрезультатными и тяжкими оказались сражения при Сомме (в 1915 и 1916 г.). Наступление Антанты на р. Сомме летом 1916 г., руководимое Фошем (см.), привело к большим потерям. Наконец, французские войска на Балканах не смогли предотвратить разгром румынской армии, только что втянутой в войну. В декабре 1916 г., после новых неудач у Вердена, парламентская оппозиция решила покончить с Ж. Еще в начале 1915 г. против него выступал претендент на организацию Марнской победы генерал Гальени, тогдашний военный министр. Командование армиями было передано генералу Нивелю, ставленнику оппозиции, политически более гибкому, но еще менее удачливому, как полководец, чем Ж.

16 апреля 1917 г. произошло второе сражение при Эне. Новый главнокомандующий на западном фронте генерал Нивель атаковал на 50-мильном участке вдоль р. Эна между Суасоном и р. Сюип в Шампани силами 5-й и 6-й армий, надеясь пробиться к Лану. Укрепившись на северном берегу Эны, немцы (1-я и 7-я армии) подбили около 150 французских танков и остановили наступление, а на следующий день контратаковали. Даже усиленные 10-й армией французские войска не смогли прорвать немецкую оборону. Продолжавшееся почти месяц сражение не дало результатов.

28 апреля Петен сменил Нивеля в качестве главнокомандующего. 100-тысячные потери породили поражение и волнение у французов. 23 385 человек подверглись преследованиям, 55 были расстреляны.

В этом же году маршал Ж. был направлен в США в качестве военного представителя Франции вместе с миссией, имевшей целью обеспечить широкую американскую помощь для Франции. До этого Ж. был вынужден подать в отставку, так как вышел в отставку его покровитель — глава правительства Бриан. Но вскоре Ж. уговорили вернуться. Он сначала стал техническим консультантом правительства, а затем был утвержден членом миссии в качестве военного представителя.

Французской миссии в США удалось достигнуть успехов, и США вступила в том же, 1917 г., в войну, заключив союз со странами Антанты. Австро-германский блок оказался на грани катастрофы, «План Шлиффена» был почти полностью провален. Для Германии назрела настоятельная необходимость вывести из войны Россию, на фронте с которой она вынуждена была держать почти половину своих дивизий. Три года ожесточенных кровопролитных сражений на суше и на море дали о себе знать во всех странах, втянутых в конфликт. К 1917 г. на полях сражений пало более 7 млн. человек. Именно русский фронт был самым кровопролитным. Немцев мог спасти только чудодей. И таким чудодеем для них стал вождь большевиков В. Ленин. По секретному соглашению он получил от Германии более 50 млн. марок и отправил на все фронты сотни своих агитаторов. В результате В. Ленину удалось сделать то, что не смогли сделать сами немцы силой оружия. На германо-русском фронте началось братание солдат и их дезертирство. Поднятые на бунт в крупных городах рабочие и солдаты совершили государственный переворот. Партия большевиков и их вождь взяли власть в России в свои руки. Сразу же был подписан договор с Германией, по которому Герма-

ния получала огромную территорию бывшей царской России. Мирный договор предусматривал также выплату 6 млрд. марок контрибуций, хотя большевики и призывали воюющие страны к подписанию сепаратного мира без аннексий и контрибуций.

Пушки Германии повернулись к Парижу. Тысячи немецких гаубиц и самолетов бомбили французские города. В мае 1918 г. немцы прорвались к Марне. После одной из самых продолжительных бомбардировок генерал фон Людендорф силами 1-й и 7-й армий атаковал по всему фронту от Суасона до Реймса четыре английских и четыре французских дивизии. Англичане удержали свой сектор, но французы, отступив за Эну, вынудили отступить и своих союзников. К 29 мая немцы захватили Суасон и вскоре достигли Марны между Шато-Тьерри и Дорманом. За три дня они прошли 30 миль, захватив 40 000 пленных. Американцы, находившиеся пока в резерве, захватили Кантеньи. Англичане вновь взяли Блиньи к юго-западу от Шато-Тьерри. Американская 2-я дивизия заняла лес Белло. Наступление немцев закончилось 6 июня. Они взяли 55 000 пленных и 450 орудий. Потери с обеих сторон были огромны. Несмотря на вступление в войну США, для Франции наступили тяжелые дни. Немцы находились примерно в 70 километрах от Парижа. Но судьба Франции решалась не на полях сражений, а в далекой Москве.

В начале мая 1918 г. германским послом в Россию был назначен граф Мирбах. В Германии знали, что у В. Ленина много врагов, многие из его соратников требовали продолжения войны. Мирбаху поручено было помочь вождю большевиков удержать власть. Он вез также предложение и финансовой помощи большевикам в покупке Балтийского флота. Когда

на вокзале встречали Мирбаха, В. Ленин в тот момент вел переговоры с Жозефом Нулансом, послом Франции. Посол знал, сколько заплатила России Германия, поэтому сделал В. Ленину более выгодное предложение. От имени своего правительства он предлагал погашение всех долгов царской России, финансовую помощь и поставку в страну хлеба. Такое предложение не могло не заинтересовать. Но в это время В. Ленина вызвали в соседнюю комнату для срочного телефонного разговора.

Звонил Мирбах. Он сообщил о своем прибытии, а также сказал, что к ранее выделенным суммам Германия добавляет 40 млн. марок при условии соблюдения пунктов Брестского договора. Вернувшись к Нулансу, Ленин едва мог скрыть свою радость. Он быстро сообразил, что, торгуясь с Францией, может больше выжать из Германии. В конце беседы он дал понять французскому послу, что подумает над его предложением. Когда Ж. Нулансу стало известно о прибытии Мирбаха, он сразу догадался, о чем намекал В. Ленин. Он вдруг понял, что вождь большевиков вряд ли пойдет на разрыв Брестского мира и открытие фронта против Германии. Но Франция на краю гибели, нужно искать выход. И этот выход Ж. Нуланс нашел в устранении германского посла. Для исполнения приговора он поручил резиденту французской разведки в России Жан Пьеру Лорану найти надежного человека. Лоран блестяще справился с поставленной задачей, найдя такого человека в лице молодого чекиста эсера Якова Блюмкина.

На следующий день французский посол снова отправляется к Ленину. Тот говорит, что поставки французского хлеба крайне необходимы России. Посол соглашается и, зная о предложении немцев насчет 40 млн. марок, говорит, что Франция готова

заплатить столько же, если будет открыт восточный фронт. В. Ленин ответил коротко: «Надо подумать». После ухода Нуланса он тут же позвонил Мирбаху и сообщил, что французы согласны заплатить больше. Теперь настала очередь Мирбаху забеспокоиться, и он отправляет в Берлин секретную шифровку о том, что нужно срочно изыскать средства для ежемесячных выплат Ленину в размере 3 млн. марок, в противном случае он готов возобновить войну на стороне Антанты.

В течение двух месяцев в России шла напряженная закулисная работа по устранению немецкого посла. В начале июля французский посол почти ежедневно получал шифровки от Ставки французского командования с требованием любыми путями опять втянуть Россию в войну. 5 июля 1918 г. он встретился с Лораном, который сообщил послу, что завтра, 6 июля, граф Мирбах будет убит.

Тем временем ВЧК, сбившись с ног, тщетно пыталась выйти на след и арестовать тех, кто замыслил заговор против немецкого посла. Только за несколько дней до происшествия Ф. Дзержинский стал понимать, что кто-то искусно водит его за нос. Но прорабатывать эту версию было слишком поздно. 6 июля утром Я. Блюмкин вошел в здание ВЧК, сам напечатал мандат, разрешавший ему проход в немецкое посольство, подделал подписи секретаря и самого Дзержинского, а затем отправился к Мирбаху. Спустя полчаса Блюмкин и его напарник матрос Н. Андреев вошли в здание посольства. Когда вышел Мирбах, на Блюмкина напал столбняк. Выручил напарник, который выхватил пистолет и выстрелил несколько раз в немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха.

Точный выстрел матроса-эсера повернул исто-

рию вспять. Угрожая разрывом Брестского мира, немцы в спешном порядке стали перебрасывать свои войска на восточный фронт. Франция получила передышку, а затем нанесла Германии сокрушительный удар. В самой Германии вскоре вспыхнула революция, что окончательно подорвало мощь вермахта. В ноябре 1918 г. Германия и ее союзники капитулировали. В Версале, бывшей резиденции французских королей, 28 июня 1919 г. она была вынуждена подписать жестокий и унижительный мир. С этого момента Ж., в 1918 г. избранный членом Французской академии и сохранивший за собой место члена Высшего военного совета, до конца жизни так больше себя ничем и не проявил.

ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ, см. ХУАН АВСТРИЙСКИЙ.

ИДАЛЬГО (ИДАЛЬГО-И-КОСТИЛЬЯ) МИГЕЛЬ (1753—1811), сельский священник, национальный герой Мексики, генералиссимус.

Антиколониальные настроения начали складываться в Мексике в конце XVIII в. Значительное влияние на рост недовольства имели революционные события в Сев. Америке и Европе: борьба (по сути, буржуазная революция) североамериканских штатов за независимость от Англии, французская революция, борьба в Испании против Наполеона. В Мексике (Новой Испании) стали возникать оппозиционные движения, весьма неоднородные по социальному составу. Группа консерваторов представляла интересы креольской верхушки, желавшей добиться тех же преимуществ, которыми обладали и пользовались испанцы, а также отмены испанской торговой монополии. Либералы были представлены мелкой буржуазией и интеллигенцией, преимущественно метисской. Они ориентировались на отделение Мексики от Испании и провозглашение Республики.

Была, однако, еще одна группа населения, самая многочисленная и самая бесправная. Это индейское и метисское крестьянство, активно выступавшее против деспотии местных креольских землевладельцев.

Одно из таких социальных выступлений вспыхнуло в провинции Гуанахато в начале сентября 1810 г. Его возглавил приходской священник из селения Долорес И. Тихий сельский священник, дожив до пятидесяти лет, в один из сентябрьских дней ударил в колокола церкви и призвал индейцев бороться за освобождение. «Поднимайтесь и отнимите у ненавистных гачупин земли, отнятые ими у ваших предков триста лет назад! Смерть гачупи-

нам!» — провозгласил он. И менее чем за шесть недель под знаменами И. было уже 80 тыс. человек. Вооруженные мачете, пиками, пращами, луками и стрелами, они образовали огромную армию и провозгласили И. своим генералиссимусом. Они присоединялись к нему целыми семьями, а главное их оружие — мачете, стало символом революционной борьбы.

Революционный падре был высокообразованным человеком своего времени. Он пользовался огромной популярностью среди населения провинции Гуанахато. Следом за событиями 1808 г. в метрополии (Испанская революция 1808—14 гг., в ходе которой были созваны Кадисские кортесы — 1810) и провозглашена Кадисская конституция 1812 И. собрал вокруг себя единомышленников. За разговорами и обсуждениями событий в колонии и в остальном мире они пришли к согласию в необходимости освобождения от испанского владычества. И когда восстание стихийно вспыхнуло, падре И. тут же возглавил его с тем, чтобы направить недовольство крестьян в правильное русло.

Но и при наличии своего генералиссимуса 80-тысячная армия занималась тем, что громилась съестные лавки, изгоняла из поместий ненавистных помещиков, а их владения отдавала в собственность пеонам (крестьянам и с.-х. рабочим, которые в результате кабальной зависимости от помещика превратились в долговых рабов).

К армии И. стали примыкать ранчеросы (хуторяне). Боровшиеся с помещиками, они охотно пошли за генералиссимусом и составили в его армии неплохую конницу. Ряды армии повстанцев множились день ото дня, слухи о ее героических подвигах наводили ужас на одних и вызывали восторг у дру-

гих. К И. потянулись пеоны со всех округ. Почти 100-тысячная армия скоро освободила от испанской администрации и войск огромную территорию, захватила крупные центры — Селаю, Вальядомед и центр провинции Гуанахато. Основную численность армии И. составляли крестьяне-индейцы, негры-рабы, горнорабочие, ремесленники и городская беднота. В одних рядах с ними стояли ранчеросы, офицеры, мелкие чиновники, сельские священники. Поэтому и цели восставших были различны. Те из них, кто представлял более-менее привилегированные слои общества, стремились главным образом к освобождению от испанского владычества и установлению независимости Новой Испании. Но для большинства это было второстепенным. На первое место они выдвигали разрешение социальных проблем. В этом видели угрозу своим интересам крепольские купцы и помещики, многие чиновники и офицеры. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что при любом удобном случае они могли стать «пятой колонной» в армии И. Страх перед неуправляемой массой у них был сильнее стремления к независимости и экономической свободе.

В конце октября 1810 г. армия И. одержала свою первую крупную победу в вооруженном столкновении. В сражении у горного перевала Монте-де-ла-Крус генералиссимус нанес серьезное поражение регулярным частям испанской колониальной армии. Прямой путь на столицу, Мехико, был открыт. Но И. даже не попытался воспользоваться победой над противником и тем, что Мехико находилось совсем недалеко. Он повернул свою армию в другую сторону и провозгласил поход на Гвадалахару.

Город был захвачен. В самые короткие сроки И. положил конец податям и разделил земли и имуще-

ство помещиков между крестьянами. Восставшие создали в Гвадалахаре свое правительство, которое возглавил сам генералиссимус И. Первый декрет, подписанный этим правительством и его главой, провозгласил законное возвращение земли ее исконным владельцам — коренным жителям страны, индейским общинам.

Своим вторым декретом новое правительство обвестило страну о ликвидации рабства и освобождении всех рабов от чьей бы то ни было зависимости. Обращаясь к восставшим массам, генералиссимус И. призывал весь народ к войне до победного конца. И хотя было еще слишком рано, И. первым провозгласил от своего имени независимость от Испании.

В январе 1811 г. И. все-таки решает захватить столицу. Но победоносное шествие его армии было остановлено регулярными вице-королевскими войсками. В июне того же года между армией И. и армией испанцев произошла новая битва. Восставшие были наголову разбиты. Генералиссимус с несколькими своими ближайшими сподвижниками пытался бежать в США, но был выдан испанским властям, арестован, а в июле 1811 г. расстрелян. Уцелевшие активные инсургенты укрылись на юге и продолжили партизанскую войну. Их предводителем стал Морелос (см.).

ИЗМАИЛ-ПАША (наст. имя и фамилия Георгий Кмети; 1810—1865), турецкий главнокомандующий.

И.-п. родом из Венгрии, образование получил в евангелическом лицее в Бреславле. После окончания учебы поступил на службу в австрийскую армию. В 1848 г. он принял активное участие в венгерском восстании (Венгерская революция 1848—49 гг.). В качестве начальника отдельной дивизии он участвовал в походах и боевых действиях армии Артура Гергея*.

Охватившее Европу революционное движение 1848 г. отразилось и на внутренней жизни Австрийской империи. Взаимная вражда различных народов, проживавших в этом государстве, издавна подготавливала почву для междоусобицы и содействовала обострению революционных страстей. Венгерская революционная партия совместно с немецкой революционной организацией в Вене вынудили императора Фердинанда принять их требования. Итальянские революционеры, поддержанные Пьемонтским правительством, вступили в борьбу с австрийскими войсками. Однако армия фельдмаршала Радецкого разгромила восстание в Италии, завершившееся 6 августа 1848 г. миром в Милане.

Революционеры Венгрии, получив политические права и льготы, стали на путь притеснения славян,

* Гергей Артур (1818—1916), в период Венгерской революции командовал венг. национальной армией, военный министр (с мая 1849), диктатор (с 11 августа, после ухода в отставку Л. Кошута). Стремился к соглашению с Габсбургами.

входивших в состав этой части империи. Славяне примкнули к консервативной партии, возглавил это движение Кرواتский бан* полковник Иелачич. В августе 1848 г. 40-тысячное сербское ополчение под его командованием вторглась в пределы Венгрии. В первом же сражении эта армия потерпела неудачу и отступила к Раабу для того, чтобы соединиться с австрийскими войсками. Слабость, бестактность и двуличность австрийского правительства, с одной стороны, и чрезмерность требований мадьярской партии, во главе которой стоял Людовик Кошут**, — с другой, привели к тому, что гражданская война стала неизбежной. Военные действия начались в сентябре 1848 г.

Силы, которыми могли располагать венгерские повстанцы, были невелики. Мадьярское население Венгрии составляло пять с половиной миллионов человек. Еще 7 мая 1848 г. венгерское правительство сформировало 10 батальонов гонведа по 10 тыс. человек в каждом (гонвед, с венг. букв. — защитник

* Бан, в Хорватии с X в. до 1921 г. наместник короля; глава вооруженных сил. В Югославии в 1931—1941 гг. — губернатор каждой из 9 обл. (бановин), в 1939—1941 гг. — глава автономной Хорватии. В Боснии XII — XIV вв. — государь.

** Кошут Людвик (1802—94), главный организатор борьбы венгерского народа за независимость во время Венгерской революции; с сентября 1848 г. — глава Комитета защиты родины (фактически правительства), верховный правитель (май—август 1849 г.) Венгрии. Инициатор создания (июль 1849 г.) венгерской национальной армии. 11 августа 1849 г. передал власть А. Гергею и эмигрировал.

отечества). 29 июня был объявлен дополнительный набор, 40 000 чел. требовалось набрать немедленно. В августе была создана подвижная национальная гвардия (32 000 чел.). Но зато малочисленная венгерская армия была проникнута патриотическим духом, и вскоре у нее появились предприимчивые, энергичные вожди — Гергей и польский эмигрант Бем. Главные силы австрийских войск составляла армия под командованием князя Виндишгреца (80 000 чел.). Главные военные действия разыгрались у южных склонов Карпат и долине р. Тиссы. Второстепенные действия происходили на территории Трансильвании.

Долина р. Тиссы представляла собой обширную безлесную равнину, слабо орошенную, но покрытую значительными болотистыми участками по берегам. Эта местность отличалась весьма нездоровым климатом, порождающим лихорадку. В 1848 г. здесь была эпидемия холеры. Равнина средней Венгрии представляла все удобства для передвижения и действия всех родов войск.

Венгерские войска перешли в наступление первыми и атаковали австрийскую армию 18 октября у местечка Шлехат. В этом коротком сражении венгры были разбиты и отступили к Пресбургу. Князь Виндишгрец не стал преследовать их, считая невозможным удаляться от столицы (сражение происходило всего в нескольких верстах к югу от Вены), где в это время происходили важные политические события. Император Фердинанд под гнетом нахлынувших событий решил отказаться от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа. Наступившим затишьем обе стороны воспользовались для подготовки к дальнейшей борьбе, но в приграничной полосе Венгрии и Трансильвании отдельные отряды

венгров продолжали успешно бороться с австрийскими гарнизонами и сербскими ополченцами. Однако в декабре австрийская армия перешла в наступление и после целого ряда частных успехов, 24 декабря заняла город Пешт (совр. Будапешт). Главные силы венгерских войск (16 000 чел.) под командованием Гергея, в составе которых была дивизия Г. Кмети, будущего турецкого полководца И.-п., отошли после этого к Вайцену. Остальные, под командованием Перцеля (10 000 чел.), — к городу Солнок на р. Тиссе. Из-за нерешительных действий Виндишгреца разрозненные силы венгров к февралю 1849 г. успели объединиться и собраться на верхней Тиссе. Главнокомандующим всех венгерских войск был назначен поляк Дембицкий. 14—15 февраля в сражении при Капольне он был разбит, его войска отступили за р. Тиссу. После этого командование перешло к Гергею, который в сражении при Годоло и Ишасепе нанес поражение австрийцам. Австрийская армия отступила к Пешту и сняла блокаду Коморна, тут же занятого гарнизоном противника. Виндишгрец был смещен с поста главнокомандующего и заменен фельдмаршалом Вальденом. Последний стянул все свои войска к Пресбургу. В Трансильвании командующий австрийскими войсками генерал Пухнер обратился за помощью к командиру русского корпуса генералу Лидерсу, стоявшего в Дунайских княжествах. С позволения Николая I в конце января 1849 г. два небольших отряда (генерал-майора Энгельгарта и полковника Скарятин) вступили в Трансильванию и заняли Кронштадт и Германштадт. Появление русских у Германштадта заставило Бема прекратить преследование австрийцев и отступить 23 января к р. Марош. В феврале Бем сосредоточил свои силы у города

Медяша, где и был атакован Пухнером. Бем искусным маневром обошел противника и разгромил отряд Скарятин, который вынужден был отойти к границе Валахии.

Положение австрийских войск было критическое. Потеряв надежду потушить гражданскую войну собственными силами, австрийское правительство обратилось за помощью к России. В апреле 1849 г. русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского, князя Варшавского, двинулась в Галицию.

Ко времени вступления русских войск в Австрию венгерские силы группировались в трех местах. В крепости Коморн и ее окрестностях — 58-тыс. армия Гергея; на Дунае при устье р. Тиссы — 29-тыс. отряд Перпеля-Феттера и в Трансильвании — 42-тыс. армия Бема. Общая численность сил противников составляла: венгров — 200 000 человек, австрийцев и русских — 300 000. К 6 июня русские без выстрела достигли линии Лублау — Бардфельд, что произвело панику в революционном правительстве Венгрии. 11 июня русские заняли Эперьеш, а 18-го вступили в Мишкольд.

Гергей, потерявший много времени на второстепенные боевые операции и препирательства с Кошутом, решил до прибытия русских нанести поражение австрийцам. Первый удар был направлен в район между Нейгейзельским рукавом Дуная и Вагом, но закончился неудачей. 9 июня союзники атаковали армию Гергея у села Перед. После упорного боя Гергей приказал отступать под покровом ночной темноты. Дивизия Г. Кмети (И.-п.) стояла у Марпальто. 15 июня его атаковал Гайнау, вынудив Г. Кмети отступить к Коморну. 20 июня Гергей, сосредоточив значительные силы, внезапно обрушился

на I австрийский корпус. Только вовремя подоспевшая дивизия Панютин дала возможность успешно отразить это нападение.

К началу июля положение венгерской армии настолько усложнилось, что Гергей решил пробиваться в южную Венгрию. Но путь ему пытались преградить два русских корпуса. У Вайцена Гергей их разбил, но вынужден был отойти к северу. Когда выяснилось, что он старается соединиться с южной армией Перцеля, Паскевич приказал во что бы то ни стало воспрепятствовать этому соединению. 8 июля под Лошонцом арьергард войск Гергея был настигнут летучим отрядом полковника Хрулева. Опасаясь задержки в горах, Гергей повел свою армию усиленным маршем. В результате двухнедельного преследования он был практически блокирован и не имел возможности достигнуть желаемой цели.

Тем временем правительство восставшей Венгрии перенесло свою резиденцию из Пешта в Сегедин, где воздвигался укрепленный лагерь. Общее командование войсками снова было поручено Дембинскому. Перцель присоединился к нему, а Феттер отошел за Тиссу, оставив для наблюдения за Иелачичем дивизию Г. Кмети у Ёзефсдорфа. 24 июля главнокомандующий австрийскими войсками Гайнау после упорного сражения овладел позицией Серета. Дембинский отступил к Темешвару, по пути к нему присоединилась дивизия Г. Кмети, отошедшая от Ёзефсдорфа. Отступление венгров к Темешвару окончательно лишило их возможности соединиться с Гергеем: единственно удобный для этой цели путь на Арад оказался в руках противника. Революционное правительство, недовольное действиями главнокомандующего, поручило руководство над южной армией Бему. Тот намеревался отвести армию к

Араду, но передовые отряды уже настолько вошли в соприкосновение с правительственными войсками, что сражение было неизбежно. Венгры были разбиты в результате этого боя и бежали. Гергей, дошедший до Арада, встретил там австрийский корпус. 1 августа в окрестностях селения Вилагош с согласия Кошута он сложил оружие. 6 августа крепость Арад сдалась передовому отряду русской армии. Остатки южной венгерской армии, в составе которой была и дивизия Г. Кмети, была рассеяна преследованием австрийцев. Часть ее ушла в Трансильванию, часть — в Турцию. В числе тех, кто пересек турецкую границу, был и Г. Кмети.

Здесь он принял ислам и за боевые заслуги в Венгерском восстании был возведен в чин генерала турецкой армии. После принятия мусульманства он получил имя Измаил. Спустя пять лет И.-п. был назначен начальником гарнизона, защищавшего крепость Карс. Ему удалось отразить штурм Муравьева, но когда голод в крепости достиг наивысшей точки, И.-п. передал командование гарнизоном английскому полковнику Вильямсу и отступил в Эрзурум. На нападки англичан по поводу ведения защиты. В 1861 г. И.-п. был назначен губернатором Кандии (о Кандии см. в ст. МОРОЗИНИ). Умер в 1865 г. в Лондоне.

* Эрзурум, город в восточной части Турции, адм. ц. Эрзурум (др.-арм. название Кари, визант. — Теодосиополис, араб. — Каликала).

ИТУРБИДЕ АВГУСТИН (1783—1824), мексиканский полководец и император (июль—декабрь 1822 г.).

И. родился в семье испанца и креолки. Смешанные браки (между испанцами и индейцами) стали в Мексике весьма распространенными с XVI в., и к концу XVIII в. в стране проживали четыре этнические группы. Высшим социальным слоем, который сосредоточил в своих руках все основные должности и торговлю, являлись испанцы. Их называли гачупинами (см. в ст. *ИДАЛЬГО*). Но по численности населения они представляли собой лишь незначительную часть. Гачупины были ненавидимы большинством остального населения страны, однако в их руках находились армия и духовенство, что обеспечивало достаточную надежность их власти.

На ступень ниже в социальной иерархии Мексики находились креолы — потомки испанских конкистадоров первой волны, многие с примесью индейской крови. Это были богатые владельцы гасиенд сасьенд, на которых работали индейцы. Сами же креолы жили в роскоши и праздности. Но при сохранении верности испанскому королю и католической церкви, они так же, как и большинство населения Мексики, ненавидели бюрократов-гачупинов. К XIX в. среди креолов стали появляться весьма образованные люди, которые читали французскую литературу и которые, обретя цель в жизни, проявляли завидную активность в достижении этой цели. Многих из них это привело к жестокой смерти.

Хуже всего приходилось метисам (2 млн. человек в общей численности населения), возникшим в результате смешанных браков. Из своей социальной среды их изгоняли как испанцы, так и креолы. Испанцы, к тому же, запрещали метисам жить даже

среди индейского населения, чтобы они не подстрекали последних к неповиновению и восстаниям. Для метисов единственно доступными стали либо тяжелые работы, либо разбой. Поэтому против них была организована особая милиция, которая казнила метисов без суда и следствия. И все же их численность в стране росла, «как и пассионарное напряжение, ибо в метисах совместились гены конкистадоров и ацтеков. Поэтому они не погибли, а выделились в особую субэтническую группу, имевшую перспективу развития» (Л. Гумилев).

В начале XIX в. все эти этнические группы Мексики вступили между собой в войну по причине той ненависти, которую они испытывали друг к другу (а также в результате той революционной обстановки, о которой упоминалось в ст. Идальго). Единственное, на чем они сходились, так это на том, что все считали себя американцами. Первые выступления за независимость возглавили священники (Идальго, Морелос). Но они были разгромлены вице-королевскими регулярными войсками, офицерами, среди которых были креолы, а солдатами — метисы и мулаты. Но уже спустя два года (в 1812 г.) полковник И., креол с примесью индейской крови, перешел на сторону тех, кто боролся за независимость.

На военную службу И. поступил, когда ему только исполнилось 15 лет. К 1810 г. он уже был полковником вице-королевских войск и принял самое активное участие в подавлении восстаний. Тогда еще И. находился на стороне консервативной креольской землевладельческой знати и церкви. За успешное подавление антиколониальных выступлений И. был произведен в генералы и назначен главнокомандующим северной испанской армии. Но его происхождение и выдающиеся полководческие способ-

ности сделали его подозрительным в глазах вице-короля. Эти подозрения имели под собой некоторые основания, так как с генералом И. несколько раз вступали в контакт представители патриотически настроенной верхушкой мексиканского общества. В результате всех этих подозрений генерал И. был обвинен в превышении власти и разжалован. Он подчинился приказу и отправился домой. Наблюдая за обстановкой в стране и в мире, И. время от времени имеет контакты с бывшими сослуживцами, а также с патриотически настроенными революционерами. Постепенно проявления нерешительности отступают у него на задний план. Из консерватора и противника борцов за независимость И. превращается в их сторонника. Его бодрит мысль, что именно он может стать во главе движения и подняться до тех высот, на которые до него никто из креолов еще не поднимался. Более пяти лет находившийся в отставке, в 1820 г. И. формирует небольшой отряд и становится во главе освободительной борьбы за независимость Мексики.

Этому выступлению благоприятствовало то обстоятельство, что в самой метрополии в это время происходила очередная буржуазная революция. Она началась выступлением в январе 1820 г. в Кадисе Р. Риего-и-Нуньеса. В марте революционеры восстановили деятельность конституции 1812 г. и образовали конституционное правительство модератос (правых либералов), которое тут же стало проводить в жизнь некоторые реформы.

21 февраля 1821 г. И. провозгласил свою программу «трех гарантий»: «Единение, религия, независимость». Мексиканская креольская знать и духовенство тут же примкнули к И. В обстановке разгоравшейся революции в метрополии они сочли

лучшим перейти на сторону тех, кто провозглашал отъединение от Испании.

Одному из усмирителей крестьянского и партизанского движения И. демагогическими лозунгами удалось привлечь на свою сторону партизан во главе с генералом Герреро. Многократно увеличив ряды своих сторонников и численность армии, этот талантливый полководец в течение шести месяцев сумел очистить Мексику от вице-королевских войск и изгнал из страны самого вице-короля. Прибывший из Испании генерал О'Донохью увидел безнадежность положения испанской власти в Мексике и бесполезность какого бы то ни было сопротивления. В таком положении он лишь подписал с И. Кордовский трактат (24 августа), которым признавалась независимость Мексики. Исполнительная власть передавалась совету из пяти человек во главе с И. 15 сентября 1821 г. И. объявил себя генералиссимусом всех войск и генерал-адмиралом Мексики. 27 сентября его войска вступили в столицу, где генералиссимус провозгласил образование Республики Мексика. И. сделался ее первым президентом. Но честолюбивому креолу этого показалось недостаточно и, имея на своей стороне армию, он 18 июля 1822 г. провозгласил себя императором Мексики под именем Августина I. Под давлением силы Конгресс новой республики вынужден был это признать.

Неограниченная власть, сконцентрированная в одних руках, не замедлила вскоре сказаться в политическом устройстве. В стране наступила реакция, начались преследования и аресты офицеров-республиканцев, последовал роспуск Конгресса республики; восстановление инквизиции обложение народа высокими налогами переполнили чашу тер-

пения сторонников республики. В стране вспыхивало негодование, которое И. пытался подавлять силой.

Возмущение политикой, проводимой новоявленным диктатором, достигло таких размеров, что 22 декабря 1822 г. генерал Санта-Ана (см.) провозгласил новую республику в г. Вера-Крус, а генералы Карреро и Браво сделали то же самое на юге страны. Большинство генералов посчитали уместным изменить присяге И. и покинуть ряды его армии. И. ничего не оставалось, как обратиться с воззванием к народам Мексики. Однако вновь собранный Конгресс республики объявил об низложении императора Августина I и провозгласил Республику. И. была назначена пенсия в размере 120 000 франков в год в счет его заслуг в завоевании независимости. Однако вместе с тем перед И. было выставлено требование, чтобы он навсегда покинул пределы Мексики и поселился в Италии.

11 мая 1823 г. И. покинул страну и отправился в Ливорно, потом в Лондон. Но спустя некоторое время из Лондона И. обнародовал манифест к мексиканскому народу. Конгресс республики объявил И. изменником родины и под страхом смертной казни запретил возвращаться в Мексику. Но, несмотря на это, 4 июня 1824 г. И. все-таки высадился на берег Мексики с небольшим отрядом. Его тут же арестовали и отправили в г. Падилью под усиленной охраной. Продержав в заключении И. более месяца, власти приказали его расстрелять. Приговор был приведен в исполнение 19 июля 1824 г.

А в 1838 г. прах первого президента Мексики и бывшего императора Августина I был эксгумирован и перенесен в Мехико, где его захоронили в столичном соборе.

КАРЛ-ЛЮДОВИҚ-ИОГАНН, эрцгерцог **АВСТРИЙСКИЙ** (1771—1847), фельдмаршал (с 1801), генералиссимус австрийских войск (с 1806), знаменитый противник Наполеона, сын императора Леопольда II.

К. родился в 1771 г. В детстве тщедушный и слабый здоровьем мальчик, К. по решению родителей должен был стать священником. Этот момент в жизни полководца роднит его со знаменитыми предшественниками — Евгением Савойским и Суворовым (см.). Однако родной дядя К., император Иосиф II, решил определить племянника на военную службу. По господствовавшей в то время традиции К. в пятилетнем возрасте назначили командиром пехотного полка Его императорского величества.

В возрасте 21 года, в 1792 г., К. получил свое первое боевое крещение в сражении при Жемаппе. Спустя год он участвовал в сражении при Альтенховене (Альденговене). Атака кавалерийского полка, которым к тому времени командовал К., во многом способствовала победе австрийской армии под командованием принца Кобургского (главнокомандующий имперскими войсками) над республиканскими войсками Дюмурье.

В 1794 г. К. был назначен губернатором Нидерландов, но при этом оставался полководцем в армии принца Кобургского. Однако слишком откровенная и открытая критика, громко выражаемое негодование по поводу ошибок главнокомандующего поссорили их, принца Кобургского и К. К. был вынужден покинуть Нидерланды и возвратиться в Вену. Здесь он занимается тем, что совершенствует свои военные знания под руководством генерала Линденау.

В 1796 г. империи снова понадобились опыт и

знания К. как полководца. Его призывают на службу и назначают командующим нижнерейнской, а затем и верхнерейнской армий. С этого момента начинается разворачиваться талант К. полководца. Несколькими победами он оттесняет французов за Рейн. Но К., между тем, прекрасно понимает, что судьба войны должна и будет решаться не на Рейне, а на главном театре боевых действий — в Италии. Он предлагает правительству и гофкригсрату заключить на рейнском участке перемирие и перебросить его вместе с рейнской армией в Италию. Но совет К. в Вене принят скептически и его, в конце концов, отстраняют. И только после победы Наполеона Бонапарта под Риволи и сдачи крепости Мантуя К. назначают главнокомандующим Итальянской армией. По прибытии в войска К. увидел жалкие остатки некогда боеспособных подразделений, деморализованные поражением. Несмотря на это, К. смело и с энтузиазмом берется за перегруппировку сил. Но все его усилия исправить положение на фронте оказываются тщетными, и австрийцы вынуждены были заключить невыгодное для них Леобенское перемирие.

В 1799 г., во время Второй коалиционной войны против Франции (см. подробнее в ст. СУВОРОВ), К. принял командование австрийскими войсками на р. Лех, одержал победу при Штокахе и принудил наполеоновского генерала Журдана отойти за Рейн. Но дальнейшему развитию полководческих успехов К. препятствуют как гофкригсрат во главе с Тугутом, так и неудовлетворительное положение в провиантном и коммисариатном снабжении армии. Несколько позднее тот же гофкригсрат приказом заставил К. двинуться к Рейну и оставить на произвол судьбы русский корпус союзников под командова-

нием Римского-Корсакова. До прибытия на выручку армии Суворова этот корпус был разбит маршалом Массеной под Цюрихом.

Недовольство К. действиями гофкригсрата и покавшегося ему правительства заставили полководца в 1800 г. оставить армию и уехать в Прагу. Но вскоре следом за ним прибыл посланник с просьбой и поручением возглавить защиту Богемии. К. уступает этой просьбе, формирует корпус волонтеров. Однако недомогание, переросшее в плохое состояние здоровья, не позволило ему взять этот корпус под свое командование.

Вскоре после очередных поражений австрийской армии (Наполеон и маршал Моро разгромили австрийцев при Маренго и Гогинлиндене) австрийское правительство и гофкригсрат снова отправили к К. посланника с поручением возглавить командование войсками. К. уступает и отправляется в армию, проводит перегруппировку, упорядочивает войска и отводит их на запасные рубежи. Видя, что по своему состоянию войска не могут вести боевые действия, К. обращается к маршалу Моро и заключает с ним перемирие, за которым последовал Люневильский мир.

В 1801 г. австрийский император произвел К. в фельдмаршалы, назначил президентом гофкригсрата и поручил ему преобразование военной системы государства. Тонкий знаток военного искусства, опытный и талантливый военачальник, любимый и ценимый в войсках, К. в самые короткие сроки довел австрийскую армию до той степени совершенства, которую позволяли возможности и уровень знаний того времени. В 1802 г. народы Германии обратились к правительству империи с требованием воздвигнуть К. памятник, как спасителю отечества.

Но скромный эрцгерцог категорически воспротивился такому предложению и отказался от такой чести.

В 1805 г. под влиянием и по настоянию К. гофкригсрат империи был преобразован в военное министерство, первым министром которого был назначен эрцгерцог. В том же году, во время русско-австро-французской войны, К. принял на себя командование австрийскими войсками в Италии и действовал весьма искусно в сражении с французами при Кальдьеро.

В 1806 г. император назначил К. генералиссимусом и военным министром с неограниченными полномочиями. Австрия весьма тяготилась господствующим положением Наполеона в Европе и не могла смириться с потерей собственного авторитета и влияния на дела в европейских государствах. Поэтому в стране развернулась усиленная подготовка к новой войне.

Именно на посту генералиссимуса всех вооруженных сил и министра с неограниченными полномочиями развернулись во всем блеске и проявились его административные способности. Первым делом К. принял самые энергичные меры по благоустройству армии: войска воспитывались в высокопатриотическом национальном духе; огромное внимание К. обратил на поднятие уровня образования офицерского корпуса; была упорядочена интендантская часть. Активными стараниями К. вооруженные силы страны были доведены до 500 тыс. человек (300 тыс. в действующей армии и около 200 тыс. ландвера). Вместо устава линейной тактики армии прививались новые принципы ведения боя. При К. в австрийской армии была введена корпусная организация из трех родов войск. Но к началу новой войны (Австро-французской, 1809) армия не успела еще

впитать в себя положения нового устава, а старшие военачальники все до единого были воспитаны на старой линейной тактике и маневренной стратегии. Однако правительство сочло, что армия уже подготовлена должным образом для того, чтобы возобновить военные действия против Франции.

К этому времени относится еще одно знаменательное событие в жизни К. В 1808 г. умер испанский король Карл VI, и престол Испании был предложен К. Но эрцгерцог Австрийский с присущей ему скромностью отказался от короны и в 1809 г. выступил против Наполеона во главе подготовленной его трудами армии.

Главные боевые действия должны были развернуться в средней Европе: от Вислы до верхнего и среднего Рейна, до долин рр. Адижа и Минчио, Адриатического побережья и через р. Саву до Коморна на Дунае. В конце февраля 1809 г. австрийские вооруженные силы получили окончательную организацию: германской армией командовал сам К.; польской армией — его брат эрцгерцог Фердинанд; для поддержания восстания в Тироле — отдельный корпус Шателера; для действий в Далмации — отдельная бригада Стойхевича. Первоначально принятый австрийцами план заключался в сосредоточении главных сил в Богемии с целью нанесения решительного удара по разбросанным в Саксонии и Пруссии войскам маршала Даву еще до получения им подкреплений. Затем, пользуясь центральным положением Богемии, разбить по частям союзные контингенты и вынудить правительства Рейнского союза расторгнуть союзнические обязательства с Наполеоном. Если этот план удастся, то продолжать угрожать или пределам Франции, или действовать во фланг и тыл французской армии в Баварии. Од-

новременно австрийские войска должны были наступать по всем направлениям, и лишь в Далмации ограничиться оборонительными действиями.

У Наполеона в это время были несколько иные планы. Он задумывал окончательно покончить с Испанией, поэтому распустил войска Рейнского союза, а лучшие свои войска направил на Пиренейский полуостров. На главном театре будущей войны в конце 1808 г. у него находился лишь 60-тысячный корпус Даву.

Но ввремя осведомленный о намерениях Австрии, Наполеон вернулся в Париж и принял экстренные меры: были призваны конскрипты (мобилизованные на основе всеобщей воинской обязанности), срочно усилена армия Даву в Германии и вице-короля Евгения в Италии, мобилизованы союзные германские и польские контингенты и, наконец, сформирована была армия, которую возглавил сам император.

Движение войск Наполеона от Франции к верхнему Дунаю и Леху, боеготовность баварской армии и доходившие слухи об устройстве в Баварии базы, а также стягивание войск Даву в долину Майна, показывало К. на приготовление Наполеона к действиям на правом берегу Дуная. У него возникло опасение за столицу, которую должен был защищать 35-тысячный корпус Гиллера. После ряда колебаний и совещаний было решено перенести главные действия на правый берег Дуная. Обеим частям германской армии приказано было соединиться на среднем Дунае и стать между двумя армиями Наполеона: Даву — на левом берегу, Массена, Удино, Вандом, Лефевр — на правом, с целью разбить их по частям.

Изменив на ходу план для главных сил, К. оста-

вил в силе группировку войск и предложение наступательных операций на прочих участках будущего фронта. Но все эти изменения в планах дали Наполеону выигрыш во времени около месяца и к середине апреля относительное превосходство сил Австрии значительно умалилось. К тому же, получив титул генералиссимуса, полномочия вести войну без вмешательства пресловутого гофкригсрата, сам К. относился к затеянной войне с Наполеоном без особого энтузиазма, признавал неготовность к ней Австрии. Помимо того, К. слишком ясно осознавал превосходство своего гениального противника и его армии над своими средствами борьбы. Мягкий характером и подавленный ответственностью за исход войны, он проявлял колебания и нерешительность, в особенности, когда сталкивался с Наполеоном лицом к лицу. Кроме того, в немалой степени на ход событий влияли интриги его братьев, стоявших во главе подчиненных ему армий, и его ближайших помощников, нередко отказывавшихся подчиняться приказам К. Во всем этом крылись причины частой нерешительности и колебаний генералиссимуса в принятии того или иного ответственного решения.

Намерения же Наполеона были твердыми и последовательными. Они выразились в обширной инструкции от 30 марта, обращенной к Бертье: «С 1 по 15 апреля я буду иметь три корпуса, которые нужно будет сосредоточить на Дунае, или у Регенсбурга, или у Ингольштадта, или у Донауверта. Моя цель перенести главную квартиру в Регенсбург и сосредоточить у него всю мою армию. Главная квартира в Донауверте и линия Леха послужит позицией — на случай, если противник предупредит меня; но если австрийцы будут неподвижны, я желаю сосредоточения войск Удино (от Аугсбурга) и Сен-Ил-

лера (от Нюрнберга) у Регенсбурга. Герцог Ауэрштедтский перенесет свою главную квартиру в Нюрнберг (к 1 апреля Даву находился между Нюрнбергом, Бамбергом и Байрейтом), т. е. в трех переходах от Регенсбурга. Три баварские дивизии также будут относительно Регенсбурга в 1, 2, 3 переходах. Герцог Риволийский, перенеся свою квартиру в Аугсбург (из Ульма), будет находиться в 4—5 переходах от Регенсбурга. Т. обр., главная квартира будет находиться в Регенсбурге, посреди 200-тысячной армии... Такое положение обеспечивает от всякого беспокойства относительно передвижений неприятеля; оно будет выгодно и в отношении быстрой доставки к армии всего необходимого по Дунаю».

В этой инструкции Наполеон намечал образ действий при дебушировании противника, как до завершения сосредоточения у Регенсбурга, так и после расположения вокруг него. Наконец, «если неприятель направит свои действия одновременно на оконечности правого и левого флангов, то нужно будет выбрать его центр, имея путь отступления на Лех и всегда обеспеченный за собой Аугсбург».

10 апреля, когда Наполеону сообщили о передвижении австрийских войск из Богемии на правый берег Дуная, он назначает главной квартирой Даву Регенсбург, а корпусу его — сосредоточиться в окрестностях на расстоянии одного перехода.

В этот же день главная армия генералиссимуса К. (140 000 человек) перешла Инн на фронте Пассау — Браунау, дивизия Иелачича перешла 12-го у Вассербурга. Корпус Бельгарда, перейдя границу Богемии у Бернау и Росгаупта, двинулся к Амбергу. По дорогам от Инна к Изару встречались лишь незначительные конные отряды баварцев. Вследствие весенней распутицы, сложной системы довольствия и

неосведомленности о противнике лишь 15 апреля передовые части подошли к Изару, а 16-го после шестичасового боя 60-тысячного корпуса австрийцев против 10 тыс. дивизии Деруа, К. овладел переправой у Ландсгута. К этому времени дивизия Иелачича подошла к Мюнхену, а на левом берегу Бельгард занимал Швандорф и Шварценфельд, имея авангард у р. Реген.

К. выбирает операционное направление на линию Кельгейм — Нейштадт на Дунае и далее к Эйхштадту, где рассчитывал соединиться с Бельгардом и, заняв центральное положение на р. Альтмюль, воспрепятствовать соединению корпусов неприятеля. 17 апреля главная армия выступила двумя колоннами: на Пфеденгаузен-Зигенбург и Ротенбург-Кельгейм. Для обеспечения левого фланга со стороны Аугсбурга К. приказал 6-му корпусу Гиллера двигаться от Мосбурга через Ау к Пфафенгофену; правый фланг обеспечивали отряды, направленные к Экмюлю, и отряд Вечая, наблюдавший от Гейзельгеринга к Регенсбургу. 18 апреля были получены сведения, что еще весь корпус Даву находится у Регенсбурга. Генералиссимус К. тут же принимает решение двигаться к Регенсбургу против Даву. Но вскоре было получено иное сведение — о предположительном движении Даву к Нейштадту. После некоторых колебаний, вызванных этим известием, К. ночью на 19-е отдает приказание о движении к Регенсбургу тремя колоннами в промежуток Абах — Экмюльское шоссе. Для обеспечения марша к Бибургу отправляется полк конницы.

Открытие военных действий застало Бертье в Страстбурге. Отправив срочное донесение в Париж, 13 апреля Бертье прибывает в Донауверт. Здесь он узнал, что Даву подходит к Игольштадту; дивизия

Сен-Иллера с кирасирами Сен-Сюльписа в Регенсбурге; дивизия Фриана у Неймаркта, а его авангард — в Амберге; Вюртембергский корпус Вандома у Райна; Массена и Удино у Аугсбурга; Лефевр на прежних позициях. И хотя австрийцы и начали военные действия, Бертье, помня об инструкции Наполеона, решил сосредоточить армию у Регенсбурга и отдал распоряжение Массене двигаться туда же.

Вечером 13 апреля Бертье получает пакет из Парижа от Наполеона с приказанием сосредоточить армию у Аугсбурга и Донауверта, если действия начнутся до 15-го; распоряжение в отношении Массены и Удино было отменено.

Ко времени прибытия Наполеона в Донауверт (утром 17 апреля) сведения о противнике сводились к следующему: на левом берегу австрийцы теснят Даву со стороны Богемии, на правом — войска Лефевра отступают перед значительными силами противника, со стороны Мюнхена показываются войска в направлении к Аугсбургу, а в Тироле восстание в полном разгаре. Наполеон принял решение, которое привело в движение группы французских армий к р. Абенс. Тем же утром Даву приказано было перейти из Регенсбурга к Ингольштадту через Нейштадт и Гейзенфельд. Дивизии Фриана приказано занять позицию на р. Альтмюль. Для обеспечения марша Даву Лефевру приказано было занять позицию против корпуса, продвигающегося с боем от Ландсгута. В тот же день Наполеон предписал Массене организовать оборону Аугсбурга как для осады и быть готовыми (Массене и Удино) к выступлению в 2 часа ночи 18-го. Преследуя идею уничтожения австрийцев на пространстве между Дунаем и Изаром и сосредотачивая все свои силы к р. Абенс, Наполеон наметил подготовку решительного удара, со-

единив его с захватом пути отступления. Он также предусмотрел возможные изменения в операциях противника: на запад к Пфеденгофену захват операционной линии возлагался бы на Даву, на север к Регенсбургу — на Массена, наконец, если бы генералиссимус К. продолжал движение на линию Нейштадт — Кельгейм, то его операционная линия могла бы быть захвачена с обеих сторон.

19 апреля начался пятидневный бой. По диспозиции 67-тысячная армия австрийцев в 6 часов утра должна была двинуться тремя колоннами к Регенсбургу: левая — 3-й корпус Гогенцоллерна (19 тыс.) на Гаузен, Тенген и оттуда разделиться на Абах и Пейзинг; средняя — 4-й корпус Розенберга (28 тыс.) от Лангквайда на Динслинг, Вейлое; правая — 1-й резервный корпус Лихтенштейна (20 тыс.) от Рора на Лагквайд, Экмюль, Регенсбург; бригада Тьери (6 тыс.), занимавшая Кирхдорф, должна была обеспечить операцию слева и связать главную армию с 5-м и 2-м резервными корпусами (36 тыс.) против р. Абенс; 6-й корпус (26 тыс.) у Майнбурга должен был поддержать эти два корпуса; дивизия Иелачича оставалась в Мюнхене.

К утру этого дня за рекой Абенс находилась 26-тысячная армия баварцев у Бибурга, Мюльгаузена, Нейштадта. На пути от Райна к р. Абенс: виртенбергцы (10 тыс.) — у Нейштадта, дивизия Демона (6 тыс.) — у Вобурга, конница Нансути (14 тыс.) — впереди последнего, Массене и Удино (50 тыс.) — на пути Айхах, Пфафенгофен, Ау; Даву (40 тыс.) — на пути от Регенсбурга к р. Абенс. Весь день 18-го дивизия Фриана держала бой с войсками Коловрата на левом берегу и лишь вечером Даву мог выступить от Регенсбурга. В 9 часов

вечера корпус двинулся четырьмя колоннами; колонна обозов и парков — по шоссе через Абахское дефиле, правая (легкая бригада Жакино, дивизии Монрана, Сен-Иллера) — на Пейзинг, Тенген, Унтер-Фекинг, левая колонна (кирасиры Сен-Сулписиса, дивизии Гюдена и Фриана) — на Вейлоэ, Зальгаунт, Обер-Фекинг, кавалерия Монбрена из Эгловстейма на Лукепойнт и Данцлинг. В Ренесбурге был оставлен 65-й линейный полк Кутара с приказом обороняться, пока не придет подмога.

Около 9 часов утра 19-го колонны Даву подходили к долине р. Фекинг, как вдруг у селения Шнейдарт завязалась перестрелка. 7-й легкий пехотный полк столкнулся с боковым авангардом колонны Розенберга. Головные части французов миновали долину Фекинг, а колонна Розенберга, выждав подхода Гогенцоллерна к Гаузену, продолжала движение к Динцлингу, оставив 12 батальонов гренадер на Грубской позиции. Для обеспечения марша Даву приказал Сен-Иллеру овладеть высотами между селениями Тенген и Гаузен, что привело к бою последнего вместе с Фрианом с колонной Гогенцоллерна. Силы были равны, и после упорного боя, к 6 часам вечера, австрийцы были отброшены за р. Фекинг. Потери убитыми и ранеными составили с каждой стороны около трех тысяч человек и около 800 пленных австрийцев. Одновременно колонна Розенберга с боем пролагала путь к Динцлингу против колонны Монбрена, искусно скрывавшего свои силы. К вечеру Монбрень отошел к левому флангу Фриана, преградив путь от Динцлинга к Абаху. Опасаясь за направление Регенсбург — Лансгут, К., имевший резерв из 12 гренадерских батальонов, лишь вечером решил послать подкрепление Гогенцоллерну, но было уже поздно.

На следующий день, 20 апреля, состоялось Абенсбергское сражение. Утром было послано приказание Массене торопиться к Изару, на Фрейзинг или Мосбург, а еще лучше на Лансгут. После личной разведки с высот Абенсберга Наполеон приказал: Даву с 24-тысячной армией удерживаться на Тенгенской позиции и служить осью для маневра главными силами на центр австрийцев — к Лансгуту; Ланну с 25-тысячной армией овладеть Рором, центральной позицией относительно всей австрийской армии; 40-тысячному корпусу из баварских и виртенбергских войск, где он лично командовал, наступать с линии Арнгофен — Абенсберг против отдельных отрядов и против фланга 5-го австрийского корпуса, дивизии Вреде (см.), располагавшего 10-тысячным корпусом, выждав результаты наступления соседей, атаковать неприятеля, находившегося напротив.

Эрцгерцог К., ожидая на 20-е атаку Даву, еще 19-го послал приказание 5-му корпусу ночью двинуться через Рор к Лангквайду, а 6-му корпусу занять его место. Но по причине неприбытия Гиллера, эрцгерцог Людовик (брат К.) остался к утру 20-го на своих позициях. В 9 часов утра Наполеон двинул все свои войска вперед. Ланн уничтожил отряд Тьерри, занял Рор и оттуда направил часть сил вниз по долине Лаберы во фланг и тыл армии эрцгерцога К. Баварцы и виртенбергцы отбросили отряды правого фланга 5-го корпуса австрийцев к Пфеденгаузену. Вреде атаковал у Бибурга — Зигенбурга с фронта. Оба крыла войск Наполеона нагнали отступающий 5-й корпус на 2-й резервный корпус у Лютмансдорфа; замешательство передалось подходившему с юга 6-му корпусу, и к вечеру три корпуса в беспорядке отступили за Лаберу. Тем временем, Даву

авангардами атаковал австрийские отряды в направлении Гаузен — Лангквайд. В тот же день у Регенсбурга шла неравная борьба 65-го линейного полка (около 2 тыс. человек) с двумя корпусами Коловрата и Лихтенштейна (45 тыс.), которая к вечеру закончилась сдачей французов. В связи с этим появилась возможность соединить австрийские войска с разных берегов Дуная. Однако генералиссимус К. приказал Коловрату продолжать движение на Гемау с целью угрозы тылу французов. К вечеру 20-го Массена дошел до Фрейзинга, восстановил переправу и двинул конницу к Мосбургу. На левом же берегу Дуная корпус Бельгарда двигался к Неймаркту и Ингольштадту, тесня наблюдательный отряд противника.

На следующий день, предполагая, что Массена накануне вечером достиг Лансгута и не имея сведений о сдаче Регенсбурга, Наполеон отдал распоряжение: войскам Ланна с Виртембергской и 1-ой баварской дивизиями и конницей Бессьера преследовать неприятеля от Рора к Лансгуту; Лефевру с двумя дивизиями, кирасирами Сен-Жермена и баварской конницей от Рора двинуться долиной Лаберы, уничтожить арьергард и преследовать самого эрцгерцога К. от Экмюля к Лансгуту или к Штраубингу. В резерве войск левого фланга были оставлены: 1-я баварская дивизия у Рора и две дивизии Удино и Абенсберга; Даву приказано было поддерживать Лефевра, а затем двинуться к Регенсбургу и отбросить Бельгарда и Коловрата в Богемию. В ночь на 21-е войска Гиллера продолжали отступление от Ротенбурга и Пфеденгаузена к Лансгуту. Встречные обозы замедляли движение, и утром французская конница с Наполеоном нагнала их. Завязался кавалерийский бой. Вскоре на правом берегу Изара

показался от Мосбурга передовой отряд Массены, но начальник дивизии, не разобравшись в ситуации, остановил атаку передовой пехотной бригады. Австрийцы воспользовались удачным моментом, успели переправиться до прибытия французской пехоты от Рора и разрушить за собой мост. Гиллер отступил к Неймаркту, оставляя обозы, часть артиллерии и до четвертой части состава пленными, ранеными и оставшими.

В ночь на 22-е часть австрийской армии под командованием генералиссимуса К. расположилась на ночлег: 3-й корпус Гогенцоллерна на правом берегу Б. Лаберы у Ширлинга, 4-й корпус Розенберга у Динцлинга, оба корпуса фронтом на запад, гренадеры у Гохберга, 1-й резервный корпус Лихтенштейна у Регенсбурга, 2-й корпус Коловрата на пути к Гемау и 1-й корпус Бельгарда у Неймаркта. Генералиссимус К. не знал об участии войск левого фланга, а войска Даву принимал по неведению за главную армию Наполеона. К утру 21-го возник новый план: атаковать противника, переменив фронт на юг и открыв путь отступления на Регенсбург. Для этого К. отдал следующую диспозицию: 1-му резервному корпусу Лихтенштейна перейти на линию Абах — Волькеринг — Кеферинг, гренадерам стать у Эгловсгейма, 4-му корпусу Розенберга — у Динцлинга с авангардом у Вейлое, 3-му корпусу Гогенцоллерна перейти к Унтер-Лейхлингу, 5-му корпусу эрцгерцога Людовика подтянуться к 3-му, 2-му корпусу Коловрата вернуться к Регенсбургу и 1-му Бельгарда перейти от Неймаркта к Гемау. Еще не была получена войсками диспозиция, как две дивизии Даву двинулись через Шнейдарт к Лабере и сбили передовые отряды 4-го корпуса. Одновременно Лефевр наступал долиною Лаберы от Рора, сбивая посты

3-го корпуса. Он овладел Ширлингом, а Даву — Перингом. Вскоре Гогенцоллерн получил приказание оставить бригаду у Экмюльского дефиле и перейти к Эглофсгейму, где Даву вел атаку дивизией Фриана в обход правого фланга Розенберга. С прибытием подкреплений атака эта была отражена. К полудню Наполеон стал понимать обстановку. Чтобы не дать противнику спастись бегством через Регенсбург, он поторопился нанести удар в этом направлении.

22 апреля произошел Экмюль-Эглофсгеймский бой. Вечером накануне Наполеон назначил в распоряжение Даву генерала Лефевра и резервы у Абенсберга и Ротенбурга. На рассвете 22-го авангард Вандома двинулся от Ландсгута к Экмюлю, за ним следовал корпус Ланна, в составе которого были две пехотные и две кирасирские дивизии. Массене император приказал подтянуться к Ландсгуту. Преследование Гиллера было поручено Бессьеру с конницей и 16-тысячной 1-й пехотной дивизией. К утру 22-го к Регенсбургу прибыл корпус Коловрата. Генералиссимус К. отдал диспозицию о наступлении, в которой были задействованы корпус Коловрата, пехота 1-го резервного корпуса Лихтенштейна. Конницу К. оставил в резерве у Тальмесинга и Кеферинга, гренадеров — у Эглофсгейма. 4-й корпус Розенберга К. решил оставить на позиции у селения Лейхлинг, чтобы он отвлекал на себя внимание неприятеля. Оба противника, К. и Наполеон, таким образом, намечали удары на левые фланги.

Выступление австрийских колонн К. назначил на полдень. К двум часам дня Вандом сумел отбросить Вукасовича за р. Лаберу и после условного сигнала от Даву атаковал Розенберга. Наполеон приказал Вандому форсировать переправу, а дивизии Гюдена

обойти ее через Рокинг. 10-тысячная конница развернулась впереди Ширлинга на левом берегу Лаберы. Дивизии Даву втянулись в упорный бой в лесу и в селениях, Экмюль переходил из рук в руки. Местность благоприятствовала тому, что австрийская артиллерия громила с высот Экмюль-Лейхлинг пехоту и конницу, почти не страдая от ответного огня французов. Тогда Наполеон бросил на нее всю свою конницу, которая пронеслась до шоссе, где встретила дивизию Гюдена, атакующую резервы К. Вскоре прорвались сюда и дивизии Даву, а также дивизия Морана. К Экмюлю подошли и три дивизии Массены. В то время, как 18-тысячный корпус Розенберга боролся с трижды превосходившими силами противника, генералиссимус К. оставил план наступления и вынужден был оттянуть колонны для защиты подступов к Регенсбургу. Наполеон с конницей преследовал остатки войск Розенберга по шоссе, Даву слева, дивизии Ланна — справа. К вечеру австрийцы вышли на равнину Эглофсгейма, где собралось около двух тысяч конницы. Несмотря на отчаянное сопротивление, в пять раз превосходящая конница французов опрокинула австрийцев и оттеснила их в болота реки Пфатер. В то же время коннице Лихтенштейна удалось отбросить французов к Кеферингу. Из-за неясности обстановки и чтобы дать возможность отдыха изможденной пехоте, Наполеон остановил наступление до следующего дня. А генералиссимус К., обманутый в надежде на быстрый поход и отрезанный от базы на Инне, решил отступить в Богемию. Ночью по его приказанию были переправлены обозы, Коловрат и Лихтенштейн должны были прикрывать переправу. Остальные силы с рассветом направились через Вальдмюнхен к Хамму. Для отступления пехоты

Лихтенштейна к восьми часам утра был наведен понтонный мост ниже города, два полка с артиллерией были назначены в гарнизон Регенсбурга, ворота которого (кроме Абахских) были забаррикадированы. Еще два полка прикрывали голову понтонного моста

Как ни старался К. избежать сражения, но оно все-таки состоялось 23 апреля у Регенсбурга. К утру этого дня австрийская армия, кроме гренадеров и конницы, успела уже переправиться, часть корпуса Коловрата проходила город, конный корпус Лихтенштейна преграждал путь от дороги на Абах до дороги на Штраубинг. Наполеон, который еще накануне решил для себя преследовать австрийцев до окончательного разгрома, отдал своим командирам распоряжения о диспозиции. К полудню, когда обстановка по всему фронту была выяснена, Наполеон решил штурмовать Регенсбург. Но залпы орудий и гаубиц оказались бессильны против мощных стен крепости, и первые попытки штурма были отбиты австрийцами. Раздосадованный император приблизился к цепи стрелков и был ранен в ногу. Появление его верхом на коне с перевязанной ногой вызвало восторженное ликование и всеобщий энтузиазм войск. Артиллерии Ланна удалось завалить ров обломками высокого каменного дома. За ним, лично схватившим штурмовую лестницу, бросились гренадеры. Проникнув в город, они открыли Штраубингские ворота, и в семь часов вечера 85-й пехотный полк ворвался в Регенсбург. К этому моменту австрийская армия почти вся уже была на левом берегу, и огонь ее артиллерии остановил дальнейшее продвижение противника. Лишь в полночь снялся с позиции австрийский арьергард.

Результатом пятидневного боя явилось ослабле-

ние австрийской армии на треть (60 000 человек убитыми и ранеными, потеря 100 орудий), были открыты прямые пути к Вене и надолго обеспечен тыл армий Наполеона. В письме с Хаммской позиции генералиссимус К. предлагал императору мир. Но Наполеон не согласился. Для отвлекающего маневра он оставил корпус Даву (до отступления войск К.), а также корпус Вандома у Экмюля. Главные силы император направил по шоссе Ландсгут — Браунау к Вене. Для защиты тыла в Баварии сенатором Бомоном формировался подвижный резерв, а в государствах Рейнского союза была сформирована 14-тысячная армия Жюно (резерв).

Наступление на Вену началось 24 апреля. В тот же день Гиллер разбил Бессьера у Неймаркта, но, узнав о поражении генералиссимуса К., он отступил на Инн, куда подтянулся Иелачич из Мюнхена. Спустя два дня Массена деблокировал Пассау, затем опрокинул 6-тысячный отряд Дедовича и овладел переправой в Шардинге. 26-го Гиллер переправился через Зальцу у Бурггаузена. Массена в нерешительности простоял четыре дня в Шардинге, а Наполеон с 28-го по 30-е задержался в Бурггаузене по причине половодья р. Зальца и разрушения мостов.

К 2 мая Гиллер успел стянуть войска к Линцу. Туда же подходил авангард Массены, а Ланн к этому времени овладел Вельсом. Однако мосты на Трауне оказались разрушенными. Гиллер получил предписание, в случае если не удастся переправиться у Линца, удерживаться на рр. Траун и Энс для того, чтобы дать главной армии возможность подойти к Матгаузенской переправе. 3 мая он занял сильную позицию на правом берегу Трауна. От Линца подходил Массена, а от Вельса правым берегом уже двигался авангард Бессьера.

Лишь 27 апреля генералиссимус К. узнал о движении Наполеона. На следующий день он выступил с Хаммской позиции на Клаттау — Будвейс, прикрываясь отрядом Кленау, к Дунаю. 4-го мая в Будвейсе генералиссимус К. узнал об Эберсбергском бое и только 7-го тронулся на Цветель к Кремсу.

10 мая Наполеон подошел к Вене, главные силы противника, генералиссимуса К., — к Цветелю. У эрцгерцога Максимилиана в Вене было 25-тысячное войско, и он мог бы спокойно удержаться до прибытия главных сил. Но когда Наполеон направил Массену к Зиммерингу с целью захвата мостов с юго-востока, Максимилиан в ночь на 12-е оставил столицу. 13-го французы вступили в город.

Генералиссимус К., рассчитывавший переправиться у Вены и вместе с Гиллером оборонять столицу, 16-го мая соединился с его войсками у Бизамберга и простоял здесь до 19-го. Он пытался остановить успехи противника операциями на его сообщения: 17-го 20-тысячный корпус Коловрата атаковал 10-тысячный корпус Вандома у Линца, но подошедший Бернадотт отбил его с потерями. Эрцгерцог Иоанн не решился исполнить полученное им 16-го в Клагенфурте приказание К. двинуться к Линцу для помощи Коловрату, опасаясь иметь на своем фланге армию вице-короля.

Еще при подготовке наступления на Вену, Наполеон, опасаясь неудачи, расположил свои войска таким образом, чтобы была возможность отступить под их прикрытием. По его приказу были сооружены мосты через три ближайших рукава Дуная. Император не оставлял затеи преследовать разрозненные войска К. С этой целью вся его армия должна была подтянуться к переправам. Не дожидаясь прибытия войск, Наполеон решил действовать.

Но 21—22 мая, переправившись, Наполеон оказался отрезанным от остальных войск. Уровень воды в Дунае неожиданно поднялся и разрушил наведенные мосты. После блестящей пятидневной операции 19—23 апреля Наполеон, решив нанести окончательный удар по К., потерпел неудачу при Асперн-Эслингене и вынужден был возвратиться на правый берег, оставив на острове Лобау корпус Массены. Генералиссимус К. битвой при Асперне — Эслингене остановил продвижение французов на Дунае.

Оставленный корпус Массене на о. Лобау свидетельствовал о том, что Наполеон и не собирался отказываться от переправы. Император приказал восстановить разрушенный мост, а также возвести новый, шириной в три повозки. Войска немедленно приступили к исполнению воли императора. Но как бы они ни торопились, на это у них ушло более месяца времени, за которое Наполеон успел перегруппировать войска и пополнить их свежими силами, доведя общую численность армии до 340 000 человек.

Генералиссимус К. в ожидании новой переправы неприятеля собрал войска на позициях Русбаха и Бизамберга, а также подтянул большую часть корпуса Коловрата. Эрцгерцог Иоанн, один из братьев К., 1 июня в Керменде получил приказание следовать к Пресбургу на соединение с главными силами. Но, как это уже было не раз, уклонился от выполнения приказа. Когда же пришло повторное приказание, дорога к этому городу уже была занята маршалом Даву. Усилив армию ландвером Богемии и Моравии, генералиссимус К. имел в своем распоряжении до 300 000 человек, включая польскую армию (5 000 человек). За вычетом снабженцев и подразделений для второстепенных задач у К. оставалось 128 000 человек и 452 орудия.

Целый месяц армии провели в подготовке к сражению. Оба командующих, Наполеон и К., понимали, что это сражение должно стать решающим. 30 июня вечером дивизия Леграна начала переправу с наводкой предмостового укрепления и понтонного моста. В этот же день генералиссимус К. приказал: 6-му корпусу Кленау занять линию Асперн—Энцерсдорф, Нордману — оставаться на линии Энцерсдорф—Орт, для подкрепления его — 4-му корпусу Розенберга выступить к Виттау, а корпусу Гогенцоллерна и Бельгарда подвинуться к Брейтенлее и Рашдорфу и с конницей Лихтенштейна служить подкреплением Кленау. 3-й корпус Коловрата и гренадеры должны были подготовиться к движению на переправу. 3 июля генералиссимус К. решил отойти на прежние позиции, чтобы встретить противника на Русбахе, а правым крылом маневрировать на его сообщения.

5—6 июля состоялась переправа французской армии и вслед за этим — Ваграмское сражение, которое закончилось поражением австрийцев. Генералиссимус К. отвел свои войска на Бизамберг-Штаммерсдорфские высоты. Ночью армия сосредоточилась у Корнейбурга и уже 7 июля начала движение на Цнайм в Богемию. Наполеон избрал главным направлением для преследования армии генералиссимуса К. путь на Брюн, ставя перед собой цель воспрепятствовать возможному соединению его с армией эрцгерцога Иоанна.

Преследование продолжалось два дня. 9 июля по приказанию генералиссимуса К. Розенберг вышел на Никольсбургское шоссе. К. рассчитывал остановить Массену на Йетцельсдорфской позиции за р. Моравой. Но движение Наполеона к Цнайму выводило К. на фланг этой позиции. В ночь на 10-е К.

с конницей и гренадерским корпусом предпринял форсированный марш и на рассвете прибыл к Цнайму. Конница императора уже находилась в 14 верстах, а в нескольких верстах от нее расположилась на бивак армия. Благодаря упорным боям у Тешвица и Круковица гренадеры выиграли время, пока к вечеру не подтянулись остальные корпуса. В ночь на 11-е Наполеон сосредоточил с юга и востока 130-тысячное войско против 60—70 тыс. австрийцев. Для прикрытия растянувшихся по дороге на Будвейс обозов генералиссимус К. 11 июля принял бой. В результате этого сражения французы овладели важнейшими пунктами, и основная часть конницы готова была охватить тыл. На 12 июля назревала катастрофа. Но ночью было получено известие о перемирии, на которое император дал согласие из-за неудач на Пиренейском полуострове. Остатки армии генералиссимуса К., потерявшего с 3 по 12 июля 46 000 человек, отошли в глубь Богемии, а затем к Ольмюцу.

14 октября был заключен Шенбрюннский мир, по которому Австрия потеряла 2000 км² своей территории с населением в три с половиной миллиона человек, уплатила 75 млн. гульденов контрибуции и обязалась содержать оккупационные войска численностью не более 150 000 человек до их выхода из страны.

Несмотря на столь унижительные условия мира, в этой войне генералиссимус К. все-таки сумел доказать возможность победы над гениальным полководцем. Противник же его, император Наполеон, признал полководческий талант К. и настолько уважал генералиссимуса, что избрал его своим представителем при бракосочетании с эрцгерцогиней Марией-Луизой.

Нелюбимый при дворе, К. после австро-французской войны 1809 г. сложил с себя звание военного министра и отдался частной жизни, где в тиши своего кабинета написал много ценных трудов по военной истории и теории военного искусства. Салон, который он организовал при своем дворе, был местом сосредоточения всех известных ученых, артистов и литераторов того времени не только из Вены, но и всей Европы. В знак своего уважения к личности полководца российский император Николай I при основании Императорской военной академии назначил генералиссимуса К. ее почетным членом. До конца жизни К. оставался вдали от суетной государственной службы, предпочитая домашний уют он умер в 1847 г.

КАРЛ X ГУСТАВ (1622—1660), пфальцграф Цвейбрюккенский, первый король Швеции (в 1654—60 гг.) из Пфальцского дома.

Его матерью была Екатерина Ваза, сестра шведского короля и непобедимого полководца Густава II Адольфа (1594—1632), отцом — Иоанн-Казимир Пфальц-Цвейбрюккенский из Виттельсбахского дома.

К. получил прекрасное по тем временам образование и некоторое время путешествовал по всей Европе, что также вполне укладывалось в традиции его времени. Он изучал военное дело и после гибели дяди, Густава II Адольфа (в битве при Лютцене, которую шведский король выиграл у Валленштейна (см.), в 1632 г.), отправился в шведскую армию, на поля сражений Тридцатилетней войны. Но война близилась к концу, и К. не удалось проявить своих полководческих способностей. Прибыв из Швеции во главе свежих подкреплений, К. был изнурен энергичным сопротивлением Праги, которую осаждала вся шведская армия, собравшаяся из Чехии и Силезии. Наступление холодов заставило К. отдать приказ войскам разойтись по зимним квартирам, где ему сообщили о подписании 24 октября 1648 г. перемирия в Оснабрюке и Мюнстере (Вестфальский мир).

К. просил руки Христины, дочери Густава II Адольфа, но она отказала двоюродному брату, назначив его генералиссимусом шведских войск в Германии и наследником шведской короны. К. не настаивал, но вскоре именно ему досталась шведская корона, пришедшая к 32-летнему пфальцграфу в наследство от Христины.

У Густава II Адольфа не было мужского потомства. Внук основателя шведской державы, великого

государя Густава Вазы, был достойным продолжателем начинаний деда и своего отца, Карла IX. «Ему не было и семнадцати лет, когда шведский престол освободился вследствие смерти его отца, но ввиду ранней умственной зрелости юноши чины до истечения положенного срока признали его совершеннолетним. Славной победой над самим собой начал он правление, которому суждено было сопровождаться победой и победой закончиться. Первые порывы своего великого сердца Густав-Адольф посвятил юной графине Браге, дочери его подданного, и он искренно желал разделить с нею шведский престол. Но под давлением времени и обстоятельств он принес свои чувства в жертву высшему долгу государя, и геройская доблесть вновь всецело овладела сердцем, не созданным для того, чтобы ограничиться тихим семейным счастьем», — такой портрет создал Ф. Шиллер в своей «Тридцатилетней войне».

Имея владения в Германии, Швеция не могла не вмешаться в ход войны. Но от решительных действий Густава-Адольфа предостерегали проблемы с соседями — Московской Русью, Польшей и Данией. Взаимоотношения с ними находились в стадии перманентной войны. Густав-Адольф не мог отправиться на континент, не опасаясь за безопасность страны.

Однако в помощи Швеции были заинтересованы во Франции. Именно она в лице Ришелье путем тонкой дипломатии уладила проблемы с безопасностью Швеции (см. *РИШЕЛЬЕ А.*). 20 мая 1630 г., закончив все приготовления к войне, Густав-Адольф явился в сейм Стокгольма, чтобы торжественно проститься с государственными чинами страны. На руках он держал четырехлетнюю дочь Христину, уже в колыбели объявленную наследницей престола. Он показал

дочь чинам как их будущую государыню и заставил их на случай, если он не вернется с войны, повторно принести присягу и приказал прочитать указ о регентстве во время его отсутствия или малолетства Христины.

После его гибели шестилетняя Христина унаследовала шведский престол. Неизбежные недостатки регентства были несовместимы с той силой и решительностью, которые Швеция должна была выказать в критический момент своего существования. Могучий гений Густава-Адольфа завоевал слабому и незаметному государству такое место в ряду европейских держав, которое оно не могло сохранить, потеряв удачу и гений своего создателя. Отказаться от этого места означало для Швеции позорно признаться в своем бессилии.

Густав-Адольф вел войну в основном на средства Германии. Но даже та незначительная доля людьми и деньгами, какую должна была давать Швеция из собственных средств, истощала страну. Крестьянство изнемогало под бременем тягот, которые пришлось на него возложить для обеспечения армии, а добытые в Германии богатства достались лишь некоторым знатым лицам и военным. Сама же Швеция по-прежнему оставалась бедной страной.

Смерть короля и малолетство его дочери Христины дало новый толчок старым притязаниям Польши на шведский престол. Сын Сигизмунда, польский король Владислав, тут же принялся за тайные переговоры, стараясь приобрести сторонников в Швеции. Но протестантская Швеция, давно ставшая заклятым врагом католической Польши, ни за что не согласилась бы иметь на своем престоле короля-поляка. Поэтому регенты, не теряя ни минуты, провозгласили в Стокгольме королевой шестилетнюю

Христину и повторно учредили регентство. Все лица, состоявшие на государственной службе, должны были присягнуть новой повелительнице. Всякая переписка с Польшей строго-настрого запрещалась, все заявления предыдущих королей, направленные против потомства Сигизмунда, были подтверждены торжественными актами. Предусмотрительно также была возобновлена дружба с царем Московской Руси, чтобы силой оружия этого государя успешнее сдерживать враждебную Польшу.

Прежняя зависть Дании постепенно исчезла после смерти Густава-Адольфа. Вместе с ней исчезли и опасения, ранее стоявшие на пути к доброму согласию между обоими соседями. И хотя враги Швеции попытались вооружить Христиана IV против этого государства, но теперь они не имели успеха. Дальновидный датский король предполагал женить своего сына Ульриха на юной королеве Христине. Это и удержало его на позиции нейтралитета в отношении Швеции.

К. Х был опытным дипломатом и талантливым военачальником, он отличался ясным умом и сильной волей. Но положение Швеции при его вступлении на престол было настолько тяжелым, что требовались невероятные усилия, чтобы довести страну до состояния, в котором она находилась при Густаве-Адольфе. Королева Христина оставила после себя пустую казну, полный застой в экономике и недовольстве всех слоев населения. Внутри королевства шла борьба различных партий за влияние. Поэтому первое время все внимание К. Х было поглощено вопросами внутренней политики. Уже на первом сейме, созванном в 1655 г., было решено произвести «редукцию», отобрав все земли, какие были необходимы для содержания двора, армии и

горного производства. «Редукции» также подлежала четвертая часть тех имений, которые дворянство получило в пользование в дар от короля.

Из двух возможных противников, Польши и Дании, первая сама создала предлог для войны. Польский король Ян-Казимир не собирался отказываться от своих прав на шведский престол. Поэтому первостепенной задачей своей внешней политики К. Х поставил проведение линии на совершенное обессиление Польши и упрочение за Швецией господствующего положения на Балтийском море. А после повторного заявления Яна-Казимира о своих правах на шведский престол К. Х объявил ему войну.

Еще в 1587 г. на престол Речи Посполитой был избран королем наследник шведского престола Сигизмунд Ваза. Феодалы Речи Посполитой надеялись использовать будущую унию со Швецией в целях борьбы против Московской Руси. Однако обстоятельства сложились по-иному. Избранный шведским королем в 1582 г., Сигизмунд в 1599 г. был низложен. Будучи воспитанником иезуитов и фанатичным слугой Рима, он видел свою миссию в том, чтобы возвратить протестантскую Швецию в лоно католической церкви. Так Речь Посполитая оказалась втянута своим королем в длительный конфликт со Швецией. И если начало польско-шведских войн было ознаменовано блестящей победой белорусско-литовского гетмана Ходкевича под Кирхгольмом (1605 г.), то в дальнейшем борьба становилась все более неблагоприятной для Речи Посполитой. В 20-х гг. XVII в. шведскую армию возглавил Густав II Адольф. Именно под его командованием она овладела почти всей Ливонией и вторглась в Поморье.

Перемирие для Речи Посполитой было куплено дорогой ценой. Но при этом до тех пор, пока польская династия Ваза — Сигизмунд III и его сыновья и преемники Владислав IV и Ян-Казимир — продолжала упорно сохранять в своих титулах титул шведских королей, у Швеции всегда был готов предлог для возобновления новых военных действий против Речи Посполитой.

Сигизмунд III накликал на Речь Посполитую и еще одного грозного противника. Связав себя союзом с оплотом католицизма в Европе — Габсбургским домом, он пришел на помощь Габсбургам во время восстаний в Чехии и Венгрии. Ответом на это явилось выступление традиционного противника Габсбургов — турецкого султана. В 1620 г. под Цецорой (Молдавия) турецкие войска наголову разгромили польского гетмана Жолковского. Старый гетман погиб в бою.

В те же годы был сделан роковой шаг и в пагубной для Речи Посполитой прусской политике. Еще в 1525 г. король Сигизмунд I дал согласие на превращение Тевтонского ордена в светское Прусское княжество под властью последнего великого магистра Ордена Альбрехта Гогенцоллерна. Позднее последовало признание наследственных прав на прусское княжество родственников прусских Гогенцоллернов — бранденбургских курфюрстов. В 1618 г. Сигизмунд III сам санкционировал вступление на прусский княжеский престол бранденбургского курфюрста. Так на границах Речи Посполитой выросла новая враждебная ей сила. Отныне ближайшей задачей бранденбургских курфюрстов было сбросить с себя, хотя и формальную, но все-таки вассальную, зависимость от Речи Посполитой. А ближайшей целью политики — объединение двух

разделенных частей государства, взявших в клещи польское Восточное Поморье. От вассальной присяги бранденбургский курфюрст освободился благодаря своей дважды предательской политике во время польско-шведской войны, а спустя 100 лет именно Пруссия стала могильщиком Речи Посполитой.

К моменту вторжения К. Х в пределы Речи Посполитой государство было раздираемо внутренними противоречиями. Окруженное опасными противниками, оно стояло перед катастрофой. В 1648 г. вспыхнуло восстание на Украине. Под руководством Богдана Хмельницкого оно превратилось в войну, которая перебросилась на Беларусь. К принявшей затяжной характер войне добавлялась вероломная политика крымского хана, направленная на истощение обеих воюющих сторон. В 1654 г. Б. Хмельницкий подписал акт Переяславской рады с Московской Русью, что повлекло за собой начало русско-польской войны. За взятием русскими Смоленска последовали победы над великим гетманом литовским Яном Радзивиллом под Шепелевичами, взятие Могилева и Гомеля. В мае—июле 1655 г. русские войска овладели Минском, Гродно, Вильной и Ковно, войска украинских казаков подошли под Львов и заняли Люблин.

Именно в таком состоянии находилась Речь Посполитая, когда в июле 1655 г. 17-тысячная шведская армия высадилась в Померании и двинулась на Познань и Калиш. В это время Швеции принадлежал весь берег Балтийского моря от параллели южной оконечности острова Эланда до Риги, устье Одера с островами Рюген, Узедом и Веллин, порт Висмар, епископства Бременское и Верден, а также порт Гетеборг в Каттегате.

За развитием военных действий в Великой Поль-

ше следили почти все государства Европы. В руках Дании были оба берега Каттегата и Зунда, южная Швеция и остров Борнгольм. Кроме того, ей принадлежала вся Норвегия, герцогства Шлезвигское и Голштейн-Готторпское. Побережье к востоку от шведской Померании принадлежало Польше (г. Данциг) и великому курфюрсту, который, как герцог Прусский, все еще находился в ленной зависимости от последней. Великий курфюрст Фридрих-Вильгельм особое внимание обращал на финансы и армию. К 1655 г. у него было под ружьем 26-тысячная армия. Из остальных европейских держав наиболее заинтересованной в Балтийском вопросе была Голландия, враждебная Швеции. В это время у нее зарождалась идея о превращении Балтийского моря в бассейн, закрытый для иностранных флотов. И когда на собрании шведского парламента в 1655 г. государственный канцлер Оксеншерна заявил, что исключительное право на Балтийское море принадлежит королю Швеции, в Голландии это заявление было встречено крайне негативно.

В числе недоброжелателей К. Х находился и сам император Леопольд I, которого очень беспокоили германские владения Швеции и ее завоевательские стремления. Наконец, на крайнем востоке царь Алексей Михайлович считал условия Столбовского мира совершенно неприемлемыми и выжидал лишь удобного случая, чтобы начать военные действия. Таким образом, решаясь на войну с Польшей, К. Х находился в чрезвычайно невыгодных условиях. На его стороне были только Франция и Англия, но их поддержка имела исключительно моральный характер.

Первые шаги К. Х в Польше сопровождались полным успехом. Познань, Калиш, Варшава и Кра-

ков были заняты почти без сопротивления. Успеху К. Х способствовал заговор шляхты во главе с Яном Радзивиллом, направленный против власти польского короля за независимость княжества Литовского. Польский король Ян-Казимир вынужден был покинуть Варшаву, а затем и Краков. 6 сентября он был разбит при Чернове. К концу 1655 г. вся северная Польша, за исключением Данцига, находилось под властью шведов. В это время Голландия послала в Балтийское море сильную эскадру для защиты Данцига, а русский царь Алексей Михайлович объявил войну Швеции, и его войска выступили в Лифляндию и осадили Ригу. Одновременно он заключил перемирие с Речью Посполитой.

Ян-Казимир бежал в Силезию, а между тем польская аристократия вновь склонилась на его сторону. На конференции в Тысковнице шляхта решила восстать против шведов. Узнав об этом, К. Х, осаждавший Данциг, снял осаду и через Торн отправился в Галицию. 10-тысячная польская армия Чарнецкого преградила ему путь у Варшавы. К. Х перешел Вислу по льду и в начале февраля 1656 г. разбил Чарнецкого, затем направился к Ярославлю. 26 марта он штурмом овладел укрепленным лагерем Сапеги и 7 апреля отошел к Варшаве. Затем он снова направился к Данцигу в надежде дожидаться подкреплений, но 27 мая в очередной раз вынужден был снять осаду и направиться к Бромбергу против Чарнецкого. Рассеяв его армию, К. Х возвратился в Пруссию для переговоров с курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом Бранденбургским. Еще в начале войны, когда шведские войска высадились в Померании, курфюрст поспешил заключить с К. Х мир, по которому восточная Пруссия переходила под ленную зависимость Швеции. Те-

перь К. Х требовал от курфюрста военной помощи.

Тем временем Ян-Казимир собрал под своими знаменами войско, объявил о начале священной войны и двинулся из Силезии в Польшу. 21 июня ему сдалась Варшава, в окрестностях которой расположилась 40-тысячная польская армия. К. Х с курфюрстом Бранденбургским тоже направился к Варшаве. Их армия составляла 20 тыс. человек. 27—30 июня состоялось сражение, в котором ни одна из сторон не имела перевеса, однако Ян-Казимир отступил к Люблину, потеряв 50 орудий. Курфюрст Бранденбургский возвратился домой. К. Х один не мог удержать Польшу, несмотря на блестящую победу Спинбока при Попове. Война превратилась в ряд мелких стычек.

Вскоре для шведского короля наступили тяжелые времена, и к концу 1656 г. он был вынужден очистить всю Польшу. Война с Московской Русью, начавшаяся в Ливонии и Ингерманландии, хотя и велась очень вяло с одной и с другой стороны, но изматывала. К. Х. еще теснее сошелся с Фридрихом-Вильгельмом, уступив ему суверенитет над Восточной Пруссией.

В марте 1657 г. император Леопольд I объявил войну К. Х. Австрийские войска под командованием фельдмаршала Монтекукули (см.) двинулись в Польшу. Вслед за этим и союзник К. Х, великий курфюрст, изменил ему и перешел на сторону его врагов. Затруднительным положением Швеции решила воспользоваться также Дания, чтобы вернуть утраченные по миру в Бромзебро (1645 г.) провинции. Агитация в пользу войны велась настолько энергично, что не сочувствовавший ей король Фридрих III в феврале 1657 г. вынужден был созвать сейм в Одензе. Сейм высказался за войну, хотя у

Дании в это время не было ни денег, ни войска. В мае была объявлена война.

Оставив в Польше незначительные силы, К. X двинулся в Данию. Перемещение шведов из Польши через Германию на Ютландский полуостров считалось в Дании совершенно невероятным, поэтому крепости, защищавшие южную границу королевства, не были даже мобилизованы. Датская армия была разделена на четыре самостоятельных корпуса: 16 тыс. человек было сосредоточено возле Гамбурга для нападения на Бремен и Верден (4-тысячный резерв — в Ютландии); 12 тыс. человек должны были двинуться в Швецию из Шонии; 10 тыс. было сосредоточено к югу от Христиании; и, наконец, 3 тыс. — у Дронтгейма. Таким образом, датчане разбросали свою армию и, преследуя второстепенные цели, совершенно не смогли использовать свое выгодное положение на Скандинавском полуострове. Та же ошибка была повторена ими и на море. С объявлением войны из Копенгагена вышел в Немецкое море отряд для блокады устья Эльбы, после чего была сформирована особая крейсерская эскадра для наблюдения за Зундом и блокады Гетеборга. Главные силы датского флота (19 кораблей) под личным командованием короля 24 июня вышли из Копенгагена с целью помешать переправе шведских войск и отрезать К. X от метрополии. Эта эскадра 2 июля подошла к Данцигу, но, узнав здесь, что К. X уже в Штетине, вернулась обратно.

К. X получил известие о разрыве с Данией 20 июня. Передав своему брату командование над войсками в Польше, через пять дней он выступил из Торна на Бромберг и Штетин во главе 8-тысячной армии. Изнуренная тяжелой войной, плохо одетая, она боготворила своего короля. 1 июля К. X был в Ште-

тине, а 20-го — на границе Дании. Датские войска в это время грабили Бременское епископство и, застигнутые врасплох, были уничтожены. 24 августа шведы осадили крепость Фредериксодде (Фредеричия) — единственный оплот Дании на Ютландском полуострове. На остальном театре военных действий (в самой Швеции и в Норвегии) датчане сражались очень вяло, и успех часто был на стороне противника.

Шведский флот только 1 сентября вышел из Стокгольма (под командованием адмирала Бьелкеншерна). По плану К. Х флот должен был разбить противника на море, а затем переправить армию на остров Зеландию (Шелланн) и содействовать атаке Копенгагена. Главные силы датского флота после похода в Данциг были заняты блокадой Висмара (гл. квартиры К. Х) и шведской Померании, мелкими десантными операциями на острове Рюген и близлежащих берегах.

10 сентября Бьелкеншерна, находясь недалеко от острова Эланд, получил известие, что датский флот сосредоточился у острова Рюген. Шведский флот немедленно выступил в поход. Датчане, считая себя недостаточно сильными для генерального сражения, снялись с якоря и легли на курс в направлении к Зунду. Но 12 сентября оба флота сблизились восточнее острова Мэн. Начался бой. Шведы были на ветре, но атаковали противника недостаточно энергично; оба флота растянулись, сражение разбилось на несколько частичных боев. Ночь разделила воюющих. Утром 13-го шведы возобновили атаку, но к вечеру переменилась погода, и противники разошлись: датчане отступили в Копенгаген, Бьелкершерна отвел флот сначала к Рюгену, а затем — в Висмар. После этого датчане пытались блокировать

неприятеля там, но им мешали господствовавшие свежие ветра. 3 декабря, отказавшись от своих планов, они зазимовали в Копенгагене. 21 декабря шведы беспрепятственно вернулись в Стокгольм. Ничего не решившее для обеих сторон сражение у Мэна, все же сыграло для Дании большую роль: шведскому флоту не удалось уничтожить противника, и К. Х был вынужден отказаться от попытки перенести войну на датские острова. В связи с этим шведы оказались в очень тяжелом положении: Дания была неуязвима, а на востоке К. Х теснили поляки, курфюрст Фридрих-Вильгельм, император и царь Алексей Михайлович. С помощью Франции и Кромвеля К. Х даже начал переговоры о мире, но Дания поставила слишком неприемлемые условия.

24 октября пала крепость Фредериксодде. Генерал Врангель, командовавший шведскими войсками, дождался низкой воды, а затем послал свою кавалерию морем вдоль берега. В крепости никто не ждал атаки с этой стороны; шведы без трудностей вышли на берег, разрушили палисады и атаковали укрепления с тыла. Гарнизон крепости сложил оружие.

Но и с падением ее положение шведов не улучшилось. На военном совете 9 января 1758 г. в городе Киле было решено во что бы то ни стало перекинуть армию на острова и двинуть ее на Копенгаген. Однако все попытки переправы на остров Фионию парализовались небольшими отрядами датского флота, крейсировавшими в М. Бельте. К счастью для К. Х зима в том году была необычайно сурова. Пролиты между островами уже в середине декабря покрылись льдом, а в конце января замерз даже М. Бельт с сильным течением. 30 января 9-тысячная шведская армия двинулась по льду через островок Брандзе на Ведельсборхефт. Переход был очень ри-

скованный: несмотря на принятые меры предосторожности, провалился целый эскадрон, карета самого К. X ушла под лед на глазах короля. Но переправа все-таки удалась.

Датские войска, стоявшие в Фионии (около 5 тыс. человек), оказали шведам только слабое сопротивление, а затем сложили оружие. Спустя два дня во власти К. X была вся Фиония. Зимовавшим в Ньюборге 4 датским кораблям лишь с большим трудом удалось пробиться к чистой воде.

Сначала К. X планировал перебросить войска из Фионии прямо в Зеландию по линии Ньюборг — Корсер. Но на военном совете выяснилось, что переход по льду более безопасен в южной части Б. Бельта, и окончательно был выбран круглой путь Фиония—Фальстер—Зеландия. В ночь на 5 февраля К. X во главе армии перешел по льду на островок Таасингэ и затем на Лангеланд. 6-го шведы были уже на Лоланде, перейдя через лед немного севернее Таарса. Этот переход оказался самым опасным для шведов: во многих местах вода стояла выше фута над льдом; лед везде проседал под тяжестью войск и давал трещины.

Датские войска, сосредоточенные в Наскове, не проводили вдоль берега никакой разведки, поэтому не успели остановить шведов и сложили оружие при появлении К. X под стенами крепости. После суточного отдыха король повел свою армию дальше, на Фальстер, и 12-го ее авангард уже переправился на Зеландию у Вердингборга, а еще через несколько дней Карл X во главе 5-тысячного отряда был уже под стенами Копенгагена, совершенно не подготовленного для обороны.

Тут же при посредничестве английского и французского посланников были начаты переговоры, ко-

торые 28 февраля 1658 г. закончились подписанием в Роскильде мирного договора. По нему Дания уступала К. Х свои владения в Швеции Богуслен, Холланд, Блекинг, округ Дронтгейм в Норвегии, острова Борнгольм и Хвен в Зунде. Дания также обязалась закрыть Зунд и Бельты для «неприятельских» флотов, а герцог Голштейн-Готторпский, тесть и негласный союзник К. Х, выходил из-под ленной зависимости Дании. Таким образом, война, начатая Данией при самой благоприятной стратегической обстановке, кончилась ее полным разгромом. Только заступничество великих держав удержало К. Х от осуществления его мечты — присоединения этого королевства к Швеции и полной его ликвидации.

Однако Дания не собиралась мириться с условиями договора в Роскильде. Мир, купленный такой дорогой ценой, стал очень непопулярен. И как только народ и правительство отошли от первого шока, в Дании стали усиленно готовиться к новой войне. Ускоренная вербовка солдат по всему королевству и спешное укрепление Копенгагена не могли ускользнуть от внимания К. Х. В мае 1658 г. шведы покинули Зеландию, но в Ютландии, Фионии и Шлезвиге еще остались гарнизоны.

Военные действия в Германии, затихшие во время 1—4-й датской войны, вновь оживились с ее окончанием. Узнав, что Голландия готовит сильную эскадру для поддержки Данцига и курфюрста Фридриха-Вильгельма, К. Х на основании мирного договора в Роскильде потребовал от Дании недопущения голландского флота в Балтийское море. Получив на это уклончивый ответ, К. Х не мог не рассердиться. Он решил нанести Дании окончательный удар — захватить датские острова и пре-

вратить Балтийское море в закрытый шведский бассейн. Весь шведский транспортный флот и полевая армия численностью около 10 тыс. человек были немедленно сосредоточены в Киле по приказу К. Х. Предлогом для сбора стала деблокада осажденного поляками Торна. Шведский король предполагал высадить эту эскадру в бухте Кьёрге (прим. в 20 км от Копенгагена) и штурмовать столицу королевства. Но на военном совете большинство высказалось против Кьёрге, и тогда было решено высадиться в Б. Бельте, у г. Корсёр.

6 августа с попутным ветром шведский транспортный флот снялся с якоря, а спустя сутки десантная армия беспрепятственно высадилась на берег острова Зеландия. 9-го авангард армии К. Х. находился уже под стенами Копенгагена, а на следующий день на рейде у столицы бросил якорь первый отряд шведского флота.

Внезапное начало войны застало датчан врасплох. В Копенгагене были всего две с половиной тысячи солдат; датский флот, ослабленный возвращением значительной части кораблей их прежним владельцам, был разоружен, а корабельных команд у Дании не было. Все преимущества были на стороне К. Х. Победоносная армия шведского короля рвалась в бой, а флот (более 50 вымпелов) господствовал в Балтийском море. Через три дня, 11 августа, шведы подошли к Копенгагену. За это время город едва успел приготовиться к обороне. Вместе с милицией (ополчение, созданное в связи с угрозой вторжения неприятеля) насчитывалось всего 7500 солдат.

Немедленный приступ имел для шведов все шансы на успех. Но вместо этого на военном совете было решено начать правильную осаду; одновременно

3-тысячный отряд был отправлен для осады крепости Кронборг у северного входа в Зунд.

В Европе известие о внезапном нападении К. Х на Данию вызвало большое беспокойство. В очередной раз шведский король грозился нарушить политическое равновесие в северной части континента. В Голландии мобилизовался сильный флот; великий курфюрст Фридрих-Вильгельм, император Леопольд I и король Ян-Казимир, до сих пор действовавшие разрозненно, решили послать сильную союзную армию на помощь Дании. И уже в сентябре союзная армия под командованием курфюрста, фельдмаршала Монтекукули и гетмана Чарнецкого численностью 32 тыс. человек вторглась в Голштинию и постепенно заняла весь Ютландский полуостров, кроме крепости Фредериксодде.

Шведский флот к этому времени весь сосредоточился под Копенгагеном. 6 сентября пал Кронборг; теперь оба берега Зунда были в руках К. Х. Но осада Копенгагена подвигалась очень медленно, руководимые королем и фельдмаршалом Шак защитники с успехом отбивали все приступы шведов. Тем временем на островах разразилась партизанская война. В начале октября шведский флот перешел к Кронборгу, а 23 октября у северного входа в Зунд стал на якорь голландский флот, состоявший из 35 кораблей, под командованием адмирала Вассенара. Шведский флот под командованием графа Карла Врангеля численно был сильнее голландцев (45 кораблей), но зато уступал им в обучении команд.

Из политических соображений К. Х не хотел первым атаковать голландцев и выжидал их в Зунде.

Сражение состоялось 29 октября в этом же про-

ливне, после чего голландцы беспрепятственно прошли в Копенгаген, а шведский флот отправился в Ландскрону. В этом кровопролитном сражении голландцы потеряли 1 корабль и двоих своих адмиралов — де Витта и Флориссона, две тысячи убитыми и ранеными. Шведский флот лишился пяти кораблей, людские потери были значительно больше, чем у голландцев. 5 ноября адмирал Вассенар, исправив повреждения, заблокировал шведов в Ландскроне. По настоянию датского адмирала Бьелке дважды делались попытки сжечь шведские суда брандерами, но оба раза неудачно.

Прибытие голландцев заставило К. Х снять осаду Копенгагена и отступить в свой укрепленный лагерь Бродсхэй недалеко от столицы. Положение шведов в Зеландии оказалось теперь очень тяжелым. С минуты на минуту ожидалась высадка бранденбургских войск, и шведов спасали лишь колебания голландцев: адмирал Вассенар получил инструкции щадить шведов и держаться более посреднически.

Положения К. Х усложнилось еще и тем, что в середине ноября в датские воды вышла английская эскадра (в составе 21 корабля) под командованием адмирала Гудсона. Но, задержанная сильными ветрами, она так и не смогла войти в Зунд и в декабре вернулась на зимовку в Англию. Голландская эскадра получила приказ зимовать в Копенгагене.

В конце января наступили сильные морозы. Берега замерзли, и К. Х вновь подтянул свои войска под стены Копенгагена. На этот раз он решил взять город штурмом. Но все приготовления шведов через шпионов стали известны осажденным (в городе находилось уже 13-тысячное войско), поэтому штурм города, предпринятый в ночь на 12 февраля 1659 г.,

кончился полной неудачей. Шведы понесли тяжелые потери. Тогда К. Х решил заняться укреплением важнейших прибрежных пунктов Зеландии.

Между тем, великий курфюрст Фридрих-Вильгельм, принявший на себя главное командование над союзными войсками, усиленно готовился к высадке на датские острова. К весне у Фленебурга были сосредоточены сильный десантный корпус и все транспорты союзников. В результате неоднократных переговоров адмирал Вассенар, наконец, согласился нарушить обет быть лишь сторонним наблюдателем и содействовать высадке союзников. И 27 марта эскадра из 9 кораблей (1 датский и 8 голландских) под командованием датского адмирала Хельта вышла из Копенгагена и направилась в Фленсбург-фиорд. Но еще раньше (13 марта) из Ландскроны вышли 3 шведских корабля. Обогнув Зеландию с севера, они соединились с пятью кораблями, зимовавшими в Ньюборге. Они должны были выйти к Фленсбургу и уничтожить собранные там транспорты. Но, застигнутые бурей, смогли отправиться только 30 марта. Находясь у южной оконечности острова Лангеланда, они неожиданно встретились с эскадрой адмирала Хельта. Союзники были гораздо сильнее, и шведы стали уходить к М. Бельту. Но два концевых корабля сели на мель и были расстреляны голландцами; остальным удалось уйти, а адмирал Хельт продолжил плавание к Фленсбург-фиорд.

К. Х, узнав о намерениях Хельта, сосредоточил у Голштинских берегов весь свой флот. 29 марта из Ландскроны вышла эскадра из 20 кораблей под командованием адмирала Бьелкеншерна. Обогнув Зеландию с севера, эскадра 5 апреля была уже у острова Эрэ. Соединившись с потрепанным отрядом

майора Генриксона, шведская эскадра заблокировала Хельта в Фленсбург-фиорде.

Море оказалось в полном владении шведов. И К. Х не замедлил этим воспользоваться. 27 апреля он перебросил часть своих войск на остров Лоланд, а затем захватил остров Фальстер. А между тем еще 5 апреля в Зунд вошла и стала на якорь английская эскадра (60 кораблей при 2290 орудий) под командованием адмирала Монтегю. Эта угроза заставила голландцев воздержаться от активных действий, и только критическое положение кораблей, запертых в Фленсбург-фиорде, заставило адмирала Вассенара двинуться им на помощь.

27 апреля он вышел из Копенгагена. Соединившись со сторожевой эскадрой, крейсировавшей у острова Мэн, голландский флот утром 30 апреля вошел в Фемерн-Бельт и увидел здесь стоявшую на якоре эскадру адмирала Бьелкеншерна. У шведов было 24 корабля, у голландцев — 26. Благодаря свежему ветру абордаж был невозможен. Бой ограничился двукратной бомбардировкой противников на встречных курсах. Командующий шведским флотом адмирал Бьелкеншерна был убит, командование взял на себя граф Густав Врангель. К ночи шведы стали на якорь у южного входа в Б. Бельт, а Вассенар между островами Лоландом и Голштинским берегом. На следующий день союзники вошли в Фленсбург-фиорд, а шведы отступили на север и 20 мая прибыли в Ландскроне.

Общее политическое положение изменилось. Активное выступление Голландии вызвало тревогу у Англии и Франции. В датские воды отплыл английский флот. В ответ на это Голландия сформировала 2-ю эскадру (39 кораблей при 1743 орудиях) под ко-

мандованием Рюйтера. 31 мая эта эскадра стала на якорь у северного входа в Б. Бельт.

Еще за месяц до этого в Гааге состоялось соглашение между тремя великими европейскими державами. Воюющим было предложено заключить мир. Английский и голландский флоты были объявлены нейтральными (с 21 мая по 7 июня). Но если бы переговоры не были начаты, в их обязанности входило бы воздействие на воюющие стороны.

Благодаря этому соглашению шведы на некоторое время стали полными хозяевами на Балтийском море. Предполагавшаяся переброска союзных войск по вступившему в силу условию оказалась невозможной. Адмирал Вассенар со всем флотом перешел к Ньюборгу и 13 июня здесь соединился с Рюйтером. Великий курфюрст тоже был вынужден изменить свой план. 17 мая пала занятая шведами крепость Фредериксодде, и союзная армия понемногу стала стягиваться в ее окрестности, чтобы затем форсировать М. Бельт в самой узкой его части и высадиться на берег Фионии.

30 мая союзниками был занят остров Фенэ, и хотя попытка союзников перебраться на ближайший берег Фионии не удалась и курфюрст лишился при этом почти всех своих плавсредств, положение шведов в Фионии стало опасным. К. Х пришлось направить все силы, чтобы помешать переправе противника. Еще 27 мая из Ландскроны вышел отряд из 13 кораблей Густава Врангеля с десантом. Но, задержанный штормовым ветром, он только 13 июня сумел подойти к Фионии и высадить десант. Затем этот отряд прошел к северному входу в М. Бельт, но тут же был заблокирован голландским флотом. В присутствии англичан голландцы не решились атаковать шведов, и те беспрепятственно вернулись в

Ландскрону. После этого англичане вернулись в Зунд, а голландцы Б. Бельтом прошли в Копенгаген.

6 июля из Ландскроны вышел отряд из 9 кораблей шведов под командованием майора Кокса. Обогнув Зеландию с севера, шведы узнали, что несколько севернее, у Эбельтофта, стоят транспорты с десантом союзников, предназначенным для высадки в Фионии. Майор Кокс прошел туда и после непродолжительного боя с конвоем (1 корабль взорвался, 3 сдались) сжег все транспорты, захватив около тысячи пленных. Потопив затем еще 30 транспортных судов в Оргусе, Кокс благополучно вернулся в Ландскрону 29 июня.

26 августа К. Х окончательно отклонил всякое посредничество держав, и английский флот отплыл на родину. Это развязало руки голландцам. Чтобы оказать давление на К. Х, было решено содействовать переправе союзных войск в Фионию. В течение сентября в Киле сосредотачивались десантная армия и новый транспортный флот союзников. Попытки шведов и на этот раз уничтожить транспорты не имели успехов. 1 октября соединенный датско-голландский флот в 116 вымпелов вышел из Копенгагена и 12-го стал на якорь в Кильской бухте. Началась двухнедельная погрузка десанта. Лишь 27 октября флот вышел в море, а 31 октября десант был высажен к северу от Ньюборга. Почти одновременно с этим 5-тысячный союзнический корпус высадился в М. Бельте у Миддельфорта. В середине ноября союзническая армия, численность которой возросла до 10 тыс. человек, двинулась к Ньюборгу. 24 ноября у стен города произошло кровопролитное сражение, в котором 5-тысячная армия шведов была разбита. На следующий день генерал Горн сложил оружие, и Фиония оказалась в руках союзников.

К. X был вынужден начать переговоры о мире; военные действия повсеместно прекратились. Но в январе он внезапно заболел лихорадкой. И 13 февраля 1660 г. шведский король умер. Мир был подписан уже без него — 30 апреля 1660 г. в Оливе недалеко от Данцига между Швецией, с одной стороны, и императором, курфюрстом и польским королем, с другой. Лишь 27 мая в Копенгагене был заключен мир между Швецией и Данией. По этому миру Дания получила обратно остров Борнгольм и провинцию Дортгейм в Норвегии. По настоянию Голландии из договора был вычеркнут параграф о недопущении в Балтийское море посторонних флотов. Кроме того, Голландия добилась от Швеции некоторых торговых привилегий для себя.

Все шесть лет королевства К. X прошли в непрерывных войнах, причины которых были заложены задолго до его появления на свет. Поэтому время его правления было очень тяжелым для Швеции. Дорого стоившие войны лишь разоряли страну, не давая времени для внутренних преобразований и улучшений. И хотя К. X удалось добиться закрепления за Швецией латышских и эстонских земель, завоеванных еще при Густаве II Адольфе, а также отказа Яна-Казимира от претензий на шведский престол (закрепленного Оливским миром), страна по-прежнему оставалась во враждебном окружении. Последствия войны 1657—59 гг. стали причиной новой Датско-шведской (Шоненской) войны 1675—79 гг. Но и она не имела никаких положительных результатов для государства. Швеция переживала период тяжелейшего упадка. Будучи женатым на Ядвиге-Элеоноре Гольштейн-Готторпской, К. X оставил после себя на шведском престоле малолетнего сына, будущего короля Карла XI. Страной управляла не-

большая кучка придворных, бесконтрольно тратившая государственные доходы. Не замедлил развиться вредный протекционизм. Армия также находилась в тяжелом положении. Во главе ее часто становились люди, очень далекие от военного дела. Лишь в 1680 г. сын К. Х провел новую редукцию коронных земель, что привело к усилению королевского абсолютизма.

КАРЛ-ЛЕОПОЛЬД, принц ЛОТАРИНГСКИЙ (1643—1690), австрийский фельдмаршал.

К. родился в Вене в 1643 г. и был сыном Николая-Франциска, герцога Лотарингского. Получив прекрасное образование, в том числе и военное, К. в 20-летнем возрасте поступил на военную службу и сразу же был назначен шефом кавалерийского полка. Именно с этим полком он отличился в войне с турками, сражаясь под знаменитым Монтекукули (см.). В сражении при Сеннефе (1672 г.) К. был тяжело ранен, и его кавалеристы вынесли командира с поля боя в бессознательном состоянии.

Только спустя два года К. снова возвратился в австрийскую армию и был отправлен на войну с французами (1674 г.). А в 1676 г. он был произведен в фельдмаршалы империи. Назначенный командующим в том же году австрийскими войсками, направленными против маршала Креки, К. после нескольких искусных маневров между Мозелем и Триром нанес сокрушительное поражение французской армии, а затем завладел Триром.

Ободренный успехом, К. в следующем году принял решение вернуть Лотарингию. Возглавляя 40-тысячную армию, он перешел Рейн у Страсбурга и занял Эльзас. Однако воодушевление победами очень скоро исчезло, когда стал ощущаться недостаток в продовольствии. Снабжение из империи не было налажено должным образом, а реквизировать для такой внушительной армии провиант у населения, истощенного непрекращающимися войнами, не представлялось возможным.

Таким образом, объективные причины отняли у К. возможность действовать решительно, и он вынужден был отвести свою армию обратно за Рейн.

Кампания 1678 г. оказалась для К. тоже безрезультатной. Но зато в этом году в его жизни произошло событие, которое изменило привычный способ и уклад прирожденного военачальника: К. женился на сестре императора Леопольда I, вдовствующей польской королеве. На последующие пять лет, до 1683 г., он устранился от дел и отдался семейной жизни.

В 1683 г. на юго-восточных рубежах империи снова вспыхнула война с Османской империей за северную часть Балканского полуострова и Венгерское королевство (Австро-турецкая война 1683—99). И К. возвратился на австрийскую военную службу. Ему поручают командование 37-тысячной имперской армией.

Окруженный 200-тысячной турецкой армией между р. Лейтой и Раабом, К. мужественно сражался против нее, сумел пробиться из окружения и укрыться в Вене, которую оборонял до подхода Яна Собесского. Под Веной турки потерпели поражение, и К. преследовал их и разбил при Барколе.

В кампании 1684 г. австрийская армия под командованием К. перешла через Дунай и овладела Вышеградом. В этом году полководческая удача еще дважды была на стороне К., и он разбил турок при Гране и Вайцене, подошел к Пешту и Офену (ныне Будапешт). При приближении австрийской армии гарнизон Пешта бежал, но Офен энергично защищался. К. вынужден был отвести свои войска к Вайцену. Однако попытка турок отбросить его войска еще дальше была неудачной.

Перегруппировав войска и получив подкрепление, К. нанес противнику сильное поражение при Сен-Андреасе и снова подступил к Офену, чтобы начать его правильную осаду. Однако болезнь за-

ставила его оставить армию. Преемник К. на посту главнокомандующего, граф Рабютен, действовал против Офена неудачно, и когда К. вернулся к войскам, ему ничего не оставалось, как снять осаду крепости. К этому моменту ряды австрийской армии под стенами Офена уже поредели более чем на 12 тыс. человек.

К. направил армию к Пешту. Приказав скрыть укрепления крепости, он не стал штурмовать ее, а отвел армию на зимние квартиры.

Весной 1685 г. К. подступил к Нейгейзелю и осадил эту крепость. Но, узнав, что 60-тысячная турецкая армия захватила Вышеград и угрожает Грану, он приказал снять осаду и выступил на выручку этому пункту. Прежде чем приступить к решительным действиям, он хорошо разобрался в ситуации, оценил обстановку, которая была весьма невыгодной для него. Искусным маневром он выманил вражескую армию из очень сильной позиции, обманным маневром завлек ее на выгодную для себя местность между горами и Дунаем и нанес сокрушительный удар. Разбив турок наголову, К. затем бросил свои войска на штурм Нейгейзеля и овладел этой крепостью.

Летом того же года К. возглавил 95-тысячную армию, подступил к Офену и принялся за его осаду. Крепость была взята штурмом лишь в сентябре, но во время этого кровопролитного сражения сам К. был тяжело ранен.

Однако роль поставить решающую точку в долгой войне с Турцией принадлежала именно ему. В 1689 г. австрийская армия под командованием К. окончательно разгромила противника, одержав над ним блистательную победу при Могаче. Турки потеряли 60 000 человек убитыми и ранеными, 90 ору-

дий, весь лагерь и 1600 навьюченных верблюдов и слонов. Влияние этой победы было настолько сильным, что сразу же после нее венгерские государственные чины подписали акт присоединения Венгрии к Австрии.

Покончив с турками, К. во главе австрийской армии направился на западные рубежи империи, где выступил в войне против французов. Он овладел крепостями Майнцем, Бонном и занял всю страну по Рейну. Но, вернувшись на зиму в Вену, он скоропостижно скончался здесь в 1690 г. Ходили слухи, что он был отравлен.

Австро-турецкая война продолжалась после его смерти еще восемь лет и закончилась Карловицким конгрессом (1698—99), по которому Австрия получила большую часть территорий Венгрии, Трансильванию, Хорватию и большую часть Славонии. Значительная заслуга в этом принадлежала К. и его победам над турецкой армией.

КАТЕЛИНО (Cathelineau) ЖАК (1759—1793) генералиссимус Вандеи в войне против республиканской Франции.

В 1789 г. произошла Великая французская революция. В то время как Республика должна была вести войну со всей Европой, в пределах самой Франции вспыхнула междоусобная война. Выразилась она в контрреволюционном восстании в Вандее. В этой французской провинции еще господствовал дух старого времени, а среди населения преобладало консервативное стремление к сохранению прежних порядков. Казнь короля, вмешательство революционного правительства во внутренние дела церкви и происки эмигрантов возбудили в Вандее народные волнения, поначалу имевшие более религиозный, чем роялистский характер.

Постепенно эти волнения усилились и вскоре переросли в открытое восстание (весна 1793 г.). Причиной тому послужили рекрутские наборы, которыми конвент заменил прежнюю вербовку. Этим предполагалось увеличить численность республиканских армий.

Вандейское восстание отличалось чисто народным характером. Многочисленные разрозненные отряды инсургентов использовали условия местности, изрезанной оврагами, покрытой лесом и мелким кустарником. Они не только с успехом отражали нападения республиканских войск, в своей провинции, но также вторгались в пределы соседних провинций, распространяя среди местных жителей идею борьбы с революционным правительством.

Мятеж разрастался с чрезвычайной скоростью. 4 марта был убит комендант г. Шоле, 10-го толпы крестьян напали на Машекуль, а 12-го овладели Сен-Флораном. После этого в течение нескольких

последующих дней во всех приходах Вандеи не смолкал звон набата. В результате около 100 тыс. крестьян взялись за оружие. У этой многочисленной армии сразу же появились свои предводители. Боншан, Ларошжаклен, д'Эльбэ и Шаррет принадлежали к старому дворянству. А Стофле и К. — к низшему сословию.

Выходец из неимущей семьи, К. к началу революции во Франции был бедным торговцем полотнами. Но обстоятельствами и временем он был поднят на вершину славы народного полководца. Ранней весной 1793 г. К. стал во главе мятежных новобранцев, которых по рекрутскому набору хотели отправить на фронты республиканской армии. 10 марта того же года его отряд одержал две важные победы. Ряды стихийной армии К. стали стремительно пополняться. Эта армия избрала его своим главнокомандующим, и 15 марта овладела Шоле, захватив 700 пленных и 4 орудия.

В это время в Вандее республиканских войск, за исключением гарнизонов и рекрутских отрядов, не было. И национальная гвардия, разбросанная мелкими отрядами, оказалась не в состоянии противодействовать восстанию. Начальник республиканских войск в этой части страны генерал Марсе с 7-тысячной армией при 7 орудиях овладел г. Шантоне. При этом он воспользовался тем обстоятельством, что крестьяне покинули стихийную армию и разошлись по домам для обработки полей. А уже 19 марта его отряд потерпел сокрушительное поражение при Сен-Венсане, после чего д'Эльбэ двинул свой отряд к Шаланну и занял этот город.

Конвент имел возможность убедиться в серьезности положения дел в Вандее. Он распорядился сформировать два корпуса (20 тыс. человек) под ко-

мандованием генералов Беррюе и Канкло и отправить их на восточную и южную границы мятежной провинции. В начале апреля пятью колоннами республиканская армия начала движение в лесистую часть Вандеи: 1-я колонна во главе с Буляром (4 тыс. человек) двинулась в юго-западном направлении на Сабль д'Олон, Сен-Жиль и Бовуар; 2-я — во главе с Кетино на Лезобье (2500 человек); 3-я — в направлении Везен — Шоле (10-тысячный отряд под командованием Легонье); 4-й колонной командовал сам Беррюе (3700 человек), он направился к Шемилье; 5-я (2500 человек) под командованием Говилье должна была переправиться через Луару и идти к Сен-Флорану.

Узнав о приближении армии конвента, вандейцы стали готовиться к тому, чтобы встретить ее должным образом. Бошан направил свой отряд от Сен-Флорана к Шемилье. 11 апреля он обрушил первый удар на отряд Беррюе и наголову разбил генерала. Когда к нему на подкрепление пришел с отрядом Ларошжаклен, Бошан тут же атаковал у Лезобье колонну Кетино и разбил ее (13 апреля). Спустя три дня К. разгромил колонну Легонье у Корона, а 20 апреля такая же участь постигла отряд Говилье. На помощь К. в этом сражении подоспели отряды д'Эльбэ и Бошана. Несмотря на свои полководческие способности, К. считал себя недостаточно образованным по сравнению с представителями старого дворянства, чтобы быть вождем. Поэтому он добровольно подчинился Бошану и д'Эльбэ. Его отряд теперь действовал вместе с ними.

Но насколько роялисты-вандейцы действовали успешно в юго-восточной части провинции, настолько неудачны были их действия на юго-западе. Энергичное наступление Буляра, на соединение с кото-

рым из Нанта через Машекуль спешил отряд во главе с Бейсером, принудило Шаррета к отступлению. Тем временем армия д'Эльбэ и К. (20 тыс. человек при 12 орудиях) овладела Шатильоном, Аржантоном, Бреюсиром и Вийе. 5 мая они окружили у Туара отряд Кетино и заставили сложить оружие.

После этого армия вандейцев снова разделилась. Отряд Бошана должен был действовать на Луаре, д'Эльбэ — в центре, а Шаррет — в нижней Вандее. Отряд К. примкнул к Бошану. 9 мая роялисты заняли Партене, 13-го — Шатеньере. 16 мая они опять объединились и сделали попытку атаковать отряд республиканцев во главе в Шальбо у Фонтенэ. Однако эта атака была отбита, инсургенты отброшены, они потеряли около 4 тысяч убитыми и ранеными и почти всю артиллерию.

Неудача не обескуражила вандейцев. Получив подкрепление, через неделю они снова пошли в наступление под Фонтенэ и 24 мая нанесли поражение армии Шальбо.

Безрезультатные действия республиканской армии заставили конвент поменять командование. Вместо Беррюйе командующим был назначен генерал Бирон. Он получил предписание оцепить границы Вандеи от Сомюра до Сабль д'Олон, в то время как генерал Канкло должен был двигаться к Луаре. К этому времени К. опять возглавил самостоятельный отряд повстанцев численностью в 20 тыс. человек. Форсированным маршем он двинулся к Сомюру. 11 июня 1793 г. отряд К. нанес сокрушительное поражение регулярной республиканской армии генерала Мену и приступом овладела Сомюром. В тот же день Шаррету после упорного сопротивления республиканцев достался Машекуль.

На следующий день, 12 июня, армия повстанцев

ликовала. К. единодушно был признан героем сражения, и армия провозгласила его генералиссимусом, «главнокомандующим католическими и королевскими войсками». Теперь К. стоял во главе 80-тысячной армии.

Окрыленные успехом и увлеченные победами, военачальники Вандеи приняли решение перенести войну за пределы своей провинции. Целью нападения стал Нант, овладение которым обеспечивало им выход к морю и приобретение важного опорного пункта.

26 июня началось наступление армии К. на Нант. Но, несмотря на огромное превосходство в силе (армия оборонявшихся насчитывала 12 тыс. человек против 38 тыс. у К.), 29 июня штурм Нанта был отбит. Сам генералиссимус Вандеи в этом сражении был смертельно ранен.

Армия в беспорядке переправилась обратно через Луару. Шаррет отступил к Леже, а Ларош-жаклен под напором республиканцев Лабарольера очистил Сомюр. 7 июля генерал Канкло соединился с прибывшей из Тура в Сомюр дивизией Лабарольера.

11 июля К. скончался в Сен-Флоране от полученных под Нантом ран, а на следующий день объединенная армия генерала Канкло вступила в битву при Вийе. Авангард Мену был отправлен к Корону и 17-го был отброшен обратно к главным силам. На следующий день 12-тысячная армия вандейцев атаковала у Вийе армию генерала Канкло и разгромила ее. Главнокомандующим вместо погибшего К. был избран д'Эльбэ.

Война продолжалась с переменным успехом. В начале октября республиканская армия под командованием генерала Лешеля, сменившего Бирона,

предприняла общее наступление и после нескольких мелких стычек 17 октября при Шоле нанесла поражение 40-тысячной армии инсургентов. В этой битве пали еще два вождя вандейцев — главнокомандующий д'Эльбэ и Бошан. Главное командование перешло к Ларошжаклену. 23 октября он занял Лаваль и направился к Антраму, где 27-го одержал победу над республиканскими войсками Вестермана. А на следующий день уничтожил его арьергард при Краоне и оттеснил главные силы к Ренну.

После этого поражения конвент в очередной раз сменил командование республиканской армии, отозвав генерала Лешеля и поставив на его место Россильоля. А Ларошжаклен тем временем выступил 12 ноября к Авраншу в надежде соединиться с английским флотом, крейсировавшим у берегов. 22 ноября главные силы республиканцев у Доля наткнулись на 20-тысячную армию Ларошжаклена и потерпели поражение. Незамедлительно последовала смена командующего. Вместо Россильоля был назначен генерал Марсо. 13 декабря у Манса армия Ларошжаклена была разбита, вандейцы потеряли 15 тыс. убитыми и ранеными (из 25 тыс. человек), всю артиллерию и обоз.

Неудача у Манса обострила и без того критическое положение Вандейской армии. Ларошжаклен не мог теперь рассчитывать на помощь англичан, бретонцев и эмигрантов. К тому же стояла суровая зима, и остатки армии были обречены на большие лишения.

А между тем республиканцы овладели 7 января 1794 г. Нуармутье, после чего очередной новый главнокомандующий генерал Тюрро получил подкрепление и решил поставить точку в гражданской войне. Он направил в Вандею 12 летучих отрядов,

известных под названием «адских колонн». Эти отряды истребляли на своем пути дома, селения, леса и без пощады расстреливали всех пленных. Но чрезмерная жестокость повлекла за собой дополнительные трудности. В марте 1794 г. взялись за оружие против республиканцев нижнебретонские департаменты. Восставшие, получившие название шуанов (действовали вплоть до 1803 г.), присоединились к вандейцам.

Конвент оказался в затруднительном положении. Было принято решение по созданию укрепленных лагерей, которые следовало постепенно переносить в глубь Вандеи. Предполагалось, что лагеря послужат надежными пунктами для положения войск. К концу 1794 г. 13 таких укрепленных лагерей отрезали Вандею со всех сторон от внешнего мира, а вслед за тем в январе 1795 г. правительство вступило в переговоры с инсургентами. Переговоры закончились подписанием мира 5 февраля 1795 г. в Лажонэ. Но генерал Гош, очередной главнокомандующий республиканскими войсками в Вандее, не доверяли этому миру. Всем было прекрасно известно, что предводители эмигрантов и английский кабинет Питта неустанно работают по разжиганию, казалось, затухшего пламени восстания.

Так оно и произошло. Подстрекаемые эмигрантами, инсургенты в июне 1795 г., нарушив заключенный мир, овладели несколькими республиканскими постами и расстреляли попавшихся к ним в руки пленных. А республиканские войска отражали в это время экспедицию, снаряженную английским правительством для оказания поддержки роялистам Вандеи и Бретани. Главное командование экспедицией было поручено графу д'Артуа, будущему королю Карлу X (отец Луи Ангулемского, см.). Войска

экспедиции состояли из эмигрантов и одной английской морской бригады. Сразу же после высадки была произведена выдача оружия, одежды и провианта. Из собравшихся крестьян и шуанов были сформированы три отряда общей численностью 16 тыс. человек.

Получив известие о высадке десанта, Гош поспешил в Ванн, собрал 13-тысячный отряд и 6 июля начал наступление. Отбросив передовые отряды инсургентов к Понтъевру, Гош предпринял блокаду Киберонского полуострова. Утром 7 июля 4-тысячный отряд атаковал позицию республиканцев, но потерпел неудачу. Через несколько дней атака была повторена, но с тем же результатом. 15 июля повстанцы получили новые подкрепления из эмигрантов и снова пошли на штурм позиции Гоша. Республиканцы отразили и эту атаку, закончившуюся большими потерями для вандейцев.

В ночь на 21 июля генерал Гош предпринял штурм Понтъера который после нескольких кровопролитных атак был им взят. Дело роялистов было окончательно проиграно. Граф д'Артуа бежал, многие сдались в плен. Конвент сразу сформировал военный трибунал, по приговору которого были казнены все эмигранты, участники десанта, старше 16 лет.

Главная квартира инсургентов была перенесена в Бельвиль, туда же направил свою армию генерал Гош. Шаррет, один из оставшихся в живых вождей Вандей, избегал сражения с армией республиканцев и ограничивался лишь мелкими партизанскими действиями. Зажатый при Монтегю, он был разбит и отступил к Бельвиллю. В это время в Анжу был изменнически выдан республиканцам другой вождь вандейцев — Стофле. Он был расстре-

лян в Анжере 4 февраля 1796 г. Шаррету еще некоторое время благоприятствовал успех, но, окруженный при Сюльписе, после мужественной обороны он также был захвачен в плен и 18 марта расстрелян в Нанте.

Из пяти вождей, начинавших восстание в Вандее вместе с К., в живых теперь никого не осталось. Некоторое время происходили еще столкновения армии Гоша с шуанскими бандами Жоржа Кадудалья и Корматена в Бретани. Но, последовательно разоряя деревни, очистив как Вандею, так и Бретань, Гош уже в июле 1796 г. мог доложить директории, что война в Вандее победно закончена.

КОНДЕ ЛЮДОВИК II БУРБОН (1621—1686), один из знаменитейших полководцев истории, французский генералиссимус. При жизни отца носил титул герцога Энгийонского.

Свою военную карьеру будущий полководец начал в 17 лет. В это время продолжалась тяжелая борьба Франции против Империи и Испании. Принц Конде, отец К., командовал армией на Пиренеях. В рядах этой армии находился и его сын. Именно в этом году, 1638, наступил перелом; успех все чаще будет потом сопутствовать французскому оружию.

На западном участке Пиренейского фронта Ришелье (см.) запланировал на весну 1638 г. дерзкую операцию по проникновению в страну басков. Операция должна была осуществляться при поддержке с моря эскадры кардинала Сурди. Как и было задумано, 22 августа Сурди рассеял испанские корабли в бухте Сан-Себастьяна и высадил на берег десант. В задачу этого десанта входило завязать бои с превосходящими силами испанцев и отвлечь их внимание от основного удара французов, который должны были осуществить сухопутные войска принца Конде-отца и герцога де Лавалетта (брата кардинала Лавалетта).

Французские войска вторглись на территорию Испании в районе Фонтараби. Стены этой крепости были не очень надежными, а удар оказался настолько неожиданным, что казалось — исход сражения предрешен. Но случилось то, чего никто не ожидал. Отчаявшийся 7-тысячный гарнизон пошел в контратаку против 12-тысячной французской армии. Контратака стала такой неожиданностью для французов, что в их рядах началась паника. Командиры утратили способность управления войсками. Сам Конде-отец бросил свою армию на произвол судьбы

и сбежал в Байону. В беспорядке французы отступали до самой границы. Это позорное сражение произошло 7 сентября 1638 г.

Французский двор недоумевал, Ришелье был в ярости. Он лучше всех знал, во сколько обошлась подготовка этой операции. Людовик XIII и его первый министр вызвали в Париж для объяснений принца Конде-отца. Воспользовавшись отсутствием Лавалетта, который с отступившими войсками находился на франко-испанской границе, Конде-отец все свалил на герцога. Он не смог объяснить при этом, каким образом оказался в Байонне, за многие десятки километров от места сражения. Но ни король, ни кардинал не стали давить на Конде-отца, который являлся вторым после Гастона, брата Людовика, принцем крови и членом королевской семьи. Поэтому попытки де Лавалетта оправдаться и поставить под сомнение полководческие способности своего начальника не имели успеха. Нужен был виновник скандального поражения, который предстал бы перед судом. Предупрежденный братом-кардиналом о грозившей ему опасности, де Лавалетт не вернулся в Париж. 23 октября он сел на английское судно и покинул пределы Франции. А Парижский парламент по приказу короля сформировал специальную судебную комиссию, прочел заочный судебный процесс и вынес де Лавалетту смертный приговор (заочно). Председательствовал на суде сам Людовик XIII. Лишь после его смерти де Лавалетт будет реабилитирован и сможет вернуться на родину.

В последующие годы французская армия одержала ряд крупных побед над испанцами и к началу 40-х гг. окончательно склонила чашу весов на свою сторону. К тому же, в 1641 г. внезапно умер карди-

нал-инфант, один из самых опасных врагов Франции и лучший полководец испанской армии.

В этом же году с Конде и королевской семьей породнился кардинал Ришелье. Ему удалось выдать свою племянницу Клер Клеманс де Мейе-Брезе, дочь маршала Брезе и сестры кардинала Николь дю Плесси, замуж за К., герцога Энгийонского, сына принца Конде и Шарлотты де Монморанси. Но этот брак принес большое несчастье всему роду Конде и обрек его на вырождение.

Сестра Ришелье страдала тяжелым психическим расстройством: она представляла себе, что сделана из хрусталя. Николь страшилась «разбиться». Стоило большого труда заставить ее присесть или уложить спать. Поэтому ее муж, маршал де Брезе, очень быстро оставил жену, которая безвыездно прожила до конца своих дней в замке Милли в Анжу под бдительным присмотром.

Их дочь с самых ранних лет воспитывалась отдельно от матери. Это было тщедушное существо карликового роста, с невыразительными чертами лица и унаследованными от матери отклонениями. Именно она и принесла семейству Конде несчастье. Старший сын Клер Клеманс и К. был от рождения психически неполноценным, внук позднее будет страдать врожденной эпилепсией и уродством, а правнук — психическим заболеванием.

Но тогда, в 1641 г., никто об этом не мог даже догадываться. К тому же, кардинал дал за своей племянницей царское приданое — 600 тысяч ливров.

Под занавес того же года Франция, покончив с главным противником на юге, обратила войска к границам испанских Нидерландов. Еще до наступления зимних холодов французам удалось овладеть несколькими городами — Эр-сюр-ла-Ли, Лан-

сом, Ла-Бассе, Бапомой (на территории Фландрии).

В 1643 г. командование над войсками вместо маршала Ламейре получает 22-летний К. 15 мая вице-король испанских Нидерландов дон Франсиско де Мелос, намереваясь вторгнуться в Шампань, избрал для этого небольшую крепость Рокруа. Этот город находился всего в нескольких километрах от тогдашней испанской границы, на запад от р. Мааса. Атакованный неприятельскими войсками, город принял героическую оборону и храбро защищался, несмотря на то, что численность гарнизона составляло всего 400 человек.

Герцог Энгийонский, главнокомандующий французской армией находился в окрестностях Вербена, когда узнал об осаде Рокруа. 17 мая состоялся военный совет. К. настоял на том, чтобы было дано генеральное сражение. Его поддержал Жан Гассьон, ученик великого полководца шведского короля Густава II Адольфа.

У французов в центре находилось 15 батальонов пехоты, впереди стояла артиллерия, на обоих флангах находилась кавалерия. Левым крылом армии К. командовал Ла-Ферте, правым — Жан Гассьон. В резерве находился корпус под командованием Сиро. Испанцы находились от французов на расстоянии около девяти километров. Их центром командовал Фонтен.

Битва началась в три часа ночи. Сначала левое крыло французов было прорвано эльзаской кавалерией и даже Ла-Ферте был захвачен в плен. Узнав об этом, К. сам сел на лошадь и во главе кавалерии бросился в решительное сражение на левое крыло неприятеля. Двадцатидвухлетнему главнокомандующему удалось смять противника. Он вихрем пронесся со своим отрядом на противополож-

ный конец поля сражения, опрокидывая все на своем пути.

Когда появился Сиро с резервом, испанская пехота уже была окружена со всех сторон. Битва закончилась полной победой французской армии. Испанцы оставили на поле битвы 8 тыс. убитых и раненых, 6 тыс. человек было взято в плен. Французам достались 24 пушки и около 200 знамен. Победа при Рокруа освободила теперь Францию от опасности неприятельского нашествия с севера и открыла путь в испанские Нидерланды. Она укрепила регентство Анны Австрийской и прославила 22-летнего К. на всю Европу. Битва при Рокруа составила позднее эпоху в военной истории.

Кампания 1643 г. закончилась взятием еще одного важного стратегического пункта — Тионвилля, а также нескольких других городов. В следующем, 1644 г., К. заменяет Тюрення и становится главнокомандующим французскими войсками в Германии. В этом же году он одерживает победу над баварским генералом Мерси при Фрейбурге. После этого кровопролитного сражения следуют победы К. при Майнце, Филиппсбурге и Нердлингене (1645 г.). В 1646 г. после ряда великолепно разработанных и осуществленных военных операций К. овладевает Дюнкирхеном. Командированный в следующем году в Каталонию, К. неудачно осаждает крепость Лериду. Однако вызванный в 1648 г. и снова отправленный в Нидерланды, он уничтожает при Лансе остатки некогда грозной испанской инфантерии. Рожденный на третьем году после начала Тридцатилетней войны, К. своей победой подводит черту под многолетними ожесточенными сражениями на европейских землях и в значительной мере способствует заключению Вестфальского мира (1648 г.).

Но после этого мир и спокойствие не воцарились на французской земле. В том же, 1648 г., вспыхнула борьба с Фрондой. И связана она была с именем всесильного и властолюбивого министра-кардинала Джулио Мазарини.

Мазарини имел огромное количество придворных недоброжелателей. Война с Испанией, требовавшая огромных финансовых затрат, порождала недовольство во всех слоях общества. Еще в 1646 г. парламент отказался внести в свои регистры предложенные Мазарини фискальные проекты. Одновременно с этим вспыхнули открытые восстания на юге Франции, в Лангедоке. Фискальные тенденции политики Мазарини затрагивали интересы не только простого народа, но также и зажиточного городского класса. Поэтому к началу 1648 г. положение настолько обострилось, что кое-где на улицах Парижа начались вооруженные стычки. В январе, феврале и марте прошел ряд заседаний парламента, который отрицательно отнесся к финансовым проектам королевы-регентши Анны Австрийской и Мазарини. Летом 1648 г. Мазарини сослал нескольких самых влиятельных и непримиримых своих врагов. Тогда парламент заговорил уже об ограничении правительственного произвола в деле наложения новых податей и в лишении свободы. Успех английской революции, уже определившийся к концу 40-х гг., сильно содействовал смелости французской оппозиции. Тем не менее, 26 августа 1648 г. Анна Австрийская подписала распоряжение об аресте Брюсселя, главы парламентской оппозиции, а также еще нескольких самых активных лиц.

На следующий день парижское население возвело в столице более 1200 баррикад. После двухдневных переговоров с парламентом регентша-королева

Анна Австрийская, видя свое критическое положение, приказала освободить Брюссель. Однако она не простила оппозицию, а затаила обиду. Полная гнева, она в середине сентября покинула Париж и переехала с Мазарини и всей семьей в Рюэль.

Парламент потребовал возвращения короля в столицу, но Анна Австрийская и Мазарини не подчинились этому требованию. Тем не менее, решившись до поры, до времени показаться уступчивой, Анна Австрийская подписала «Сен-Жерменскую декларацию». В ней она в общих формулировках и только на словах удовлетворила главные требования парламента. А осенью того же года к Парижу подошла часть войск от границы. Могущественный К. благодаря щедрым подаркам королевы стал на сторону правительства. В декабре Анна Австрийская снова начала борьбу с парламентом.

5 января 1649 г. королева-регентша с семьей снова покинула Париж, и столицу вскоре осадил принц К. Парижское городское население в союзе с недовольными аристократами (Бофором, Ларошфуко, Гонди и др.) решило всеми мерами сопротивляться. В Лангедоке, Гиене, Пуату, а также на севере страны (в Нормандии и других местах) начались волнения. Все они носили антиправительственный характер. Сначала в шутку (по названию детской игры), а потом и вполне серьезно эти выступления стали называть «Фрондой». Фронда стала приобретать сильных союзников. И это опять сделало королеву-регентшу и Мазарини уступчивыми.

Парламент, между тем, успел разглядеть, что знатные союзники министра-кардинала действуют из чисто личных побуждений и совсем недалеко от предательства. Поэтому 15 марта парламент пошел на мирное соглашение с правительством. Волнения

в стране на короткое время затихли. Но они походили лишь на затишье перед бурей.

Едва это соглашение состоялось, как тут же обнаружилась вражда и зависть К. к Мазарини. Между честолюбивым полководцем и к тому же весьма заносчивым после побед над испанцами и властолюбивым министром столкновение было неизбежно. Оно было оттянуто лишь щедрыми подарками К. от королевы-регентши. Теперь полководец и принц крови вел себя дерзко не только в отношении кардинала, но и в отношении королевы. В результате очень скоро произошел открытый разрыв между К. и двором.

В начале 1650 г. К. и несколько самых близких его друзей были арестованы по приказу Мазарини и отвезены в Венсенскую тюрьму. Снова разгорелась междоусобная война. Но теперь во главе ее стоял парламент. Прямое руководство оппозицией взяли в свои руки сестра К. и герцог Ларошфуко, а также несколько других аристократов, люто ненавидевших кардинала Мазарини. И опаснее всего для первого министра и версальского двора было то, что фрондеры очень скоро связались с испанцами (продолжавшими воевать против Франции).

Мазарини начал военное усмирение Нормандии и быстро разгромил бунтовщиков. Эта «Фронда К.» не была особенно популярна (парламент, например, ее не поддержал). Столь же удачно для министра-кардинала прошло в первой половине 1650 г. усмирение в других областях страны. Всюду мятежники либо отступали, либо сдавались правительственным войскам. Но фрондеры не теряли бодрости духа. Мазарини с Анной Австрийской, маленьким королем и войском отправились в Бордо, где в июле восстание разгорелось с неимоверной силой. В Париже в каче-

стве полновластного правителя на время отсутствия двора остался принц Оранский. В октябре того же года королевской армии удалось взять Бордо, но вожди — герцог Ларошфуко и принцесса Конде — успели вовремя бежать из города.

После падения Бордо Мазарини преградил путь южной испанской армии, которая соединилась с маршалом Тюреннем и другими фрондерами, и 15 декабря 1650 г. нанес врагам решительное поражение. Однако в это же самое время парижские враги Мазарини осложнили положение правительства тем, что им удалось привлечь на сторону «Фронды принцев» затихшую было «парламентскую Фронду». Аристократы соединились с парламентом, и договор между ними был оформлен в первые же недели 1651 г.

Анна Австрийская почувствовала себя в безвыходном положении: коалиция двух Фронд требовала от нее освобождение К. и других арестованных, а также отставки Мазарини. Герцог Орлеанский также перешел на сторону Фронды. Анна стала оттягивать время и медлила с исполнением требований парламента. Тогда парламент взял инициативу в свои руки и 6 февраля 1651 г. объявил, что признает правителем Франции не регентшу, а герцога Орлеанского.

Кардинал Мазарини тайно бежал из Парижа. На другой же день парламент потребовал от королевы, явно имея в виду Мазарини, чтобы впредь иностранцы и люди, присягавшие кому бы то ни было, но только не французской короне, не могли занимать высших должностей. 8 февраля парламент приговорил (формально) Мазарини к изгнанию из пределов Франции. Королева Анна вынуждена была уступить. В Париже толпы грозно требовали, чтобы не-

совершеннолетний король Людовик XIV остался с матерью в Париже и чтобы арестованные аристократы были немедленно выпущены на свободу. 11 февраля королева подписала указ об исполнении воли народа.

Мазарини выехал из Франции. Но не прошло и нескольких недель, как фрондеры перессорились между собой. Это явилось следствием слишком разнородного состава Фронды. Вышедший на свободу принц К. снова был подкуплен обещаниями королевы-регентши и встал на позицию правительства. Но как только он порвал со своими товарищами, так сразу же обнаружил, что Анна обманула его.

5 июля 1651 г. К. покинул Париж. Королева-регентша, на сторону которой один за другим стали переходить ее бывшие враги, объявила принца К. изменником за тайные сношения с испанцами. А тем временем К., поддерживаемый Роганом, Дуаньоном и другими вельможами, поднял мятеж в Анжу, Бордо, Ларошели, Берри, Гьени и других местах. Испанцы продолжали тревожить границы на юге; положение Анны оказалось критическим.

Ей помог Мазарини, который в ноябре возвратился из Германии во главе многочисленной армии наемников. Вместе с армией королевы это войско принялось подавлять мятежи в самых беспокойных районах страны. Борьба началась упорная. К. и его союзники пробились к Парижу, а сам К. въехал в столицу. Огромное большинство парижан после долгих (не прекращавшихся с 1648 г.) смут относилось к обеим враждующим сторонам безразлично, и если все чаще и сочувственнее начинало вспоминать о Мазарини, то лишь потому, что надеялось на скорое восстановление порядка и спокойствия при его управлении страной.

Летом 1651 г. версальский двор спас маршал Тюреннь. Он выступил против К., разбил его армию, а сам принц спрятался в столице. А летом следующего года он снова появился с армией наемников в Париже и начал насильственные действия против приверженцев Мазарини. У ворот города происходили с переменным успехом стычки между королевской армией и войском К. Часть парламентских советников по королевскому желанию выехала из Парижа, а Мазарини добровольно уехал «в изгнание», чтобы показать уступчивость правительства. Это было тонко продуманная игра в стиле Ришелье, методы воздействия которого Мазарини прекрасно знал и применял.

Эта мера привела к тому, на что и была рассчитана: почти все аристократические союзники К. покинули его; парижское население отправило к королеве-регентше и королю Людовику XIV несколько депутатий с просьбой возвратиться в столицу.

Всеми покинутый, К. уехал из Парижа. Великий полководец оказался совершенно неискусным политиком. Анархия в столице, постоянные раздоры между ним и остальными вождями Фронды заставили К. бежать в Нидерланды и перейти на сторону испанцев. А 21 октября 1652 г. королевская семья с триумфом въехала в Париж. Уцелевшие выдающиеся фрондеры были высланы из столицы (самые опасные, однако, сумели выторговать себе амнистию, когда еще находились на стороне К.). Парламент прекратил прения с правительством Мазарини и стал низкопоклонно вести себя перед королевой-регентшей и малолетним королем. Анна Австрийская восстановила все финансовые эдикты, четыре года назад послужившие предлогом для смуты, и королевский абсолютизм воцарился всецело.

Наиболее яркой чертой в духовной структуре этого времени стало бесконечное презрение королевской власти ко всем недворянским элементам населения, к черни (*roture*, как тогда говорили), как обобщающе называли среднее сословие. Мещанин, рабочий, крестьянин были в глазах господствующих классов даже не людьми, а просто существами (*creatures*). Именно в эту эпоху сложилось убеждение, что только начиная с барона человек имел право называться человеком. На этом же основании король стал окружать себя только дворянами, был доступен только дворянам и только дворянство имело права. «Король абсолютен только по отношению к народу, к мещанству и крестьянству, а также к остальным представителям дворянства (к которому можно вполне отнести и высшее духовенство), но не по отношению к дворянству, как к сословию. Государство становится собственностью короля, причем, однако, доходы — собственность дворянства. Дворянство все: на него работают крестьянин и ремесленник, для него содержится армия, для него создаются должности и ему принадлежат доходы государства» (Ж. Гюго).

Подобное презрение к ротюру было неотделимо от соответствовавшего ему прямо противоположного умонастроения, выливавшегося в своем крайнем выражении в чувство собственного богоподобия. Абсолютный государь становился в собственных глазах, а также и в глазах всего мира высшим земным существом, владыкой «божьей милостью». Власть его не от народа, и он ответственен только перед Богом. Наука и культура отныне должны были прославлять только короля. И они стали петь только ему, будущему «королю-солнцу». История стала быстро превращаться в описание подвигов и героиз-

ма Людовика XIV и его предков. Стало преподноситься, что в его и их лице на землю спустился самый блестящий и гордый род. Малолетнему Людовику XIV внушалось, что он полон мудрости и добродетели. Никогда мир еще не видал раньше подобного соединения в одном лице такого благородства, величия и возвышенности.

Когда сын гениального Кольбера* был причислен к придворным Людовика XIV, то отец усмотрел в этом высшее счастье, потому что «ошибки сына будут замечены и исправлены лучшим из государей, возвышеннейшим человеком, величайшим и могущественнейшим из королей». Он обращался в письме к монарху: «Сир, наша обязанность благоговейно молчать и ежедневно благодарить Бога за то, что Он позволил нам родиться под скипетром государя, не признающего иных границ, кроме собственной воли». И это писал человек, который был одним из наиболее выдающихся умов своего времени, в то время как Людовик XIV не умел ни читать, ни писать.

В январе 1653 г. в Париж возвратился кардинал Мазарини, отбивший у К. последние крепости, находившиеся в руках мятежного полководца. И если кое-где фронтеры все еще продолжали держаться, то лишь благодаря поддержки испанцев. Фронта перестала существовать после того, как войска правительства овладели крепостью Перигэ в сентябре 1653 г. Фронта не была ознаменована кровавыми расправами, правительство долго еще опасалось возобновления любых казней. И кроме упрочения абсолютизма и окончательного унижения парламента

* Кольбер Жан-Батист (1619—1683), генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 г.

и аристократии (т. е. двух сил, имевших хоть какие-то шансы в борьбе против абсолютизма), в памяти французского народа Фронда стала окруженной насмешками и презрением на очень долгое время. Причину этого историки не без оснований усматривали в том, что слишком велика была роль чисто личной вражды и личных интересов в этом движении, слишком разорительным оно оказалось для большинства населения страны.

Принц К. не смирился со своим изгнанием за пределы Франции. С помощью испанцев он снова собирает армию, и спустя некоторое время победитель при Рокруа обращает свое оружие против отечества и опустошает северные провинции Франции. В августе 1654 г. испанцы под командованием принца К. осадили Аррас. На выручку городу с французским гарнизоном выступила королевская армия под командованием виконта де Тюрення. 24 августа две армии сошлись в битве. Тюреннь атаковал К., разбил испанцев и обратил их в бегство. На поле боя остались 30 000 человек убитыми и ранеными. Принцу К. чудом удалось спастись и собрать жалкие остатки своей армии, чтобы отвести их к Камбре.

В июне 1656 г. французская армия под командованием маршала Тюрення приступила к осаде Валансьенна. В крепости находился испанский гарнизон Франсиско де Манессеса. На помощь Тюренню пришел отряд генерала Лаферте. Французы разделились на две колонны на противоположном берегу Шельды. И когда город уже был готов сдаться, колонна Лаферте была атакована 20-тысячной испанской армией под командованием принца К. Это произошло 16 июля. И прежде чем Тюреннь смог прийти на помощь, генерал Лаферте был разгромлен, потеряв 400 офицеров и 4000 солдат. Результатом

сражения стало то, что маршал Тюреннь вынужден был снять осаду Валансьенна и отступить.

Принц К. не успокаивался. Испанцы имели в его лице неплохого союзника в войне против Франции. В следующем, 1657 г., К. был поставлен с доном Хуаном* во главе испанской армии, которая должна была отбросить французов от Дюнкирхена. 14 июня две армии встретились, и между ними произошла битва, известная, как «битва в дюнах». Численность армий была почти равна. Однако войска, высаженные десантом с английских кораблей, опираясь на сильную поддержку виконта де Тюрення на суше, атаковали испанцев К. и дона Хуана, полностью разбили их войска и обратили в бегство. А спустя 10 дней крепость Дюнкирхен капитулировала французам.

В этих войнах принцу К. редко выпадали удачи. И все-таки по совету Мазарини Людовик XIV предпочел видеть К.-подданного, нежели К.-соседа. Поэтому во время заключения Пиренейского мира (1659) между Францией и Испанией кардинал-ми-

* Дон Хуан Австрийский (1629—1679), испанский военачальник, незаконный сын Филиппа IV Испанского и актрисы Марии Кальдероны. Воевал в Италии, с французами, в Португалии, где проиграл сражение Шомбергу (см.). Королева Мария-Анна, жена Филиппа IV, ненавидевшая пасынка, добилась его отстранения от командования армией и ссылки в Консуэгру, где он оставался во время малолетства Карла II (при регентстве Марии-Анны). При всеобщем недовольстве управлением страной в Мадриде вспыхнуло восстание (1669), в результате которого Мария-Анна вынуждена была уступить дону Хуану долю власти в стране.

нистр примирился с принцем К. В свою очередь, Испания замышляла предоставить К. самостоятельное княжество у северных границ Франции, и Мазарини был прекрасно осведомлен об этих планах. Он передал К. указ короля о полном прощении и помиловании, восстановлении во всех титулах и правах. И принц поверил, возвратился на родину.

Последующие восемь лет К. оставался в стороне от государственных и придворных дел. К этому периоду жизни К. относится обсуждение его кандидатуры на польский престол*. Людовик XIV поначалу высказался в поддержку принца К., но потом вдруг переменял свое мнение в пользу герцога Нейбургского. В самой Польше имя К. было очень популярно, но против его кандидатуры объединились партии претендентов — поддерживаемого императором герцога Лотарингского (см. *КАРЛ ЛОТАРИНГСКИЙ*) и герцога Нейбургского.

В том же году (1668) Людовик XIV призвал принца К. ко двору. Полководцу от имени короля было поручено в три недели завоевать Франшконте, что К. и сделал. В 1672—73 гг. он был назначен главнокомандующим войсками в Нидерландах, а в 1674 г. провел с союзниками три кровопролитные битвы, которые не дали никакого результата. В 1675 г. К., после смерти виконта де Тюрення, был послан в Эльзас против имперской армии Монтекукулли (см.).

* 16 сентября 1668 г. король Польский и великий князь Литовский Ян II Казимир Ваза, разочарованный неудачами своего правления, отрекся от престола. В результате закулисных интриг и долгих споров королем Польским и великим князем Литовским 19 июня 1669 г. был избран Михал Вишневецкий (правил до 10.11.1673 г.).

Это была последняя кампания принца К. Престарелый, больной ревматизмом, последние годы жизни принц К. провел в своем замке в Шантильи, окруженный просвященнейшими умами своего времени. Отличительной чертой военного гения К. являлась быстрота замысла, посещавшего его прямо во время сражения — его знаменитые «вдохновения», как характеризовал эти минуты биограф полководца Боссюэт. И одному из таких внезапных и смелых порывов К. обязан победой при Рокруа.

Но К. справедливо винули за то, что для блеска, быстрого и сильного натиска он не щадил потоков крови. Впрочем, подобное его поведение соответствует духу эпохи, в которой он жил и о которой было кратко сказано выше. Черты личного характера К. также прекрасно совпадают с чертами тех нравов, что царили в эпоху абсолютизма во Франции (когда придумывались абсурдные должности, патенты на которые за огромные деньги продавались исключительно дворянам: придворных садовников, гардеробщиков, кучеров, скороходов, помощников садовода, камердинеров, егерей и т. д.). Отсюда становятся понятными надменность, скупость, жестокость, оскорбительная грубость с подчиненными в характере принца К. Стараясь окружать себя великими мыслителями, он, тем не менее, постоянно и нарочито грубо обращался с ними, при каждом удобном случае стараясь унижить человека. Войска К. особенно отличались грабежами, насилием и погромами. И несмотря на это, К. от первой своей победы при Рокруа получил и пронес через всю жизнь прозвище «Великого». Под именем К.-Великий он и остался в истории Франции и всего мира.

ЛАУДОН ГЕДЕОН-ЭРНСТ фон (1716 или 1717—1790), барон, австрийский генералиссимус и генерал-фельдмаршал.

Он родился в своем родовом имении Тоотцен в Лифляндии (ныне сев. Латвия и южн. Эстония). В 1731 г., во времена царствования Анны Иоановны, Л. завербовался в на службу в русскую армию. Тогда, при фактическом управлении страной Бирона и его сподвижников, в России господствовал иностранный элемент не только на всех государственных постах, но и в армии. Учрежденный Минихом кадетский корпус пополнялся за счет выписываемых из Пруссии офицеров и унтер-офицеров. Именно благодаря этим выпискам немецкий элемент привился в русской армии. Для этого был даже специально учрежден Измайловский гвардейский полк, в отличие от Преображенского и Семеновского гвардейских полков с их русским составом (подр. см. **АНТОН-УЛЬРИХ БРАУНШВЕЙГСКИЙ**).

Так Л. оказался на службе в русской армии. И уже в 1734 г. в качестве русского офицера он участвует в войне между Россией, Австрией и Саксонией с одной стороны и Францией — с другой, которая разгорелась за польское наследство (1733—35). После смерти Августа II на престол Речи Посполитой претендовали саксонский курфюрст Август III и Станислав Лещинский. Всевозможными происками французская дипломатия пыталась склонить Россию в пользу кандидатуры Станислава Лещинского. Но французские закулисные демарши не имели успеха. Россия совместно с Австрией решила защищать кандидатуру саксонского курфюрста, за что Россия получила отказ от притязаний Августа на Лифляндию.

Польским королем был избран Станислав Ле-

щинский. Русская армия под командованием Миниха тут же вступила в пределы соседнего государства. Она осадила Данциг, который сдался русским войскам после продолжительного сопротивления. В осаде Данцига в качестве командира одного из подразделений участвовал и Л.

В это время все более беспокойной становилась обстановка на южных рубежах российского государства. В 1732 г. закончилась русско-персидская война. В результате ее Россия уступила Персии все петровские приобретения, на которые преемники царя смотрели как на излишнее бремя. Немцы при русском дворе стали сближаться с Австрией, а своим государственным долгом в политике на юге считали недопущение выхода Турции к Каспийским берегам. Но после того, как Россия отказалась принять сторону Франции в конфликте за польский престол, последняя дипломатическими происками стала подстрекать Порту к решительным действиям.

В 1736 г., едва только закончилась война за польский престол, крымский хан вторгся в Кабарду. Это вторжение было расценено в России как объявление войны. Русская армия под командованием Миниха направляется в Крым. Однако Миних дошел до Бахчисарая, а затем поспешно возвратился обратно, опасаясь вторжения турок в юго-западную Россию.

В следующем году русские войска заняли Очаков. Но успешному продолжению войны воспрепятствовало слишком позднее выступление союзной австрийской армии, вялость ее действий и незначительность успехов. На открывшемся в Немирове мирном конгрессе Россия заявила притязания на Крым, а Австрия — на Молдавию и Валахию. Но хотя обе державы позднее и умерили свои требова-

ния, конгресс все равно был прерван возобновлением военных действий.

Кампания 1738 г. была неудачна как для русской армии, так и для австрийской. Но уже в следующем году Миних разбил турок при Ставучанах, овладел Хотинном, занял Яссы. После этих побед Молдавия высказала желание присоединиться к России. Но в самый разгар успехов русских войск пришла весть о том, что Австрия заключила мир с Турцией. Это вынудило Россию также прекратить военные действия и сесть за стол переговоров.

Результаты войны не окупили принесенных жертв. Россия удержала Азов, но с непременным условием скрыть его укрепления, а также получила право построить крепость на Дону. Турция, в свою очередь, получила право построить крепость на Кубани. Россия так и не приобрела права иметь свой флот на Черном море. Кабарда была объявлена нейтральной полосой между Портой и Россией. Условиями этого — Белградского — мира закончилась русско-турецкая война, в которой принимал участие (с 1736 по 1739 г.) Л.

Когда в результате дворцового переворота на российский престол была возведена Елизавета Петровна (правила с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г.), Л. покинул Россию и выехал за границу. Он считал, что с падением немецкой партии при дворе не сможет сделать карьеру.

Выйдя в отставку подполковником русской армии, Л. пытался вступить в прусскую армию. Но Фридрих Великий ответил отрицательно на прошение Л. (Много позднее, когда Л. станет известным полководцем и противником императора-полководца на поле битвы, Фридрих назовет его настоящим фельдмаршалом и выкажет желание видеть таких

военачальников в своей армии, хотя в то время Л. будет всего лишь генерал-майором).

После отказа прусского короля Л. направляется в Австрию и уже здесь предлагает свои услуги венскому двору. После некоторых колебаний его принимают на службу, и в 1742 г. зачисляются в чине капитана в Славонскую вольную дружину. В составе этого подразделения Л. принял первое свое боевое крещение в войне между Австрией и Францией. Во время переправы через Рейн Л. получил тяжелое ранение в живот и был захвачен французами в плен. Но солдаты Славонской вольной дружины выручили Л. из плена и переправили в тыл. Произошло это в 1744 г.

Будучи по характеру человеком неуступчивым, часто раздражительным и вспыльчивым, Л. не ладил со своим командиром Тренком. Вместе с тем, он был сторонником справедливого ведения войны. После боя у Траунау Л. поссорился с командиром, который запятнал себя грабежами и жестокостями. Л. покинул свою дружину и отправился в Вену с твердым намерением оставить австрийскую службу и удалиться на покой. Но сделать это ему не удалось. Л. был арестован и вскоре узнал причину этого ареста: его обвиняли в том, что он был пособником Тренка в грабежах и насилии. Преданный гофкригсратом суду военного трибунала, Л. был оправдан и повышен в звании до майора.

Вскоре после выхода из заключения Л. перешел в католичество, женился и решил окончательно остаться в Австрии.

В 1756 г. вспыхнула Семилетняя война (причины см. ДАУН). Л. по собственному желанию был зачислен в действующую армию. Он получил командование над отрядом кроатов и был отправлен в Боге-

мию для ведения партизанской войны. Л. прекрасно справился с возложенными на него обязанностями и зарекомендовал себя как отважный, энергичный и неутомимый командир партизан. Именно отряд под командованием Л. во время одного из партизанских рейдов уничтожил большой прусский транспорт обеспечения войск (3 тыс. повозок) у Домштедта в Богемии.

За удачное сражение и отличные действия под Хиршфельдом Л. был произведен в полковники, а после Росбаха — в генерал-майоры. Затем Л. поручили командование особым обсервационным корпусом. Во главе этого корпуса он находился в распоряжении Дауна во время сражения при Гохкирхе (14.10. 1758, см. ДАУН). На корпус Л. в этой битве была возложена задача атаковать прусский лагерь с тыла. С трудной задачей он справился блистательно, чем в немалой степени содействовал дальнейшему успеху австрийской армии. По поводу победы при Гохкирхе выразил свою радость даже папа Климент XIII.

В июле 1759 г. по приказу Дауна Л. во главе 20-тысячного корпуса двинулся на соединение с русскими. В это время они находились у Кроссена. Однако отсутствие взаимопонимания между командованиями двух армий вынудили главнокомандующего Салтыкова на самостоятельные действия. Он приказал генералу Вильбоа наступать на Франкфурт, что тот и сделал, и овладел городом 20 июля. Спустя три дня, 23 июля, Л. соединился с генералом Вильбоа, а затем туда же прибыл и русский главнокомандующий Салтыков. Л. передал ему желание австрийского командования, чтобы русские возвратились обратно к Кроссену. В ответ на это Салтыков требовал от Л. перехода

на правый берег Одера и подготовки к набегу на Берлин.

Когда 30 июля русские разъезды доложили, что пруссаки собираются наводить мосты у Лебуса, Л. находился еще при Салтыкове. На следующий день утром было получено донесение, что прусская кавалерия перешла Одер у Герица. Салтыков принял решение дать бой у Куннерсдорфа. Прусская армия под командованием короля Фридриха II численностью 48 тыс. человек намеревалась выйти в тыл русским войскам. Однако вовремя предупрежденные, Л. и Салтыков успели укрепиться на возвышенности возле крепости. Пруссак атаковали левый фланг обороняющихся и захватили высоту Мальберг, хотя в центре и были отброшены. Задачей Л. было следить за флангами и тылом противника. Он неоднократно водил австрийскую кавалерию в атаку и способствовал разгрому прусской конницы под командованием Зейдлица. После поражения неприятельской кавалерии была разбита и вся армия Фридриха II. Л. довершил поражение энергичным преследованием противника вплоть до самого Одера. В этом сражении прусский король потерял 20 тыс. человек убитыми и ранеными, были уничтожены 172 орудия. Союзники потеряли 15 тыс. человек убитыми и ранеными, но, несмотря на победу, благоприятный момент для наступления на Берлин был упущен. В не меньшей степени на это повлияли русско-австрийские противоречия. 12 сентября Л. участвовал в русском военном совете и категорично протестовал против решения Салтыкова перевести русскую армию на правый берег Одера и отступить на зимние квартиры. После этого Л. ничего другого не осталось, как возвратиться в Австрию.

Военную кампанию 1760 г. Л. открыл очередной победой. Во главе своего корпуса он вторгся в Верхнюю Силезию и в результате великолепного маневра 23 июня у Ландсгута окружил и разбил генерала Фуке. Заняв незащищенный город, он отдал его на разграбление своим солдатам. Жители города были перерезаны, дома сожжены. Увидев такую картину, Л. сам ужаснулся жестокости своих солдат, невольно оказавшись на месте генерала Тренка, против своеволия и жестокости которого он некогда протестовал.

Спустя месяц после Ландсгута Л., назначенный командующим 2-й австрийской армии, осадил и почти без сопротивления занял крепость Глац, а 31 июля он со своей армией появился уже под Бреславлем. Воодушевленный предыдущими успехами, он послал письменное требование коменданту о сдаче крепости. Получив отказ, Л. принялся осаждать крепость в надежде, что к нему вскоре подоспеет армия союзников. Комендант Тауээнцина во главе бреславльского гарнизона оказал противнику мужественное сопротивление. В это время Л. узнал, что русских нельзя ждать раньше, чем через две недели, а принц Генрих находится уже под Глогау и спешит на помощь Бреславлю. 4 августа Л. приказал своим войскам снять осаду крепости и отступил к Стригау. Соединившись с главными австрийскими силами, он принял затем участие в неудачном для австрийцев сражении при Лигнице (см. ДАУН), где лично мужественно водил в атаку свою кавалерию. В результате успешного маневра Фридриха Л. завел свой корпус в самую середину расположения армии противника и был наголову разбит на высотах у Пфафендорфа.

В сражении при Лигнице Даун был ранен, поэто-

му в военной кампании 1761 г. Л. возглавил 70-тысячную австрийскую армию. В его задачу входило прикрытие Богемии. 3 мая с ним соединился отдельный русский корпус генерала Бутурлина. Но отступления не получилось. Узнав из тайной переписки с Тотлебенем о намерениях союзников, Фридрих II предупредил Л., и австрийский главнокомандующий не решился пробиться к Одеру путем битвы, а предложил русским перейти реку у Лебуса. Сам же он обещал соединиться с ним в окрестностях Лигница. Бутурлин перешел через Одер, но Фридрих не решился задержать его движение. 14 августа Бутурлин вновь соединился с Л. у Гогенфридберга. Вновь возникли разногласия, которые помешали последнему развить энергичные военные действия. Л. тщетно доказывал союзнику необходимость атаковать пруссаков в лагере у Бунцельвица. Бутурлин отказался и, ссылаясь на недостаток фуража для обеих армий, на военном совете 23 августа потребовал отступления за Одер. Л. он оставил корпус графа Чернышева, насчитывавший 20 тыс. человек. Австрийский главнокомандующий продолжал осаду Бунцельвица до 10 сентября, после чего отошел в горы и оттуда совершил набег и захватил крепость Швейдниц (1 октября). Однако этот смелый подвиг, давший возможность австрийцам твердой ногой стать в Силезии, навлек на Л. неудовольствие венского гофкригсрата. Его обвинили в самовольных действиях и вызвали в столицу для суда. И хотя суд военного трибунала так и не был над ним назначен, Л. уже не успел принять участие в заключительных событиях Семилетней войны. Подвергшийся опале, он покинул столицу и поселился в своем богемском поместье. Скорее всего именно под влиянием этих обстоятельств у Л. возникла мысль снова

вернуться на службу в русскую армию. В это время на русский престол взошла Екатерина II. Л. вступил в переписку с русским канцлером графом Воронцовым. Но требования, которые Л. выдвигал, были столь велики и унизительны для русских генералов (Л. не хотел им подчиняться), что императрица Екатерина II отказала ему в его домогательстве.

Он оставался не у дел вплоть до 1766 г., когда о нем вдруг вспомнили и назначили членом гофкригсрата. А спустя три года, в 1769 г., он получил новое назначение — главнокомандующего в Моравии. С началом войны за Баварское наследство Л. был поставлен во главе армии, действовавшей в Богемии. Однако как полководец в этой войне он себя никак не проявил.

Во время войны с Турцией (1787—90 гг.) Л. командовал сначала корпусом, с которым овладел укреплениями Дубица, Нови и Бербир. В августе 1789 г. он командовал 18-тысячным австрийским корпусом, который вместе с Суворовым (см.) перешел в наступление под Фокшанами, опрокинул турецкий авангард и атаковал укрепленные позиции противника. После десятичасового упорного сражения союзники выбили оттуда турок и захватили их. Затем Л. занял место на посту главнокомандующего (вместо фельдмаршала Гадика) и закончил военные действия осадой и взятием (8 октября 1789 г.) крепости Белград. За эти и другие заслуги император Леопольд II пожаловал Л. в 1790 г. звание генералиссимуса и вверил ему главное командование армией в предстоящей войне с Пруссией. Но тот не успел воспользоваться возложенными на него почестями, так как в июле того же года скончался. Его имя было присвоено австрийскому 29-му пехотному полку.

ЛУИ, герцог АНГУЛЕМСКИЙ (ЛУИ-АНТУАН де БУРБОН; 1775—1844). Старший сын графа д'Артуа, впоследствии короля Карла X. В 1789 г. эмигрировал с отцом из Франции и обучался в Турине, изучал артиллерию. В августе 1792 г. он принял командование над отрядом эмигрантов в Германии, но в первых же битвах потерпел поражение. В 1799 г. в Митаве женился на Марии-Терезии-Шарлотте, дочери Людовика XIV.

Когда в 1814 г. союзные войска вступили во Францию, Л. явился в британо-испанскую главную квартиру и издал прокламацию, в которой обращался к французской армии.

Он собрал вокруг себя сторонников реставрации и под защитой англичан совершил торжественный въезд в Бордо (12 марта 1814 г.), провозгласил королем Людовика XVIII и от его имени обещал отмену конскрипции и всех гнетущих народ налогов. Не забыл Л. также и о полной свободе вероисповедания, что было немаловажно.

В марте 1815 г., облеченный званием генерально-го наместника королевства, Л. возглавил армию и выступил против возвратившегося во Францию Наполеона Бонапарта.

Однако ему не удалось остановить победоносное шествие недавнего императора, и он вынужден был спасаться бегством в Испанию. А после второй реставрации Бурбонов Л. стал главной опорой ультра-роялистской партии.

В 1820 г. в Испании вспыхнула буржуазная революция. Восставшие под руководством Р. Рието-и-Нуньеса в Кадисе требовали восстановления конституции 1812 г. и образования конституционного правительства.

Такое правительство модерадос* было образовано и провело ряд реформ. В августе 1822 г. власть перешла в руки эксальтадос**. В мае 1823 г. в Испании в силу вступил закон об аграрной реформе. Однако она не была осуществлена, что оттолкнуло от революции крестьянство.

В начале 1823 г. в Вероне собрался Священный союз. Его целью было подавить революционное движение в Испании и восстановить власть короля Фердинанда VII. Военная экспедиция была возложена на Францию, которая в лице Людовика XVIII была заинтересована в спокойствии Испании. К 1 апреля приготовления к войне были окончены, а 7-го французская армия во главе со своим главнокомандующим Л., герцогом Ангулемским, вторглась в пределы Испании.

Армия Л. состояла из четырех корпусов и резерва. Первым командовал маршал Удино, 2-м — генерал Молитор, 3-м — принц Гогенлоз, 4-м — маршал Монсей, резервом — генерал Бордесуль. Численность французской армии составляла 80 тыс. человек. Главные вожди испанской революции, кортесы, деятельно готовились к борьбе. Несмотря на сопротивление короля, они увезли его из Мадрида в Севилью и заставили объявить войну Франции. С трудом укомплектованные войска испанцев насчитывали около 70 тыс. человек.

Испанская армия была плохо обучена и организована, поэтому французы не рассчитывали на серь-

* Модерадос, партия правых либералов в Испании в 1820—68 гг.

** Эксальтадос, партия левых либералов в Испании в тот же период.

езное сопротивление. К тому же и народ был на их стороне. 7 апреля авангард французской армии перешел реку Бидассоа. 1-й, 2-й корпуса и резерв французской армии заняли Ирун. 3-й корпус вступил в Испанию долиной Ронсево. Ввиду того, что испанцы разбросали свои силы небольшими отрядами по северным провинциям, Л. разделил корпуса. 2-й корпус он отправил для усмирения Бискайи, Леона и Астурии, 3-й — для действий в Наварре и Арагонии. С остальными корпусами и резервом он направился через Витторию на Бургос и далее двумя колоннами на Вальядолид и Оранду, почти нигде не встречал серьезного сопротивления.

В конце апреля 2-й корпус герцога Ангулемского занял Сарагоссу и соединился со своими 1-м и 4-м корпусами. Это дало возможность направить одновременно 1-й, 2-й и резервный корпуса к Мадриду. 23 мая французский авангард вступил в Мадрид, а 25 и главные силы Л. прибыли в город. Но хотя Мадрид оказался занятым, цель войны — освобождение короля — не была достигнута. Французской армии пришлось продолжать наступление. Л., желая противопоставить кортесам правительственное собрание, созвал верховный совет и утвердил регентство под председательством герцога Инфантадо. Герцог Ангулемский спешил занять Эстермадуру и Андалузию с целью упредить вывоз короля в Кадикс. Для этого он направил 1 июня одну колонну Бордесуля (7 тыс. человек) через Аранжуэц и Кордову на Севилью. 2-я колонна под командованием генерала Бурмона (8 тыс.) через Трухильо направилась к Бадахосу с приказанием, если потребуется, прийти на помощь Бордесулю. Маршал Удино остался в окрестностях Мадрида с двумя корпусами.

С приближением французов к Севилье революционная охрана перевезла короля в Кадикс. Туда же Л. отправил и Андалузскую армию (совместные силы Бордесуля и Бурмона). 24 июня Кадикс был блокирован с суши и моря (эскадрой адмирала Гамилена). Незначительные силы не позволили осаждавшим принять энергичные меры для овладения крепостью. Поэтому Бордесуль занялся захватами окрестных городов для того, чтобы отрезать крепость от внешнего мира.

Тем временем 4-й корпус Монсея перешел границу и направился на Фигуерас, Герону и, наконец, подошел к главному опорному пункту испанцев в Барселоне. Осадив город, он выслал в разных направлениях небольшие подвижные колонны для освобождения провинции от войск революционной хунты. Но они почти нигде не встречали сопротивления, кроме Таррагоны, которую блокировали. Одновременно с этим 3-й корпус (дивизия Бурка и вновь прибывший из Франции 2-й резервный корпус генерала Лористона) удачно действовал в Леоне, Галиции и Австрии, везде разгоняя незначительные отряды испанцев и овладевая крепостями. Молитор, захватив Сарагосу и устроив в ней свою базу, занял всю Наварру и Арагонию. Прибыв 8 июня в Теруэль и узнав, что значительный испанский отряд Баллестероса находится в Мурвьедро, Молитор немедленно двинулся против него. 12-го он занял Валенсию и преследовал противника столь энергично, что уже 13-го настиг его отряд у Лорки и разбил. 24 июля он вновь атаковал Беллестероса у Гвадалхуертано, отбросил его, 27-го занял Гренаду и 28-го, разбив еще раз у Кампило, заставил заключить 4 августа перемирие. При этом большая часть испанского отряда примкнула к французам.

Освободившись от Баллестероса, Молитор получил возможность двинуться к Кадиксу и подкрепить Бордесуля. 16 августа под Кадикс прибыл герцог Ангулемский. Осада стала более энергичной. Кортесы, увидев невозможность дальнейшего сопротивления, освободили короля и вернули ему власть. 1 октября Фердинанд VII прибыл во французский лагерь. После этого (уже в ноябре) французам сдались Барселона, Картахена и Аликанте. Только после этого герцог Ангулемский вернулся во Францию. В Испании для охраны нового правительства он оставил 45-тысячную французскую армию.

После победоносного возвращения из Испании Л. получил титул князя Трокадеро. Когда его отец, граф д'Артуа, в 1824 г. стал королем под именем Карла X, Л. сделался дофином. После июльской революции он вместе с отцом был вынужден подписать в Рамбулье акты отречения (2 августа 1830 г.) в пользу герцога Бордоского (графа Шамбера). Когда палаты объявили Карла X и членов его дома лишеными престола, Л. последовал за своим отцом в Голируд. Позже он жил в Австрии, где и умер в 1844 г.

Его жена, Мария-Терезия-Шарлотта, дочь Людовика XVI, отличалась замечательным умом и силой воли. С 1792 г. она находилась — сначала вместе с матерью, а после казни последней одна — в заключении в Тампле. Лишь 25 декабря 1795 г. ее обменяли на несколько республиканцев, которые находились в плену у австрийцев. Мария-Терезия-Шарлотта была более убежденной ультра-роялисткой, чем даже ее муж Л. Она умерла в 1851 г.

ЛУИ, герцог БУРГУНДСКИЙ (1682—1712), внук Людовика XIV. Будучи сыном «великого дофина» Людовика, Л. после смерти отца (1711) сделался наследником престола и получил титул дофина.

В мемуарах Сен-Симона говорится, что герцог Бургундский Л. представлял собой редкий пример того, как велика сила разумного воспитания даже при наличии врожденных пороков. Воспитание Л. было поручено герцогу Бовилье, Фенелону и Флери. Под их благотворным влиянием он превратился из избалованного и крайне испорченного мальчика в человека строгой нравственности и глубокой религиозности. По этой причине Л. резко отличался своим поведением от придворных нравов того времени.

В конце царствования Людовика XIV на Л. стала возлагать свои надежды придворная оппозиция, недовольная чрезмерным деспотизмом короля. Именно при Людовике XIV абсолютизм достиг наивысшего расцвета. Можно предположить, что Сен-Симон несколько приукрасил и идеализировал личность Л., потому что не только наука и искусство, но до определенной степени и церковь способствовали укоренению в массовом сознании эпохи величия короля, как равного божественному. Наиболее яркими признаками искусства становятся величие и помпезность. Его постоянная тема — сцены из классической древности, жизнь богов. Через эти сцены обожествляется жизнь монарха. Юпитер и Марс наделены его чертами, а Юнона и Венера — чертами его супруги или любовниц. В архитектуре дворец в стиле рококо становится последним звеном, венчающим королевское величие. Королевский дворец эпохи абсолютизма всегда одноэтажен, потому что никто из смертных не должен и не может ходить или стоять у короля над головой. Дво-

рец короля — церковь, идея божества в переводе на мирской язык. В лице абсолютного монарха по земле шествует само божество. Отсюда — великолепие, золотом сверкающая пышность, в которую облачается абсолютный монарх. Золото и драгоценные камни — его одежда. Золотом и блеском сверкают ливреи его придворных лакеев. Из золота сделано все: стул, на котором он сидит, стол, за которым он обедает, тарелки, с которых он ест, приборы, которыми он пользуется. Золотом украшена упряжь его лошадей, он едет в золотой карете. Со всех сторон, заливая его своим блеском, окружает его золото. И сам он из золотого сияния — Король-Солнце.

Этим же объясняется также чопорный церемониал, предусмотренный до мельчайших подробностей, которым обставлялась любая услуга, оказываемая королю с момента пробуждения до отхода ко сну. Этот церемониал превращал самое ничтожное действие в акт первостепенной государственной важности, лишал даже самую противную услугу ее унижительного характера. Чего стоил ежедневный присмотр за уборной французского короля, выполняемый доподлинным герцогом.

Само собой разумеется, что чернь была отделена от Людовика XIV не только незримыми гранями, но и строгими предписаниями. Вход в огромные парки и сады, окружавшие резиденции короля, был строжайше запрещен, для их посещения требовалось специальное разрешение. Нарушение этого правила каралось обыкновенно драконовыми наказаниями. А когда монарх совершал прогулку по городу, то целые улицы и бульвары оцеплялись, и только издали народ обретал высокое счастье лицезреть священную особу своего короля.

Официальная любовница короля вызывала презрение разве что в сердцах ее конкуренток. Для иных же придворных она становилась «божьей милостью», потому что на нее пал взор короля, ее красота и любовь заслужили королевского внимания. Это положение было даже научно обоснованно. В «Придворной философии» того времени знаменитый Томазиус из Галле писал: «Когда речь идет о князьях и господах, то нет места ненависти к метресам, ибо князья и господа обязаны отдавать отчет в своих поступках только Богу, в силу чего на любовницу видимым образом падает некий отсвет от ореола ее любовника». Почести, предписанные королем для официальной любовницы, должны были оказываться ей с тем же благоговением, как и ему. Правда, лишь до тех пор, пока ей было разрешено разделять ложе короля. Как только чары другой признавались более обаятельными, звезда и счастье недавней фаворитки погружались в ночь забвения.

Так как, по всеобщему убеждению, смертный не в состоянии был прямо смотреть на солнце, то к воплотившемуся в земном теле божеству подходили не иначе, как склонив голову и колена. Речь должна была становиться приглушенной, потому что слишком громкое слово нарушило бы почтение. Аудиенция, милостиво дарованная, превращалась в акт боготворения. Герцог де Фейяд воздвиг в своем дворце золоченую статую Людовика XIV и устраивал перед ней по ночам при свете факелов своего рода идолопоклонство. Склонив колена, приветствовали монарха даже придворные, как и прохожие на улице. Когда по дороге мчалась королевская карета, кавалеры и дамы должны были бросаться в ров и ждать на коленях, пока она не проедет. Мимоходом брошенный при этом взгляд на них служил доста-

точным вознаграждением за то, что они вставали с земли, покрытые грязью. И даже если в карете никого не было, ей оказывались такие же почести.

Не только Людовик XIV, но всякий европейский монарх эпохи абсолютизма охотно выставлял напоказ свое земное всемогущество. Отсюда демонстративная игра в «солдатики». Ведь ничто лучше внушительной армии так убедительно не обнаруживало власть, которая была у короля. Даже самый мелкий из европейских монархов того времени сохранил «войско». Милитаризм становился не только атрибутом абсолютного монарха, но и принимал в таких условиях характер декорации, становился игрушкой. Пожалуй, ни одна эпоха не наполнена таким количеством кровопролитных, почти не прекращающихся войн, как эпоха абсолютизма.

Под гипнозом своего видимого и постоянно внушаемого окружением всемогущества монарх в самом деле искренне верил, что все это так и должно быть. Вспомним при этом, что Людовик XIV был безграмотным, не умел ни читать, ни писать. Во всем этом ключ к разгадке и логическое оправдание поступков самодержавного короля. Он был божеством, а божество стоит над жизнью и свободой своих подданных, в особенности же над их собственностью. Ведь все по праву принадлежало королю. Все государство — его личное владение. При Людовике XIV не раз серьезнейшим образом обсуждался вопрос о том, не следует ли королю фактически взять в свои руки все земли и доход Франции. В инструкции, составленной по поручению Людовика XIV для дофина, говорилось: «На том же основании все, что находится в пределах наших владений, принадлежит нам, чье бы оно ни было. Вы должны быть убеждены в том, что короли от природы имеют пра-

во свободного и полного распоряжения всем имуществом мирян и клира и могут каждую минуту, подобно мудрым управляющим, им воспользоваться для нужд государства».

Так как абсолютный монарх считал себя естественным, прирожденным собственником всей страны, то он не только имел право распоряжаться всеми налогами. Абсолютистская логика внушала мысль, что не может быть ничего более естественного, как желание присвоить себе на личные нужды большую часть этих налогов. При этом в голову даже не приходило считаться с этим вопросом, соответствуют ли прихотям находившиеся в наличности суммы.

Огромный дефицит во французском бюджете не помешал Людовику XIV купить для королевы за 18 млн. ливров в подарок замок Сен-Клу, а себе сделать подарок поскромнее — замок Рамбулье за 14 млн. ливров. Не дешевле обходились Франции незаконные жены Людовика XIV, но его строительная мания стоила дороже. В один год, желая создать обиталище, достойное своей священной особы, он истратил 90 млн. франков. В том же году население питалось травой и корой деревьев. В ответ на горе и отчаяние голодных Людовик XIV произнес ироничную фразу: «Что ж! Кора — пища недурная».

Денег требовалось все больше и больше, а казна постоянно оказывалась пустой. Тогда был найден простой выход — учреждение новых должностей. При назначении на них руководствовались правилом «кто больше даст». И поскольку денег все равно не хватало, придумывались самые нелепые должности. Если раньше в какой-нибудь государственной коллегии заседали четыре советника, то их число доводили до 12, 24 и даже больше. При Лю-

довике XIV были созданы следующие важные придворные должности: осмолрщика поросят и свиной, осмолрщика париков, свежего сала, соленого масла, кирпичей, счелщика сена, контролера дров, вин, продавца снега и т. д. И каждая из этих должностей продавались сразу десятку или сотни желающих. В одном Париже было 900 контролеров вин. Таким способом Людовику XIV удалось (с 1700 по 1715 г.) пополнить казну на 5500 млн. ливров. Иногда должности продавались насильно. Тех же, кто отказывался от высочайшей милости, ждало прекрасное средство — Бастилия.

Вот почему аристократическая оппозиция связывала определенные надежды с герцогом Бургундским Л. В приписываемых ему планах восстановить упраздненные провинциальные штаты и возобновить периодический созыв генеральных штатов нельзя не видеть влияния Фенелона, одного из воспитателей Л.

В 1701 г. вспыхнула война за Испанское наследство. Людовик XIV назначает Л. генералиссимусом и посылает его в действующую армию. Но герцог Бургундский Л. оказался лишенным полководческих способностей. Отправленный во главе французской армии в испанские Нидерланды, из-за своей скованности и нерешительности он проиграл сражение при Уденарде и потерял Лилль.

После смерти отца герцог Бургундский Л. был назначен членом государственного совета. На этом посту он неоднократно делал попытки открыть глаза Людовику XIV на крайне тяжелое положение страны, на произвол и беззаконие, что творилось вокруг. Но с высоты своего собственного времени он не мог еще понять, что именно Людовик XIV и являлся воплощением тех пороков, которые раздира-

ли Францию со всех сторон. Поэтому герцог Бургундский Л. вряд ли мог сыграть хоть какую-нибудь политическую роль в общественной жизни своей страны.

Герцог Бургундский Л. умер в 1712 г., в один год со своей супругой Марией-Аделаидой Савойской, от эпидемии оспы, вспыхнувшей в то время во Франции. Из троих сыновей герцога Бургундского двое старших умерли еще в детские годы. Права на французский престол перешли к его третьему сыну, который взшел на престол в 1715 г. под именем Людовика XV. Эпоха абсолютизма продолжалась вплоть до Великой французской революции.

ЛЮКНЕР НИКОЛАЙ (1722—1794), маршал Франции, генералиссимус периода Конвента. Во время Семилетней войны (1756—63) Л. поступил на прусскую службу, но затем перешел во французскую армию. Когда в стране вспыхнула революция, Л. стал одним из сочувствующих Республике. Он получил от Людовика XVI маршальский жезл.

В 1792 г. французская армия под командованием Л. захватила Менен и Куртрэ. Он очистил австрийские Нидерланды от внешних врагов Республики и направил армию на Лилль. Генералы Бирон и Валанс приводили доводы в пользу того, чтобы Л. отказался от задуманного плана. Но он не принял во внимание их доводы. Многочисленность армии противника помешала ему дать достойный отпор пруссакам, и Л. проиграл сражение.

Всеподозрительный Конвент взял под сомнение преданность Л. и верность его Республике. Генералиссимус был предан революционному суду. Но на этот раз Л. удалось оправдаться. 31 мая — 2 июня 1793 г. в Париже произошло народное восстание против Конвента, большинство мест в котором принадлежало жирондистам (см. РОЛАН). Это восстание свергло власть жирондистского большинства и привело к диктатуре меньшинства — якобинцев. Революционное правительство якобинцев начало проводить мобилизацию народа на отпор внешним и внутренним врагам Республики. Началось время революционного террора. Л. снова арестовали. Революционный трибунал обвинил его в руководстве или соучастии в заговоре, якобы имевшем целью открыть союзникам доступ во Францию, и приговорил к смерти. В 1794 г. Л. был расстрелян.

МАКС-ЭММАНУИЛ (МАКСИМИЛИАН II ЭММАНУИЛ), курфюрст Баварский (1662—1726), генералиссимус австрийский периода Австро-турецкой войны 1683—99 гг., сын и преемник Фердинанда-Мари Баварского, внук герцога Максимилиана I, впоследствии курфюрста Баварского (о последнем см. *ВАЛЛЕНШТЕЙН, ТИЛЛИ*)

С началом войны с Османской империей М.-Э. командовал армией, участвовал в освобождении Вены от турецкой осады (1683). Полководческие способности М.-Э. проявились также в борьбе с турками при взятии Грана, Офена (1686) и Белграда (1688). Именно армия курфюрста Баварского в значительной степени содействовала победе генералиссимуса Карла-Леопольда Лотарингского при Могаче (1687), положившей конец господству Османской империи в Европе.

В 1690 г., после внезапной и загадочной смерти Карла-Леопольда Лотарингского, М.-Э. возглавил имперские войска на Рейне против французов. Спустя год он отправился испанским наместником в Нидерланды. Первая супруга М.-Э., Мария-Антония, была дочерью императора Австрийского Леопольда I и имела (по матери Маргарите, младшей дочери короля Филиппа IV Испанского) права на испанский престол. Именно их сына Иосифа-Фердинанда король Испании Карл II назначил в 1698 г. в своем завещании наследником престола. М.-Э. после оглашения завещания становился наместником Испании.

Однако через год (1699) сын М.-Э. внезапно тяжело заболел и умер. Права на испанское наследство были утрачены, и М.-Э. сложил с себя звание наместника. Король Карл II был еще жив, а закулисная борьба за его трон между Францией и Австрией

достигла своего наивысшего предела. Притязания Людовика XIV и Леопольда I основывались на родстве обоих государей с испанскими Габсбургами (об этом см. ВИЛЛАР). И когда Карл II умер (1 ноября 1700 г.) Австрия объявила войну Франции и решила оружием отстоять свое право на испанский престол.

С началом войны Людовику XIV удалось склонить на свою сторону М.-Э. обещанием отдать ему во владение испанские Нидерланды. Курфюрст Баварский согласился, вступил в союз и занялся формированием армии. В первый год войны главные события развернулись на итальянском театре. В Баварии и Эльзасе первые вооруженные столкновения французов и баварцев с имперцами произошли в 1702 г.

В конце апреля этого года австрийская армия под командованием Людвига Баденского перешла Рейн между Майнцем и Шпеером и расположилась лагерем у Франкенталя. Численность этой армии составляла 32 тыс. ед. пехоты и 14 тыс. ед. кавалерии. В планы Людвига Баденского входила осада Ландау. 5-тысячный гарнизон этой крепости вряд ли мог оказать достойное сопротивление столь многочисленному противнику. Поэтому по приказу Людовика XIV из Италии был отозван маршал Катина. Расположившись у Страсбурга, он пытался помочь гарнизону Ландау, но безуспешно. 18 июня австрийцы окружили крепость, которая продержалась до 9 сентября.

В тот же день, 18 июня, М.-Э. со своей армией сломил сопротивление гарнизона и овладел городом Ульмом. Оставив в его стенах 4-тысячный корпус, курфюрст Баварский отправил 10-тысячный отряд генерала д'Арко к горам Шварвальда. В задачу отряда входило соединение с французской армией

Виллара (см.), которая шла на помощь маршалу Катина. О движении М.-Э. узнал Людвиг Баденский. Он решил помешать соединению баварцев и французов, для чего перевел войска через Рейн на высоте Страсбурга, занял войсками все проходы гор Шварцвальда и стал на пути курфюрста Баварского. Решение Людвига Баденского было правильное, но ему следовало не медлить с атакой и раздавить М.-Э. до прихода французов. Но осторожный маркграф ограничился тем, что занял Гагенау и Бишвейлер и усилил наблюдение за проходами Шварцвальда.

Этим воспользовался Виллар, который в результате нескольких обходных движений и маневров 14 октября атаковал маркграфа Баденского при Фридлингене, разбил его армию и заставил отступить к Штауфену, а сам соединился с М.-Э., на чем из политических соображений особенно настаивал Людовик XIV (он опасался потерять единственного своего союзника в лице М.-Э.).

В следующем, 1703 г., имперцы запланировали уничтожить армию М.-Э. и захватить его владения. Главной же целью Людовика XIV было во что бы то ни стало поддержать единственного союзника, оказывая ему помощь в самой Германии. Численность армии М.-Э. к началу военных действий этого года достигала 52 тыс. человек. Но около половины ее составляли гарнизоны, разбросанные по нижнему Инну (в Ингольштадте, Неймарке и др. местах).

Положение М.-Э. становилось слишком шатким. Он был готов выйти из войны и занять нейтральную позицию к воюющим сторонам. Но Людовик XIV при любом удобном случае напоминал ему о союзнических обязательствах. М.-Э. начал военные действия в начале февраля. Пользуясь тем, что Виллар

отвлек на себя значительные силы австрийцев на верхнем Дунае, курфюрст Баварский с 12-тысячным войском, сосредоточенным в Браунау, выступил к Пассау и при селении Зикхардинге 11 марта атаковал и разбил 10-тысячный австрийский отряд Шлика. Очередная победа М.-Э. при Эмгофе (28 марта) над австрийскими войсками Штирума заставила имперцев сосредоточить свои силы у Дуная.

Узнав об этом, Виллар снова поспешил на выручку курфюрсту Баварскому и 10 мая у Ридлингена соединился с ним. При личном свидании французский маршал предложил М.-Э. дерзкий план: соединенными силами (60-тысячная армия), пользуясь отвлечением австрийских войск на Венгерское восстание, долиной Дуная двинуться прямо на Вену и захватить столицу империи. Сначала М.-Э. горячо поддержал этот план и даже согласился его осуществить. Но потом, опасаясь движения имперцев в собственные владения, отказался.

14 июня он расстался с французами и во главе 24-тысячной баварской армии начал наступление к Тиролю. Здесь он последовательно овладел крепостями Куфштейном (18 июня), Инсбруком (22-го). Ротенбургом, Шарницею и Эренбергом. 26 июня армия М.-Э. достигла Миттенвальда, где курфюрст расположился лагерем. Здесь он надеялся дождаться армии Вандома, войска которого находились у Мантуи. Но 21 августа он получил известие о движении в свои владения Шлика и о переходе его через Инн. М.-Э. тут же повернул свою армию назад и вернулся в Мюнхен.

Австрийский план выведения из войны курфюрста Баварского все еще оставался в силе. Людвиг Баденский оставил против Виллара 20-тысячный

корпус Штирума, а сам переправился с основными силами через Дунай и направился к Аугсбургу. 5 сентября он занял этот город, несмотря на попытки французов помешать ему в этом. Наведя мосты через р. Лех, маркграф Баденский выслал многочисленную кавалерию в Мюнхен. М.-Э. встревожился и тут же выступил из столицы к Аугсбургу. 19 сентября у Донауверта он соединился с Вилларом. На следующий день при Гохштедте произошло сражение между союзными войсками и австрийцами. Только к 10 часам утра М.-Э. и маршал Виллар прибыли к войскам, которые безуспешно пытались отбить атаки превосходящих сил противника. С появлением командующих положение исправилось. Объединенными силами союзники обошли левый фланг имперцев и атаковали их так энергично, что те поспешно начали отступать к Нордиленгу, а оттуда — к Аугсбургу, где находились главные силы маркграфа Баденского.

22 сентября М.-Э. и Виллар двинулись туда же через Донауверт, Вертинген, Бибербах и 26-го достигли Герстгофена, недалеко от Аугсбурга. Однако, видя перед собой превосходящие силы противника, они не решились на атаку. На р. Лех для прикрытия Баварии был оставлен 19-тысячный отряд, на чем настоял М.-Э. С остальными силами оба командующих начали наступление на Иллер и овладели Меммингеном. Здесь между ними произошло разногласие. Французский маршал предлагал немедленно атаковать маркграфа Баденского, пока тот не соединился с подкреплением. М.-Э. не согласился с этим планом, предпочитая крепостную войну (осаду крепостей). Из-за возникшего противоречия они развели свои армии, и М.-Э. приступил к осаде Кемптейна, который сдался ему 16 ноября. Тем вре-

менем французская армия громила имперцев под Ландау, у р. Шпейрбах, чем в немалой степени способствовала успехам М.-Э. на другом участке фронта. Под занавес военных сражений этого года курфюрст Баварский осадил и захватил Аугсбург (с 3 по 16 декабря).

1704 г. оказался для него, как полководца, трагичным. 29 мая у Донауверта его 32-тысячная баварская армия соединилась с французской армией маршала Марсена. Отсюда они планировали совместными силами наступление на армию маркграфа Баденского, успевшего захватить Мескирх. После нескольких маневров армия Марсена расположилась у Ульма, а армия М.-Э. — в укрепленном лагере у Лаувингена. 22 июня к Ульму подошел герцог Мальборо (см.), где соединился с армией маркграфа Баденского. Здесь они приняли решение вторгнуться в Баварию, чтобы отрезать ее от остального театра военных действий. 5 июля Мальборо и Людвиг Баденский, разгромив у Шелленберга 10-тысячный передовой отряд баварцев под командованием д'Арко, заняли Донауверт. М.-Э. поспешно отошел к Аугсбургу, а затем к Фридбергу. Здесь 3 августа к нему на помощь с французской армией подошел Таллар. Французско-баварская армия покинула аугсбургский лагерь и заняла позиции между Бленгеймом — Обер-Клау — Люцингеном. А 13 августа состоялось сражение при Гохштедте (см. МАЛЬБОРО, битва при Бленгейме).

Объединенная французско-баварская армия потерпела жестокое поражение. Маршал Таллар был захвачен в плен, М.-Э. бежал в Бельгию, а Марсен отвел жалкие остатки французской армии к Страсбургу. Победа при Гохштедте отдала в руки союзников (австрийцев и англичан) всю Баварию. Теперь

владения М.-Э. перешли к Австрии, с которыми она расправлялась как с покоренной страной и которые, после ряда восстаний в Баварии, страшно угнетала.

М.-Э. стал правителем-эмигрантом, потерявшим свои земли и не получившим обещанных испанских Нидерландов. Не теряя надежды вернуть себе обратно Баварию, он в 1706 г. возглавил французские войска, но был разбит англо-голландскими войсками Мальборо при Рамильи и потерял Брабант. Лишь после Раштатского мира (1714 г.) курфюрсту Баварскому были возвращены его владения взамен Бельгии, Милана, Неаполя и Сардинии, полученных Австрией. В последний период своей жизни М.-Э. усиленно старался ограничить власть земских чинов Баварии, в чем проявилось его стремление к обретению абсолютного правления.

МАЛЬБОРО ДЖОН-ЧЕРЧИЛЬ (1650—1722), герцог Marlborough, английский полководец.

Весьма знатного происхождения, М. имел очень поверхностное образование и вряд ли смог бы возвыситься и прославиться. Помогла ему начать блистательную карьеру сестра. Благодаря ее связи с герцогом Йоркским, впоследствии королем Яковом II (см.), М. приобрел в лице последнего сильного покровителя. Герцог Йоркский оказал содействие М. в приобретении патента на чин офицера в одном из гвардейских полков. Произошло это в 1670 г.

Первое же боевое крещение М. получил при осаде Танжера. Затем он воевал во Франции, где британские войска (во время 2-й нидерландской войны) действовал под командованием принца Конде-Великого (см.) и Тюрення. При осаде Нимвегена М. своей активностью и сообразительностью обратил на себя внимание Тюрення. Можно считать этот момент в биографии будущего герцога Мальборо отправным в его стремительном взлете к вершинам полководческой славы.

В 1673 г. за отличие при Маастрихте Людовик XIV лично высказал свою признательность и благодарность М. в присутствии всех войск. Он также направил о нем свой отзыв английскому королю, в котором восхищался отвагой и героизмом М.

В 1675 г. состоялось почти триумфальное возвращение М. на родину. Будущая карьера была обеспечена. В этом же году он женится на Сарре Дженнингс — женщине, оказавшей немаловажное влияние на военную карьеру своего честолюбивого супруга. Но многим М. обязан и своим личным качествам: он был очень красив, красноречив, храбр,

имел прекрасные манеры и, что немаловажно, был скромн.

В 1678 г. М. получил командование сперва пехотным полком, а потом бригадой в составе корпуса герцога Монмута, направленного во Фландрию. А в 1679 г. именно М. сопровождал изгнанного из Англии герцога Йоркского, будущего короля Якова II, в Гаагу и Брюссель. После возвращения в Англию герцог Йоркский в знак своей глубокой благодарности и признательности наградил М. званием баронета и назначил его командиром гвардейского конного полка, а в 1685 г., после вступления на английский престол под именем Якова II, он пожаловал М. звание пэра с титулом лорда Сэнндриджа. М. был отправлен посланником короля во Францию. М. было поручено усмирить восстание, организованное герцогом Монмута. Он с этой задачей успешно справился. В награду за это М. был произведен в генерал-майоры.

Однако приверженность к протестантству вскоре стала причиной опалы М. и навлекла на него немилость короля, покровительствовавшего католикам. М. тогда перешел на сторону герцога Оранского, ставшего в 1688 г. английским королем под именем Вильгельма III. При новом короле Черчилль получил титул герцога Мальборо и чин главнокомандующего вооруженных сил. Не замедлили проявиться и его полководческие дарования. Это случилось в сражении при Валькуре (1690 г.), где М. командовал союзными войсками. Затем он успешно действовал в Ирландии против яковитов (сторонников короля Якова II), которых разбил в нескольких битвах, принудил у сдаче сильные гарнизоны Корна и Кинселя.

После возвращения в Лондон М. вместе с лордом Годольфином наладил контакт с Яковом II с целью

возвращения ему престола. Но попытка переворота оказалась неудачной. 5 мая 1692 г. М. был арестован, обвинен в государственной измене и заточен в Тауэр.

Началось судебное разбирательство. В результате которого лорды не нашли достаточных оснований для обвинения герцога М. в государственной измене. Но скорее всего они и не хотели их искать. Тонкий политический ход «М. — друг лучше, чем М. — враг» взял верх над государственной справедливостью. К тому же, по ту сторону Ла-Манша, в континентальной Европе назревал очередной конфликт, очень скоро вылившийся в войну за Испанское наследство.

После смерти Карла II (1 ноября 1700 г.) Людовик XIV, вопреки Гаагским трактатам*, признал за-

* Разгоревшийся еще при жизни короля Карла II Испанского спор между венским и версальским дворами поначалу предполагалось решить мирным путем. Дейтельное участие в этом приняли Англия и Голландия. Обе морские державы не хотели допустить к преобладанию в Испании любого из европейских государств. Поэтому они хотели разделить Испанию между всеми троими (а после смерти сына Макса-Эммануила Баварского — двоими, сыном Леопольда I Австрийского эрцгерцогом Карлом и внуком Людовика XIV Филиппом Анжуйским) претендентами. Людовик XIV выразил свое согласие по поводу подобного проекта и 11 октября 1698 г. в Гааге был подписан трактат между Англией, Голландией и Францией. Но после смерти баварского принца переговоры возобновились и привели к новому договору (13 марта 1700 г.), по которому участниками раздела являлись только два остальных претендента.

вещание покойного короля действительным* и провозгласил внука королем Испании. 23 января 1701 г. Филипп V прибыл в Испанию. Повсюду ему был устроен восторженный прием. Иностранные государства, за исключением Австрии, не желавшей отказываться от своих наследственных прав, готовы были смириться со свершившимся фактом. Но дальнейшими своими действиями Людовик XIV настроил против себя почти всю Европу. Англия с Голландией согласны были на воцарение Филиппа V в Испании при условии полной независимости последней. Но Людовик XIV провозгласил Филиппа V и наследником французского престола, тем самым показав, что считает интересы своей страны и Испании тождественными. Действия же французского короля относительно испанских Нидерландов являлись прямым нарушением Рисвикского мира: заключив союз с Максом Эммануилом (см.), курфюрстом Баварским и штатгальтером испанских Нидерландов, он побудил его изгнать (не без помощи французских войск) голландские гарнизоны из бельгийских крепости. После этого французские войска уже в открытую заняли портовые города Остенде и Ньюпорт. Мало того, в Англии очень скоро стало известно намерение Людовика XIV закрыть

* Карл II Испанский Габсбург еще при жизни назначил своим наследником Иосифа-Фердинанда, принца Баварского. Но после его смерти под жестким нажимом французской партии был вынужден переписать завещание в пользу французского претендента — Филиппа Анжуйского. Несмотря на эту несправедливость и подписанные в Гааге соглашения, Людовик XIV объявил своего сына королем под именем Филиппа V.

доступ в южноамериканские гавани для английских и голландских кораблей и оставить их открытыми только для французских и испанских. Наконец, стало известно тайное намерение французского короля способствовать получению английского трона сыну Якова II Стюарта. Последнее было решительным вызовом в отношении Англии.

Под влиянием всех этих обстоятельств в миролюбиво настроенном общественном мнении Англии совершился переворот: между парламентом и Вильгельмом III произошло сближение на почве воинственной политики. Король призвал к себе герцога М. (спустя два года после попытки дворцового переворота и заключения под стражу, а затем освобождения), который был произведен в полные генерал и назначен главнокомандующим английскими войсками в Голландии. Но самое главное — на М. были возложены обязанности по ведению переговоров с целью создания военной коалиции против Людовика XIV, самовластно распорядившегося вакантным тронном Испании.

Поручение было выполнено М. с большим успехом, переговоры прошли на высоком дипломатическом уровне. В результате их 7 сентября 1701 г. против Людовика XIV был заключен союз между Англией, Голландией и Австрией (позже к нему примкнули Дания, курфюрст Бранденбургский, большая часть князей Германской империи, Португалия и Савойя, ранее находившаяся в союзе с Францией). За этот успех герцог М. был произведен королевой Анной в генерал-фельдцейхмейстеры и пожалован орденом Подвязки. Незадолго перед тем умер Вильгельм III Оранский (8 марта 1702 г.). Перед смертью он завещал своей наследнице во всем следовать советам М. С этого времени герцог М. и

его жена Сарра Дженнингс, герцогиня Мальборо, полностью завладели доверием королевы Анны и стали оказывать огромное влияние на ее внутреннюю и внешнюю политику.

Благодаря влиянию великого пенсионария Голландии Гейнзиуса М. был назначен генералиссимусом англо-голландских войск. Кампания 1702 г. оказалась бесцветной для полководца. Стремление М. к решительной развязке в открытом поле встречало непонимание и сопротивление со стороны голландского правительства, довольствовавшегося успехами в крепостной войне.

В 1703 г. военные действия союзников начались с того, что 9 февраля голландский генерал Лонтум захватил крепость Рейнсберг. После этого союзническая армия М. 24 апреля осадила Бонн. Несогласованность английского и голландского командования по-прежнему не давала М. действовать более решительно. 15 мая Бонн сдался, а спустя десять дней М. выступил из Маастрихта с намерением отрезать французские войска от Антверпена, чтобы затем приступить к осаде этого города. Однако в его планы снова вмешалась несогласованность с голландцами. М. был вынужден отказаться от захвата Антверпена и 19 августа приступить к осаде крепости Гюи. 6-тысячный гарнизон капитулировал перед ним через неделю.

Даже за столь мелкие победы герцог М. был щедро награжден. Голландское правительство пожаловало ему герцогский титул и значительное денежное вознаграждение. Но М. все равно тяготился инертностью нидерландских штатов, поэтому весной 1704 г. он оставил часть войск для обороны Нидерландов, а с остальными силами решил двигаться по левому берегу Рейна на соединение с имперской

армией. К началу мая он был уже в Маастрихте, из которого выступил 16 мая и через Буа-ле-Дюк и Рормонд направился к Бонну. На этом пути к М. должны были присоединиться контингенты Люнебурга, Ганновера и Гессена, что увеличило бы численность его войск вдвое.

23 мая М. достиг Бонна, а 25-го — Кобленца. Командующий французской армией во Фландрии маршал Виллерау разгадал намерение герцога М. Поэтому он разделил свою армию на две части и расположил их так, чтобы преградить путь войскам герцога. А М. достиг тем временем Неккара (3 июня) и расположился лагерем у Ладенбурга. Этот маневр, а также наведение моста у Филиппсбурга навели французское командование на мысль, что М. покушается на Ландау. Поэтому Виллерау занял позицию у Люксембурга, а Таллар — у Лаутербурга. 22 июня войска М. соединились у Ульма с армией Людвига Баденского, а 11 августа у Шенфельда к ним присоединился Евгений Савойский (см.) во главе 16-тысячной армии.

13 августа последовала битва при Гохштедте, в результате которой французо-баварские войска понесли тяжелое поражение, а Макс-Эммануил Баварский (см.) к тому же потерял свое владение. В награду за поход 1704 г. герцог М. получил национальный дар в виде поместья, а германский император пожаловал ему титул владетельного принца Миндельсгеймского. В 1705 г. он снова был отозван в Нидерланды. Но здесь активные действия М. опять были скованы голландским правительством и ограничились лишь маневрами и демаршами против французской армии.

Военные действия начались только 15 мая. М. переправился у Визе через Маас и двинул свою ар-

мию к Мозелю, который преодолел 3 июня у Игеля и 14-го подошел к Елендорфу во главе 90-тысячной армии. Маршал Виллар имел в своем распоряжении всего 55 тыс. человек. Но, тем не менее, М. не решился его атаковать и в ночь с 16-го на 17-го отошел к Триру. Он ожидал подхода армии Людвига Баденского. Но последний двигался так медленно, что М. успел сняться с лагеря и через Дальгем пошел к Маасу, где 18 июля у Вангена благодаря искусно выполненному ложному маневру разгромил 15-тысячный французский корпус, а всю неприятельскую армию заставил отойти за р. Диль. Но после неудачной попытки атаковать главные силы маршала Виллерау, М. отступил к Боссю, где задержался на две недели. Не отказавшись от атаки на французов, 15 августа М. двинулся к Брэнд-Лалледу. Тем временем французы подошли к Суанскому лесу и заняли позицию, которую через 110 лет будет держать в обороне герцог Веллингтон (см.).

Герцог М. отказался атаковать французов на этой позиции и 19 августа отошел к Ваавру, а затем к Аршоту, где и расположился лагерем.

Звездный час М.-полководца наступил в следующем году. Военные действия начались переходом французской армии через р. Диль (19 мая 1706 г.). Англичане и голландцы возвратились с зимних квартир и соединились в Лоо. Маршал Виллерау предполагал, что М. направится к Намюру. Поэтому он предпринял марш и занял позицию у Рамильи, где 23 мая произошло решительное сражение. Французы проиграли его и в беспорядке отступили сначала к Лувену, а затем к Брюсселю.

М. начал преследование отступающих остатков армии противника. 25 мая он переправился через р. Диль, а 26-го был во главе своей армии у Брюсселя.

Французы вынуждены были оставить Брюссель, перейти через р. Шельду и расположиться между Гентом и Сен-Дени. Герцог М. следовал за ними неотступно. 31 мая его армия приблизилась к Генту, что вынудило французов отступить еще дальше, вплоть до Курте. Только здесь они смогли наскоро перегруппировать свои силы и получить подкрепление, увеличив численность армии до 32 тыс. человек. Но и тогда войска М. превосходили французов по численности в два раза.

Преследуя неприятеля, М. подчинял себе все наиболее значительные города и укрепленные пункты Брабанта и Фландрии. 2 июня ему сдались Уденард и Брюгге, 6-го пал Антверпен, а 26-го началась осада Остенде, сдавшегося 6 июля на милость генералиссимуса. 4 августа был осажден Менин, а 25-го город капитулировал перед М. В тот день, когда союзные войска приступили к осаде Менина, к французским войскам прибыл новый главнокомандующий маршал Вандом. Однако со слабой и дезорганизованной армией он не мог остановить успехов такого выдающегося противника, как герцог-генералиссимус М. Под занавес кампании 1706 г. М. завладел еще двумя крепостями — Дендермонд (с 27 авг. по 6 сент.) и Ат (с 6 сент. по 2 окт.).

Победы М. в кампании 1706 г. вызвали в Англии такой же восторг, как двумя годами раньше победа при Гохштедте. Герцогу-генералиссимусу было предложено звание штатгальтера Бельгии, которое он сначала принял, но потом (видя опасения генеральных штатов) отклонил.

К началу мая 1707 г. М. сосредоточил свои войска в окрестностях Брюсселя. В этот момент под его командованием находились 76 тыс. человек. 80-тысячная армия маршала Вандома располагалась у Мон-

са. Когда 26 мая М. подошел к Суанскому лесу, Вандом переместился к Линьи и оказался на фланге англо-голландской армии. Это могло позволить французскому главнокомандующему отрезать ее от Мааса и пресечь ее коммуникационную линию с Брабантом. Генералиссимус М. рассчитывал атаковать французов у Нивеля, но вовремя заметил угрожавшую его армии опасность и поспешно отошел к Тирлемону, чтобы прикрыть Брабант от возможного вторжения армии Вандома.

С 1 июня по 10 августа противники находились в бездействии, но в последний день М., узнав об ослаблении сил Вандома, который вынужден был отправить 8-тысячный корпус для усиления тулонского гарнизона, перешел р. Диль с намерением обойти левый фланг французов. Но Вандом сразу же отреагировал на передвижение противника и отошел к Зенефу. М. остановился у Нивеля. После нескольких бесполезных маневров армии разошлись на зимние квартиры.

Как и в предыдущем году, англо-голландская армия с зимних квартир двинулась к Брюсселю. Кампания началась передвижением М. к Монсу (26 мая). 1 июня французы находились в 12 верстах от его левого фланга и уже намеревались атаковать противника, но М. поспешил отвести войска к Лувену. Лишь спустя неделю М. выступил к Генту и расположился у Аша, где соединился с принцем Евгением (см.) и двинулся к Уденарду. Здесь разыгралось сражение, окончившееся полным поражением французской армии, которая в полной панике отступила к Генту.

После Уденардской битвы принц Евгений 14 августа приступил к осаде крепости Лилль, а М. расположил свои войска таким образом, чтобы прикры-

вать союзника от маршала Бервика, находившегося у Конде и стремившегося на соединение с Вандомом. Однако Бервику все-таки удалось прибыть в Энгийен и соединиться с Вандомом. Только вмешательство военного министра Шамильяра в ход боевых действий привело к тому, что французы не смогли вынудить противников снять осаду Лилля, который пал 8 декабря.

В кампании 1709 г. генералиссимус М. снова действовал совместными силами с принцем Евгением. Главным событием в боевых операциях этого года стал переход союзников через р. Шельду и их движение к Монсу. Маршал Виллар тоже совершил переправу через эту реку с целью атаковать противников во время их движения к Монсу. 9 сентября он занял позицию у Мальпляке (см. ВИЛЛАР), где 11 сентября 1709 г. был наголову разбит союзниками и ранен в сражении.

Поход 1710 г. был неудачен для генералиссимуса М. В одночасье были забыты все бывшие заслуги. Вместо прежних торжеств и восхвалений М. подвергся унижениям и оскорблениям. Возбужденное общественное мнение против него отразилось в английской печати появлением резких памфлетов. Среди авторов этих памфлетов был и Дж. Свифт. Уступая просьбам Евгения Савойского, герцог М. снова отправился в Нидерланды. И военная кампания 1711 г. оказалась последней в его жизни. Располагая недостаточными для решительных действий силами, генералиссимус искусным маневром обманул Виллара, перешел у Витри р. Скарпу, а затем прорвал у Арле и Обиньи французскую укрепленную линию и после продолжительной и трудной осады взял крепость Бушен. А тем временем враждебное М. торийское министерство всту-

пило в тайные переговоры с ненавистным ему Людовиком XIV. В результате этих переговоров 1 января 1712 г. последовала отставка М. с поста главнокомандующего королевским указом. Тем же указом он был отстранен и от всех прочих занимаемых должностей. М. был предан суду по обвинению в растрате и приговорен к ежегодной уплате в королевскую казну 15 тыс. фунтов стерлингов.

Гром грянул над головой М. не в одночасье. Темные тучи сгустились над ним и его супругой постепенно. Герцог М. Отправился на континент воевать за Испанское наследство, а преданный его друг лорд-казначей Годольфин руководил внутренней политикой Англии. В течение восьми лет обоим деятелям, М. и Годольфину, удавалось работать вместе с беспрецедентным успехом. Благодаря влиянию графини Мальборо расположение королевы было на их стороне. И не случайно. Ведь Сарра Дженнингс, герцогиня Мальборо (1660—1744) с самого детства была подругой младшей дочери герцога Йоркского Анны, а после вступления той на престол была назначена первой почетной дамой двора и мейстеринной гардероба. Вспыльчивая и энергичная, она очень долго властвовала при английском дворе.

Кабинет М. и Годольфина получал все больше вигистскую окраску вследствие нерасположения к ним тори и их нежелания воевать. В это же время Гарлей с помощью придворной дамы Машам начал интриги у королевы против мужественного герцога М. и его супруги, имевшей тиранические замашки. И пока М. находился в походе 1709 г., в Англии произошел кризис: Годольфин вынужден был оставить свой пост, и Гарлей вместе с Сент-Джоном Болинброкком образовал торийское министерство.

После суда глубоко оскорбленный герцог М. по-

кинул Англию, уехал на континент и стал свидетелем постыдного, с его точки зрения, Утрехтского мира. По этому же миру герцог М. потерял и подаренное ему Миндельгеймское княжество.

На родину он возвратился лишь после смерти королевы Анны (1714 г.) и восшествия на престол нового короля Георга I. Он решил посвятить свою дальнейшую жизнь служению этому монарху. Георг I восстановил герцога М. в утраченных им военных званиях. Но долго М. уже не смог принимать активного участия в государственных делах: в 1716 г. его разбил паралич. Герцог М. всю свою жизнь был одинаково неутомим как полководец и как дипломат, смел, настойчив и хладнокровен. И только страсть к деньгам погубила его репутацию.

Среди ложного методизма, превращавшего военные операции того времени в бесплодные маневры и нескончаемую крепостную войну, энергичный и стремительный от природы М. хотя и уступал в полководческом даровании своему великому другу принцу Евгению Савойскому, все же выгодно отличался от общей массы генералов прогрессивным для того времени пониманием полевого боя. Для этого он обладал редким умением быстро схватывать обстановку, пользоваться ошибками противника и мастерски употреблять все роды войск. Очень религиозный человек, М. любил своих солдат и заботился о них, и солдаты платили ему тем же.

Титул и имения герцога М. перешли в наследство к его внуку по дочери, Чарльзу Спенсеру, графу Сендерланду. И этот М. отличился как полководец. Он сражался при Деттингене, а в 1758 г. был главнокомандующим британских вспомогательных войск в армии Фердинанда Брауншвейгского. Джон-Уинстон Спенсер-Черчилль, седьмой герцог М. (1822—

83), являлся ревностным поборником высокой церкви, в пользу которой в 1858 г. провел билль, названный его именем. В 1876—80 гг. был вице-королем Ирландии. Большую известность приобрел его младший сын лорд Рэндольф Черчилль, сыном которого, в свою очередь, являлся Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874—1965), английский премьер-министр, дважды формировавший кабинет правительства (в 1940—45 и в 1951—55 гг.)

МАХМУД-ШЕФКЕТ-ПАША, см. ШЕФКЕТ-ПАША.

МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ (1670/73—1729), фаворит Петра I и Екатерины I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727).

Точный год и дата рождения М. неизвестны. По одним источникам, он родился 6 ноября 1673 г. в окрестностях Москвы (по Батыш-Каменскому); по другим — в 1670 г. (по Голикову). Не вполне понятно и происхождение М. По словам одних историков, его отец был придворным конюхом (эта версия наиболее распространена в настоящее время); по утверждению других — капралом Петровской гвардии. Существует также предположение, что в молодости М. продавал на улицах Москвы пироги. В биографиях М., написанных в XIX в., наиболее распространена версия о том, что он перешел к Петру I от Лефорта. Красивый бойкий мальчуган, обычно предлагавший свой товар с какими-нибудь остроумными прибаутками, обратил на себя внимание Лефорта. Тот взял М. к себе в услужение. Петру, который часто бывал у своего тогдашнего любимца, тоже понравился сообразительный проворный мальчик, и он захотел взять его к себе.

В грамоте 1707 г. говорится, что М. взят к царю «с юных лет». Они были почти одногодки, одинакового роста — царь Петр и его денщик. Это событие относится к 1686 г. М. сначала получил должность камердинера и, находясь безотлучно при Петре, тщательно выполнял все поручения и никогда не пускал в ход отговорок. Он хранил все тайны, которыми делился с ним молодой царь, и с редким терпением покорялся его вспыльчивости. Поэтому доверие Петра к М. росло и вскоре превратилось в тесную дружбу. Царь записал его в роту Потешных, составленную исключительно из дворян.

С 1696 г. М. неразлучен с Петром. Вместе с ним он совершает Азовский поход, а в следующем году раскрывает заговор против своего покровителя, чем доказывает ему свою безграничную преданность. В звании дворянина он отправляется с Петром за границу, путешествует по Пруссии, Англии, Германии и Голландии, где вместе с царем обучается кораблестроению (с 30 августа 1697 г. по 15 января 1698 г.). Он ежедневно ходит на работу с топором за поясом. За прилежание и успехи М. получает письменную грамоту от плотника Поола.

15 июля 1698 г. Петр готовится сесть в карету для отъезда из Вены в Венецию. Но письмо из Москвы от князя-кесаря разрушает его планы: Ромодановский пишет о восстании четырех московских стрелецких полков. Если весной в Москву приходили 175 «смутьянов», то теперь все полки в полном составе идут к ней бунтом с северо-западной границы. Петра охватила ярость. Он с трудом переносит дипломатические проволочки, споры венских и московских дипломатов о деталях церемониала прощальной аудиенции, которая чуть было не сорвалась. Последовал обмен визитами между императором и Петром, 19 июля царь принял австрийского наследника и во второй половине дня, к огромному удивлению всей Вены, сел со свитой в пять колясок и уехал, но не в Венецию, а в Москву.

Он прибыл в Москву 25 августа. Стрелецкий бунт был подавлен, и М. принимает активное участие в стрелецком розыске, исполняя важные поручения самого Петра. После этих событий начинается стремительное возвышение М., его влияние начинает перевешивать даже влияние Лефорта. Петр жалует ему чин сержанта Преображенского полка.

В начале июля 1700 г. Россия заключает 30-лет-

нее перемирие с Турцией и начинает готовиться к войне со Швецией за выход к Балтике. Еще годом раньше Петр заключил перемирие с Польшей и ее королем Августом против Карла XII.

После поражения в битве под Нарвой М. участвовал вместе с Петром в действиях русской армии в Ингрии. Здесь он высказал большую храбрость и недюжинную военную способность. В награду Петр произвел М. в поручики бомбардирской роты, после взятия в 1702 г. Нотебурга он назначил своего любимца комендантом этой крепости, а позже и губернатором вновь завоеванных областей. М., которого царь Петр в письмах называл не иначе, как «Алексашеею, дитятею своего сердца», участвовал во взятии Нотебурга под началом фельдмаршала Шереметева. В этом сражении М. повел храбрых воинов на приступ под градом неприятельских пуль и картечи.

После победы и назначения М. губернатором Петр передал ему так называемую Ижорскую канцелярию и многие общегосударственные доходы. Желая засвидетельствовать свою личную благодарность, Петр сказал М.: «Ты мне этим не одолжен; возвышая не о твоём счастье я думал, но о пользе общей. Если б знал кого достойнее, то не произвел бы тебя».

В 1702 г. император Леопольд I пожаловал М. графское достоинство Римской империи. Талантливый и энергичный М. не останавливался ни перед чем ради удовлетворения возникших вследствие войны государственных нужд. Его быстрые, решительные действия вполне соответствовали кипучей энергии самого Петра. Лишенный всякого, даже элементарного образования (он едва мог подписать свое имя), М. восполнял этот недостаток природной

сообразительностью, еще более развившейся в том ответственном положении, которое ему довелось занять.

В 1700 г. началась Северная война между Россией и Швецией. В 1703 г. М. участвовал во взятии Ниеншанца (1 мая) и нескольких шведских судов у устья Невы. В последнем сражении принял участие сам Петр. За храбрость и мужество, проявленные М. в этих битвах, он был награжден орденом св. Андрея Первозванного, пожалован первым губернатором Санкт-Петербурга. За содействие в завоевании Дерпта, Нарвы, Ивангорода награжден был чином генерал-поручика (1704). За победу над 9-тысячным отрядом шведов, намеревавшимся под командованием генерала Майделя овладеть Петербургом, М. был награжден званием генерал-губернатора Нарвского и всех завоеванных земель, а также генералом над русской кавалерией.

В 1705 г. М. был отправлен в Литву (совр. тер. Беларуси, входившей в состав Великого княжества Литовского), где к тому времени сосредоточились боевые действия против шведов. Здесь он действовал в качестве помощника фельдмаршала Огильви, командуя кавалерией, а затем (с 1706 г.) в качестве самостоятельного главнокомандующего русской армии. В том же году (1705) М. получил польский орден Белого Орла, а в следующем году — диплом на достоинство князя Священной Римской империи. Тогда же польский король Август пожаловал его шефом Флеминского пехотного полка, который стал именоваться полком князя Александра.

Заслуги М. соответствовали наградам. Находясь в Польше во главе 10-тысячного войска, он одержал 18 октября 1706 г. знаменитую победу под Калишем над польско-шведским корпусом генерала Марде-

фельда. Это была первая крупная победа русских. Лагерь неприятеля был расположен на укрепленной позиции. Его окружали р. Просна и болота. М., усилив свои полки саксонцами и поляками, верными королю Августу, приказал казакам и калмыкам обойти шведов. Мардефельд вынужден был оставить выгодную во всех отношениях позицию. Начался бой, который продолжался более трех часов. Шведская пехота сначала потеснила русскую конницу и смешалась с ней. Но М., спешив часть своих драгун, возобновил битву. Поляки впервые отступили, а шведы продолжали сражаться до самой ночи. Однако они были опрокинуты русскими и обратились в бегство. Потери генерала Мардефельда составили 5 тыс. человек. Сам командующий, 142 штабных и обер-офицеров, около двух тысяч рядовых были захвачены в плен. Три пушки, 26 знамен и 400 ружей стали трофеями М., который потерял всего 408 человек убитыми и ранеными.

Победа при Калише принадлежала исключительно полководческому таланту М., так как Август II был лишь зрителем на поле битвы, заключив к тому моменту тайное перемирие с Карлом XII. Петр пожаловал своему любимцу военачальнический жезл, украшенный большим изумрудом, алмазами, эмблемами и княжеским гербом в 3000 рублей. М. был также произведен царем в подполковники Преображенского полка.

В 1707 г. М. командовал конницей и передовыми войсками, расположенными в Польше, за что был пожалован действительным тайным советником, князем Ижорским. Не довольствуясь этими знаками благосклонности и будучи полностью уверенным в том, что он достоин большего, М. настойчиво убеж-

дал барона Гизена исходатайствовать ему достоинство курфюрста. Но Гизен, получивший в том же году портрет Петра Великого без крупных бриллиантов, удержанных самим же М., отказался от поездки в Вену для ходатайства. Тогда гетман Потей, маршал Волович, воевода Троицкий и многие другие польские вельможи засвидетельствовали дворянское происхождение князя Ижорского. На вершине своих почестей М. никогда не смущался перед самыми высокими сановниками государства. Он подавлял своим могуществом генерал-адмирала Апраксина и управляющего польскими делами князя Головнина, первый из которых был подполковником гвардии Семеновского полка, а второй — Верховным комнатным в то время, когда сам М. не имел еще никакого значения. Один лишь Шереметев, боярин с 1682 г. и генерал-фельдмаршал, не преклонялся перед ним, когда М. был поручиком бомбардирской роты.

Свои полководческие дарования, а также энергию и храбрость настоящего воина М. проявил в битве при Лесной (28 сентября 1708 г.), в которой был наголову разбит шведский генерал Левенгаупт, шедший со своим корпусом на соединение с основными силами армии Карла XII.

В это время Петр получил известие об измене Мазепы и отправил М. разобраться во всем на месте. Когда М. раскрыл действительный заговор, он приступом овладел городом Батуриным (3 ноября), жестоко разорил его и перебил все население, включая стариков и младенцев. Он обратил в пепел прекрасный гетманский дворец, построенный в католическом стиле, 30 мельниц и многое другое. Он захватил имущество Мазепы, 40 пушек (кроме мортир). Нужно заметить, что М., подражая царю, не

уступал ему также в жестокости. В Полоцке, когда там стояла русская армия, во время одной из очередных попок Петр и его верный слуга развлекались тем, что в молебный час вошли в храм святой Софии и изрубили насмерть униатских священников, которые там находились. И подобные жестокости случались довольно часто в разных местах и в отношении к разным людям.

Занятый военными делами, Петр оставил М. после подавления мятежа Мазепы и взятия Батурина без награды. Однако в начале 1709 г. (9 февраля) Петр стал крестным отцом новорожденного сына М. Луки-Петра. Он пожаловал крестника поручиком Преображенского полка и дал в подарок 100 дворов. Но этот сын М. умер еще в малолетстве (в 1712 г.).

Слава ожидала М. и на Полтавском поле (27.06.1709 г.). Вытеснив из траншейных укреплений отряд шведов, он обратил его в бегство. В этом сражении М. также отвлек на себя внимание шведов, чем способствовал усилению гарнизона на 900 воинов. В день битвы М. со своим отрядом остановил стремительное наступление шведов, пробивавшихся через русские редуты. Тем самым было дано время коннице благополучно отступить. Под самим М. были убиты две лошади, и ему чудом удалось избежать печальной участи остаться лежать на поле битвы еще до ее окончания. Вслед за тем М. напал на генерала Рооса, отрезанного от шведской армии, и рассеял его отряд. После этого он принудил к сдаче отряд генерала Ранцеля. Столкнувшись с 3-тысячным резервным корпусом неприятеля, М. истребил его и возвратился к своему монарху с победой и пленными. «Россия обязана ему своим спасением», — сказал о М. Вольтер.

М., под которым была убита третья лошадь, со-

действовал победе стремительной атакой во главе русской кавалерии на шведскую конницу. Он обратил неприятеля в бегство. Фельдмаршал Шереметев, командовавший пехотой, которая находилась в центре, тем временем опрокинул штыками пехоту. Шведы устремились к Решетилровке, преследуемые князем Голицыным и Боуром. 1 июля М. атаковал неприятеля под Переволочной. С 10-тысячным отрядом он принудил 14-тысячное шведское войско сложить оружие. В числе пленных он доставил Петру генерал-аншефа и рижского генерал-губернатора графа Левенгаупта, генерал-майоров Крейца и Круза, генерал-адъютантов графов Дукласов и графа Бойда. Признательный монарх обнял М. перед войсками, несколько раз поцеловал в голову, превознося его отличительные подвиги, а 7 июля Петр пожаловал ему чин генерал-фельдмаршала, второго после Шереметева. Царь не хотел без М. торжественно въезжать в Москву.

15 декабря князь Ижорский прибыл в село Коломенское, где Петр I ожидал его. А 16-го жители древней столицы увидели своего возлюбленного монарха, рядом с которым по правую руку в мундире Преображенского полка и с обнаженной шпагой находился М.

В 1710 г. М. участвовал в осаде Риги, за что получил от Фридриха IV датский орден Слона. В 1711 г. князь Ижорский предводительствовал российскими войсками в Курляндии, а в 1712 г. — в Померании, где, хоть и находился под началом короля Польского, но имел от Петра тайное распоряжение следить за поступками и действиями Августа, который навлек на себя подозрения русского царя. В 1713 г. М. находился с войсками в Голштинии под командованием датского короля и участвовал во взятии крепо-

сти Тенингена (4 мая). Гарнизон, состоявший из 11 тыс. человек, сдался в плен, предоставив победителю 19 пушек, 128 штандартов и знамен, множество ружей и пистолетов. Фридрих IV подарил храброму полководцу свой портрет, осыпанный бриллиантами. После этого М., исполняя приказание Петра I, заключил две конвенции с Гамбургом и Любеком (5 и 15 июля). Города обязались заплатить российской казне в три срока за произведенную ими торговлю со шведами 233 333 таллера. Взятие Штетина увенчалось в том же году военными действиями М., командовавшего российско-саксонскими войсками. Он отдал завоеванную им 22 сентября крепость, принадлежавшую ранее Голштинии, в секвестр королю Прусскому. За это Фридрих-Вильгельм обязался заплатить России в годовой срок 200 000 рейхсталлеров и пожаловал М. орден Черного Орла.

На обратном пути в Россию М. во главе 20-тысячной русской армии взыскал с города Данцига 300 000 гульденов и прибыл в Санкт-Петербург в феврале 1714 г.

С этого момента заканчивается деятельность М. как полководца и начинается карьера государственного политика. Он сосредоточил свое внимание на вопросах внутреннего устройства государства. Благодаря близости к царю М. имеет отношение едва ли не ко всем государственным нуждам. Дальнейшему возвышению М. способствовало и то обстоятельство, что новым звеном во взаимоотношениях с Петром I стала Екатерина.

В те времена, когда Петр I только обдумывал планы против Швеции, в Ливонии чума губила народ. В одном из опустошенных приходов умерли священник и его домочадцы. Пастор Глюк, суперинтендант Мариенбурга, приехал навестить приход.

Войдя в дом умершего пастора, он увидел маленькую девочку, которая бросилась к нему с криком «Папаша». Маленькая Марта понравилась Глюку, и он решил взять ее в свой дом.

Однако в семье Глюка девочку воспитывали не как собственного ребенка, а как служанку. Ее даже не научили читать и писать. Немудрено, что пастор и его жена были недовольны, когда между хорошенькой статной и безграмотной девушкой и их сыном возникли отношения. Чтобы положить этому конец, Глюк решил выдать Марту замуж. Вскоре подвернулся и удобный случай в лице шведского драгуна Йоганна, который сделал предложение Марте, и Глюк тут же дал свое согласие.

С приближением к Мариенбургу русской армии шведы отступили, а город добровольно сдался победителю. В числе встречающих армию-победительницу находился и пастор Глюк со своими домашними. Была с ними и Марта, муж которой ушел вместе со шведами. Она приглянулась русскому главнокомандующему фельдмаршалу Шереметеву и вскоре оказалась в Москве. У Шереметева Марту и увидел М. Он уговорил фельдмаршала уступить пленницу ему. Очень скоро М. настолько попал под влияние Марты Скавронской, что уже спустя несколько дней нельзя было сказать, кто в доме М. действительно слуга — властный ли любимец царя или жена шведского драгуна Йоганна.

Но у М. красивая ливонская пленница оставалась недолго. Именно в доме М. Марту весной 1704 г. заметил царь Петр I, незадолго перед тем разошедшийся с Анной Монс. Царь стал чаще бывать у М., а вскоре — спустя три дня — он сказал своему фавориту, что неплохо было бы приодеть Марту и дать ей все необходимое. Князю Ижорскому не на-

до было повторять дважды; он, прекрасно зная характер своего повелителя, понял, что это значит. Он приказал Марте собрать все пожитки, взять девушек для услужения и отправил в дом, в котором жил Петр. Такова была довольно пошлая, малообещающая завязка романа, получившего впоследствии громадное значение для последующей истории в России. Дочь простого лифляндского обывателя Самуила Скавронского оказалась таким же баловнем судьбы, как и бывший пироженщик. Живая и веселая, с большим природным тактом, она сумела так сильно привязать к себе Петра, что в 1711 г., отправляясь в Прутский поход, он решил тайно повенчаться с ней. В следующем году Екатерина Алексеевна, урожденная Марта Скавронская, была официально объявлена женой русского царя.

В лице Екатерины М. нашел себе неизменную заступницу перед царем. Оба выхваченные с самого низа общества, оба обязанные своим возвышением личному расположению Петра, окруженные со всех сторон врагами, они, естественно, должны были стать союзниками и поддерживать друг друга.

Нельзя сказать, чтобы М. с самого начала предвидел будущее значение Екатерины. Втайне он мечтал о том, чтобы выдать за Петра одну из своих сестер, Анну Даниловну (другая сестра, Марья Даниловна, в 1703 г. была выдана за одного из графов Головинных). Но он оказался настолько благоразумен, что не стал противодействовать связи Екатерины и царя.

В свою очередь, царь Петр I способствовал женитьбе М. на великой княжне Дарье Михайловне Арсеньевой в 1706 г. Он познакомил своего фаворита с сестрами Арсеньевыми в Преображенском, где с ними жила его сестра Наталья. Из троих сестер —

Дарья, Варвары и Аксиньи — М. приглянулась первая. И в браке с ней он никогда не раскаивался. В лице жены он нашел верную подругу жизни, окружавшую его самыми нежными попечениями. Подобно Екатерине она была, что называется, полковой дамой. Дарья Михайловна переносила все тяготы походной жизни, подвергаясь иногда даже личной опасности, а при случае совершала походы верхом. Когда частые передвижения войск заставляли М. разлучаться с женой, он писал ей с каждого перехода, с редким вниманием заботился о ее удобствах и осыпал подарками. Когда же, покончив на время с бивуачной жизнью, он вернулся в Петербург, то выписал туда же жену и зажил вместе с ней в своем новом великолепном доме на Васильевском острове с неведомой дотоле роскошью.

Жажда к роскоши и приобретениям иногда доходила у М. до гротескных форм и переходила в алчность. Она в конечном итоге и явилась основной причиной его трагической судьбы. Начиная с 1714 г. и до самой кончины Петра I М. почти не выходил из-под суда. Многочисленные следственные комиссии раскрывали его грандиозные злоупотребления. Но их разоблачения лишь поколебали доверие и расположение царя к М., не лишив его всецело влияния и власти. В лице М. Петр I дорожил одним из наиболее даровитых и преданных ему соратников. Как преданность царю, так и личные интересы М., тесно связанные с реформами, делали его врагом партии приверженцев старины. Следственные комиссии требовали от него отчета по всем издержанным суммам и часто налагали на М. громадные штрафы. Уплатив их, М. по-прежнему оставался генерал-губернатором Санкт-Петербурга, каждый день ездил в Военную

коллегию, в Адмиралтейство и сенат, не будучи еще тогда сенатором.

В конфликте Петра с сыном М. выступил на стороне царя. Впрочем, уже многие из его современников вряд ли основательно считали М. главным виновником гибели Алексея Петровича.

Лишь к концу царствования Петра I, после того, как известная история с Монсом* подорвала дове-

* 26 мая 1724 г. Екатерина была коронована императрицей с тем, чтобы после смерти Петра I она стала законной его преемницей. А всего через несколько месяцев в отношениях супругов произошла перемена. Петр уличил Екатерину в измене. Брат прежней его фаворитки Анны Монс, которая вышла замуж за генерала Балка и после была придворной дамой Екатерины, Монс-де-ла-Кроа, получал от императрицы столько знаков внимания, что это вскоре стало подозрительным. Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательного, отличавшегося изящными манерами камергера, завели дело слишком далеко. Услужливые приближенные тотчас доложили Петру об этих взаимоотношениях. Петр решил разоблачить виновных и страшно отомстить одному из них. Три дня он оставался в зимнем дворце, сообщив жене и придворным, что уехал. Внезапно появившись, он застал Екатерину и Монса сидящими на скамейке в уединенном уголке сада. Анна Балк находилась поблизости, что дало Петру основание полагать, будто бы она была поставлена на страже. Разгневанный император взял у Монса часы, перевел на них стрелку, чтобы было позже, и отправил домой. По дороге его арестовал Ушаков. Ревность довела Петра до крайности. Пока Монс был под следствием, Петр сам приносил ему пищу, не желая подпускать к нему посторонних.

рие царя к Екатерине, М., вновь уличенный в злоупотреблениях, подвергся серьезной опасности. Но смерть Петра I открыла ему дорогу к еще большей власти. Именно М. способствовал восшествию Екатерины I на российский престол (1725—27). При этой слабой и неспособной государыне он оставался истинным правителем государства. Верховный совет, учрежденный для того, чтобы положить конец

Сначала Монс был заключен в зимнем дворце, после чего его отправили в крепость. В первое время император хотел отдать его дело на суд государственных чиновников, но Остерман и граф П. Толстой на коленях умоляли его не делать этого, потому что в таком случае его дочерям от Екатерины не найти было бы женихов. Тогда было составлено дело о том, что Монс и его сестра Анна Балк брали взятки за ходатайства у императрицы за посторонних лиц, что отчасти имело место.

Монса казнили. Перед казнью Петр сказал ему, что сожалеет о случившемся. Монс умер, не пав духом. Перед казнью он передал исповедовавшему его духовнику часы с портретом Екатерины. После казни под подкладкой его платья нашли другой портрет императрицы, усыпанный бриллиантами.

Анне Монс было назначено 11 ударов кнутом, но ей дали лишь 5, после чего сослали в Сибирь. Мечь Петра Екатерине выразилась в том, что он повез ее посмотреть на отрубленную голову Монса. Ее провели так, чтобы платье коснулось эшафота. И все это время Петр пристально смотрел на нее, не сводя глаз. В личных и деловых бумагах Екатерины была произведена ревизия. Ее доходы прекратились, она даже вынуждена была занимать у своих фрейлин. Петр I собственноручно разорвал акт, которым назначал Екатерину наследницей престола.

самовластью М., очень скоро стал простым орудием в его руках. Чтобы упрочить свое положение, он попытался добиться с помощью русских штыков избрания на вакантный тогда престол курляндского герцогства, но попытка не увенчалась успехом.

Положение М. становилось все более шатким. И он предпринял другие меры к своей безопасности на случай смерти Екатерины I, которая к тому времени тяжело болела. После нее российский престол должен был унаследовать внук Петра, Петр II (сын убиенного Алексея Петровича). Замуж за него прочили Наталью Петровну, младшую дочь Петра от Екатерины. Но великая княжна умерла, нанеся тем самым удар по придворным и семейным планам. Находчивый Остерман (воспитатель Петра Алексеича) дал понять, что за Петра может быть посватана другая дочь Екатерины — Елизавета. Против этого довода не возражали, и сама императрица была не против этого брака. Однако возражение явилось со стороны М. Он поставил на вид неравенство лет 17-летней девушки и 11-летнего мальчика, мечтая лишь о том, как бы вместо одной совершеннолетней невесты подставить другую, такую же, несовершеннолетнему жениху — свою дочь Марию. С этой целью М. расторг помолвку дочери с Яном Сапегой.

После смерти Екатерины I на престол взошел 12-летний Петр II, и М. даже не предполагал, что его торжество и величие будут продолжаться всего четыре месяца. То, чего не сделали все происки врагов, чего не сделали все прежние ошибки и злоупотребления светлейшего князя, сделал каприз 12-летнего мальчика. М. вскоре сумел восстановить против себя малолетнего императора. Бывший пироженщик мало-помалу разучился гнуть спину пе-

ред кем бы то ни было. В юном императоре он видел только мальчика, которому он в качестве будущего тестя служит опекуном и от которого поэтому вправе требовать повиновения. Между тем, М. должен был бы знать решительный не по летам характер Петра II. Уже через несколько дней после смерти Екатерины I, 13 мая, Петр отчасти озадачил его словами: «Я лишился сегодня фельдмаршала». М. недоуменно посмотрел на молодого императора, а тот показал ему указ, в котором говорилось о назначении М. генералиссимусом.

Но не столько М. сам, сколько Остерман, воспитатель Петра II и сторонник партии Долгоруких, настаивал малолетнего императора против фаворита его деда. К тому же Петру II никогда не нравилась Мария Александровна Меншикова. Он отказался от нареченной ему невесты и приказал впредь не упоминать ее имени в его присутствии и при ведении церковной службы в церквях. Он не только перестал здороваться с М., но и спешил отвернуться при его появлении.

11 сентября 1727 г. М., конвоируемый капитаном Пырским и 120 гвардейцами, отправился на место назначения в город Раненбург, в ссылку по указу императора. Семейство М. вез туда же длинный ряд повозок и экипажей. Верховный совет сразу же приступил к разбору дела и конфискации имущества, принадлежавшего М. У него было конфисковано: 90 000 душ крестьян, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Батурин; 4 млн. тогдашних рублей наличными, капиталов в Лондонском и Амстердамском банках на 9 млн. рублей; бриллиантов и разных драгоценностей на 1 млн.; три перемены, по 24 дюжины каждая, серебряных тарелок и столовых приборов и 105 пудов золотой

посуды. Но и это было еще не все: кроме имений в России, у князя были знаменитые земли в Ингрии, Ливонии и Польше, король Прусский пожаловал ему поместье Речек, а император Германский — герцогство Козельское. Что же касается домов, отличавшихся самой роскошной мебелировкой, драгоценной домашней утвари, одежды, усыпанной драгоценными камнями, — то этому добру и счета не было. Одна опись вещей, взятых М. в Раненбург, продолжалась три дня. Но даже ссыльный он казался еще опасным тем лицам, которые заняли его место при дворе. Раненбург, по мнению Долгоруких, был расположен слишком близко к Москве. Под влиянием Остермана император принял решение отправить князя Ижорского в Сибирь. Туда семья опального генералиссимуса отправилась скромным образом.

На пути в ссылку М. лишился своей верной подруги жизни. Дарья Михайловна, ослепшая от слез, выехала из Раненбурга уже тяжело больной, а езда на телеге, без шубы, скудная арестантская пища привели ее к смерти. В 12 верстах от Казани 10 мая караван ссыльных должен был остановиться. Княгиню Дарью Михайловну внесли в крестьянскую избу и здесь, окруженная солдатами, она умерла на руках своего семейства. Несчастье произвело сильный нравственный переворот в самом М. Гордый, жестокий, алчный во времена своего величия, он прибыл в Березово совершенно другим, смиренным и истинно благочестивым человеком.

Жители Березова смотрели на него, как на праведника. Из отпускавшихся на его содержание денег (10 рублей ассигнациями в сутки), М. скопил небольшую сумму, на которую построил деревянную церковь.

И все же однажды он, заплатив 1000 ефимков духовнику вдовствующей царицы Евдокии, попросил подбросить в Кремль подметное письмо. В этом письме Петра II предостерегали о новых любимцах и напоминали о заслугах М. перед Отечеством. С этого момента надзор за узником стал еще более строгим: была объявлена смертная казнь каждому, кто будет иметь связь со ссыльными. Но М. уже не долго жил после этого. Он несколько раз порывался покончить с собой пусканием крови, ослабел и, не желая обращаться к докторам или видеть кого бы то ни было, отказался от пищи и умер 12 ноября 1729 г.

Вместе с М. в ссылке в Березове находились его дети: 16-летняя Мария, 14-летняя Александра и 13-летний Александр. Вскоре после смерти М. умерла и бывшая царская невеста. Есть предание, что в Березов тайно приехал, воспользовавшись заграничным паспортом, князь Федор Долгорукий, любивший Марию. Их тайно обвенчали в церкви, построенной М. Плодом этого брака было рождение двух малюток, стоившее жизни их матери. Дети родились мертвыми, и их гробики опустили на гроб Марии, в одну могилу. В 1825 г., почти через сто лет после их смерти, гражданскому губернатору Батыш-Каменскому захотелось отыскать могилу М. Тогда и нашли два маленьких гробика, стоявших на большом. В гробиках были кости младенцев, уцелевшие от тления шелковые головные венчики и зеленый атлас, их покрывавший. В большом кипарисовом гробу находилось тело Марии Александровны, хорошо сохранившееся из-за промерзшей почвы, в которой покоился гроб. Незадолго до смерти княжны Марии, при Анне Иоановне, детям М. было позволено вернуться в Москву. Бывшая

невеста Петра II так и не узнала об этой царской милости.

Сын М., князь Александр Александрович (1714—64), на 14-м году жизни имел звание обер-камергера, но был разжалован и сослан вместе с отцом. По указу о помиловании он возвратился из ссылки в 1731 г. и был назначен генерал-аншефом. В свою очередь, его сын, князь Сергей Александрович (1746—1815), стал сенатором. Правнук М., князь Александр Сергеевич (1787—1869), был адмиралом, генерал-адъютантом и светлейшим князем. Сначала он поступил в дипломатический корпус, а затем перешел на военную службу, был адъютантом графа Каменского, а с 1813 г. находился в свите императора Александра I и часто исполнял его поручения. В 1820 г., при Аракчееве, ему было предложено командование Черноморским флотом с целью удалить из столицы, но Меншиков отказался. В 1821 г. с Новосильцевым и Воронцовым он составил проект освобождения помещичьих крестьян, который был отвергнут императором. Предложение занять место посланника в Дрездене Меншиков счел за оскорбление, вышел в отставку и удалился в деревню. Но Николай I призвал его к себе и послал с чрезвычайной миссией в Персию, где он был арестован и пробыл в тюрьме до 1827 г. После возвращения в столицу ему была поручена реорганизация морского министерства. В 1828 г. Меншиков участвовал в войне с Турцией, а в 1829 г. в звании начальника главного морского штаба принял командование над морскими силами империи. С 1830 г. являлся генерал-губернатором Финляндии. В 1853 г. Меншиков был послан чрезвычайным послом в Константинополь, а с началом Крымской войны — назначен командующим войск в Крыму (до февраля 1855). Дей-

ствия его в это время вызывали и вызывают много порицаний со стороны специалистов военного дела.

Во время царствования Александра II правнук М. не принимал участия в государственных делах. Он не был государственным человеком, хотя и обладал недюжинным умом. Его злые остроты в то время пользовались большой известностью, а домашняя библиотека была одной из лучших в Санкт-Петербурге.

Его сын, Владимир Александрович, был генерал-адъютантом. С его смертью пресекся род князей Меншиковых, начало которому положил легендарный фаворит царя Петра I.

МЕХМЕД-АЛИ-паша (1827—1878), турецкий полководец, генералиссимус.

Настоящее имя М.-А. — Карл Детройт. Он родился в г. Магдебурге и в 1843 г. поступил корабельным юнгой на борт мекленбургского брига. Однако за время плавания Карл Детройт, будущий М.-А.-п., понял, что флот и море не его призвание. Это толкнуло его на отчаянный поступок. Когда мекленбургский бриг зашел в Мраморное море и встал на якорь в константинопольской гавани, Карл Детройт сошел на берег и больше не вернулся на палубу корабля.

Вскоре предприимчивый молодой человек сумел найти себе сильного покровителя в лице Аали-эфенди, который позднее стал великим визирем под именем Аали-паши. Чтобы не остаться лишь иноземцем в Османской империи, Карл Детройт перешел в мусульманство и принял новое имя — Мехмеда-Али. Не без помощи своего покровителя Аали-эфенди и с его благословения М.-А.-п. поступил на учебу в военное училище, которое закончил в 1853 г. и стал офицером. В том же году началась Крымская война с Россией (1853—56). Окончание военного училища и объявление султаном войны России стали поворотными событиями в жизни М.-А.-п.: он был отправлен на фронт. Однако его военная карьера началась не без влияния высокого покровителя не в окопах под пулями, а при штабе Омера-паши (см., там же причины Крымской войны). Взяв М.-А.-п. к себе в ординарцы, Омер-паша способствует его продвижению в иерархии военных чинов.

При штабе Омера-паши он состоял и позже, во время войны в Черногории в 1861—1862 гг. В начале 70-х гг. М.-А.-п. поручили командование войсками, и он отличился энергичным подавлением раз-

бойнических рейдов на турецко-греческой границе. В 1875—76 гг. М.-А.-п. возглавил командование над отдельным турецким корпусом в Боснии. В июле 1877 г., после смещения Абдул-Керима-паши (см.), он был назначен главнокомандующим турецкой армией в Болгарии. Однако на этом посту М.-А.-п. не сумел проявиться как полководец и предпринять хоть какие-то решительные действия. Причина этого была в том, что Сулейман-паша (см.) не вышел на соединение с армией М.-А.-п.

В конце сентября этого же года М.-А.-п. был отозван из действующей армии из-за разногласий с Гассаном-пашей, главнокомандующим египетских войск. Он получил новые полномочия и снова отправился в Софию.

В июне 1878 г. начал работу Берлинский конгресс. Он был созван для пересмотра Сан-Стефанского прелиминарного договора между Россией и Турцией. М.-А.-п. был вызван в столицу и назначен вторым уполномоченным от турецкой стороны на этот конгресс (вместе с Каратеодори-пашей). В Берлине к ним присоединился турецкий посол Саддула-бей.

Берлинский конгресс сыграл выдающуюся роль в истории дипломатических отношений. Официальным объяснением его необходимости послужило соображение, что Сан-Стефанский договор видоизменил международный порядок, установленный прежними трактатами (в частности, Парижским 1856 г.). А между тем все согласились, что международные договоры могут быть изменяемы не иначе, как с общего согласия всех подписавших их держав. Но ко времени Берлинского конгресса политический порядок Европы, основанный на системе международных договоров, претерпел чрезвы-

чайные потрясения, вызванные событиями в Италии (1859 г.) и в Германии (в 1866 и 1871 гг.). Но тогда ни о каком международном конгрессе для урегулирования таких изменений не было и речи. Поэтому когда стало известно о передаче для пересмотра Сан-Стефанского договора на обсуждение международного ареопага, гордость России была задета. Результаты Берлинского конгресса еще больше задели уязвленное самолюбие России. Инициаторы конгресса, Великобритания и Австро-Венгрия, несмотря на прежние договоренности и согласование международной политики, категорично выступили против усиления российской позиции на Балканах. Для них было очевидно, что Россия стремится к расширению своего влияния в этом регионе и, прикрываясь заботой о христианских святынях и о братьях-славянах, начинает довлеть над суверенными правами только что освобожденных народов в их самоопределении. Оказавшись в изоляции, Россия вынуждена была сдаться и пойти на уступки.

Берлинский конгресс продолжал свою работу целый месяц — с 1 июня по 1 июля 1878 г. Уполномоченными держав на этом конгрессе были: от России — государственный канцлер Горчаков, граф Шувалов (посол в Лондоне) и Убри (посол в Берлине); от Германии — государственный канцлер Бисмарк, Бюлов и князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (посол в Париже); от Австро-Венгрии — министр иностранных дел Андраши, Карольи-Наги-Кароли (посол в Берлине) и барон Хаймерле (посол в Риме); от Франции — сенатор Ваддингтон, граф де Сен-Валье (посол в Берлине) и Депре; от Великобритании — первый министр граф Биконсфильд, маркиз де Салисбюри и лорд Россель (посол в Берлине). Турцию представляли

Каратеодори-паша, М.-А.-п. и посол в Барлине Садулла-бей.

Берлинский конгресс в значительной степени изменил постановления Сан-Стефанского договора. Изменения прежде всего касались Болгарии. Согласно Сан-Стефанского договора, Болгария простиралась от Дуная до Салоник, включая Македонию и отделяла Константинополь от западных турецких провинций — Фессалии, Эпира и Албании. Берлинский конгресс разделил это пространство на три части: собственно Болгарию, автономную турецкую провинцию Вост. Румелию и Македонию, которая была возвращена Турции. Босния и Герцеговина были отданы Австро-Венгрии для управления и занятия их территории. Сербия и Черногория хотя и были признаны независимыми государствами, однако границы их несколько сократились. Кроме того, на Черногорию были возложены существенные ограничения: право возводить укрепления по р. Бояне, запрет иметь военные суда и военный флаг, черногорские воды объявлялись закрытыми для всех государств. Полицейский, морской и санитарный надзор за черногорским побережьем был передан Австро-Венгрии. Что касалось территориальных приобретений России, то и здесь были сделаны некоторые сокращения. Россия должна была провозгласить «порто-франко» в Батуме и отказаться от Баязета и прилегающей территории.

Все постановления Берлинского конгресса были сформулированы в 64-х ст. ст. Берлинского трактата. Ст. 1—12 о Болгарии. «Болгария образует из себя княжество, самоуправляющееся и платящее дань, под главенством султана; она будет иметь христианское правительство и народную милицию»

(ст. 1). Ст. 13—21 о Вост. Румелии. «На юг от Балкан образуется провинция, которая получит наименование Вост. Румелии и которая останется под непосредственной политической и военной властью султана на условиях административной автономии. Она будет иметь генерал-губернатором христианина». (ст. 13). Ст. 23 о введении ограничений устава 1867 г. на острове Крите и в других частях Европ. Турции. Ст. 25: «Провинции Босния и Герцоговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией...» Ст. 26—33 о Черногории (ст. 27 — ограничения, наложенные на Черногорию). Ст. 34—42 о Сербии. Ст. 43, 44, 46—51 о Румынии. Ст. 45: «Княжество Румыния уступает обратно Его Величеству Императору Всероссийскому часть Бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 г., ограниченную с запада тальвегом Прута, с юга — тальвегом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула». Ст. 52 — о срытии всех крепостей и укреплений по течению Дуная от Железных Ворот до устьев и о воспрещении военным судам плавать по Дунаю вниз от Железных Ворот, за исключением легких судов, предназначенных для речной полиции и таможенной службы. «Стационары держав в устьях Дуная могут, однако, подниматься до Галаца». Ст. 57 — о поручении Австро-Венгрии выполнить работы для устранения препятствий, которые представляют судоходству Железные Ворота и пороги. Ст. 58: «Блистательная Порта уступает Российской Империи в Азии территории Аргадана, Карса и Батума, с портом последнего, равно как и все территории, находящиеся между прежней русско-турецкой границей и следующей пограничной чертой...» (далее определена новая граница). Ст. 59: «Его Величество Император Всероссийский объяв-

ляет намерения сделать Батум «порто-франко» по преимуществу коммерческим». Ст. 60: «Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России ст. XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции. Блистательная Порта уступает Персии город и территорию Котур...» Ст. 61 обязывает Турцию без замедления осуществить улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Ст. 62 говорит о религиозной свободе в Турции, о правах паломников всех наций, о дипломатической защите духовных и благотворительных учреждений на святых местах и о правах иноков Афонской горы. Ст. 63, имея в виду турецкие проливы, определяет, что «Парижский трактат 1856 г., а также Лондонский договор 1771 г. сохраняют свою силу во всех тех постановлениях, которые не отменены или не изменены выше приведенными статьями».

Параллельно с работой Берлинского конгресса главные его инициаторы — Англия и Австро-Венгрия — вели закулисные переговоры, имеющие целью расширить их владения на Ближнем Востоке. За неделю до начала заседаний Англия заключила с Оттоманской Портой оборонительный и наступательный союз, в котором говорилось, что если Россия присоединит Батум, Ардаган и Карс, то Англия объединится с Турцией для защиты оттоманских владений. Взамен султан обещал Англии ввести реформы на пользу своих христианских подданных, а чтобы создать Англии условия для исполнения принятых ею на себя обязательств, предоставил остров Кипр для занятия и укрепления Англией. Уже под занавес Берлинского конгресса Англия официально уведомила Францию, что она возвратит Турции

остров Кипр лишь тогда, когда Россия вернет туркам свои приобретения в Азии.

Результаты Берлинского конгресса имели положительное значение для Турции и были успехом ее дипломатии. После возвращения с конгресса М.-А.-п. был назначен главнокомандующим турецких войск в Албанию, но в конце того же года был убит мятежниками.

МИНА СТАРШИЙ (дон-Эспос-и-Мина) **ФРАНСИСКО** (1781—1836), испанский генералиссимус. Полководческую известность приобрел во время испано-португальской войны, в которой, командуя сначала партией гверильясов, а потом им же самим сформированным значительным корпусом, пускался на самые отважные и авантюрные мероприятия. Когда в 1814 г. король Фердинанд VII после подавления революции начал стремиться к восстановлению абсолютизма, М. уехал в Наварру. Здесь он попытался поднять военный путч с целью восстановления Кадисской конституции 1812 г. Однако попытка не удалась, и М. вынужден был бежать во Францию.

В январе 1820 г. выступлением под руководством Р. Риего-и-Нуньеса в Кадиссе началась новая буржуазная революция. Решительность революционной хунты была столь велика, что король Фердинанд VII вынужден был восстановить конституцию 1812 г. В этом же году М. вернулся на родину и сформировал довольно сильную армию. В 1822 г. он получил главное командование над войсками в Каталонии и приказ уничтожить в этой провинции так называемую «армию веры», защищавшую права Фердинанда VII и церкви.

Когда в 1823 г. французские войска под командованием герцога Бургундского (см. *ЛУИ БУРГУНДСКИЙ*) вступили в Испанию, М. занялся организацией и формированием новых военных сил. Своими партизанскими действиями он сумел нанести немалый вред противнику. Однако торжество абсолютизма в 1823 г. (с помощью французских войск революционное сопротивление было подавлено, 30 сентября капитулировало конституционное правительство, а 1 октября король Фердинанд VII

восстановил абсолютистский режим) заставило М. вторично покинуть Испанию.

После июльской революции 1830 г. М. стал во главе испанских либералов, живших во Франции. 26 октября во главе армии эмигрантов он вступил в Испанию, но уже через несколько дней потерпел поражение. Только благодаря личной храбрости ему удалось спасти отряд от полной гибели.

В январе 1834 г. в результате широкого недовольства манифестом регентши Марии-Кристины о сохранении абсолютистских порядков (октябрь 1833 г.) было образовано правительство модерадос. В стране начались народные восстания под лозунгом восстановления Кадисской конституции 1812 г. Регентша Мария-Кристина привлекла М. на свою сторону и поручила ему главное командование над королевскими войсками в Наварре и Бискайе. Но справиться с карлистами М. так и не удалось. Впоследствии он был назначен генерал-капитаном Каталонии, где ему снова пришлось сражаться с карлистами. Однако вскоре после этого в 1836 г. он умер.

МИРАНДА ФРАНСИСКО (1756—1816), венесуэльский генералиссимус, один из вождей национально-освободительного движения в Юж. Америке.

В конце XVIII — начале XIX вв. значительно усилилось освободительное движение в колониях Центр. и Юж. Америки. Назревший кризис мировой экономической системы требовал настоятельных преобразований. Войны за независимость по ту сторону Атлантики в немалой степени стимулировались революционными событиями в Европе — Великой французской революцией, наполеоновскими войнами, революционными выступлениями в самой метрополии — Испании, а также войной за независимость северо-американских штатов.

В 1794 г. в Мехико был раскрыт заговор, во главе которого стоял корабельный казначей Хуан Герреро. Заговорщики готовились к вооруженному выступлению против испанских властей. Неудачным оказался и «заговор мачете», организованный все в той же Мексике спустя четыре года под предводительством мелкого торговца Педро де ла Портильи. Но и этому выступлению суждено было стать лишь симптомом «болезни» экономической системы.

В начале XIX в. сторонники независимости основали в Новой Испании тайное патриотическое общество «Рыцари разума». А в Венесуэле в 1797 г. возник антииспанский заговор; в нем проявила себя новая сила, которой самой историей позже будет предопределено изменить экономическую и геополитическую ситуацию в Латинской Америке — креолы. Во главе креольской верхушки стояли Мануэль Гуаль и Хосе Мария Эспанья. О заговоре испанские власти узнали накануне решительного выступления. Гуалю с Эспаньей удалось бежать.

Большинство участников антииспанских заговоров и позже не будут связаны с коренным населением (с.м. ИДАЛЬГО, ИТУРБИДЕ). Это, в свою очередь, сужало социальную базу движения, но никоим образом не могло остановить приближение решающего момента — лишь отодвигало его по времени.

Неудачи вооруженных выступлений заставляли многих сторонников независимости искать помощи у врагов Испании — Франции и Англии, а также США. Эта позиция наиболее ярко отразилась на деятельности венесуэльского патриота М. Он происходил из богатой семьи и еще юношей стал офицером испанской армии. Он участвовал в войне против Англии, которую вела Испания на стороне английских колоний в Сев. Америке.

Военную службу после войны М. продолжал на Кубе. Именно здесь он сошелся с креольскими патриотами и познакомился с антииспанскими идеями. Испанские власти бдительно следили за креолами, которым все больше не доверяли. Власти вскоре вышли на след армейского заговора, и М. — в связи с угрозой ареста — в 1783 г. бежал в Сев. Америку. Там он ведет переговоры с многими видными политиками о помощи колониям в их борьбе за освобождение от власти метрополии. Политические круги заинтересованы в поддержке креольского движения за независимость, но США еще не настолько сильны, чтобы оказать полноценную помощь. Только-только на их территории закончилась война за независимость (1775—83 гг., носившая характер буржуазной революции; в 1776 г. было образовано независимое государство — США, а в 1787 г. принята конституция и первым президентом был избран Дж. Вашингтон).

Не добившись успеха, М. отправляется за океан. В поисках поддержки он исколесил всю Европу, около года (в 1786—87) жил в России. Наконец, М. обосновался в Лондоне. Здесь он находит заинтересованных лиц и представляет британскому кабинету проект организации военной экспедиции в Испанскую Америку.

Правительство лорда Питта с пониманием отнеслось к представленному М. проекту и дало ему положительную оценку, но только и всего. В это время в самой Европе назревали грандиозные события. Англия была встревожена ими не меньше, чем движением за независимость в далекой Америке. К тому же, в тот момент произошло сближение Англии с Испанией на почве совместной борьбы против охватившей Францию революции. Опасаясь перенесения ее пламени на свои территории, они начали коалиционную блокаду революционной Франции и войну с армией Конвента.

М. покидает Англию и в 1792 г. высаживается на французском побережье. Он пытается найти здесь счастье, а заодно поучиться революционной борьбе. Ему удается найти взаимопонимание с представителями новой власти в стране, и вскоре генерал М. во главе дивизии отправляется на фронт. Свои полководческие способности М. проявил в сражениях на севере Франции и во время занятия Бельгии. В январе 1793 г. Конвент назначает его главнокомандующим. Но на этом и заканчивается карьера М. в качестве французского революционера. На посту главнокомандующего армией он терпит несколько поражений подряд от коалиционных сил.

Смещенный с поста, М. предстал перед лицом революционного трибунала, который, однако, его на этот раз оправдал. Но М. не довелось долго наслаж-

даться свободой. Спустя некоторое время его снова арестовали и обвинили в связи с жирондистами (с.м. РОЛАН). М. грозила смертная казнь, и наказание стало бы неотвратимым, если бы не переворот 9 термидора II года (27—28.07.1794 г.), свергший якобинскую диктатуру. В 1795 г. во Франции был установлен режим Директории, а после переворота 18 фрюктидора (сентябрь 1797 г.) М. покинул страну и перебрался опять в Англию. Французская революция пошла по нисходящей линии (переворот 18 брюмера 1799 г. знаменовал окончание революции).

В Лондоне М. основал тайное патриотическое общество. Видимо, опыт французской революции (активным участником и свидетелем он был сам) помог ему в этом. После возобновления войны Испании с Англией (1796 г.) М. неоднократно пытается добиться отправки английской военной экспедиции в Америку. Однако все его попытки остаются безответными. Тогда он решает действовать самостоятельно, ни на кого не полагаясь. В Англии М. сформировал отряд добровольцев и в августе 1806 г. высадился с ним на побережье Венесуэлы. Но поддержки местного населения он не получил и спустя некоторое время вынужден был вернуться в Англию.

В начале XIX в. экономическое и политическое положение испанских колоний значительно ухудшилось. Связано это было прежде всего с участием метрополии в разорительных для нее войнах — сначала в союзе с Англией против революционной Франции (1793—95), а затем против Англии (1796—1801 и в 1804—08). Антииспанские настроения среди населения стали усиливаться. В 1806 г. М. был наконец, услышан английским правительством, и он отправляется во главе военной экспедиции в вице-

королевство Новая Гранада. Это не могло не вызвать тревогу у мадридского правительства. К тому же, американским владениям в Испании грозила опасность со стороны заинтересованных европейских держав и США, стремившихся использовать рост революционного недовольства в собственных целях. Что касается Франции, то после утраты Сан-Доминго и продажи США Луизианы (двумя годами ранее возвращенной ей Испанией), то она уже не могла рассчитывать на создание колониальной империи в западном полушарии. Однако это не мешало Наполеону посылать в испанские колонии своих эmissаров и помогать восставшим оружием. А США, заполучив Луизиану, теперь предъявляли претензии на Техас и Зап. Флориду. Поэтому в Луизиане к 1806 г. были сосредоточены крупные силы. Этот штат стал основным плацдармом для подготовки военных акций против испанских владений.

Правительство Англии имело далеко идущие планы в отношении непослушных испанских колоний. Возрождая свои экспансионистские планы, оно предприняло вооруженную экспедицию на Рио-де-ля-Плате (1806—07). В ходе стремительной операции английские войска захватили Буэнос-Айрес и отделенный от него проливом крупный портовый город Монтевидео, столицу провинции Банда Ориенталь. Но власть англичан оказалась такой же колониальной, как и испанская. Местное население взялось за оружие, были созданы отряды народного ополчения, которые и вступили в войну против англичан. Новые интервенты были изгнаны, а победа народного ополчения лишь дала толчок к усилению патриотических настроений. Бездействие же испанской администрации только доказало ее неспособность изменить положение в лучшую сторону.

Раньше других на вооруженный путь борьбы против испанской власти стала Венесуэла. 19 апреля 1810 г. в столице Каракасе вспыхнуло восстание. Войска не в силах были подавить народное выступление, администрация бежала. К власти пришла Верховная правительственная хунта, номинально выступавшая от имени Фердинанда VII. Хунта обратилась к населению соседних стран-колоний с призывом освободиться от старой власти. Верховная хунта сразу же направила за границу своих эмиссаров с заданием заручиться поддержкой иностранных государств. Но миссия не увенчалась успехом.

К концу 1810 г. большая часть Венесуэлы была освобождена от власти испанцев, однако оставались еще провинции, где колониальная администрация сохраняла свои влияние и силу. Между тем, каракасская хунта, в которой преобладали представители креольской верхушки, не повела активной борьбы, а отдельные ее представители были готовы даже на соглашение с испанцами. В противовес хунте действовало «Патриотическое общество». Во главе его стояли М., в составе второй экспедиции прибывший на родину, и молодой офицер Симон Боливар, будущий диктатор.

2 марта 1811 г. в Каракасе открылся национальный конгресс. Несмотря на подавляющее большинство на нем представителей консервативной креольской верхушки, в результате четырех месяцев работы конгресс провозгласил 5 июля независимость Венесуэлы. В конце года, 21 декабря, была принята и первая конституция независимой Венесуэлы. В ней декларировались установление в стране республики, право политической свободы, упразднение сословные привилегии, запре-

щались работоторговля и расовая дискриминация.

Вскоре молодой независимой республике пришлось с оружием в руках стать на борьбу за свою свободу. В марте 1812 г. испанские войска, которые еще оставались в северо-западных провинциях Венесуэлы (в Коро и Маракайбо), начали наступление. Очень быстро им удалось добиться значительных успехов. Представители социальных низов, далекие от идей республики и провозгласившей ее креольской верхушки, признавали так же, как последние испанцев-гачупинов.

Стремительному продвижению испанских войск под командованием Монтеверде в немалой степени способствовало стихийное бедствие, обрушившееся в тот год на Венесуэлу: 26 марта произошло страшное землетрясение. Только в одном Каракасе погибли десятки тысяч жителей. В стране началась паника, парализовавшая сопротивление патриотов. А войска Монтеверде стремительно приближались к столице.

В этой чрезвычайной обстановке конгресс 23 апреля назначает М. генералиссимусом венесуэльских вооруженных сил и предоставляет ему неограниченные полномочия. Но М. придерживался оборонительной тактики. Как офицера его обучали по старой испанской военной методике. К тому же, очень часто М. проявлял чрезмерную пассивность. Подобное робкое сопротивление позволило испанским войскам осуществлять продолжительные наступательные операции.

Над Республикой нависла осязаемая угроза. 14 мая 1812 г. в стране было введено военное положение. М. издал декрет, в котором обещал свободу пеонам (крепостным), если они вступят в его армию и прослужат в ней 10 лет. Но запоздалое и сомни-

тельное обещание не произвело большого эффекта. Зато оно вызвало огромное недовольство у хозяев пеонов — землевладельцев, многие из которых заняли по отношению к Республике враждебную позицию.

Во второй половине июня М. удалось приостановить наступление испанских войск и даже несколько потеснить их назад. Но он не использовал этот выгодный момент для перехода в контрнаступление, а опять занял выжидательную позицию и стал готовиться к обороне. А тем временем испанцы сумели найти общий язык и привлечь на свою сторону остальных обитателей обширных равнин бассейна Ориноко — воинственных льянеро. Индейцы купились на обещание богатой добычи. Испанцы также спровоцировали восстание негров-рабов, подослав свою агентуру и сыграв на чувстве ненависти пионов к латифундистам-креолам. Восставшие рабы выступили под лозунгом: «Да здравствует король Фердинанд VII!»

Восстание оказалось не на руку М. Он вынужден был отправить часть своей армии на подавление бунта. Но уже в начале июля испанской армии удалось овладеть важным портом-крепостью Пуэрто-Кабельо. В этом им помогло предательство одного из офицеров. Кроме того, в Пуэрто-Кабельо находился главный арсенал революционной республиканской армии.

Положение стало совсем критическим. М. и большинство других руководителей-республиканцев были охвачены паникой, деморализованы перед лицом военных поражений. Несмотря на готовность многих патриотов продолжать сопротивление, они решили пойти на соглашение с испанским командованием.

25 июля 1812 г. посланный для переговоров с испанцами представитель генералиссимуса М. подписал акт о капитуляции, а 30 июля испанские войска вступили в столицу Каракас. В тот же день М. прибыл в порт Ла-Гуайро с намерением на английском корабле покинуть пределы Венесуэлы. Но этому воспрепятствовала группа офицеров во главе с Боливаром. Они сочли поступок М. предательством и ночью арестовали генералиссимуса.

А на следующий день был получен приказ военного коменданта Венесуэлы Монтеверде закрыть порты и никого не выпускать из страны. Испанские войска заняли Ла-Гуайро. Не без помощи арестовавших его офицеров М. попал в плен к испанцам. Его заковали в кандалы и бросили в подземный каземат. Были арестованы также и другие наиболее активные руководители патриотического движения. Боливару удалось спастись только благодаря счастливому случаю. А всего в тюрьмы было брошено свыше полутора тысяч республиканцев.

Правительство Фердинанда VII в это время закончило с очередной революцией в метрополии (1814 г.) и восстановило абсолютизм. Теперь все силы были брошены на подавление недовольства в колониях. В Южную Америку вышла эскадра, на борту которой находились многочисленные войска во главе с Морильо. В апреле 1815 г. они высадились на побережье Венесуэлы. Ободренные прибытием многочисленного подкрепления, роялисты в колонии активизировали свои действия. Но поскольку испанское господство в Венесуэле было восстановлено еще до прибытия подкреплений, часть экспедиционного корпуса была брошена в Новую Гранаду. В августе 1815 г. испанские войска блокировали Картахену. Захватив ее в конце года, они двинулись даль-

ше на юг и в течение нескольких месяцев восстановили испанскую администрацию во всей Новой Гранаде. 6 мая 1816 г. испанские войска вступили в ее столицу — Боготу. Восстановление колониального режима сопровождалось жесточайшими репрессиями в отношении патриотов. Массовые казни и аресты не прекращались еще длительное время после восстановления испанского господства. Число жертв роялистского террора исчислялось десятками и сотнями тысяч человек. А в это время за океаном в тюрьме крепости Кадис умирал венесуэльский генералиссимус М. (1816 г.).

МОНТЕКУКУЛИ (МОНТЕКУККО-ЛИ) РАЙМУНД (1608—1680), граф, герцог Мельфийский, имперский князь и генерал-фельдмаршал, австрийский генералиссимус.

М. родился в 1608 г. * и происходил из старинного итальянского рода. В 1627 г. он поступил на службу в австрийскую армию. В это время в Европе девятый год бушевала Тридцатилетняя война. Юношей М. принял участие во многих сражениях и боевых столкновениях.

В 1634 г., после убийства Валленштейна (с.м.), генералиссимусом австрийских войск был назначен сын императора Фердинанда II, Фердинанд Венгерский (будущий император Фердинанд III, с.м.). Ему был подчинен граф Галлас, по сути исполнявший обязанности главнокомандующего. Принц Фердинанд лишь украшал этот пост своим именем и величием. Под знаменами нового главнокомандующего в качестве начальника одного из кавалерийских подразделений находился и М.

Чтобы вытеснить своих неприятелей с берегов Дуная, новый генералиссимус предпринимает осаду Регенсбурга — то, чего тщетно добивались раньше от Валленштейна. Безответной остается попытка Бернгарда, герцога Веймарского, отвлечь внимание австрийцев проникновением в Баварию. Войска принца Фердинанда с непреклонным упорством продолжали осаду крепости до тех пор, пока после ожесточеннейшего сопротивления город не открыл свои ворота.

* В разных источниках указываются разные годы жизни: 1609—81, 1608—80. Мы придерживаемся датировки согл. «Большого энциклопедического словаря» (В 2-х тт. Т. 1. С. 833.)

Та же участь постигла спустя некоторое время Донауверт, а вскоре войска принца Фердинанда приступили к осаде Нордлингена в Швабии. Для шведской партии потеря этих городов означала бы черную неблагодарность по отношению к союзникам. Приязнь их в недавнем прошлом очень много значила для успехов шведского оружия в войне. Поэтому нельзя было проявить равнодушие к их судьбе, и шведская армия под командованием Горна и Бернгарда Веймарского направились к Нордлингену для спасения города любой ценой.

Численный перевес находился на стороне австрийской армии. На военном совете перед подходом к Нордлингену командующий Густав Горн настаивал не торопить события. По сведениям своих агентов он знал, что итальянские отряды австрийской армии должны покинуть позицию у Нордлингена и отправиться в Нидерланды. Горн предложил занять позицию, с которой можно было бы прикрывать Нордлинген и одновременно отрезать подвоз неприятелю провианта. Но члены шведского военного совета, опьяненные длительными военными успехами, благоразумные доводы Горна отнесли на счет страха. И он уступил членам военного совета и Бернгарду Веймарскому.

Еще до начала сражения было ясно, что исход сражения будет зависеть от овладения холмом, который господствовал над лагерем Фердинанда Венгерского. Попытка шведов и их союзника овладеть холмом под прикрытием ночной темноты не удалась: трудности перевозки орудий по просекам и тропинкам задержала движение войск. А когда они в полночь подошли к холму, то оказалось, что он уже занят австрийцами.

Пришлось ждать рассвета, чтобы пойти на при-

ступ. Неукротимая отвага шведов прокладывала себе путь сквозь все препятствия. Каждая из двух назначенных для штурма бригад стремительно взбиралась на шанцы. Но, одновременно вторгаясь в полукруглые укрепления с противоположных сторон, бригады наталкивались друг на друга... Произошло замешательство. И в это время на воздух взлетела пороховая бочка. Шведские войска охватило смятение, а императорская кавалерия, в составе которой было и подразделение М., ворвалась в их ряды. Шведы обратились в бегство, и никакие приказы командующего не могли заставить отступающих снова перейти в наступление.

Чтобы удержать позицию, Густав Горн решил пустить в сражение новые силы. Но холмом уже овладели несколько неприятельских полков, которые пресекали всякую попытку штурма со стороны шведов. Бернгард Веймарский бросает в атаку один из самых смелых и прославленных своих полков. Семь раз этот полк штурмовал холм и семь раз отступал. А вскоре неприятель установил на нем артиллерию, и ее огонь произвел страшные опустошения на смежном с веймарцами фланге шведов. Густав Горн, находившийся там же, вынужден был отступить. Герцог Веймарский не в состоянии ни прикрывать отступления полков, ни удерживать преследующего их противника. Он сам оказался вытесненным на равнину, где его конница, бегущая без оглядки, вызвала замешательство в полках Горна, тем самым довершив поражение и бегство.

В результате сражения почти вся пехота веймарско-шведской объединенной армии была взята в плен или перебита (более 12 тыс. человек осталось лежать на поле битвы только с этой стороны). Трофеи составили 80 орудий, около 4 тысяч под-

вод, 300 штандартов и знамен. Шведский командующий Густав Горн вместе с троими своими генералами был взят в плен. Бернгарду Веймарскому с трудом удалось избежать этой участи, и лишь под Франкфуртом ему удалось собрать жалкие остатки своей армии.

Нордлингенское сражение имело большое значение в ходе Тридцатилетней войны. Немалая заслуга в победе имперской армии принадлежала коннице М. В 1635 г. ему уже поручают командование кирасирским полком, во главе которого он принял активное участие при штурме Кайзерслаутерна, а в 1636 г. при Вольмирштедте кирасирский полк М. разбил отряд под командованием Густава Врангеля (спустя 10 лет он будет назначен главнокомандующим шведскими войсками).

Императорские войска после осады Магдебурга и соединения с армией курфюрста Саксонского заняли Бранденбург, а также отняли у шведов многие другие города и крепости, Фердинанд готовился оттеснить шведскую армию к Балтийскому морю. Уже, казалось, обреченная шведская армия со своим командующим Баннером напала 24 сентября 1636 г. на союзную армию у Витштока. Завязалась битва. Натиск был страшен: основной удар союзной австро-саксонской армии был направлен на правое крыло шведов, которое возглавлял сам Баннер. С обеих сторон войска сражались с равными упорством и ожесточением; ни с той, ни с другой стороны не было ни одного эскадрона, который бы с десятков раз не ходил в атаку и, будучи потесненным, снова не предпринимал наступления. Но даже когда правое крыло шведов во главе о Баннером вынуждено было уступить превосходящей силе неприятеля, левое крыло шведской армии продолжало сдерживать

натиск до наступления темноты. Шведские же резервы вовсе не были пущены в бой и готовы были возобновить сражение с наступлением рассвета.

Однако курфюрст Саксонский решил избежать повторной битвы. Его армия была истощена сражением. К тому же, погонщики со всеми лошадьми разбежались, так что нельзя было употребить артиллерию. Поэтому по обоюдному согласию с графом фон Гацфельдом они оставили поле сражения шведам и той же ночью отступили. Полтораста штандартов и знамен, 23 пушки, весь обоз вместе с серебряной утварью курфюрста да еще вдобавок около 2 тысяч пленных достались победителю.

В 1039 г. военное счастье впервые изменило М.: в сражении между Брандейсом и Гохкирхом (в Богемии) его отряд был наголову разбит шведами, а сам он попал в плен. Лишь три года спустя, в 1642 г., М. вернулся из плена и снова поступил в имперскую армию. И уже в том же году при Тропшау он разбил шведский отряд и освободил от осады город Бриг. Произведенный в 1646 г. в фельдмаршал-лейтенанты, М. был назначен членом гофкригсрата и получил главное командование над отдельным корпусом в Силезии. Там ему пришлось противостоять трансильванскому бану Дьердю I Ракоци, участнику антиабсбургской коалиции.

В 1647 г. новый главнокомандующий шведскими войсками Густав Врангель попытался вторгнуться в Чехию. Он осадил Эгер, который являлся ключом к этому королевству. На выручку Эгера император Фердинанд III двинул свою последнюю армию и сам возглавил ее. Но императорская армия опоздала, и Эгер был взят шведами до ее прихода. Обе армии расположились почти вплотную друг возле друга, и ожидался решительный бой. Численный перевес

был на стороне императорской армии, но она удовлетворялась тем, что изнуряла противника мелкими стычками, голодом и утомительными переходами. Отряд под командованием М. в этой операции прикрывал отступление императора Фердинанда III от Эгера.

В том же году М. принял выдающееся участие в поражении шведского главнокомандующего генерала Врангеля в сражении при Триибеле. А в следующем, 1648 г., он во главе своего отряда принимал участие в неудачной для имперцев битве при Цузмаргаузене. М. было приказано возглавить авангард, и он семь часов отражал атаки неприятеля, пока имперской армии не удалось переправиться через р. Лех и сосредоточиться у Аугсбурга.

После заключения Вестфальского мира (1648 г.) М. был назначен президентом высшего военного совета в Регенсбурге. В 1657 г., во время войны между Польшей и Швецией, М. был послан на помощь польскому королю Яну-Казимиру против Карла X Густава (см.). М. отнял у шведов Краков и последовательно завладел Померанией, Шлезвигом, Голштинией, Ютландией, Альзеном и Феморном. За выдающиеся полководческие заслуги в этой войне в 1658 г. М. был возведен в генерал-фельдмаршалы. В том же году он поддержал датского короля Фридриха III в войне против Карла X Густава (см.).

После окончания этой войны (1660 г.) М. был срочно отозван и направлен в Трансильванию. Здесь полководец должен был дать отпор вторгшимся на территорию Венгрии туркам (австро-турецкая война, 1660—64 гг.). Австрийская армия под командованием М. освободила от осады Клаузенбург, а победа над неприятельской армией при Моггерсдорфе положила конец этой войне. 1 августа 1664 г. 80-ты-

сячное войско турок под командованием великого визиря Фазиля Ахмета Кеприолю-паши и 60-тысячная объединенная немецко-французская армия под командованием М. сошлись здесь для решительного сражения. М. укрепился за р. Раб. Перед началом битвы впереди турецких войск появился молодой крепкий воин и вызвал на поединок соперника из союзной армии. Его вызов принял шевалье де Лоррен. В короткой, но жестокой схватке французский шевалье поверг турецкого воина, после чего турецкие войска пошли в атаку на штурм укрепленной позиции М. Попытки штурма повторялись несколько раз. Однако туркам так и не удалось сломить оборону объединенной армии, и после ожесточенного сражения они были отброшены, только убитыми потеряв 8 тысяч человек. Войска под командованием М. перешли в контрнаступление и начали разгром и преследование отступающего противника. М. удалось полностью очистить Трансильванию от турецкой армии великого визиря.

В 1672 г. началась Голландская война (1672—78 гг.). Людовик XIV готовился к ней еще от Аахенского мира (2 мая 1668 г.), сразу после окончания Деволюционной войны (1667—68 гг.). Условия мира его не устраивали, хотя Франция и получила по нему 11 захваченных крепостей испанских Нидерландов, включая Лилль (но уступила Франш-Конте). В союзники ему удалось заполучить английского короля Карла II, чтобы общими усилиями с суши и с моря напасть на Голландию. На сторону союзников склонилась Швеция, а впоследствии — курфюрст Кельнский и епископ Мюнстерский.

В марте 1672 г. английская эскадра под командованием адмирала Холмса атаковала голландские торговые суда и вступила в бой с конвоем. Провока-

ция удалась. Последовало объявление войны (7 апреля 1672 г.), после которого французские войска Тюрення и принца Конде-Великого (см.) вторглись в Нидерланды. При армии находились сам Людовик XIV, его военный министр Лувуа и Вобан. Из всех голландских крепостей только Маастрихт оказался подготовленным, чтобы дать отпор неприятелю. Но французские войска оставили крепость в покое, обошли ее и стали продвигаться в глубь страны, захватывая с невероятной легкостью другие крепости и города.

В 1673 г. Голландская война превратилась в общеевропейскую: в нее вступили Испания и Бранденбург. Венский двор, связанный родственными узами с мадридским двором, тоже объявил войну Франции и направил свои войска в Нидерланды. Командующим одной армии был назначен М., второй — герцог Лотарингский (см. *КАРЛ ЛОТАРИНГСКИЙ*). Однако военные действия 1673—74 гг. не приняли решительного характера и свелись к позиционной и крепостной войне, которые проходили с переменным успехом. Но и этот переменный успех был скорее на стороне французов. 16 июня 1674 г. маршал Тюрень у Зинцгейма разгромил имперский отряд Бурнонвиля; в сентябре войска, при которых находился Людовик XIV, проникли в Франш-Конте и в несколько недель овладели провинцией, а Конде-Великий 11 августа того же года одержал победу при Зенефе над войсками Вильгельма Оранского, двигавшимися на соединение с голландцами и испанцами.

5 января 1675 г. французы атаковали союзников при Тюркгейме и нанесли им поражение, заставили их отступить к Страсбургу, переправиться через Рейн (11 января) и очистить Эльзас. На голландском

фронте французы и их союзники тоже действовали удачно: Конде-Великий захватил Динан, Гуи и Лимбург, а Шомберг (с.м.), счастливо действовавший между Маасом и Самброй, был послан в Пиренеи, где вытеснил испанцев из Русильона.

Армия М. действовала в этом году на Рейне. Ее противником был талантливый французский полководец маршал Тюреннь. В результате маневров в апреле и первой половине мая войска М. сосредоточились в долине Майна. Их противник находился в окрестностях Шлетштадта. 21 мая 22-тысячная армия М. вышла из Страсбурга и двинулась вниз по Рейну. В Шпейере она переправилась на левый берег реки. М. рассчитывал угрозой крепостям Ландау и Гегенау заставить Тюрення двинуться в Палатинат. М. выдвинул авангард к Лаутербургу, но Тюреннь разгадал намерение австрийского полководца и продолжал стоять в одном переходе от Страсбурга. Но в начале июня Тюреннь решил сам двинуться за Рейн, чтобы угрозами сообщением М. заставить его возвратиться на правый берег реки. Он переправился по понтонам у Отенгейма и расположил войска на позиции Вильштет—Экарсвейер. Опасения М. быть отрезанным от своей базы в Офенбурге заставили его 13 июня направиться к этому пункту. В армии М. чувствовался недостаток продовольствия, и это обстоятельство повлияло на принятие решения об отводе армии к Урлофену. У Офенбурга был оставлен лишь 5-тысячный отряд Капрары. Имперцы вынуждены были покинуть Офенбург и расположиться лагерем у Шерцена.

15 июля маршал Тюреннь двинулся в обход левого фланга М., вброд переправился через р. Ренхен и дошел до Гамгурста. М. не воспользовался случаем разбить неприятельские войска по частям, и в ре-

зультате его армия оказалась отрезанной от Страсбурга и Оффенбурга. В ночь на 26 июля М. вынужден был отдать приказ войскам отступить к Зальцбаху и занял позицию у Оттерсвейра. На следующий день туда же выступили французские войска Тюрення.

27 июля 1675 г. у Нидер-Засбаха французы наткнулись на передовые посты армии М. Завязался бой. Во время канонады маршал Тюреннь выехал вперед для рекогносцировки на местности и был убит прямым попаданием ядра. После его смерти французские войска в замешательстве стали отходить, а М. приказал преследовать противника. У Альтгейма корпус де Лоржа 1 августа прикрывал мосты и успел отрезать противника, после чего отступил в Эльзас. За ним туда же вторгся и М., успел проникнуть до Гагенау, но был остановлен прибывшими от принца Конде-Великого подкреплениями.

Последним событием в полководческой карьере М. была осада и взятие Филиппсбурга (9 сентября 1676 г. под командованием Карла Лотарингского). В конце 1677 г. французы овладели Фрейбургом, Брисгау и почти всеми городами в испанских Нидерландах, после чего был заключен мир (10 августа 1678 г. в Нимвегене с Голландией, 8 сентября 1678 г. с Испанией и 5 февраля 1679 г. между Францией и империей). После подписания мира император Леопольд возвел М. в княжеское достоинство.

Умер М. в Линце в 1680 г.

МОРЕЛОС (МОРЕЛОС-И-ПАВОН)
ХОСЕ МАРИЯ (1765—1815), сельский священник, генералиссимус восставших на юге Мексики.

После разгрома регулярными колониальными войсками повстанческой армии Мигеля Идальго (см.) уцелевшие силы восставших ушли на юг страны, туда, откуда и начиналось восстание. Борьба, шедшая с переменным успехом, приняла партизанский характер. В провинции Мехико действовали многочисленные отряды, атакующие помещичьи асьенды и мелкие населенные пункты. Связь между столицей и другими городами была прервана, а торговля в значительной мере парализована.

В самом Мехико активную роль играла тайная организация «Лос Гуадалупес», действовавшая под лозунгами борьбы за независимость. Эта организация способствовала развитию патриотической печати, добывала оружие и боеприпасы, собирала информацию о численности, дислокации, передвижении испанских войск и планах их командования. Она также поддерживала связь с руководителями повстанческих сил, которым передавала важную информацию.

Значительного размаха достигло партизанское движение в Гуанахато, а также в ряде районов Сан-Луис-Потоси, Нового Сантандера и других провинций. Успешно действовали партизаны Южной Мексики во главе с М., который вскоре после гибели Идальго и Альенде (см.) выдвинулся как крупнейший руководитель повстанческого движения.

М. родился в 1765 г. в г. Вальядолиде. Он был сыном бедного плотника. Рано лишившись отца, молодой М. вынужден был наняться на работу и стал погонщиком мулов. Лишь в возрасте 25 лет он поступил в духовную семинарию Сан-Николас, ректо-

ром которой в то время был Идальго. В 1795 г. М. сдал экзамен при столичном университете и получил степень бакалавра искусств, после чего преподавал грамматику и риторику в начальной школе. Через несколько лет он был возведен в сан священника и получил бедный приход Чурумукко, а в 1801 г. его перевели в более многолюдный приход Каракуаро. В конце октября 1810 г., когда Идальго вел свою армию на столицу, М. присоединился к нему.

После безуспешных попыток овладеть портом Акапулько (февраль 1811 г.) М. оставил южное побережье Мексики и двинулся на север. В середине августа он отбил наступление испанских войск, нанеся им большой урон, а затем направился со своим отрядом, насчитывающим уже свыше полутора тыс. человек, на восток.

К тому времени И. Район, обосновавшийся с начала лета 1811 г. в Ситакуаро, выступая как преемник Идальго, решил создать руководящий орган восстания. Эта идея была одобрена М. 19 августа Район созвал совещание, на котором было принято решение об образовании национальной хунты. В тот же день руководители повстанцев избрали «Верховную национальную хунту Америки» из троих человек во главе с Районом. Хунта интересовалась главным образом военными операциями, ее члены выступали от имени Фердинанда VII, доказывая, что из тактических соображений выгодно провозгласить его королем Мексики. Это давало надежду на привлечение на сторону повстанцев мексиканских помещиков, а также уроженцев метрополии.

Однако М. и его сторонники, представлявшие радикальное крыло освободительного движения, решительно возражали против сохранения монархии, тем более в лице Фердинанда VII. М. убеждал про-

тивников в том, что «когда нет королей, то носителем суверенитета является лишь нация».

Еще 17 ноября 1810 г. М. издал от имени Идальго распоряжение, в котором указывалось, что впредь все жители Мексики, за исключением уроженцев метрополии, будут именоваться не индейцами, метисами, мулатами и т. д., а американцами. Декретировались также отмена рабства, упразднение податей, аннулирование задолженности населения европейцам, предусматривалась ликвидация пороховой монополии.

Так и не добившись понимания своих противников по ситакуарской хунте, он, являясь ее членом, практически не принимал участия в ее деятельности. Продолжая собирать патриотические силы на юге страны, он искал там приверженцев своих идей. В середине ноября 1811 г. М. штурмом овладел Чаутлой и направил отряды в западном и юго-восточном направлениях, а сам с главными силами пошел на север. В середине декабря он нанес поражение пытавшимся преградить ему путь испанским войскам и вскоре занял Куаутлу. В конце 1811 г. один из отрядов М. занял важный административный и торговый центр Теуакан.

К концу 1811 г. повстанцы добились новых успехов и значительно расширила сферу своих действий. Хотя важные города, в том числе и портовые, находились в руках испанцев, за пределами их действовали партизаны, которые постоянно угрожали крупным центрам. Сообщение между столицей и портом Веракрус было прервано, а дорога на Орисабу почти закрыта для испанцев. В это время провинции Гуанахуато, Халиско, Мичоакан, Сакатекас и значительная часть Пуэблы, Веракруса, Сан-Луис-Потоси и Мехико были почти целиком в руках

восставших, между тем как испанские гарнизоны держались в немногих укрепленных городах.

Встревоженные ходом событий в Мексике, колониальные власти решили увеличить и усилить карательные войска. По предложению генерала Кальехи в каждом городе были сформированы пехотные и кавалерийские подразделения. Все домовладельцы обязаны были нести в них службу. Лицам, не зачисленным в эти формирования, запрещалось иметь какое-либо оружие. Понимая, что центром повстанцев является Ситакуаро, испанцы решили направить главный удар против него. В середине ноября 5-тысячная испанская армия двинулась на Ситакуаро и 1 января 1812 г. подошла к этому городу. На следующий день повстанцев выбили из города, который вскоре был разрушен. Захваченные в плен были расстреляны, а хунта, бежав, перенесла свою резиденцию в расположенный юго-восточнее Сультепек. Кальеха объявил, что индейцы Ситакуаро и его окрестностей лишаются своих прав и имущества и приказал снести или сжечь все городские здания.

После взятия Ситакуаро колониальные власти считали главной угрозой отряды М. В феврале 1812 г. армия Кальехи была направлена на Куаутлу, где М. сосредоточил свои основные силы. Город был сильно укреплен. На подступах к нему и на городских улицах были вырыты траншеи, возведены валы с амбразурами и бойницами, а нижние этажи домов укреплены и приспособлены к обороне. Подойдя к Куаутле, Кальеха попытался штурмом овладеть им. Однако все его атаки оказались безуспешными. Испанские войска были вынуждены перейти к осаде. 10 марта они приступили к интенсивному артиллерийскому обстрелу города, но и это не сломило со-

противление осажденных. Пробитые днем бреши в городских стенах ночью заделывались, и на следующее утро осаждающим приходилось начинать все сначала. Вскоре Кальеха понял, что на капитуляцию гарнизона рассчитывать не приходится и стал ориентироваться на длительную блокаду, надеясь взять повстанцев измором. Отрезанные от внешнего мира, осажденные страдали от голода, недостатка воды, но к этим неприятностям добавилось еще одно бедствие. В городе разразилась чума, ежедневно уносившая 20—30 человеческих жизней. М. объявил, что всякого, кто заговорит о капитуляции, ждет смерть.

Стремясь деморализовать осажденных, Кальеха направил М. копию акта об амнистии, декретированной в ноябре 1811 г. испанскими кортесами. Но повстанцы не собирались сдаваться. В ночь на 2 мая они попытались под покровом темноты эвакуировать город. Однако испанцы вскоре заметили их передвижение и ударили им в тыл и во фланг. В результате непродолжительного боя восставшие потеряли около 800 человек убитыми, а остальные были рассеяны. М. бежал на юг, где приступил к созданию нового войска. Победители устроили жестокую расправу над безоружными горожанами. По признанию самого Кальехи, дорога на протяжении 7 лиг (почти 40 км) была сплошь покрыта трупами. Укрепления Куаутлы были разрушены.

Поражение М. и падение Куаутлы укрепили позиции испанцев, которые в этот период активизировали свои действия и в других районах страны. В Новой Галисии испанские войска в начале апреля 1812 г. разгромили партизанский отряд Торреса. В Гуанахуато они в течение долгого времени безуспешно вели борьбу с партизанами, которыми коман-

довал Альбино Гарсий. Наконец, в начале июня им удалось обманом захватить в плен этого командира и большую группу его бойцов. В мае—июне испанские войска овладели крупным горнопромышленным центром Пачукой, а также Толукой, Орисабой. Затем они решили бросить свои части на Сультепек, где находилась ситакуарская хунта.

Чтобы прекратить рост повстанческих настроений среди населения, вице-король Венегас издал 25 июня 1812 г. приказ о том, что все лица, оказывающие сопротивление испанским войскам, подлежат военноплевному суду. 14 сентября были расстреляны трое из захваченных в плен руководителей восставших.

К середине 1812 г. испанцам удалось в некоторой мере стабилизировать положение в Мексике. Воодушевленные успехами, власти пошли на некоторые уступки. Еще 24 сентября 1810 г. на острове Леон, близ Кадиса, открылись заседания кортесов. 15 октября ими было декларировано, что заокеанским владениям Испании предоставляются равные права с ее европейскими провинциями. Был издан декрет и о всеобщей и полной амнистии за все политические преступления при условии безоговорочного признания испанского суверенитета. В середине 1810 г. испанские депутаты, представлявшие Испанскую Америку, внесли ряд предложений, направленных на обеспечение свободы колониальной торговли, отмену ограничений развития промышленности и сельского хозяйства, упразднение монополий, уравнивание американцев в правах с уроженцами метрополии. Лишь 18 марта 1812 г. кортесы приняли конституцию (Кадисская конституция), в которой эти требования нашли свое отражение.

Кадисская конституция провозглашала идею народного суверенитета, ограничивала власть короля,

отменяла феодальные привилегии. Однако она сохраняла монархический строй и господствующую роль католической церкви. Предусматривался ряд изменений в системе управления и судопроизводства: запрещалось соединение гражданской и военной власти, упразднялись все судебные привилегии и особые суды (следовательно, и инквизиции, а также «комитет безопасности», ведавший делами о государственной измене), было предусмотрено создание выборных городских и провинциальных советов. Вице-король опубликовал принятый кортесами (1810 г.) закон о свободе печати.

Все это повлияло на активизацию повстанческого движения. Сторонники независимости, почувствовав свою силу, выступали в печати против колониального режима и призывали народ к борьбе с испанцами. В свою очередь, это повлекло за собой отмену свободы печати, была восстановлена цензура. Населению было запрещено собираться группами на улицах. Последовал ответ сторонников независимости, которые сразу же заявили, что невыполнение конституции 1812 г. дает им, даже с точки зрения испанского законодательства, основание к защите своих прав силой оружия.

С осени 1812 г. освободительное движение особенно активизировалось в Южной Мексике, где действовал М. 10 августа он занял Теуакан, ставший его штаб-квартирой. Здесь он приступил к реорганизации и обучению своих отрядов. Большое внимание М. уделял вооружению, а также поднятию дисциплины и морального духа своих бойцов. Он вел решительную борьбу с мародерством.

В начале ноября М. двинулся на Оахаку, и 25-го ноября этот город был взят им после двухчасового боя. Было захвачено много пленных, воору-

жения и боеприпасов. Имущество испанских владельцев было подвергнуто конфискации. В городе М. организовал гражданское управление, назначил нового интенданта и создал городской муниципалитет из мексиканцев. Вскоре он провел ряд операций против мелких испанских гарнизонов, сосредоточенных в районе Оахаки.

К началу 1813 г. единственным опорным пунктом колонизаторов на южном побережье оставался порт Акапулько. Оставив часть своих сил в Оахаке, М. двинулся с остальными на запад и в начале апреля блокировал Акапулько с суши. 12 апреля он штурмом овладел городом, однако в руках испанцев оставалась еще расположенная на противоположном берегу гавани крепость, осада которой затянулась на несколько месяцев.

К этому времени большая часть территории к югу от линии Тампико—Лагос—Колима находилась в руках повстанцев. Недовольные бездействием Венегаса, испанские власти решили сменить его и назначить на пост вице-короля генерала Кальеха. Для подавления восставших новый вице-король принялся изыскивать финансовые средства и набирать рекрутов в армию. Было сформировано ополчение, на которое возлагалась задача несения гарнизонной службы и местной обороны. Военными властями было предложено усилить наблюдение за лицами, подозреваемыми в поддержке или сочувствии повстанцам. Чтобы отвлечь народ от освободительной идеи 28 апреля 1813 г., Кальеха опубликовал принятый кортесами еще в ноябре прошлого года декрет об отмене всех личных повинностей индейцев и распределении среди них земель. 8 июня 1813 г. был обнародован в Мехико декрет кортесов об упразднении инквизиции, а в августе — де-

крет о передаче всех пустошей и казенных земель частным лицам.

Пользуясь тем, что войска М. были заняты затянувшейся осадой Акапулько и действовали сравнительно далеко от столицы, испанцы сосредоточили свои основные силы в центральных провинциях. Используя локальный характер партизанского движения, слабую связь между отдельными отрядами и разногласия среди руководителей, они ликвидировали очаги восстания один за другим и в апреле—мае 1813 г. нанесли поражение отрядам Игнасио и Рамона Районов, священника Вердуско, Лисеаги, которые действовали в провинциях Мичоакан и Гуанахуато. В мае—июне были разгромлены повстанческие силы в районах Уичапан и Симапан (к северу от Мехико).

Таким образом, к осени 1813 г. более или менее компактная территория, контролируемая повстанцами, осталась только в Южной Америке, где действовали отряды М. Повстанческое движение нуждалось в едином руководящем органе и программе дальнейших действий. Для этой цели по инициативе М. в сентябре 1813 г. был созван конгресс. На нем были представлены члены ситакуарской хунты и назначенные М. делегаты от различных провинций страны. Первым актом «Верховного национального американского конгресса» было провозглашение М. генералиссимусом с возложением на него функции главы исполнительной власти. В тот же день (14 сентября) М. представил конгрессу документ «Чувства нации», который содержал следующие основные положения: 1) Америка является свободной и независимой от Испании и любой другой державы; 2) суверенитет должен принадлежать непосредственно народу, который только и может пе-

редать его своим представителям, при соблюдении принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную; 3) Мексика не станет свободной до тех пор, пока тираническое правление не будет заменено либеральным; 4) испанцы должны быть удалены с мексиканской земли; 5) конгресс должен издать законы, которые уменьшили бы роскошь одних и нищету других; 6) следует запретить рабство и деление населения на расовые категории; 7) необходима гарантия собственности и неприкосновенности жилища; 8) пытки должны быть запрещены; 9) необходимо упразднить бесчисленные подати и сборы.

В программе действий освободительного движения М. заявил, что «все богачи, знать и крупные чиновники, креолы и гачупины должны рассматриваться как враги нации и приверженцы тирании». Всем командирам повстанческих войск предлагалось при занятии какого-либо населенного пункта немедленно производить конфискацию имущества лиц, принадлежащих к указанным выше категориям, половину его распределить среди населения, а другую половину использовать для военных нужд. Предусматривалась также конфискация богатств церкви, ликвидация латифундий, поощрение мелкоземлевладения.

6 ноября 1813 г. конгресс принял декларацию независимости, которая гласила, что Новая Испания, или Анауак, является свободной от испанского контроля и имеет право самостоятельно решать свою судьбу и заключать договоры с иностранными державами. Всякий, кто выступит против этого акта или окажется содействовать освободительной армии, будет объявлен виновником в государственной измене. В связи с этим было решено в каждом горо-

де мобилизовать половину мужчин, способных носить оружие.

Добившись значительных военных успехов на юге, М. решил перенести военные действия на север. Для этого он стремился овладеть Вальядолидом, занимавшим центральное положение и являвшимся опорным пунктом испанцев. На следующий день после провозглашения независимости армия М. выступила из Чильпасинго на северо-запад. По дороге к ней присоединились отряды других руководителей повстанцев. 22 декабря армия подошла к Вальядолиду и завязала бой с его гарнизоном. Однако на следующий день испанцы получили подкрепление и, внезапно атаковав противника, нанесли ему серьезное поражение. Основная масса повстанцев во главе с М. отступила на юг. В начале января 1814 г. испанские войска атаковали и окончательно разгромили их в районе Пуруарана. В плен были захвачены около 700 партизан, в числе которых оказался и один из повстанческих командиров Матаморос. В обмен на него повстанцы предложили 200 пленных испанцев, но испанцы отказались от такого обмена и расстреляли Матамораса.

Испанцы решили использовать разгром главных сил М. для того, чтобы покончить с конгрессом. Во второй половине января 1814 г. они двинулись в Чильпасинго. Узнав об этом, делегаты конгресса переехали в Тлакотепек (к северо-западу от Чильпасинго). Вскоре сюда прибыл и М. Сохранив функции главнокомандующего повстанческой армии, он вынужден был под давлением своих противников (И. Района и др.) отказаться от полномочий главы исполнительной власти.

Тем временем превосходящие силы испанцев продолжали преследование разрозненных отрядов

повстанцев. Пытаясь настичь конгресс, который передвигался вместе с отрядами партизан, они во второй половине февраля 1814 г. форсированным маршем двинулись к Тлакотепеку, но успели захватить лишь архивы и обоз конгресса.

Испанские власти активизировали военные действия и в других районах. В конце марта карательные войска заняли г. Поахаку и стали восстанавливать по всей провинции прежнюю администрацию. Значительные успехи были достигнуты ими также в Пуэбле и Веракрусе. Преследуя М., они подошли к Акапулько, но партизаны уже успели покинуть город. Затем испанские войска двинулись вдоль побережья на северо-запад. Здесь они в конце июня разгромили отряд Галеаны, сподвижника М.

Тем временем обстановка в Испании значительно изменилась, что не могло не повлиять на положение в Мексике. Французские оккупанты были изгнаны из страны, куда в марте 1814 г. вернулся Фердинанд VII. Он распустил кортесы, приказал арестовать регентов и 4 мая издал указ об отмене Кадисской конституции 1812 г., а также всех декретов, изданных кортесами, начиная с 1808 г. Восстановив статус-кво в метрополии, он активизировал усилия на подавление восстаний в американских колониях. В Мексику и др. колонии были направлены подкрепления.

В ознаменование возвращения короля колониальные власти в Мексике устроили пышные празднества с торжественными процессиями и церковными службами, фейерверками, иллюминацией, боями быков, банкетам и балами. В начале августа здесь был получен указ Фердинанда VII от 4 мая, и конституция 1812 г. была отменена. Были восстановлены все прежние права провинций Мехико и Гуада-

лахары. В середине декабря 1814 г. власти распорядились восстановить прежнюю судебную систему, а в январе 1815 г. возобновила свою деятельность инквизиция. 1 марта последовал королевский указ, вновь введивший уплату подушной подати индейцами. Вице-король Кальеха в своих приказах угрожал смертной казнью всем, кто с оружием в руках будет продолжать сопротивление властям. Он также пригрозил конфискацией имущества тем лицам, которые направятся в районы, занятые партизанами, даже если они не примут участия в военных действиях. Вместе с тем, чтобы заручиться поддержкой коренного населения, пяти креольским представителям были представлены места в восстановленном Совете по делам Индии.

В ответ на этот жест странствовавший в сопровождении небольшой охраны по провинции Мичоакан конгресс 22 октября 1814 г. в городе Алацингане провозгласил первую в истории Мексики конституцию — «Конституционный указ о свободе Мексиканской Америки». Этот документ базировался на положениях Кадисской конституции 1812 г., хотя и несколько модифицированных. Однако в отличие от испанской мексиканская конституция устанавливала республиканский строй, провозглашала суверенитет народа и специально оговаривала его право на создание и смену правительства по своему усмотрению. Провозглашался принцип разделения властей: исполнительной, законодательной и судебной. Отмечалось, что высшим представительным органом должен являться конгресс, состоящий из депутатов от провинций, избираемых трехстепенным голосованием на 2 года. Право голоса предоставлялось местным уроженцам, достигшим 18 лет. Конгресс должен был назначать

сроком на 3 года членов правительства и верховного суда. Конституция декларировала свободу слова, печати, неприкосновенность жилища, равенство граждан перед законом.

М. одобрил апацинганскую конституцию. Но он отметил, что предусмотренная ею система управления в тогдашних условиях не могла быть практически осуществима. Ко времени ее принятия все более или менее крупные партизанские отряды были разгромлены. К весне в Мичоакане уцелел лишь отряд Р. Района. Конгресс вынужден был перебираться с места на место, убегая от преследования испанских властей. Поскольку в провинциях Пуэбле и Веракрусе обстановка была более благоприятной, конгресс решил перенести свое местопребывание в этот район. Организацию перехода взял на себя М. Он собрал около тысячи бойцов и, под охраной этого отряда уцелевшие депутаты конгресса двинулись на восток.

Однако испанское командование, узнав о передвижениях повстанцев, направило вслед за ними войска. 5 ноября 1815 г. они нагнали отряд М. М. послал членов конгресса с охраной вперед, а остальных партизан оставил на месте для прикрытия отхода. Завязался ожесточенный бой, силы противников были неравными. В результате повстанцы потеряли много человек убитыми и ранеными, а М. был захвачен в плен, доставлен в Мехико и передан в руки инквизиции.

Его объявили еретиком и в одежде кающегося грешника привели на публичный суд. Затем М. был отрешен от духовного сана, передан военным властям и приговорен к смертной казни. Однако из страха перед возможными народными волнениями колониальные власти решили казнить М. не публично и

в столице, а тайно вывезли его из Мехико и расстреляли 22 декабря 1815 г.

С гибелью генералиссимуса повстанческого движения Мексика потеряла своего наиболее выдающегося руководителя. М., отличаясь скромностью и называя себя не иначе, как «слугой нации», обладал исключительной силой воли и твердым сознанием своего долга перед родиной. Его незаурядные полководческие способности во многом способствовали успехам повстанцев в борьбе против колониальных властей. С его смертью освободительное движение приостановилось. В движении, возглавляемом М., слились воедино индейский мятеж и социальная революция. Будучи выходцем из низших слоев населения, он провозгласил лозунг: «Считать врагами всех богачей, всю знать и высших чиновников!» однако основной целью его борьбы было установление независимости Мексики от испанского владычества.

МОРОЗИНИ ФРАНЧЕСКО-ДЖЕРО-ЛАМО (1618—1696), венецианский адмирал и генералиссимус. Происходил из знаменитого венецианского патрицианского рода.

Во время войны с Турцией, длившейся почти 25 лет, М. был назначен главнокомандующим венецианского флота, а затем — главным начальником войск по защите крепости Кандия. Эта крепость находилась почти посередине северного побережья острова Крит.

В 67 г. до Р. Х. остров был завоеван Римом. В Средние века им владела Византия (395—823, 961—1204 гг.). Временами на острове хозяйничали арабы, а в 1204 г. он был захвачен крестоносцами и продан Венеции. Под властью Венеции Кандия была сделана главным городом острова. Здесь возвели сильную, почти неприступную, крепость. Но в XVII в. на остров позарилась Османская империя. Турки пытались осаждать крепость пять раз: в 1645, 1649, 1656 гг. Затем последовала десятилетняя блокада острова. А в 1666 г. к нему прибыло 151 турецкое военное судно и 524 ед. транспорта. Они доставили сюда многочисленную армию: 200 тыс. чел. пехоты и 15 тыс. конницы. Они овладели небольшой крепостью Теодоро, крепостью Канея и портом Ретимно, а затем подошли к Кандии и расположились в двух милях от ее укреплений.

Кандия была сильно укреплена и связана морем с соседним островом Стандия, имевшим шесть превосходных гаваней-убежищ для венецианского флота. Поэтому турки лишь блокировали Кандию, а главные силы обратили против других городов острова Крит. В течение двух лет венецианцы потеряли все свои владения на Крите, кроме Кандии и портов Суза, Карабуза и Спиналонга. Венецианские

флоты под командованием Капелло и М. хотя и крейсировали на море, но оставались в бездействии. 1647 г. прошел в незначительных стычках, но в конце апреля 1648 г. турки приступили к осаде Кандии. Гарнизон крепости насчитывал 10 тыс. человек, но вследствие постоянных военных действий и болезней он уменьшился, а пополнение его было затруднено. Комендантом крепости был генерал Гримальди, но главнокомандующим войск в крепости и на всем острове был назначен генералиссимус М.

В начале осады турки занялись постройкой батарей для артиллерии. В результате трехмесячной осады и артобстрелов им удалось овладеть двумя бастионами, но общий штурм был отбит. Вскоре янычарам удалось овладеть еще одним бастионом, но и на этот раз венецианцы отбросили их обратно.

Осада шла медленно. Причиной тому была малочисленность осадной армии и недостаток снарядов. Вскоре дошло до того, что осадные войска отказались идти в траншеи до получения подмоги. Гуссейну-паше, турецкому командующему, удалось прекратить бунт лишь с помощью моряков. 30 августа 1649 г. Гуссейн-паша снова приступил к осаде Кандии, но на этот раз избрал противоположную сторону крепости. Однако и эта атака не удалась, т. к. несколько янычарских полков своевольно покинули остров и возвратились в Константинополь. Военные действия прекратились до 1666 г. На протяжении всего этого времени турки поддерживали блокаду Кандии и держали гарнизоны во всех занятых ими областях острова. Не прекращалась также подготовка к окончательному штурму крепости.

Но и венецианцы также готовились к защите. Они получили помощь почти из всех стран Зап. Европы. Ко времени начала осады в состав гарнизона

входили войска: папские, испанские, мальтийских рыцарей, французские, епископа Страсбургского, брауншвейг-люнебургские, баварские, имперские, германские, голландские и сборная дружина с островов Корфу, Кефалонии, Занте, Чериги и др. С этими войсками прибыли многие выдающиеся офицеры из разных стран: германский генерал Вальдек, барон Кенигсмарк, испанский интендант фортификации и артиллерии Вернеда, германские инженеры Римлер и Вермюллер. Людовик XIV командировал в Кандию французского инженер-генерала, маршала де Вилля, который стал лучшим помощником генералиссимуса М. по организации обороны. По пути следования в Кандию де Вилль по поручению венецианского сената сформировал вспомогательный отряд из 8295 человек пехоты и 1008 кавалеристов. 26 февраля 1666 г. под огнем турецкою артиллерии он высадился с этим отрядом на Крите и предпринял осаду крепости Канея. Но вылазка, произведенная турками, отсутствие припасов и фуража, а также непрерывные ливни и прибытие в Канею подкреплений заставили де Вилля прекратить осаду и отправиться в Кандию. Здесь, после встречи с М., он настоял на наступлении, и 19 апреля выступил из крепости с отрядом в 6100 человек французской пехоты и 650 кавалеристов, расположил его лагерем между крепостью и главными силами турок и начал укрепляться. Это подняло дух жителей Кандии, получивших возможность впервые после 22-летнего заключения выйти за городские стены. Но турки стали совершать ежедневные нападения на укрепленный лагерь де Вилля, в его окопах начались кровопролитные бои. М. приказал де Виллю возвращаться в крепость после того, как узнал о прибытии большого подкрепления к неприятелю, что и было

сделано 1 июня 1666 г. В сентябре в крепости приступили к исправлению и усилению укреплений по проекту, составленному Вернеда. Все работы были закончены в сорок дней.

3 ноября 1666 г. на острове Крит у Канеи высадилась многочисленная турецкая армия под командованием великого визиря Кьюпрули-паши. В течение полугода турецкая армия занималась заготовкой материалов для осады, а 27 мая 1667 г. она подошла к Кандии. Численность осадной турецкой армии составляла 70 тыс. человек. Великий визирь приказал взорвать форт Новая Кандия; на месте форта турки расположили свой лагерь. Кьюпрули-паша избрал для атаки бастионы Панигра, Вифлеем и Мартиненго и соответствующим образом расположил свои войска. На следующий день турки начали траншейные работы и на семнадцатый день сумели подвести траншеи к демилюну Моченаго на расстояние ружейного выстрела. На следующий день они открыли артиллерийский огонь семи осадных батарей из 55 пушек и 11 мортир. После целого дня непрерывного артобстрела турки попытались штурмовать демилюн, но были отброшены.

Подкопы и артобстрелы продолжались почти непрерывно и в последующие четыре месяца. Защитники крепости отвечали яростными артиллерийскими контрударами и вылазками против турок. На одну из них генералиссимус М. дал согласие в начале сентября. Отрядом смельчаков командовал все тот

* Крепость Кандия имела семь бастионов: Сабьонера, Веттури, Езус, Мартиненго, Вифлеем, Панигра и св. Андрея. Крепость заложили арабы, завоевавшие остров у Византии в 820—23 гг. от Р. X.

же бесстрашный де Вилль. Контратака, осуществленная под покровом ночной темноты по всему фронту крепости, заставила турок покинуть передовые линии.

Но это были лишь редкие удачи в противостоянии грозной силе. К концу октября 1667 г. Кьюпрули-паша окончательно убедился, что взять укрепление Панигру открытой силой невозможно, и все работы осадной турецкой армии свелись к сооружению подкопов. 12 ноября обороняющиеся произвели очередную вылазку, но она оказалась безуспешной. А вскоре, с середины ноября, пошли проливные дожди, залившие подступы и минные галереи. Великий визирь вынужден был остановить работы и отвести осадную армию на зимние квартиры. За время осады крепости (с 27 мая 1667 г.) они потеряли более 20 тыс. человек. Гарнизон не досчитался 7 тыс. человек солдат и 2111 женщин и детей, помогавших при оборонительных работах.

В середине января 1668 г. по приказу Кьюпрули-паши турки очистили затопленные зимой траншеи и возобновили работы по осаде крепости. На этот раз они направили свои действия против бастиона св. Андрея. С этого момента начался второй этап осады Кандии. Предвидя новые бедствия, генералиссимус М. обратился к верховному совету Венеции, а тот, в свою очередь, к европейским государствам за помощью. Но в Европе бушевали свои страсти, и помощь почти не поступала. А тем временем перебежчики из крепости сообщили великому визирю, что наиболее слабыми местами в обороне крепости являются бастионы св. Андрея и Сабьонеры. Кьюпрули-паша приказал построить напротив этих бастионов укрепления из фашии и туров для обстреливания с обеих сторон входящих

в гавань судов, а по берегу моря расположил траншейные кавальеры. Получив подкрепления и снаряды, главнокомандующий турецкой армии начал осадные работы у бастиона Сабьонеры (11 июля 1668 г.).

Редкие вылазки осажденных иногда причиняли туркам большой урон, но вылазки не могли подорвать всей турецкой мощи, брошенной на о-ов Крит. Видя малую эффективность действий с суши, великий визирь Кьюпрули-паша задумал нападение на венецианский флот, находившийся в хорошо защищенных гаванях Стандии. Он отправил для расправы с флотом 20 галер с отборными моряками и двухтысячную отборную пехоту под командованием Галипа-паши Анатолийского.

Узнав об этом, де Вилль сумел склонить генералиссимуса М. на ответные меры. Была снаряжена контрэкспедиция, в которую вошли все наличные морские силы. В ночном морском сражении турки были наголову разбиты, венецианцы захватили почти все их галеры и 400 пленных, которых обменяли на 1100 христиан. Ободренный успехом, гарнизон 9 и 10 марта вел сильнейший артобстрел осадных работ. Проливные дожди и бури в конце марта довершили начатое ими, и турки вынуждены были прекратить работы. Но в апреле они снова стали наращивать силы, а гарнизон принялся за восстановление разрушенного. 21 апреля де Вилль покинул Кандию и отбыл по вызову герцога Савойского. На его место прибыл Александр Дююи, маркиз де Сент-Анж-Монбрюн. Вторым начальником войск, на случай отсутствия генералиссимуса М., был назначен Катарино Корнаро.

К концу августа осадная турецкая армия сумела

сделать значительные подкопы под бастионы Сабьонера и св. Андрея. В результате мощного артобстрела под бастионом св. Андрея образовалась брешь. 26 августа турки штурмовали эту брешь, но вынуждены были отступить с большими потерями. Однако разрушения обоих бастионов и потери гарнизона были столь велики, что положение осажденных стало критическим.

В конце октября в Кандию прибыли войска талантливого 25-летнего полководца герцога Лотарингского (см. **КАРЛ ЛОТАРИНГСКИЙ**), а в начале ноября — отряды французских и мальтийских рыцарей. Но и этих сил было недостаточно, чтобы организовать оборону и достойный отпор наступавшему противнику. Расстояние между линией обороны защитников и траншеями турок было так мало, что можно было вступать в словесные перепалки, которые часто заканчивались рукопашным боем.

Зимой турки почти не двинулись вперед, а осажденные поспешно исправляли повреждения своих укреплений. Но весной 1669 г. осадная армия возобновила работы. И хотя осада велась медленно, но довольно успешно. К началу апреля положение крепости было критическим. Осажденные нуждались в продовольствии, вооружении и деньгах. Верховный совет Венеции сумел добиться отправки помощи европейских государств на Крит, но это уже вряд ли могло облегчить участь крепости Кандия. Дневные контратаки и ночные вылазки защитников крепости приносили несоизмеримо малый урон осадной турецкой армии в сравнении с той мощностью, которую она наращивала день ото дня. К началу июля турки не только заняли некоторые части валов бастиона св. Андрея,

но и стали уже выходить с прибрежной стороны за 1-й ретр-мент.

В это же время начались раздор и разногласия между старшими начальниками в обороне. Они привели к тому, что 8 августа герцог Ноайльский со своим французским отрядом и частью итало-германских войск покинул крепость. Об этом стало известно туркам, и 14 августа они предприняли решительный штурм. И крепость уже не могла больше сопротивляться. Генералиссимус М. приказал перевезти всех больных, раненых, женщин и детей на остров Стандия, а 21 августа он начал первые переговоры с турками об условиях сдачи крепости. В течение трех последующих дней канонада продолжалась с одной и с другой стороны, а 26 августа 1669 г. крепость Кандия сдалась на следующих условиях: 1) гарнизону и жителям предоставляется 12 дней для оставления крепости и вывоза всего их имущества; 2) в пользу турецкого гарнизона, занимающего крепость, остается 30 орудий и запас муки, и этим ограничиваются притязания сторон; 3) во власти Венецианской Республики на острове остаются три гавани: Суда, Спина-Лонга и Карабуза и при каждой 30 квадратных миль земли; 4) дань в 500 тыс. червонцев, которую Республика уплачивала Порте до начала войны, отменяется навсегда.

Сдачей крепости Кандия закончилась турецко-венецианская война, длившаяся 25 лет. За это время турки трижды осаждали ее, но лишь последняя осада (длилась 2 года 3 месяца и 27 дней, став примером мужества в мировой истории крепостных войн) увенчалась успехом.

После возвращения в Венецию генералиссимус М. был привлечен к ответственности. Но в резуль-

тате судебного разбирательства он был оправдан. М. возглавил войска в следующей войне против Османской империи и в значительной мере содействовал захвату Пелопоннеса (за что поучил прозвище «Пелопонесского»), а также Афин. В 1688 г. М. был избран венецианским дожем* и пробыл на этом посту до конца своей жизни (1696 г.).

* Глава Венецианской Республики, избирался пожизненно. Дожи избирались и в Генуе, но с 1528 г. сроком на два года.

ОМЕР-паша (урожденный МИХАИЛ ЛАТОШ, 1806—1871), турецкий полководец, генералиссимус.

Происходил из семьи австрийского офицера. По достижении совершеннолетия поступил на службу в австрийскую армию и некоторое время прослужил в ней. Но потом уволился со службы, переселился в Боснию и поступил в домашние учителя. Здесь он принял ислам, а во время восстаний в Балканских княжествах попал в адъютанты к турецкому генералу Хозрову-паше, реформатору турецкой армии. В это время Турция ведет почти нескончаемые войны, связанные с уже четко наметившимся распадом Османской империи и стремлением ее вассалов к самостоятельности. Восточный вопрос* все более обострялся, и в его разрешении активное участие приняли Россия и государства Европы, имевшие свои геополитические интересы в этом регионе.

Согласно российской дореволюционной дипломатии, фактическим началом Восточного вопроса было принято считать захват турками Константинополя (1453 г.) — конец Византийской империи и утверждение турецкого господства в этом пункте мирового значения. Названный в честь императора Константина I, город являлся столицей Римской империи, а затем и Византийской империи. Импе-

* Восточный вопрос, принятое в дипломатии и в исторической лит-ре обозначение международных противоречий в XVIII—XX вв., связанных с наметившимся распадом Османской империи, нараставшим национально-освободительным движением населявших империю народов и соперничеством великих европейских держав за раздел ее владений.

рия стала колыбелью новой мировой религии — христианства, и Константинополь продолжительное время был ее центром. После Второго Никейского собора (783—787 гг.) христианство разделилось на восточную (с центром в Константинополе) и западную (с центром в Риме) ветви, но значение империи и ее столицы от этого не уменьшилось. Потеряв в VII в. часть своих владений (Сирию, Палестину и Египет), Византия продолжала оказывать огромное религиозное и культурное влияние на русский и балканские народы.

После падения империи и захвата ее столицы турками (Константинополь был переименован в Стамбул) московский царь Иван III взял в жены наследницу Палеологов — Зою (Софью), племянницу последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Московская Русь стала, таким образом, преемницей Византийской империи. Двуглавый орел достался в наследство московским царям, а Москва стала «третьим Римом».

Долгое время Московская Русь страдала от своих внутренних проблем и мало обращала внимания на восточные события, заботясь лишь о безопасности своих южных границ. И только при царе Алексее Михайловиче она окрепла настолько, что открыто признала своим долгом освобождение балканских христиан.

«Бог призовет меня к отчету в день суда, если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим», — говорил русский царь. Именно в годы правления этого царя Юрий Крижанич изложил ему идею объединения всех славян не на религиозной почве, а по этнографическому принципу. В докладной записке на имя царя А. Ордин-Нащокин**

развил эту мысль (1664 г.). Он уговаривал царя соединиться с Речью Посполитой для совместной войны против Турции. Но идея эта воплотилась лишь в годы правления царя Федора Алексеевича. Война закончилась Бахчисарайским миром (1682 г.), и по нему впервые было установлено право русских людей отправляться в паломничество в Иерусалим. Успехи Турции привели к созданию т. н. «священного союза». В него вошли Австрия, Речь Посполитая, Испания, а позже и Россия.

Новый толчок развитие Восточного вопроса получило при Петре I. Оно было направлено, в первую очередь, в сторону морских интересов России на юге: в 1695 г. был взят Азов, в 1699 г. дьяк Емельян Украинцев в качестве посла добился от турок мира на 30 лет, уступки Азова и Таганрога, права иметь постоянного посла в Царьграде и покровительства паломникам и купцам. Но в дело тут же вмешались Англия и Голландия. Под их нажимом султан не уступил права русским судам беспрепятственно пла-

* Крижанич Юрий (1618—1683), славянский ученый-энциклопедист, писатель. По нац. хорват. Сторонник идеи «славянского единства», главную роль в осуществлении которой отводил Русскому государству. В 1659 г. прибыл в Москву, выдвигал программу преобразований в Московском государстве, но в 1661 г. сослан в Тобольск (по неизвестным причинам), а в 1676 г. выехал из России.

** Ордин-Нащокин Аф. Лавр. (1605—1680), русский дипломат, боярин воевода. Руководил внешней политикой Московской Руси в 1667—71 г., посольским и др. приказами. Заключил Андрусовское перемирие. В 1672 постригся в монахи.

вать в Босфоре. А вскоре был нарушен и мир: подстрекаемая Францией (боровшейся с Петром I из-за кандидата на польский престол), Турция в 1710 г. объявила войну России. Поход едва не закончился катастрофой, и по Прутскому миру (1711 г.) Россия потеряла Азов и право посольства, но зато впервые приобрела свободу торговли в Турции.

Преемники Петра I в Восточном вопросе положились на Австрию, что привело к войне, походу Миниха и Белградскому миру (1739 г.), по которому Азов остался за Россией, но подлежал разоружению; между Россией и Турцией проводилась нейтральная зона, а торговля на Черном море разрешалась только с турецких судов. При Елизавете войн с Турцией не было, но сближение со славянами продвинулось вперед: в 1755 г. посольство Черногории просило о вступлении в русское подданство, а греки высказывались за восстановление Византийской империи.

При Екатерине II война с Турцией возобновилась. Предлогом стало вмешательство Турции в дела Речи Посполитой, но на самом деле причиной войны было повышение российского авторитета среди балканских народов-единоверцев, к которым были посланы особые эмиссары. Победы Орлова при Чесме, Румянцева на Дунае и Долгорукова в Крыму привели к бегству крымского хана и заключению с татарами отдельного от Турции мира (1772 г.). Возникли серьезные опасения со стороны европейских государств за успехи России на Востоке. Они сумели остановить их втягиванием России в 1772 г. (Фридрих II, король Прусский) в раздел Речи Посполитой и подписанием секретного союзного договора с Портой (Австрия, в 1771 г., чтобы воспрепятствовать присоединению к России Дунайских кня-

жеств). Но и после этого Россия по Кучук-Кайнарджийскому миру (1774 г.) многое приобрела: Азов, Керчь, Кабарду, Кинбурн; право торгового судоходства в Черном и Средиземном морях, право заступничества за турецких православных христиан, право иметь в Турции своих консулов; была признана политическая независимость всех черноморских татар; всем восставшим против султана христианам была гарантирована амнистия; христиане Архипелага, Мингрелии и Грузии были также защищены текстом договора от произвола пашей.

Успех российской дипломатии встревожил Австрию. В результате ее подстрекательств Турция отказалась признать собственность России на Кинбурн, Керчь и Еникале. Разгадав политику Фридриха II, Екатерина II подписала «дополнительный договор с Турцией (1779 г.), а в 1781 г. был заключен союз с Австрией, который положил начало колебательному отношению России к Восточному вопросу: она вынуждена была быть то против Австрии, то за нее. Из неправильного представления о возможности сокрушить Турцию самостоятельно родился т. н. «Греческий проект» Потемкина. Князь предлагал в союзе с Австрией возродить Греческую империю. А между тем интересы и цели австрийской политики были несо-

* Потемкин Григ. Ал-др. (1739—91), рус. гос. и воен. деятель, генерал-фельдмаршал, один из участников дворцового переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник имп. Екатерины II. Способствовал освоению Сев. Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. Главнокомандующий рус. армией в рус.-тур. Войне 1787—91 гг.

вместимы с независимостью балканских славян. Поэтому Австрия предъявила России столь большую цену за осуществление этого проекта, что смысл его свелся лишь к мирному завоеванию Крыма и торговому договору с Портой, по которому русские товары облагались пошлиной наравне с французскими и английскими, а за консулами признавалось право капитуляции.

Не желая мириться с потерей Крыма, Турция заручилась поддержкой Пруссии и Швеции и объявила войну России (осенью 1787 г.). Из опасений, что Россия одна воспользуется плодами победы, австрийский император Иосиф II, в свою очередь, объявил войну Турции. Одновременно вспыхнули восстания в Албании, Греции и Македонии. Победы Суворова (см.) при Кинбурне, под Фокшанами и Рымником уже сулили полный разгром Турции, но внезапная смерть Иосифа II (1790 г.) привела к разрыву австро-русского союза. Но и без союзника армия Суворова нанесла туркам поражения под Килией, Измаилом, Мачином и Анапой.

Короткое царствование Павла I ознаменовалось тем, что из ненависти к «вольтерьянству» французов он передал в распоряжение султана русский флот, который прошел через Дарданеллы (под командованием адмирала Лежнева) и оказал помощь туркам в их войне в Египте против французов. Павел также заключил с Портой договор (1798 г.), по которому обязался предоставить Турции не только флот, но и выставить 80-тысячную армию. Условия этого договора вскоре были использованы против восставших и признавших власть французов жителей Ионических островов. Захват англичанами Мальты совершил переворот в уме Павла. Русский флот, месяц простояв в Босфоре, добился согласия

Турции на учреждение «Республики семи островов» (Ионических) под протекторатом России. Тогда же Ростопчин составил императору докладную записку, в которой указывал на возможность России совместно в Франции и Австрией поделить европейские владения Турции: Россия должна была получить Молдавию, Бессарабию и Болгарию; Франция — Египет; Австрия — Сербию, Боснию и Валахию; Греция с островами принадлежала организации наподобие Венеции. Павел принял записку и даже не успел заключить союз с Францией (1801 г.).

Александр I принял план Кочубея**, совершенно противоположный плану Ростопчина: сохранять Турцию, постепенно ослабляя ее. Россия сделала вид, что верит обещаниям Турции относительно реформ для Дунайских княжеств, и возобновила с ней договор 1798 г. Но поражение русской армии под Аустерлицем и политика Наполеона на создание трудностей для России на юге привели к падению престижа последней в Царьграде, сближению Франции с Турцией и безнаказанности янычарских зверств в Сербии. Восстание Георгия Черного и записка сербского митрополита Стратимировича (о полунезависимости Сербии под протекторатом Рос-

* Ростопчин Фед. Вас. (1763—1826), рус. гос. деятель, граф, генерал от инфантерии. В Отеч. войну 1812 г. моск. генерал-губернатор, выпускал антифранц. листовки.

** Кочубей Викт. Пав. (1768—1834), рус. гос. деятель и дипломат, князь, почетный член Петерб. АН, член Негласного к-та. В 1802—07 и 1819—23 гг. мин. внутр. дел. С 1827 г. пред. Гос. совета и К-та министров. Был сторонником умеренных реформ.

сии) не убедили Александра I порвать с Турцией и поддержать славян. Видя отвлечение внимания России на Францию, Турция без всякого повода нарушила свои договорные обязательства. Тогда Россия предложила Австрии раздел Турции по плану Ростопчина, но та уклонилась от прямого ответа. По Тильзитскому соглашению Наполеон предложил Александру I: Царьград должен оставаться в руках Турции, потому что в нем «господство мира» (Наполеон); Россия должна получить оба княжества и Болгарию, а Франция — Египет. Но в Эрфурте (1808 г.) был выработан новый проект раздела Турции: Сербия получала независимость под протекторатом России, а Дунайские княжества, Грузия, Имеретия и Мингрелия переходили в ее фактическое обладание. Несогласие Австрии привело к ее пособничеству в сближении с Турцией Англии.

В 1809 г. военные действия возобновились, но велись Россией вяло: Александра больше тревожили европейские успехи Наполеона. Тем не менее, успехи Кутузова привели Турцию к Бухарестскому миру (1812 г.), по которому Россия получала Бессарабию и право военного судоходства по Дунаю до Прута, а княжества сохраняли лишь данническую зависимость от Турции. Сербы получили амнистию и обещание «самоуправления» и «милосердия». Однако гарантии этих обещаний — крепости — передавались турецким гарнизонам. Сербы остались недовольны таким исходом, и Георгий Черный перенес свои надежды с России на Австрию. По Венскому конгрессу, венчавшему конец войны против Наполеона, был создан «Священный союз» (не вошли Англия и папа Римский). Отныне Европа решила взять совокупную опеку над турецкими христианами.

В 1821 г. вспыхнуло восстание греков (см. ЧОРЧ Р.),

Магомет-Али (Мегмет-Али) заявил об отсоединении Египта от Турции. В 1839 г. турецкая армия под командованием Хозрова-паши выступает против непокорного вассала. Под его началом в этой войне принял самое активное участие О.-п. Его полководческие способности не остались незамеченными, и к концу войны он сумел дослужиться до чина генерал-майора.

Успехи Магомета-Али подтолкнули к восстанию Али-пашу Янинского, что, в свою очередь, побудило Дунайские княжества взяться за оружие. Это стало похоже на цепную реакцию. В 1848 г. О.-п. отправился с войсками в Валахию, где также отличился при подавлении повстанческих войск. Спустя три года, в 1851 г., он усмиряет восстания в Боснии и Герцоговине, а через год О.-п. безуспешно действует против восставших черногорцев.

К этому времени Восточный вопрос зашел в тупик и был весьма далек от разрешения. В 1832 г. западные государства посадили на престол Греции Оттона Баварского с 500 ландскнехтами. Угрозы Ибрагима, сына Магомета-Али Египетского, разочарование в решении Греческого вопроса побудили Турцию обратиться за помощью к России. Ибрагим был вынужден оставить надежду захватить Константинополь (Стамбул) и признать себя вассалом султана, а Орлов и Бутенев на малоазиатском берегу Босфора, в Ункиар-Скелесси, подписали союзный русско-турецкий договор (1833 г.). Тогда он казался торжеством российской дипломатии. На самом же деле этот договор стал отдаленной причиной войн 1854 и 1877 гг.: он так испугал европейские державы, что те стали систематически натравливать Турцию против России.

А тогда Россия получила ключи от Босфора (рус-

ские военные суда могли проходить через него), но по требованию России Турция должна была запирать его от иностранных государств. Мюнхенгрецкой конвенцией Австрия сумела втереться в совместное с Россией опекание Турции: Австрия и Россия обязывались охранять права турецкого султана над его подданными и не делать ни шагу друг без друга на Балканском полуострове. Т. обр., император Николай добровольно уступил Австрии отвоеванное право первенства на Босфоре. Вследствие господства тех же охранительных принципов Россия протестовала против конституционного устава Сербии 1845 г. Она не могла примириться с духом народо-властия. Из-за вмешательства России во внутренние дела Сербии Милош Обренович обратился за помощью к Англии. Англия взялась за проведение сербского статуса в Порте, но успеха не имела.

Изданный под влиянием России сербский устав 1839 г. ввергнул Сербию в затяжную борьбу и подорвал ее симпатии к России. В это же время началось новое восстание Магомета-Али (1839 г.). Оно дало возможность западным державам повторить в свою пользу Ункиар-Скелесси: они предложили султану коллективную гарантию его независимости, для охраны которой послали в Дарданеллы свой флот. Сначала Николай I согласился с предложением Австрии относительно совместного обсуждения турецко-египетской распри. Бутенев уже успел подписать в Константинополе совместную ноту 5 держав, как вдруг в Санкт-Петербурге поняли: предложение западных держав клонилось к тому, чтобы заменить исключительные права России совокупной опекой всех великих держав. Лондонская конвенция (1840 г.) закрепила коллективное покровительство Турции Англией, Австрией, Пруссией и

Россией. В случае необходимости последняя была обязана посылать на защиту Турции свои войска, а Англия и Австрия — флоты. Т. обр., Россия потеряла все, что выиграла в 1829 г. Из зависти к России Европа обязалась быть телохранительницей Турции, а Турция поняла, что на европейском соперничестве она может получить больше, чем в результате войны.

В 1841 г. под влиянием Англии к государствам-покровителям добавилась Франция (была подписана 2-я Лондонская конвенция). Когда в 1848 г. вспыхнули вышеупомянутые волнения в Дунайских княжествах, русские войска вступили на их территорию вместе с турецкими. По соглашению в Балат-Лимане (1849 г.) была установлена совместная русско-турецкая оккупация, что окончательно оттолкнуло симпатии княжеств к России. Игнорирование же Николаем I достоинства Наполеона III привело к тому, что Франция подняла вопрос о праве России обладать «ключами гроба Господня». Симпатии католической Австрии оказались на стороне Франции, а неосторожное заявление Николая английскому послу Сеймуру о «наследстве больного человека» и вызывающее поведение русского посла в Порте Меншикова (правнук А. Д. Меншикова, см.) привели Россию к Восточной войне 1853—56 гг. С помощью этой войны Зап. Европа хотела раз и навсегда покончить с гегемонией России в Турции и на Балканах.

В начале военных действий О.-п. командовал турецкими войсками, которые действовали против русских на Дунае. В конце января 1855 г. во главе 21-тысячной армии он прибыл в Евпаторию. Турецкое командование предполагало отсюда действовать на русское сообщение в Крыму. И выполнение этой

задачи было возложено на армию О.-п. Однако ее успехи здесь ограничились лишь отражением штурма русских на Евпаторию в феврале 1855 г.

2 сентября с 8-тысячным турецким отрядом О.-п. перебрался в Батуми, откуда отправил письмо в Карс генералу Вильямсу, который возглавил защиту крепости после бегства Измаила-паши (см.). В письме О.-п. обещал в скором времени прийти на выручку осажденным. Собрав 35-тысячное войско, он во второй половине сентября вышел из Батуми и двинулся по направлению к Ахалциху, но вскоре был вынужден вернуться обратно.

Вскоре известие из Гурийского отряда об операциях армий О.-п. начали принимать угрожающий характер для русских. Еще весной 1855 г. командовавший турецкими войсками в Крыму О.-п. домогался, чтобы его отправили с десантом на восточное побережье Черного моря. Отсюда он предполагал направиться через Мингрелию к Тифлису для отвлечения Муравьева от Карса. Однако в его планы вмешалось английское правительство. Поначалу оно не сочувствовало этой операции, не рассчитывая на успех. Из-за этого О.-п. вынужден был самостоятельно отправиться в Константинополь, где добился разрешения собрать у Батуми экспедиционный корпус (численностью до 40 тыс. человек).

Формирование корпуса затянулось до октября. Руководствуясь политическими соображениями, О.-п. избрал для сосредоточения главной части десантного отряда Сухуми. Он рассчитывал на помощь правителя Абхазии Михаила Шервашидзе, перешедшего на сторону Турции, а также на содействие мусульман Абхазии, Самурзакани и соседних горских племен.

21 сентября О.-п. прибыл в Сухуми. В это время

русские войска под командованием генерал-лейтенанта Багратион-Мухранского располагались в Мингрелии и Гурии, охраняя склады и кавказские перевалы. К 20 октября О.-п. подошел с главными силами к р. Ингур. Он имел до 20 тыс. регулярных войск при 37 орудиях и несколько тысяч абхазской и самурзаканской милиции. Узнав о продвижении этой армии, Багратион-Мухранский решил оборонять р. Ингур. Он не желал допускать вторжения турок в христианскую Мингрелию без боя. Это уронило бы престиж России и могло бы побудить соседние народы Кавказа перейти на сторону противника. Однако силы его были разбросаны на пространстве от крепости Руха до устья р. Джумы, т. е. на 26 верст по левому берегу Ингура.

25 октября О.-п. начал переправу через р. Ингур. Багратион-Мухранский бросил в атаку свои незначительные силы. Завязалось упорное сражение, в результате которого Багратион-Мухранский вынужден был отступить к селению Хета. Он простоял у него три дня, а затем, отказавшись от обороны Мингрелии, направился на соединение с отрядом на Хоргинском перевале. В начале ноября он расположил свои войска на левом берегу р. Цхенис-цхале и ждал подхода из Гурии отряда генерал-майора Бруннера, чтобы вступить в решительный бой с противником.

А между тем О.-п. наступал крайне медленно. Столица Мингрелии — Зугдиди — была занята им 28 октября, и только к 6 ноября его авангард дошел до р. Техур. Главные же силы О.-п. расположились лагерем у селения Текляты на р. Циве. О.-п. занимался обустройством своего тыла и снабжения армии: он направил все морские подвозы в Редут-Кале, т. к. путь от него был короче длинного и неудоб-

ного пути от Сухуми. В Редут-Кале он устроил склады снабжения войск и занялся исправлением идущих от него дорог к р. Циве. Сюда же к десантному отряду О.-п. прибыли подкрепления, и теперь силы его возросли до 40 тысяч. Кроме того, на р. Чорохе стоял Батумский отряд Мустафы-паши. Т. обр., О.-п. располагал тройным числом войск в сравнении с генерал-лейтенантом Багратион-Мухранским.

О.-п. медлил, а тем временем в ноябре начались дожди. Дороги стали непроходимыми, а реки и ручьи выступили из берегов, что делало дальнейшее продвижение О.-п. в Закавказье чрезвычайно трудным. При таких условиях Багратион-Мухранский мог спокойно оставаться за р. Цхенис-цхале, дожидаясь благоприятной обстановки. Однако из опасения наступления О.-п. он все же приказал сжечь мосты на реке, временные госпитали и склады снабжения в Усть-Цхенис-цхале, а также Рионскую флотилию.

Наступление О.-п. из лагеря у селения Текляты началось лишь 20 ноября. С большими трудностями переправившись через р. Циву, он 22-го достиг селения Абаши (недалеко от р. Цхенис-цхале), за которым находился Гурийский отряд. О.-п. обещал десантному отряду на следующий день решительный бой и победу над русскими. Но к ночи опять пошел ливень. Турецкий лагерь превратился в болото, а река Цхелис-цхале разлилась на полтора метра, и переправа оказалась невозможной. О.-п. был вынужден дожидаться погоды, а 25 ноября он получил известие о падении Карса.

В тот же день он начал отступление к Редут-Кале. В его армии ощущался недостаток продовольствия и перевозных средств. Генерал-лейтенант Баг-

ратион-Мухранский не стал преследовать отступившие турецкие войска. Несмотря на это, турки с большими трудностями достигли Редут-Кале лишь в начале декабря. Здесь О.-п. расположил армию на зимние квартиры, а в начале марта отплыл к Трапезунду.

Парижский трактат (1856 г.), закончивший эту неудачную для России войну, начал собой третью фазу Восточного вопроса. В основу этого договора было положено обещание Турции реформироваться, и она была причислена к ряду великих держав. Россия получила обратно Крым путем уступки Турции южной части Бессарабии и своих азиатских владений; право исключительного протектората над Сербией и Дунайскими княжествами от России перешло к европейским государствам; Черное море было объявлено запретным для военных судов, а береговые крепости подлежали разоружению; нижний Дунай был объявлен рекой международного судоходства, для наблюдения за которым учредили особую Дунайскую комиссию.

В 1862 г. турецкий генералиссимус возглавил командование над войсками против черногорцев и в Герцоговине. Под занавес своей полководческой карьеры, в 1867 г., 61-летний О.-п. возглавил экспедицию против инсургентов на остров Кандия, однако успеха в этом предприятии не имел.

ПАОЛИ ПАСКАЛЬ (1725—1797), знаменитый корсиканский патриот, генералиссимус.

Родился в семье военного. Его отец, корсиканский генерал Гиацинт П., был самым активным участником восстания против власти Генуи. После подавления восстания П. вместе с отцом в 1739 г. бежал в Неаполь. Здесь он поступил в военное училище. Блестяще закончив курс, П. получил чин прапорщика кавалерии и поступил на службу в корсиканский полк. В 1755 г. он вернулся на родину в Ностино, где возглавил корсиканских патриотов. Храбрый воин, П. был не менее талантлив как полководец и администратор. Он реорганизовал армию, заботился о просвещении, открывал школы, улучшил судопроизводство и администрацию. В 1764 г. П. стал основателем университета. Возглавив отряды инсургентов, он успешно теснил генуэзцев. В 1764 г. их владычество было ограничено лишь несколькими городами.

В 1768 г. генуэзцы уступили Корсику Франции. С этого времени П. посвятил всего себя спасению отечества. Но большая армия, которой располагала Франция, в течение этого года подчинила всю Корсику. Французы овладели центром восстания — Кортэ. В 1769 г. в сражении при Понте-Нуово французские войска разгромили армию П. и его приверженцев. Отныне Корсика превратилась во французскую провинцию.

Вместе с родным братом и самыми близкими друзьями П. покинул родину. Он отправился в Англию, где прожил 20 лет. В 1790 г., когда над Францией реяло знамя революции, он приехал в Париж и торжественно присягнул национальному собранию. Выступая перед ним, П. произнес блестящую речь, в которой заверял, что не он переменял

убеждения, присягая Франции, а просто Франция стала другой. Генерал Лафайет представил его Людовику XVI, и П. был назначен главнокомандующим национальной гвардией и президентом департамента на Корсике.

В 1792 г. П. начал переговоры с Англией. Его целью было добиться независимости для Корсики. Узнав об этом, Конвент объявил его преступником и государственным изменником. П., провозглашенный корсиканским народным собранием генералиссимусом острова, повторно обратился к Англии за помощью. На этот раз английское правительство не медлило и выслало ему в помощь свой флот. Английский флот в несколько дней очистил остров от французов. Сам же П. во главе корсиканской армии осадил Бастию и Кальви и после непродолжительной осады овладел крепостями.

В 1794 г. П. составил проект конституции для Корсики. Образцом для нее послужила французская конституция. Для себя П. хотел должность вице-короля Корсики. Но Англия смотрела на завоеванный остров по-своему, и П. не удалось стать даже президентом парламента, созданного в Бастии. Обманутый, потеряв доверие на родине вследствие разлада между партиями, он уже не мог оставаться на Корсике. К тому же, П. стал не нужным и английской администрации, послужив для нее орудием в достижении собственных эгоистических интересов. Однако его слава национального героя и освободителя была еще широко распространена среди корсиканского населения. 70-летний пожилой человек мог стать проблемой как для местной администрации, так и для английского правительства. В 1795 г. не без давления П. обнародовал прокламацию, в которой убеждал сограждан-корсиканцев

быть верными английскому королю. С этого момента он навсегда покинул родину и уехал в Англию. Поселившись в Лондоне, он получил от английского правительства пенсию в размере 2 тыс. фунтов стерлингов.

ПЕТЕРБОРО КАРЛ-МОРДАУНТ (1658—1755), английский полководец, граф. Военную службу начал во флоте, участвовал в боевых действиях в африканских колониях против местного населения.

В 1705 г., во время войны за Испанское наследство, П. было поручено главное командование английской армией в Испании. Здесь его действия были весьма успешными. Однако из-за своего сложного характера он оскорбил высокомерием союзных генералов и был отозван обратно в Англию. Впоследствии П. состоял английским посланником при венском и разных итальянских дворах. Титул генералиссимуса П. был присвоен в период командования союзными войсками в Испании (1705 г.).

РИШЕЛЬЕ АРМАН ЖАН ДЮ ПЛЕС-
СИ (1585—1642), кардинал (1622), с 1624 г. глава
королевского совета, фактический правитель Фран-
ции. Способствовал укреплению абсолютизма.

Семья Р. принадлежала к родовитому дворянст-
ву Пуату. Первые упоминания о предках по отцов-
ской линии относятся к актам XIV в. Бабка Р. —
Франсуаза де Рошешуар находилась в прямом род-
стве с такими древнейшими французскими фамили-
ями, как Ларошфуко и Полиньяки. Его отец, Фран-
суа дю Плесси, входил в число самых доверенных
лиц короля Генриха III (см.; там же о их знакомст-
ве), а потом короля Генриха IV Наваррского.

Мать Р., Сюзанна де Ла Порт, по рождению не
принадлежала к аристократии. Ее отец был скром-
ным адвокатом парижского парламента. Благодаря
своим глубоким познаниям в юриспруденции он, от-
прыск буржуа среднего достатка, получил дворян-
ство. В 16 лет Сюзанна вышла замуж за сеньора Ри-
шелье и стала матерью его пятерых детей, после че-
го полностью посвятила свою жизнь заботе о них.
Беспокойную придворную жизнь она не переносила.
Когда умер муж (1590 г.), у нее на руках остались
несовершеннолетние дети: Франсуаза — 12 лет, Ан-
ри — 10 лет, Альфонс — 7 лет, Арман — 5 лет и
младшая Николь — 4 лет. Биографы Р. единодуш-
но утверждали, что образ матери будущий карди-
нал Франции считал уникальным и был высокого
мнения о женской половине рода человеческого, хо-
тя позже на его пути встречались женщины совер-
шенно иного сорта.

Р. родился «в девятый день сентября месяца»
1585 г. и был крещен в парижской церкви Сент-Эс-
таш 5 мая 1586 г. В то время родители его прожи-
вали по улице Булуа в столице. Разница между да-

той рождения и крещения свидетельствует о том, что мальчик родился очень слабым, и его здоровье долгое время внушало опасения родителям. По существовавшей тогда традиции у мальчика должно было быть два крестных отца (как у девочки — две крестные матери). Крестными отцами Р. стали два маршала Франции — Арман де Гонто-Бирон и Жан д'Омон. Они-то и дали Р. свои имена.

Семья главного Прево Франции покинула Париж 12 мая 1588 г. следом за королем и перебралась в свое родовое поместье. В стране начинала разгораться «Война трех Генрихов» (см. *ГЕНРИХ III*, *ГИЗ Г.*), и семейство Р. решило переждать ее в провинции. Первым учителем маленького Армана стал Арди Гюилло, настоятель аббатства Сен-Флоранде-Сомюр. Набожная мать обращала особое внимание на религиозно-нравственную сторону образования своих детей.

Спустя шесть лет, в 1594 г., мать решила перебраться снова в Париж. К этому времени война закончилась, королем стал Генрих IV, и после принятия католичества перед ним открылись ворота в Париж. Дальнейшую заботу об образовании девятилетнего Р. взял на себя его дядя, Амадор де Ла Порт. Он устроил племянника в знаменитый Наваррский колледж. Учеба здесь была по преимуществу светской: мальчики изучали грамматику, искусство и философию. Кроме Катехизиса, читали Цицерона, Горация, Квинтилиана, а также других античных авторов. Все разговоры в колледже велись на латыни, но программа предусматривала изучение и древнегреческого, который вошел в моду благодаря популярным литераторам Бюде, Рамю и Ронсару.

Курс обучения был рассчитан на четыре года, а

система отличалась строгостью и даже суровостью. Р. с его независимым характером едва мирился с правами колледжа. Но, несмотря на это, на третьем году учебы его отметили, и он в числе немногих изъявил желание продолжить учебу дальше, с головой окунувшись в изучение философии. (В память об этом в 1638 г. уже кардинал Р. открывает в Наваррском колледже кафедру теологических диспутов).

После окончания учебы Р. превосходно знал латынь, древнегреческий, говорил по-итальянски и по-испански. Подлинной страстью юноши стала история. Он получил титул маркиза дю Шиллу (по названию местечка, которое отошло к семье Р. еще в XV в. Мать собрала семейный совет, чтобы определить дальнейшую судьбу Армана. Его собственное желание было стать офицером. И его определяют на учебу в кавалерийскую академию Антуана дю Плювинеля.

Но через два года, в 1602 г., жизнь молодого Р. резко изменила свое направление. Его брат, бывший на два года старше Армана, отказался занять место епископа в Люсоне, подаренном Генрихом III их отцу. Он уединился в картезианской обители Гранд Шартрез под именем отца Ансельма. Приносившее небольшой, но регулярный, доход епископство могло быть потеряно семьей Р. Тогда мать стала умолять Р. спасти семью от разорения. Энергичный, находчивый, умный и образованный Р. хладнокровно взвесил все «за» и «против» и уступил просьбе матери оставить светскую жизнь. Он покидает академию Плювинеля и возвращается в Наваррский колледж, чтобы заняться углубленным изучением теологии.

В 1603 г. произошло знаменательное событие в жизни Р. Он встретился с известным полемистом

Смитом и под его влиянием решает устроить публичный теологический диспут в стенах Сорбонны. Но тамошние блюстители канонов не поддержали порыв молодого Р. Однако диспут все равно состоялся — в 1604 г. в Наваррском колледже, и его организатор получил первую известность.

В 1606 г. король утвердил кандидатуру Р. на пост епископа Люсонского. Генрих IV не забыл услуг главного Прево и продолжал оказывать покровительство его семье. Король пошел даже на маленькое нарушение, потому что согласно тогдашним законам епископ не мог быть моложе 23 лет. Р. же исполнилось только 20 лет. В немалой степени назначению Р. способствовал старший брат Анри, довольно рано представленный при дворе и быстро завоевавший там всеобщее признание. Вторым покровителем Р. стал капитан королевской гвардии дю Пон де Курле, муж его старшей сестры Франсуазы. (Позже, в 1626 г. после смерти сестры и ее немолодого супруга Р. усыновит их детей: племянница впоследствии станет герцогиней д'Эгийон, и молва будет приписывать Р. любовную связь с ней; племянник станет генералом королевских галер).

В 1607 г. Р. посетил Рим для утверждения своей кандидатуры папой. Здесь, где мирно уживались мусульмане, евреи и христиане, Р. получил первый урок религиозной терпимости. А через какое-то время французский посол при Святом престоле д'Аленкур представил молодого соискателя папе Павлу V. Выходец из знаменитого рода Боргезе, Павел V сначала не хотел обращать внимания на протезе короля-еретика, каковым он считал Генриха IV. За короткий срок Р. неплохо изучил жизнь и взаимоотношения при папском дворе. Он сумел расположить к себе кардиналов-французов Живри

и Жуайеза, а также племянника папы кардинала Боргезе. Папа, все чаще слышавший похвальные отзывы о молодом французе, стал приглашать Р. во дворец. Его доверие к юному прелату вскоре выросло до такой степени, что он даже поделился с Р. своим беспокойством относительно Генриха IV, недавнего гугенота: «Этот государь, едва вырванный из своих заблуждений, по-прежнему предается всем чувственным удовольствиям. Не можем ли мы обоснованно опасаться, что подобное поведение уведет его с праведного пути и подтолкнет к старым ошибкам?» — доверительно спрашивал папа. Смирненно выслушав Павла V, Р. сумел рассеять все его сомнения относительно французского короля, и папа завершил беседу шуткой: «Henricus Magnus armandus Armando» (Игра слов: «Генрих Великий защищен Арманом», лат.).

Быстро выросшая популярность при папском дворе и вообще в Ватикане способствовала тому, что 17 апреля 1607 г., в день Пасхи, магистр канонического права Арман Жан дю Плесси де Р. был посвящен кардиналом Живри в сан епископа — на год и три месяца раньше допустимого возраста.

В августе того же года Р. добился досрочного окончания учебы, а уже 29 октября в одном из залов Сорбонны при большом стечении учебной публики студент-епископ защитил диссертацию на степень доктора богословия. Всех поразило, что молодой соискатель посвятил свою диссертацию Генриху IV — случай беспрецедентный — и обещал оказать королю важные услуги на государственном поприще.

Начало нового, 1608 года Р. вынужден был провести в кровати. Его мучили сильные головные боли и хроническая бессонница, по всей видимости, связан-

ные с душевными заболеваниями, имевшими место в роду дю Плесси. Но уже в феврале молодой епископ стал появляться при дворе. Его видят в обществе короля, он добивается расположения отца Коттона, духовника Генриха IV, и одного из фаворитов короля кардинала дю Перрона. Зато другой фаворит короля — герцог де Сюлли, занимавший также пост губернатора Пуату, родины Р., не жаловал любовью молодого епископа, что было связано с предубеждениями в отношении к дю Перрону. И Р. тогда понял, что нельзя одновременно ставить на двух лиц, возглавлявших враждующие партии.

Не сложились поначалу у Р. и отношения с Марией Медичи. Отдаваемая мужем, королева собирала вокруг себя недовольных его политикой. Естественно, что у Марии Медичи не было никаких оснований видеть своего человека в том, кто искал расположение короля. Вторая жена Генриха IV (после развода с Маргаритой Валуа) холодно встретила епископа Люсонского. И Р. очень скоро сам охладел к надменной флорентийке. Тогда еще ничто не указывало на будущую их интимную дружбу.

В конце декабря 1608 г. Р. отправляется к месту службы, в Люсон. Епархия оказалась одной из самых бедных. Средств, которые она приносила, хватало на мало-мальски достойную жизнь. Но Р. не забывал и о матери, отправляя ей исправно часть своих доходов. Он не унывал. В своей первой проповеди он дал клятву перед прихожанами в верности церкви, сохранении тайн капитула, защите имущества и свобод епархии. Его первая месса вызвала живой отклик в городе. Все испытали удовлетворение: наконец они обрели своего духовного пастыря. Заботясь о своей репутации среди прихожан, Р. хлопочет о пособиях, о снижении налогового бре-

ни. С этой целью он напрямую обращается через брата Анри к всесильному сюринтенданту финансов Сюлли.

Жизнь в провинции дала Р. широкие возможности для самостоятельной деятельности и политического созревания. Наиболее сокровенные свои надежды и чаяния в этот период он доверяет мадам де Бурже, жене одного из профессоров медицинского факультета Сорбонны, а затем члена городского магистрата. Семья Бурже происходила из Пуату и была дружна с матерью Р. Здесь нужно заметить, что и впоследствии женщины сыграют значительную роль в становлении личности Р. и в его карьере всемогущего кардинала и фактического правителя Франции.

Кризис католицизма, прогрессирующий в течение XVI в., затронул и служителей церкви. Они очень часто обнаруживали нерадивость и пренебрежение к духовным делам. Многие из них занимались бизнесом: открывали харчевни, приторговывали, занимались сельским хозяйством. Знакомство Р. с епархией открыло ему глаза на это разложение, и с его стороны последовали незамедлительные действия. Он устанавливает штрафы для нерадивых аббатов и кюре за игру в карты и другие азартные игры, а также занятие торговлей. В своем епископстве он прекращает назначать кюре по протекции влиятельных особ, установив жесткий корпус на замещение вакантных должностей. В 1609 г. Р. приобрел на собственные сбережения дом рядом с кафедральным собором, а через три года при содействии кардинала де Берюля открывает в Люсоне духовную семинарию. В качестве преподавателей он пригласил отцов-ораторианцев, отвергнув услуги иезуитов.

Характерной особенностью проповедей Р.-епископа уже тогда было сочетание религиозных и политических мотивов, в которых настойчиво проводится мысль о служении не только Богу, но и королю, его наместнику на Земле. В них он также осуждал еретиков, магов и колдунов. В это время он публикует теологические работы «Синодальные ортодансы» (1613 г.) и «Основы вероположения католической церкви» (1618 г.), в которых ведет речь о веротерпимости, гражданском повиновении и соблюдении общественного порядка. Тогда же (в 1610 г.) Р. составляет один очень любопытный документ для собственного пользования: «Наставления и правила, которыми я должен руководствоваться, чтобы привести себя ко двору». В нем Р. предавался мечтам о своем возвращении в Париж и о том, как добьется расположения короля.

Можно себе представить, что длительное пребывание в Люсоне не входило в планы Р. И первая возможность вырваться из провинции представилась ему в 1610 г., когда король объявил о созыве в Париже генеральной ассамблеи французского духовенства.

Генрих IV преследовал цель укрепить связь с самым влиятельным сословием Франции. Узнав об этом, Р. начинает хлопотать о выдвигении своей кандидатуры на ассамблею перед кардиналом Сурди. Но Сурди не благоволил к честолюбивому молодому епископу, считая претензии Р. преждевременными.

По самолюбию Р. был нанесен ощутимый удар. Он впал в меланхолию, но затем сумел взять себя в руки и начать все с начала. В это время он знакомится с отцом Жозефом, членом ордена капуцинов, которого позже современники назовут «серым

преосвященством». В 1605 г. отец Жозеф* стал во главе Дома капуцинов в Бурже. Его проповеди слушали в Мансе, Анжере, Сомюре и других местах. А недалеко от Сомюра располагалось аббатство Фонтевро. Аббатисой в нем была принцесса крови Элеонора де Бурбон, тетя Генриха IV. Отец Жозеф был ее наставником. По его совету аббатиса задумала провести в монастыре реформу. Но сопроводительница монастыря, племянница Элеоноры де Бурбон, Антуанетта Орлеанская не дала на это своего согласия. Возник спор, в который были вовлечены весь двор и сама королева Мария Медичи, хорошо знавшая отца Жозефа. В конфликт оказался вовлеченным и Р., поскольку аббатство Фонтевро входило в его епархию. Р. и Жозеф впервые встре-

* Отец Жозеф (1577—1638), мирское имя Франсуа Леклерк дю Трамбле. Происходил из семьи знатного анжуйского дворянина Жана Леклерка дю Трамбле, канцлера герцога Аласонского. Как старший из трех детей должен был наследовать баронство Мафлиер. Но с раннего детства мальчик обнаружил уникальные способности: в четыре года он уже знал латынь, а чуть позже овладел древнегреческим. В восемь лет ему было доверено произнести надгробную молитву над телом знаменитого Ронсара, друга их семьи, которая продолжалась более часа на латыни. Мальчик столь ярко живописал Страсти Христовы, что сам разразился рыданиями после ее окончания. Тогда же был отдан на учебу в один из лучших парижских колледжей, где сразу стал первым учеником. По окончании колледжа он в течение года прошел полный курс в академии Плювинеля, а затем путешествовал по Европе. В 1586 г. представлен при дворе, где на него обратила внимание лю-

тились и познакомились в конце 1609 г. Отец Жозеф был на восемь лет старше, но это не помешало им сойтись. Оба интуитивно почувствовали, что удачно дополняют друг друга. Именно отец Жозеф познакомил Р. со своим бывшим одноклассником кардиналом Берюлем, который позже введет епископа Люсонского в окружение Марии Медичи и сумеет растопить лед предубеждений королевы в отношении его.

В конце мая 1610 г. Р. получил письмо от своего викария Бутилье де Ла Кошера, в котором тот сообщал ошеломляющую новость: 14 мая на одной из парижских улиц некий Франсуа Равальяк ударом кинжала убил Генриха IV. Весть произвела на Р. сильное впечатление. Но очень скоро трезвый ум

бовница Генриха IV Габриэль д'Эстрэ и представила королю. В 1597 г. был отправлен с дипломатической миссией в Лондон, а после возвращения оттуда объявляет своим родным о намерении постричься в монахи. Он выбрал себе орден капуцинов — самый строгий из всех монашеских конгрегаций. За два года он прошел полный курс обучения в семинарии капуцинов в Руане, а также в учебных заведениях Орлеана и Парижа. С 1603 г. отец Жозеф наставлял монахов в богословии и философии в монастыре Сент-Оноре в Париже, а затем преподавал в Доме капуцинов в Медоне. В 1605 г. он становится во главе Дома капуцинов в Бурже. После знакомства с Ришелье (1609 г.) отец Жозеф очень скоро становится самым близким доверенным лицом кардинала и выполняет ответственные его поручения. Одно из них — компрометация Валленштейна, способствовавшая отстранению полководца от командования имперской армией в 1630 г.

возобладал над чувствами, и Р. стал размышлять, какую пользу можно извлечь из ситуации.

Генрих IV не успел составить завещания, он намеревался править еще долгие годы. Теперь у власти остался его малолетний сын Людовик XIII. Но страной управляла Мария Медичи. При дворе разгорелась ожесточенная схватка между партиями и кланами, в которую оказался вовлеченным и парижский парламент. Противники Марии Медичи требовали срочного созыва Генеральных штатов (собрание всех трех сословий страны) для решения вопроса о престолонаследии. Но конец неразберихе был положен военными. Один из фаворитов Генриха, герцог д'Эпернон, переметнувшийся на сторону Медичи, явился в парламент и ответственно заявил, что перед самой кончиной король успел шепнуть ему о том, чтобы регентшей при малолетнем короле оставили его супругу. «Как генерал-полковник пехоты, я гарантирую верность войск королеве-регентше и сохранение общественного порядка», — закончил он свою речь. После таких слов вряд ли кто-то стал бы возражать и сомневаться.

Летом 1610 г. Р. лично отправляется в столицу, чтобы на месте ознакомиться с событиями и осмотреться. С помощью брата он, не теряя даром времени, возобновляет старые знакомства и заводит новые. Не преминул он показаться и перед королевой-регентшей. Но очень скоро Р. понимает, что немного поторопился, королеве было не до него. Он наблюдает за придворной жизнью и видит, кто выходит на первые роли в королевстве. Это — Кончино Кончини, один из придворных королевы, приехавший с ней из Флоренции. И предположения Р. вскоре оправдались: в один прекрасный день Кончини становится маркизом д'Анкром, а затем первым дворяни-

ном палаты (второе лицо при дворе), что дает ему право верхом въезжать в Лувр.

Осенью Р. покидает Париж и возвращается в Люсон, где продолжает оставаться в течение полутора лет. Лишь незадолго до Великого поста 1612 г. он снова появляется в столице под предлогом урегулирования конфликта в аббатстве Фонтевро. Друзья и помощники (особенно отец Жозеф) потрудились на славу: Р. стал желанным гостем при дворе. Ему даже поручили выступить с проповедями в соборе Сент-Андре-дез-Ар в присутствии Марии Медичи, Людовика XIII и королевского двора в полном составе.

Р. оказался внимательным, и сразу уловил смысл новой политики версальского двора и Марии Медичи — сближение с Габсбургами и включение Франции в число великих католических держав, что в корне противоречило политике, которую проводил Генрих IV. В эту поездку Р. также находит подступы и знакомится с супругами Кончини.

А между тем положение в стране ухудшилось. Принцы крови не желали усиления власти Марии Медичи и все время оспаривали ее регентство. А королева, со своей стороны, торопится претворить в жизнь свои планы. 26 января 1612 г. она объявляет на Королевском совете о предстоящей женитьбе Людовика XIII на дочери Филиппа III испанской инфанте Анне Австрийской, а 25 августа, в день св. Людовика, в Париже был подписан брачный контракт. Принцы крови, за исключением Гизов и д'Эпернона, в знак протеста покинули Париж. За три года после смерти Генриха IV его супруга промотала все средства казны, которую ее муж пополнял в течение полутора десятка лет. Ей пришлось ублажать фаворитов, покупать преданность прин-

цев. За кольцо из бриллиантов для Анна Австрийской было уплачено целых 450 тыс. ливров.

Р. тем временем уехал обратно в Пуату. Не забывая о столице, он часто пишет разным нужным людям письма. 27 сентября 1614 г. Людовик XIII формально стал самостоятельным королем, а 2 октября прошла его инаугурация. А в это время в Пуату Р. подготавливал и проводил выборы делегатов в Генеральные штаты (по договору в Сент-Менеуле между королевой и принцами). 10 августа выборы состоялись, и Р. оказался в числе делегатов. И когда в Париже проходила церемония инаугурации, молодой епископ поблагодарил всех, кто содействовал его выдвижению, получил наказ от духовенства Пуату и отправился в дорогу, по которой шесть лет назад уже ехал, только в обратном направлении.

Ему не было и тридцати лет. Р. был полон радужных надежд. На нем была лиловая сутана с широким белым воротником, подчеркивавшим бледность лица, обрамленного черной шевелюрой, ниспадавшей локонами. Высокий тяжелый лоб, приподнятые, как от удивления, брови, длинный с горбинкой нос, волевой рот — признак затаенных желаний. Выразительный, всепроникающий взгляд серых глаз. В них — ясность и спокойствие уверенного в себе человека. Его глаза обладают непостижимой завораживающей силой, которая особенно действует на женщин. Р. знал это и иногда не отказывал себе в удовольствии проявить свою власть над ними. Он ехал с твердым намерением покорить Париж и Францию, и 27 октября 1614 г. был сделан первый шаг к этой цели: Р. заседал на открытии Генеральных штатов в большом зале Бурбонского дворца. А в начале января 1615 г. он появляется перед Марией Медичи и Людовиком XIII с вестью, что

обе палаты духовенства поддержали идею двойного правления на неопределенный срок (чего, собственно, и ждала от Генеральных штатов регентша). С этого дня имя Р. будет все чаще звучать в окружении королевы.

Весной 1615 г., после окончания работы Генеральных штатов, Р. возвращается в свою епархию. О нем на некоторое время забыли: версальский двор поглощен подготовкой испанских браков (Людовик XIII должен был стать мужем Анны Австрийской, а его сестра, Елизавета Французская, женой наследника испанского престола). В последних числах сентября из Парижа в сторону испанской границы двинулся длинный кортеж карет во главе с Людовиком XIII, Марией Медичи и Елизаветой Французской. Когда королева и ее дети достигли Пуату, Р. лично выехал встречать их. Здесь Елизавета почувствовала недомогание, и королева оставила дочь на попечение епископу Люсонскому.

9 ноября почетный кортеж достиг городка Бидасоа на франко-испанской границе, где состоялась торжественная церемония обмена невестами. К 25 ноября все формальности были улажены, после чего 14-летние Людовик XIII и Анна Австрийская провели первую брачную ночь. А на следующий день французский двор отправился в обратный путь. За столь важными государственными делами Мария Медичи не забыла о Р. По пути в Париж она утвердила его кандидатуру на место духовника Анны Австрийской.

В 1616 г. Мария Медичи доверила Р. первое серьезное дело: переговоры с принцем Конде, возглавлявшим оппозицию. С этой задачей Р. справился великолепно и в один миг приобрел репутацию искусного посредника и предусмотрительного полити-

ка. А когда непомерные амбиции Конде снова стали давать знать о себе, Мария Медичи по совету Р., вошедшего в самый узкий круг ее советников, арестовала принца крови и посадила его в Бастилию. Удар оказался настолько точным, что сторонники Конде в страхе бежали из столицы.

В октябре того же года один из покровителей Р., Барбен, исплопотал для него назначение послом в Испанию. Это было в то время самое престижное место для развития карьеры. Но Р. был разочарован. Он уже начал собираться в длинную дорогу, как вдруг самым неожиданным образом освободилось место государственного секретаря по иностранным делам. Р. тут же пишет заискивающее письмо маршалу д'Анкуру (Кончини) — и получает желанное назначение.

В обязанности Р., определенные специальным королевским постановлением, входило составление депеш, писем и других бумаг, имевших отношение не только к внешней политике и дипломатии, но и военным делам. Поэтому занятый Р. пост назывался внушительно — государственный секретарь по иностранным и военным делам.

В это время сторонники принца Конде собрали войска, чтобы идти на Париж. Р. составляет «Декларацию короля по поводу новых волнений в его королевстве» и делает акцент на противозаконных действиях мятежников. Но по всему выходило, что мирным путем решить вопрос не удастся. Р. занялся реорганизацией армии. Порядок ее комплектования открывал широкие возможности для всевозможных злоупотреблений. И Р. попытался исправить положение. Он также принял меры для предотвращения возможной вербовки мятежниками иностранных наемников. Р. не останавливался

даже перед самыми мерами наказания, если речь шла о государственных интересах. Так, узнав от своих агентов, что некий шотландский дворянин склоняет солдат и офицеров королевской гвардии перейти на сторону герцога Неверского, он приказал казнить его на площади перед Лувром.

Всего за два месяца Р. удалось сформировать две армии и отдельный корпус. Одна (30-тысячная) армия должна была прикрывать столицу. Ее возглавил герцог Гиз. Вторую армию возглавил граф Овернский, побочный сын короля Карла IX, участвовавший в заговоре против Генриха IV. Зная о его несомненных полководческих способностях, Р. настоял на освобождении его из тюрьмы. Несмотря на свою молодость (Р. было 32 года) и невзирая на чины, он взял решительный тон в отношениях с именитыми полководцами.

Главными условиями успеха Р. в том или ином деле всегда была полная информированность, детальное знание истинного положения дел. И именно в первые годы приобщения к власти у Р. пробудился интерес к тому, что сегодня называют разведкой и контрразведкой. К услугам осведомителей прибегали все, везде и всегда. Р. не был первооткрывателем, но именно ему принадлежит заслуга в создании хорошо организованной и отлаженной французской секретной службы.

Стратегический план предстоявшей кампании против восставших Р. разрабатывал лично. Как истинный военный стратег, он исходил из разобщенности сил троих герцогов и принял решение окружить и уничтожить или заставить сдаться каждого в отдельности. И уже 4 марта 1617 г. Р. направил командующим приказ за подписью короля о начале боевых действий. Он внимательно следил за каж-

дым шагом военачальников и постоянно подгонял нерадивых генералов. Р. не полагался на достоверность сведений, которыми его снабжали главнокомандующие, поэтому все перепроверял через свою агентуру при штабах. У графа Овернского, например, находился его старший брат Анри, с которым он имел постоянную переписку с использованием личного шифра. Но немало времени и энергии уходило у него на разбор ссор между маршалами и их генералами, которые часто принадлежали к враждебным партиям.

В начале 1617 г. с мятежом было покончено. Однако вместо благодарности Р. ждала семилетняя опала. 24 апреля в результате придворного заговора был убит маршал д'Анкр (Кончини). В тот же день Людовик XIII приказал вернуть ко двору бывших сподвижников своего отца — Виллеруа, Жаннена, Ломени и Поншартрена. Р. также поспешил во дворец, чтобы засвидетельствовать Людовику XIII свою преданность. Но, будучи хорошо осведомленным о заискивании Р. перед Кончини, король отверг услуги Р. Спустя несколько дней Р. пишет письмо королю с просьбой решить его судьбу и получает ответ, из которого следовало, что дела необходимо передать преемнику — Виллеруа.

Р. был потрясен реальностью ощущения, как власть ускользала из его рук. А на следующий день он стал невольным свидетелем того, как разбушевавшаяся толпа ворвалась в церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа, извлекла из склепа тело Кончини и на веревках поволокла его по улицам к тому месту, где маршал д'Анкр приказал соорудить виселицу для публичных казней. Теперь на этой виселице подвесили его тело. Возможно, ужас в тот момент подсказал Р., что с его телом могут поступить точно так же.

3 мая 1617 г. Р. вместе с Марией Медичи отправляется в ссылку (ее местом был определен замок Мулен, но до окончания его ремонта королева остановилась в Блуа). А тем временем при дворе плетутся интриги, направленные против Р. Он получает письмо из Парижа: затевается процесс над вдовой Кончини, объявленной «ведьмой», и самые ярые враги Р. пытаются отыскать несомненные доказательства его связи с «ведьмой». Возможно, что такая связь была, потому что Р. ночью тайно бежал из Блуа, прекрасно зная, чем обычно заканчиваются такие процессы. Из своего убежища он обращается с письмом к Людовику XIII с заверением в абсолютной преданности и просьбой определить ему такое место жительства, где он будет свободен от подозрений и клеветы. Людовик XIII повелел Р. немедленно отправляться в Люсон и не покидать его без особого разрешения. Теперь это уже была настоящая ссылка. Уже в Люсоне он узнал, что при дворе появился отец Жозеф. Р. пишет ему подробное письмо о том, что произошло с ним за последние полтора года. Ответ отца Жозефа был прост и лаконичен. Он советовал епископу Люсонскому набраться терпения и затаиться.

Так прошли почти два года. Ссылка угнетала Р., а угнетенное состояние вызывало в нем вспышки давних физических недугов. В самом начале 1619 г. он даже составил завещание с указанием места, где следует его похоронить. Но 7 марта перед ним вдруг появился месье дю Трамбле, родной брат отца Жозефа. Он привез Р. повеление короля немедленно покинуть Авиньон и прибыть в Ангулем. И Р. преобразился. Уже через несколько дней высохшего, пожелтевшего, похожего на старика человека, гото-

вившегося к смерти, было не узнать. Он вновь наполнился силой и энергией.

После бегства Р. из Блуа Мария Медичи приблизила к себе некоего флорентийца, который настраивал королеву-мать против нового королевского фаворита Люиня, проявлявшего все более откровенный диктат и встречавшего растущее недовольство старой придворной аристократии. Флорентиец предложил Марии Медичи возглавить оппозицию. Теперь Р. предстояло выполнить сложную миссию — примирить мать с сыном, заставить Марию Медичи отказаться от услуг сомнительного флорентийца и спасти короля и родину от возможной катастрофы.

К 11 июня участники переговоров достигли согласия, а 5 сентября 1619 г. в замке Кузьер, близ Тура, произошла встреча Людовика XIII и Марии Медичи.

В это время Р. постиг неожиданный удар: 8 июля на дуэли шпагой был заколот его брат, маркиз де Ришелье. Позже, когда Р. станет всемогущим кардиналом Франции, он будет яростно бороться против всяких дуэлей и даже оформит свое отношение законодательно. А пока ему позволили сделать выбор между епископством в Люсоне и главенством в Совете королевы-матери. Р. выбрал последнее. Кажется, воцарился мир. Но он стал лишь видимостью. Из Венсенского замка освободили принца Конде, заклятого врага Р., а весной 1620 г. страна жила предчувствием новых столкновений: принцы крови в знак протеста против откровенного диктата Люиня демонстративно покинули двор. Из всех планов борьбы Мария Медичи остановилась на предложенном Р.: продемонстрировать силу и мощь, чтобы не прибегать к ним.

Узнав об этом, Людовик XIII в сопровождении младшего брата Гастона и принца Конде выступил во главе армии в Анжер. Р. предлагает Марии Медичи подлинное примирение с сыном и обоюдное согласие матери с сыном ради блага Франции. К мирному урегулированию конфликта склонялся и Люинь, боявшийся возвышения Конде и падения собственного влияния на короля. Начались переговоры, а 13 июля 1620 г. в замке Бриссак прошла торжественная церемония примирения между матерью и сыном. Р. был доволен, потому что сам Люинь обещал ему содействие в получении кардинальского сана. Более того, Люинь высказался за женитьбу своего племянника де Комбале на одной из племянниц Р. — мадмуазель де Виньеро дю Пон Курле. По совету Марии Медичи Р. дал согласие на этот брак.

Но скорого назначения не получилось. Когда в январе 1621 г. пришло из Рима очередное назначение в кардиналы, Р. в списке не оказалось. Люинь пытается успокаивать Р., но и сам неожиданным и загадочным образом умирает в декабре того же года во время осады одной из гугенотских крепостей. Лишь в 1622 г., когда в Париже умер кардинал де Рец, позиции Марии Медичи и ее партии усилились, а сам Р. сумел расположить к себе нужных людей, 5 декабря пришло очередное назначение. И в нем теперь значилась фамилия Р. 22 декабря 1622 г. в кафедральном соборе лионского архиепископства Людовик XIII в присутствии королевы-матери, Анны Австрийской, всего двора и князей галликанской церкви возложил на Р. пурпурные шляпу и мантию, специально доставленные из Рима представителем папы графом Джулио. С этого дня положение Р. коренным образом меняется. Он уже не полуссылный изгой. Теперь с ним вынуждены считаться да-

же члены Королевского совета, а 24 апреля 1624 г. он сам становится членом Королевского совета. Медленно, но верно Р. становится заметной и влиятельной фигурой в государстве. С августа его ежедневно вызывает к себе Людовик XIII для советов, а спустя некоторое время король сам предложил кардиналу Р. возглавить Королевский совет и определить его состав. 13 августа 1624 г. поистине звездный день в жизни Р.: отныне и до самой смерти он стал первым министром Людовика XIII. И уже очень скоро оказалось, что кардинал Р. не намерен ограничивать сферу своего влияния каким-нибудь одним ведомством: он совершенно подчинил Людовика XIII себе и сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти.

Король осыпал своего первого министра почестями и подарками, но совсем не они являлись главным стимулом деятельности кардинала. Р. был прежде всего человеком дела, а не формы, и, кроме просто жажды власти, у него была искренняя забота о благе государства. Хладнокровный, расчетливый, часто жестокий, он сумел подчинить свои чувства рассудку. Р. крепко держал в своих руках бразды правления. С замечательной зоркостью и дальновидностью он мог предчувствовать даже малейшую опасность и предупреждал при первом ее появлении.

Так произошло уже в 1626 г. Активную роль в заговоре играли герцогиня де Шеврез и воспитатель Гастона маршал д'Орнано. Среди участников — сам Гастон, сводные братья короля Вандомы, его кузены Конде и Суассон, а также Анна Австрийская. Но Р. очень скоро заподозрил неладное, чем вынудил заговорщиков поспешить. Им потребовался исполнитель убийства кардинала, которого герцогиня де Шеврез нашла в лице своего поклонника 27-летнего

Анри де Талейран-Перигор, маркиза де Шале. Они составили план и назначили его исполнение на 11 мая 1626 г. Но накануне сам де Шале проговорился своему дяде командору де Волансе, который поспешил предупредить кардинала.

Р. извещает о заговоре Людовика XIII и тут же подает прошение об отставке. Он сознательно пошел на обострение ситуации, потому что прекрасно осознавал потребность короля в себе именно в этот момент. Он также отправился в Фонтенбло к Гастону и сказал, что заговор раскрыт. Перепуганный брат короля выдал кардиналу всех участников. В результате заговор был ликвидирован, а Людовик XIII вручил кардиналу новый мандат с более широкими полномочиями. В знак особого благоволения король учредил для Р. должность «Начальника и генерального сюринтенданта навигации и торговли», а также пожаловал прибыльной должностью губернатора Гавра.

В следующем, 1627 г. в стране взбунтовались гугеноты. В сентябре они начали военные действия против королевских войск. Центром гугенотского восстания стала Ларошель, а помощь ей оказывала Англия. Р. выделил 1,5 млн. ливров из собственных сбережений на создание армии, а также 4 млн. получил от кредиторов. 11 сентября в армию под Ларошель прибыл сам Людовик XIII и началась осада, длившаяся 13 месяцев. 1 ноября 1628 г. король вошел в поверженную крепость. А спустя год, осенью 1629 г., Р. возглавил общее руководство французских армий в итальянском походе с титулом генералиссимуса, против чего был Гастон и другие принцы крови.

Тогда же Р. почувствовал резкое изменение отношения к себе Марии Медичи. Многоопытный кар-

динал сразу понимает, куда клонится дело, и избирает неожиданную для своих противников тактику. Он не стал защищаться или оправдываться, а написал Марии Медичи письмо, в котором говорил о своем намерении уйти в отставку. При этом он постарался, чтобы о письме прежде стало известно Людовику XIII. Такой неожиданный ход спутал все карты противникам Р., и реакция короля была неожиданной как для его матери, так и для остальных заговорщиков. Король впал в ипохондрию, которая сопровождалась приступами продолжительных и безудержных рыданий, чем насмерть перепугал всех близких, докторов и духовника. Выйдя из этого состояния, он вызвал к себе мать, брата и Р. и потребовал от всех немедленного примирения. Но очень скоро Мария Медичи пыталась снова повлиять на сына, разочаровалась в своем выдвиженце, который совершенно оттеснил ее на задний план. Но Людовик XIII оказался на стороне Р. Тогда королева-мать поставила вопрос решительным образом: кого Людовик желает видеть рядом с собой — мать или Р.? Выбор короля оказался в пользу кардинала.

Мария Медичи решилась на отчаянный шаг. Она тайно бежала в Брюссель, собрала армию из врагов Р. и довела дело до открытой войны с королевскими войсками (1631 г.). Но Р. в союзе с Людовиком XIII вышел победителем из этой войны, в результате которой армия врагов была разгромлена, а ее командующий герцог де Монморанси был пленен и в наказание будущим недругам публично казнен.

В 1635 г. Франция официально объявила войну Испании и вступила в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургской коалиции. Нельзя сказать, чтобы предыдущие 17 лет страна была в сто-

роне от сотрясавших Европу сражений. Просто занятая своим внутренним благоустройством, она (а точнее, Р.) вела «политику и дипломатию пистолей». Посланники кардинала заручились поддержкой со стороны Московской Руси, содействовали заключению мира с Польшей и устранению от командования войсками императора полководца Валленштейна (с.м.) с тем, чтобы вовлечь в войну Швецию. Весь ход войны всегда оставался под контролем Р.

Однако положение дел на фронтах осложнялось, а внутри страны зрел новый заговор. Теперь во главе его стала сама Анна Австрийская. Свои усилия она направила на то, чтобы вбить клин между ненавистным кардиналом и нелюбимым мужем. Но и в этом случае Р. оказался на высоте. Еще за год до этого он узнал о переписке Анны с мадридским двором, из которой выходило ее намерение склонить Людовика XIII к невыгодному для Франции миру с Испанией, предварительно удалив Р. Кардинал мог инкриминировать королеве антигосударственный заговор в период ведения военных действий. Он продолжал следить за перепиской Анны со своими братьями, Филиппом IV и Хуаном Австрийским, пока 14 августа 1637 г. не состоялся первый допрос королевы.

Предусмотрительный и дальновидный, Р. повел дело так, чтобы никто не узнал о конфликте в королевской семье, чем не преминули бы воспользоваться враги Франции. Когда происходило объяснение царственных супругов, присутствовал и Р. При этом он защищал Анну перед Людовиком, несколько не оправдывая ее поступка. При всей своей симпатии к этой женщине, считавшейся самой красивой в Европе, Р. руководствовался также и государственными

интересами. Он стремился свести к минимуму шансы Гастона на французский престол. А для этого нужно сблизить короля и королеву, что оказалось сделать не так-то просто.

Людовик XIII был весьма влюбчивым человеком. Только Р. удалось разлучить его с мадмуазель де Отфор, как на горизонте показалась совсем еще юная девушка Луиза Анжелика, графиня де Лафайет. Р. сам способствовал этой встрече, но она приняла такой оборот, о котором кардинал и не подозревал: король не на шутку увлекся Луизой. Девушка охотно проводила время в беседах с королем, но не поощряла его попыток сблизиться. Ревностная католичка, она вскоре стала высказывать мысли о ненужности бессмысленной войны, которую король вел с католическими странами. И Людовик стал постепенно попадать под ее влияние. Историки отмечают, что впервые король начал испытывать к этой девушке то чувство, которое мужчина должен испытывать к женщине.

Р. не на шутку встревожился, но очень скоро сам король дал ему повод удалит девушку. Людовик XIII, распаленный страстью, сделал предложение Луизе поступить к нему на содержание. Набожная католичка, она тут же постриглась в монахини. Но праздновать победу было рано. Король продолжал навещать любимую в монастыре Сент-Мари-де-ла-Визитасьон, а также вел с ней переписку. Р. подкупил некоего Бузенваля, доставлявшего письма короля Луизе. Кардинал умело заменял в письмах слова и целые предложения, чтобы поссорить влюбленных. Последняя встреча между ними произошла в монастыре 5 декабря 1637 г., во время которой Луиза горячо убеждала короля помириться с королевой. В тот же вечер, впервые по-

сле многих лет, Людовик XIII вошел в спальню Анны Австрийской, а спустя шесть недель было объявлено о беременности королевы. (Луиза Анжелика де Лафайет умерла в монастыре близ Шайо в 1665 г. в возрасте 50 лет).

На этом интриги против Р. не закончились. Вскоре его ожидала очередная схватка. На этот раз с духовником короля отцом Коссеном, который воспользовался временным охлаждением во взаимоотношениях короля и первого министра. В результате заговора отец Коссен был арестован самим Людовиком XIII и сослан в ссылку в Ренн.

Немощный физически, Р. тем не менее продолжал уверенной рукой направлять государственный корабль в нужном направлении. У него не было верных и преданных до конца друзей, возможно, за исключением отца Жозефа. А в личной жизни он был и оставался всегда одинок. Единственными живыми существами, населявшими Пале-Кардиналь, были кошки. История даже сохранила имена некоторых из них: Фенимор, Газет, Люцифер, Пирам, Тисбе, Сумиз, Серполе, Рюбис, Лодоиска, присланная в подарок кардиналу из Польши. Р. относился к своим кошкам с редкой привязанностью и любовью, которой он не удостаивал никого из людей. Возможно, он был не чужд мистики и знал, что кошки заряжают человека неведомой жизненной энергией, в которой он так нуждался для поддержания сил.

Начиная с 1638 г. Габсбурги стали утрачивать стратегическую инициативу на фронтах Тридцатилетней войны, и Р. почувствовал это. Военная и политическая расстановка сил складывалась теперь в пользу Франции. К 1640 г. кардиналу удалось укрепить позиции правительства и стабилизировать положение внутри страны. Заметного успеха он до-

бился в деле обновления кадрового состава армии за счет введения новой системы ее комплектования. За годы войны выросла плеяда молодых способных военачальников. Среди них — Шомберг-младший (см.), д'Аркур, Гебриан, Гассион, Ламейре, Тюрень. Составление планов кампаний по-прежнему было в руках Р. В этом отношении его полководческие дарования не уступали дарованиям политическим.

Успехи Франции и ее армии под умелым руководством Р. растут с каждым годом, страна успешно справилась с внутренними врагами и приступила к разборкам с внешними. В 1641 г., расправившись с мятежом Суассона и покорив Лотарингию, Р. породнился с королевской семьей: он выдает свою племянницу Клер Клеманс де Мейе-Брезе замуж за герцога Энгиенского (см. **КОНДЕ-ВЕЛИКИЙ**), сына принца Конде.

Но в следующем году Р. ждут очередные неприятности. И связаны они были с неизвестным Анри, маркизом де Сен-Мар, сыном покойного сюринтенданта финансов д'Эффиа. Красивый молодой человек, окончивший школу пажей, служил в гвардии кардинала. Зная о всех слабостях и пороках короля, Р. окружал его шпионами из числа хорошеньких женщин и смазливых парней. Они разделяли королевский досуг и регулярно сообщали кардиналу о настроениях Его Величества. На эту же роль Р. намечал и Сен-Мара. Но тот был шокирован предложением кардинала и тут же отверг его: ссылки на государственные интересы не произвели на юношу должного впечатления. Однако давлением на родственников и большими денежными посулами Р. удалось добиться своего. Очень скоро кардинал понял, что обманулся в своих надеждах: Сен-Мар стал действовать не в пользу кардинала. В 1640 г. он со-

шелся с принцами Суассоном и Буильоном, а также другими недругами Р. Уже к тому времени 20-летний Сен-Мар, новый фаворит Людовика XIII, сумел поставить короля в полную зависимость от своих капризов. Он оказался не менее наблюдательным и расчетливым, чем когда-то сам Р. Оставив свою любовницу, известную придворную кокотку Марион де Лорм, он собирается жениться на дочери покойного Невера, герцога Мантуанского, принцессе Мари-Луизе де Гонзаг, непримиримой противнице Р. Но кардинал сделал все от него зависящее, чтобы расстроить этот брак, а вместе с тем лишить Сен-Мара надежд на герцогство и пэрство. Честолюбивый Сен-Мар не сдается. Как никто другой, он знал иннанку придворной жизни. Лелея надежду занять место Р., он решает скомпрометировать его и его политику в глазах короля. В союзники он выбрал 19-летнего советника парижского парламента Франсуа Огюста де Ту, своего лучшего друга и горячего сторонника примирения с Испанией. Тот, в свою очередь, привлек к заговору маркиза де Фонтре. Число заговорщиков росло, и в 1641 г. к ним примкнул Гастон, брат короля. Сен-Мара поддержал и капитан королевских мушкетеров де Тревиль, который также пользовался полным доверием короля.

13 марта 1642 г. Людовик XIII и Р. прибыли в Нарбонн для руководства французскими войсками в их наступлении на испанский Руссильон. 18 марта король отбыл к войскам, а Р. остался в Нарбонне: у него высокая температура и приступы лихорадки. Воспользовавшись отсутствием кардинала, Сен-Мар начинает досажать королю непрерывными грубыми нападками на Р. Но королю было не до того. Он плохо себя чувствовал, был раздражителен, капри-

зен и придиричив. На замечания Сен-Мара в адрес опытных военачальников Людовик XIII строго отчитал его: «Как вы, кто ничего толком не видел, можете спорить с людьми, имеющими такой богатый военный опыт?»

А тем временем болезнь Р. обострилась. Врачи советуют ему оставить Нарбонн и перебраться в Тараскон. Оттуда он пишет королю письмо-завещание. В ответе Людовик XIII старается успокоить своего первого министра. Но кризисное состояние заставляет Р. продиктовать завещание (23 мая). А спустя две недели Р. получил письмо от Анны Австрийской. Королева заверила кардинала в своей преданности и передала ему в руки секретные бумаги — соглашение заговорщиков с испанцами, подписанное Гастоном Орлеанским.

Письмо произвело чудо: кардинал в тот же день встал с постели и немедленно приступил к решительным действиям. Он отправил своего доверенного посланника Шавиньи к королю. 12 июня тот доставляет бумаги Людовику XIII. Подслушивавший за дверью Сен-Мар предупреждает своих сообщников и пытается укрыться в доме одной из преданных ему дам. Но в тот же день он был арестован. Маркиз де Фонтре оказался проворнее: он бежал за границу и больше никто и никогда его во Франции не видел. Герцог Буильонский был арестован в крепости Казале, а 21 июня «Газет» поместила официальное сообщение о раскрытом антигосударственном заговоре.

Процесс по Сен-Мару и де Ту начался 12 сентября и оказался скоротечным, завершившись вынесением смертного приговора. За этим малозамеченным прошло даже известие о кончине 3 июля в Кельне Марии Медичи.

17 октября Р. прибыл под надежной охраной в

Пале-Кардиналь. А 25-го он пишет королю письмо с настоятельным требованием положить конец фаворитизму, который представляет реальную угрозу королевской власти. Это были выводы из «дела Сен-Мара». Людовик XIII ответил кардиналу лишь спустя месяц. В ответном письме он обещал Р. удалить от двора де Тревиля, Тилладе, Ла Салля и Эссара, замеченных в связях с Сен-Маром.

Перед Р. встают новые государственные проблемы. Но 28 ноября наступило резкое ухудшение его здоровья. Врачи поставили безжалостный диагноз — гнойный плеврит. Все попытки облегчить участь больного не дают результатов. 2 декабря кардинала навещил Людовик XIII. «Вот мы и прощаемся. Покидая Ваше Величество, я утешаю себя тем, что оставляю Ваше королевство на высшей степени славы и небывалого влияния, в то время как все Ваши враги повержены и унижены. Единственно, о чем я осмеливаюсь просить Ваше Величество за мои труды и мою службу, это продолжать удостаивать Вашим благоволением моих племянников и родных. Я дам им благословение лишь при условии, что они никогда не нарушат своей верности и послушания и будут преданы Вам до конца», — обратился с короткой речью к королю Р. Людовик XIII обещает исполнить все его просьбы. А на следующий день он снова приходит к постели кардинала, и в продолжение часа они беседуют с глазу на глаз. Людовик XIII вышел из комнаты взволнованный. Это была их последняя встреча. 4 декабря его навещают посланцы Анны Австрийской и Гастона Орлеанского с заверением в самых лучших чувствах к кардиналу. Затем к нему приходит племянница, герцогиня д'Эгийон. Некоторое время они разговаривают, затем Р. говорит: «Помните, что я любил вас больше всех на све-

те. Будет нехорошо, если я умру у Вас на глазах...»

К нему вошел отец Леон и дал Р. последнее отпущение грехов. «Предаюсь, Господи, в руки твои», — шепчет кардинал и затихает навсегда... История дала много примеров того, как после смерти правителей происходили крутые перемены в политике. С Р. было не так. Он и из могилы продолжал править Францией. Его место главы Королевского совета занял его преданный почитатель и верный ученик кардинала Джулио Мазарини.

Итогом 18-летнего правления Р. стало выполнение программы, которую в свое время наметил для Франции Генрих IV. Главным итогом стало утверждение абсолютизма. Дворянин до мозга костей, герцог де Р. нанес смелый удар по исключительным правам и привилегиям аристократии, подчинив ее государственным законам. Будучи князем Священной Римской империи, он сумел пресечь непомерные претензии папского Рима на некую особую роль во Франции и в Европе вообще. Разгромив гугенотскую партию, Р. поднялся над идеологическими предрассудками своего времени ради государственных интересов и никогда не посягал на права французских гугенотов, о чем свидетельствует судьба Гитона*. Характерно также,

* Гитон Жан, 30.4.1628 г. был назначен мэром Ларошели. Опытный мореплаватель, после взятия крепости был сослан в Тонне-Бутон с разрешением изредка навещать родной город. В 1636 г. стал офицером королевского флота и принял активное участие в войне против Испании. В 1638 г. отличился в морском сражении у берегов Басконии и мирно завершил жизнь в Ларошели в возрасте 69 лет, пережив Р. и Людовика XIII на 12 лет.

что во время правления Р. во Франции не пылали костры инквизиции.

Бесспорен вклад Р. в развитие французской культуры. Эта эпоха — время утверждения классицизма и рационализма в литературе и философии. Вместе с тем, будучи апологетом государства, кардинал подавлял всякую легальную оппозицию, сословную и провинциальную свободу. Он не допускал даже мысли о возможности для разумно устроенной власти уметь опираться не только на послушных, но и на инакомыслящих. Как политик и руководитель французской дипломатии, Р. всегда мыслил в общеевропейском масштабе. Он был последовательным сторонником идеи «европейского равновесия» и «естественных границ». Он 6 лет не дожил до Вестфальского мира, в заключении которого велика и его заслуга.

Хоронили Р. трижды. 5 декабря 1793 г. (15 фримера II года Республики) обезумевшая толпа с громкими криками ворвалась в церковь Сорбонны, сорвала мраморное надгробие с могилы великого кардинала работы скульптора Жирандона, извлекла мумию, зверски надругалась над ней и выбросила на улицу. Прохожие с ужасом взирали на творимое бесчинство. Среди них оказался аббат Башан. Не раздумывая, он подхватил то, что некогда было головой кардинала Р. и пустился бежать. Мальчишки бросились вдогонку за ним. Но аббату удалось затеряться в толпе прохожих. Кто-то из прохожих тут же позарился на кольцо с драгоценным камнем, кто-то унес посмертную маску.

Много лет спустя, когда у власти будет находиться Наполеон III, по приказу которого восстановят гробницу кардинала, наследники аббата Башана передадут в дар императору останки одного из самых

великих людей Франции. Торжественное их захоронение произошло 15 декабря 1866 г.

Но прошло сто лет, и в майские дни 1968 г. толпы студентов под красными и черными знаменами врываются в помещение ректората Сорбонны, срывают со стены портрет Р. в полный рост кисти де Шампenea и рвут его на части, и через несколько минут красные и черные знамена взвиваются над куполом Сорбонны. А 4 декабря 1971 г. министр культуры Пятой республики Жак Дюамель возглавил пышную церемонию очередного захоронения останков кардинала Р. Прошло еще 14 лет, и Франция торжественно отметила 400-летие со дня рождения Великого кардинала Р. и 350-летие основанной им Французской академии.

РИШЕЛЬЕ ЛЮДОВИК-ФРАНСУА-АРМАН ДЮ ПЛЕССИ (1696—1788), герцог, маршал Франции, двоюродный внук кардинала Ришелье.

Будучи чрезвычайно типичным представителем развращенной аристократической верхушки XVIII в., Р. очень рано оскандалился своими любовными похождениями. Отец лично выхлопотал у короля приказ о взятии сына под арест и заключении его в Бастилию, где Р. провел более года (14 месяцев) и вышел на свободу в 1711 г. Но спустя пять лет, в 1716 г., он снова был заточен в Бастилию по причине убийства на дуэли графа Гасе.

Бастилия ждала Р. и в 1719 г. за участие в заговоре Селламаре против регентов. Спустя несколько месяцев после заточения Р. был переправлен в Конфлан, который был определен его местом ссылки. Лишь через шесть лет возвращенный ко двору, Р. был назначен французским посланником в Вену (с 1725 по 1729 г.)

В 1740 г. коалиция Франции, Пруссии, Баварии, Саксонии, Испании, Пьемонта и других стран вступила в войну против коалиции Австрии, Англии, Голландии и России. Они оспаривали наследственные права Марии Терезии на владение австрийской короной. Началась восьмилетняя война за Австрийское наследство. Коалиция, возглавленная Францией, стремилась к расчленению Австрии.

В это время Р. отправлен в армию, однако во время ведения боевых действий ничем себя как полководец не проявил. В 1757 г., во время Семилетней войны (1756—63, см. *ДАУН, ЛАУДОН*) он сменил на посту коннетабля (генералиссимуса) второй французской армии маршала д'Эстре. На посту главнокомандующего Р. сумел оттеснить армию герцога

Кумберландского, сына короля Георга II, которая после поражения при Гастенбеке двигалась в герцогство Бременское. Он сумел поставить эту армию в безвыходное положение и заставил тем самым герцога Кумберландского при посредничестве Дании заключить 8 сентября конвенцию в Клостер-Цевене. Эта конвенция положила конец участию в имперской коалиции Ганновера, но король Георг II отказался ратифицировать эту конвенцию.

В силу договора между Англией и Фридрихом II последний во главе 20-тысячной армии двинулся против Р., который находился в Тюрингии. 3 ноября прусская армия перешла р. Заалу и разбила союзническую армию.

В следующем, 1758 г. Р. был отозван из армии. Королю Франции поступали постоянные жалобы на то, что армия Р. ведет себя даже в союзными территориями по-варварски, чиня насилие и нескончаемые грабежи. Из-за этих постоянных грабежей Р. удостоился прозвища «*petit de la Maraude*».

Отозванный во Францию из Ганновера, Р. не играл больше никакой политической и военной роли. Совершенно лишенный образования, он и до полной отставки не имел никаких политических пристрастий и собственного мнения по тем или иным вопросам. По отзывам современников, несмотря на это, Р., при всей своей безнравственности, умел быть ловким авантюристом и весьма любезным при необходимости.

РОБЕРТС ФРЕДЕРИК СЛЕЙ (Frederick Sleigh Roberts) (1832—1914), английский генералиссимус.

Родился в Индии, в семье английских колонистов. Впервые прославился при подавлении восстания сипаев в 1857 г. Главными очагами восстания стали Дели, Канпур и Лакхнау. Здесь образовались самостоятельные правительства и сосредотачивались главные силы повстанцев. Английская Ост-Индская компания направила против восставших свои войска. Р. находился в армии, действовавшей в районе Дели. При захвате города молодой 16-летний офицер с вверенным ему подразделением проявил личную храбрость и находчивость в решении боевых задач. Продолжавшаяся в течение двух лет война закончилась полным подавлением восстания, а власть над колонией от Ост-Индской компании перешла к английскому правительству.

В 1767—68 гг. Р. служил в английских войсках, находившихся в Абиссинии (Эфиопии), а в 1871—72 гг. в составе английского экспедиционного корпуса был переброшен обратно в Азию и участвовал в походе против люшейев в Бенгалии (Бангладеш). Во время военного похода английского корпуса в Афганистан в 1878 г. Р. командовал отдельным специальным отрядом, которому была поручена особая задача. Она заключалась в том, чтобы проникнуть в Кумранскую долину. Р. удалось выполнить специальное задание благодаря умелому руководству отрядом и собственной военной сообразительности: он преодолел Пейварский проход на высоте 3412 м над уровнем моря.

В следующем афганском походе Р. уже был назначен главнокомандующим английским экспедиционным корпусом. В этом походе проявился его пол-

ководческий талант. Под его командованием английский корпус овладел Кабулом (12 октября 1879 г.). Из Кабула Р. совершил с корпусом 20-дневный переход (с 11 по 31 августа 1880 г.) к Кандагару. В городе находился английский отряд, осажденный войсками Эюб-хана. 1 сентября 1880 г. под стенами Кандагара произошло ожесточенное сражение, в котором корпус под командованием Р. разгромил армию Эюб-хана и вынудил остатки ее отойти в горы.

После успешного завершения афганского похода Р. был назначен губернатором Наталя и Трансвааля (провинции совр. ЮАР), для чего ему снова пришлось отправиться на юг африканского континента. Но в 1885 г. получил новое назначение — генералиссимуса английских войск в Индии — и вынужден был вернуться в южную Азию. Командуя здесь войсками, Р. в 1886 г. совершил военный поход в Бирму и покорил ее земли.

В 1892 г. Р. за свои боевые заслуги в колониях был возведен в пэры Англии с титулом лорда Кандагар и Уотерфорд, поэтому в следующем году вернулся в Европу и больше никогда ее не покидал. В 1895 г. Р. назначили главнокомандующим английскими вооруженными силами в Ирландии. На этом посту он находился до тех пор, пока не был назначен генералиссимусом всех английских войск. Пробыв на этой должности до 1904 г., Р. ушел в отставку. Находясь на последней должности, тщетно пытался провести военную реформу (в частности, ввести всеобщую воинскую обязанность).

РОЛАН ЖАН-МАРИ (Ralland de la Platiere (1734—1793), французский генералиссимус периода революции.

Р. родился в местечке Тизи недалеко от Виллефранш 18 февраля 1734 г. Получив юридическое образование, он принял участие в революции. В октябре 1791 г. стал депутатом законодательного собрания и вскоре сошелся с Кондорсе, Фоше и Инаром. Их маленькая группа после этого объединилась с близкими по взглядам бриссотинцами (группа Бриссо), а потом все вместе вошли в состав кружка адвокатов из Жиронды (с центром в Бордо). В этот кружок входили бордоские адвокаты Вернье, Гюаде, Жансонне и молодой купец Дюко. Странники индивидуальной свободы, поклонники демократической линии в политической теории Руссо, они очень скоро стали высказываться в республиканском духе. Всех их прозвали жирондистами. Р. и его друзья были в законодательном собрании пламенными защитниками революции, которую желали вынести даже за пределы Франции, в остальные европейские страны.

Все они отличались умением произносить пламенные речи, но ни один из них не обнаружил в себе организаторского таланта и партийной дисциплины. Сначала они планировали воспользоваться в законодательном собрании крайними демагогами, как своим орудием. Не брезговали они связями и с вождями различных клубов и деятелями революционной прессы.

Вскоре между жирондистами и монтаньярами, более крайней партией, возникло сильное соперничество. Но монтаньяры отличались от жирондистов большими последовательностью и решимостью, и именно к ним перешло господствующее положение

среди революционных группировок во влиянии на парижское население. Первое разногласие между жирондистами и монтаньярами возникло по вопросу о внешней защите революции. Жирондисты считали, что нужно немедленно начать войну против иностранных государств, создавших коалицию против Франции. Монтаньяры также были не против войны. Однако для начала они хотели занять то влиятельное положение, которое в начале 1792 г. занимали жирондисты. Согласно своим политическим идеалам, жирондисты стремились победоносно закончить войну с внешними врагами Франции и стать господами страны, а также освободителями Европы. В первые месяцы 1792 г. они так нападали на внешнюю политику двора, что Людовик XVI был вынужден дать отставку своим министрам и призвать на их места жирондистов.

24 марта 1792 г. они сформировали министерство. Главная роль в нем принадлежала министру юстиции Р. Его жена была пламенной сторонницей политических устремлений партии и находилась рядом с мужем. Пост министра иностранных дел занял Дюмурье, не принадлежавший в жирондистам. Новое министерство тут же настояло на объявлении войны Австрии, что и было сделано 20 апреля. А когда Людовик XVI не дал согласия на некоторые требования жирондистов, принятые уже национальным собранием, Р. обратился к королю с резким по форме письмом, составленным его женой. В этом письме были прямые обвинения в адрес короля.

Результатом стала незамедлительная отставка министерства жирондистов, что явилось причиной восстания парижан 20 июня 1792 г. В этот момент на первое место среди вождей жирондистов выдвинул-

ся Вернье. Он предложил законодательному собранию обратиться к народу с лозунгом «Отечество в опасности», а после восстания 10 августа Вернье подал мысль о необходимости остановки действия исполнительной власти и о предоставлении решения вопроса о форме правления чрезвычайному национальному Конвенту.

Крушение монархии позволило жирондистам взять власть и сформировать министерство. Членом министерства стал также и Дантон, который не принадлежал к этой партии. (Именно он будет содействовать разгрому этой партии в роковые сентябрьские дни.) В Конвенте жирондисты также поначалу заняли наиболее влиятельное положение. К ним присоединились Бюзо, Ланжюнне, Петьон — бывшие члены учредительного собрания, а также новый депутат Барбару. У них тут же стали оспаривать влияние монтаньяры. Жирондисты обвиняли монтаньяров в стремлении к диктатуре, но сами подверглись обвинению в том, что будто бы в их намерения входило расчленение Франции на федерации. Чтобы не допустить падения своего престижа, жирондисты солидарно с монтаньярами выступили в деле провозглашения республики и постановке вопроса о суде над королем. Они испугались мысли о казни Людовика XVI, когда поняли, что эта казнь станет началом террора внутри страны и вызовет сильные внешние осложнения. Желая спасти короля, они предложили, чтобы приговор Конвента был утвержден народом. Но у них не хватило ни мужества, ни единодушия, чтобы настоять на принятии своего предложения.

Людовик XVI был приговорен к смерти. После этого жирондисты утратили прежнее влияние в Конвенте, хотя и продолжали выбираться в предсе-

датели конвентских комиссий и занимали министерские места. Одно время с ними искал сближения Дантон. Затем он выдвинулся в качестве министра юстиции и прославился как влиятельный оратор. Но жирондисты отвергли союз с «сентябрьским убийцей и грабителем Бельгии». А тем временем монтаньяры воспользовались изменой Дюмуре, чтобы погубить всю партию, обвинив и ее в измене.

С монтаньярами заодно стал действовать и Дантон. Именно его жирондисты обвиняли в сообщничестве с Дюмуре. 10 апреля 1793 г. Робеспьер произнес в Конвенте речь с прямыми обвинениями в адрес жирондистов, а Камилл Демулен выпустил против них памфлет «История бриссотинцев». 14 апреля Парижская комунна потребовала исключения из Конвента жирондистов. 31 мая и 1 июня возбужденная толпа народа совершила нападение на Конвент и потребовала исключения жирондистов. Тридцать с лишним членов этой партии были преданы суду, некоторые — домашнему аресту. Р., Бюзо, Барбару, Петьон, Гюаде и др. спаслись бегством. Петьон и Гюаде пытались организовать в провинциях восстания против Конвента. Однако они были подавлены, Гюаде сложил голову на плахе, а Петьон и Бюзо отравились. Барбару застрелился, жена Р. кончила жизнь на эшафоте, а 10 ноября 1793 г. сам Р. заколол себя кинжалом. Лишь после 9 термидора уцелевшие жирондисты (80 человек) вновь заняли свои места в Конвенте.

Р. и многие из его соратников по партии были людьми просвещенными, одаренными блестящими талантами, с артистическими и литературными вкусами. Они были искренними и убежденными идеалистами, проникнутыми великодушными и благородными чувствами. Они верили в силу идей, в хо-

рошие стороны человеческой природы, в благодеяния свободы. При других обстоятельствах, возможно, эти люди могли бы осуществить на практике многие из своих принципов. Но им пришлось жить в очень жестокие времена, когда для победы от политических деятелей требовались качества, которых у жирондистов не было.

САН-МАРТИН (San Martin) Хосе де (1778—1850), один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке (1810—26 гг.), национальный герой Аргентины, генерал. Главнокомандующий Андской армией; освободил территории Аргентины, Чили и Перу от испанского господства; генералиссимус Перу.

Хосе де Сан-Мартин родился 25 февраля 1778 г. в аргентинском городе Япею (современная провинция Корриентес) в семье дона Хуана де Сан-Мартина и доньи Грегории Маторрас. Отец, в ту пору глава департамента Япею, был сыном землевладельца. По материнской линии предки С.-М. также были землевладельцами.

С.-М. было 6 лет, когда семья переехала в Испанию. В 1784 г. Хосе определили в так называемую Семинарию благородных юношей в Мадриде, где ему предстояло изучать испанский, французский и латинский языки, учиться танцам, игре на скрипке и фортепиано, верховой езде и фехтованию, знакомиться с основами поэтики, риторики и живописи, заниматься историей и географией, познавать начала экспериментальной физики и чистой математики, а также философии и эстетики. Но судьба готовила С.-М. еще более разнообразную и насыщенную различными событиями жизнь.

В 1789 г., когда ему еще не исполнилось и 12 лет, началась военная карьера С.-М. В этом совсем еще детском возрасте он участвовал в своей первой военной кампании — в африканском походе против мавров, был под Мелильей, а в 1791 г. бок о бок с молодым артиллерийским лейтенантом, впоследствии испанским патриотом Даонсом, оборонял Оранскую крепость.

В 1793 г. С.-М. воевал против французов* под началом генерала Рикардсона. Смелость и выдержка, проявленные 15-летним юношей в ряде боев, были замечены, и вскоре он получил чин младшего лейтенанта. После сражения при Пор-Ванде и Кольюре С.-М. стал уже лейтенантом.

В 1796 г. Испания заключила союз в французской республикой и вступила в войну с Англией. 17-летний С.-М. сражался в этой кампании в составе испанских морских сил. Он отличился в морском бою под Сан-Висенте (1797 г.) и в ожесточенной схватке с англичанами на борту испанского фрегата «Санта Доротея» (август 1798 г.).

Именно в это время он познакомился с французскими республиканцами и увлекся их революционными идеями. В 1800 г. С.-М. воевал против Португалии и был под Оливенсой. А через два года — на Гибралтаре и в Сеуте; еще через два года нес службу в гарнизоне Кадиса в пехотном полку волонтеров. В 26 лет он был уже многоопытным, закаленным в боях офицером, побывавшем в сражениях и на море, и на суше, под солнцем разных стран. За мужество и отчаянную отвагу солдаты уважали своего командира и шли за ним без всяких колебаний. Настоящим борцом за свободу С.-М. стал, когда на стороне испанского народа выступил против армий Наполеона, вторгшихся на Пиренейский полуостров.

Карл IV, прозванный «королем-невеждой и мракобесом» за то, что свел на нет даже ограниченные

* В 1793 г. Испания в составе антифранцузской коалиции выступила против республиканской Франции. В 1795 г. война закончилась поражением Испании.

либеральные реформы его предшественника, должен был отречься в пользу своего сына, Фердинанда VII. Позже и его Наполеон отстранил от власти, возведя на испанский трон своего брата Жозефа Бонапарта. Испанская монархия сдалась на милость победителя. Король, наследник, королева Мария-Луиса и ее фаворит Годой покинули Мадрид, бросив страну на произвол судьбы. Совет Кастилии склонил голову перед завоевателями, направив ему послание с заверениями в преданности. Сам Великий инквизитор последовал его примеру. Но народ Испании начал отчаянную борьбу против завоевателей.

Восстание охватило всю страну. Французы, опасаясь даже женщин и детей (вода в колодцах зачастую была отравлена), жестоко подавляли любые проявления недовольства новыми порядками. С.-М. искусно командовал партизанскими отрядами, отличился при взятии высот под Архонильей (23 июня 1808 г.) и был возведен в чин капитана Бурбонского полка. 18 июля того же года он блестяще выиграл бой под Альбуэрой и участвовал в сражении при Байлене.

Байленская битва потрясла Испанию и всю Европу. Французский генерал Дюпон впервые за историю наполеоновских войн был разбит наголову. На поле боя громоздились горы убитых французов, валялись десятки брошенных полковых знамен, а 20 тыс. человек были вынуждены сдаться в плен. За отвагу в этой исторической операции С.-М. был присвоен чин подполковника.

В 1811 г., узнав о Майской революции в своей стране, он решил возвратиться на родину. До Испании уже докатилось эхо гигантского сражения, которое вели патриоты на землях Ла-Платы.

С.-М. выехал из Испании в Англию, чтобы затем отправиться на родину. В Лондоне венесуэлец Франсиско де Миранда (см.) основал тайную патриотическую организацию. Ее филиал под названием «Общество Лаутаро»* находился в Испании, в Кадисе. Не остался в стороне от освободительных идей, провозглашаемых «Обществом Лаутаро», и С.-М. Он решил отныне «обнажать свою шпагу только против врагов свободной Южной Америки».

Через неделю после прибытия на берега Ла-Платы подполковника С.-М. утвердили в чине полковника патриотических сил. Ему было поручено создание конногвардейского эскадрона.

Освоившись со спецификой военной обстановки на родине, С.-М. вскоре понял, что ему будут весьма полезны те навыки ведения народной войны, которые он приобрел в Испании. Он знал, какое значение в бою имеет индивидуальная выучка солдата, высоко ценил мужество и поощрял любое проявление инициативы. Среди своих офицеров он отдавал предпочтение тем, кто вышел из солдат, получив чин за подвиг. В эскадроне, а затем и в полку, которым он командовал, С.-М. знал в лицо каждого человека и сам обучал бойцов военному мастерству. С.-М. создал специальный орган — Трибунал надзора, состоявший из офицеров полка и вершивший суд, руководствуясь кодексом мужества и чести. Он внушал своим гренадерам стремление к независимости — национальной и общеамери-

* Лаутаро Фелипе (1537—1557), один из вождей индейцев-арауканов, возглавивший вместе с Кауполиканом (?—1558) борьбу против испанского господства.

канской, ненависть к врагам-испанцам, к «годо» и «матурранго».

С эскадром численностью 125 человек в первом же бою при монастыре Сан-Лоренсо (3 февраля 1813 г.) С.-М. одержал блистательную победу. Это сражение против моряков испанской флотилии хотя и имело местное значение, но сыграло важную роль для укрепления патриотического движения. В результате была навсегда потеряна вера в непобедимость и превосходство противника на воде, нормализовалось движение по рр. Паране и Уругвай, укрепилось доверие местных жителей в республиканской армии, облегчились связи с провинцией Парагвай, а также снабжение патриотического войска Хосе Ронде, которое вело осаду Монтевидео.

Сражение при монастыре Сан-Лоренсо явилось образцом военного тактического искусства. Узнав, что испанцы готовятся к высадке в окрестностях монастыря с целью ограбления этой обители, С.-М. собрал полторы сотни конных гренадеров, преодолел с ними за три часа путь от Буэнос-Айреса и, опередив противника, устроил ему засаду. Перед восходом солнца отряд С.-М. незаметно подошел к монастырю, который оказался между р. Параной и ними, скрывая патриотов от глаз неприятеля. Через заднюю дверь храма, брошенного напуганными монахами, С.-М. тихо ввел своих воинов, построил их в два эскадрона плотным каре. Сам полковник поднялся с несколькими офицерами на колокольню и оттуда через окно принялся наблюдать за высад-

* «Годо», испанское название гогов; «матурранго», презрительное прозвище, которое давалось испанцам в некоторых странах Южной Америки.

кой испанских моряков на берег. С семи кораблей эскадры спускались на воду шлюпки и шли к берегу. Примерно 320 человек взбирались по узкой крутой тропинке, направляясь к монастырю. С.-М., сбежав вниз, вывел свой отряд за ворота, а затем снова вернулся на колокольню, чтобы оттуда руководить операцией. Испанцы продолжали восхождение и не подозревали о засаде. С.-М. тут же приказал приготовиться к атаке, запретив при этом стрелять в противника. Испанцы уже были не более чем в 100 ярдах от монастыря, когда оба эскадрона патриотов внезапно выскочили из-за укрытия и с обеих сторон ринулись во фланги испанцам. Атака была молниеносной. Испанцы успели дать только один залп, в результате которого 5 всадников рядом с С.-М. рухнули на землю. Затем противник был смет, охвачен паникой и повергнут в прах. Из всех высадившихся на берег испанских моряков обратно на корабли вернулись лишь 50 человек. С.-М. потерял 8 человек.

В середине 1812 г. С.-М. создал отделение «Общества Лаутаро» в Буэнос-Айресе. Первыми его членами стали почти все патриоты — государственные деятели, полководцы. 8 октября «Общество» во главе с С.-М. поддержало действия «Патриотического общества», направленные на свержение Первого триумvirата. Целью этой акции военных было создание правительства, которое бы полностью отвечало задачам: еще более централизовать власть и лишить кабильдо, ставшее гнездом реакции, некоторых его полномочий. Новый, Второй триумvirат составили Николас Родригес Пенья, Антонио Альварес Хонте и Хуан Пасо. 31 января 1813 г. в Буэнос-Айресе Вторым триумvirатом была созвана Генеральная конституционная ассамб-

лея. До этой поры постановления принимались только от имени короля Испании Фердинанда VII. Ассамблея покончила с этим, провозгласив суверенитет народа и утвердив независимость провинций Ла-Плата от испанской монархии. Был утвержден также закон о новом гражданстве, которое обязаны были теперь принять иностранцы, занимавшие государственные должности. Был также санкционирован новый текст присяги, в которой имя Фердинанда VII заменялось названием страны — Объединенные провинции Ла-Платы. На монетах вместо изображения короля отныне предписывалось чеканить новый герб, сохранившийся в Аргентине до сих пор: фригийский колпак над крепким рукопожатием в окаймлении оливковой ветви мира и лавровой ветви победы. Была заложена организация основ национальной церкви, независимой от святого престола. Ассамблея провозгласила 25 мая национальным праздником, утвердила национальный гимн и флаг — бело-голубой. Были ратифицированы законопроект Морено о свободе печати и об отмене податей, взимаемых с индейцев; принят закон о «свободе рождения», согласно которому все люди, родившиеся на территории Объединенных провинций, отныне считались свободными; запрещался ввоз новых рабов и предписывалось учить грамоте всех освобожденных от рабства. Упразднялись феодальные титулы, ликвидировался Трибунал инквизиции, запрещалось наказание розгами в государственных школах, отменялись всякого рода пытки при допросах, а орудия пыток, которыми долгие годы испанские сеньоры пытали повстанцев, предписывалось публично сжечь.

Тем временем на севере Объединенных провинций после блестящих побед под Тукуманом (24 сентября

1812 г.) и под Сальтой (20 февраля 1813 г.) патриотическое войско генерала Бельграно 1 октября потерпело поражение при Вилькапухио и 14 ноября — при Айоуме. Для буэнос-айресского правительства это явилось в некоторой мере отличным предлогом, чтобы избавиться от С.-М., чей авторитет среди населения был непререкаем. Альвеар стремился утвердить свое единовластие в «Обществе Лаутаро». Правительство приказало С.-М. направиться с экспедиционным корпусом на подмогу Северной армии Бельграно. Несколько позже генерал С.-М. получил приказ занять пост командующего Северной армией.

Совершая переход от Тукумана в Сальту, С.-М. встретился в местечке Ятасо с Бельграно. До сих пор они лично не знали друг друга, хотя и обменивались дружескими посланиями. Дружба, зародившаяся в Ятасо между этими поистине знаменательными полководцами эпохи освобождения, продолжалась до самой смерти Бельграно.

С.-М. возглавил Северную армию 29 января 1814 г. Неделий раньше, 22 января, конституционная Ассамблея XIII года вынесла решение об усилении централизации власти и передала исполнительную власть в руки одного человека — верховного правителя. Им стал Хервасио де Посадас. После поражений, нанесенных роялистами Северной армией, она находилась в чрезвычайном состоянии: не было медикаментов, не хватало одежды, не говоря уже о вооружении и боеприпасах. Восстановление боеспособности армии требовало огромных затрат и энергии. С.-М. сразу же взялся за это нелегкое дело. Основной целью его была реорганизация и укрепление войск в провинции Тукуман. Противник тоже накапливал силы в соседней провинции Сальте. Надо было срочно пополнять ряды патри-

отической армии, вооружить ее, подготовить новобранцев.

Под Тукуманом С.-М. велел разбить большой лагерь и изрыть его вдоль и поперек окопами. Этот лагерь «Сьюдадела» («Крепость») вошел в историю Аргентины как место, где создавалась новая армия, где зрели планы ее полководца и где он не раз ставил в тупик неприятеля относительно своих реальных возможностей и истинных намерений. Солдаты под покровом ночи, втайне от противника, покидали окопы, а днем шумно возвращались обратно, создавая впечатление прибывающего пополнения и заставляя неприятеля полагать, что силы патриотов растут не по дням, а по часам.

С.-М. основал здесь настоящую военную школу, где изучался опыт конногвардейского полка, преподавалась военная наука, ковалась строжайшая воинская дисциплина, вводилась необходимая субординация. В довершение всего С.-М. создал в «Сьюдаделе» так наз. академию математики, где преподавались арифметика и геометрия, а также сформировал специальное подразделение молодых офицеров. Он считал, что «не может существовать армия, если в ее составе нет хотя бы немногих офицеров, обладающих математическими познаниями, чтобы употребить последние при часто возникающей в них необходимости».

Заслуга С.-М. в этот период патриотического движения заключается в том, что именно по его инициативе развернулась настоящая партизанская война против роялистов. Казалось бы, вопреки здравой логике, он превратил спонтанную партизанскую войну в организованную и хорошо управляемую, комбинируя партизанские атаки с действиями регулярных войск. Этим он стремился создать

единый фронт и подчинить все военные операции одному общему командованию. Пришло время, когда С.-М. смог послать свои передовые части к Тукуману, доверив защиту севера страны партизанам, которые блестяще выполнили эту задачу. Умея ценить и выбирать соратников, С.-М. поставил во главе партизанских отрядов народного героя лаплатских земель — Мартина Мигеля Гуэмеса.

С.-М. никогда не верил, что путь к окончательной победе над роялистами пролегает через Верхнее Перу. Он считал, что военная операция в этой горной области натолкнется на ряд серьезных препятствий, даже если к патриотам примкнут массы индейцев. Даже если и удастся дойти до Лимы через Верхнее Перу, армия патриотов будет атакована испанцами с обоих флангов, а спереди, со стороны Тихого океана, ее встретит мощная неприятельская эскадра, поскольку корабли противника стояли во всех чилийских и перуанских портах.

С.-М. вынашивал свой собственный стратегический план. Он решил идти прямо на запад. А это означало, что нужно было пересечь высочайшую горную цепь Анд, освободить Чили и подойти к Лиме с моря. Для этого также было необходимо сформировать хорошо обученное войско в Мендосе, оттуда пойти на Чили, покончить там с испанцами, оказав поддержку народному правительству. Уверенный в своей правоте, С.-М. отказался от командования Северной армией и вернулся в Тукуман. Оттуда по совету врачей — его мучили приступы желчнокаменной болезни — он переехал в более сухую Кордову. 10 августа 1814 г. он принял предложение стать интендант-губернатором Куйо и переехал в Мендосу. Именно здесь он хотел подготовить плацдарм для исторического похода за свободу Америки.

Вскоре после переезда С.-М. в Мендосу было получено известие о победе испанцев при Ранкагуа (9 октября 1814 г.). Испанцы в итоге захватили все Чили. Планам С.-М. был нанесен серьезный ущерб. Это означало прекращение всякой торговли с Чили и Перу и почти полную парализацию экономической активности Куйо — той области, где генерал С.-М. планировал создание Андской армии.

Население Куйо полностью поддерживало своего интендант-губернатора. Освобождение соседней страны, изгнание испанцев из Верхнего Перу способствовали бы укреплению основ независимости провинций Ла-Платы, а также открытию торговых путей в Чили и расширению торговых связей. Однако 9 января 1815 г., когда Ассамблея XIII года поставила верховным правителем Объединенных провинций Карлоса Альвеара, С.-М. подал в отставку с поста губернатора, сославшись на плохое здоровье. Альвеар поспешил назначить на его место полковника Грегорио Пердриеля. В Мендосе эта новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы. На стенах домов расклеивались анонимные воззвания в поддержку С.-М., а на главной площади города происходили массовые собрания, где звучали речи в его защиту. Все это привело к смещению вновь избранного коменданта. С.-М. вернулся к своим обязанностям в этом крае.

В конце 1814 — начале 1815 гг. в Южной Америке сложилась тяжелая обстановка. Чили были захвачены противником, ряд провинций — Восточный берег, Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе и Кордова отмежеввалась от других областей, подчинявшихся Альвеару и образовали так наз. Протекторат Артигаса. На севере третий поход в Верхнее Перу под командованием генерала Рондо закончился крахом

патриотического отряда. Патриоты, проиграв сражение при Сипе-Сипе (28 ноября 1815 г.), упустили возможность освободить провинции Верхнего Перу. В Кито, Каракасе и Мехико господствовали роялисты. В Лиме готовилась после победы в Чили новая военная экспедиция для вторжения в Объединенные провинции Ла-Платы через Кордильеры. И, наконец, в Испании был восстановлен на престоле Фердинанд VII. После падения Наполеона испанские колонизаторы вновь собирали силы и средства, намереваясь послать экспедиционный корпус в составе 15—20 тыс. человек для разгрома американских повстанцев.

В этой сложной обстановке С.-М. решил обратиться к населению Куйо, призывая их не отрекаться от борьбы за независимость Америки. Он понимал, что в самое ближайшее время придется дать отпор противнику. А для этого нужны были силы и средства. Жители Куйо пошли за своим молодым интендант-губернатором и полководцем (С.-М. было тогда чуть больше 35 лет), доверившись его военному опыту. Создание Андской армии стало поистине всенародным делом. В подготовке военного похода через Анды участвовали женщины, дети, негры-рабы; в войско вступили индейцы и даже добровольцы из других стран. С.-М. задумывал перевести на военное положение «всю нацию», и в определенной степени ему это удалось. Ресурсы изыскивались им из всех возможных и невозможных мест.

С.-М. объявил о введении «своего рода общности имущества частных лиц и государства». Он начал с установления системы добровольной патриотической кооперации для обеспечения Освободительной армии лошадьми, сбруей, седлами, бочками для воды, кукурузной мукой и т. д. Судам было предписа-

но заменять гражданам, совершившим легкие проступки, обычные наказания контрибуцией. Так, за нанесение оскорбления полагалось поставить войску дюжину тыков. Местные жители-испанцы обязаны были предоставить для нужд создания армии заем в размере 18 тыс. песо. С.-М. также ввел налоги на капиталы религиозных братств и конгрегаций, приказал конфисковать имущество всех бежавших за границу и дезертиров, пустить с торгов их земли, объявить общественной собственностью все добро умерших испанцев. Он наложил руку и на доходы церкви, в частности, реквизировал денежные богатства монахов-мерссариев, накопленные, по их словам, за предоставление «приюта беглецам».

И тем не менее средств на армию не хватало. С.-М. ввел специальный военный налог и повысил общий налог на доходы каждого жителя, разрешая в отдельных случаях конфискацию у населения фуража, необходимого для армии. Сам генерал вел почти спартанский образ жизни, ограничивая себя во многом. Губернатору Куйо причиталось жалованье в размере 3 тыс. песо в год. Но С.-М. половину отдавал «для нужд родины», довольствуясь 125 песо в месяц. Жену с маленькой дочерью он отправил в Буэнос-Айрес к ее родителям.

В мае 1815 г. он издал прокламацию, в которой обращался ко всем священникам и прелатам и предписывал им в проповедях разъяснять прихожанам преимущества новой системы либерального правления и защищать «законное правительство, созданное на основе общего волеизъявления». Он указывал, что те, кто не выполнит свой священный долг, будут подвергнуты наказанию.

Стремление С.-М. «поставить рабов под ружье» означало на деле полную ликвидацию рабства.

Встретившись в Кордове с новым верховным правителем страны Хуаном Пуэйрредоном, он добился отмены рабства в Объединенных провинциях Ла-Платы. Вернувшись в Мендосу, он немедленно оповестил об этом население и одновременно обратился к землевладельцам и скотоводам с призывом немедленно отпустить рабов на волю и направить их, хотя бы частично, в патриотическую армию, не дожидаясь, пока закон заставит их сделать это. Так войско С.-М. пополнилось почти тысячей бывших рабов, которые впоследствии героически сражались за независимость Чили и Перу.

Твердые, подчас жестокие меры С.-М., направленные на мобилизацию всех сил и ресурсов народа, одобрялись большинством населения. Возчики и каретники, вставшие на сторону патриотических сил, бесплатно предлагали свои услуги. Пеоны и ремесленники готовы были трудиться для нужд формировавшейся армии, не требуя вознаграждения. Женщины шили белье, мундиры, мешки. Дамы Мендоса, следуя примеру супруги генерала, доньи Марии Ремедиос Эскалады, публично сняли с себя драгоценные украшения, принеся их в дар Андской армии со словами: «Нам не к лицу эти бриллианты и жемчуга в скорбное время, переживаемое нашей родиной, которая требует жертв от всех своих сыновей и дочерей. Мы не хотим снова надевать на себя цепи рабства и поэтому приносим на алтарь Отечества все свои драгоценности».

В это время сам С.-М. разрабатывал план перехода войска через Анды. План его состоял в следующем: прекратить отдельные разрозненные военные операции, полностью освободить Чили, морским путем достигнуть Перу и освободить Лиму. Он потребовал от центрального правительства

предоставить ему 4 тыс. солдат и 60 тыс. песо, а также снарядить эскадру военных кораблей и поставить ее под начало главы освободительной экспедиции.

Ядром Андского войска послужил 11-й батальон «Союзников Чили» во главе с Лас Эрасом, который был послан в Мендосу правительством Буэнос-Айреса в 1814 г. Затем к нему присоединились две роты 8-го батальона с четырьмя пушками. В 1815 г. в Мендосу прибыли 1-й и 2-й эскадроны гренадерского полка, которые под командованием Хосе Сапиолы участвовали в военных действиях в провинции Восточный берег и прибыли оттуда с четырьмя пушками и другим военным снаряжением. Позже С.-М. были также переданы сформированный 8-й полк под командой Педро Конде и 7-й батальон под началом Абураза Крамера. Были укреплены 11-й батальон и артиллерийские части. В создающуюся армию влились два гренадерских эскадрона, принимавших участие в военных походах в Верхнее Перу, а также новый, 5-й эскадрон гренадеров, сформированный в самой провинции Куйо.

Освободительная операция огромных масштабов и переход через Анды готовились не только в Куйо и Буэнос-Айресе. Этим же занимались и в Чили, и на землях вдоль Тихоокеанского побережья. В 1816 г. адмиралу Брауну, в свое время разгромившему испанскую флотилию на Ла-Плате, и Иполито Боучарду аргентинское правительство поручило крейсерство в районе тихоокеанских прибрежных вод. Совершая внезапные набеги на Кальяо и Гуаякиль, моряки отвлекали силы противника в Чили, Перу и Новой Гранаде. Они тоже распространяли среди населения портовых городов прокламации, в которых сообщалось о скором переходе аргентинских войск

через Кордильеры и призывали чилийцев поддерживать освободительную армию.

Подготовка к походу велась и по линии дезинформации противника. С.-М. был изобретателем по части военных хитростей. Он предпринимал довольно удачные попытки усыпить бдительность Осорио, затевая с ним переговоры о возможном «установлении прерванных торговых отношений». «Война ведется не столько оружием, сколько сообщением», — говорил он. С.-М. организовал широкую службу информации по всей пограничной линии Кордильер и на побережье Чили. К примеру, под видом «жертв своей тирании» он направил во вражеский лагерь опытных лазутчиков. На службе у С.-М. были и шпионы, которые долгое время жили среди испанцев, и те считали их «настоящими идальго».

Деятельность аргентинских и чилийских патриотов в тылу врага приобрела такой размах, что в Мендосе был создан генеральный штаб по координации работы подпольных групп и партизанских отрядов. Они имели множество своих конных гонцов, пароли, путеводители, секретные явки и заранее обусловленные места сбора.

Наконец настало время для исторического Андского похода Освободительной армии. Она состояла из 4 тыс. человек: 3 тыс. пехотинцев, 700 гренадеров, 250 артиллеристов, не считая 1200 милисьяно из Куйо. 19 января 1817 г. Освободительная армия начала Андский поход. Части ее шли одновременно через несколько высокогорных перевалов. Начало экспедиции ознаменовали небольшие, но успешные бои. Стычка под Лос-Потрерильос (25 января) частично раскрыла намерения С.-М. и заставила его несколько перегруппировать силы.

И вот, наконец, в 2 часа дня 8 февраля 1817 г., точно по предписанию генерала С.-М., две основные колонны Андской армии сошлись неподалеку от города Чакабуко на чилийской территории. 12 февраля началось сражение при Чакабуко, первое большое сражение за Чили. Согласно плану операции армия была разделена на две части. Ее левое крыло под командованием О'Хиггинса должно было спуститься по Куэста-Вьеха и ударить во фронт противнику, не предпринимая, однако, никаких решительных действий до тех пор, пока правое крыло не нанесет удар по левому флангу и по тыловым частям испанцев.

Но темпераментный О'Хиггинс не выдержал. С криком: «Жить с честью, умереть со славой!» он повел свои части в атаку, ставя под угрозу план С.-М. Срочно введенные в бой силы правого крыла и повторная атака О'Хиггинса решили судьбу сражения. Противник поспешно ретировался, в то время как гренадеры рассеивали ряды отступающих испанцев.

Успешному развитию военных операций сопутствовало продвижение войск С.-М. Один лишь переход через горы можно было считать победой. Противник очистил почти всю провинцию и отступил к Сантьяго. С.-М. сумел начать его преследование лишь спустя несколько дней, когда пополнил потери. С армией шли 1200 запасных лошадей, но они пали под артиллерийским огнем, искалечились или потеряли подковы.

Битва при Чакабуко стала подлинным военным триумфом С.-М. Это была славная победа, так как продемонстрировала гений полководца и явилась образцом его предвидения и всеохватывающего планирования военных действий. Она заложила

основы будущей освободительной экспедиции в Перу.

14 февраля 1817 г. С.-М. во главе победоносной армии вступили в Сантьяго. Торжества жителей по этому поводу и по причине провозглашения чилийского полководца О'Хиггинса верховным правителем страны (16 февраля) не знали себе равных. В тот вечер над городской площадью раскинулись импровизированные крыши из корабельных парусов. Паруса также положили вместо ковров на каменистый пол дворики, превращенных таким образом в салоны. Наверху развесили люстры, сделанные наподобие цветков из солдатских штыков; внутри их горели свечи. Но более всего внимание горожан привлекла батарея из пушек, которые были расставлены на главной улице вдоль домов. При каждом тосте от оглушительных залпов лопались стекла в окнах. В тот вечер офицеры получили навсегда присвоенный им почетный титул Отцов Родины.

Тогда же по инициативе и при непосредственном участии С.-М. было организовано в Чили свое «Общество Лаутаро». Чилийская ассамблея, как уже упоминалось, избрала Верховным правителем страны Бернардо О'Хиггинса после безуспешных попыток склонить С.-М. занять этот высокий пост. Но освободитель не изменил своим принципам, предпочитая «помогать соседу», нежели управлять его страной. Тем более, что уже в тот момент в голове его созревали новые планы освободительной экспедиции в Перу.

Выступление чилийских патриотов под командованием Лас Эраса на юг страны несколько задержалось. Это помешало использовать и развить успех битвы при Чакабуко и позволило испанцам оправиться после поражения. Но 5 апреля патриоты вы-

играли бой при Курапалигуэ и Лас Эрас вошел в город Консепсьон. А ровно месяц спустя, 5 мая, он увенчал свой поход на юг страны победой при Гавилане. Затем действия возглавил сам Верховный правитель О'Хиггинс, до этого воевавший под началом С.-М.

Решающая битва разыгралась 5 апреля 1818 г. на равнине при Майпу. Дав точные инструкции офицерам, С.-М. обратился к солдатам. Уверенный в успехе сражения, он предупреждал их о битве до полной победы. Два войска стояли друг против друга, разделенные лощиной. Видя, что командующий испанским войском Осорио отдает последние распоряжения, С.-М. решил опередить его и велел трубить к атаке. Он разглядел уязвимое место испанцев: правый фланг. И ударил по нему. Тактика сражения при Майпу не соответствовала заранее составленному плану, но она свидетельствовала о полководческом мастерстве С.-М., его умении ориентироваться непосредственно на поле боя. Он ударил во фланг испанцев, направил свои основные силы в обход слева — на правое незащищенное крыло противника. С этой стороны лощина сужалась, что давало немалое преимущество для атакующих. Победа досталась патриотам. Кавалерия обратила противника в бегство, преследовала его и уничтожила.

После боя при Майпу, так же, как и после сражения при Чакабуко, С.-М. побывал в Буэнос-Айресе. Он прибыл сюда с целью добыть средства для похода в Перу. С помощью Пуэйрредона и «Общества» ему удалось получить согласие правительства на субсидию в размере 500 тыс. песо (сумма по тем временам огромная).

Перед тем, как высадиться в Перу, С.-М. провел

там, как и в Чили, большую подготовительную работу. Опираясь на тайные патриотические организации, он создал эффективную службу информации, помогавшую следить за каждым шагом противника, а также распространять прокламации с призывом о борьбе с роялистами.

20 августа 1820 г. Освободительная армия под командованием С.-М. покинула берега Чили, взяв курс на Перу. Она состояла из двух батальонов артиллерии, шести пехотных батальонов и двух кавалерийских полков — всего 4430 солдат и офицеров. Начальником генерального штаба был назначен генерал Хуан Грегорио Эрас. Армию сопровождал Бернардо Монтеагудо, участник Майской революции, старый друг С.-М. Адмирал Кокрейл вел эскадру из 8 военных кораблей с 1600 человек экипажа.

Утром 8 сентября первые части патриотов высадились в Писко и в тот же день овладели городом без всякого сопротивления. Испанский вице-король, всерьез встревоженный высадкой войск, предложил обсудить в местечке Мирафлорес условия заключения мира. Но переговоры не дали результатов, так как основным пунктом своего требования С.-М. выдвинул признание Испанией независимости Перу, Чили и других американских территорий. В течение своего полуторамесячного пребывания в Писко С.-М. наряду с переговорами писал воззвания к перуанскому народу, вступал в контакты с патриотами через своих связных.

После неудачи в переговорах генерал перешел к военным действиям. Он разделил армию на две части. Одна небольшая колонна (1200 человек) под командой Ареналеса была тайно переправлена в Сьерру — горную часть Перу. Она должна была поднять там индейцев и креолов, привлечь их в армию и за-

пасть провиантом. В итоге Ареналесу предстояло на севере страны соединиться с основными силами патриотов, которыми командовал сам С.-М. Основные силы должны были подойти к Лиме.

А пока С.-М. погрузил свое войско численностью 3500 человек (24 октября) на корабли и отплыл из Писко. Проходя мимо Кальяо, С.-М. оставил часть эскадры для блокады порта и высадился в Анконе, небольшой гавани в 36 лигах к северу от Лимы. Здесь их ожидали незначительные стычки с роялистами (в т. ч. под Касабланкой, где успех сопутствовал освободительным частям).

Тем временем произошло два события, укрепившие позиции патриотов на суше и на море. 9 октября 1820 г. победила революция в Гуаякиле (территория нынешнего Эквадора), а в Кальяо адмирал Кокрейн захватил испанский фрегат «Эспаньола», оборонявший этот важный порт.

Продолжая свой поход вдоль Тихоокеанского побережья, С.-М. занял порт Уачо и укрепился в долине Уаура. Он всячески поддерживал партизанскую войну и стимулировал ее призывами к восстанию. Эта война бушевала в аргентинской провинции Сальта и в Чили, сильно изматывая противника. 20 декабря 1820 г. успешно завершилось антииспанское восстание в г. Трухильо, а 4 января следующего года — в Пьуре. Повстанческий огонь охватил весь север Перу, где у С.-М. появилось множество опорных пунктов. Ареналес со своим войском совершал настоящие подвиги в Сьерре. 15 октября 1821 г. были разбиты в Наске войска Квимпера, 31 — захвачены город Уаманго и долина Уанкайо, а к 20 ноября колонна Ареналеса полностью очистила от испанцев долины Хуака и Парма. По приказу С.-М. и соответственно его пла-

нам, Ареналес после битвы под Паско (6 декабря) остановил свое победоносное продвижение на север и повернул к Лиме для соединения с основными силами Освободителя.

В начале 1821 г. С.-М. вплотную подошел к Лиме. Вице-король Ла Серна в июне приказал эвакуировать войска в горный район, откуда ушла колонна Ареналеса. Здесь отряды Ла Серны оказывали сопротивление до 1824 г., когда в долине Аякучо были окончательно уничтожены генералом Сукре из армии Боливара*.

Столица вице-королей, гордая Лима, освободилась от испанцев 9 июля 1821 г. Вместо того, чтобы с помпой въехать в город, как он того заслуживал, С.-М. дождался сумерек, велел оседлать коня и без всякого эскорта, в сопровождении всего одного адъютанта, пересек городскую черту.

Первым делом, как и в Чили, в Перу был создан филиал «Общества Лаутаро», члены которого передали бразды правления в новой республике С.-М. Ему был присвоен титул Протектора свободы Перу, а также титул генералиссимуса республики. Не видя достойного кандидата на столь высокую должность, С.-М. согласился стать Протектором свободы,

* Боливар Симон (1783—1830), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Освободил от исп. господства Венесуэлу, Н. Гранаду (совр. Колумбия и Панама), пров. Кито (совр. Эквадор), в 1819—30 г. през. Великой Колумбии, созданной на территории этих стран. В 1824 г. освободил Перу и стал во главе образ. на Верх. Перу Республики Боливии, назв. в его честь. Нац. конгрессом Венесуэлы провозглашен (1813) Освободителем.

но прежде всего потому, чтобы в стране не воцарилась анархия.

Он сформировал правительство, проводил внешнюю твердую политику, заставлял путем принудительных займов и конфискаций дорого заплатить богатых купцов-роялистов за кровь креолов и индейцев. За несколько месяцев С.-М. осуществил ряд прогрессивных реформ.

Но Перу, как и другие страны Америки, еще не было окончательно освобождено от испанцев. В июле 1822 г. С.-М. отправился в Гуякилу для встречи с С. Боливаром — освободителем северной части Южной Америки. На встрече обсуждались два вопроса: завершение войны за освобождение путем совместных усилий экспедиционных сил обоих Освободителей и политическое устройство новых независимых государств. С.-М. даже выразил готовность служить под началом Боливара, полагая, что должен быть только один верховный главнокомандующий. Он пожертвовал личной славой ради скорейшего завершения войны за американскую независимость. Вернувшись в Перу, С.-М. подал прошение об отставке конгрессу, собравшемуся 20 сентября 1822 г. «Боливар и я не можем быть вместе в Перу, — сказал он, выступая перед конгрессом. — Я разгадал его дальнейший прицел; я понял, что ему весьма не по душе та слава, какая может выпасть на мою долю в ходе войны... Разразился бы скандал на весь мир, а от этого — какая бы сторона ни одержала победу — выиграли бы лишь испанцы, наши враги...» Через два дня он ступил на палубу корабля в Анкоре, чтобы вернуться в Чили.

О'Хиггинс встретил соратника с почестями. Но С.-М. не пробыл долго в Сантьяго. Получив извест-

тие о смерти жены, он вернулся в Мендосу. Прожив там 3 года, он вместе с дочерью отправился в Лондон. На родине он был увенчан лавровым венком героя, но внутривластительная борьба ранила сердце Освободителя. Он понимал, что свою миссию в Южной Америке уже закончил. До конца дней С.-М. жил скромно и нуждался в средствах к существованию. Из-за дороговизны жизни он был вынужден перебраться сначала в Брюссель, а затем в 1834 г. поселился в Гран-Бурже (недалеко от Парижа). Затем в 1848 г. С.-М. переехал в Булонь-сюр-Мер. К концу 40-х гг. здоровье его значительно ухудшилось: мучили давние почечные колики, развилась болезнь сердца, нарушилось зрение.

Великий Освободитель народов Южной Америки, генералиссимус республики Перу, капитан-генерал Чили и бригадный генерал Аргентинской конфедерации провинций скончался 17 августа 1850 г. В пункте 4-м оставленного им завещания С.-М. запрещал, чтобы ему устраивали торжественные похороны, выражая желание, чтобы оттуда, где он умрет, его перевезли прямо на кладбище без всякого сопровождения. Он просил также, чтобы его сердце было переправлено в Буэнос-Айрес. В мае 1880 г., тридцать лет спустя, останки полководца были перевезены в Буэнос-Айрес. По странному совпадению большие настенные часы и карманные часы генералиссимуса остановились ровно в 3 часа 17 августа 1850 г., будто завершая вместе с ним ход жизни.

САНТА-АНА (Santa Ana) АНТОНИО ЛОПЕС де (1795—1875), мексиканский генералиссимус, президент Мексики в 1833—35, 1841—44, 1846—47, 1853—55 гг., фактический диктатор в 1833—55 гг.

Освобождение Мексики от колониального гнета не сопровождалось радикальным переустройством социально-экономической структуры страны. Позиции помещиков и церкви не только не были поколеблены, но даже укрепились. В связи с раздачей земель генералам и офицерам, отличившимся во время войны за независимость, а также крупным чиновникам, число латифундий, составлявшее в 1810 г. менее 5 тысяч, к 1854 г. превысило 6 тысяч. Духовенство продолжало пользоваться рядом привилегий, а его экономическая мощь заметно возросла, поскольку к церкви перешли многие заброшенные асьенды светских землевладельцев. Экономика развивалась крайне медленно: большинство крестьян, рабочих с рудников и мануфактур по-прежнему страдали от педнажа и других форм эксплуатации. Выход из этого критического состояния некоторые государственные деятели и экономисты видели в привлечении иностранных капиталов. В 1824—25 гг. лондонские банкиры предоставили Мексике два займа на общую сумму в 32 млн. песо. Но для расчетов с кредиторами пришлось прибегать к новым займам, в связи с чем сумма внешнего долга государства уже к 1843 г. составила свыше 54 млн. песо.

Политическое положение в стране характеризовалось отсутствием стабильности. Это было вызвано ожесточенной борьбой за власть между враждебными гражданскими и военными группировками. В 30-х гг. латифундисты, высшее духовенство и воен-

ные добились сохранения своих привилегий и социально-экономических институтов колониального периода. Самые крайние сумели даже добиться установления монархии и объединились в консервативную партию, лидерами которой стали Лукас Аламан и Анастасио Бустаманте. Либералы требовали ограничения привилегий церкви и армии, проведения политических и экономических реформ. Их правое крыло составляли модерадос (умеренные), пользовавшиеся поддержкой либеральных помещиков, тесно связанных с ними промышленников и купцов, части генералитета и чиновничества. Левое крыло — пурос (крайние) опиралось на городскую и сельскую бедноту, ремесленников, мелких торговцев, служащих и интеллигенцию и выступало за ликвидацию феодальных пережитков.

После четырехлетнего пребывания у власти первого президента Гвадалупе Виктории в начале 1829 г. президентом был избран представитель пурос, герой войны за независимость Висенте Герреро. Этому противились блок консерваторов и модерадос. Ведь 1-й президент успел провести ряд прогрессивных мероприятий. В частности, он запретил работорговлю и ввоз рабов, а также декретировал освобождение от рабства. Испанские войска воспользовались обострением внутривнутриполитической обстановки в Мексике и в июле 1829 г. высадились на восточном побережье, однако вскоре были разгромлены. (В 1836 г. Испании пришлось окончательно признать независимость Мексики.) После разгрома интервентов Герреро в подтверждении декрета своего предшественника издал указ о полной отмене рабства. Этот акт привел к усилению недовольства реакционеров, которые в декабре 1829 г. подняли мятеж и свергли правительство. К власти пришли консерваторы во

главе с Бустаманте и Аламаном. Они запретили свободу печати, в стране началось массовое преследование республиканцев и либералов. Многие из них были брошены в тюрьмы и изгнаны. Герреро был схвачен и расстрелян.

Подобная политика не могла не вызвать волнений в народе. В ряде районов произошли антиправительственные выступления. Волнения охватили также и воинские части генерала С.-А. Действия правящих кругов подверглись в конгрессе резкой критике со стороны пурос. Под натиском демократической оппозиции правительство Бустаманте — Аламане подало в отставку в конце 1832 г. Выборы в конгресс принести успех сторонникам пурос, а также политическим силам, группировавшимся вокруг С.-А. Генерал пользовался тогда известной популярностью и репутацией либерала. Он-то и был избран президентом республики, а вице-президентом стал Валентин Гомес Фариас.

С.-А. происходил из богатой помещичьей семьи. Военную карьеру он начал в рядах испанской королевской армии, которая боролась против патриотов. В 1821 г. он примкнул к Итурбиде (см.), а впоследствии выступил против него под республиканскими знаменами. С этого времени и до конца жизни С.-А. был то заговорщиком, то членом или главою правительства. Руководящим мотивом его поведения всегда было чрезвычайно сильное честолюбие, соединенное с полным отсутствием определенных убеждений: в начале карьеры он действовал преимущественно с радикалами, в борьбе за власть притворялся либералом, а в конце жизни выступал с клерикалами. В президентство Герреро С.-А. был военным министром и главнокомандующим мексиканской армии. Свое полководческое ма-

стерство он проявил в войне с Испанией, войска которого разбил в нескольких сражениях. Когда в 1830 г. Герреро был расстрелян, С.-А. лишился должности. Но в 1832 г. наступил подходящий момент, и С.-А. не упустил его. В союзе со своим прежним врагом Педраццей он поднял военное восстание против президента Бустаманте и с помощью армии посадил на его место Педраццу. Но спустя несколько месяцев он нашел повод снять Педраццу и занять президентский пост благодаря голосам депутатов-пурос.

Однако С.-А. не разделял их политической программы, хотя до определенного времени открыто не выступал против них. Под предлогом болезни он уехал в свое поместье, а во главе правительства остался Гомес Фариас. Врач по профессии, честный и неподкупный человек, он участвовал в войне за независимость, а после гибели Герреро стал руководителем левых либералов.

С приходом к власти пурос решительно выступил за ликвидацию привилегий духовенства и военных. Конгресс принял законы об отделении церкви от государства и восстановлении правительственного контроля над церковью. Было запрещено создание религиозных корпораций, отменено обязательное взимание церковной десятины; регистрация актов гражданского состояния была изъята из ведения церкви и передана светским властям. Правительство Гомеса Фариаса приняло также решение об отмене привилегий, которыми пользовались военные, и о сокращении численности армии. Против подобных нововведений яростно выступили феодальные круги и военные. В борьбу против пурос теперь включился и С.-А. Установив тесный контакт с помещичьим блоком, он выступил против своих вче-

рашних союзников. В апреле 1834 г. С.-А. отстранил Гомеса Фариаса от руководства правительством и взял всю власть в свои руки. Он разогнал конгресс, отменил конституцию и антиклерикальные законы 1833 г., изгнал из станы лидеров пурос. Все народные выступления против диктатуры С.-А. были жестоко подавлены.

В середине 30-х гг. чрезвычайно обострились отношения между Мексикой и США. Овладев в начале XIX в. Луизианой, а затем и Флоридой, США стремились к дальнейшей экспансии в юго-западном направлении с целью аннексии северо-восточной части Новой Испании. Их интересы здесь прежде всего простирались на обширный, но малонаселенный Техас. Еще в 1819 г. США, желая закрепить и юридически оформить присоединение Флориды, заключили с Испанией договор, по которому они признали Техас составной частью Новой Испании и, следовательно, должны были отказаться от всяких притязаний на него. Но уже в 20-е гг. правительство США негласно санкционировало и поощряло переселение своих жителей в Техас. В 1825 г. законодательное собрание северо-восточного штата Коауила и штата Техас издало закон, обеспечивавший поселенцам возможность получения земельных наделов по крайне низкой цене (платежи производились в рассрочку), а также освобождение от налогов и пошлин в течение первого десятилетия. Численность колонистов быстро росла, пока их не стало больше, чем мексиканцев: к середине 30-х гг. в Техасе проживали уже более 30 тыс. переселенцев из США, тогда как численность мексиканского населения не достигала и трех с половиной тысяч человек. Переселенцы прибывали целыми партиями и были хорошо вооружены, многие привозили с собой не-

гров-рабов. Этим американцы игнорировали законы Мексики, устанавливавшие отмену рабства. США пытались дипломатическим путем добиться уступки Техаса и некоторых других территорий, но безуспешно. В 1828 г. они вынуждены были заключить с Мексикой договор о границе. Но и после этого правительство США не оставило в покое южного соседа, всячески стимулируя недовольство внутренних и внешних оппонентов мексиканских властей.

Озабоченный проникновением североамериканцев в Техас, мексиканский конгресс в 1830 г. запретил дальнейшую иммиграцию из соседних государств в пограничные с ними штаты Мексики (т. е. из США в Техас). Новый закон, однако, предписывал поощрение переселения в неосвоенные районы мексиканцев и европейцев, строительства на колонизируемых территориях укреплений и размещения там воинских гарнизонов. По-прежнему не допускался ввоз рабов. Несмотря на запрет, американская иммиграция в Техас продолжалась. В ответ на это мексиканские власти увеличили численность войск на тexasской территории и подготовились к сбору налогов и платы за землю в связи с истечением предоставленной отсрочки. Это вызвало раздражение колонистов.

Длительное время назревавший мятеж наконец разразился. В июне 1835 г. отряд колонистов под командованием У. Трэвиса захватил селение Анаук на побережье залива Галвестон. В течение последующих месяцев мятежники овладели рядом других населенных пунктов и фактически установили контроль над всей территорией Техаса. Вскоре они провозгласили отделение Техаса от Мексики и образовали временное правительство. США оказывало восставшим всяческую поддержку: значительная

часть волонтеров, боеприпасов и вооружения прибывало морем.

Категорически отказавшись признать «независимость» Техаса, правительство Мексики в конце 1835 г. направило против мятежников 6-тысячную армию, которую возглавил сам С.-А. Мексиканская армия совершила 1700-километровый поход по пустынной местности и, переправившись через Рио-Гранде, в феврале 1836 г. овладела столицей Техаса — Сан-Антонио-де-Бехар. Восставшие вынуждены были отступить на восток. Преследуя их, С.-А. с авангардом своей армии достиг устья реки Сан-Хасинто, где расположился на отдых, не приняв элементарных мер предосторожности. Опасаясь полного провала мятежа, правительство США направило в Техас свои регулярные войска под командованием генерала Гейнса. 21 апреля, получив от предателя сведения о мексиканских войсках, мятежники внезапно атаковали С.-А. и полностью разгромили его армию. С.-А. оставил поле боя и пытался спастись бегством, однако попал в плен.

В плену он подписал с техасскими мятежниками капитулятивное соглашение о прекращении военных действий и выводе мексиканских войск из Техаса. Он также обещал им добиться признания независимости так называемой Техасской республики Мексикой и установления границы между ними по р. Рио-Гранде-дель-Норте. Однако мексиканский конгресс своими решениями от 20 мая и 29 июля объявил все эти обязательства и соглашения С.-А. недействительными. Сам же генералиссимус настаивал на их истинности. Его тайно доставили в Вашингтон, где между ним и президентом Джексоном состоялись переговоры. С.-А. полностью подтвердил слово, данное техасским мятежникам. Пробыв год в

плону, он был освобожден и переправлен на американском корвете «Непобедимый» в Варакус.

В марте 1837 г. вашингтонское правительство официально признало независимость Техаса. Вскоре его примеру последовали Англия и Франция, полагавшие, что новая республика станет буфером, преграждающим путь дальнейшей экспансии США на юг. Однако мексиканское правительство решительно отказалось признать «Республику Техас». Последовали вооруженные столкновения, в которых С.-А. принял участие. В этих войнах он потерял ногу.

В 1841 г. С.-А. вновь удалось захватить власть в стране. В этот период его диктатуры мексиканское правительство дважды (в 1843 и 1844 гг.) предупреждало правительство США, что если они будут настаивать на признании Техаса как самостоятельной республики, то подобная акция сочтется объявлением войны Мексике.

Связанный письменными обязательствами, данными в плену, С.-А. не мог в подобной ситуации действовать последовательно и руководствоваться интересами страны. Поэтому в результате заговора он в 1844 г. был вновь низвергнут, арестован и отдан под суд конгресса по обвинению в государственной измене. Суд приговорил диктатора-генералиссимуса к пожизненному изгнанию и конфискации его громадного имущества и обширных поместий.

А тем временем в начале 1845 г. американский конгресс принял резолюцию, предлагавшую Техасу войти в состав США. Корпус генерала Тейлора, введенный по распоряжению правительства Полка на техасскую территорию, в июле вышел к р. Нуэсес (издавна считавшейся южной границей Техаса) и сосредоточился близ ее устья в районе Кор-

пус-Кристи. 29 декабря президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в состав США на правах штата. Помимо Техаса важным объектом для США являлись также обширные плодородные и богатые полезными ископаемыми мексиканские территории Калифорния и Новая Мексика. После неудачной попытки вашингтонского правительства купить их американские войска получили приказ перейти р. Нуэсес. В марте 1846 г. они без объявления войны вторглись в пределы Мексики и продвинулись до Рио-Гранде.

В конце апреля мексиканские войска по приказу нового президента Мексики Паредеса-и-Аррильяги форсировали реку и атаковали американцев. 8 мая в районе Пало-Альто произошло первое крупное сражение, в ходе которого мексиканцы понесли тяжелые потери и на следующий день под натиском противника начали отходить. В Ресака-де-ла-Пальма они задержались и решили дать бой. Однако и на этот раз военное счастье оказалось не на их стороне: мексиканская армия потерпела поражение и вынуждена была отступить на южный берег. Вслед за ними переправились и американцы, которые 18—19 мая заняли Матаморос.

Хотя армия Тейлора оккупировала не только Техас, но и часть мексиканских штатов Коауилы и Тамаулипаса между рр. Нуэсес и Рио-Гранде, президент Полк в послании конгрессу заявил, будто мексиканцы перешли границу США, «вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле». 13 мая 1846 г. он издал прокламацию, констатирующую состояние войны с Мексикой. 2 июля мексиканский конгресс по предложению правительства официально объявил войну США, потому что перед этим американские пересе-

ленцы, подстрекаемые правительственными кругами США, подняли мятеж в Калифорнии и при поддержке эскадры США захватили несколько населенных пунктов. Тут же, согласно старой схеме, была провозглашена «Республика Калифорния», которая тоже «попросилась» в состав Соединенных Штатов. А в июле американские войска вторглись на территорию Новой Мексики и за короткий срок завоевали почти всю ее территорию. В августе американцы объявили об аннексии и этого штата. А тем временем армия Тейлора, действовавшая на северо-востоке Мексики, 21 сентября достигла Монтеррея и после ожесточенных трехдневных боев заняла город, а в середине ноября уже вошла в Сальтильо. Одновременно эскадра Коннера, блокировавшая побережье страны, овладела портом Тампико.

Положение в Мексике сложилось критическое. Поражение национальных войск вызвало сильное недовольство консервативным правительством Паредеса. В начале августа 1846 г. вспыхнуло вооруженное восстание под предводительством Гомеса Фариаса, лидера пурос. Восставшие требовали немедленного проведения демократических реформ и эффективных мер по обороне страны. Подобная программа обеспечила им приход к власти и получение мест в конгрессе. Но большинство мест оказалось у сторонников С.-А. При таком соотношении сил конгресс в декабре 1846 г. избрал С.-А. снова президентом республики. К тому же, генералиссимус пользовался еще известным влиянием и в армии, и среди населения: энергии и предприимчивости ему было не занимать. Но вице-президентом страны стал Гомес Фариас, фактически продолжавший руководить деятельностью правительства. Ведь С.-А. в это время был полностью поглощен

подготовкой к военным операциям на севере. Вместе с постом президента он занял и пост главнокомандующего.

Одной из мер, призванных укрепить обороноспособность страны, явилось создание регулярной национальной гвардии. В поисках средств для ведения войны конгресс по инициативе Гомеса Фариаса в январе 1847 г. одобрил закон о продаже части сокровищ церкви. В ответ на это взбунтовалась консервативная часть конгресса, а 23 февраля в дополнение к этому в столице подняли мятеж части национальной гвардии, сформированные из представителей «золотой молодежи» (за увлечение празднествами и танцами их прозвали «полькос»). Но благодаря решительным действиям правительства Гомеса Фариаса мятеж очень быстро был подавлен. В столицу тут же явился С.-А. и взял мятежников под свою защиту. Отстранив Гомеса Фариаса от власти, он сразу же объявил об отмене декрета.

В это время наметился существенный поворот в ходе войны с США. Стратегический план американского командования, рассчитанный на нанесение основного удара с севера, быстрый разгром мексиканской армии и захват столицы Мексики, провалился. На оккупированных территориях развернулась мощная партизанская война. 22—23 февраля 1847 г. близ горного перевала Бузна-Виста армия Тейлора отразила наступление превосходящих сил мексиканцев, которыми командовал С.-А. Но сами мексиканцы понесли огромные потери и даже не пытались преследовать отступившего противника.

План американцев был изменен. Теперь они решили нанести удар с востока, через Веракрус. С этой целью в Мексиканском заливе была сосредото-

чена флотилия судов с экспедиционной армией генерала Скотта на борту. 9 марта 1847 г. она высадилась близ Веракрус и после трехдневной осады с непрекращавшимся артобстрелом заняла город. С.-А. сосредоточил свои войска возле селения Серро-Гордо, северо-западнее Веракруса. Но он не сумел оказать организованного сопротивления и в середине апреля был разгромлен наступавшими американцами. Спустя месяц Скотт без боя занял Пуэблу.

В начале августа американцы получили подкрепление и двинулись к Мехико. На подступах к столице завязались упорные бои. Несмотря на пораженческое настроение правящей верхушки (в июне—июле она вела тайные переговоры с американцами о прекращении войны) и нерешительность командования во главе с С.-А., защитники города стойко сопротивлялись. В кровопролитном сражении 20 августа при Чурубуско американцы одержали победу лишь благодаря своему численному преимуществу и лучшему оснащению армии в техническом плане. Но и они понесли много потерь и нуждались в передышке. По предложению генерала Скотта было заключено перемирие. Передышку американцы использовали для переговоров об уступке Техаса, Новой Мексики, Калифорнии, значительной части Тамаулипаса, Коауилы, Чиуауа и Соноры, а также о предоставлении США права транзита через Теуантепекский перешеек. Условия оказались настолько неприемлемыми, что даже С.-А. и его сторонники не решились согласиться с ними.

8 сентября американские войска возобновили военные действия атакой на Молино-дель-Рей, после чего бои переместились в район Чапультепека. 13 сентября американцы штурмом овладели замком

и вплотную подошли к Мехико. На следующий день они беспрепятственно вошли в город, ночью покинутый армией С.-А. Почти безоружные жители подняли восстание. В ответ американцы стали осуществлять тактику «выжженной земли»: они разрушали дома и целые кварталы, превращали церкви в конюшни и казармы, расстреливали горожан без суда и следствия. На площади Пласа-де-Армас и проспекте Аламеда они выстроили виселицы для казни.

Несмотря на захват столицы, на всех оккупированных территориях стали стихийно возникать партизанские отряды. Вскоре партизаны стали серьезной проблемой для американцев. Генерал Скотт объявил их вне закона и всю ответственность за их действия возложил на местные власти.

Правящая верхушка также испугалась роста партизанского движения и стала требовать от С.-А. добиться скорейшего прекращения военных действий. Но тот, так ничего и не сделав, был отстранен от власти. В конце сентября 1847 г. правительство возглавил Пеньи-и-Пеньи. Он выразил готовность вести переговоры о заключении мира. Этого же хотели и правящие круги США. Война с Мексикой была непопулярна среди населения Америки. Против нее выступали большинство партии вигов, часть демократов, аболиционисты и пацифисты, квакеры и другие религиозные секты. Войну осуждали Л. Линкольн, будущий президент Америки, философы и публицисты Р. Эмерсон, Г. Торо, писатели Г. Мелвилл и М. Фуллер.

В январе 1848 г. возобновились переговоры, а 2 февраля в Гвадалупе-Идальго был подписан мирный договор. По нему Мексика потеряла 55% своей территории: Техас, Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, сев. часть Тамаулипаса, Коауилы и Со-

нора (общая площадь около 2,3 млн. кв. км). Северной границей Мексики признавалась Рио-Грандес-дель-норте. В качестве компенсации США обязались выплатить всего 15 млн. песо и отказались от финансовых претензий в сумме 3250 тыс. долларов.

Война 1846—48 гг. наложила серьезный отпечаток на дальнейшее развитие страны. Мексика лишилась самых плодородных земель с неисчерпаемыми природными богатствами и ресурсами. Итоги этой войны во многом повлияли и на ее отношения с США. В конце 40-х гг. начались крестьянские выступления, в начале 50-х гг. к ним прибавились волнения среди городской бедноты. И в 1853 г. при поддержке реакционных помещиков, церковной иерархии, военных и крупной иностранной буржуазии к власти снова пришел С.-А. Установив диктаторский режим, он по требованию США уступил им за 10 млн. долларов еще около 120 тыс. кв. км территории, расположенной южнее р. Хила (долина Месилья). Эта сделка, известная под названием «покупка Гадседена» вызвала сильнейшее недовольство в стране.

В ответ на антинациональную политику С.-А. 1 марта 1854 г. в городе Аютла вспыхнуло восстание. Во главе его стал губернатор штата Герреро Хуан Альварес. Восстание быстро приобрело широкий размах и переросло в революцию. Активную роль в революции играли самые низшие слои населения, а также мелкая и средняя буржуазия и интеллигенция. В августе 1855 г. диктатура С.-А. была свергнута, а в октябре к власти пришло либеральное правительство Альвареса. Оно приступило к немедленному формированию национальной гвардии, которая должна была заменить постоянную армию. По предложению министра юстиции Хуареса

был издан закон, лишивший церковь и армию привилегий.

В 1855 г. С.-А. был свергнут окончательно. В подобной обстановке лучшим выходом для него явилось бегство за границу. Но до конца своей жизни (в 1876 г.) диктатор-генералиссимус продолжал устраивать различные заговоры против своей страны. Во главе вооруженных отрядов С.-А. неоднократно проникал на территорию Мексики, но все его попытки подняться оставались безрезультатными. В 1867 г. он даже был захвачен в плен после организации очередной экспедиции и посажен в тюрьму. Но вскоре его выпустили и отправили в изгнание. Это было наибольшим из наказаний — лишиться родины.

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (1878 [по уточненным данным] — 1953), партийный и государственный деятель СССР, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) (позднее — КПСС), фактический диктатор в 1934—53 гг., Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945).

По утверждению самим С. традиции, принято считать, что он родился 21 декабря 1879 г. в г. Гори Тифлисской губернии в семье сапожника Виссариона Джугашвили. Несмотря на грузинскую форму окончания, его фамилия имеет осетинское происхождение (от осет. джуха «мусор, отбросы»).

О предках по отцу сохранилось не очень много сведений. Известно, что прадед С. Заза Джугашвили участвовал в начале XIX в. в восстании против русских. После подавления восстания он бежал от преследования и осел в деревне Диди-Лило около Тифлиса. Его сын Ваню, дед С., развел в этой деревне виноградник. В этой деревне родился отец С., Виссарион, по прозвищу Бесо. После смерти отца Бесо переселился в Тифлис и нашел работу на кожевенном заводе Адельханова. Здесь-то он и научился сапожному ремеслу. Спустя некоторое время некий Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, и среди нанятых им рабочих значится Джугашвили.

Здесь, в Гори, Бесо познакомился с Екатериной Геладзе. Девушка происходила из семьи бывших крепостных, проживавших в селении Гамбареули. В 1864 г., после отмены в Грузии крепостного права, семья Геладзе переселилась в Гори. Тогда Екатерине было 9 лет. В 1874 г. Виссарион Иванович Джугашвили и Екатерина Георгиевна Геладзе вступили

в брак. Мать С. была неграмотной и, как и ее муж, не говорила по-русски. Молодая семья сняла домик, состоявший из одной маленькой комнаты.

По описаниям, отец С. был худощавым, с черными волосами, бородой и усами. Современники отмечали, что в молодости С. внешне очень походил на отца. Достоверно известно, что Бесо был суровым, вспыльчивым человеком и большим любителем выпить. В конце концов он однажды умер после драки в трактире.

Мать С., рыжеволосая привлекательная женщина, была очень набожна. Иремашвили* вспоминал о ней, как о благочестивой и трудолюбивой женщине, сильно привязанной к сыну. Обычно она носила традиционную одежду грузинских женщин, пользовалась в общине уважением и по старинному обычаю посвятила свою жизнь служению Богу, мужу и сыну. Но из этого никоим образом не следует, что она обладала мягким и покорным нравом. Подобное предположение противоречило бы тому образу, который сам С. нарисовал в одной из бесед с дочерью Светланой в 40-е гг. По ее словам, С. на протяжении всей жизни был самого высокого мнения о матери, которую считал умной женщиной. Он рассказывал, что она колотила его в детском возрасте, как и Виссариона, когда тот выпивал. Она хотела, чтобы сын стал священником, и всегда сожалела, что этого не произошло. Когда С. навестил мать незадолго до ее

* Иремашвили Иосиф учился вместе со С. в Тифлисской дух. семинарии. Впоследствии стал меньшевиком, пути друзей детства разошлись. После революции он преподавал в одной из тифлиских школ, но в нач. 20-х гг. вынужден был эмигрировать. Написал воспоминания.

смерти, она сказала: «А жаль, что ты так и не стал священником». На основании известных ей фактов Светлана пришла к заключению, что Екатерина была женщиной с пуританской моралью, строгой, решительной, твердой и упрямой, требовательной к себе и что все эти качества перешли к сыну, который по характеру был больше похож на нее, чем на отца.

С. был четвертым ребенком Джугашвили* и единственным, кто остался жив. Остальные дети умерли в младенческом возрасте. С. оказался не по годам развитым, способным в учении, энергичным, физически подвижным ясноглазым мальчиком, большим любителем всяческих забав. Обладая хорошим голосом, он пел в школьном хоре горийской церкви. Роста был небольшого, около 1 м 60 см. Перенесенная в детстве оспа оставила на лице свои следы. Ценным источником информации о детских годах С. являются опубликованные в Берлине мемуары Иосифа Иремашвили. Дети познакомились на школьном дворе как соперники в соревновании по борьбе, в которой Сосо Джугашвили одолел Сосо Иремашвили, схватив сзади в тот момент, когда последний стряхивал с себя пыль. Иремашвили, для которого тесная квартирка Джугашвили стала вто-

* В некоторых источниках говорится, что он был третьим ребенком. Следует отметить также: существуют версии о том, что С. не был сыном Виссариона Джугашвили. Его отцовство приписывалось князю, у которого в доме работала Екатерина Геладзе-Джугашвили, а также известному исследователю-путешественнику Н. М. Пржевальскому. Насколько подобные версии основательны, документально до сих пор не подтверждено.

рым домом, вспоминал приятеля, как худого, но крепкого мальчика, с упорным безбоязненным взглядом живых темных глаз на покрытом оспинами лице, с гордо откинутой головой и внушительным, дерзко вздернутым носом. Не такой по-ребячьи беззаботный, как большинство товарищей по училищу, он временами словно встряхивался и целеустремленно, с упорством принимался или карабкаться по скалам, или же старался забросить как можно дальше камень. Отличался равнодушием к окружающим; его не трогали радости и печали товарищей, никто не видел его плачущим. Для него высшая радость состояла в том, чтобы одержать победу и внушить страх... По-настоящему же он любил только одного человека — свою мать. Как мальчик и юноша он был хорошим другом для тех, кто подчинялся его властной натуре.

Как оказалось, родители по-разному представляли себе будущее сына. В 1888 г. мать записала его в местное духовное училище. Но отец вскоре забрал его оттуда. Он хотел, чтобы сын тоже стал сапожником. Он забрал сына с собой в Тифлис, где в течение трех лет работал с ним на обувной фабрике Адельханова. Это произошло после того, как его собственная мастерская в Гори разорилась. Однако борьба в семье закончилась в пользу матери: сын вернулся в духовное училище, а отец вскоре умер.

В духовном училище мальчик Джугашвили считался одним из лучших учеников. Из воспоминаний того же Иремашвили, юный С. прочитал все книги, что были в городской библиотеке. В июне 1894 г. по окончании училища он был отмечен как лучший ученик. Учителя советовали матери, чтобы ее сын продолжал учебу. И в сентябре того же года его определили в Тифлисскую православную духовную

семинарию. До мая 1899 г. это учебное заведение оказывало решающее влияние на его духовное развитие. Он был слушателем семинарии, получавшим стипендию. К 1896 г. относятся заметки инспектора семинарии с предупреждениями в адрес юного С. за чтение книг (в то время он читал Щедрина, Гоголя, Чехова, Толстого, Теккеря, Гюго, Бальзака; наряду с художественными были также и научные произведения — «Происхождение человека и половой отбор» Дарвина, «Сущность христианства» Фейербаха, «История цивилизации в Англии» Бокля, «Этика» Спинозы, «Основы химии» Менделеева).

Первое знакомство с марксизмом С. относится к 1897 г. По настоянию двоих своих знакомых, Саши Цулукидзе и Ладо Кецховели, он начинает внимательно знакомиться с социалистической и марксистской литературой. В том же году он становится членом тайного марксистского кружка, действовавшего в семинарии. Но крутой поворот в жизни С. произошел в 1898 г.: в августе он становится членом грузинской социал-демократической организации «Месаме даси» («Третья группа»; позднее С. будет считать эту дату началом партийного стажа). В конце 1898 и начале 1899 г. С. принимает участие в сходках читательского кружка, а весной все чаще и чаще молодой Джугашвили начинаем вступать в конфликт с дирекцией семинарии. В мае, после нескольких предупреждений за нарушение режима и неявку на экзамен, С. исключают из семинарии. Он не нашел работу, вернулся в дом матери, и лишь 28 декабря устроился в Тифлисскую физическую лабораторию и получил казенную квартиру. Теперь, имея время и работу для прикрытия, он посвятил себя нелегальной работе. Весной 1900 г. были арестованы руководители «Месаме даси», но ни-

кто не узнал о том, что 20-летний Джугашвили был одним из активных организаторов демонстрации 1 Мая. В том же году С. познакомился с В. Курнатовским — представителем редакции «Искры», который приехал в Тифлис.

Весной 1901 г. тифлиссские социал-демократы снова готовились к 1 Мая. Но царская охранка уже 21 марта арестовала Курнатовского. Спустя неделю молодой С. перешел на нелегальное положение. Отныне в течение 16 лет он жил под различными фамилиями, скрываясь от полиции. Джугашвили стал профессиональным революционером, солдатом подпольной организации, боровшейся за власть в России.

О партийной работе С. в первый период его революционной деятельности имеется не слишком много достоверных данных. Став в ноябре 1901 г. членом Тифлиссского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, он отправился в Батуми. Здесь у него обострились отношения с членами местного партийного комитета, многие из которых были недовольны его грубостью и манерой поведения. Именно здесь Джугашвили взял себе псевдоним, под которым приобрел известность в партийной среде. Многие знакомые и после революции продолжали так его называть — Коба.

Выбор этого имени не был случайным. Еще во время учебы в училище он вместе с товарищами зачитывался грузинской литературой. Первой книгой Сосо стала сентиментальная повесть Даниэля Чонкадзе «Сумарская крепость», осуждавшая крепостничество и по сюжету напоминавшая «Хижину дяди Тома». Его увлекали также поэмы и рассказы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Рафаэла Эристави. Но с наибольшим упоением он читал

произведения романтического писателя Александра Казбеги, который сочинял будоражащие воображение рассказы о борьбе горских племен Кавказа с вторгшимися на их землю русскими. Особенно глубокое, надолго сохранившееся впечатление произвел на С. роман Казбеги «Отцеубийца». Главный герой этого произведения — прямолинейный идеализированный тип героя, постоянно встречающегося в романах подобного жанра. Коба — так его имя — сильный, молчаливый, бесстрашный рыцарь, доблестный в бою, меткий стрелок, ловкий и изобретательный в трудных ситуациях. Но в истории Кобы, рассказанной Казбеги, С. обнаружил еще одно свойство, которое стало для него наиболее привлекательным: герой выступает как мститель. И эта тема отмщения проходит красной нитью через весь роман.

5 апреля 1902 г. С. был впервые арестован. Это случилось во время налета на конспиративную квартиру, когда там проходило заседание Батумского комитета. Год С. провел в батумской тюрьме, затем был переведен в Кутаиси, а осенью 1903 г. отправлен по этапу в ссылку в Вост. Сибирь. В период с 1902 по 1913 г. С. шесть раз подвергался арестам. Столько же раз его ссылали, и четыре раза ему удавалось бежать. Уже в январе 1904 г. он покидает место ссылки и осенью того же года появляется в Батуми. Накануне революции 1905 г. он принимал активное участие в агитации рабочих, писал листовки. Коба неизменно выражал большевистские взгляды в Грузии, которая в то время считалась меньшевистской крепостью. Его работой заинтересовался Ленин, в июле 1905 г. Н. Крупская попросила Кавказский союзный комитет РСДРП прислать ей брошюру Кобы. Это был первый косвенный контакт между С. и Лениным.

Непосредственная встреча произошла в декабре того же года в финском городе Таммерфорсе, где проводилась I конференция РСДРП. После конференции С. вернулся в Тифлис, а в апреле 1906 г. отправился в Стокгольм на IV съезд РСДРП. Одним из вопросов съезда был вопрос о боевых отрядах партии. Была принята резолюция с осуждением терактов, которые все меньше носили политический характер и все больше напоминали открытые грабежи. Объектами экспроприаций («эксов») являлись банки, почтовые вагоны, перевозка денег и драгоценностей. Эти акции служили укреплению материальной базы партии, увеличению ее денежных средств. Резолюция же съезда давала разрешение на проведение налетов только на склады оружия. Но вопреки резолюции съезда такого рода акции продолжались. С. даже хотели судить партийным судом за нарушение этой резолюции, Общеизвестны были его хорошие связи с двумя самыми дерзкими участниками «эксов» — Камо и Цинцадзе. Собственно, Коба и руководил проведением экспроприаций на Кавказе. На V съезде РСДРП в Лондоне (май 1907 г.) была вновь принята резолюция с запрещением такого рода партизанских акций. И только Ленин голосовал против этой резолюции.

После возвращения из Лондона С. продолжал агитационную деятельность на Кавказе, пока 25 марта 1908 г. не был арестован и посажен в Баилловскую тюрьму в Баку. 9 ноября был объявлен приговор об отправке в ссылку, а в январе 1909 г. этап прибыл в Вологду. Местом пребывания ссыльного Кобы был определен город Сольвычегодск. Здесь ссыльный поселился в доме Кузаковой, которая родила от С. сына.

Летом 1909 г. С. бежал из ссылки, но в марте 1911 г.

был арестован в Баку под фамилией Меликянц и снова выслан в Сольвычегодск. С этого времени начинается длинная череда арестов и побегов Кобы вплоть до 1913 г., когда в феврале по доносу провокатора Малиновского он был арестован в Петербурге и сослан в Туруханский край.

Завершая хронику жизни молодого С., нельзя не сказать о его первом браке. Со своей невестой Екатериной Сванидзе он, скорее всего, познакомился через ее брата Александра, который учился вместе с ним в Тифлисской семинарии. Бракосочетание состоялось либо в 1902 г. (до первой ссылки в 1903 г.), либо в 1904 г. (после ссылки). Можно предположить, что на характерную для С. привязанность к матери указывает тот факт, что невеста не только имела такое же имя, но и во многом походила на его мать. Она была простой грузинской женщиной, для которой обязанности жены составляли суть ее жизни. Екатерина Сванидзе происходила не из интеллигентной среды и не разделяла революционных взглядов своего брата Александра. Как и мать С., она была глубоко религиозна. По воспоминаниям современников, она молилась ночами о том, чтобы муж отказался от кочевой жизни профессионального революционера и занялся чем-то более основательным. Старшую Екатерину напоминала она и абсолютной преданностью Иосифу, на которого смотрела как на полубога. Где супруги жили во время редких встреч — не известно. Вероятно, в какой-то части дома родителей Екатерины, который, как считают, находился в селении Диди-Лило, на родине предков С. В 1908 г. Екатерина родила сына Якова, но через год заболела и умерла. Впоследствии ребенка растила сестра Екатерины.

Не до конца выясненным вопросом в биографии

С. остается вопрос о его связи с полицией. В воспоминаниях некоторых грузинских меньшевиков, выехавших после революции за границу, можно встретить утверждение о том, что Джугашвили подзревался в доносительстве на лиц, которых ему хотелось убрать с дороги. В подтверждение приводится бакинский период деятельности, отмеченный соперничеством с Шаумяном. В то время ходили слухи, будто бы С. проинформировал полицию и способствовал аресту соперников в 1909 г. В воспоминаниях бывшего эсера Семена Верещака, опубликованных в 1928 г. в русской газете в Париже, утверждается, что С. начал доносить (хотя еще и не в полицию) вскоре после ухода из Тифлисской семинарии. Однако все эти утверждения можно отнести к разряду слухов и домыслов, поскольку до сих пор не найдены документальные подтверждения возможных контактов молодого С. с полицией.

Возвращение из ссылки произошло 12 марта 1917 г., сразу после Февральской революции. После четырехлетнего пребывания в Туруханском крае С. нужно было сориентироваться. Он (вместе с Кемениевым и Мурановым) берется за редактирование «Правды». Вскоре в газете появляются его статьи («О войне», «Об условиях победы русской революции» и др.), за которыми следует негодование петроградских рабочих и их лидеров и даже требования исключить редколлегию из партии.

В конце марта — начале апреля 1917 г. С. участвовал в работе Всероссийского совещания партийных работников. Возвращение Ленина в этот момент изменило соотношение сил в партии. Вождь пишет свои знаменитые Апрельские тезисы, призванные ответить сокровенным мечтам народных масс. Ленин учел тягу народа к миру, желание кре-

стьянства получить землю, не забыл и о рабочих. С. без колебаний становится на ленинскую позицию, присоединяется к новой линии партии. Это видно из его тогдашних выступлений и статей.

После возвращения на родину настоящих вождей-лидеров С. несколько был оттеснен на задний план. Но, несмотря на свои заблуждения в прошлом, он все-таки не был забыт и на Апрельской конференции вошел в состав ЦК. Этому избранию во многом способствовал Ленин («...мы знаем товарища Кобу очень много лет. Видели его в Кракове, где было наше бюро, важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах»). На конференции С. выступал с докладом по национальному вопросу. Впоследствии он вошел в состав Совнаркома и был назначен наркомом по делам национальностей, поэтому остановимся на этом моменте его биографии несколько подробнее.

Когда С. прибыл в ноябре 1912 г. в Краков, Ленина уже очень занимал национальный вопрос. Тогда он написал статью; главной мыслью которой был протест против «приспособления социализма к национализму» (Ленин, ПСС. т. 22, с. 223—230). Он не хотел превращения партии в «австрийскую федерацию» (имелась в виду Австрийская социал-демократическая партия, распавшаяся на немецкую, чешскую, польскую, русинскую, итальянскую и южно-славянскую социал-демократические партии). Ленин опасался, что подобная тенденция возобладает и в России, где определенной автономией обладал Бунд (Еврейский рабочий союз) и с.-д. организации Польши, Литвы и Латвии. И вот в 1912 г. бундовцы и грузинские меньшевики предложили одобрить лозунг австрийских марксистов относи-

тельно «культурно-национальной автономии». Ленин же считал, что национальный сепаратизм несовместим с социал-демократией. По его убеждению, всякая попытка разделить российскую социал-демократию по национальному признаку нанесла бы ущерб направленному против монархии революционному движению. Поэтому появление С. в Кракове в 1912 г. было для вождя большевиков как нельзя более кстати. После разговора Ленин именно его как «нацмена», избирает в качестве орудия для борьбы с сепаратистами. И С. его не разочаровал. К тому же Ленину стало известно, что С. в течение длительного времени боролся с проявлениями местного национализма в Закавказье. В 1904 г. он даже выступил в печати против националистических тенденций в грузинских и армянских социалистических группах и отстаивал идею централизованной партии. Этой же позиции С. придерживался в 1906 г., когда на региональном съезде парторганизаций группа из Кутаиси подняла вопрос о культурно-национальной автономии, а также в 1912 г., когда грузинские меньшевики пошли по тому же пути. Т. обр., Ленин встретил в лице С. «национала», горячо принявшего его сторону в спорах по национальному вопросу. И хотя после революции сам Ленин несколько изменит свой взгляд на культурно-национальную автономию, а С. останется на прежних позициях, думается, выбор именно последнего на пост наркома по делам национальностей не был случаен. При его руководстве и непосредственном участии было создано искусственное образование — СССР, которое удерживалось только благодаря жесткой диктатуре (т. н. «демократическому централизму»).

В 1918 г. в стране вспыхнула гражданская война,

разразился небывалый голод. («...мы явно погибнем и погубим всю революцию, если не победим голода в ближайшие месяцы», — писал тогда Ленин. ПСС, т. 50, с. 82). 29 мая Совнарком назначил С. руководителем продовольственного дела на юге России. 6 июня он прибыл в Царицын специальным поездом в сопровождении отряда красноармейцев численностью в 400 человек. Здесь он встретил своего знакомого К. Ворошилова (первая встреча произошла в 1906 г. в Стокгольме, где С. и Ворошилов жили в одной комнате). На следующий день он телеграфировал Ленину о принятых чрезвычайных мерах по наведению порядка и об отправке железнодорожным транспортом большого количества хлеба.

Распоряжался С. в Царицыне со свойственными ему деспотичностью и быстротой. Позже Ворошилов напишет в воспоминаниях, что С. провел в Царицыне реорганизацию воинских частей на фронте и «железной беспощадной метлой» прочистил тыл. В отношении многих подозрительных личностей приказ С. был коротким: «Расстрелять». На это у него имелась санкция самого Ленина («Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще», — гласила одна из телеграмм Ленина). Для дальнейшей своей деятельности в качестве главы Военного совета Северо-Кавказского военного округа С. получил неограниченные полномочия. Именно в Царицыне С. стал участником операций, направленных не только против белых, но и против Троцкого. Разногласия касались роли военных специалистов. Троцкий заручился поддержкой Ленина и создавал Красную Армию как профессиональную военную организа-

цию. Из-за нехватки офицеров он привлекал большое число бывших царских офицеров. С. встал на сторону красных командиров, которые с недоверием относились к «буржуазным» военным и предпочитали партизанские методы ведения войны. Возникла «военная оппозиция», лидерами которой были Ворошилов, Буденный и некоторые другие красные военачальники.

Утверждая вновь приобретенные им права, С. побуждал местных красных командиров не выполнять приказы главного командования. После восстановления железнодорожной линии к югу от Царицына он приказал арестовать старшего военного специалиста А. Снегирева и большое число штабных работников. Всех их заключили под стражу в «плавучей тюрьме», на барже. На протест против этого Троцкого С. написал резолюцию: «Не принимать во внимание». Прибывшая специальная комиссия расследовала обстоятельства дела и А. Снегирева освободила из-под стражи с переводом на другой участок фронта. Остальным работникам повезло гораздо меньше: по неизвестным причинам баржа внезапно затонула со всеми находившимися на борту.

Но и после этого С. не успокоился. В нарушение распоряжений Москвы, запретившей вмешиваться в дела военных специалистов, С. сначала отменил приказы вновь назначенного командующего фронтом Н. Сытина, а затем и вовсе отстранил его от командования. По требованию Троцкого в дело снова вмешалась Москва. Ленин уступил, и в конце октября С. отозвали из Царицына. За ним прибыл Свердлов на специальном поезде. В вагоне Свердлов организовал встречу непримиримых противников — Троцкого и С. Однако настоящего примирения не состоялось, были лишь его видимость. Отныне С.

затаил, видимо, злобу на отца «военного коммунизма», которая в дальнейшем значительно повлияет на судьбу последнего.

Т. обр., С. сделал все для поставки с юга хлеба, но его первые шаги на военном поприще были крайне неудачными. Уже после смерти С. военные историки пришли к выводу, что он оказался не в состоянии понять значение военных специалистов-профессионалов. И С., и Ворошилов проявили также недисциплинированность в отношении командования Южным Фронтом. Будучи в Царицыне, С. забрасывал Ленина настойчивыми требованиями предоставить ему боевую технику и рисовал заманчивую картину успешного развития войны с ее помощью. В одном из посланий он обещал занять Баку, Сев. Кавказ и Туркестан, если Ленин без промедления пришлет «несколько миноносцев легкого типа и две подводные лодки».

Однако бесславный конец военной миссии С. не имел серьезных последствий для его дальнейшей политической карьеры. После возвращения в Москву его назначают членом Реввоенсовета Республики, а через месяц и членом ВЦИК. Прежний конфликт с Троцким приобрел теперь форму взаимных обвинений. Троцкий жаловался Ленину в частном порядке на то, что С. восстанавливал в армии «порядки великих князей» (намек на обычаи царского времени, когда приказы отдавались войскам великими князьями через головы вышестоящих начальников и порождали неразбериху в управлении войсками). Вопрос о военных специалистах был лишь одной из многих сфер, в которых С. выплескивался наружу. Со стороны С. к конфликту привели побуждения психологического свойства. К нападкам на Троцкого его толкало чувство сильнейшей непри-

язни к человеку, который, в силу своей роли в революции, портил ему жизненный сценарий.

После пережитого в Царицыне у С. проснулось желание сыграть совершенно определенную роль в войне. Прошло совсем немного времени, и в январе 1919 г. он вместе с Дзержинским выехал в Вятку, чтобы по поручению ЦК расследовать причины сдачи Перми 3-й армией. А уже в мае С. направили в Петроград, чтобы приободрить Зиновьева, запаниковавшего перед лицом опасных передвижений дислоцированной в Эстонии армии генерала Юденича, а также в связи с возникшей угрозой сдачи Петрограда и назревавшего мятежа в городе и его окрестностях.

В Петрограде С. оставался весь июнь, действуя с привычной бесцеремонностью. После захвата форта Красная Горка (16 июня) он послал Ленину телеграмму, в подтексте которой было: «штатские» могут преподавать военным специалистам уроки стратегического искусства. Это хвастливое послание, оправдывавшее произвол С. военными успехами, раскрывает также его огромное желание оставить свой след в военной истории. А в том, что его обуревало военное честолюбие, нет ничего удивительного. Не вызывает сомнений и тот факт, что втайне С. жаждал отнять лавры у Троцкого, доставшиеся тому в результате энергичного руководства Красной Армией. При этом не следует забывать, что первые мечты о славе были связаны у юного Кобы именно с военным поприщем. Это объясняет интерес, который С. с первых шагов в революционной деятельности проявлял к военному аспекту революции (статья «Вооруженное восстание и наша тактика», 1905 г.).

Следующим серьезным военным заданием для С.

стало южное направление (войска генерала Деникина заняли Курск, Воронеж и Орел и нацелились на Москву). Армия была остановлена. И хотя позднее авторство победоносной стратегии против Деникина будет приписываться С., ее разработчиком являлся Троцкий.

В 1919 г. С. женился на Надежде Сергеевне Аллилуевой, дочери старого революционера Сергея Аллилуева, с которым будущий диктатор познакомился в 1904 г. в доме социал-демократического активиста Михо Бочоридзе. Тот укрывал С. после побега последнего из ссылки в Новую Уду.

Непохожая на первую жену, простую грузинскую девушку Екатерину, Надежда Аллилуева была человеком, впитавшим большевизм с молоком матери. Она была человеком, для которого общественная деятельность являлась насущной потребностью. Вступив в партию в 1918 г., она некоторое время работала в Царицыне, выехав туда вместе со С., и одновременно выполняла другие партийные поручения. Разница в возрасте между ними была существенная — 23 года. Надежда лишь на восемь лет была старше первого сына С., Якова.

Выйдя замуж, она не замкнулась в домашнем хозяйстве. В начале 1919 г. она начала работать в личной канцелярии Ленина. В разгар гражданской войны ей приходилось работать в канцелярии долгие часы, часто до поздней ночи, печатать на машинке, шифровать и расшифровывать телеграммы. Ей доверяли работу самого секретного характера. Позднее она устроилась в редакцию журнала «Революция и культура» (издавался при газете «Правда») и принимала активное участие в деятельности партийной организации издательства. Затем Надежда Аллилуева поступила в Промакадемию, со-

биралась стать специалистом по синтетическим волокнам.

Она родила С. двоих детей — дочь Светлану и сына Василия, показала себя хорошей хозяйкой. Семья уже жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, С. и Надежда в 1919 г. получили просторную загородную дачу недалеко от деревни Усово, в живописном месте на берегу р. Москвы, примерно в 20 милях от столицы. Дача называлась Зубалово, по имени русского нефтепромышленника, которому принадлежала до революции. В 20-е гг. под непосредственным наблюдением С. дом перестроили и превратили это место в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, поляной для индеек и бассейном для уток. Дети находилось под присмотром няnek и домашних воспитателей. С. часто приезжал сюда и любил проводить здесь свободное время. Но после загадочного самоубийства Надежды в 1932 г. он больше никогда не появился в Зубалово, приказав построить для себя дачу в Кунцеве и переехав туда на следующие 20 лет. Он даже сменил прежнюю кремлевскую квартиру, стараясь забыть о происшествии.

В мае 1920 г. маршал Пилсудский оккупировал Украину и захватил Киев. С. направляют членом Реввоенсовета на Юго-Западный фронт. Как и в прежние годы, здесь он вел самочинную войну, что в результате привело к поражению армии Тухачевского. На закрытых слушаниях X съезда партии (1921 г.) С. обвинил во всем главного политического комиссара Западного фронта И. Смилгу. В своих книгах по военному искусству, вышедших в 20-х гг., ни Тухачевский, ни Егоров не отозвались положительно о деятельности С. в польскую кампанию.

Однако тот факт, что С. не удалось увенчать себя воинской славой на полях гражданской войны, вполне уравновешивался его успехами в деле усиления собственного политического влияния в правительстве. Он в полной мере использовал специальные поездки на фронт и в тыл для восстановления старых и приобретения новых политических связей. Эти годы явились формированием сталинской фракции в партии. И если после войны слава Троцкого была большой, а власть маленькой, то у С. наоборот, слава оказалась маленькой, зато власть большой.

В период после гражданской войны С. занялся активной работой на посту наркома по делам национальностей. В результате внутрипартийной борьбы он сумел отстоять идеи и принципы, которые развил еще до революции, и была создана новая — Советская — империя. В 1922 г. С. стал Генеральным секретарем партии, но уже в декабре того же года Ленин настоятельно рекомендовал высшему партийному руководству подумать о смещении его с этого поста. Тем не менее, С. сумел выиграть время и одержать победу. Год смерти Ленина прошел под знаком борьбы с Троцким. Хорошо организованный С. партийный аппарат уже в то время мог противостоять любой оппозиции. В 1923—24 гг. еще никто не знал, что может и что будет делать С. с этим аппаратом. Но уже тогда стало заметно следующее: С. провозгласил (и будет провозглашать позднее), что он — человек, выступающий за единство партии, а тот, кто выступает против него, выступает и против этого единства. Он начинает громить одних соратников с помощью других, а затем тех и других отправляет на плаху. В результате ожесточенной борьбы С. после XVII съезда партии (январь—фев-

раль 1934 г.) стал практически единоличным властелином огромной империи. Этот съезд, названный в идеологических целях «Съездом победителей», явился на самом деле «Съездом репрессированных»: многие из его участников позднее сполна испытают все тяготы лагерной жизни.

В 1934 г. произошло еще одно событие, позволяющее понять суть проводимой С. политики: 1 декабря выстрелами в спину был убит на пороге своего кабинета в Смольном Сергей Киров. Доподлинных свидетельств причастности С. к этому делу нет. В то же время трудно себе представить, что это покушение могло произойти без его ведома. За короткий срок после происшествия исчезли все непосредственные свидетели — офицеры НКВД, сотрудники охраны Кирова. Если же допустить, что мотивом для убийства явилось устранение от власти, то многое становится понятным. Дело в том, что на XVII съезде партии большинство делегатов голосовали за кандидатуру Кирова на пост Генерального секретаря вместо С. Видимо, именно за это поплатились и кандидат, и делегаты съезда.

После убийства Кирова началась подготовка к организации больших процессов. Параллельно проводилось расширение сети исправительно-трудовых лагерей, продолжали осуществляться массовые высылки. Вопреки извечным законам эволюции в обществе начал осуществляться регресс: лучшие труженики изгонялись с земли, объявлялись «кулаками», «врагами народа». Среди рабочих и интеллигенции насаждался страх, неосторожно произнесенное слово или даже «не такой» взгляд грозили обернуться репрессиями — ссылкой, расстрелом.

В сентябре 1936 г. С. и Жданов, отдохавшие в Сочи, направили телеграмму членам Политбюро,

требуя замены наркома внутренних дел Ягоды, подготавливавшего первый большой публичный процесс. Мотивация была проста: ОГПУ на четыре года отстает в разоблачении троцкистских и других контрреволюционных элементов.

Эпоху 1937—1938 гг. назовут «ежовщиной» (по имени преемника Ягоды — Н. Ежова, наркома внутренних дел). В это время репрессии приобрели массовый характер: процессы над руководящими партийными работниками, государственными кадрами, обезглавливание Красной Армии, создание еще более широкой сети концлагерей. Все это не могло происходить без санкции С. Он не пожалел даже своих ближайших родственников и знакомых. По линии первой жены, Екатерины Сванидзе, были репрессированы: ее брат Александр, учившийся со С. в училище (к высшей мере за шпионаж); жена Александра — Мария (оперная певица, к 10 годам лагерей, где и умерла); их сын Иван (как сын «врага народа», возвратился из ссылки в 1956 г.); Мария Семеновна Сванидзе, сестра жены С. (арестована в 1937 г., умерла в ссылке); Юлия Исаковна Мельцер (жена Якова, старшего сына С. Была освобождена в 1943 г.).

Не менее завидной оказалась судьба и родственников второй его жены, Надежды Аллилуевой. Были репрессированы: Анна, сестра Надежды (к 10 годам за шпионаж; освобождена в 1954 г.); Станислав Роденс, муж Анны, бывший наркомом вудел Закавказья, Казахстана (в 1938 г. арестован как «враг народа» и в 1941 г. расстрелян); Евгения Александровна, жена Павла Аллилуева, брата Надежды (арестована в 1948 г. за шпионаж, освобождена в 1954 г.); Иван Павлович Аллилуев (Алтайский), племянник Надежды (арестован в 1938 г.; был освобожден бла-

годаря многократным унижительным ходатайствам своего деда, Сергея Аллилуева в 1940 г.).

Ужасное злодеяние совершил будущий генералиссимус СССР в отношении обороноспособности страны, обезглавив Красную Армию накануне войны. С. хорошо было известно, что происходило в это время в Европе: 30 января 1933 г. Гитлер стал канцлером Германии и провозгласил начало Третьего — тысячелетнего рейха. Упрочив с помощью террора свое положение внутри страны, он принялся за возрождение былой германской мощи в Европе. В октябре 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, а летом 1934 г. Гитлер предпринял попытку вторгнуться в Австрию. В марте 1935 г. фюрер германского народа объявил о создании вооруженных сил мирного времени в составе 36 дивизий (550 тыс. человек), что было прямым нарушением условий Версальского договора (см. ФОШ). Год спустя, в марте 1936 г., Гитлер направил войска в Рейнскую демилитаризованную зону, не встретив никакого сопротивления со стороны Запада. Когда в июле 1936 г. в Испании разгорелась гражданская война, он оказал помощь Франко (см.) и испанским флангистам. К концу 1937 г. экспансионистская политика Гитлера набрала полную силу. В марте 1938 г. он осуществил аншлюз Австрии. Но более серьезную проверку собственной политики Гитлер осуществил в конце этого же года, начав кампанию по «освобождению» судетских немцев в Чехословакии. Чехословакия являлась суверенным государством, ее независимость гарантировалась западными державами и СССР. Однако после инспирированных нацистами беспорядков внутри этой страны Гитлер дал слово судетским немцам, что не оставит их в беде. Напуганные военной угрозой, Англия и Франция нап्रा-

вили своих премьер-министров в Германию и подписали унижительное Мюнхенское соглашение (1938 г.), которое узаконивало расчленение Чехословакии и явилось ярким проявлением политики «умиротворения», проводившейся накануне 2-й мировой войны правительствами Англии и Франции с целью добиться сговора с нацистской Германией за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отвлечь агрессию от своих стран и направить ее на Восток, на СССР.

С. внимательно следил за развитием политики Гитлера. Несомненно, они симпатизировали друг другу. У них было много общего: привычки (С. работал по ночам и заставлял бодрствовать весь аппарат. Тоже самое проделывал и Гитлер. Он был «nacht arbeit» — ночной работник), неразборчивость в достижениях цели, фанатизм, безграничное властолюбие, подозрительность по отношению к своему окружению. С. даже приказал перевести и издать в единственном экземпляре книгу Гитлера «Майн Кампф». С. питал тайные намерения направить экспансию Гитлера против Англии и Франции. В конце 20-х — начале 30-х гг. он неоднократно говорил, что главным противником Советского Союза являются западные демократии — Англия и Франция. А в 1930 г., в политическом отчете ЦК XVI съезда ВКП(б) генеральный секретарь отмечал: «Тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции... должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом. Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данном момент является внешняя буржуазная Франция... самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира».

И вот в такой неблагоприятной международной

обстановке Красная Армия осталась без своего командного состава. Интересно, что первые симптомы трений в отношениях С. с высшим военным командованием в СССР уловила именно Германия. Начальник ГРУ РККА комкор С. Урицкий еще 9 апреля 1937 г. докладывал С. и Ворошилову о том, что в Берлине муссируют слухи о существующей оппозиции руководству СССР среди генералитета. Правда, Урицкий успокаивал С. тем, что этому там мало верят. В доказательство он приводил высказывания некоего Юста в «Дейче Альгемайне цайтунг» о том, что сегодня «диктатура С. нуждается в исключительной опоре». Но именно для безусловной надежности С. и потряс устои армии. Тем более, что сигналы о якобы имевшем место заговоре в генералитете поступали к нему из разных источников.

Еще в 1936 г. Ежов доложил С. о материалах РОВСа (Русский общевойсковой союз, белоэмигрантская организация в Париже), в которых утверждалось, что «в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот» и что во главе этого заговора стоит маршал Тухачевский. В конце того же года С. из Чехословакии поступило сообщение от Бенеша, которое распалило подозрения к Тухачевскому. С. «клянул» на сфабрикованный в Берлине документ о «сотрудничестве» Тухачевского и ряда др. командиров Красной Армии с германским генералитетом. В ведомстве Канариса искусно подделали факсимиле подписи Тухачевского, оставленной маршалом еще в 1926 г. на документе, который предусматривал техническое сотрудничество с одной из германских фирм в области авиации. С. отдал распоряжение Ежову проверить информацию по военным. В это время в застенках НКВД находился комбриг Медведев. После многократных до-

просов с пристрастием комбриг дал показания о наличии в РККА заговора. Медведева тут же допросил лично Ежов, но тот отказался от предыдущих показаний. В конце протокол с показаниями Медведева был добыт.

Судьба маршала Тухачевского была предreshена. Вместе с ним 11 июня 1937 г. перед судьями предстали: Якир, Уборевич, Путна, Примаков, Корк, Эйдеман, Фельдман. По обвинению в шпионаже всех их приговорили к высшей мере наказания без права обжалования. Осенью того же года был репрессирован еще один маршал — А. И. Егоров, а спустя год, 9 ноября 1938 г., в бериевских застенках погиб маршал Блюхер. Всего было репрессировано около 43 тыс. человек командного состава Красной Армии (55% командного и политического состава армии и флота от командира полка и выше).

23 августа 1939 г. между Германией и СССР был подписан Пакт о ненападении, а уже 1 сентября Германия вторглась на территорию Польши. Началась 2-я мировая война. 17 сентября советские войска перешли границу, определенную Рижским договором 1921 г., и оккупировали территорию Западной Украины и Западной Беларуси. 28 сентября был подписан договор о новой границе, теперь уже между Германией и СССР. Время неумолимо приближалось к неотвратимому столкновению.

С осени 1940 г. советская военная разведка добыла для С. много сведений, которые указывали на вероятность германского нападения весной — летом 1941 г. на СССР. Рихард Зорге сообщил из Токио, что сосредоточенные на советской границе 150 дивизий немцев начнут наступление 20 июня. 3 дня спустя он уточнил дату — 22 июня. 6 июня С. сообщили, что на границе немцы сконцентрировали около

4 млн. солдат. О нападении Германии на СССР С. предупреждали президент Рузвельт и премьер Черчилль. События стали ускоряться с начала мая, но С. не придавал сведениям разведки особого значения. Его упорная вера в то, что войну удастся оттянуть до весны 1942 г., многим до сих пор кажется «психологической загадкой». С. был сторонником детального анализа. Известные ему факты говорили о том, что Гитлер не намерен нападать на Советский Союз в ближайшее время. Он понимал, что если Гитлер собирается напасть, то он должен подготовиться к ведению войны в суровых зимних условиях. А такой подготовки в Германии не было.

Поэтому последовавшие события были для С. полной неожиданностью. В воскресенье 22 июня 1941 г. он отправился спать на рассвете, примерно в половине третьего. В три часа ночи лег спать и начальник охраны Кремля. Но уже через час он был разбужен телефонным звонком. Начальник Генерального штаба Красной Армии срочно просил соединить его с тов. С. В этой короткой беседе Жуков доложил вождю, что немецкая авиация бомбит советские города.

Через два дня после начала войны С. уехал из Москвы. Несколько дней подряд он не покидал свою дачу в Кунцево. Обращение к советскому народу с призывом к Отечественной войне зачитал Молотов. Растерянность С. достигла такой степени, что он даже высказывал мысль об отставке. Однако некоторые из современных исследователей утверждают, что подобный его трюк был очередной уловкой. Этим он демонстрировал соратникам свои собственные величие и незаменимость. 30 июня к нему приехали члены Политбюро. По одной из существующих версий, он якобы подумал, что пришли его аре-

ствовать. Но они приехали по другой причине — привезли предложение о создании Государственного Комитета Оборона. К этому моменту уже были захвачены Литва, значительная часть Латвии и Беларуси, часть Зап. Украины. Председателем ГКО был избран С. В этом новом качестве 3 июля он выступил по радио с несколько несвойственным для него обращением: «Дорогие соотечественники и соотечественницы, братья и сестры...» Не без влияния Жукова и др. военачальников по приказу С. из ссылки и тюрем были возвращены генералы, а также ряд ученых и конструкторов. Среди них были: К. Рокоссовский, К. Мерецков, А. Горбатов, И. Тюленев, С. Богданов, Г. Холостяков, А. Берг, А. Туполев, Л. Ландау, В. Мясищев, Н. Поликарпов и некоторые др., сыгравшие важную роль в защите Отечества.

Положение на фронтах было катастрофическим, Красная Армия несла огромные потери, немцы везде продвигались вперед. Только в первый день войны было уничтожено 1200 самолетов. За три недели противник разбил 28 дивизий, более 70 дивизий потеряли половину своего состава. Линия обороны не была сплошной, части, которые вели оборонительные бои, не имели связи друг с другом. Хаос в управлении войсками был полным. За первый месяц войны немцы захватили 175 тыс. кв. км советской территории. Используя превосходство в воздухе, механизированные соединения немцев прорывали линии обороны, окружали и уничтожали целые дивизии и корпуса. К началу сентября в условиях блокады оказался Ленинград, на московском направлении в конце июля был занят Смоленск, к концу сентября — Киев. За первые 15 недель войны потери Красной Армии убитыми и пленными соста-

вили свыше 3 млн. человек. Однако в результате ожесточенного сопротивления советским войскам удалось сорвать немецкий план «блицкрига». В боях с Красной Армией, защищавшей каждую пядь земли, немцы, даже в период своего самого быстрого продвижения, несли большие потери, чем в любой из своих предыдущих кампаний.

19 июля С. занял пост наркома обороны, а 8 августа он был назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Современники единодушно отмечают его чрезвычайную способность разбираться в обстановке. Но его представления о стратегии были в определенной мере устаревшими, они были связаны с опытом гражданской войны. Большой вред принесло в начале войны его стремление постоянно навязывать советским войскам наступление. Даже в условиях катастрофического положения на Западном фронте он в первые дни войны понуждал к наступательным боям. Под Москвой С. нетерпеливо подстегивал войска к переходу в контрнаступление, когда сил хватало только для обороны. Наступление под Харьковом также было неудачным. После начального успеха советского наступления немцы развернули контрнаступление и окружили войска Красной Армии. С. приказал приостановить наступление, когда было уже поздно. Две армии попали в окружение. На Южном фронте немцы почти беспрепятственно продвигались вперед. В этот момент отчаянного положения С. отдает свой известный приказ № 227, в котором было сформулировано требование: «Ни шагу назад!» Позади линии фронта были поставлены заградительные отряды.

Однако, когда стало понятно, что контратаками противника не остановить, ГКО решил осуществлять тактику активной обороны. В кратчайшие сро-

ки под Куйбышевом был сооружен секретный подземный бункер для правительства. Началась спешная эвакуация, по Москве поползли всевозможные слухи, город был на грани массовой паники. Но в последний момент С. отказался покинуть столицу. Более того, с целью поднятия боевого духа в войсках он решил выехать на фронт. Однако до линии фронта он так и не доехал: бронированная машина застряла в 28 км от места боевых действий на Волоколамском шоссе.

Осенью 1941 г. смертельная угроза нависла над Москвой. 19 октября за подписью С. было опубликовано постановление ГКО о введении в столице осадного положения. В это время немцы находились в 17 милях от Красной площади. Только ценой невероятных усилий, тотальной мобилизации в тылу и на фронте удалось переломить ход событий. Какой ценой был завоеван этот перелом, дает представление приказ Жукова генералу Панфилову, смысл которого сводится к следующему: или вы остановите наступление немцев, или мы вас арестуем и расстреляем.

Зимняя кампания 1941—42 гг. началась контрнаступлением советских войск на западном стратегическом направлении, в ходе которого была снята угроза Москве и Сев. Кавказу, а также облегчено положение Ленинграда. Советские войска полностью или частично освободили территорию 10 областей и свыше 60 городов. В ходе контрнаступления стратегия «блицкрига» рухнула и было разгромлено около 50 вражеских дивизий. Воодушевленный этими успехами, С. поставил перед войсками нереальную задачу: в летно-осеннюю кампанию 1942 г. полностью разгромить противника и освободить всю территорию страны.

Решающую роль в ходе войны сыграла битва за Сталинград. 23 августа 1942 г. 600 немецких самолетов подвергли город бомбардировке. В тот же день сухопутные части вермахта в 7 километрах к северу от города вышли к Волге. 15 октября немцы заняли тракторный завод. В руках советских войск оставалась полоса вдоль реки шириной в несколько сот метров. 11 ноября немцы вновь пошли в атаку, однако больших успехов им не удалось добиться. Ценой огромных потерь советские войска отстояли Сталинград. 19 ноября на севере и на юге от города началось мощное контрнаступление. 300-тысячная армия Паулюса (22 дивизии), не получившего приказа к отступлению, была окружена. 2 февраля 1943 г. капитулировали последние части окруженной группировки.

Именно после Сталинграда в стране началось прославление военного гения С. С этого момента пошло сознательное распространение легенды о «гениальном полководце». Легенда хорошо увязывалась с тем событием в его биографии, которое имело место во время гражданской войны (оваянная теми же легендами деятельность в Царицыне, позже Сталинграде). 6 марта 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о присвоении вождю, не имевшему ранее воинских чинов, звания Маршала Советского Союза.

Эта легенда намного пережила самого диктатора. Нередко можно услышать силлогизм: раз война закончилась победой, а С. являлся Верховным Главнокомандующим, то, значит, он был великим полководцем. История не терпит сослагательного наклона. И все же, если сопоставить мемуары советских военачальников, работы историков по периоду войны, есть основания утверждать, что в слу-

чае продуманной, тщательной и эффективной подготовки к военным действиям немецкое наступление можно было бы остановить не на Волге и у Курска, а значительно раньше, причем с меньшими людскими и материальными потерями. На методы руководства С., на его отношение к соратникам и сотрудникам оказали влияние те полтора десятилетия, в ходе которых сформировался миф о непогрешимости вождя. Потому его не волновали потери, он не хотел или не мог вести войну с меньшими потерями. Шок, пережитый С. в самом начале войны, дал о себе знать. По воспоминаниям генералов Генерального штаба, работавших рядом с ним, С. сумел проявить исключительную силу воли, самообладание и четкость, а также огромную работоспособность. Но коренных изменений его характер не претерпел.

Старший сын С., Яков, перед войной стал офицером и был направлен в войска 2 июня 1941 г. в качестве командира батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии. Он попал в плен в самом начале войны. Уже 26 июня в приложении к разведсводке № 15 командование 6-го немецкого армейского корпуса разослало протокол допроса старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Его кто-то выдал из военнопленных. Немецкое командование пыталось сделать политический капитал на имени сына С., поэтому Якова склоняли к участию в формировании т. н. «восточных» батальонов, а затем — РОА. Его хотели сделать командиром «грузинского» легиона. Но Яков не пошел на сделку.

Его перемещали из лагеря в лагерь. Ходили слухи, что в офлаге XIII-Д, близ Хаммельбурга, он встречался с легендарным генералом Карбышевым. За попытку побега с польскими патриотами его переправили в концлагерь Заксенхаузен. Здесь Яков

содержался в общем бараке с британскими офицерами. И без того напряженные отношения подогревались тем, что ждет его, Якова, после возвращения на родину по приказу № 227, а также слухами о семье (как отмечалось, его жена Юлия Мельцер была репрессирована, но в 1943 г. освобождена). В состоянии сильного душевного стресса Яков «пошел на проволоку» — вошел в запретную зону и 14 апреля 1943 г. был убит на месте.

После пленения армии Паулюса немцы предлагали С. обмен. Известен не менее легендарный ответ вождя: «Я солдата на фельдмаршала не меняю». На самом же деле С. прекрасно понимал, чем может обернуться подобная «торговля», поэтому сказал: «Они хотят (имеется в виду немецкое руководство), чтобы я начал торговлю с ними. Я не буду этого делать. Война — это война».

Осенью 1943 г. после битвы под Курском и ликвидации Орловского плацдарма началось новое мощное наступление Советской Армии. 6 ноября, в канун праздника революции, С. был награжден орденом Суворова I степени. Тогда же, в ноябре 1943 г., в Тегеране состоялась конференция трех держав, на которой была принята Декларация о совместных действиях против Германии. США и Англия не могли остаться в стороне от предстоящего раздела мира и сферы влияния. К тому моменту Советская Армия находилась в ста километрах от Берлина.

20 июня 1944 г. С. была вручена медаль «За оборону Москвы», а 29 июля того же года Президиумом Верховного Совета он был награжден орденом «Победы» № 1.

В начале февраля 1945 г. состоялась Ялтинская конференция союзных держав, на которой рассматривались вопросы послевоенного обустройства Гер-

мании и Европы. Запад был напуган откровенно экспансионистскими замашками советского вождя, они хотели не дать ему продвинуться дальше Германии. Здесь же был решен вопрос о вступлении в войну против Японии.

2 мая 1945 г. знамя Победы было водружено над рейхстагом, а 8 мая фельдмаршал Вильгельм Кейтель в присутствии советских военных руководителей подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии.

24 июня 1945 г. в Москве был проведен парад Победы. Однако принимал его не «великий и мудрый полководец всех времен и народов» С., а его заместитель Г. Жуков. В тот день над Москвой разразился небывалый ливень. По данным метеосводки, такого проливного дождя не было на памяти старожилов. И все-таки парад состоялся. Сам вождь находился на трибуне мавзолея. Этот парад для С. был парадом пирровой победы. Кстати говоря, при нем этот день (9 мая) не отмечался как праздник. Лишь в 1964 г. было решено установить День Победы в качестве государственного праздника.

Командовать парадом С. доверил К. Рокоссовскому, одному из командующих фронтами. Долгое время существовало твердое убеждение, будто народ очень любил Жукова, поэтому С. уступил ему почетное право. Но вряд ли человек с таким характером, как у С., стал бы делиться с кем-то славой. Вспомним поведение будущего вождя в период гражданской войны и его тогдашние взаимоотношения с Троцким. Вспомним о его отношении к Фрунзе, по прямому приказу С. оперированного со смертельным исходом. Вспомним о самом молодом маршале Тухачевском, о многих других. Да и тот факт,

что вскоре после парада Жуков подвергся опале и был сослан командовать округом сначала в Одессу, а затем на Урал, говорит больше, чем всякие версии. Вскоре в застенках Лубянки оказался командующий ВВС главный маршал авиации А. Новиков, был разжалован и понижен в должности нарком ВМФ адмирал Н. Кузнецов, сняты с постов Главный маршал артиллерии Н. Воронов, позже — видные военачальники С. Худяков, Г. Кулик, В. Гордов, Ф. Рыбальченко. Приказ Министерства Вооруженных Сил СССР № 009 от 9.06.1945 г., подписанный С., об отстранении Жукова гласил: «...за потерю всякой скромности... приписывал себе разработку и проведение всех основных операций, включая и те, к которым не имел отношения».

Сразу же после парада в маленькой комнате у кремлевской стены, где собрались только те, кто был допущен в узкий круг приближенных, С. в очередной раз решил проверить преданность себе соратников и военачальников. Он заявил, что собирается уйти на покой. Все присутствующие тут же наперебой стали уговаривать вождя не делать этого, а он лишь самодовольно ухмылялся в усы. Возможно, как и в критический момент первых дней войны, С. тем самым хотел подчеркнуть их ничтожество без него и их значимость рядом с ним.

Чтобы еще больше выразить безграничную преданность вождю, соратники от имени Президиума Верховного Совета указом от 26 июня присвоили С. звание Героя Советского Союза, наградили вождя вторым орденом «Победа» (который он согласился принять только 28 апреля 1950 г.). В этот же день было учреждено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза, которое должно было подчеркнуть безграничное величие вождя и ко-

торое присвоили ему на следующий день, 27 июня 1945 г.

С 9 августа по 2 сентября 1945 г. в ходе проведения советскими войсками Маньчжурской операции была разгромлена Квантунская армия, что привело к капитуляции Японии и окончанию 2-й мировой войны. Однако этим был положен конец лишь боевым операциям на суше и на море.

С 1947 г., после встречи в Москве министров иностранных дел держав-союзниц, выявившей острые противоречия между ними в отношении Германии, начинается период «холодной войны». В 1948 г. обнаружилось противоречия между С. и Тито, а в июне того же года наступил разрыв отношений с Югославией. В августе 1949 г. в Советском Союзе следом за США была испытана атомная бомба, а осенью было провозглашено создание КНР.

В октябре 1952 г. в течение 10 дней заседал XIX съезд КПСС, первый после 13-летнего перерыва и последний при жизни вождя. С. выступил на нем лишь один раз, с заключительным словом, с которым по первоначальному замыслу должен был выступить Ворошилов. Как всегда, он изредка заглядывал в бумагу с текстом, напечатанным на специальной машинке с большими буквами. Генералиссимус не хотел надевать очки: нарушение привычного образа вождя могли обыграть в своих «злых пасквилях» враги. Да и для советских людей нужно было сохранить привычный образ вождя, который они запомнили по фотографиям с 1924 г. С. читал медленно, часто замолкал на минуту и дольше, словно старался насладиться тишиной зала.

В последние годы своей жизни он страдал гипертонической болезнью, у него все более усиливался атеросклероз сосудов головного мозга. В 1952 г. его

обследовал профессор В. Виноградов. Отметив явное ухудшение его здоровья, он прописал С. полный покой и прекращение всякой деятельности. Когда Берия доложил об этом С., тот рассвирепел. «В кандалы его! В железо!» — истошно кричал он. В конце 1952 — начале 1953 г. была арестована большая группа советских врачей, работавших в Лечкомиссии Кремля. «Дело» в некоторой степени было связано и с соперничеством между Берией и Абакумовым, между МВД и МГБ. Непокколебимые позиции Берии к тому времени пошатнулись, и Абакумов решил сколотить т. н. «мингрельское дело», направленное против многих работников МВД, а, значит, и против Берии (на руководящие посты он подбирал и ставил своих земляков). К тому же Берия во время войны имел отношение к организации Еврейского антифашистского комитета. Представилась возможность повернуть все это против Берии. Начальник одного из отделов МГБ узрел эту возможность — направить «дело врачей» в национальное русло и связать его с «происками мирового империализма». 13 января 1953 г. в печати сообщалось об аресте «группы врачей-вредителей», которые получали указания от международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт» через «еврейского буржуазного националиста Михозлса».

После этой публикации, как вспоминал Эренбург, в больницах началась паника, многие больные стали подозревать в своих врачах вредителей, а на Тишинском рынке пьяный орал: «Евреи хотят отравить С.!» Однако самому вождю было уже не до того громкого скандала, который пытались сострять не в меру ретивые приспешники. В ночь на 2 марта у него произошло кровоизлияние в мозг. Утром его нашли на даче, лежащим на полу без сознания.

Его агония длилась четыре дня, а 6 марта 1953 года, утром, диктор Левитан зачитал по радио правительственное сообщение: «5 марта в 9 часов 50 минут вечера... перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина».

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1730—1800), князь Италийский, граф Римникский, генералиссимус Российских войск, фельдмаршал австрийской армии, великий маршал войск Пьемонтских, граф Священной Римской империи, наследственный принц Сардинского королевского дома, гранд короны и кузен короля Сардинского, кавалер всех русских и многих иностранных орденов.

С. родился в Москве 13 ноября 1730 г., в приходе церкви св. Федора Студита у Никитских ворот. Отец его, Василий Иванович, был в то время подпоручиком, мать — Авдотья Федосьевна Манукова. Линия рода Суворовых, к которой принадлежал С., по семейному преданию происходила из Швеции. Родоначальник по русской ветви, Иван Парфеньевич, прапрадед полководца, был убит под Дубною в 1655 г. во время войны с Речью Посполитой.

Детство С. проходило в деревне, а затем в московском доме, что в Покровской слободе (дом на Арбате был продан в 1740 г.). Он рос нервным, впечатлительным ребенком, в значительной мере предоставленным самому себе. Отец, всецело поглощенный службой и хозяйственными делами, не мог уделять сыну много времени, а тратиться на учителей и воспитателей по скупости не хотел, хотя и имел для этого достаточно материальных средств (у него было около 300 душ крестьян). О систематических занятиях при таких условиях не могло быть и речи. Даже русскую грамоту С. усвоил лишь настолько, насколько это было необходимо для свободного чтения. Зато чтение с самого раннего детства стало для него любимым занятием. Читал он жадно, в особенности увлекался военной тематикой. Образы великих людей, их бурная, полная величия и трудов жизнь, слава подвигов неотразимо

действовала на богатое воображение молодого С. Отчужденность его бросалась в глаза: сверстники смеялись над ним, а отец не разделял увлечения сына чтением, называя это занятие «странностями». Василий Иванович, видя хилое сложение сына, предназначал его сначала к гражданской службе. Но на 11-м году жизни С. отец переменял свое решение и записал его в Семеновский полк. Виновником этой перемены принято считать Ганнибала, знаменитого «Арапа Петра Великого». Посетив в этом году дом Суворовых, он переговорил с мальчиком с глазу на глаз, а затем, появившись перед отцом, сказал «Петр Великий непременно поцеловал бы мальчика в лоб за настоящие его труды и определил бы обучаться военному делу».

С. начал службу в неблагоприятных условиях. Отец не воспользовался дворянским правом записать сына сразу же после его рождения в гвардейский полк солдатом, что давало возможность к юношескому возрасту дослужиться до офицера и в этом звании поступить на действительную службу. Кроме того, С. был зачислен (22 октября 1742 г.) в лейб-гвардии Семеновский полк солдатом «сверх комплекта без жалования». По указу Анны Иоановны от 16 декабря 1736 г. он был уволен к отцу на два года для обучения «указанным наукам» (арифметике, геометрии, тригонометрии, планам геометрии, фортификации, части инженерии и артиллерии, «из иностранных языков», военной экзерции и др.) дома. Но по ходатайству отца этот срок был продлен сначала до 1 января 1747 г., а затем и до 1 января 1748 г. За это время С. был произведен в капралы (25 апреля 1747 г.), но снова без жалования.

1 января 1748 г. С. прибыл в полк и был прикомандирован в 3-й роте. «Солдатская ляжка» оказа-

лась для него не тяжелой. В тот год семеновцы были заняты обустройством Семеновской слободы, учений было мало, а от работ С., как дворянин, был освобожден. В полку он был на хорошем счету, довольно быстро обогнал своих сверстников по поступлению. Уже 22 декабря 1749 г. он был произведен в подпрапорщики, а 8 июня 1751 г. — в сержанты. Службу С. нес весьма ретиво, закалил свое здоровье, отлично переносил усталость и всякие трудности. Солдаты любили его, но уже тогда считали его чудачком. Только в 1754 г. С. был произведен в офицеры и выпущен (25 апреля) в полевые полки поручиком. 10 мая того же года военная коллегия назначила его в Ингерманландский пехотный полк. Василий Иванович, имевший крупные связи в интендантстве, выхлопотал перевод сына со строевой службы на хозяйственную. Таким образом, 17 января 1756 г. С. был назначен обер-провиант-мейстером в Новгород, 28 октября того же года — генерал-аудитором-лейтенантом при военной коллегии, а 4 декабря переименован в премьер-майоры.

На боевое поприще С. впервые вступил во время Семилетней войны (1757—63). Некоторое время он продолжал нести службу по хозяйственной части. В начале войны ему было поручено организовать доставку провианта к Мемелю «сплавом», но, «по неспособности реки», наладить это дело не удалось. В 1758 г. С. был при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии. В мае того же года он был произведен в подполковники с переводом в Казанский пехотный полк. Тогда же он привел в Пруссию 17 вновь сформированных батальонов и временно остался при армии, без определенного назначения. В корпусе М. Н. Волконского С. принимал участие во взятии Кроссена в Силезии, а в августе

1759 г. был очевидцем сражения при Куннерсдорфе. 31 декабря того же года Высочайшим приказом он был назначен «к правлению обер-кригскомиссарской должности».

Однако боевое признание С. проявилось сразу же, едва он попал в боевую обстановку, и обязанности интенданта уже не могли удовлетворить его. Уступая настойчивой просьбе сына, отец (в то время главный полевой интендант) подал челобитную о переводе сына в полевые войска, так как он «по молодым летам желание и ревность имеет еще далее в воинских операциях практиковаться». Желание Василия Ивановича было уважено. Но С. оставили в действующей армии в должности «генерального и дивизионного дежурного» при Ферморе.

В 1761 г. по просьбе генерала Берга, командира легкого кавалерийского полка, С. был назначен в его отряд начальником штаба. Под личным руководством Берга, в беспрестанных налетах и стычках, он прошел свою первую боевую школу. За С. закрепилась слава отчаянного смельчака, отважного партизана и лихого кавалериста*. В августе он был временно назначен командующим Тверского драгунско-

* Во время Семилетней войны 30-летний Суворов приютил ребенка, потерянного в панике. Его привезли в расположение русских войск казаки из набега на Берлин. Суворов заботился о мальчике в продолжение всего похода. Лишь после отбытия на зимние квартиры он послал его матери письмо: «Любимейшая маменька, ваш маленький сынок у меня в безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка, и я буду заботиться о нем, как о собственном сыне...» Мать затребовала сына обратно.

го полка, блестящая деятельность которого в преследовании принца Виртембергского окончательно упрочила у главнокомандующего Румянцева мнение о С., как о офицере, «который хотя и числится на службе пехотной, но обладает сведениями и способностями чисто кавалерийскими». Сдав в ноябре Тверской полк, С. принял в командование, опять-таки временно, Архангелогородский драгунский полк.

26 августа 1762 г. С. был произведен в полковники и получил командование над Астраханским полком, а затем, 6 апреля 1763 г., — над Суздальским пехотным полком. Именно тогда в русской армии вводился новый устав, и С. было позволено опробовать его в действии. Опыт Семилетней войны не мог пройти для него незаметно. В штабе, при Ферморе, где на его глазах двигались главные рычаги механизма армии, от наблюдательного и тонкого ума С. не ускользнули отрицательные стороны тогдашней военной системы и «кабинетной стратегии». Участвуя в сражениях, он сумел убедиться, что залогом успеха той или иной кампании являются знание дела и смелость самого полководца, а также смелость солдата, без колебаний и страха выполняющего приказы командира. В его системе подготовки войск работа над душой солдата выдвигалась на первое место. Но для этого необходимо было сначала постичь эту душу, сродниться с солдатской массой. Проводя все свое время среди нижних чинов, С. добился желаемого — ему открылась солдатская психология. Кроме того, он приобрел в глазах подчиненных непререкаемый авторитет и уважение. Сомневаясь в сложных уставных построениях, красивых на плацу, но непригодных в условиях боя, он сохранил только простейшие и необходимые, вводя в жизнь знаменитый принцип «тяжело в уче-

ниях, легко в бою». Учения, всегда короткие, он проводил в поле, в лесу, переходя с полком реку, маневрируя по ночам, в любую погоду. Этим он хотел показать своим солдатам войну до войны, научить их действовать и принимать решения в любой обстановке.

Одной из основных задач в воспитании войск С. ставил способность солдата к подвигу, а еще больше — жажду его. Но не слепое желание победить, а сознательное отношение подчиненных к происходящим событиям. Чувствуя общность задачи, его войска, от солдат до высших командиров, сплачивались в одно несокрушимое целое, и при этом вырабатывалось понимание о взаимовыручке. На войне С. не признавал секретов, каждый воин должен был знать, что предстоит совершить и зачем. Суворовская простота изложения требований во многом способствовала легкости их усвоения. Осмысленность учений создавала вместе с тем и интерес к делу. С другой стороны, для солдата, прошедшего суворовскую школу, в бою не было практически никаких случайностей, т. к. он уже в мирное время испытал всевозможные боевые трудности и впечатления.

Дисциплина в суворовских войсках значительно отличалась от господствовавшей в то время «палочной» дисциплины. Взаимоотношения между командиром и подчиненным строились не на страже, а на совести. С. допускал возражения низших высшим, но ставил при этом единственное условие, «чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не в многолюдстве, иначе будет буйством». Только за крупные провинности и за грабежи он сохранил «палочки», а за дезертирство и мародерство гонял сквозь строй.

Смертность и болезни в войсках С. были значительно ниже обычных для того времени. Госпиталей

он не любил, предпочитал лечить солдат «полковыми средствами» (в полковых лазаретах). Путь к сохранению здоровья солдат он видел в соблюдении ими гигиены, в поддержании чистоты одежды и пищи, в отказе от всяких излишеств. Наряду с гигиеной надежным средством для сохранения здоровья был также постоянный труд. Чтобы обеспечить в походах своевременное питание и кров, С. обычно высылал артельные котлы с продовольствием и повозки с палатками с кавалерией, верст на 15 вперед. В этом, однако, не было проявления особой чувствительности. Действия полководца всегда были подчинены здравому смыслу и рациональной необходимости. Когда представлялся случай — при крайне форсированном марше или в бою для «быстроты» и «натиска» — С. не останавливался перед огромностью жертв и без жалости распоряжался жизнями своих подчиненных.

В ноябре 1768 г. Суздальский пехотный полк покинул расположение в Новой Ладоге и был направлен в Смоленск. Здесь С. должен был действовать против польских конфедератов*. И здесь же ему выпала возможность проявить свои полководческие

* 20 марта 1767 г. была образована т. н. Слуцкая конфедерация протестантской и православной шляхты, которую возглавили граф Грабовский и православный епископ Георгий Каниский. Образованная при поддержке российского посла в Варшаве Репнина, она должна была выступить за присоединение вост. земель (тер. совр. Беларуси) Речи Посполитой к России. Ответом на нее стало создание 29 февраля 1768 г. Барской конфедерации, выступившей за целостность и неделимость единого государства.

способности. Вейнмарн, оставшись довольным прежними успехами С., назначил его начальником Люблинского участка. Этот пост был весьма важным и ответственным из-за расположения района: Люблинский участок находился в центре между Польшей, партизанами Литвы и отрядами, сформировавшимися в австрийских пределах. В задачу С. входили охрана восточных воеводств и поддержание связей с другими командующими на этом участке.

Задача усложнялась географическими особенностями местности: горы и холмы, множество ручьев и рек, болот и лесов, небольших селений и городов, похожих на деревни, замков и монастырей, способных держать оборону. Но выученный полк С. без особого труда справился с возложенной на него задачей.

1 февраля 1771 г. С. без боя занял Ландскрону и стремительно атаковал замок. Но попытки овладеть им не увенчались успехом. В конце концов С. вынужден был отступить, преследуемый партизанскими отрядами. Он остановился с войсками у Велички, откуда был вызван в Краков. По сведениям, на город должен был выступить объединенный отряд конфедератов под командованием Пулавского и Саввы. Однако эти командиры изменили свои планы и, соединившись под Опатовым, двинулись к Рахову. По всей видимости, они намеревались атаковать Красник, а затем Люблин. С. оставил в Кракове больных и раненых, а сам форсированными маршами двинулся наперерез конфедератам. В ночь с 17 на 18 февраля он захватил врасплох в Рахове подразделение отряда Саввы. После короткого боя С. рассеял подразделение, взял весь обоз и до 100 пленных. Из Рахова он во главе конницы своего

Суздальского полка направился на выручку отряду капитана Панкратьева, который отбивался от Пулавского. Однако С. не успел: конфедераты отступили еще до его прибытия в Краснику.

В результате последующих военных столкновений С. удалось все-таки разгромить Дюмурье 10 мая у Ландскроны. В этом сражении погибли Оржевский и Ю. Сапега, командующий армией конфедератов. Последнего убили свои же бойцы, которых он попытался сдержать от панического отступления. За это сражение императрица наградила С. орденом св. Георгия III степени.

Разгром Дюмурье, неудачи Пулавского, бессилие партизан перед сплошной сетью из заградительных отрядов в районе Люблина быстро вели к поражению дела конфедерации. Теперь ее единственной надеждой оставался великий гетман литовский М. Огинский. В его руках была последняя нетронутая сила — литовское (белорусское) коронное войско и его собственные полки, собранные у Телехан. Его выступление (при той популярности, которой он пользовался в стране) должно было вызвать новый подъем, призвать новых бойцов в ряды конфедератов. Нерешительный и колеблющийся, М. Огинский все предыдущее время занимал выжидательную позицию.

Русские пристально следили за войсками Огинского. Сальдерн, сменивший Волконского на посту русского посланника в Варшаве, потребовал от великого гетмана определенного ответа: против кого он готовит войска? Этот вопрос положил конец колебаниям гетмана: он ответил подписанием в Пинске акта о присоединении к конфедерации. Сразу же после этого он совершил внезапное нападение на отряд полковника Албычева у Бездеша.

С. узнал об уничтожении отряда Албычева 1 сентября, а также о том, что гетман с войсками выступил к Бресту. С. посчитал, что самым лучшим выходом будет разгром Огинского до того, как весть о его присоединении к конфедерации разнесется по стране. Он тут же самолично выступил из Люблина и через Коцк, Межиречье, Белу направился в сторону Бреста. По пути он собрал части гарнизонов своих охранительных постов и в 4 часа утра 5 сентября был в Бресте. На марше и в самом городе С. получил несколько посланий Веймарна с предписанием оставаться в Люблине. В них же Веймарн давал изложение своего плана действий против Огинского. Но это не поколебало принятого С. самоличного решения. Отделавшись от Веймарна отпиской, он не только не исполнил его приказ, но и самовольно принял командование над высланными против Огинского отрядами и поспешил к Телеханам. По слухам, именно там находился Огинский. От Косова С. свернул на Несвиж, а затем к Погорельцам. Связано это было с неточностью сведений, которые он получал. В Погорельцах он, наконец, узнал, что гетман Огинский находится у Столович. С. пришлось немедленно повернуть назад. По пути он отправил гонцов в Свержень к Дириngu и в Слуцк к Хвабулову с приказом поспешить к нему на соединение.

К Столовичам С. подошел темной ночью. Местечко было занято только частью войск Огинского. Главные же его силы находились за западной окраиной Столович, на т. н. моргах, в поле. С. отдал приказ атаковать противника в местечке. Конница противника численностью до 500 сабель примкнула к главным силам, а остальные рассыпались, увлекая в бегстве самого Огинского. Затем сражение переместилось в поле. С. предпринял артобстрел с

расчетом оказать впечатление на необстрелянные войска гетмана, после чего перешел в наступление всем фронтом. После упорного боя литовцы стали отходить, но в это время подоспел последний резерв Огинского — коронные уланы Беляка. Их внезапный удар на некоторое время смял русскую кавалерию, но затем уланы Беляка были опрокинуты и спешно очистили поле сражения.

С. не довершил разгрома Огинского. Полагая, что опасность миновала и дальнейшее уничтожение мятежников гетмана не доставит хлопот, он предоставил эту задачу другим, а сам немедленно отправился в Люблин. По пути, в Пинске, он захватил в плен штаб Огинского и его свиту и, «приведя всех в покорность и склонив литовцев к соблюдению спокойствия, тишины и сложения оружия», через Антополь — Белу вернулся в Люблин.

«Самовольный» поиск С., произведенный совершенно в духе великополководческой стратегии, навлек на него сильнейшее негодование Веймарна. Однако, несмотря на это, в декабре 1771 г. С. был награжден орденом Св. Александра Невского.

Начало 1772 г. ознаменовалось последней вспышкой угасавшего польского восстания. Дюмурье сменил французский генерал барон де Вьомениль, сделавший попытку вновь оживить боевые операции. На этот раз С. был захвачен врасплох. Он не обратил особого внимания на занятие Тынца сильным отрядом под командованием французского полковника Шуази и не придавал значения сведениям о готовящемся нападении на Краков. В ночь на 22 января Шуази захватил врасплох краковский замок.

С. прибыл в Краков два дня спустя и приступил к осаде замка. Однако осада затянулась. У С. не было осадной артиллерии, без которой штурм был невоз-

можен. Началось трехнедельное бездействие под стенами замка. С. решился на штурм лишь после ряда ложных атак, которыми он пытался усыпить бдительность гарнизона. Но после 4-часового жаркого боя войска с большими потерями были отбиты. С. отказался от дальнейших попыток овладеть замком и перешел к строгой блокаде. Лишь в начале апреля прибыла осадная артиллерия. Скрытно построенная батарея обрушила часть стены у ворот и пробила бреши. С. начал переговоры: теперь, когда падение замка было неизбежно, он искал легчайший способ овладения им и хотел избежать бесцельных в данной обстановке потерь, связанных со штурмом. Понимая безвыходность положения, 12 апреля гарнизон капитулировал. За взятие Кракова и замка С. было пожаловано 1000 червонных. Вскоре в занятые им районы по соглашению между Россией и Австрией вступили австрийские войска. Задача С. усложнилась: ему было предписано «ненарушимо соблюдать союз с австрийцами, но не уступать им ни пяди земли». С. не был дипломатом, поэтому подобная задача казалась ему неразрешимой. Лишь в октябре договор о разделе Польши положил конец его затруднениям.

После возвращения в Петербург С. был произведен в генерал-майоры и командирован для осмотра в военном отношении границы со Швецией, после чего направлен в армию Румянцева, стоявшую на Дунае. 10 мая и 17 июня 1773 г. он произвел два победоносных поиска на Туртукай, представляющие образцы форсированной наступательной переправы через реку. 3 сентября он одержал победу над турками у Тирсова, а 9 июня 1774 г. нанес им решительное поражение при Козлудже, что главным образом повлияло на исход войны и заключение мира Кучук-Кайнарджи.

В промежутке между турецкими кампаниями 1773—74 гг. С. женился на княжне Прозоровской. Василий Иванович, отец С., давно выдавший двух дочерей замуж, беспокоился, как бы его род не угас по мужской линии. А ведь С. уже исполнилось 44 года. Воспитывавший своего первенца в строгих понятиях христианской морали, Василий Иванович сам подыскал сыну невесту — дочь отставного генерал-аншефа князя И. А. Прозоровского и, употребив родительскую власть, позвал сына к себе.

Брак этот с самого начала был обречен, так как молодые не подходили друг другу. Варвара Ивановна, красавица русского типа, но с умом весьма ограниченным, получившая старинное воспитание, исключавшее для девиц всякие знания, кроме умения читать и писать, вряд ли могла по достоинству оценить будущего супруга. Роскошной внешностью С. не был отмечен, а ничего другого понять молодая жена была не в силах. Она была дочерью ветреного екатерининского века, не чуждалась, как впоследствии утверждал сам С., противного полу и в девках, тем более, что к моменту женитьбы ей шел уже 24 год. Для С. же такое отношение к супружеству было неприемлемо. Понимал это и отец С. Прежде всего он согласился на брак сына с Прозоровской, так как невеста была небогата, отец ее совершенно промотался, а сама она получила в приданое 5—6 тыс. рублей. Между тем С.-старший имел уже около 2 тыс. крепостных «мужска полу», не считая денег и прочей собственности. Кроме того, за сыном было неплохое «приданое» — Орехово, Ландскрона, Столовичи, Туртукай, Гирсово. Да и дворянская знать, высоко чтившая военную службу, не могла не оценить заслуг боевого генерала.

С. женился с той же стремительностью, которая

характеризовала все его поступки: 18 декабря 1773 г. состоялась помолвка, 22-го — обручение, а 16 января 1774 г. — венчание. До половины февраля С. проживал с женой в Москве, в отцовском доме на Большой Никитской, а затем выехал на турецкий театр военных действий. Лето 1775 г. принесло ему одновременно тяжелое горе и большую радость. 15 июля скончался Василий Иванович, отец, которого С. любил и всегда почитал, а 1 августа родилась дочь Наталья (С. называл ее своей «Суворочкой»).

С. выехал в Москву по случаю смерти отца. Здесь он представился государыне, которая предложила ему командование Петербургской дивизией. Но он отказался, попросил годовой отпуск для приведения в порядок дел отца и принятия оставленного им довольно крупного наследства. Помимо денег С. унаследовал вполне благоустроенные имения в Пензенском, Владимирском, Костромском, Новгородском наместничествах, а также в Московской губернии; всего от отца перешло к нему 3400 крепостных.

С. не мог уделять делам хозяйства и управления всеми этими имениями столько времени и труда, сколько его покойный отец. Тем больше внимания требовалось на первых порах, чтобы обеспечить правильное ведение хозяйства управляющими в будущем. По склонности к бережливости С. напоминал отца — к собиранию, а не расточению. Наследство и кое-какие личные сбережения дали ему возможность сразу же после смерти отца увеличить свои поместья покупкой соседних земель. И в последующие годы С. не упускал случая покупать землю: в течение 9—10 лет он успел приобрести до 1500 крестьян. По отношению к крестьянам С. был типичным представителем своего времени: они яв-

лялись для него статьей дохода. Чтобы обеспечить правильное поступление оброков (все имения С. были оброчными), надо было обеспечить благосостояние крестьян. И за этим С. следил очень внимательно. Он даже возлагал обязанность помогать неимущим и пострадавшим от каких-либо бедствий на остальных односельчан, на весь «мир». Иногда он назначал таким крестьянам незначительное пособие и от себя. Из таких же экономических соображений С. уделял особое внимание бракам своих крепостных: в своих деревнях он не допускал безбрачия. При недостатке невест они доставлялись из других его вотчин или даже покупались. «Лица не разбирать, лишь бы здоровы были, — писал он одному из своих управляющих. — Девиц отправлять на крестьянских подводах, без нарядов, одних за другими, как возят кур, но очень осторожно». Многодетным семьям выдавались небольшие награды. В своих приказах С. всегда указывал и на необходимость заботливого ухода за детьми для уменьшения детской смертности. Чтобы не уменьшать численность своих оброчных, он предписал не поставлять рекрутов, а покупать их со стороны. Цена на каждого рекрута разделялась по имуществу на весь «мир». В помощь «миру» С. выделял от себя по 75 руб. за каждого рекрута.

После отпуска С. получил в командование войска, расположенные в Коломне, и в ноябре 1776 г. был откомандирован в корпус Прозоровского в Крым. Однако боевые действия с турками не возобновлялись, и С. томили безделье и лихорадка. Он даже просил кн. Потемкина, с которым был в переписке со времени подавления восстания Пугачева, о переводе в другую дивизию. Прощение не было удовлетворено. Тогда С. в июне 1777 г. отправился

в отпуск в Полтаву, где проживали его жена с дочерью. По окончании отпуска он переехал в Опошню, где и прожил до зимы. Пребывание здесь ознаменовалось для С. крупными семейными неприятностями. Но и Варваре Ивановне приходилось нелегко: она то жила в Опошне, то следовала за своим беспокойным мужем. Бесконечные походы не прошли для нее бесследно: в 1776 и 1777 гг. у нее произошли преждевременные роды, она потеряла двоих детей. В Крыму, в нездоровом климате, 8 месяцев она не вставала с постели из-за лихорадки, а С., занятый своими делами, полгода не видел жену. Молодая красивая женщина поддалась искушению. Летом 1777 г. у нее завязался роман с секунд-майором Петербургского драгунского полка Николаем Суворовым. Внук И. И. Суворова, сводного брата Василия Ивановича, он приходился полководцу внучатым племянником и долгое время пользовался его расположением. Под началом С. он служил в Суздальском полку и выказал недюжинную храбрость при осаде Кракова.

С. был потрясен, узнав об отношениях между его женой и внучатым племянником. После краткого и бурного объяснения супруги разъехались. В сентябре 1779 г. С. подал в Славянскую духовную консисторию прошение о разводе. Он винил жену в том, что она, «презрев закон христианский и страх божий, предалась неистовым беззакониям явно с двоюродным племянником моим... о каковых ее поступках доказать и уличить могу». Одновременно с этим он определил свою дочь в Смольный институт благородных девиц.

За время отсутствия С. дела в Крыму обострились и открылись военные действия. Ему не хотелось возвращаться в Крым, т. к. отношения его с

Прозоровским были крайне неприязненными. Он вторично обратился к Потемкину с просьбой о переводе. На этот раз просьба была уважена: в январе 1778 г. С. был назначен начальником войск на Кубани, которыми командовал до 1779 г. За это время он превосходно организовал оборону Крымского полуострова на тот случай, если последует десант со стороны турок. За это же время он устроил выселение из Крыма греческих и армянских обывателей.

В 1779 г. С. получил в командование Малороссийскую дивизию. Нет сомнения в том, что сама императрица вмешалась в его ссору с женой (не без участия Потемкина). В 1780 г. состоялась их встреча в Москве, где С. получил секретный ордер Потемкина, предписывающий ему немедленно отправиться в Астрахань для подготовки военной экспедиции за Каспий. Вместе с женой он приехал в Астрахань в первой половине февраля 1780 г. Ненадолго во взаимоотношения супругов воцарился мир и спокойствие. Но уже в марте Варвара Ивановна призналась мужу в том, что некий «ризомаратель» напал на нее и, угрожая двумя пистолетами, овладел ею. Суворов поверил ей и обратился к своему покровителю Турчанинову, требуя наказать виновника, оставшегося потомкам неизвестным. Окончательный разрыв между супругами произошел в 1783 г. Новые подозрения вынудили С. обратиться в синод с челобитной. На этот раз он обвинил жену в связи с секунд-майором И. Е. Сырохневым. С. расстался с ней навсегда, назначив сначала содержание в 1200 руб., а затем увеличил его до 3 тыс. Варвара Ивановна поселилась в Москве, где 4 августа 1784 г. родила сына Аркадия, долгое время не признаваемого С. (впоследствии он признал сына и даже брал его в свои последние походы).

В 1782 г. С. получил в командование Кубанский корпус, а после присоединения Крыма к России (1783 г.) ему было поручено покорить ногайских татар, что он и сделал, несмотря на значительные трудности. В 1786 г. он был произведен в генерал-аншефы и назначен начальником Кременчугской дивизии. В начале 2-й турецкой войны 1787—91 гг. С. назначили начальником Кинбурнского корпуса. На него была возложена оборона Черноморского побережья, от устья Буга до Перекопа. Основательность сделанных им распоряжений обернулась блистательной победой под Кинбурном. Однако участие С. в осаде Очакова (1788 г.) прекратилось вследствие разногласий с Потемкиным. В 1789 г. С. командовал дивизией в армии Репнина и разбил турок при Фокшанах и Рымнике, за что был награжден орденом св. Георгия I-й степени и титулом графа Рымникского, а от австрийского императора — титулом графа Священной Римской империи.

В декабре 1790 г. С. штурмом овладел Измаилом. Этот подвиг из-за усилившихся разногласий с Потемкиным не принес С. долгожданного фельдмаршальского жезла. Он был награжден лишь званием подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1791 г. С. было поручено провести рекогносцировку на финляндской границе и составить проект ее укрепления. Но для такой работы у него не было прежней энергии, поэтому он очень тяготился этим поручением. «Я не инженер, а полевой солдат, не Тучков, а знают меня Суворовым, и зовут Рымникским, а не Вобаном, — в подобных случаях говорил С. — Баталия мне лучше, чем лопата извести и пирамида кирпичу». В конце 1792 г. на него было возложено такое же поручение, но на юго-западе Рос-

сии. Одновременно с этим ему было предписано представить планы и сметы по производимым в Финляндии работам, а также соображения на случай оборонительной и наступательной войны в Финляндии. Наветы на С. за время его финляндского командования не остались без последствий, тем более, что со времени неудачного сватовства молодого графа Салтыкова к Наташе Суворовой число «государственных неприятелей» значительно возросло. Было признано необходимым не давать полководцу широких полномочий и свободы действий. В мягкой форме, но очень определенно ему указали, что и как делать. Передав требуемые от него документы, С. в декабре уехал на юг. Но когда по прибытии на место он горячо принялся за дело и попытался отступить от инструкций (чтобы избежать проволочек в ходе работ он заключил контракты с подрядчиками на огромные суммы и выдал в обеспечение векселя, а также задатки в размере 100 тыс. казенных денег), милостивый по форме, но жесткий по существу рескрипт тут же объявил заключенные им контракты недействительными. Самому же С. было предписано «по мирной поре и надобности экстренных мер действовать впредь не столь поспешно и по закону».

Помимо жгучей обиды, которую испытал С., получив этот рескрипт, аннулирование контрактов возлагало на него обязанность пополнить розданные задатки из его личных средств, вознаградить подрядчиков за убытки, понесенные из-за расторжения контрактов. С. уже было подумывал о продаже части своих новгородских деревень, как вдруг последовало новое высочайшее повеление: «все за-контрактованное графом С. заплатить немедленно и 100 тыс. рублей, взятых им у вице-адмирала Мордвина, не засчитывать в число ассигнованных

сумм на построение крепостей по Днепру». Более того, управляющему банком было приказано отпустить для С. дополнительно 250 тыс. рублей.

В 1794 г. вспыхнуло новое восстание в Речи Посполитой. Его руководителем и вдохновителем стал талантливый полководец Тадеуш Костюшко. В это время к императрице пришло повторное прошение С. об увольнении его волонтером на Рейн. Главным мотивом в прошении было то, что он «много лет без воинской практики по своему званию». Екатерина, оставшись крайне недовольной настойчивостью С., увидела в прошении замаскированное требование назначить его в Польшу.

Руководство операциями против Костюшко взял на себя Высший Совет в Петербурге. Однако велись они по воле случая — без системы, без должной энергии. В войне, поначалу казавшейся легкой, возникло множество осложнений. Между тем приближалась осень. Уход на зимние квартиры русских войск означал бы предоставление во власть восставших всей Польши и части Литвы. Только быстрый и решительный удар мог изменить обстановку. Командующий войсками двух южных районов, пограничных с Турцией и Польшей, Румянцев решил на свою ответственность отправить на театр военных действий С. Ряд одержанных С. побед, завершившихся взятием Праги, привел к Третьему разделу Речи Посполитой (октябрь 1795 г.).

30 октября 1794 г. польский король устроил С. торжественную аудиенцию. В Екатеринин день магистрат Варшавы поднес полководцу от имени города золотую эмалированную табакерку с гербом города и надписью: «Варшава своему спасителю». Императрица писала С.: «Вы знаете, что я без очереди не произвожу в чины. Но вы сами произвели себя в

фельдмаршалы». Таким образом, исполнилась давняя заветная мечта С. Кроме фельдмаршальского жезла он получил алмазный бант на шляпу за Крупчицы и Брест и «в полное и потомственное владение» — огромное имение «Кобринский ключ», в 7 тыс. душ мужского пола. В награду от прусского короля С. получил орден Красного орла и Большого Черного орла. Австрийский император прислал в подарок собственный портрет, осыпанный бриллиантами.

Однако сразу после блестящих побед С. был снова отодвинут на задний план. Он не мог не чувствовать обиды: многие его первоначальные распоряжения отменялись, торжественно данные им обещания не были исполнены его преемниками по власти. Да и сами награждения показали, что положение С. с производством в фельдмаршалы мало в чем изменилось, а отношение к нему императрицы осталось прежним. Он был щедро награжден, но еще щедрее награждены были другие, никакого влияния на успех войны не имевшие. Так, Платон Зубов, новый фаворит Екатерины, получил 13 тыс. душ из тех же земель, из которых С. было уделено лишь 7 тыс. Не без горечи С. говорил: «Щедро меня за Лодомирию, Галицию и Краков в князе Платоне Зубове наградили».

В течение продолжительного времени С. оставался не у дел. Лишь в начале 1796 г. ему предложили принять командование над готовящейся экспедицией в Персию. Однако С. отказался от похода, которые не сулил ему ни действительных боевых трудов, ни славы. Его мысль была прикована к Западу, где быстрый успех французской революции создавал возможность скорой встречи русских войск с более сильным и потому более ценным для полко-

водца противником. Он без колебаний уступил назначение в Персию Валерьяну Зубову, а сам, в ожидании войны с Францией, принял главное командование армией в Новороссии.

Со времени командования полком С. никогда не трудился над боевой подготовкой вверенных ему войск с таким рвением, как у Тульчина. На этот раз, при всей его мнительности, он был уверен, что «экзерцирует» войска для себя, что в войне с Францией главнокомандующим будет он. С. чувствовал себя спокойным за будущее после производства в фельдмаршалы и брака «Суворочки» с графом Н. Зубовым (29 апреля 1795 г.), породнившего его с князем Платоном, всесильным фаворитом императрицы.

В Тульчине при подготовке войск были впервые введены в программу строевых упражнений знаменитые Суворовские сквозные атаки. Но мирная работа над войсками, борьба с интендантскими злоупотреблениями и мелкие повседневные административные заботы на могли удовлетворить С. Уже вскоре по прибытии в Тульчин он начал раскаиваться, что отказался он персидского похода. По своему характеру он не мог хладнокровно относиться к известиям о победах В. Зубова. По обыкновению своему С. не скупился на насмешки в адрес «победителя Персии», «произведенного, стыдно сказать, в генерал-аншефы и кандидаты в фельдмаршалы, как только случится ему из тамошних нескольких тысяч побить несколько десятков».

Подобные отзывы не могли не отразиться на отношениях С. с Зубовым, к тому времени осложненных недоразумениями из-за приданого Натальи Александровны.

Кончина императрицы Екатерины (1796 г.) изме-

нила обстановку. Ее преемник, Павел Петрович, по вступлении на престол прежде всего прекратил всякие военные действия: отменил французский поход, вернул войска из Персии, отозвал эскадры из Англии и Немецкого моря. Он торжественно заявил, что задачей его царствования будет залечивание ран, нанесенных непрерывными войнами императрицы и что царствование его станет для России эпохой мира. К С. новый император не чувствовал особого расположения. Он не считал его выдающимся полководцем, слепо разделяя взгляды своих прусских учителей на С. как на грубую, но «счастливую» силу. В его подвигах он находил больше отрицательных, чем поучительных сторон. Так, например, образцово произведенный штурм Праги Павел «не почитал даже действием военным, а единственно заклятием жидов». Вместе с тем в глазах Павла С. являлся олицетворением ненавистной ему старой екатерининской армии. Однако в первое время своего царствования он не решился порвать с прошлыми людьми так же резко, как порвал с делами прошлого царствования. Тем более внимателен он был к престарелому фельдмаршалу, который пользовался огромной популярностью в народе и всеобщей любовью войск. Павел даже звал С. приехать в Москву на коронацию, но С. ясно сознавал, что карьера его закончена. Последовавшее вскоре назначение на вновь учрежденную должность инспектора (должность, которую могли занимать генерал-майоры) С. счел почти оскорблением. «Новый титул! — писал он Хвостову 11 января 1797 г. — Я — инспектор... Я был таким — подполковником».

С. не стал делать попыток добиться благоволения нового императора или хотя бы сохранить первоначально установившееся холодно-милостивое к

нему отношение со стороны Павла. Если раньше он мог пойти на компромисс ради пользы дела, то теперь «польза дела» запрещала ему какой бы то ни было компромисс. Он не мог оставаться равнодушным зрителем той беспощадной ломки екатерининских порядков, что позже на многие годы задержало естественное развитие русского военного искусства. Достигшее при Екатерине небывалого блеска, теперь оно было заменено «наемническими особенностями пруссаков» и кабинетным методизмом. С. прекрасно осознавал всю опасность происходившего переворота. «Боже, даруй, чтобы зло для России не открылось прежде ста лет, но и тогда основание к нему будет вредно», — писал в то время полководец.

В Тульчине, на месте своей дислокации, С. оставил все так, как было при Екатерине. Он не ввел в действие новых уставов Павла и продолжал обучать войска по своей системе. Вопреки формальному приказанию императора С. не распустил свой штаб, вышел с предложением об изменении дислокации подчиненных войск, что, по новому уставу, было за пределами его компетенции. Он по-прежнему увольнял в отпуски, посылал за курьерами офицеров. Приближенные понимали, что рано или поздно подобное самовольство навлечет на полководца немилость императора, поэтому настойчиво советовали С. подать прошение об отставке. И 11 января 1797 г. он пишет такое прошение. Однако ответ Павла сух, краток и категоричен: «Обязанности службы препятствуют с оной отлучаться».

Поведение С., резко выделявшее его на общем фоне безусловного раболепства, не могло остаться незамеченным. И Павел вскоре убедился, что проступки фельдмаршала являются не следствием не-

брежности или недосмотра, а протестом против новых порядков. Это убеждение укреплялось у него с каждым новым сообщением из Тульчина. 2 и 12 января последовали два высочайших рескрипта, послужившие предостережением полководцу, а уже 15 января — высочайший выговор С. по армии, вслед за ним второй. С. послал вторичную просьбу об отпуске. По своему обыкновению С. отправил также донесение императору, краткое и своеобразное, которое было возвращено обратно. А спустя несколько часов к С. прибыл гонец с предписанием немедленно выехать в Петербург. В ответ С. 3 февраля послал прошение об отставке. Но прежде, чем оно достигло столицы, 6 февраля на разводе был отдан приказ: «Фельдмаршал граф С.... так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

В конце марта пришло разрешение на выезд, и С. отбыл в Кобрин в сопровождении 18 офицеров разных чинов, подавших вместе с ним в отставку. С. предполагал привлечь их к управлению обширным Кобринским имением. Но не успели приехавшие осмотреться в Кобрине, как 22 апреля вечером прибыл коллежский асессор Николев с именным высочайшим повелением: графа С. немедленно перевезти в его боровичские деревни и «препоручить там городничему Вындомскому, а в случае надобности требовать помощи от всякого начальства».

Офицеры, приехавшие с С., были арестованы. Павел принял на веру придворные сплетни о том, что действия фельдмаршала были больше чем неповиновением или попытка протеста. Да и опала С. не ограничивалась простой ссылкой (5 мая 1797 г. он был доставлен в Кончанское). Высочайшей властью был дан ход всем искам, денежным претензиям и жалобам в

отношении С. Недоброжелатели решили не упустить случая и воспользовались гневом императора на полководца. На Кобринское имение был тут же наложен секвестр. Прекращенное уже дело Вронского (было связано с интендантскими махинациями во время разгрома польско-литовских инсургентов) было возбуждено вторично. Не в меру усердные судьи на этот раз признали С. виновным и приговорили его к уплате штрафа в размере 60 000 рублей. Однако нелепость обвинения была столь очевидной, что сам Павел 17 марта приказал «дело сие оставить».

Частные претензии превышали 100 000 рублей. По некоторым из них высочайшим повелением было предписано произвести уплату. Было время, когда С. чувствовал себя близким к разорению. Но и Павел не мог не осознавать, насколько тяжелое впечатление производила эта непонятная и незаслуженная опала на престарелого фельдмаршала, имя которого пользовалось уважением не только в России, но и далеко за ее пределами. Спустя какое-то время он счел удобным примириться с С., и 12 февраля 1798 г. в Кончанское был отправлен племянник С., флигель-адъютант князь А. Горчаков. Он передал приглашение от императора прибыть в Петербург. В тот же день был отозван Николев.

С. подчинился, но столица, двор, служба не имели теперь для него никакой притягательной силы. 27 февраля поздно вечером С. въехал в Петербург, а на следующий день утром был принят Павлом. Ожидаемого примирения не состоялось, и С. был возвращен в Кончанское, но теперь был освобожден от всякого надзора. Он приступает здесь к приведению в порядок своих запущенных дел: хозяйничает в Кончанском, усиленно переписывается со своим новым кобринским управляющим Красовским и по-

прежнему ведет замкнутый образ жизни. Бездействие угнетало и томило его. С. постепенно начинает все настойчивее искать успокоения в религии. Религиозное чувство, сильное у него с детства, захватывает его все больше и глубже; мысль его склоняется к отходу в монастырь, к «предстательству душою чистою к Престолу Всевышнего». Когда настроение немного окрепло, он пишет в декабре 1798 г. в письме к государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, Великий Государь. Всеподданнейший богомолец, Божий раб, Александр Суворов».

Ответа пришлось ждать больше месяца. Наконец, 6 февраля С. получил собственноручный рескрипт императора, врученный прискакавшим в Кончанское флигель-адъютантом Толбухиным. «Сейчас получил я известие о настоятельном желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идут...». Далее С. предписывалось немедленно прибыть в столицу, чтобы оттуда следовать в Вену для принятия командования.

С. был ошеломлен, но ни раздумий, ни колебаний приказ императора у него не вызвал. От прежнего настроения не осталось и следа. Полководец быстро собрался и на следующий день отправился в путь, а 9 февраля уже был в Петербурге. В тот же день он был вновь зачислен на службу в чине фельдмаршала, хотя приказа по армии не последовало. Несколько дней спустя Павел наградил его орденом св. Иоанна Иерусалимского Большого Креста.

Из Петербурга С. выехал в последних числах

февраля. Но теперь он ехал далеко не с прежней «суворовской» скоростью: с одной стороны, торопиться не следовало, т. к. русские войска находились еще далеко от театра будущих военных действий, а до прибытия их С. не собирался начинать кампанию; с другой стороны, сказывались преклонные года и далеко не молодецкое здоровье фельдмаршала. Проезжая через Митаву, он представился французскому королю-претенденту Людовику XVIII, который нашел в России приют и был одним из конкурентов С. на пост главнокомандующего союзными войсками.

Из Митавы через Вильню С. прибыл в Кобрин (3 марта), где остановился на несколько дней отдохнуть и привести в порядок неотложные дела имения. Затем он отправился в сторону Бреста, 9 марта пересек границу, а 14 марта вечером прибыл в Вену. Население города встретило его восторженно, император и двор — благосклонно, но сдержанно.

С. был поставлен во главе союзной армии в силу соображений, в которых его военный гений не играл никакой роли. Ни император Франц, ни император Павел не были поклонниками его полководческих талантов. В глазах Франца он был «грубый натуралист, генерал без диспозиции». Он остановил свой выбор на С. отчасти под давлением английской и русской дипломатии, отчасти же потому, что считал С. одаренным высшим даром судьбы — неизменяющим военным счастьем.

С первых же дней С. разгадал стремление гофкригсрата подчинить его себе, но не придавал этому особого значения. Руководствуясь опытом 1794 г., он надеялся на театре военных действий быстро освободиться от опеки австрийского «Высшего Совета». Вместо того, чтобы сразу выяснить отношения, С.

давал уклончивые ответы, стараясь даже поддакивать австрийцам. Тем самым он дал им в руки сильное оружие против себя в будущем: возможность ссылаться на «венские переговоры». Кроме того, С. допустил ошибку и неосмотрительно передал довольственную часть исключительно в ведение австрийцам, желая избавиться от докучных административных забот. Обе эти ошибки впоследствии отозвались на ходе кампании.

Несмотря на все настояния, С. наотрез отказался принять участие в выработке плана кампании совместно с членами гофкригсрата. Присланный ему для ознакомления австрийский план он перечеркнул крест-накрест, не вдаваясь в его подробности. Тем не менее, на прощальной аудиенции 23 марта император Франц вручил С. предписание, в котором заключался в форме приказа тот самый план, который С. перечеркнул несколько дней назад.

Первым препятствием на пути следования армии С. была Брешия, гарнизон который капитулировал без боя. Подобный исход не входил в планы полководца, поэтому он исправил дело реляцией: в ней были и «жесткий пушечный огонь» и «упорное сопротивление», что придало бескровному делу характер, навлекший за границей нападки на С. за «турецкий способ действий». Цель была достигнута С.: нужное впечатление создано. Затем последовали переправа через Адду, взятие Милана, занятие Турина. В Турине С. самовольно объявил восстановление Сардинского королевства, послал королю приглашение вернуться в столицу, издал прокламацию к жителям с призывом вооружаться на защиту короля, а также восстановил королевскую армию и весь прежний порядок вещей. Эти меры способствовали подъему чувства националь-

ного самосознания пьемонтцев и могли только затруднить желание Австрии присоединить Сардинское королевство к своим наследственным владениям. И действительно, тут же последовал рескрипт императора Франца, в котором он ясно дал понять С., что тот поставлен во главе австрийских войск не для того, чтобы при помощи их осуществлять свою собственную политическую программу. В этом же рескрипте содержался категорический совет не думать ни о каких наступательных действиях, а ограничиться осадами Мантуи и Миланской цитадели. С. отчасти подчинился приказу, оставил для осады указанных пунктов некоторые свои подразделения, а с остальными силами выступил к Пьяченце. Талантливым французским полководцам Моро и Макдональду некоторое время удавалось теснить разрозненную союзную армию. Но после сражения в долине Треббии французы отступили.

Последовал очередной рескрипт императора Франца с благодарностью за победу при Треббии и категорическим предписанием фельдмаршалу оставить всякие мысли о движении на Геную и ограничиться покорением еще не сдавшихся крепостей Сев. Италии, прежде всего Мантуи. 6 недель пришлось провести в полном бездействии. Однако неудачи Моро и Макдональда не могли не отражаться на силе сопротивления осажденных крепостей. Стойко державшиеся до сих пор, одна за другой сдаются Миланская и Туринская цитадели, Алесандрия и Мантуя. С этого момента Итальянская кампания могла считаться оконченной. В воздаяние заслуг С. император Павел указом от 6 августа возвел его в князья с титулом Итальянского.

Наступившим бездействием воспользовались французы. Три армии — Моро, Макдональда и Жу-

бера начали активные действия. Жубер планировал наступление на Мантую, о падении которой во Франции еще не знали. Французский главнокомандующий ожидал встретить слабый корпус противника. Но с высот Нови он увидел перед собой не обширной равнине всю союзную армию. С. ожидал атаки 3 августа, но поскольку ее не последовало, он решил предупредить неприятеля и, не теряя времени, атаковать самому.

После победы над армией Жубера и взятия Нови С. стал лагерем у Асти. Опять потянулись томительные дни бездействия. Небывалым почетом и вниманием был окружен С. в эти дни. Сардинский король, за взятие Турина пожаловавший ему крест св. Маврикия и Лазаря, цепь ордена св. Анунциаты, теперь возвел его в ранг великого маршала Пьемонтских войск и гранда королевства с потомственным титулом принца и кузена короля. Узнав об этих почестях, император Павел писал С.: «Через сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владельческие особы между собой все почитаются роднею». Павел предписал также «верноподданным присоединить в молитвах имя С. к имени его» и приказал войскам армии и флота (указ от 6 сентября 1799 г.) «воздать С. царские почести согласно уставу, даже в Высочайшем присутствии». Город Турин поднес С. золотую шпагу, усыпанную драгоценными камнями, с благодарственной надписью. Лагерь при Асти был переполнен иностранцами, которые дожидались свидания с полководцем. В театрах произносились в его честь стихи, за обедами — даже в частных домах — пили за его здоровье. Изображения С., медали в его честь имели широкое распространение в Европе, особенно в Англии.

Лишь Венский двор проявлял необыкновенную холодность по отношению к фельдмаршалу.

Наконец было принято решение о Швейцарском походе. Время было упущено, поэтому С. распустил слух о выступлении не ранее 20 сентября. Но уже к 10 сентября все приготовления были окончены. С. отправил отдельные корпуса в обход Сент-Готарда. Однако вскоре у него возникли опасения, что французы держат на перевале только слабый заслон, и корпуса встретятся с их главными силами. 13 сентября русские двинулись на перевал. Две стремительные атаки, воодушевленные личным присутствием фельдмаршала и Великого князя Константина Павловича, были отбиты с большими потерями для русских. С. хотел овладеть Сент-Готардом непременно до вечера, поэтому в 4 часа дня повел войска на третий штурм высот. В тот же момент на снежных высотах над левым флангом французов появились войска Багратиона. Победа была на стороне русской армии. 14 сентября русская армия овладела Чертовым мостом, а 16-го войска начали подъем. В ночь с 23 на 24 сентября армия С. начала свой последний швейцарский переход. По Зенфталю, через Энги, Эльм и снежный хребет Рингенкопф (Паниксер) шел путь С. Путь оказался еще труднее, чем переход через Росшток. Без дорог карабкались войска по обледенелым скатам, бросив все тяжести и потеряв почти всех лошадей.

10 октября С. получил официальное уведомление о разрыве Павла с Австрией. Рескрипт императора предписывал не обращать внимание на предложение австрийцев и малыми переходами, не утомляя войска, идти к русским границам. 12 октября император Франц пожаловал С. орден Марии Терезии

Большого Креста. Но никакие награды теперь не могли изменить положение.

Высочайшим указом от 29 октября 1799 г. в воздаяние заслуг, оказанных в Швейцарском походе, С. было даровано звание «генералиссимуса всех российских войск — высшая степень почестей». 15 ноября были окончены необходимые приготовления и С. выступил из Аугсбурга. Но в первых числах декабря поход был остановлен в Богемии переговорами и попыткой примирения между Павлом и Францем. Лишь 5 января 1800 г. генералиссимус получил рескрипт своего императора: «Обстоятельства требуют возвращения армии в свои границы, ибо виды венские те же, а во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнуряя себя мне ожидать должно... идите домой немедленно».

15 января русская армия двинулась на родину. С. выехал вперед. Уже при выезде из Праги он чувствовал недомогание. Потрясения Швейцарского похода, когда его энергией жила вся русская армия, надломил слабое здоровье генералиссимуса. В Кракове пришлось остановиться и приняться за лечение. Немного поправившись, он в сопровождении С. Савракова и Розена с большим трудом добрался до Кобрина. Заботливый уход, старания местных врачей и лейб-медика Вейкарта, присланного императором Павлом, временно восстановили угасавшие силы С. и дали возможность продолжить путь.

В Петербурге ему готовилась торжественная встреча, придворные кареты должны были встретить его в Нарве, а в Гатчине — флигель-адъютант с письмом от государя. Въезд в столицу должен был совершиться под неумолкающую пушечную пальбу и колокольные звоны, между рядов войск, расставленным на всем пути до Зимнего дворца.

Но С. был еще далеко до Петербурга, когда получил внезапную весть о новой опале. 20 марта был отдан выговор ему в приказах по армии «за то, что в походе имел при себе, вопреки уставу, по старому обычаю дежурного генерала». Павел не умел действовать полумерами. Торжественная встреча была отменена, и когда 23 апреля полуумирающий полководец въехал в Петербург, ему дано было знать, что государю негодно его видеть. 25 апреля последовал приказ об отобрании у С. адъютантов. С. остановился в доме Хвостова, своего старинного приятеля, на Крюковом канале, и к нему никто не смел приезжать.

Приступы боли продолжали мучить С. Два раза в день его навещал доктор Гриф, тогдашняя медицинская знаменитость Петербурга. Но «фликсена» (так С. называл свою болезнь) не поддавалась лечению*. В минуты облегчения он продолжал заниматься изучением турецкого языка и беседовал с домашними о политических и военных делах. Но память с каждым днем изменяла ему: он сбивался в рассказах о последних походах, с трудом припоминал имена разбитых им французских генералов. Когда близость кончины С. стала несомненной, император Павел разрешил все-таки навещать его родным и знакомым. Растопчин передал умирающему генералиссимусу ордена, пожалованные французским королем-претендентом Людовиком XVIII.

С трудом удалось уговорить С. причаститься: он не хотел верить, что жизнь кончена. После принятия святых тайн он отдал последние распоряже-

* У С. начался старческий маразм, склероз.

ния... Вскоре началась агония, и 6 мая, во втором часу дня, С. не стало.

Похороны были назначены на 11-е, однако по приказанию Павла они были перенесены на 12 мая. Отменив завещание С., император приказал предать тело земле в Александро-Невской лавре.

Весть о кончине полководца была встречена в России с глубокой и неподдельной скорбью. Огромные толпы народа стекались к столице, чтобы проводить в последний путь генералиссимуса. На похоронах не было лишь придворных и сановников. С. продолжал оставаться в опале и после своей смерти. О его кончине не сообщили в приказе по войскам и в пароле. Воинские почести приказано было отдать рангом ниже, не как генералиссимусу, а как фельдмаршалу. Для проводов в последний путь и отдания последних почестей были отправлены простые армейские части. Гвардия не участвовала в похоронах. Сам император Павел во время погребения С. производил смотр гусар, лейб-казаков и Аральских казаков, затем был на вахт-параде, после которого удалился во внутренние покои. Только в 6 часов вечера, когда траурная церемония была завершена, он выехал в город на обычную прогулку.

С. был похоронен в Нижней Благовещенской церкви, возле левого клироса. Лишь в 50-х гг. на его могилу, которая до того была безымянной, положили плиту с краткой надгробной надписью Державина: «Здесь лежит Суворов».

СУЛЕЙМАН-паша (1838—1883), турецкий полководец, генералиссимус.

Полководческий талант С.-п. проявился впервые при подавлении Черногорского восстания в 1862 г., а также при усмирении Критского движения в 1867 г. Он обратил на себя внимание командования и был направлен профессором литературы и директором константинопольской военной школы. Под его руководством школа была реорганизована по лучшим тогдашним образцам подобных школ в Европе. В этот период С.-п. принял активное участие в заговоре по низложению султана Абдул-Азиза.

В это время обострились отношения между Турцией и Россией. Турецкие зверства в Болгарии, восстания в Боснии и Герцоговине стали поводом войны (1877—78). С.-п. был назначен главнокомандующим турецкими войсками в Боснии и Герцоговине. С началом боевых действий на русско-турецком фронте он получил приказ вторгнуться на территорию Черногории. После нескольких удачных операций в середине июня С.-п. был направлен командующим южной турецкой армией (на Балканах). В это время в Румилии появились русские войска. В результате удачно проведенного маневра С.-п. сумел 19 июля при Ески-Загре опрокинуть авангард русской армии под командованием генерала Гурко и вынудил его к отступлению на Шипку. Далее С.-п. допустил стратегическую ошибку. Он не сумел воспользоваться критической для русской армии минутой и не развил дальнейших наступательных действий. Его поведение было результатом оборонительной и выжидательной тактики, которой он строго придерживался.

Единственными проявлениями энергии полководца стали отчаянные, но безуспешные атаки на Шип-

кинский перевал в период с 9 по 14 августа, а также 5 сентября. Так и не добившись победы на Шипке, С.-п. был отозван и назначен на другой участок театра военных действий — командующим восточной армией. А 29 октября 1877 г. он был назначен главнокомандующим всеми войсками в европейской Турции с званием генералиссимуса. Однако уже через два месяца, 23 декабря, был отрешен от этого звания и получил приказ возглавить сосредоточенные у Татар-Базарджика силы, которые были призваны воспрепятствовать движению русских войск на Филиппополь.

Но С.-п. не мог выполнить этой задачи. Во время отступления на Адрианополь его армия была разъединена на части и разбита. По настоянию военного министра Турции Реуфа-паши С.-п. в марте 1878 г. был арестован. Ему выдвигали в обвинение самовольное проведение военных операций. В результате судебного разбирательства С.-п. был приговорен военным трибуналом к разжалованию и 15-летнему заключению в крепости. Однако полководец успел послать прошение и был помилован султаном.

СУНЬ ЯТСЕН (СУНЬ ЧЖУНШАНЬ, СУНЬ ВЭНЬ) (1866—1925), китайский революционер-демократ и генералиссимус.

Он род. 12 ноября 1866 г. в крестьянской семье в деревне Цуйхэн уезда Сяншань (ныне Чжуншань) провинции Гуандун. До 1879 г. С. помогал родителям и учился грамоте у своего дяди, а затем в связи с тяжелым материальным положением семьи был послан к старшему брату. Брат С., Сунь Мэй, в 1871 г. по примеру многих своих земляков из приморских провинций Ю. Китая выехал на поиски работы на Гавайские острова. Там он нажил себе состояние, занимаясь земледелием, животноводством и мелочной торговлей на острове Мауи. Он определил молодого С. в английскую миссионерскую школу в Гонолулу, обучение в которой велось на английском языке. В 1881 г. С. окончил ее с отличием, и в 1883 г. был отправлен братом обратно в Китай.

Еще до возвращения на родину С. начал проявлять интерес к политической жизни. Осенью 1883 г. он поступил в английскую миссионерскую школу в Сянгаге, а затем, в начале 1884 г. в «Куинс колледж», где проучился до 1886 г. В возрасте 21 года он поступил в гуанчжоускую медицинскую школу. В свободное от учебы время С. выполнял различные работы в больнице при этом учебном заведении, т. к. нужно было платить за обучение. В 1887 г. он перешел во вновь открытый медицинский институт в Сянгане, который окончил в 1892 г. с отличными оценками и дипломом лучшего студента.

Во время учебы в институте С. проводил ночи напролет в спорах со своими сверстниками-сокурсниками по вопросам политического положения Китая. Всех их объединяла ненависть к маньчжурско-

му правительству, которое, по их мнению, было единственным виновником экономической отсталости страны. В этот же период жизни С. познакомился через одного из своих друзей с идеями общества «Небо и Земля». Членов этого тайного общества объединяло стремление к замене чужеземной маньчжурской династии и к реставрации китайской династии Мин.

На формирование революционных убеждений С. повлияла франко-китайская война (1884—85 гг.). По мирному договору, подписанному в 1885 г., маньчжурское правительство признало колониальный захват Китая Францией. Близость территории обеих стран способствовала усилению антииностранных настроений. В конце сентября 1884 г. С. горячо поддержал отказ рабочих судоремонтного завода в Сянгане ремонтировать французский крейсер, участвовавший в военных действиях.

После получения диплома врача С. до 1893 г. занимался медицинской практикой в португальской колонии Аомынь (Макао), расположенной недалеко от Сянгана. Совместно с Чэнь Шаобо, бывшим конкурником и другом, он открыл небольшие аптеки в Аомыне и Гуаньчжоу. Как врач С. пользовался хорошей репутацией среди местного населения. Но португальские власти выслали его из Аомыня, ссылаясь на запрет врачам, не имеющим португальских дипломов, практиковать в колонии.

В то время С. еще не был сторонником насильственного свержения маньчжурского правительства. Он считал возможным добиться некоторого улучшения внутреннего и международного положения Китая путем проведения маньчжурским двором либеральных реформ и привлечения к управлению страной китайских политиков. В 1893 г. С. написал Ли

Хунчжану* пространный меморандум, содержащий план проведения различных реформ. Меморандум понравился Ли Хунчжану. В нем С. предлагал учиться у западных держав, с тем чтобы усилить военную и экономическую мощь Китая и таким образом противостоять иностранной агрессии. Он также настаивал на проведении в сельском хозяйстве различных преобразований; на развитии просвещения и всяческом поощрении талантливых и способных людей; на увеличении добычи полезных ископаемых; на покровительстве отечественной промышленности и торговле, на расширении сети морского, речного, сухопутного транспорта; на отмене внутригосударственных таможенных тарифов и др. С. считал, что если Китай возьмется за осуществление отмеченных им 4 условий, то не менее чем через 20 лет сможет обогнать Европу, т. к. его людские и материальные ресурсы значительно богаче.

Меморандум остался без ответа, и, разочаровавшись в сотрудничестве с властями, С. пришел к убеждению, «что для успеха дела неизбежно прибегнуть к некоторой доле принудительности».

Переход С. к более радикальному способу общения с властью обусловила и новая ситуация, сложившаяся в стране в связи с войной с Японией (1894—95 гг.). В самом начале ее китайская армия потерпела ряд сокрушительных поражений. В та-

* Ли Хунчжан был членом Верховного государственного совета при маньчжурском императоре и императорским наместником столичной провинции Чжили; крупный китайский сановник, лидер феодально-помещичьей группировки; предпринимал шаги в области развития Сев. и Вост. Китая.

кой тяжелой ситуации, видя, что цинское правительство не защищает национальные интересы китайцев, С. перешел к пониманию необходимости свержения цинской династии и создания для этой цели конспиративной организации.

В августе 1894 г. он отправился к брату на Гавайи, где приступил к активной агитации среди китайских эмигрантов. Несмотря на то, что многие из них не поддержали его призывов, ему все-таки удалось создать на Гавайях 1-ю революционную организацию Китая — Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй). В конце ноября состоялось учредительное собрание организации, на котором присутствовало 20 человек. Но вскоре в ее ряды входили уже 200 человек.

Сторонники С., видя в нем лидера, как только усилились антиправительственные выступления, срочно вызвали его на родину. С. отложил намеченную поездку в США с целью раздобыть материальные средства для организации, вернулся в Китай. В конце декабря 1894 г. он прибыл в Сянган и уже в январе 1895 г. учредил там штаб-квартиру «Союза» под вывеской торговой фирмы. Затем С. установил связи с различными патриотическими организациями страны. Общество «Небо и Земля» обещало поддержку в случае решительных мер и передало в его распоряжение 3 тыс. своих членов для участия в готовящемся вооруженном выступлении.

Восстание было намечено на время проведения праздника — 9-й день 9-го месяца по лунному календарю (26 октября 1895 г.). В этот день в Гуанчжой обычно прибывало много народа. «Небо и Земля» должно было утром прибыть из Сянгана в Гуанчжоу и под руководством «Союза», совместно с вооруженными городскими группами и отрядами

хуэйданов начать операцию по захвату крепости, в которой размещалась резиденция маньчжурского императорского наместника. Но при перевозке оружия была допущена неосторожность, и на таможне при досмотре были обнаружены более 600 револьверов. С. отменил восстание, распустил отряды «Союза», а сам выехал в Сянган, присоединившись к другим руководителям-единомышленникам. В Гуанчжоу было объявлено осадное положение и начались повальные аресты. За голову С. власти обещали 10 тыс. лян серебра. Одновременно британские власти Сянгана запретили его пребывание на территории колонии в течение 5 лет.

В начале ноября 1895 г. С. вместе с соратниками прибыл в японский порт Кобэ, а оттуда выехал в Иокогаму. В знак непокорности маньчжурам он остриг себе косу и переоделся в европейское платье. В июне 1896 г., после поездки на Гавайи, он отправился в Сан-Франциско и провел там 3 месяца, стараясь призвать в ряды «Союза» эмигрантов-земляков. Так и не достигнув желаемой цели и не найдя денежной поддержки для организации, он 23 сентября отплыл в Англию.

1 октября С. был уже в Лондоне. Маньчжурский посланник в США, внимательно следивший за его передвижениями, заблаговременно предупредил цинскую дипломатическую миссию в Лондоне о выезде «государственного преступника». Гун Чжаоюань потребовал от английского министерства иностранных дел арестовать С., но английское правительство отклонило это требование. Тогда 11 октября С. был завлечен хитростью в здание цинской миссии и посажен там под арест. В результате поднятой газетной шумихи английское министерство иностранных дел и лично пре-

мьер-министр Солсбери потребовали от цинского посланника в Лондоне освобождения С. Англия к тому времени была весьма встревожена сближением цинского двора с Россией и воспользовалась случаем с С., чтобы показать свое отношение к политике Пекина.

23 октября после 12-дневного заключения С. вышел на свободу. В 1897 г. он написал книгу на английском языке «Похищен в Лондоне», в которой описывал случившееся с ним происшествие. Несмотря на то, что его освобождению способствовало английское правительство, формальный запрет на его проживание в Сянгане так и не был снят. С. поселился в Японии, но неоднократно тайно навещался в Китай. Начался длительный период подпольной деятельности С., организовавшего в течение последующих лет более 10 восстаний в Юж. Китае.

К активизации антиправительственных выступлений в стране подстегивала внешняя политика, которую вел цинский двор с крупными европейскими державами. Цель дальневосточной политики Англии в конце XIX в. сводилась к тому, чтобы всеми средствами препятствовать усилению позиций России в Китае. Англия поддерживала действия Японии в Корею, считая, что ей удастся превратить Японию в орудие своей дальневосточной политики. 16 июля 1894 г. между Англией и Японией был подписан торговый договор. А уже 1 августа 1894 г. Япония

* Русский перевод книги под назв. «Невероятные сказки. Рассказ доктора-китайца Сен-Ят-Сэна о его похищении и заточении в Лондоне» был опубликован в № 12 журнала «Русское богатство» за 1897 г.

объявила войну Китаю из-за Кореи. Россия вместе с Германией и Францией оказали на японское правительство нажим, который привел к некоторому смягчению условий Симоносекского мирного договора (1895 г.), и, в первую очередь, к сохранению за Китаем Ляодунского полуострова.

14 ноября по приказу Кайзера Вильгельма германский адмирал Дидерихс высадил десант на побережье Шаньдунского полуострова в бухту Цзяочжоу и занял город Циндао. Пекинское правительство оказалось бессильным противостоять этому акту агрессии и 6 марта 1898 г. подписало договор с Германией. Ей «сдавалась в аренду» территория вокруг бухты Цзяочжоу сроком на 99 лет, а также предоставлялся ряд железнодорожных концессий в Шаньдуне и преимущественные права по экономическому освоению этой провинции.

Россию не устраивали результаты японо-китайской войны (1894—95 гг.), которые привели к усилению японской активности в Корее. В 1896 г. она заключила союзный договор с Китаем и получила право на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через территорию Маньчжурии. Россия использовала захват Германией Цзяочжоу для отправки эскадры в Порт-Артур (Люйшунь) с целью охраны этого важного стратегического пункта от покушений со стороны Японии, Англии или Германии. По специальной конвенции от 27 марта 1898 г. Китай передавал Порт-Артур «в аренду» России на 25 лет.

Англия и Франция также потребовали своей доли в разделе Китая и получили «в аренду»: Англия — порт Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове, Франция — залив Гуанчжоувань около границы с Индокитаем. В июне 1898 г. Англия

получила дополнительный участок полуострова Цзюлун (Коулун), южная часть которого была передана ей еще в 1860 г.

30 июля 1905 г. на собрании представителей различных китайских антиманьчжурских организаций в Токио С. изложил свои «три народных принципа»* и внес предложение о создании объединенной партии — Китайского революционного объединенного союза. Состоявшийся 18 сентября того же года в Токио учредительный съезд Объединенного союза (Чжуию гэмин тунмынхуэй) утвердил устав и декларацию военного правительства, которые должны были быть опубликованы любым из отделений «Союза» после начала победоносного восстания. В «Воззвании к иностранным державам» — основном внешнеполитическом документе Объединенного союза говорилось: «Национальная армия Китая провозглашает низложение чужеземного абсолютистского правительства, декларирует учреждение республики и одновременно заявляет о намерении проводить политику глубочайшей дружбы в отношении всех дружественных государств с целью поддержания международного мира и достижения счастья человечества». С. был назначен президентом новой партии.

В середине 1906 г. «Союз», численность которого превышала 10 тыс. человек, и в каждой провинции Китая действовали его комитеты, приступил к осуществлению своих намерений. Первое антиманьчжурское выступление в Цзянси (ноябрь 1906 г.)

* 3 народных принципа: изгнать маньчжуров, восстановить Китай; учредить республику; уравнивать права на землю.

вспыхнуло стихийно, раньше намеченного срока и, не поддержанное другими отделениями «Союза», было подавлено. С. и другие руководители организации в марте 1907 г. переехали в Ханой, находившийся в то время под колониальной зависимостью Франции. После неудачного восстания в Цзянси и изменения отношения к китайским революционерам японских властей, С. решил перенести центр подготовки к новому восстанию на крайний юг Китая, в пограничный с Вьетнамом район. Он начал формировать вооруженные отряды из китайских эмигрантов в Ханое. Однако восстания в Гаончжоу (провинция Гуандун), в городах Хуангане и Хуэйчжоу, происходившие в мае—июне 1907 г., оказались неудачными. В марте 1908 г. С. был опознан маньчжурским шпионом и после дипломатического представления из Пекина французские власти предложили ему покинуть Индокитай. С. уехал в Сингапур, а оттуда — в США (весна 1909 г.) — для сбора средств среди китайских эмигрантов на организацию новых выступлений. Ему удалось собрать здесь около 9 тыс. долларов, и эти деньги были использованы для подготовки вооруженного выступления в Гуанчжоу (1910 г.). Однако и оно было разгромлено. Новое восстание в Гуанчжоу (весна 1911 г.) также было подавлено. Объединенный союз потерял 72 человека, из которых 43 пало на поле боя, а 29 были расстреляны маньчжурами.

10 октября 1911 г. в Учане (административный центр провинций Хубэй) вспыхнуло новое восстание, оказавшееся на этот раз успешным. Оно послужило сигналом для «Союза» и других революционных организаций, поднявших восстания в провинциях Хунань, Цзянси, Шэньси, Шаньси, Юньнань, Аньхуэй, Гуйчжоу, Чжэнцзян, Гуандун, Гуанси,

Фуцзянь и др. Вскоре в 15 из 18 провинций, расположенных южнее Великой китайской стены, была свергнута маньчжурская и военная администрация. Цинское правительство в Пекине обратилось за помощью к генералу Юань Шикаю (см.), лидеру феодально-помещичьей партии Сев. Китая, в прошлом командовавшему «новыми войсками». Юань Шикай, видя непопулярность и слабость маньчжурской династии, добился отставки маньчжурского князя-регента, захватил в свои руки всю военную и политическую власть на Севере и вступил в переговоры с революционерами.

25 декабря 1911 г. С. прибыл в Шанхай, а 29 декабря делегаты 17 революционных провинций, собравшиеся в Нанкине, официально провозгласили учреждение в Китае республики и избрали С. временным президентом. 1 января 1912 г. в Нанкине, в торжественной обстановке, состоялась церемония его вступления на этот пост. С. дал присягу быть преданным интересам страны, всегда служить народу и сложить с себя полномочия президента лишь тогда, когда самодержавие будет свергнуто, в стране воцарится мир и «Китайская республика займет подобающее место среди других государств мира и будет признана ими».

5 января 1912 г. было выпущено «Воззвание президента Китайской республики к внешнему миру»:

1. Республика признает сохранившимися силу все договоры, заключенные маньчжурским правительством с иностранными государствами до революции. Договоры же, заключенные после начала революции, не признаются.

2. Республика также признает свои платежные обязательства по всем внешним займам, заключенным маньчжурским правительством до революции,

и не намерена изменять условий этих займов. Займы, заключенные после выступления революционной армии, не признаются; равным образом не признаются и средства, продолжающие поступать маньчжурскому правительству после начала революции по ранее подписанным займам.

3. Республика признает и обязуется уважать все концессии и права, полученные различными государствами или отдельными иностранцами до революции от маньчжурского правительства. Концессии и права, полученные с началом революции, не признаются.

4. Республика обязуется уважать и охранять жизнь и имущество всех иностранных подданных в районах, находящихся в сфере юрисдикции республиканских властей.

5. Президент «будет отдавать свои силы созданного твердого фундамента национального государства, достойного возможностей, таящихся в нашей столь долго игнорировавшейся стране».

Этот призыв С. к иностранным державам остался без ответа. Убедившись в том, что реставрация прежнего маньчжурского правительства невозможна, они помогли Юань Шикаю встать во главе молодой республики. 12 февраля 1912 г. маньчжурский император Пу И отрекся от престола. В его последнем указе Юань Шикаю предписывалось сформировать временное республиканское правительство. 14 февраля Нанское собрание единогласно приняло отставку С., а 15-го также единогласно избрало Юань Шикая временным президентом Китайской республики.

С. занялся вопросами реорганизации «Союза» в связи с предстоящими выборами в парламент, назначенными на декабрь 1912 г. В августе на базе

«Объединенного союза» и присоединенных 4-х других революционных либеральных организацией была создана новая партия — Гомиьндан (Национальная партия).

Юань Шикай оправдал ожидания западных держав и начал вскоре после того, как стал президентом, готовить почву для возвращения монархии. В большой тайне от своих единомышленников он вел переговоры с иностранным банковским консорциумом о предоставлении ему крупного займа в размере 60 млн. фунтов стерлингов. Узнав о предательстве преемника, С. попытался найти сочувствие в политических и деловых кругах Японии. В марте 1913 г. по приказу Юань Шикая было совершено покушение на Сун Цзяожэня, бывшего заместителя С. по Объединенному союзу и видному руководителю Гомиьндана. В результате тяжелого ранения он умер. С., вернувшись в Шанхай, предлагал соратникам начать вооруженную борьбу против диктатора. Но его не поддержали, и С. был вынужден эмигрировать в Японию. Однако и там он не переставал связываться с родиной и подстрекать лидеров революционных организаций к восстаниям против режима Юань Шикая. Первым таким выступлением была так наз. «война в защиту республики», вспыхнувшая в конце декабря 1915 г. в провинции Юньнань. Эта провинция провозгласила свою независимость от пекинского правительства и объявила ему войну.

Широкие антимонархические волнения в стране вынудили президента отказаться от восстановления монархического строя. Однако объявить об этом народу он не успел, так как скоропостижно скончался 6 июня 1916 г. Его преемник на посту президента Ли Юаньхун восстановил конституцию 1912 г. и созвал парламент. С. получил возможность вернуться в

Китай. Не доверяя пришедшим к власти сподвижникам Юаня Шикая, он отправился не в Пекин, а в Шанхай, чтобы сообщить соратникам о намерениях вести борьбу против «предателей национальной идеи» дальше. В 1917 г. чрезвычайная сессия парламента избрала С. генералиссимусом вооруженных сил Китая. Юг стал центром национально-революционной оппозиции, С. возглавил Кантонское правительство, противостоявшее Северу. В 1921 г. он был избран президентом самостоятельной республики, но гражданская война в стране не давала возможности удержать власть (об этом см. *ЧАН КАЙШИ*). В этот период своей деятельности С. был тесно связан с гуаньданским генералом Чан Кайши.

В 1921 г. в Китае была организована коммунистическая партия (КПК). Уловив общность идей этой революционной организации с идеями Гоминьдана, С. сблизился с рабочим движением страны (прежде на него оказала сильное впечатление революция 1917 г. в России). В 1923 г. С. снова вернулся в Кантон и приступил к реорганизации своей партии. В Гоминьдан были приняты коммунисты, партия была превращена в блок национальной буржуазии, мелкой буржуазии, рабочих и крестьян. В новой ситуации «три народных принципа» С. получили новое содержание. Принцип национализма стал революционным прогрессивным принципом, направленным на борьбу за национальное освобождение Китая от иностранного гнета, а также за объединение Китая. Второй принцип С. — народовластие — стал теорией политического устройства страны. С. выдвигал требование республики и демократических свобод. Но, считая китайский народ еще неподготовленным к конституционному правлению, он намечал 3 периода в развитии государства: 1) период военный, ког-

да придется еще в вооруженной борьбе с реакцией добиваться возможности народовластия, 2) период «воспитательный», когда должна господствовать диктатура Гоминьдана, готовившего конституционный строй, и 3) период конституционный, когда уже в полной мере будет осуществлено народовластие.

С. разрабатывал своеобразную систему «разделения прав и способностей». Право управления должно было принадлежать народу, но, не владея способностью управлять, он должен был поручить его правительству. Народ, по учению С., имел 4 права: выбора, отзыва, вето и пересмотра. Правительство строилось на конституции 5 властей: исполнительной, законодательной, судебной, контрольной и экзаменационной. С. выдвигал требование всеобщего избирательного права, полного политического равенства партий, широких демократических свобод (слова, печати, союзов и т. п.). Третий его принцип — народное благоденствие — носил определенные черты утопического социализма. С. надеялся, что Китай придет к социалистическому строю, минуя капитализм.

Готовясь к вооруженной борьбе за народовластие, С. в 1924 г. реорганизовал кантонскую армию,

* В 1922 г. С. обратился к СССР за помощью, чтобы одолеть противников-милитаристов. В марте 1923 г. руководство РКП(б) и советское правительство приняло решение оказать С. финансовую и военную помощь. 16 августа 1923 г. Чан Кайши, главнокомандующий кантонской армией выехал в Москву с целью обсудить военно-политические вопросы и достичь прямой договоренности о содействии Советского правительства в строительстве вооруженных сил Китая.

создал военную школу на острове Вампу для подготовки новых военных кадров из коммунистической и гоминьдановской молодежи. Начальником этой школы был назначен Чан Кайши. Дважды С. организовал северный поход с целью свержения пекинского правительства, но оба раза неудачно.

В условиях возрастающего патриотического сопротивления пекинское правительство пригласило С. для участия в общенациональной конференции, на что он сразу согласился. Но уже в Кобэ, в конце ноября 1924 г., С. заболел. 31 декабря он прибыл в Пекин, а 26 января 1925 г. ему сделали операцию. Однако болезнь — рак печени — была неизлечима. 12 марта 1925 г. С. умер.

В сообщении консилиума врачей о его кончине говорилось: «Доктор Сунь Ятсен мирно скончался сегодня в 9 часов 30 минут утра. Вчера после полудня он отдал последнее распоряжение относительно разных дел и известил свою жену о том, что он хочет, чтобы после его смерти его тело было набальзамировано и сохранено в таком же гробу, в каком покоится тело его друга Ленина».

В посмертном завещании С. предлагал Гоминьдану крепить дружбу с СССР, сохранять единый фронт с коммунистами и развивать массовое рабоче-крестьянское движение. Он оставил также предсмертное обращение в ЦИК СССР. Похороны С. вылились в грандиозную революционную демонстрацию.

ТАН ЦЗИ-ЯО, генералиссимус Юннаня, в период Синхайской революции (1911—13 гг.) и после нее являлся губернатором Юннаня. Соратник Лян Чичао. В конце 1915 — начале 1916 г. их последователь генерал Цзян О поднял в Юннане военный мятеж, что явилось одним из более-менее значительных событий в период между Синхайской революцией и Национальной революцией (1925—27 гг.).

ТИЛЛИ ЙОГАНН-ЦЕРКЛАС (1559—1632), граф Tilly, один из выдающихся полководцев, генералиссимус Священной Римской империи.

Т. происходил из знаменитого люттихского рода, издавна проживавшего в Испанских Нидерландах. Свое детство он провел в иезуитской школе, куда был определен на воспитание. Именно иезуиты внушили будущему полководцу религиозный фанатизм. Военное дарование Т. развил в нидерландской войне, которая в то время считалась школой полководцев. Он начал свою военную карьеру в походах Александра Пармского в качестве простого солдата и выказывал большую храбрость, необыкновенную набожность и безграничную преданность воинскому знамени. Позже, в период правления императора Священной Римской империи Рудольфа II (1552—1612 гг.), Т. сражался волонтером в австрийских войсках в Венгрии и Турции, быстро продвигаясь по служебной лестнице. После заключения мира он перешел на службу к герцогу Максимилиану Баварскому, который назначил его главнокомандующим с неограниченной властью.

В этом качестве Т. провел реорганизацию баварских войск, что во многом повлияло на воинские успехи самого Максимилиана Баварского. Исходя из боевого опыта, Т. понимал ненадежность наемных войск и задумал осуществить мысль о регулярной армии. По его плану все взрослое население Баварии призывалось к оружию. Т. установил следующее разделение: дворянство поступало на службу в кавалерию, а из крестьян и горожан формировались пехотные подразделения.

После окончания чешской войны (1620 г.) Т. было поручено командование над войсками Католической лиги, предводителем которой являлся герцог Бавар-

ский, а за победу при Белой Горе ему было присвоено звание фельдмаршала. Победа эта вновь сделала австрийского императора Фердинанда II господином всех его владений. Из мятежа в Чехии и карательной экспедиции против мятежников Германии вскоре возникла война, распространившаяся на всю Европу — Тридцатилетняя война.

Фердинанд II воевал в Германии (если не считать вспомогательных испанско-нидерландских отрядов, вторгшихся в Нижний Пфальц) исключительно посредством войск Баварии и Лиги. Максимилиан Баварский вел войну в качестве главы имперской экзекуции, и Т., руководивший армией, был слугой Баварии. Продвигаясь по левому берегу Везера, он овладел всеми подходами вплоть до Миндена. После неудачного нападения на Нинбург и перехода через реку, он вторгся в княжество Калембергское и занял его своими войсками. Но, ослабив их выделением значительных отрядов, он не мог предпринять с остатками войска ничего серьезного. Сознавая превосходство противника, Т., избегал решительной схватки так же упорно, как полководец Лиги искал ее.

Как ни велика была готовность Лиги встать на защиту Фердинанда II, потому что с этим было связано ее собственное благополучие, все же трудно было ожидать, чтобы она изъявила желание осуществлять завоевательные планы императора, который добивался обеспечения прежнего могущества в Германии. Ему были необходимы собственные силы, чтобы избавиться от гнетущей зависимости от Баварии. Надежда появилась в лице Валленштейна (с.м.), самого богатого дворянина Чехии, заслуженного офицера, который предложил императору на собственные средства набрать и снарядить армию.

Фердинанд не дал этой армии ничего, кроме своего имени.

Валленштейну было поручено соединиться с войсками Лиги и вместе с Т. двинуться на датского короля. Но Валленштейн, давно уже завидовавший военной славе баварского полководца, не пожелал делить с ним успех победы в этом сражении и двинулся со своей армией в область Гальберштадта и Магдебурга, овладел Эльбой и Дессау. Отсюда он мог напасть на датского короля с тыла и, в случае необходимости, проложить себе путь в его владения.

Христиан IV понимал всю опасность своего положения, находясь между двумя значительными армиями противника. Он поспешил вступить в союз с графом Мансфельдом, который и отвлек на себя Валленштейна. Диверсия, предпринятая Мансфельдом, дала возможность датскому королю отправить часть войск в Вестфалию, чтобы занять здесь епископство Мюнстер и Оснабрюк. Чтобы воспрепятствовать этому, Т. поспешил покинуть Везер. Он разгадал намерения Христиана IV соединиться с ландграфом Гессенским и, желая не допустить этого, овладел всеми укреплениями на Верре и Фульде, а также захватил Мюнден. Вслед за этим он занял Геттинген — ключ к Брауншвейгу и Гессену, откуда отправился к Нордгейму. Но Христиан IV обеспечил эту крепость всем необходимым для долгой осады. Этим он попытался проложить себе путь в земли Лиги через Эйсхфельд и Тюрингию. Он прошел уже Дудерштадт, но Т. быстрыми переходами остановил его. Армия Т., подкрепленная несколькими полками Валленштейна, значительно превосходила силы датского короля. Во избежание боя король повернул обратно к Брауншвейгу. Баварский

полководец последовал за ним, и после 3-дневных стычек Христиану IV пришлось дать Т. сражение при деревне Луттер у Баренберга.

27 августа 1626 г. Т. одержал при Луттере важную победу, которая привела к подчинению Лигой всей Сев. Германии. Ему достались 60 неприятельских знамен, вся артиллерия, обоз и амуниция; около 4 тыс. солдат полегло на поле сражения, много солдат было взято в плен. Затем вместе с Валленштейном Т. завладел Голштинией, Шлезвигом, Ютландией. Христиан IV потерял все крепости в своих немецких владениях, кроме Глюкштадта.

После того, как на собрании курфюрстов в Регенсбурге (1630 г.) Валленштейн был смещен с поста главнокомандующего имперской армией, его преемником стал Т., который к тому времени переменял баварскую службу на австрийскую. Одновременно с этим шведский король Густав-Адольф, призванный правителями Германии на защиту их владений, начал свое триумфальное продвижение (об этом см. *ВАЛЛЕНШТЕЙН*). Густав-Адольф считал войну с австрийским императором своим монаршим долгом и пошел на нее, чтобы освободить Европу. Фердинанд и его окружение отнеслись к этому без должного внимания, не видя в шведском короле достойного противника. Имперская армия насчитывала 40 тыс. человек, почти столько же было в рядах армии Католической лиги (она, к тому же, считалась самой непобедимой в Европе). Обеими армиями командовали опытные офицеры, прекрасно знающие свое дело и закаленные в многолетних походах. Располагая такими силами, можно было не бояться появления в германских землях Густава-Адольфа.

Т. был далек от пренебрежения к своему сопернику. «Король Шведский, — говорил он на собрании

курфюрстов в Регенсбурге, — это враг, наделенный великой мудростью и такой же храбростью, закаленной в войне, находящийся в расцвете сил. Его распоряжения превосходны, его средства немалы; сословия его страны выказали ему чрезвычайную преданность. Его армия, состоящая из шведов, немцев, ливонцев, финнов, шотландцев и англичан, благодаря слепому повиновению объединена в одну нацию. Это такой игрок, что не потерять в игре с ним — уже значило бы выиграть слишком много».

Армия Густава-Адольфа была немногочисленна, но превосходно дисциплинирована, закалена суровым климатом и долгими походами, приучена в польской войне к победам. Истощенная за время 8-летней войны Швеция была беззаветно предана своему королю. Но лучший залог успешного исхода своих замыслов Густав-Адольф находил в самом себе. Он был одним из лучших полководцев своего времени и храбрым солдатом того войска, которое знал. Хорошо знакомый с тактикой греков и римлян, он создал усовершенствованное военное искусство, ставшее впоследствии образцом для величайших полководцев. Большие неповоротливые эскадроны он уменьшил чтобы придать движениям кавалерии большую легкость и быстроту; с той же целью он увеличил расстояние между батальонами. Густав-Адольф располагал свою армию не одной линией, как это делали до сих пор, а двумя. Т. обр., если первая шеренга начинала отступать, то могла наступать вторая. Недостающую численность конницы шведский король восполнял тем, что между кавалеристами выставлял пехотинцев; это очень часто предопределяло исход сражения в его пользу. И вообще, о значении пехоты в бою Европа впервые узнала от шведского короля-полководца.

Вся Германия удивилась дисциплине, существовавшей в войсках Густава-Адольфа: любое проявление распутства преследовалось самым строгим образом, но более всего — богохульство, грабежи, азартные игры и поединки. Сам король-полководец все тяготы военной походной жизни переносил наравне с последним рядовым пехотинцем из своей армии.

Т., не проигравшему еще ни одного сражения, победителю Мансфельда, Христиана Брауншвейгского, маркграфа Баденского и короля Датского суждено было, наконец, в лице Густава-Адольфа встретить достойного противника. И как только стало известно о почти триумфальных победах шведского короля в Бранденбурге и Померании, Т. быстро объединил вокруг себя императорские войска, рассеянные по всей Германии. В середине зимы он появился во главе 20-тысячной армии у Франкфурта-на-Одере. Здесь к нему присоединились остатки войск Шаумбурга. Т. усилил отряд Шаумбурга и поручил ему оборону Франкфурта-на-Одере, а сам поспешил в Померанию, чтобы спасти Деммин и освободить Кольберг. Но еще до перехода к этим населенным пунктам Т. стало известно, что Деммин, неумело защищаемый герцогом Савелли, был сдан шведскому королю. Та же участь постигла и Кольберг, державшийся на протяжении пяти месяцев. Пути в Переднюю Померанию теперь были заняты неприятельскими отрядами, а лагерь Густава-Адольфа, расположенный у Шведта, противостоял всем атакам. Т. вынужден был отказаться от своего первоначального плана — вести наступательную войну — и двинулся назад по Эльбе с целью осадить Магдебург.

Как только Т. начал отводить свои войска, швед-

ский король тут же снялся с лагеря в Шведте и выступил к Франкфурту-на-Одере. Этот город был слабо укреплен, однако Т. оставил в нем солидный гарнизон — 8 тыс. человек. И все же он не сумел противостоять Густаву-Адольфу: после энергичного наступления шведской армии на третий день город был взят штурмом. Уверенные в победе шведы дважды отвергали капитуляцию города. Это было ответом на действия Т., который, захватив в марте 1631 г. Нейбранденбург, жестоко расправился со шведским гарнизоном. Густаву-Адольфу пришлось уступить ярости и безумству своих солдат и отдать город на трехчасовой грабеж.

После захвата Франкфурта-на-Одере шведский король двинулся против Ландсберга на Варте, а Т. предпринял попытку отвоевать город. Но после безуспешной попытки был вынужден отойти к Магдебургу и продолжить начатую осаду. За короткое время армия Т. захватила все внешние укрепления. Фалькенбергу, шведскому офицеру, которого Густав-Адольф прислал городу в помощь на время осады и назначенного его комендантом, пришлось стянуть в город все гарнизоны взятых укреплений и разрушить мост на Эльбе. Но войск для защиты обширной крепости все равно не хватало. Фалькенбергу пришлось предместья Зуденберг и Нейштадт уступить Т., который немедленно превратил их в пепел. Паппенгейм отделился от основных сил Т. и перешел при Шёнебеке через Эльбу. В его планы входил подступ к городу с другой стороны.

Ослабленный стычками в наружных укреплениях гарнизон едва насчитывал 2 тыс. пехоты и несколько сотен кавалерии. Для восполнения численности гарнизона вооружили даже горожан. Это принесло впоследствии больше вреда, чем пользы:

посредственные воины довели город до гибели. Богачи высылали на стены города свою челядь, а сами роскошествовали в своих домах. Это вызвало бурное недовольство простых горожан. Многие из них начали раскаиваться, что пошли на дерзость против императора. Лишь надежда на скорую помощь шведов заставляла не отказываться от борьбы. Т. был хорошо осведомлен о намерениях Густава-Адольфа относительно Магдебурга. Поэтому ему нужно было овладеть городом как можно скорее. На несколько предложений о добровольной сдаче он получил категорический отказ, а смелая вылазка горожан показала ему, что мужество осажденных нисколько не охладело.

Тем временем солдаты Т. уже подвели свои траншеи до окружавшего город рва. Соорудив насыпи, они расставили на них батареи и открыли огонь по крепостным башням. Одна из них оказалась совершенно разрушена, но упала не в ров, а набок, прислонившись к валу. Несмотря на непрерывную бомбардировку, вал пострадал мало. Осаждавшим не удалось также устроить в городе пожар: раскаленные ядра смелые защитники крепости успевали потушить прежде, чем происходило возгорание. Однако запасы пороха в Магдебурге закончились, и крепостные орудия очень скоро перестали отвечать на залпы осаждавших. Дух защитников города начал падать.

9 мая обстрел крепости неожиданно прекратился. Пушки были сняты с батарей и увезены, а в лагере воцарилась полная тишина. Измотанные долговременной осадой горожане потеряли бдительность, на что очень рассчитывал Т. Большинство часовых и солдат покинули свои посты на валу, чтобы, наконец, спокойно выспаться. Но доро-

го обошелся им этот сон и страшно было пробуждение.

Окончательно отказавшись от надежды взять город измором, Т. решил снять осаду, но предварительно испробовать общий приступ. Трудности были чрезвычайно велики, так как до сих пор не удалось сделать ни одной брешы в стенах. Укрепления были почти недоступны. Военный совет, собранный Т., высказался, однако, за приступ. Офицеры при этом ссылались на пример Маастрихта, который был взят штурмом рано утром, когда горожане удалились на покой. Приступ решено было начать с четырех сторон. Вся ночь с 9 на 10 мая прошла в приготовлениях. Когда все было закончено, ждали условного пушечного выстрела в 5 часов утра.

Но выстрел раздался двумя часами позже: Т. не был окончательно уверен в успехе. Он снова созвал военный совет. Паппенгейм получил приказ штурмовать укрепления предместья Нейштадт. Ему должны были помочь отлогий вал и сухой, не слишком глубокий ров. Поскольку часовые с крепостных стен ушли спать, Паппенгейму без особого труда удалось первым подняться на вал.

Услышав мушкетные выстрелы, Фалькенберг бросился с кучкой солдат из ратуши к нейштадтским воротам, но там уже был неприятель. Потерпев неудачу здесь, комендант помчался в другую сторону, но и там уже взбирался на вал другой неприятельский отряд. В самом начале боя Фалькенберг погиб, сраженный вражеской пулей. Город и крепость остались без коменданта. Разбуженные пальбой горожане еще пытались оказать сопротивление коварному противнику, но у них уже не было коменданта, не было кавалерии и не осталось пороха. Однако упорное сопротивление продолжалось до

тех пор, пока четыре имперских полка, овладев валлом, не напали на город с тыла и не довершили его поражение. Еще до полудня все укрепления были взяты, и Магдебург полностью перешел в руки Т. Два слова полководца довершили участь города: он отдал его на разграбление своей армии.

Более других свирепствовали валлоны из войска Паппенгейма и банда хорватов. Ни невинное детство, ни беспомощная старость, ни юность, ни пол, ни положение, ни красота не способны были остановить ярость победителей. Женщин насиловали на глазах их мужей, дочерей — у ног их отцов. В одной церкви нашли 53 обезглавленные женщины. Хорваты забавлялись тем, что бросали детей в огонь, и валлоны Паппенгейма закалывали младенцев у груди матерей. Некоторые офицеры Лиги, возмущенные подобным кощунством, позволили себе напомнить графу Т., что следовало бы прекратить резню. «Придите через час, я посмотрю, что можно будет сделать, — ответил им Т. — Надо же вознаградить солдата за его труды и за опасности».

Город сожгли дотла, в огне погибло более 20 тыс. человек. Воздух настолько накалился, что невыносимый жар заставил жестоких победителей искать убежища в лагере. Но менее чем через 12 часов они опять вернулись, чтобы среди пепла искать сокровища. Лишь въезд в город Т. (14 мая) положил конец грабежам и насилию, а всем, кто успел до того времени спастись, была дарована жизнь.

Весть об ужасной участи Магдебурга исполнила радости всю католическую Германию и повергла в страх ее протестантскую половину. Из Магдебурга Т. был направлен против епископа Бременского, который являлся членом Лейпцигского союза и набирал солдат. Узнав о приближении Т., епископ по-

спешил уступить ему и подписал отмену лейпцигских постановлений.

Напуганные участием Магдебурга, по всей Германии мятежные курфюрсты отрекались от своих замыслов. И только два правителя — курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский — решили действовать заодно с Густавом-Адольфом. Когда Т. получил отказ курфюрста Саксонского от вооружения, он прошел с 25-тысячным войском по всей Саксонии с опустошительным походом. Курфюрст в панике бросился за помощью к шведскому королю.

Не успев уничтожить саксонскую армию до ее соединения со шведами, Т. решил дожидаться спешившие к нему вспомогательные войска и разбил в начале сентября 1631 г. под Лейпцигом хорошо укрепленный и выгодно расположенный лагерь. Он надеялся, что никто не сможет заставить его принять бой. Однако энергичное требование Паппенгейма вынудило Т. переменить свою диспозицию при наступлении неприятельских войск. Он двинулся влево, к холмам, тянувшимся от деревни Варен до Линденталя. У подножия этих высот армия Т. выстроилась в одну линию. Его артиллерия, расположенная по холмам, могла обстреливать всю Брейтенфельдскую равнину. Со стороны равнины и приближалась к нему шведско-саксонская армия, построенная в две колонны. Этой армии предстояло у Подельвица перейти Лобер. Чтобы затруднить этот переход, сюда был отправлен Паппенгейм с 2-тысячным отрядом кирасир. Т. строго-настрого приказал ему не ввязываться в бой. Несмотря на это, Паппенгейм завязал стычку с авангардом шведов, однако вынужден был отступить. Чтобы удержать неприятеля, он поджег Подельвиц. Но это не помешало обеим шведским ар-

миям продолжить наступление и выстроиться в боевой порядок.

17 сентября 1631 г. на Брейтенфельдской равнине недалеко от Лейпцига два величайших полководца, оба до сих пор непобедимые, подвергли себя испытанию в сражении. Но решимость оставила Т. в этот день. У него не было ни твердого решения вступить в бой, ни непоколебимой решимости избежать его.

Сражение открыла двухчасовая канонада. Со свежевспаханых пересохших полей западный ветер гнал в лицо шведам густые облака пыли и порохового дыма. Это однако дало возможность Густаву-Адольфу незаметно передвинуться к северу. Т. оставил этот маневр противника без внимания. Покинув свои холмы, он двинулся на шведов. Но, отбитый их яростным огнем, Т. подался вправо и атаковал саксонцев. Военские части саксонцев расстроились, паника охватила войско, и оно стало рассеиваться. Сам курфюрст опомнился лишь в Эленбурге. На правое крыло шведов обрушился всей силой своей кавалерии Паппенгейм, но так и не смог сдвинуть его с места. Здесь командовали войсками сам король и генерал Баннер. Семь раз возобновлял Паппенгейм атаку и семь раз она была отбита. Он отступил, в конце концов, с большими потерями и оставил поле сражения неприятелю. Между тем Т., опрокинув остатки саксонской армии, ринулся со своими полками на левое крыло шведов. Шведский король очень быстро уяснил себе положение дела, поэтому отправил для прикрытия фланга три полка. Густав Горн, командовавший здесь, оказал имперцам стойкое сопротивление, которому немало способствовала расстановка пехоты между эскадронами.

Войска Т. оказались в неприятельском полукольце. Когда его стали теснить, он вынужден был отступить через неприятельские ряды. Смятение овладело всей армией Т. Только четыре полка закаленных в сражениях бойцов оставались на поле. Сомкнутыми шеренгами они продвигались через ряды победителей и с оружием в руках достигли перелеска, где снова выстроились против шведов и продолжали биться до наступления ночи, пока их не осталось 600 человек. С ними бежали остатки армии Т. Всего же на поле боя полководец оставил 10 тыс. убитыми и 7 тыс. пленными. Сам Т. был обязан своим спасением только случайности. Изнемогая от ран, он не хотел сдаться в плен шведскому ротмистру, настигнувшему его и уже намеревавшемуся покончить с ним, как того вдруг сразила шальная пуля. Но страшнее этого было для него позорное непростительное поражение. Он допустил три ошибки: расположил свою артиллерию на холмах за армией, удалился затем с этих холмов и не препятствовал попытке шведов построиться в боевой порядок.

Т. отступил в Баварию, собрал жалкие остатки своей армии и удалился со шведского пути. Однако уже в апреле 1632 г. ему предстояло снова сойтись с Густавом-Адольфом в неравном поединке. Решив преградить шведскому королю-полководцу путь через р. Лех, Т. окопался на восточном берегу реки, у крепости Райна. Место, выбранное им для расположения лагеря, казалось неприступным. Оно было окружено тремя реками. Все мосты через Лех были разрушены, течение реки вплоть до Аугсбурга охранялось сильными отрядами. Сам курфюрст Баварский со всеми войсками, которые ему удалось собрать, заперся в лагере Т.

Вскоре на противоположном берегу показался

Густав-Адольф. Он уже захватил всю окружающую Аугсбург область по эту сторону Леха и снабдил свое войско продовольствием из нее. Дело было в конце марта, когда вода в Лехе поднялась необычайно высоко, и бешеный поток мчался меж крутых берегов. Верная смерть ожидала отчаянного смельчака в волнах реки, а на противоположном берегу зияли смертоносные жерла неприятельских пушек.

Шведский военный совет, созванный королем, удерживал его от рискованной переправы. Но решение Густава-Адольфа было непреклонно. («Как! — сказал он Густаву Горну, — через Балтийское море, через столь многие реки Германии мы могли перейти; так неужели перед таким ручьем, как это Лех, мы откажемся от своего замысла?»). Осматривая местность, король уже обнаружил, что берег, на котором он находился, заметно выше противоположного. Этим создавалось преимущество для шведской артиллерии. Густав-Адольф приказал немедленно расположить в том месте, где левый берег Леха образовывал излучину и таким образом приближался к правому, три батареи. Оттуда 72 орудия открыли перекрестный огонь по неприятелю. Эта яростная канонада заставила баварцев отойти от берега. Тем временем Густав-Адольф велел как можно скорее навести мост через Лех. Чтобы работа не была замечена, он приказал поджечь сырые дрова и солому, и густой дым долго скрывал приготовления, а непрерывный грохот орудий заглушал стук топоров. В продолжение двух часов баварцы отвечали на канонаду, но с гораздо меньшим успехом.

Т., стараясь поднять боевой дух своей армии, не думал о собственной безопасности. Наконец его настигла смерть, которую он искал. Фальконетный снаряд разбил ему ногу. Вслед за ним был ранен в

голову генерал Альтрингер. Лишенная сразу обоих полководцев, баварская армия дрогнула, а сам Максимилиан Баварский поддался уговорам умирающего Т. и отдал приказ к отступлению на Ингольштадт. Это произошло 15 апреля 1632 г. А то обстоятельство, что шведская конница нашла брод и собиралась форсировать реку, стало дополнительным аргументом для герцога Баварского к отступлению.

Вскоре после прибытия в Ингольштадт Т. умер (30 апреля 1632 г.). Перед смертью его особенно тяготило то, как вянут лавры его прежних побед. Он считал, что постигшая его длинная вереница несчастий была справедливым возмездием за Магдебург. С кончиной Т. имперская армия и армия Католической лиги потеряла незаменимого руководителя и полководца, а католическая церковь — ревностнейшего из своих поборников. Последней просьбой генералиссимуса Т., обращенной к курфюрсту Баварскому, была просьба занять город Регенсбург, чтобы сохранить господство над Дунаем и не потерять связи с Чехией.

ТРУХИЛЬО (ТРУХИЛЬО МОЛИНА) РАФАЭЛЬ ЛЕОНИДАС (1891—1961), дикта-

тор Доминиканской Республики, генералиссимус.

Жизнь и деятельность генералиссимуса Т. представляет яркий пример того, чем может обернуться для целой страны власть ничтожества, историческими обстоятельствами и волей судьбы возведенного в ранг Первого человека государства и безраздельного властелина.

Остров Гаити, восточная часть которого называется Санто-Доминго, был открыт в 1492 г. экспедицией Х. Колумба. Долгие времена он являлся собственностью Испанской короны. Лишь в 1795 г. у острова появился новый хозяин — Франция. Но уже в 1804 г. на острове начались народные волнения. Очень скоро они вылились в вооруженное восстание, результатом которого стало изгнание французов. Однако уже в 1808 г. Санто-Доминго захватили испанцы. Лишь в 1821 г. была провозглашена независимость, а 1 декабря того же года конгресс провозгласил временную конституцию. Она предусматривала включение Республики в Колумбийскую конфедерацию. Но уже в следующем году Доминиканская Республика (тогда называлась Санто-Доминго) потеряла свою независимость и была включена в состав общей Республики Гаити (совр. Гаити расположена в зап. части острова).

Так продолжалось до 1844 г., когда в результате очередных волнений в стране была провозглашена отдельная независимая Доминиканская Республика. 6 ноября 1844 г. была принята новая конституция страны, которая в своих основных положениях очень походила на конституцию США. Однако спустя семнадцать лет, в 1861 г., власть в стране перешла под юрисдикцию Испании, которая воспользо-

валась не только экономической и политической слабостью Доминиканской Республики, но и тем обстоятельством, что в США шла гражданская война между Севером и Югом. Уже в 1865 г. в стране произошла очередная революция, свергнувшая испанское господство, на этот раз навсегда.

Вторая половина XIX в. в Доминиканской Республике прошла под знаком ожесточенной борьбы различных кланов, группировок и партий за власть. В 1904 г. США положили конец бесконечным политическим распрям в стране и установили свой полный контроль над Доминиканской Республикой. В 1916 г. ее оккупировала американская морская пехота. Национальная армия была распущена. Вместо нее под контролем американцев и при непосредственном участии офицерского корпуса США была создана национальная гвардия.

В эту гвардию в 1918 г. и вступил Т. До этого он, полуграмотный телеграфист, имел среди местных жителей репутацию конокрада и контрабандиста. Место же в национальной гвардии давало 27-летнему молодому человеку не только определенную социальную защищенность, но и шансы для дальнейшей карьеры к вершинам власти. По словам одного американского журналиста, который изучал жизнь Т. и написал о нем книгу, «в нормальные времена Т., вероятно, окончил бы свое существование на виселице или просто погиб бы как безвестный сельский бандит, но американская интервенция открыла широкие возможности именно для людей подобного рода».

Национальная гвардия под патронажем американцев занималась подавлением недовольств в стране, вспыхивавших то в одном, то в другом районе. Стремление выслужиться во время проведе-

ния этих карательных операций толкало Т. на жестокости, перед которыми содрогались даже сослуживцы-каратели. И он сумел привлечь к себе внимание американских офицеров. Вначале одно за другим следуют ряд повышений Т. по службе, а затем его отправляют на учебу в американскую военную школу.

После окончания учебы Т. был произведен в капитаны. Теперь он был офицером, командиром. В 1924 г. войска США покинули Доминиканскую Республику, но на ключевых постах в государстве остались их ставленники. Американский сборщик подаей превратился в экономического диктатора страны. К этому времени сам Т. уже дослужился до чина полковника. Он занимал должность начальника штаба вооруженных сил. Но вскоре национальная гвардия превратилась в армию, а Т. стал ее командующим. Он же превратился и в опору американских экономических интересов в Доминиканской Республике.

В 1930 г. в стране произошли выборы президента. В результате умелой фальсификации выборов Т. был избран на пост президента. В стране сразу же установилась жесткая военная диктатура, вскоре превратившаяся в кровавую деспотию. Десятки тысяч недовольных его политикой были расстреляны или заключены в тюрьмы в первые же годы правления Т. Так началась злополучная «эра Трухильо», продлившаяся до мая 1961 г. Полуграмотный полковник, а в прошлом телеграфист-контрабандист, стал полновластным хозяином страны и получил возможность устанавливать собственные порядки.

За 31 год своего господства он четырежды переизбирался на пост президента при 100%-ной поддержке избирателей (в 1930—38 и 1942—52 гг. он

официально занимал этот пост). В 1952 г. номинальным президентом стал родной брат Т. — Эктор, но фактическим хозяином страны всегда оставался Рафаэль Леонидас, занимавший к тому же, пост главы вооруженных сил.

Конгресс присвоил Т. титул генералиссимуса, адмирала флота, «Благодетеля отечества», «Восстановителя независимости», «Освободителя нации», «Покровителя изящных искусств и литературы», «Первого студента», «Первого врача», «Первого учителя» и даже «Первого доктора наук».

За многие годы неограниченной власти Т. превратился в самого крупного и могущественного бизнесмена. В его руках сконцентрировались все рычаги экономического контроля в стране, — сбыт соли, мяса, табака, многие отрасли промышленности, значительная часть производства сахара, создание Доминиканской морской компании по экспорту товаров были под его контролем. Он получал 30 млн. долларов чистого годового дохода. Т. скупил все самые лучшие земли в собственной стране, а также имел недвижимость за границей. Если какой-нибудь доминиканский фермер протестовал и отказывался продавать генералиссимусу свой участок земли, то спустя несколько дней это делала его вдова.

Находясь у власти, Т. не забыл и о своих родственниках. Его братья, дети, дяди, племянники и т. д. занимали в стране посты министров, послов, депутатов, а также многие другие высокие государственные должности. Т. имел право отстранять от должности любое должностное лицо, распускать конгресс и увольнять его отдельных членов, избранных народом. В личном специальном сейфе у него хранились заранее подписанные заявления об отставке всех депутатов и сенаторов, а также высших должност-

ных лиц с печатью, в которых следовало лишь представить нужную дату.

Вся жизнь в стране контролировалась армией и полицией. Почти половина бюджета страны расходовалась на содержание «сил порядка». «Доминиканцев сажают в тюрьмы даже за жалобы на плохую погоду», — писала в одном из своих номеров газета «Таймс». Все партии и движения были запрещены, кроме партии Т. — «Партидо Доминикано». Человек, поступивший на государственную службу, автоматически становился членом этой партии и был обязан отчислять 10% своей зарплаты в качестве партвзносов.

С точки зрения Т., политика имела три аспекта: 1) дипломатический; 2) экономический; 3) внутривнутриполитический (охрана общественного порядка в стране). Диктатор-генералиссимус считал, что для достижения этих принципов годятся все средства: убийства, провокации, похищения, заточение в подземных казематах. «Тот, кто не мой друг, мой враг, и, следовательно, он за это поплатится», — любил повторять Т.

В 1946 г. сельскохозяйственные рабочие плантации «Ла Романья» осмелились объявить забастовку. Т. отдал приказ арестовать всех участников этого мероприятия. Спустя несколько дней было объявлено, что организаторы забастовки покончили с собой в тюрьме с целью избежать суда. Любой из неугодных генералиссимусу погибал в результате несчастного случая, как, например, это было с одним из министров Т. — Марреро Аристи.

В 50-х гг. много шума наделало таинственное исчезновение профессора Галиндеса. 12 марта 1956 г. профессор исчез среди бела дня в Нью-Йорке по дороге из университета домой. Родные Галиндеса, а

затем университетская администрация забили тревогу. В результате расследования, проведенного ФБР, было установлено, что профессор был похищен агентами спецслужбы Т. и по дороге домой был либо сожжен в топке парохода, либо выброшен за борт на съедение акулам. Таким образом Т. считался с ним за изданную в США книгу Галиндеса, в которой профессор подавал нелицеприятный портрет генералиссимуса.

Не менее кощунственно поступили и с лидером коммунистического движения Доминиканской Республики Фредди Вальдесом. Его затащили на горную вершину, обвязали вокруг шеи веревку и столкнули в пропасть. С умопомешательством его вернули в тюрьму, где лишь спустя несколько лет 27 января 1950 г. он был повешен.

Несмотря на жестокие расправы, число недовольных в стране росло год от года. В 1954 г. бастовал 20-тысячный коллектив одного из сахарных предприятий, а в 1956 г. даже вспыхнуло вооруженное восстание, которое было жестоко подавлено. В 1958 г. с участием военных был устроен правительственный заговор. В немалой степени активизации движения сопротивления диктатуре генералиссимуса Т. способствовало то обстоятельство, что именно в это время, в конце 50-х гг., произошло падение диктатуры в Перу, Колумбии, Венесуэле и на Кубе.

14 июня 1959 г. в г. Констансе высадилась вооруженная группа доминиканских патриотов-эмигрантов. Завязался бой с войсками Т. Сам же диктатор обратился к народу и во всеуслышание объявил, что имеет место «кубинская агрессия». Была мобилизована 10-тысячная армия из резервистов. Одновременно Т. в срочном порядке стал закупать оружие и формировать «антикоммунистический иностранный

легион». Вскоре обстановка приняла такой оборот, что США были вынуждены оказать поддержку своему ставленнику. В августе 1960 г. в Санто-Доминго (столица страны) прибыли американские советники. По их рекомендации брат Т. — Эктор, оставил пост президента и подал в отставку «по состоянию здоровья». Его сменил вице-президент республики Балагер. Сам Т. был назначен представителем Доминиканской Республики в ООН (правда, туда он так ни разу и не выехал).

Однако политический кризис в стране не был решен. Конфликт лишь на время удалось притушить. После свержения диктатур в странах Лат. и Центр. Америки происходила смена политических элит. США это понимали и предложили Т. сменить правительство на новое, более респектабельное. Однако Т. не поддавался уговорам и вел интенсивные переговоры со «своими» людьми в Вашингтоне. Тем временем в условиях кризиса диктатур революционный вихрь пронесся в Бразилии, Чили, Никарагуа. Властные круги в США понимали всю бессмысленность поддержки диктатуры Т. В результате суетливых маневров госдепартамента с целью «оздоровления» обстановки в оппозиционных Т. кругах возник заговор. Операция по устранению Т. была под контролем ЦРУ. Ее проведение было назначено на 30 мая 1961 г.

В этот день Т. ехал в автомобиле в одно из своих загородных имений. По пути следования кортежа была устроена вооруженная засада. Завязалась перестрелка, в которой Т. и был убит.

Как только весть об этом попала в мировые СМИ, спецсамолетом из Парижа в Санто-Доминго прибыл сын диктатора — Рамфис Трухильо-младший. В стране тут же развернулась охота за неблагонадеж-

ными элементами. За малейшие подозрения людей хватали прямо на улицах и отправляли в тюрьмы. Страна оказалась на грани гражданской войны. Под предлогом защиты собственных граждан к берегам Санто-Доминго подошла американская морская эскадра.

Пост на время был передан в руки одного из ставленников семейства Т., а контроль за политической жизнью в стране перешел к Рамфису Т. Он же был назначен главнокомандующим вооруженными силами. Однако после непродолжительного затишья недовольство населения вспыхнуло с новой силой. Осенью 1961 г. в стране началась настоящая гражданская война. Ситуация вышла из-под контроля клана Т. 25 октября из страны бежал Эктор, а также второй брат Т. — генерал Арисменди Т. 14 ноября ее покинул и сын диктатора-генералиссимуса Рамфис. Президент-ставленник Балагер вынужден был пойти на некоторые уступки. К примеру, он разрешил своим декретом деятельность оппозиционных партий. На родину смогли вернуться некоторые оппозиционеры, в том числе и писатель Хуан Бош, лидер созданной еще в 1939 г. в эмиграции буржуазно-реформистской группировки — Доминиканской национальной революционной партии.

18 января 1962 г. Балагер был смещен с поста и президентом был объявлен Рафаэль Бонельи. Он через два месяца (в марте 1962 г.) заключил военный пакт с США о поставках вооружения, помощи в организации доминиканской армии и техническом ее оснащении. Был также внесен пункт о предоставлении займа. В результате декабрьских выборов 1962 г. президентом страны стал Хуан Бош. Он сформировал правительство и приступил к осуществлению некоторых демократических реформ, прежде всего

аграрной. Однако уже в сентябре 1963 г. в Доминиканской Республике произошел военный переворот, возглавленный генералом Антонио Имбертом Баррера. Казалось, канувшая в лету «эпоха Трухильо» продолжилась. В 1965 г. США предприняли вооруженную интервенцию в страну, результатом которой было установление государственного строя, опирающегося на буржуазию, помещичью олигархию и военщину.

ФЕРДИНАНД III ЭРНЕСТ (1608—1657), император Священной Римской империи, генералиссимус Священной Римской империи (в 1634—48 гг.).

Сын императора Фердинанда II (1578—1637) он был избран королем Венгрии, а в 1627 г. прибавил к этому титулу еще и титул короля Богемии. Однако отец, заботясь о репутации сына, который в будущем должен был стать императором, не давал Ф. активно вмешиваться в дела империи и в ходе Тридцатилетней войны (1618—48). Только в последние годы жизни отца, и особенно после убийства Валленштейна (см.), Ф. начинает выступать на военном и политическом поприще.

Смерть Валленштейна вызвала необходимость в назначении нового генералиссимуса. Император Фердинанд II вынужден был уступить настоятельным требованиям испанцев и облек этим высоким званием собственного сына, короля Венгерского и Богемского. В подчинение к нему был отправлен граф Галлас. Он-то в действительности и исполнял командование, тогда как принц Ф. лишь украшал пост главнокомандующего своими именами и величием.

Фердинанд II хотел сделать своего наследника генералиссимусом еще раньше, на собрании курфюрстов в Регенсбурге (1630 г.), перед самым вступлением на германскую землю Густава-Адольфа. Именно тогда предводитель Католической лиги Максимилиан Баварский при поддержке большинства курфюрстов потребовал от императора отставки Валленштейна. И Фердинанд II дал согласие, потому что нуждался в их поддержке для передачи престола Ф.

Тогда генералиссимусом был назначен Тилли

(см.). Фердинанд II не рискнул предоставить пост сыну, опасаясь, что неудачи в войне станут в будущем недобрым предзнаменованием для деятельности на посту императора. Когда же Валленштейн был во время заговора убит, а Тилли погиб, императору не оставалось ничего другого, как назначить сына генералиссимусом. Вскоре под его знаменами собрались значительные силы. Герцог Лотарингский лично привел к Ф. вспомогательные войска, а из Италии для подкрепления новому главнокомандующему явился кардинал-регент с 10-тысячной армией.

Чтобы вытеснить неприятельские шведские войска и их союзников с берегов Дуная, Ф. во главе многочисленной армии предпринял то, чего нельзя было никак добиться от Валленштейна, — осаду Регенсбурга. Герцог Бернгард Веймарский пытался отвлечь внимание Ф. от этой крепости и вторгся в пределы Баварии, начал опустошать землю, чтобы вынудить нового полководца к преследованию. Но Ф. продолжал с непреклонным упорством вести осаду, и после ожесточенного сопротивления имперский город открыл перед ним свои ворота.

Вскоре та же участь постигла и Донауверт. Затем Ф. приступил к осаде Нордлингена в Швабии. 6 и 7 сентября 1634 г. его армия нанесла шведам, к тому времени оставшимся без своего короля-полководца (погиб в битве при Лютцене в 1632 г.), решительное поражение при Нордлингене. После этой победы войска Ф. страшно разграбили Вюртемберг и другие земли, которые попали к ним в руки. Этот опустошительный поход был ничем не лучше тех бесчинств, которые творили войска Валленштейна или Тилли в Магдебурге.

Потеря такого количества имперских городов

оказалась ощутимым ударом по шведской стороне. Приязнь захваченных Ф. городов и земель очень много значила для шведов, и не только в плане снабжения армии. Нордлингенское поражение стоило канцлеру Оксеншерне не одной бессонной ночи в Германии. Ведь именно он сменил на посту командующего своего великого учителя и соратника короля-полководца Густава-Адольфа. Ему невыносимо было сознавать, что теперь шведы утратили свое боевое превосходство, а вместе с ним и доверие всех своих союзников. Ведь это доверие и держалось до сих пор на победах шведской армии. Теперь же, после победы Ф. при Нордлингене, намечался опасный разрыв, грозивший гибелью всего протестантского союза.

Страх, действительно, охватил протестантов. Зато Католическая лига торжествовала, восстав из прежнего глубокого унижения. Швабия и соседние с ней земли первыми испытали на себе следствия нордлингенского поражения шведов. И особенно Вюртемберг, который немало натерпелся от наводнивших его имперских войск. Все члены Гейльбронского союза трепетали при мысли о возможной скорой мести императора. Все, кто сумел бежать, укрылись в Страсбурге, а беззащитные имперские города с содроганием ждали решения своей участи.

В 1637 г. умер император Фердинанд II, и его место на престоле занял Ф. Сделал он это почти беспрепятственно, чему в значительной степени способствовала нордлингенская победа. Его популярность после нее была очень высока в стране. В качестве императора Ф. сразу стал меньше подчиняться иезуитам, к помощи которых часто прибегал его отец. Однако при всем своем огромном желании поскорее закончить затянувшуюся изнурительную

войну, последствия которой он видел воочию, Ф. долгое время не соглашался идти на уступки, даже самые скромные, протестантам.

Во время одного из переходов армии Ф. в 1647 г. едва не попал в плен к Гельмгольду Врангелю, предводителю одного из партизанских отрядов, которые наводнили земли империи. Лишь с большим трудом подоспевшие на помощь императорской охране военные части сумели отбить Ф. у неприятеля.

В 1648 г. на европейские земли пришел, наконец, мир. Император Ф. дал свое согласие на заключение Вестфальского мира, по условиям которого протестанты (реформаторы и лютеране) получили известные права, а за германскими князьями были фактически признаны права суверенных государей (что, по сути, узаконило и закрепило политическую раздробленность Германии). В продолжение долгого времени Ф. пришлось еще вести войну внутри страны, освобождая ее от разрозненных партизанских и разбойничьих шаек. Положить конец партизанскому беспределу ему удалось лишь в 1654 г.

Пребывание у власти императора Ф. III для внутренней истории государства прошло почти бесследно. Страна еще долго и после его смерти (в 1657 г.) не могла залечить раны, нанесенные Тридцатилетней войной. По воспоминаниям и отзывам современников, Ф. имел хорошее образование и был довольно неплохим знатоком музыки, сам являлся даровитым музыкантом и композитором.

ФИЛИПП I ОРЛЕАНСКИЙ (1640—1701), второй сын Людовика XIII и Анны Австрийской, брат Людовика XIV.

Вряд ли можно сказать, что Ф. родился от любви и согласия между родителями. Политические интересы государства повлияли на то, что Мария Медичи, бабушка Людовика XIV и Ф., женила своего сына, Людовика XIII, на Анне Австрийской. 14-летние молодожены 25 ноября 1615 г. провели свою первую брачную ночь, чтобы затем долгие годы быть холодными друг к другу. Общеизвестны многочисленные фаворитки влюбчивого Людовика XIII, которых поставляли ему враждовавшие между собой придворные партии с целью оказания влияния на короля. В дальнейшем эту задачу взял под полный контроль кардинал Ришелье (см.). Зная обо всех слабостях и пороках Людовика XIII, он окружил короля особым сортом шпионов из числа хорошеньких девушек и женщин и смазливых юношей, которые должны были разделять досуг с государем. Однако и у такого многоопытного политика, каким был кардинал Ришелье, случались иногда досадные промахи. Так, мадемуазель де Отфор настолько вошла в роль первой наложницы короля, что возомнила себе, будто может оказывать влияние на государственные дела. Конечно, это происходило не без помощи все тех же враждующих придворных партий.

Несмотря на строгое католическое воспитание, Анна Австрийская, самая красивая девушка той эпохи, не была чужда флирта. Ее первым духовником был Ришелье, будущий кардинал, питавший слабость к красавице-королеве. Общеизвестен также роман королевы с фаворитом английского короля Карла I герцогом Бекингемом, обыгранный в романе

А. Дюма-отца. Бекингом посетил Париж в 1625 г. и был в полном восторге от 24-летней Анны Австрийской. Своими откровенными ухаживаниями за красавицей-королевой специальный посланник английского короля шокировал весь французский двор. И в своей настойчивости он встретил неожиданную и незаменимую поддержку ближайшей компаньонки королевы герцогини де Шеврёз. Оставленная любовница Бекингема графиня Карлейль из-за женской мстительности даже согласилась стать тайным осведомителем Ришелье при английском дворе. Эта женщина известна также по «Трем мушкетерам» и литературному имени — Миледи.

В 1636 г. Ришелье подослал к Людовику XIII совсем еще юную девушку Луизу Анжелику, графиню де Лафайет, только что ставшую фрейлиной королевы. Скромная хорошенькая и набожная девушка произвела на Людовика XIII такое впечатление, что Ришелье вскоре пожалел об их знакомстве. Король не на шутку увлекся мадемуазель де Лафайет. Девушку очень скоро стали приглашать на все дворцовые приемы и даже на королевскую охоту. Все чаще и чаще Людовика XIII видели вместе с Луизой, которая охотно проводила время в беседах с королем. Но как только Людовик XIII попытался сблизиться с ней, Луиза, ревностная католичка, тут же постриглась в монахини. Таким образом она постаралась избежать участи очередной наложницы короля. Некоторое время Людовик XIII навещал ее в монастыре Сент-Мари-де-ла-Визитасьон в Сент-Антуанском предместье Парижа, пока (не без вмешательства все того же Ришелье) не наступил полный разрыв.

Последняя встреча между ними произошла 5 декабря 1637 г. Историки свидетельствуют, что

Луиза горячо убеждала короля примириться с королевой. Именно влиянию этой молодой девушки приписывается, что в тот же день, вернувшись поздним вечером в Лувр, Людовик XIII после многолетнего перерыва переступил порог спальни жены и провел там всю ночь. А спустя шесть недель Франция была извещена о беременности Анны Австрийской.

В 1838 г. родился наследник, дофин — «Людовик, богом данный». В те времена это было грандиозное событие в политической и государственной жизни Франции. В нем многие видели руку Провидения. Почти одновременно с этим подобное же событие имело место в соседней Испании. В Мадриде появилась на свет инфанта, нареченная Марией-Терезией. Даже смелые умы в то время не могли себе представить, что через двадцать лет между французским дофином и испанской инфантой будет заключен брак, который положит конец извечной вражде двух королевских домов.

Таковой была предыстория появления на свет в 1640 г. второго сына короля Людовика XIII и Анны Австрийской, Ф. Его рождение не стало предлогом для примирения родителей. Наоборот, они еще больше отдалились друг от друга. К старым обидам добавлялись новые. 40-летний король был убежден в том, что жена сознательно настраивает старшего сына против него и тоже самое будет делать с младшим, Ф. В одном из писем к Ришелье (от 10.09.1640 г.) он жаловался: «С большим сожалением должен сообщить Вам о глубоком отвращении, которое мой сын питает ко мне (имеется в виду Людовик XIV). Это отвращение так велико, что он, едва увидев меня, уже кричит так, будто его режут. При одном упоминании моего имени он ста-

новится пунцовым и заливается плачем. С тех пор как я писал Вам в последний раз, я дважды был у него в комнате, причем даже не приближался слишком близко. Но стоило ему меня заметить, как он испускал вопль». Король был уверен, что все это происки королевы. Он совершенно не понимал и даже не старался понять, что маленький ребенок точно также реагировал на любого другого малознакомого ему человека. «Я не могу видеть, как этот дегенеративный ребенок изводит ее (Анну Австрийскую) своими ласками, все время произносит ее имя, испытывая отвращение к моему. Я не могу все это выносить и потому прошу Вас, моего лучшего друга в этом мире, дать мне совет, как я должен поступить. Я хотел бы отнять у нее ребенка, увезти его в Шантильи или куда-нибудь еще, чтобы он никогда не видел ни королеву, ни всех этих женщин, которые целыми днями только и делают, что заискивают перед ним и льстят ему», — писал Людовик XIII Ришелье. Кардиналу пришлось потрудиться, чтобы отговорить короля не отправлять Анну Австрийскую в монастырь.

В 1660 г. Людовик XIV, брат Ф., дал ему герцогство Орлеанское. Ф. принадлежали также Валуа, Шартр, Немур, Монпансье. Когда Карл II продал Людовику XIV Дюнкирхен, сестра Карла, Генриетта, была выдана замуж за Ф. Однако этот брак оказался несчастливим: в 1670 г., спустя девять лет после совместной жизни, Генриетта умерла. В 1671 г. Ф. женился на Шарлотте-Елизавете, принцессе Пфальцской.

Во время Голландской войны (1672—78 гг., см. МОНТЕКУКУЛИ) Людовик XIV назначил Ф. коннетаблем французской армии, генералиссимусом, во главе которой он стоял при взятии Сент-Омера. Под

командованием Ф. французские войска одержали также победу над принцем Оранским. Завидуя военной славе своего младшего брата, Людовик XIV отозвал Ф. из армии и лишил его главного командования. До своей смерти в 1701 г. Ф. так себя больше ничем и не проявил.

ФОНСЕКА МАНОЕЛЬ ДЕОДОРО де (1827—1892), бразильский политический деятель, генералиссимус.

На военном поприще Ф. прославился очень поздно, во время Парагвайской войны (1865—70 гг.). Тогда он служил в артиллерии. Как большинство военных в государствах Лат. Америки, Ф. принадлежал к консерваторам. В 1887 г. за провинность Ф. был переведен в виде наказания из Рио-де-Жанейро в провинцию Мато-Гроссо, а в 1889 г. за регулярные нарушения армейской дисциплины либеральное министерство д'Уро Прето вовсе удалило Ф. со службы. За формулировкой «регулярные нарушения армейской дисциплины» скрывалось не что иное, как участие в политике, а именно, агитация против либерального правительства.

Увольнением со службы министр подтолкнул Ф. к тому, что тот вскоре возглавил заговор против правительства. Этот заговор был преимущественно военным: подавляющее большинство его участников были генералы и младшие офицеры. Ф. встал во главе собранного заговорщиками вооруженного отряда численностью 5 тыс. человек и совершил нападение на Рио-де-Жанейро. 15 ноября 1889 г. он овладел городом. Опираясь на недовольных политикой дона Педро (в особенности отменой рабства без вознаграждения рабовладельцев), Ф. в прокламации от 16 ноября 1889 г. провозгласил падение империи и федеративную республику. Императора он заставил подписать отречение от трона и покинуть Бразилию. Сам Ф. был провозглашен своими сторонниками президентом временного правительства. Как истинный военный, он тут же установил в стране диктатуру. Одним из своих декретов он обвещил всеобщее равное избирательное право. Однако в

этом декрете была одна маленькая, но весьма существенная оговорка: избирательное право предоставляется лишь для грамотной части населения страны. Понятно, что подобная мера была направлена преимущественно против негров-рабов, которые в подавляющем большинстве были безграмотными.

Ф. издал также декреты о введении гражданского брака, об отделении церкви от государства, об отмене обязательности уроков Закона Божия во всех учебных заведениях страны. Большая часть прежних чиновников государственных структур, особенно тех, что занимали высшие посты в управлении государственного аппарата, была снята постановлением Ф. со своих постов и заменена новыми, в основном из военных. С недовольными таким произволом он справился либо преследованием в печати, либо фабрикацией судебных дел. Выборы в конгресс страны были проведены под пристальным вниманием Ф. и его сторонников. При сильном давлении со стороны правительства Ф. это привело к тому, что большинство мест в конгрессе было занято нужными правительству людьми.

15 ноября 1890 г. Ф. открыл конгресс президентским посланием, которым возвращал ему свою власть. Однако конгресс ответил продлением полномочий правительства во главе с Ф. до выработки новой конституции страны. Был, таким образом, разыгран лжедемократический фарс, позволивший Ф. и его сторонникам удержать власть в своих руках.

24 февраля 1891 г. была провозглашена новая конституция, а на следующий день Ф. подавляющим большинством голосов конгресса избрали президентом Бразилии на 4-летний срок. Но спустя несколько месяцев у Ф. начались раздоры с конгрессом. 4 ноября 1891 г. генералиссимус и президент

распустил непослушный конгресс и назначил новые выборы. Однако принятая конституция не давала ему на это полномочий. Пойдя на нарушение основного закона страны, Ф. своим декретом ввел в стране военное положение и начал управлять государством на правах диктатора. С новой силой вспыхнули репрессии против недовольных, вчерашние друзья и соратники превращались в непримиримых врагов. Их бросали в тюрьмы, преследовали родных и близких. Ф. стремился задавить недовольство при помощи военных судов. Это не могло продолжаться долго, и в стране вспыхнуло восстание. Штат Рио Гранде до Сул провозгласил независимость. Такой пример мог привести к расколу страны. Однако восставшие сумели принудить Ф. сложить с себя президентские полномочия. Ф. сделал это 23 ноября 1891 г. и уступил место вице-президенту страны, генералу Пейхото, а в следующем (1892 г.) умер.

ФОШ ФЕРДИНАНД (1851—1929), французский маршал, генералиссимус армий Антанты в 1918—19 гг.

Ф. родился в г. Тарб департамента Пиренеи в семье гражданского чиновника. Его дед по материнской линии был офицером в наполеоновской армии. С раннего детства будущий военачальник знал историю войн великого полководца и императора не из книжек, а по рассказам непосредственного участника. Возможно, это в какой-то степени повлияло на будущий жизненный выбор самого Ф.

Первоначальное образование Ф. получил в иезуитских колледжах. Когда началась Франко-прусская война (1870—71), Ф. пошел в армию. Однако принять участие в военных сражениях и операциях ему так и не удалось. В ноябре 1871 г., после заключения мира между Францией и Пруссией, Ф. поступил в Политехническую школу. Он обладал большими способностями, однако школу так и не закончил. В том же году он снова ушел в армию, в которой ощущался недостаток офицеров-артиллеристов. Перед тем, как быть переведенным в войска, Ф. прошел курс в Школе прикладной артиллерии.

По служебной лестнице Ф. продвигался довольно быстро, и в 1885 г. в чине капитана он поступил в Военную академию. Параллельно стажирясь в войсках, он в 1887 г. закончил обучение и был снова направлен в артиллерийские войска.

В Военную академию он возвратился опять в 1895 г., но теперь уже в качестве профессора, преподавателя стратегии и военной истории. В период своей работы в академии Ф. приобрел известность как выдающийся теоретик. Его лекции «Основы войны» и «Ведение войны» оказали большое влия-

ние на подготовку кадров в самой Франции, а также в некоторых других странах Европы. Они сыграли свою положительную роль в подготовке военных кадров и штабов к войне с Германией. Эти работы Ф. были посвящены применению наполеоновской практики в современных условиях начала XX в. с использованием технического развития и оснащения армии.

В период с 1895 по 1900 г. Ф. оставался преподавателем Военной академии, а во время управления военным министерством Андре оказался на плохом счету. Новый военный министр питал неприязненное отношение к Ф., как к верующему католику и бывшему воспитаннику иезуитской школы. На три года приостановилось и его продвижение в военной иерархии чинов. Лишь в 1903 г. последовало производство Ф. в полковники при новом министре Клемансо, которому понравился националистический задор военачальника и который безразлично отнесся к его религиозным воззрениям. Поэтому в 1907 г. благодаря хорошему отношению министра следует производство Ф. в бригадные генералы и назначение начальником французской Военной академии.

В 1911 г. следует очередное повышение в звании — до генерала — и назначение командиром 13-й дивизии, а в следующем году — командиром 8-м корпусом в Бурже. В 1913 г. Ф. перебрасывают в Нанси и поручают командование 20-м корпусом. Во время Марнского сражения (5—12 сентября 1914 г.), когда объединенные англо-французские войска под главным командованием Жоффра (с.м.) остановили на р. Марна наступавшие на Париж германские войска, Ф. командовал 9-й армией. Именно эта армия была атакована 2-й и 3-й германскими армиями, сумела устоять против превосходящих сил про-

тивника, выказав большую стойкость и героизм.

Вскоре после Марнского сражения, когда начался т. н. «бег к морю», Жоффри взял Ф. к себе помощником. Ему главнокомандующий поручил согласовывать действия союзнических французской, английской и бельгийской армий. Ф. принял участие в переговорах с английским генеральным штабом (нач. Генри Вильсон) о подготовке армии и флота к совместным действиям. Все это происходило во время передвижения к Фландрскому побережью. Щекотливая задача во время величайшего кризиса, который для Англии были гораздо серьезнее Марнского, была разрешена Ф. удачно. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что Ф. был в близких приятельских отношениях с Вильсоном.

После сражения при Ипре (22 апреля 1915 г.), когда немецкие войска впервые применили газовую атаку союзных войск с применением хлора, окончательно установилась позиционная война. В это время Ф. назначается главнокомандующим северной группой французской армии и остается на этом посту в 1915—16 гг. В этот период он руководил наступательной операцией в Артуа (весной и осенью 1915 г.), а также принял активное участие в сражении на Сомме (июль—ноябрь 1916 г.).

В конце 1916 г. Ф. был снят с должности и назначен главой «Центра военных исследований» в Санли, недалеко от Парижа. Вскоре после ухода Жоффри, Ф. в начале 1917 г. был отправлен в командировку на швейцарскую границу. В мае того же года по предложению Пенлеве Ф. назначили начальником генерального штаба при военном министре. Находясь в этой должности, он в первых числах ноября 1917 г. был послан в Италию, где в

это самое время разразилась катастрофа при Капоретто и итальянская армия потерпела сокрушительное поражение.

6 и 7 ноября 1917 г. Ф. стал участником состоявшейся конференции в Рапалло, близ Генуи. На конференции было принято постановление образовать Верховный военный совет союзников (Антанты), что явилось первым шагом к объединению командования. Членами этого совета стали представители от каждой страны: Вильсон, Кадорна и Ф. Тогда же (в ноябре 1917 г.) к власти во Франции пришел Клемансо. Влияние Ф., как авторитетного военного советника по военным делам, чрезвычайно усилилось.

В конце января 1918 г. он был сверх того назначен председателем «Военного комитета союзников». В марте 1918 г., когда в ходе стремительных наступательных операций немецкие войска едва не прорвались на Амьен, на конференции в Дуллансе 26 марта было принято постановление «возложить на Ф. координацию действий союзных армий на французском фронте». Но очень скоро выяснилась незначительная эффективность этого назначения, и в начале апреля французское и английское, а затем также бельгийское, американское и итальянское правительства официально назначили Ф. своим главнокомандующим. 14 апреля 1918 г. он стал генералиссимусом союзных войск. Благодаря поддержке Клемансо, который, однако, не переставал критиковать Ф. за уступчивость английскому и американскому командованию, он сохранил пост генералиссимуса и после поражения в мае французской армии на Шмен де Дам.

В дальнейшем военная кампания, продолжавшаяся еще около 8 месяцев, поклонниками Ф. описывается, как цепь фактов, последовательно вытекав-

ших один из другого и логически разделенных на два, приблизительно равных по продолжительности, вполне законченных периода. В первом периоде (с марта по июль) немцы вели наступление на всех направлениях; Ф., сохраняя полное самообладание, дает им разбиться о свои позиции. Во втором периоде (с июля по ноябрь), дождавшись прибытия американцев, Ф. сам переходит в наступление и, ведя его методически, искусно разбивая немцев, принуждая их, в конце концов, капитулировать. Наоборот, критики Ф. указывают, что в его наступательных действиях отсутствовал маневр, и операция свелась к простому наступлению всем фронтом. Это привело к постепенному оттеснению немецкой армии на ее последнюю укрепленную позицию Антверпен—Брюссель—Намюр—Мезьер—Мец—Страсбург. Это объясняется не столько отсутствием стратегического таланта у Ф., сколько общими условиями на французском театре военных действий, а именно: скопление миллионных человеческих масс на сравнительно небольшом пространстве, сковывающим влияние позиционной войны и нагромождением всевозможной техники.

Во время тяжелых кризисов в марте и мае 1918 г., когда неприятельские войска угрожали прорваться к Кале и Парижу, Ф. сумел проявить редкую силу характера и готовность брать на себя ответственность. Это признается как его сторонниками, так и его критиками. Только благодаря этим своим свойствам он довел войну до перемирия (11 ноября) на небывало тяжелых для Германии условиях. Еще в августе, вскоре после второго сражения при р. Марне (с 15 июля по 4 августа 1918 г.), когда союзные войска под командованием Ф. обескровили наступавшие к Парижу немецкие войска генерал-фельд-

маршала Гинденбурга, а затем перешли в контрнаступление (причины см. ЖОФФР), генералиссимус был произведен во французские маршалы и избран членом Французской академии. В 1919 г. Ф. был назначен президентом Высшего военного совета и получил чин британского фельдмаршала.

28 июня 1919 г. в Версале был подписан договор, положивший конец 1-й мировой войне. Под этим договором стоят подписи представителей США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, а также Бельгии, Боливии, Бразилии, Кубы, Эквадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Хиджаза, Гондураса, Либерии, Никарагуа, Панамы, Перу, Польши, Португалии, Румынии, Сербо-Хорвато-Словенского государства, Сиамы, Чехословакии и Уругвая, с одной стороны, и капитулировавшей Германии — с другой. Условия этого договора были выработаны после продолжительных секретных переговоров и консультаций на Парижской конференции 1919—20 гг. Договор вступил в силу в начале января 1920 г. лишь после ратификации его Германией и четырьмя главными союзными державами: Великобританией, Францией, Италией и Японией. США отказались подписывать ратификацию, не желая связывать себя участием в Лиге Наций.

По Версальскому договору Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию (в границах 1870); Бельгии — округи Мальмеди и Эйпен, а также т. н. нейтральную и прусскую части Морене; Польше — Познань, части Поморья и еще некоторые территории Зап. Пруссии; г. Данциг и его округ был объявлен вольным городом; г. Мемель — передан в распоряжение держав-победительниц (в феврале 1923 г. был присоединен к Литве). В результате референдума часть Шлезвига в 1920 г. перешла к Дании,

часть Верх. Силезии — к Польше (в 1921 г.), небольшой участок силезской территории отошел к Чехословакии. Саар перешел на 15 лет под управление Лиги Наций, а его угольные шахты были переданы Франции. По Версальскому договору Германия признавала и обязывалась строго соблюдать независимость Австрии, Польши и Чехословакии. Германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 км подлежали демилитаризации. Германия также лишилась всех своих колониальных владений, поделенных между главными державами-победительницами.

Согл. ст. 116 Германия признавала «...независимость территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г.», а также отмену условий Брестского сепаратного мира и всех других договоров, заключенных уже с Советской Россией.

Биография французского полководца была бы неполной, если бы мы не упомянули о той роли, которую Ф. играл на посту генералиссимуса во время интервенции в Советскую Россию. Руководить ею Ф. был поставлен еще в ноябре 1917 г. В целях экономии французских войск, а еще больше из-за плохого знания истинной обстановки и недоверия к готовности войск воевать в условиях России, Ф. стремился использовать для интервенции войска Японии и США. Их участие для французской стороны было менее опасно с политической точки зрения, чем участие германских и английских войск. Чехословацкий мятеж (летом 1918 г.), французская экспедиция на Украину и в Крым (начало 1919 г.), миссия Жанена в Сибирь (1919—20 гг.), подавление Венгерской революции (1919 г.), миссия Вейгана в Варшаву (лето 1920 г.) во время контрнаступления

Красной Армии на Варшаву — все эти операции Антанты проводились под командованием Ф.

Ф. был в стороне от политики, поэтому не был сторонником или ярким антисоветчиком. Но как высокопоставленный военный он не мог не учитывать франко-германских противоречий. Во время Версальской конференции (1919 г.) именно Ф. диктовал тяжелые условия перемирия Германии. На этой же конференции он потребовал усиления Польши и Малой Антанты как союзников Франции против Германии и Советской России. Именно тогда закладывалась основа вскоре наступившего противостояния двух мировых систем государственного устройства, что во многом предопределило приход Гитлера к власти в Германии и возникновение т. н. «железного занавеса» на Востоке.

С именем Ф. в исторической литературе с несколько тенденциозных позиций связывается подготовка новой интервенции в Советскую Россию в 20-е гг.

ФРАНКО БААМОНДЕ ФРАНСИСКО
(1892—1975), каудильо испанского государства, испанский генералиссимус.

Ф. родился в семье потомственных военных на севере Испании. Несколько поколений его предков и родственников становились морскими офицерами. Но после Испано-американской войны 1898 г. и поражения в ней Испании у молодого Ф. не было желания и возможности продолжить семейную традицию. Он поступил в Военную сухопутную академию, а после ее успешного окончания записался добровольцем в испанский экспедиционный корпус, воевавший в Сев. Африке на территории Марокко.

Здесь Ф. очень быстро обратил на себя внимание командования, и уже в 1913 г. получил свою первую награду за храбрость. В 1915 г. он был назначен командиром бандеры (роты) марокканцев (регулярес). Это было специальное формирование, в состав которого входили туземцы, отчаянные смельчаки. Ф. со своим подразделением участвовал в самых рискованных операциях.

В 1916 г. в одной из таких военных операций он получил тяжелое ранение в живот и вынужден был на долгое время покинуть армию. Новое возвращение произошло благодаря покровительству хорошо знавшего Ф. его бывшего командира генерала Н. Ас-трая, известного испанского кондотьера. В то время он формировал испанский иностранный легион и предложил Ф. стать его помощником. Спустя некоторое время Ф. принял этот легион под свое начало. Именно в этом качестве в 1922 г. Ф. принял участие в сражении у Мелильи, где ему противостояла марокканская армия под командованием Абдель-Керима. Сражение у Мелильи стало самым ярким событием в военной карьере Ф. до 1936 г.

В 1926 г., в 33-летнем возрасте, Ф. стал генералом, что было невероятно для Испании. Он оказался самым молодым генералом Европы после Наполеона. К этому времени в Испании уже три года существовала военно-монархическая диктатура.

14 апреля 1931 г. в результате продолжительных массовых протестов и вооруженных столкновений в стране была свергнута монархия. В короткий срок и почти беспрепятственно в Испании установилась Республика. Однако вскоре начал нарастать кризис власти. Страна оказалась поляризованной на многочисленные партии, движения и группировки. Каждая из них старалась обзавестись собственными боевыми дружинами. Самые крайние движения заполнили и захватили улицы городов, на которых хозяйничали анархисты, троцкисты и коммунисты. Началась эпоха террора и массовых убийств. Обезумевшие толпы творили всевозможные бесчинства, разрушая памятники, поджигая храмы и библиотеки. К счастью для Испании, армия оставалась все это время в стороне от активной политики и не была уничтожена. Она сохраняла свою боеспособность и не разложилась под воздействием перехлестывавших через край политических направлений.

Ф. встретил провозглашение Республики лояльно. Он даже какое-то время оставался у нее на службе и жестоко подавил одно из выступлений шахтеров в Астурии. Но к лету 1936 г. молодой генерал оказался не у дел. Он забрал свою семью и отправился на Канарские острова, где стал дожидаться своего часа. Но уже в июле к нему прилетел частный самолет с английским пилотом. Он доставил Ф. предложение взять власть в Испании в свои руки и навести порядок в стране. Молодой генерал дал согласие и с присущей ему методичностью при-

ступил к делу. Спустя несколько дней в эфир был послан знаменитый пароль: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Началось восстание армии за порядок в стране. Перед Ф. встала трудная и острая проблема: как перебросить войска на континент через Гибралтарский пролив. Испанский флот для этой задачи не подходил, так как он был анархистски-красным. Ф. был вынужден прибегнуть к помощи извне. Для этого он обратился к Гитлеру. Причем, способ этого обращения Ф. выбрал самый неожиданный: генерал отправил Гитлеру записанное на киноленту послание, которое он сам же и отрежиссировал. Была записана вся семья Ф. Его малолетняя дочь произнесла заранее выученный текст с приветствием в адрес немецкого народа и закончила его словами: «Да здравствует Испания!»

Гитлер воспользовался этим призывом о помощи и направил в Испанию легион «Кондор». В это подразделение Люфтваффе входили несколько эскадрилий бомбардировщиков «Юнкерс-52» и истребителей «Хенкель-51». Войска Ф. на немецких самолетах были переброшены на континент. В стране разразилась гражданская война. В ноябре 1936 г. командиром немецкого легиона был назначен генерал-майор Хуго Шперле. 27 апреля 1937 г. самолеты легиона «Кондор» совершили налет на городок Гернику, в результате которого погибло огромное количество мирных жителей. В 1938 г., теперь уже под командованием генерал-майора Хельмута Фолькмана, назначенного в ноябре 1937 г., подразделения «Кондора» участвовали в бомбардировках Барселоны. Действия этого легиона явились генеральной репетицией 2-й мировой войны. Именно в Испании многие летчики Люфтваффе приобрели

первый боевой опыт. Гитлер считал, что Ф. должен поставить в центре Мадрида памятник немецким «Ю-52», которые спасли восстание.

Гражданская война в Испании продолжалась с 1936 г. по 1939 г. Ее последствия были ужасны. Сразу же после ее окончания Ф. начал строить монумент в Долине павших и разрешил похоронить там всех, кто погиб в этой жестокой братоубийственной войне.

Ф. всегда действовал методично, постепенно, никогда не рискуя. Сразу же после захвата власти он объявил о защите трех основных принципов: единой страны, религии и семьи. Залогом будущего процветания родины стала его политика, в которой органично сочетались консерватизм и плюрализм. Политическая стабильность в стране обеспечивалась умелым соблюдением Ф. баланса сил, входивших в франкистский блок. Ни одна из них — ни фаланга, ни альфонсисты (сторонники Бурбонов), ни карлисты (сторонники дона Карлоса) не получила в период его правления решающего влияния. Лишь в преследовании двух течений — коммунизма и масонства — Ф. был безжалостен. Ненависть к масонам у него достигла крайних пределов. Ф. даже собрал личный музей масонских знаков и символов и мог в качестве гида прочесть лекцию о значении и назначении любого из собранных предметов.

Во внешней политике Ф. был крайне осторожен. Сразу же после прихода к власти он захватил африканский порт Танжер. Он был необходим Испании для наладки постоянно действующего моста между континентом и африканским побережьем. Но в остальном Ф. не преступал роковой черты. Даже после оказанной помощи он не стал бросаться в объятия немецкого фюрера, как это сделал Муссолини,

и не вверг свою страну в пожарище 2-й мировой войны. До 1941 г. Гитлер не прекращал попыток за-получить Ф. в союзники. По дипломатическим кана-лам между двумя лидерами — немецким фюрером и испанским каудильо — назначались встречи. Но каждый раз Ф. находил повод, чтобы уклониться от их проведения. Вместе с тем, он внимательно сле-дил за теми событиями, которые разворачивались в Европе. Возможно, он уже тогда, в 1939—41 гг., по-нимал, к чему может привести экспансионистская политика Гитлера. Несколько раз для переговоров в Германию он отправлял своего зятя, министра ино-странных дел Испании Суньера, которому в Берли-не старались оказать самый теплый прием. Но Ф. не давал согласия на вступление своей страны в войну.

Наконец Гитлер не выдержал дальнейшего оття-гивания и решил поставить пред Ф. вопрос ребром. Он отправился в Испанию с официальным визитом. На перроне фюреру был оказан самый радушный прием. Но во время переговоров в ответ на простран-ные речи Гитлера испанский каудильо отвечал таки-ми же пространными хвалебными спичами. Гитлеру не удалось вызвать Ф. на откровенный разговор. На каждую его длинную речь о положении в Европе, о необходимости установления «нового порядка» про-тив коммунистов и масонов и совместных действиях в подобных условиях Ф. отвечал согласием.

Но окончательного сближения двух военных дик-татур так и не произошло. Гитлер возвращался из Испании раздосадованный и обозленный. В тот мо-мент он страшно ненавидел хитрого и расчетливого каудильо. По дороге домой он заметил в разговоре с приближенными, что скорее даст вырвать себе че-тыре здоровых зуба, чем когда-либо еще согласить-ся на встречу с Ф.

Несмотря на это, сразу же после начала войны между Германией и Советским Союзом Ф. не препятствовал добровольцам создать 250-ю голубую дивизию, которая принимала участие в блокаде Ленинграда. Лишь в 1943 г. Ф. своим приказом отозвал эту дивизию с фронта и расформировал. На Восточном германском фронте воевала также 45-я эскадрилья испанских летчиков-добровольцев. После окончания войны в 1945 г. и возвращения эскадрильи на родину Ф. приказал арестовать всех летчиков. Уже эти два примера дают иллюстрацию тому, каким тонким, чувствующим ситуацию политиком являлся Ф.

В 1945 г., после капитуляции Германии, наступил очередной тяжелый период в истории Испании и жизни самого генералиссимуса Ф. Западные демократии и Советский Союз рассматривали Испанию, как последний оплот фашизма на европейском континенте. Этот вопрос не остался в стороне ни во время проведения Ялтинской, ни во время проведения Потсдамской конференции союзников. Самым серьезным образом обсуждался вопрос о совместном вмешательстве во внутренние дела Испании и смене ее государственно-политического строя.

Но еще в 1941 г., сразу же после начала военных действий на Восточном фронте, Ф. заявил о своем нейтралитете, в 1943 г. он отозвал добровольцев голубой дивизии, а в 1945 г. заключил под стражу испанских летчиков-добровольцев. На послевоенные угрозы со стороны Черчилля и Сталина (см.) каудильо ответил своим обращением к патриотическим чувствам гордых испанцев. Перед лицом нависшей угрозы вторжения чужих войск в страну вся Испания сплотилась вокруг своего диктатора. Люди были готовы к призыву о мобилизации. В 1946 г. миру

предстала единая Испания под тем же лозунгом, что и в начале гражданской войны: единая страна, религия и семья.

За 39 лет нахождения у власти генералиссимус Ф. умело сохранял внутривластный баланс сил в стране. У него не было приближенных, из числа которых он выдвинул бы и назначил второго человека государства. Вспомним, что так было с самого начала его нахождения у власти. Даже военные при Ф. не получили привилегированного положения.

В 1947 г. Ф., наконец, решил вопрос о будущем государственном устройстве Испании. В результате многочисленных обсуждений и консультаций он остановил свой выбор на конституционной монархии. В 1949 г. между каудильо Ф. и Хуаном Бурбоном, принцем Барселонским, состоялась встреча. Они договорились о том, что после достижения дофинном 13-летнего возраста он будет отправлен в Испанию, где должен будет воспитываться под непосредственным присмотром и контролем со стороны Ф.

В 1953 г. во внешнеполитической жизни Испании произошло еще одно знаменательное событие: была, наконец, прервана международная блокада страны. Между Испанией и США был заключен договор, по

* Нынешний король Испании Хуан Карлос I Бурбон род. в 1938 г. в Риме. Образование получил в Швейцарии. В 1951 г., в возрасте 13 лет переехал в Испанию, где продолжил обучение и воспитание при попечительстве Ф. В 1975 г., после смерти каудильо, Хуан Карлос I из династии Бурбонов, внук Альфонса XIII (1886—1941), низложенного в нач. Испанской революции в 1931 г., был провозглашен королем. Продолжает править и поныне.

которому американцы получили право на строительство и использование военных баз на территории страны. В 1959 г. Испанию с официальным визитом посетил президент США Д. Эйзенхауэр. Генералиссимус Ф. подготовил прием, многое в этом приеме напоминало об арсенале минувших лет и официальных встречах Гитлера и Муссолини.

В начале 60-х гг. в Испании с разрешения Ф. начал свою деятельность католический монашеский орден «Опус Деи». Действовавший в стране на протяжении последующего десятилетия, этот орден оказал значительное влияние на развитие страны и сыграл большую роль в переходе от военной диктатуры к конституционной монархии. В 60-е гг. практически все более-менее значимые посты в управлении экономикой генералиссимус-каудильо отдал представителям ордена «Опус Деи». Воздействие «опусдеистов» не только на экономические, государственные учреждения, но и на деятельность отдельных компаний было значительным. Подобному воздействию в немалой степени способствовало понимание самим Ф. необходимости вывода страны из нищеты и экономического прозябания.

Результаты этой деятельности сказались еще при жизни Ф. А в 1979 г., уже после его смерти, доход на душу населения в Испании составил 7 тыс. долларов, что в 10 раз больше показателя 1959 г.

* «Опус Деи» (лат. «Дело Божье») — основанная в 1928 г. полуконспиративная политико-религиозная организация, ставящая своей задачей активную защиту политических и экономических интересов западных демократий от коммунистического влияния, несколько тенденциозный взгляд на этот орден.

Доходы роста благосостояния испанцев были самыми высокими в те годы. Экономический рост сопровождался также и культурным развитием в стране. И в этом отношении Ф. оставался верен себе до конца: свобода, плюрализм и гласность в испанском обществе были строго дозированными. При параллельном росте благосостояния это и привело, в конце концов, к плавному переходу от диктатуры к тому государственному устройству, которое существует в Испании и сейчас.

Генералиссимус Ф. умер в 1975 г. Перед своей смертью он завещал похоронить себя в Долине павших. Его последняя воля была исполнена. На могиле Ф. лежит плита из светлого мрамора с надписью: «Франсиско Франко», а у подножия всегда лежат живые цветы от благодарных сограждан.

ФРИДРИХ ГЕССЕНСКИЙ (1676—1751), генералиссимус Швеции (1715), король в 1720—1751 гг.

Третий сын ландграфа Карла Гессен-Кассельского, Ф. еще в юношеские годы поступил на британскую военную службу и в качестве командира гессенского вспомогательного корпуса в англо-голландской армии принял участие в войне за Испанское наследство (1701—14).

В 1715 г. Ф. вступил в брак с Ульрикой-Леонорой, единственной сестрой шведского короля Карла XII. Тогда же он был принят на шведскую военную службу в звании генералиссимуса. После смерти Карла XII (1718 г.) его жена, Ульрика-Леонора, вступила на престол. Однако вскоре она отреклась от него, и с согласия государственных чинов шведским королем был избран Ф. на условиях, которые максимально ограничили его королевскую власть (4 апреля 1720 г.). В 1721 г. в качестве короля он заключил Ништадтский мир с Россией, ставший результатом Северной войны (1700—21). По условиям этого мира Швеция вынуждена была признать присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и некоторых других территорий. Россия же обязалась уплатить Швеции компенсацию деньгами и возвратить Финляндию.

В 1741 г. Ф. объявил России новую войну. Предлогом к ее развязыванию стали претензии на результаты Северной войны. Однако истинной причиной стало подстрекательство Франции, которая в собственных интересах в то время составила план поднять на Россию Порту и Швецию и обеспечить в будущем французское влияние на российскую политику. Через своего посланника Шетарди Франция готовила дворцовый переворот в пользу дочери

Петра I Елизаветы. Поэтому в объявлении войны Швецией одной из причин указывалась борьба против иноземного правительства Анны Леопольдовны, за права Елизаветы. Сама будущая императрица дала обещание Ф. вознаградить его страну и, порвав все прежние трактаты между Россией и Австрией, Англией, Пруссией, тесно примкнула к Франции и Швеции. Но русский главнокомандующий Ласси разбил шведскую армию Ф. у Вильманштранда, а дворцовый переворот в России в пользу Елизаветы совершился раньше, чем предполагал Шетарди, и без участия шведов. Это дало возможность Елизавете отказать Ф. в вознаграждении и отвергнуть французское посредничество при переговорах со Швецией. В 1743 г. русско-шведская война закончилась невыгодным для Швеции Абоским миром.

Слабый, ленивый и безнравственный, Ф. считался одним из самых дурных королей Швеции. После смерти своего отца (1730 г.) он стал также ландграфом Гессен-Кассельским, однако предоставил управление ландграфством своему брату Вильгельму, предпочитая оставаться королем Швеции.

Ф. умер в 1751 г. бездетным. После его смерти на шведский престол вступил Адольф-Фридрих Голштейн-Готторпский.

ХУАН АВСТРИЙСКИЙ (дон **ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ**) (1547—1578), испанский полководец, генералиссимус.

Х. был незаконным сыном короля Карла V Испанского и Варвары Блуменберг (или Бломберг), дочери регенсбургского бюргермейстера. Родился в Регенсбурге. Поначалу не признанный отцом, воспитывался в Испании вдали от Мадридского двора и света. Карл V признал Х. в своем завещании сыном. Новый король Испании, Филипп II, относившийся к отцу с благоговением, призвал юного принца ко двору и отнесся к нему благосклонно. В период с 1561 по 1564 г. дон Х. провел время в университете в Алкале вместе с доном Карлосом и Александром Пермским, будущим известным полководцем. С первым из них Х. был в дружеских отношениях.

При дворе Х. приобрел всеобщее расположение по честному, прямодушному и бескорыстному характеру; по гордости и храбрости он был настоящим кастильским вельможей. При дворе на него смотрели как на возможного наследника престола в случае смерти болезненного дона Карлоса. Филипп II как будто подтверждал эти мысли, построив для дона Х. дворец и наделив его теми привилегиями, которые обыкновенно давались инфантам.

В 1568 г. Х. был назначен начальником эскадры, которая была снаряжена для наказания морских разбойников, опустошавших берега Средиземного моря. Он блестяще выполнил свою задачу, разгромив корсаров в нескольких морских сражениях. Тяготясь последующим бездельем, Х. просил у Филиппа II назначить его командующим войсками для действий против восставших в Гранаде морисков. Король сначала отказал в этой просьбе, но когда война приняла неблагоприятный для испанцев обо-

рот, вынужден был дать согласие. В 1569 г. Х. принял командование и отправился на войну. В ней он проявил самое деятельное участие и лично осаждал крепость Галеру, где засели мориски. После нескольких кровопролитных приступов крепость была взята Х. В этой войне, которую дон Х. закончил с успехом для испанского оружия, он выказал не только мужество, но и военный талант, вдумчивость и опытность в военном деле.

Быстрые успехи вскружили ему голову и развили в нем страшное самомнение. Он сделался надменным и безмерно честолюбивым: он стремился быть победителем всегда и везде, даже в обыкновенных азартных играх. Когда турки напали на Кипр, принадлежавший венецианцам, для защиты христиан на Востоке была создана «Священная лига». В ее состав вошла Венеция, папский Рим, Испания и Генуя.

В 1571 г. турки захватили Кипр. Дон Х. был назначен главнокомандующим флотом в 300 галер. Предводительствуя им, он нашел турецкий флот в гавани Лепанто, напал на него и после ожесточенного и упорного сражения наголову разбил противника. 130 турецких галер попали в руки христиан; 12 тыс. христианских рабов 7 октября 1571 г. были освобождены из неволи. Немалая заслуга в этом принадлежала Х.

Победители вернулись в Мессину, не используя результатов блестящей победы. Для дона Х. стало ясно одно: турки — плохие моряки, а они, христиане, непобедимы. Между тем Филипп II, занятый другими делами, охладил к войне на Востоке. К тому же, ревностно относившийся к своей власти, он не без подозрительности смотрел на своего брата, который искал влиятельного и самостоятельного

положения. Когда осенью 1573 г. дон Х. взял Тунис, Филипп II приказал ему снести стены города. Он не желал тратить свои средства на безнадежную защиту такого отдаленного города. У дон Х. возник план основать в этой стране, некогда завоеванной его отцом, собственное царство. Об этом он уже давно мечтал. Поэтому вместо того, чтобы разрушать стены крепости, он укрепил Тунис и окрестные города и обратился к Филиппу с просьбой признать его королем Туниса, но тут же получил отказ.

Когда дела отвлекли дон Х. в Сев. Италию, вице-короли Неаполя и Сицилии по особому приказанию из Мадрида спокойно допустили взятие турками Туниса и даже Голетты, которой испанцы владели еще со времени походов Карла V. Дон Х. был обижен, однако не протестовал. Он стал с нетерпением дожидаться другого случая, чтобы приобрести себе царство. «Кто не стремиться вперед, тот идет назад», — любил повторять он.

Прежняя сердечность во взаимоотношениях Филиппа II и Х. исчезла: нет ни одного письма его к Маргарите Пармской, в котором бы он не жаловался на Филиппа II. К тому же, в это время в характере самого дон Х. все резче начинают сказываться несимпатичные черты — черствый эгоизм, мелкое тщеславие и ложное самолюбие. Он все больше стыдился своей матери и ее семьи, хотел быть только сыном императора, несколько раз пытался заманить мать в Испанию, чтобы запереть ее в монастырь. Ее сына от законного брака дон Х. приказал коварно похитить и запрятать в такое место, чтобы его никто не нашел.

Бессердечно относился он и к своим возлюбленным, а также к своему многочисленному незаконному потомству. Будучи генерал-викарием Сицилии,

Неаполя и Милана, Х. создал далеко идущий по своим последствиям романтический план, за который с радостью ухватился папа Римский: освободить заключенную в Англии Марию Стюарт и жениться на ней.

В это самое время Филипп II призвал Х. и назначил его на очень трудный и важный пост правителя Нидерландов. Внешне очень похожий на своего отца, которого нидерландцы горячо любили, дон Х. считался ими за соотечественника. Перед самым прибытием его в Нидерланды 8 ноября 1576 г. в Генте было заключено соглашение между католическим и двумя кальвинистскими провинциями, Голландией и Зеландией, в целях изгнания испанских войск и уничтожения тех порядков, которые были заведены в Нидерландах Альбой и его преемниками. Чтобы добиться признания себя королевским наместником, Х. должен был одобрить это соглашение и обещать удаление испанских войск из Нидерландов. Принц Оранский сначала даже посоветовал арестовать Х., а потом держался в стороне и старался всячески ослабить его авторитет.

В январе 1577 г. дон Х. заключил с Генеральными Штатами Брюссельскую унию, в феврале преобразованную в «постоянный эдикт». Этот эдикт подтверждал Гентское соглашение, восстанавливал права и вольности 17-ти провинций, утверждал принца Оранского в качестве штатгальтера Голландии и Зеландии, но требовал господствующего положения для католической религии. В мае того же года Х. торжественно въехал в Брюссель и на некоторое время успел приобрести популярность. Однако ему хотелось поскорей уехать из этих Нидерландов, «от этих величайших негодяев», как он писал другу, «которые скорее им управляют, чем он ими». Он

стал просить короля заменить его кем-нибудь, а генеральным Штатам говорил, что испанские солдаты уедут из Нидерландов на кораблях и что нужно обождать с их отъездом. На самом же деле этот морской путь был нужен дону Х. для исполнения его давнего плана, от которого он так и не отказался, относительно Англии и Марии Стюарт.

Однако все случилось не так, как он задумывал: Генеральные Штаты в категорической форме потребовали скорейшей отправки солдат, а Филипп II не желал ни отставки Х., ни осуществления его английского плана. Не доверяя брату, он отправил в Нидерланды своего секретаря Эскобедо для присмотра за ним. Но подобная затея оказалась тщетной. Дон Х. сумел переубедить Эскобедо, который очень скоро не менее его самого увлекся мечтой об освобождении Марии Стюарт и завоевании Англии. Х. ступил в близкие отношения с любимцем короля Антониом Пересом, который выдавал королю все его тайны и тем самым настраивал его против принца.

Вскоре Филипп II оставил дона Х. без денег и приказал испанским войскам выйти из Нидерландов. Неудача и крушение всех его планов привела Х. в сильное раздражение. Удерживая до последней возможности испанские войска, он придумывал планы, один безумнее другого: то он хотел со своим маленьким войском направиться во Францию против гугенотов и в союзе с Гизами захватить короны Франции и Испании, то задумывал отправиться в Испанию и, пользуясь болезненностью короля, захватить правление королевством в свои руки. Параллельно он продолжал тайные сношения с Италией и, вопреки воле испанского короля, вел переговоры с Елизаветой Английской, чтобы через брак с ней получить английскую корону.

Филипп II окружил своего брата бесчисленными шпионами и знал даже про самый малейший его шаг. Но при этом он сходиллся с ним в одном — в желании избавиться от принца Оранского. Дон Х. неутомимо занимался разработкой проектов о способах уничтожения ненавистного врага, но не находил подходящего исполнителя своей воли. Генеральные Штаты перестали обращать внимание на королевского наместника; Голландия и Зеландия отказались признать «постоянный эдикт»; принц Оранский старался опять вызвать войну в Нидерландах.

Положение Х. становилось все тягостнее. В больших городах даже чернь не только оскорбляла его и его свиту, но и открыто нападала на его окружение. Для обеспечения своих действий Х. отправил Эскобедо в Мадрид с поручением настаивать на возвращении испанских войск в Нидерланды, а также на выделение денег. «Тогда уж я запою другую песню мятежникам», — писал он в письме 8 августа 1577 г., адресованном Маргарите Пармской.

24 июля 1577 г. дон Х. внезапно овладел крепостями Намюром и Шарльмоном, образовав тем самым надежный оплот, всецело принадлежавший королю. Для самого Х. это имело, однако, неожиданные последствия: католическое дворянство отшатнулось от него и перешло на сторону Генеральных Штатов, которые потребовали немедленного отзыва Х. в Испанию. Король предложил на его место назначить Маргариту Пармскую, но Генеральные Штаты призвали в генерал-губернаторы эрцгерцога Матвея и заключили союз с королевой Елизаветой Английской. Собственной властью Х. ввел опять испанские войска в Нидерланды и 31 января 1578 г., при Жамблу, наголову разбил

нидерландские войска. Его же потери при этом не превысили и 10 человек. Большая часть Фландрии, Брабант и Геннегау были в руках победителя, который рассчитывал очень скоро захватить и столицу. Однако для этого дону Х. нужны были деньги и разрешение короля («Денег и Эскобедо, Эскобедо и денег!» — писал он в то время в каждом письме).

Филипп II, однако, не хотел доверять ему деньги, а Эскобедо, как государственный преступник, был казнен 31 марта 1578 г. по приказу короля. С этого момента дела в Нидерландах стали идти все хуже и хуже. Елизавета Английская и пфальцграф Казимир привели в помощь кальвинистам 50-тысячную армию. У дона Х., между тем, имелось только 17-тысячное войско. Он предпринимал невероятные шаги, чтобы не быть задавленным надвигающимися со всех сторон врагами. Покинутый королем, своим родным братом, в горьком сознании неудавшейся жизни и полного разгрома всех желаний, он легко поддался заразной болезни, свирепствовавшей в его войске, и умер на 32 году жизни.

ЧАН КАЙШИ (ЦЗЯН ЦЗЕШИ) (1887—1975), глава гоминьдановского режима (с 1927 г.), генералиссимус.

Родился 31 октября 1887 г. в Цикоу. Провинция Чжэцзян принадлежала к наиболее богатым в Китае, где население занималось земледелием — зерновые, чай, хлопок. Дед Ч. был первым из своего рода, который изменил установленный порядок и занялся торговлей. После смерти отца Ч., дети его матери (третьей жены покойного супруга) уравнились в правах с детьми от старших жен. Ч. женился в 1901 г., в возрасте 14 лет, по желанию матери. В 1909 г. родился Цзян Цзинго.

В 1903 г., 16-летний Ч. впервые покинул родительский дом. Сначала он учился в школе в уезде Фынхуа, а с 1905 г. — в школе Восточного Чжэцзяна. Здесь он познакомился с основополагающими догмами традиционной китайской философии, призванной служить интересам цинской династии, представители которой были выходцами из покоривших Китай в XVII в. маньчжуров. Молодого Ч., как и его сверстников, учили мыслить не самостоятельно, а соответственно высказываниям «совершенного мудреца». Радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желание — вот 7 природных влечений человеческого сердца; отец должен быть ласков, а сын — покорен, муж должен быть верен, а жена — послушна, старший должен быть снисходителен, а младший — послушен, государь должен быть человеколюбив, а чиновник — предан — таковы справедливости. Почитались: «небо, земля, государь, родитель и учитель».

* Иероглиф «цин» означает «чистый, светлый».

Мать Ч. надеялась, что его душа будет «водворена на светлый путь» (на языке буддистов — войти в «праведный плот») и что жизнь его будет озарена священным светом Будды.

Судьба готовила Ч. военную карьеру, к которой в Китае из-за опустошительных нашествий и разрушительных войн всегда относились с пренебрежением. Однако старшее поколение стремилось поднять авторитет военного мундира, передать своим слушателям знания о войне. В первых военных училищах Китая, где обучение строилось в основном по немецкой модели, наметилось преобладание японского влияния (после победы Японии на Дальнем Востоке в 1905 г.). К тому же, стоимость поездки в Японию была значительно ниже, чем стоимость поездки в Европу.

С мечтой о военной карьере Ч. выехал в Японию. Но там его ждало разочарование: в военную академию принимали только по рекомендации ведомства китайского правительства. Не торопясь уезжать на родину, он принялся за изучение японского языка. Именно в этот период жизни он познакомился с известным среди денежных королей подпольного мира Шанхая Чэнь Цзимэем. Знакомство это впоследствии повлияло на политическую деятельность Ч.

Вскоре Ч. вернулся в Китай, но пробыл там недолго. В 1906 г. военное ведомство объявило набор кандидатов на краткосрочные курсы при Баотянской военной академии. Ч. стал одним из 60 кого приняли в это учебное заведение, выдержав схватку с 1000 претендентов. Он показал себя с хорошей стороны и зимой 1907 г. поехал продолжать учебу в Японию.

Программа обучения была рассчитана на 3 года. В декабре 1910 г. выпускники получили направле-

ние на Север, в Такада, для прохождения службы в японской армии в качестве кандидатов в военную академию. Ч. был зачислен в 19-й полк 13-й дивизии полевой артиллерии. Здесь он восторгался фанатичной преданностью японских солдат, которые в любую минуту были готовы пожертвовать жизнью во имя императора.

Хотя китайским военнотружущим запрещалось заниматься какой-либо общественной деятельностью, молодые люди не могли пройти мимо популярных в то время политических влияний. В Японии уже тогда активно действовала созданная Сунь Ятсеном (с.м.) Китайская революционная лига. Ч. стал членом этой организации благодаря содействию Чэня Цзимэя. Он дал клятву верности революционному долгу, как это делали все, кто становился членом Китайской революционной лиги.

Весной 1911 г. Ч. прибыл на каникулы в Шанхай, где Чэнь Цзимэй учредил в 1908 г. тайное общество содействия революции в Цзянсу и Чжэцзяне. В этот момент по всей стране происходят революционные волнения. Целью повстанцев было свержение цинского правительства. В 1911 г. Ч. снова возвращается в Шанхай, получив известие от Чэня о восстании в Ухане. Первое его поручение касалось военной операции в Ханчжоу. Сюда Ч. приехал с новыми рекрутами. Почти 100 готовых пожертвовать жизнью храбрецов были вооружены в основном традиционным оружием, в том числе бамбуковыми палками. Но уже тогда Ч. проявил свои полководческие способности, сумев направить действия своего отряда в правильное русло. Повстанцам сопутствовала удача: в плен попал маньчжурский губернатор провинции Чжэцзян.

В Шанхае революция развивалась почти бес-

кровно. Чэнь Цзимэй, покровитель и друг Ч., был назначен губернатором города, а сам Ч. стал командиром полка. Но ненадолго, так как в ближайшее время он решил покинуть Китай и вернуться в Японию, чтобы продолжить учебу. Однако, не желая быть в стороне от бурно развивающихся событий, он собирает бригаду из представителей различных слоев общества (в т. ч. шанхайских гангстеров, членов подпольной организации «Зеленых»). Теперь, имея собственное вооруженное формирование, он получает возможность занять законное место среди представителей военной знати.

29 декабря 1911 г. конференция восставших провинций назвала Сунь Ятсена временным президентом Китайской республики. В августе 1912 г. Ч. отложил поездку в Германию, где он хотел продолжить обучение военному искусству, и устремился в Шанхай. Здесь создавалась Национальная партия — Гоминьдан. Чэнь Цзимэй был ближайшим соратником Сунь Ятсена. Он занял пост главы управления делами новой партии. Лидер Гоминьдана призвал к вооруженной борьбе с диктатором Юань Шикаем (см.), который стремился к возвращению монархии в стране. Ч. поддержал это воззвание и стал активным участником антипрезидентского движения. Здесь он проявил себя как военный специалист, представив план овладения арсеналом в Шанхае, который представлял собой крупный военнотехнический комплекс, расположенный на берегу р. Вампу, и включал в себя верфь для строительства военных судов, оружейный завод и литейную мастерскую для изготовления артиллерийских снарядов. Ч. дважды руководил взятием этого важного пункта, но дважды это предприятие проваливалось.

С 1921 г. Ч. проводил большую часть времени в

Шанхае. Здесь он сблизился с крупным финансовым деятелем Чжан Цзинцзяном, который заинтересовался молодым офицером, получившим военное образование в Японии. Чжан Цзинцзян, связи которого простирались до Парижа, привлек Ч. к работе шанхайской биржи. Таким образом Ч. получил возможность познакомиться с механизмами жизнедеятельности нелегального мира Шанхая. Он не проявлял особого интереса к политическим событиям, происходившим в стране. Посещение биржи, однако, удавалось совмещать с обязанностями инструктора военной академии. Доходы его не были большими, но хватало и на развлечения, и на помощь семье. К этому времени относится рождение второго сына Ч. — Чан Вэйго*.

В мае 1921 г. Сунь Ятсен принял на себя обязанности президента Кантонской республики (республика оппозиционного Юга). Пост министра внутренних дел занял Чэнь Цзюньмин, в недалеком прошлом командовавший Кантонской армией. Ч. также было послано приглашение занять пост при правительстве. Однако он не согласился, так как был в весьма натянутых отношениях с Чэнем Цзюньмином.

Сунь Ятсен стремился объединить страну под национальными знаменами; в его мечтах маячила идея возвышения ханьской нации. Он направил очередное письмо Ч., чтобы включить его в активную работу партии, но снова получил отказ. Чэнь Цзюньмин тоже недолюбливал Ч. и даже открыто давал об

* В то время распространялись предположения о том, что Чан Вэйго — приемный сын Ч., плод любовной связи одного из его друзей и японской девушки из Чайного домика.

этом знать. Министр внутренних дел вел открытую борьбу также и с президентом Кантонской республики. Придерживаясь федералистских взглядов, он добивался смещения Сунь Ятсена и метил сам на место президента. А тот был в весьма невыгодном положении, проводя политику экспроприации богатей: он реквизировал их собственность и задавил налогами. Поэтому купцы поддержали военного министра.

16 июля 1922 г. Чэнь Цзюньмин отдал приказ 2-й дивизии атаковать резиденцию президента в Кантоне. Он обещал своим головорезам за голову Сунь Ятсена 200 тыс. долларов и три дня свободных грабежей. Президент, поставленный в известность о путче, согласился на побег. Командующий флотом пригласил президентскую чету, а также верное Сунь Ятсену окружение на крейсер «Юнфэнь», который последовал по фарватеру р. Вампу. Борьба с мятежниками длилась 50 дней. Ч. был вынужден присоединиться к Сунь Ятсену, так как опасался за свое положение: у него не было армии, а Чэнь Цзюньмин его недолюбливал. Президент теперь полагался только на Ч., чтобы вернуться в Кантон. Пока они укрылись на территории французской концессии.

По поручению Сунь Ятсена Ч. отправился в Фуцзянь для установления контакта с аньфуистскими генералами. Переезжая с одного места на другое, он умело спекулировал именем президента, ставшим магическим для многих китайцев. После захвата Фунчжоу Сунь Ятсен назначил главнокомандующим одного из левых лидеров Гоминьдана Сюй Чунчжи, а начальником штаба — Ч. В январе 1923 г. генерал Чэнь Цзюньмин, не устояв перед единым фронтом армии президента, гуалсийских и юнь-

наньских войск, был вынужден покинуть Кантон. 21 февраля туда вернулся Сунь Ятсен.

16 августа молодой генерал Ч. по поручению президента отправился в Советский Союз. Перед ним стояла задача: обсудить военно-политические вопросы и достичь прямой договоренности о содействии советского правительства в строительстве вооруженных сил Китая. Посланник Гоминьдана прибыл в Москву 2 сентября и пробыл там около трех месяцев. Результатом посещения СССР стала договоренность о содействии советского правительства в создании в Китае военной школы.

Учебное заведение разместилось на острове одного из главных рукавов Янцзы — р. Вампу. В начале 1924 г. Блюхер представил проект по организации Специальной военной школы, а в июне она открылась. Начальником ее был назначен Ч.

В начале июня 1924 г. в Кантоне вспыхнул контрреволюционный мятеж. Военные действия против мятежников возглавил сам Сунь Ятсен. Победа над «бумажными тиграми» (отряды, созданные после революции 1911—13 гг.) упрочила положение кантонского правительства. 1 июля 1925 г. было провозглашено Национальное правительство Китайской республики.

Незадолго до этого, 12 марта 1925 г. умер лидер Гоминьдана Сунь Ятсен. Возник вопрос о преемнике. Ч. в то время еще не пользовался популярностью среди соратников по партии и, к тому же, проявлял относительное безразличие к политическим делам. Но после смерти Сунь Ятсена он впервые задумался о прелестях реальной власти. Однако он понимал, что его время еще не пришло; нужно было сначала подготовить почву для будущего возвышения и ждать подходящего момента.

Такой момент представился. 20 августа 1925 г. был убит министр финансов национального правительства Ляо Чжункай, который по представлениям соратников по партии должен был стать лидером китайской революции. Еще не успели отдать последние почести Ляо Чжункаю, как на заседании ЦИК Гоминьдана был поставлен вопрос о руководителе партии. Среди претендентов назывался Ван Цзинвей (известный публицист партии), Ху Хуньминь (последователь Сунь Ятсена в области теории и революционной деятельности) и главком кантонской армии Сюй Чунчжи. На Ч. смотрели пока как на «темную лошадку». Однако события развивались стремительно и в его пользу. Расследование заговора против Ляо Чжункай показало, что среди его участников был брат Ху Хуньминя. Под арест попали 17 военачальников, а сам претендент на лидерство в Гоминьдане был отправлен в «почетную ссылку». Ч., выступая перед аудиторией, заклеил окружение Ху Хуньминя как врагов народного благоденствия и предателей партии. События, связанные с убийством Ляо Чжункай, позволили ему использовать идею «контрреволюционного заговора» для устранения конкурентов и для упрочения позиций в Гоминьдане.

На пути его оказался Сюй Чунчжи — военный министр Национального правительства и главком кантонской армии, который открыто его ненавидел. 20 сентября верные Ч. курсанты из Вампу окружили и разоружили преданные Сюй Чунчжи силы. Последнего сняли со всех постов, выдворили из провинции и направили в Шанхай. Таким образом, Ван Цзинвэй достались все политические посты в партии, а Ч. — военные. Теперь Ван Цзинвэй оказался на пути Ч. к абсолютной власти в правительстве и

партии. Ч. не бросался в политические схватки сломя голову, в предпочитал действовать медленно, потихоньку продвигаясь по ступенькам карьеры. Не разделяя взглядов коммунистов, Ч. больше тяготел к великодержавной идее исключительности китайской нации.

Дисциплина в армии была далека от идеальной. Младшие чины и высшее командование не были ревностными поборниками революционных идей. В гоминьданскую армию их приводила исключительно жажда обогащения. Но и главнокомандующий тоже был не прочь поживиться. Правительство отпускало немалые средства на содержание армии.

Ч. готовился к заговору, опасаясь усиления коммунистических идей в Китае. Настал день, когда войска мятежников, руководимые Ч., окружили плотным кольцом место пребывания советников из СССР; охрана была обезоружена. Среди арестованных оказалось 25 человек из кадрового состава военной школы в Вампу. Затем подвергся нападению штаб профсоюзов, лидеры которого были арестованы, а стачечный городской комитет — разоружен. С целью поддержания напряженности Ч. ввел в городе комендантский час. Вооруженные отряды, подразделения полиции, уличные патрули прочесывали город; то тут, то там происходили внезапные обыски. В сельских районах полиции расправлялась с вожакими. Вскоре был устранен с поста главы Кантонского правительства Ван Цзинвэй. Несмотря на то, что его пост временно занял Тань Янькай, вся полнота власти фактически перешла к Ч.

Ч. оказался перед трудноразрешимой дилеммой: как использовать сотрудничество с СССР и КПК для создания современной армии и в то же время ограничить влияние коммунистов в Гоминьдане. Он

нашел выход в балансировании между различными группировками.

15 мая 1926 г. Ч. осудил попытки коммунистов разжечь гражданскую войну в стране и предложил специальную резолюцию «О приведении в порядок партийных дел». Пленум ЦИК Гоминьдана запретил КПК выдвигать своих членов на какие-либо руководящие посты в центральном аппарате Гоминьдана; им предоставлялось право занять не более 1/3 должностных мест. Но Ч. не мог пока порвать с единым фронтом, с КПК, с СССР. Он не только полностью отстранил левых, но и ради Северного похода пожертвовал некоторыми своими соратниками справа.

1 июля 1926 г. Кантонское правительство опубликовало манифест о Северном походе. Ч. был назначен главнокомандующим всеми выступившими в поход войсками, который был назначен на 9 июля 1926 г. До 100 тыс. человек, объединенных под знаменами НРА, двинулись на Север. Им противостояли силы противника численностью до 700 тыс. человек. Победы достигались лишь благодаря невиданному подъему освободительных настроений в народе.

После победы в Хунани и захвата Чанша Ч. возглавил восточную колонну НРА, которая после освобождения Наньчана должна была двинуться к Шанхаю и Нанкину. Эти силы продвигались в Центральный Китай к уханьскому трехградью — Учану, Ханькоу и Ханьяну. Оборону учанского рубежа возглавил цинский генерал У Пэйфу. Основные надежды здесь Ч. возлагал на 2-ю дивизию Вампу и дивизию 7-го корпуса. Но попытки войти в Учан оказались безрезультатными. Осада велась больше месяца, штурм следовал за штурмом. Добровольцы, словно пантеры, бросались на высокую толстую сте-

ну, карабкались по бамбуковым лестницам, в то время как их товарищи заполняли крепостные рвы своими телами. Со стен сыпались камни, лилась горячая смола, и, когда осаждавшие отступили, их провожали пулеметные очереди. Только первый штурм стоил НРА 500 жизней и столько же попали в плен.

Ч. вынужден был снять 2-ю дивизию и выехать в Цзянси. Месяц шла подготовка к новому штурму, который начался 10 октября 1926 г. Первым ворвался в город полк под командованием Е Тина, а бомбовый удар летчика из СССР А. М. Кравцова вынудил армию У Пэйфу к бегству. К концу 1926 г. северная колонна овладела провинцией Хунань и южной частью провинции Хубэй.

Между тем в Кантон вернулся соперник Ч., Ван Цзинвэй, которому снова было предложено возглавить Национальное правительство. Главнокомандующий Ч. отправил телеграмму, в которой сообщил, что не собирается уходить с поста председателя. Прибыв в Шанхай, он решил без промедления вступить в контакт с англичанами. Ч. обещал принять необходимые меры по охране иностранной собственности, реорганизации военных отрядов, руководимых коммунистами. 1 апреля 1927 г. Уханьское правительство (после падения Учана в конце октября 1926 г. было принято решение перебраться в Ханькоу, один из городов уханьского трехградья) сместило Ч. с поста главнокомандующего НРА. Он не обратил на это никакого внимания: «Я взял обязательство довести Северный поход до успешного конца. Это обязательство я выполняю». Началась внутриполитическая борьба, в ходе которой боевой генерал получил приверженцев, вставших под гоминьдановскими знаменами. 31 июля и 1 августа 1926 г. полки

11-го и 20-го корпусов НРА, выполняя инструкции КПК, разоружили гоминьдановские части в Наньчане. 1 августа 1926 г. стал днем рождения китайской Красной Армии. Пять дней восставшие контролировали город, но под натиском противника были вынуждены отступить. Однако Ч., лидер Нанкинского правительства, в августе объявил об отставке.

Он понимал, что для решительной схватки нужны силы и средства и что должно пройти некоторое время, чтобы не только приверженцы его идей, но и его политические оппоненты увидели в нем лидера революционных преобразований в стране. Уйдя в отставку, Ч. последовал в сопровождении 200 охранников в гористый район провинции Чжэцзян. Здесь он познакомился когда-то со свояченицей Сунь Ятсена, сестрой его жены, Мэйлин. Жениться на ней давно входило в его планы. Таким образом он напомнил бы о том, что с начала революции являлся соратником и незаменимым помощником Сунь Ятсена. Однако желание о женитьбе на Мэйлин встретило преграду со стороны вдовы лидера и основателя Гоминьдана — Сун Цинмен. Она, по ее собственному утверждению, предпочла бы видеть свою сестру мертвой, нежели женой Ч. Несмотря на это, 1 декабря 1926 г. был совершен обряд бракосочетания между Ч. и Мэйлин, сначала по христианскому обычаю (невеста была христианкой), а затем другой — в ортодоксальном китайском стиле.*

В январе 1927 г. Ч. вернулся к власти. Резиден-

* В Китае мало кто знал о решении Ч. перейти в христианскую веру. После женитьбы на Сун Мэйлин он 4 года изучал Библию, прежде чем стать христианином. Это произошло только в 1931 г.

цией нового правительства стал Нанкин. 9 января Ч. вновь принял на себя обязанности главнокомандующего НРА. Сун Цинмен тоже решила заняться политикой и стала членом президиума Антиимпериалистической лиги. Чтобы напомнить соратникам по партии о своих тесных связях с покойным лидером Гоминьдана, Ч. начал глобальное строительство мавзолея недалеко от нанкинских стен, куда должны были перевезти тело Сунь Ятсена, захороненного недалеко от Пекина.

Возвратившись на пост главнокомандующего, Ч. заявил о решимости завершить Северный поход. Утром 1 мая 1927 г. первые отряды его армии вступили в Цзинань. В городе повсюду были развешаны гоминьдановские флаги, символизировавшие торжество политики Ч. по объединению страны. Однако настораживало другие: по мере приближения войск НРА к Пекину правительство Танака все больше опасалось за интересы Японии в Маньчжурии, которая была готова к прямому вмешательству в гражданскую войну в Китае, если она распространится на Маньчжурию. В июне 1928 г. войска Янь Сишаня овладели Пекином. Ч. получил пост председателя Государственного совета в Нанкинском правительстве. ЧИК Гоминьдана одобрил его предложение об учреждении законодательного, исполнительного и контрольного органов власти.

Наконец-то Ч. упрочил свое положение. Повсюду распространились слухи о силе его армии, которая была самой многочисленной в мире (к концу 1928 г. она выросла до 2 млн. человек). Главнокомандующего, которому шел 41-й год, теперь стали называть генералиссимусом. Осенью 1930 г. его лидерство на Севере Китая вряд ли кто мог оспаривать.

10 октября 1930 г. Ч. заявил о первоначальных

задачах Гоминьдана: подавление коммунизма, бандитизма, восстановление финансов, организация неподкупной и эффективной администрации, экономическое развитие, обеспечение автономии для районов. Первым делом он предпринял ряд карательных операций в советский район Цзянси (высшими органами власти там являлись советы). 100-тысячная армия двинулась против 40 тысяч человек, оборонявших провинцию. В ожесточенном споре с цзянсинскими коммунистами Ч. не заметил военной внешней угрозы со стороны Японии. 19 сентября 1931 г. две роты японских солдат появились в районе Шэньяна (Мукдена). Китайские полицейские открыли огонь, но были тут же сметены наступающими. После того, как неприятельская батарея тяжелых орудий открыла сокрушительный огонь по казармам полиции, по аэродрому, китайцы вынуждены были отступить.

21 сентября Ч. созвал совет политических и военных лидеров и выразил сомнение в возможностях Китая вступить в войну с таким сильным противником, как Япония. Тем временем в Шанхае произошло кровопролитие. 26 января 1932 г. в 23.00 японский адмирал Сёдзава направил ультиматум шанхайским властям, требуя прекратить антияпонские выступления. Ответ еще не был получен, а хорошо обученная морская пехота уже направилась в рабочий район Шанхая Чапэй, где проживала значительная часть японских граждан. Там ее встретили прицельным огнем солдаты 19-й армии. Адмирал Сёдзава приказал бомбить жилые кварталы города.

Вторжение японцев в Маньчжурию получило широкий резонанс в обществе. 20 тыс. студентов из различных районов страны начали марш в Нанкин с лозунгами: «Объявить войну Японии!», «Объеди-

нить Нанкинское и Кантонское правительства!» 5 декабря 1932 г., опасаясь реакции со стороны Японии, Ч. запретил студенческие демонстрации, но это оказалось уже не в его силах. 5 апреля 1933 г. руководство советских районов объявило войну Японии. В ответ на это гоминьдановский лидер, генералиссимус Ч. объявил войну Красной Армии Китая. Чтобы удержать свои позиции и противостоять росту коммунистических настроений, особенно среди молодежи, он создал организацию «синерубашечников», которые по всей стране поддерживали культ личности Ч. На собраниях «синерубашечников» при упоминании имени вождя все вскакивали с мест и вытягивались в струнку. В кинотеатрах перед началом демонстрации фильмов на экране появлялся портрет генералиссимуса на фоне гоминьдановского знамени. «Синерубашечники» также проводили «чистки» в армиях, в которых возрастал авторитет КПК.

У Ч. складывалась своя собственная система управления партией и государством. Он пользовался неограниченным правом диктовать свою волю исполнительному и законодательному юаню. В стране начались повальные аресты инакомыслящих; они проводились по малейшему подозрению в симпатиях к КПК.

19 февраля на массовом митинге в Наньчане Ч. призвал соотечественников начать «движение за новую жизнь», опираясь на опыт германской нации — Фридриха II, Бисмарка, Вильгельма II и др. Официальным лозунгом «движение за новую жизнь» стал лозунг: «Пристойность, справедливость, честность, чувство собственного достоинства». Руководитель страны сформулировал принципы управления народом:

— рассматривать вчерашний день, как время смерти, а сегодняшний — как время жизни. Освободить себя от прошлых злоупотреблений и создать новую нацию;

— взять на себя ответственность за возрождение нации;

— следовать установленным правилам, быть добросовестными, честными и скромными;

— наша одежда, еда, образ жизни должны быть простыми, обычными, ясными и чистыми;

— быть готовыми к лишениям, быть бережливыми;

— обладать, как граждане, в равной мере знаниями и моральной чистотой;

— действовать соответственно с нашими обещаниями.

Родоначальник движения пропагандировал идеал поведения гражданина, который регулярно чистит зубы, моет тело, содержит в чистоте одежду, воздерживается от алкоголя, опиума, табака, занимается физическими упражнениями. «Если в старой жизни вы могли где попало харкать, мочиться, разводить невероятную грязь и никогда не мести под кроватями, — говорил Ч., — то в новой жизни с такими варварскими привычками следует покончить». В первый год «движения за новую жизнь» были проведены 2 кампании: за порядок и за чистоту. Энтузиасты отрабатывали специальные правила (их было сформулировано до 96) относительно одежды, еды, жилища и деятельности.

Осенью 1934 г. Ч. уже был готов торжественно отметить победу над КПК. 16 октября главные силы 1-го фронта Красной Армии Китая бросились на прорыв блокады. Но отборные части гомиьндановской армии оттеснили ее до Запада, в результате

чего КПК потеряла территории советских районов в Центральном Китае. Благодаря этому генералиссимус сумел укрепить свое влияние в провинциях, которые ранее находились вне пределов его досягаемости.

50-летие лидера Гоминьдана отмечалось по всей стране. Для проведения торжеств он выбрал древнюю столицу Лоян; решено было отметить это событие посланием к нации, которое заключалось в следующем: путь к возрождению мучителен и долог.

Однако в стране также было много тех, кто оставался недоволен режимом Ч. В первую очередь недовольства проявлялись из-за нежелания генералиссимуса обратить внимание на проблему с Японией. 14 декабря 1937 г. в Сиани был создан Чрезвычайный комитет объединенной антияпонской армии, который возглавил генерал Чжан Сюэлян. За два дня до этого Чжан Сюэлян вместе с другим генералом, Янь Хучэном, явились в резиденцию генералиссимуса, чтобы убедить его начать реагировать на действия Японии. Ч. бежал. Генералы нашли его и привезли в штаб. На обращение «генералиссимус» пленник сразу же отреагировал: «Если вы так обращаетесь ко мне, то признаете во мне вышестоящего офицера. Если это так, то вы немедленно доставите меня в Лоян. В ином случае вы — заговорщики и можете меня убить». Сианьские генералы попытались объяснить Ч. опасность сложившейся ситуации. Но когда и это не привело к желаемому результату, Чжан Сюэлян ознакомил генералиссимуса с документом, который, как предполагалось, должен был открыть путь к единому фронту. Документ содержал 8 пунктов:

— реорганизация Нанкинского правительства и

принятие всех партий и клик с целью разделить ответственность по спасению нации;

— прекращение гражданской войны;

— немедленное освобождение лидеров партийного движения в Шанхае;

— освобождение всех политических лидеров;

— предоставление гарантий свободы для народных собраний;

— обеспечение гарантий прав народа на организацию партийного движения; искреннее осуществление воли доктора Сунь Ятсена;

— немедленный созыв Конференции национального спасения.

Ч. было достаточно прочесть первые требования, чтобы назвать генералов изменниками. Самому же ему пришлось остаться в положении пленника. В Нанкине было введено чрезвычайное положение, начались кровавые стычки между сторонниками и противниками Ч. Назначенный временно председателем нанкинского военного совета генерал Фэн Юйсян послал телеграмму Чжан Сюэляну, в которой предложил себя на роль пленника вместо генералиссимуса. Но Чжан Сюэлян взял на себя полную ответственность за безопасность Ч.

Сун Мэйлин попросила американского советника Дональда, находившегося в Сиани, привезти от мужа письменный приказ, предотвращающий любое нападение на Сиань гоминьдановских войск с целью обеспечить безопасность генералиссимуса. Приказ был издан, в нем говорилось о трехдневном перемирии.

Длительные переговоры закончились согласием Ч. написать письмо в Нанкин. В нем содержалось предложение Чжан Сюэляна направить в Сиань представителей для переговоров по освобождению

генералиссимуса. Однако никто не взял на себя такую роль, поскольку все знали, что повлиять на решение Ч. невозможно. 22 декабря жена Ч. вместе с Дональдом прилетела в Сиань. В самолете, перед самой посадкой, она вытаскала из сумочки револьвер и передала его американскому советнику, попросив застрелить ее, если мятежники попытаются схватить посланцев Нанкина. Участники сианьского заговора решили завершить операцию с честью. 25 декабря Ч. был освобожден, но от него так и не добились согласия ни по одному из восьми предложенных пунктов. Чжан Сюэлянь вызвался сопроводить чету Ч. в Нанкин, полагая, что этим докажет генералиссимусу свою преданность. Но когда на следующий день самолет приземлился на нанкинском аэродроме, он понял, что ошибся. Его ждала изоляция, и он был лишен всех постов. Прежде всего Ч. посадил Чжана Сюэляня под домашний арест и заставил его сделать письменное заявление «с признанием вины, с просьбой о наказании». Высший военный трибунал Гоминьдана осудил его на 10 лет тюремного заключения. Однако в самый последний момент генералиссимус обратился к правительству с просьбой о специальной амнистии для Чжана Сюэляня. В результате тот был взят под контроль Военным советом Гоминьдана и на многие годы остался под домашним арестом.

Итогом сианьских событий стало устное обещание Ч. провести в правительстве решение о принятии предложенных ему условий создания единого фронта. Однако война с Японией по-прежнему не представлялась общественно-государственной задачей.

8 июля 1937 г. Ч. получил доклад о событиях у моста Лугоуцяо (др. название Марко Поло), ста-

ринного мраморного сооружения через Юндинхэ, построенного в 1190 г. и расположенного в 15 км к юго-западу от Пекина. В ночь на 8 июля японские солдаты приступили к учениям восточнее моста Лугоуцяо. Вскоре они попали под обстрел китайского подразделения. Японский кабинет, негодуя по этому поводу, решил, что в Китай будут направлены дополнительные силы для пополнения японского контингента. Ч. предъявил Токио свои требования: признать ответственность за происшествие у Лугоуцяо, принести извинения, компенсировать потери и обещать, что подобного никогда не повторится. Он отдал приказ командованию 29-й армии не отступать и не принимать требований японцев. Подразделения этой армии, перейдя в контрнаступление, отбили мост. Генерал Такэо Имаи поставил ультиматум: наказать виновных, вывести все китайские войска из зоны железной дороги Пекин—Тяньцзинь. Но, не дождавшись ответа на этот ультиматум, японское командование начало наступление на Пекин и Тяньцзинь. В конце июля пал Тяньцзинь. Основные силы японцев были брошены на Шанхай и подвергнули его жесточайшим бомбардировкам. Ч. сосредоточил здесь достаточно крупную армейскую группировку, но отдал приказ не ввязываться в военные действия. Более 3 месяцев китайские войска вопреки приказу вели ожесточенные бои за Шанхай.

Но противник имел военное преимущество. Сломив сопротивление китайской армии, японцы двинулись к древней столице. 7 августа японское командование официально объявило о вступлении императорской армии в Пекин.

В таких условиях Ч. был вынужден пойти на уступки КПК. 20 августа из основных сил Красной Ар-

мии была сформирована 8-я Национальная армия под командованием Чжу Дэ. Но японцы продолжали наступательные действия. 13 декабря они овладели Нанкином. Правительство вынуждено было заблаговременно покинуть город. Коммунисты предложили генералиссимусу обратиться за поддержкой к СССР. Однако Ч. не собирался следовать подобному совету. Вместо этого он нацелил свои взгляды на США и Англию. Англия, озабоченная собственными интересами в Китае, стремилась избежать столкновения с Японией. США, также заинтересованные в Китае, придерживались подобной точки зрения.

Ч. вел долгие бесполезные переговоры, стараясь переубедить Англию и США. 14 сентября 1937 г. Рузвельт объявил о нейтралитете США, распространяющемся на Дальний Восток. Торговым судам, принадлежащим США либо находящимся под американским флагом, отныне запрещалось транспортировать и в Китай, и в Японию «оружие или любое иное снаряжение, предназначенное для ведения военных действий». Подобный акт не делал никакой погоды в Японии, но поставил в безысходное положение Китай, лишив его последней возможности получить помощь из США. Ч. поспешил указать на ответственность США за события, происходящие в Китае.

Наступление нового, 1938 г. он отметил посланием к народу: «ради выживания мы должны полагаться только на себя». В этом же году он дал согласие на создание Новой 4-й армии. Ч. искал новых союзников. 2 января он решил обратиться через немецкого посла Траумана к Гитлеру с просьбой «повлиять на японцев».

Германское посредничество было крайне невыгодным для США и Англии, которые боялись поте-

рять инициативу в дальневосточном вопросе. Кроме того, к маю 1938 г. в Китай поступили советские танки, большое количество артиллерии и стрелкового вооружения. Согласно материалам политической академии ВМС Китая, СССР с 1938 по 1940 г. предоставил Китаю кредиты на сумму 450 млн. долларов в виде оружия; с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. из СССР было поставлено в Китай 980 самолетов, более 80 танков и 1300 орудий. 16 декабря 1938 г. Экспортно-импортный банк США предоставил Китаю кредит в сумме 25 млн. долларов для закупки продукции и сельскохозяйственных товаров.

Рост политических настроений в стране в пользу единого фронта способствовал усилению авторитета КПК. Ч. сделал ответный ход и усилил давление на противников, призвав к уничтожению «баз коммунистической деятельности». Вместе с тем он не терял надежды на сотрудничество с США. В конце 1940 г. в Вашингтоне стали смотреть на японскую экспансию в Китай совсем иначе, чем это было в начале японо-китайской войны. Между гоминьдановским правительством и США стало налаживаться сотрудничество по организации добровольческого американского авиационного подразделения для операций в Китае. В апреле 1941 г. Рузвельт издал декрет, разрешающий военнослужащим увольняться из армии с целью поступления в добровольческий корпус в Китае. В августе Ч. отдал приказ об учреждении «добровольческого отряда» («летающие тигры»). Стремление Японии в юго-западную часть Тихого океана, нападение Германии на Советский Союз заставили Америку пойти на решительные действия. В Лондоне тоже беспокоились о судьбе китайского фронта. Если бы Японии удалось покончить с Ки-

таем, то 15, а то и 20 японских дивизий освободились бы, чтобы вторгнуться в Индию.

27 октября Ч. получил приглашение на Каирскую конференцию, которая открылась 22 ноября. А с 1 по 5 декабря (сразу же после Тегеранской конференции 28 ноября — 1 декабря) проходил второй этап встречи. Китайский генералиссимус имел на руках достаточно веский козырь: «Китай не сможет продержаться в войне и поэтому не исключена его капитуляция». Он настаивал уделить больше внимания бирманскому театру действий: после того, как противник будет изгнан из Бирмы, его следующим рубежом будет Сев. Китай, а затем — Маньчжурия.

Отдавая дань победам СССР в войне с Гитлером, американцы настаивали на поддержании Китаем связи с северным соседом. США надеялись, что Советский Союз вступит в войну на Тихом океане.

8 августа 1945 г. гоминьдановский лидер узнал о том, что СССР вступит в войну. В связи с этим он потребовал от своей армии подчиняться беспрекословно только ему, сохранять порядок и не переходить в другие армейские подразделения. Затем он отдал приказ Краской Армии Китая «оставаться на своих местах и ждать дальнейших указаний», «не предпринимать никаких самостоятельных шагов». 14 августа в Москве был подписан договор между СССР и Китаем о дружбе и сотрудничестве. А 15 августа пришло сообщение о капитуляции Японии.

Ч. опасался, что СССР будет оказывать поддержку КПК, что и случилось: Советский Союз упрочил положение коммунистов в Китае, и для Гоминьдана назревал кризис. В августе 1945 г. Ч. направил председателю ЦК КПК Мао Дзэдуну

телеграмму с приглашением прибыть в Чунцин для переговоров. 28 октября туда прибыла делегация коммунистов. Было подписано соглашение между двумя партиями и принято обязательство обеих сторон добиваться решения проблем демократическим путем, избегать гражданской войны. На втором этапе встречи (21 октября 1946 г.) было принято решение о созыве Политической консультативной конференции с привлечением к ее участию Демократической лиги (в состав которой входила жена покойного Сунь Ятсена). 10 января того же года в Чунцине открылась конференция с участием гоминьдановцев, коммунистов, других политических партий, а также беспартийных политических деятелей. Конференция приняла решение о введении конституционного режима, о созыве Национального собрания, об образовании коалиционных органов власти и о создании единых вооруженных сил.

Пока проходили совещания, Ч. выезжал в Мукден, чтобы лично руководить операциями против вооруженных сил КПК. Состоявшийся в начале марта пленум ЦИК Гоминьдана принял курс на форсированную подготовку к гражданской войне. 1 апреля Ч. разорвал соглашение с КПК, а в конце июня его армия начала общее наступление против освобожденных районов. Началась гражданская война. Предоставив возможность Ч. уничтожить КПК, государственный департамент США объявил о прекращении посредничества США в Китае. Представительства КПК в Нанкине, Чунцине и Шанхае прекратили свою деятельность.

В начале 1947 г. гоминьдановцам удалось успешно завершить военные операции в Восточном Китае, в марте они овладели Юньанем — оплотом комму-

низма на протяжении 10 лет, а затем развернули наступление на Шаньдуне. Эти события сопровождались необычайным голодом в стране. Ч. видел свою первейшую задачу в исправлении экономического кризиса в скорейшей борьбе с коммунистами. В 1947 г. усилился террор против инакомыслящих. Была поставлена вне закона Демократическая лига — единственная легальная организация, находившаяся в оппозиции Гоминьдану.

Подавление оппозиции сопровождалось усилиями по «демократизации» режима. В декабре 1947 г. была инсценирована 1-я предвыборная кампания в Китае. В списке кандидатов в президенты значились: вдова Сунь Ятсена Сун Цинмен и Ч. В апреле 1948 г. президентом Китая был избран Ч.

После завершения реорганизации НОАК (Национально-освободительная армия Китая) получила задачу окружить и уничтожить главные силы гоминьдановской армии в Северо-Вос., Вост. и Сев. Китае и не допустить их отхода в Центральный и Юж. Китай. С осени 1948 по осень 1949 г. НОАК осуществила ряд крупных наступательных операций: Ляоси-Шэньянская, Хуанхайская, Пекин-Тяньцзинь-Чжанцзякоуская и самая сложная, завершившаяся форсированием р. Янцзы. Осенью 1948 г. Ч. был вынужден заговорить об отставке (с сохранением за собой контроля в партии). Его обращения к великим державам с просьбой повлиять на развитие событий в стране не принесли успеха. В январе 1949 г. подразделение НОАК, разгромив суйчжоускую группировку Гоминьдана, вышли к северному берегу Янцзы. Путь на Нанкин был открыт. Тяньцзинь пал 14 января 1949 г., лишив Пекин всякого щита. 2 марта крейсер «Чунцин» — гордость гоминьдановского флота — перешел на сторону КПК.

Официально Ч. ушел с поста президента 21 января 1949 г. Его заменил Ли Цзунжэнь, который, когда НОАК входила в Пекин (23 января), начал склоняться к сотрудничеству с КПК. Генералиссимус сохранил за собой влияние в партии, командование армией и распоряжение финансами.

22 января был назначен отъезд Ч. и его сына Цзян Цзинго на родину. В марте 1949 г. в освобожденной от чанкайшистов деревне Сибайко состоялся II пленум КК КПК, где была поставлена задача превращения Китая в социалистическую республику. Гоминьдановцы тут же активизировались. Они видели единственное спасение для себя — вернуть генералиссимуса. Только его высокий дух мог спасти положение. Ч. поступил предусмотрительно: подготовил стартовую площадку для бегства на Тайвань. 17 апреля Нанкинское правительство попросило его взять на себя обязанности президента. «Никаких переговоров с КПК!» — приказал Ч. Сам же не разрешил Ли Цзунжэню использовать оставшиеся ресурсы для обороны Янцзы и возвратился в Цикоу. Тем временем на Тайвань перебрасывались авиация, соединения ВМС, часть дивизий, возглавляемых верными диктатору генералами. В последнем указе Ч. приказывал управляющему Центральным китайским банком: «Перебазировать оставшийся золотой фонд в Тайбэй».

23 апреля того же года началась перестрелка на улицах Нанкина, и гоминьдановский гарнизон сложил оружие. Еще через два дня Ч. перебрался из Цикоу в Шанхай. Он отдал приказ своим войскам удерживать Шанхай во что бы то ни стало, веря, что три года будет достаточно для «тотальной победы». Но через 11 дней он получил послание: передать всю власть президенту и правительству и возвра-

тить переправленные на Тайвань ценности. Генералиссимусу предлагалось выехать в Европу или Америку, но он отказался. 12 мая начался штурм Шанхайского укрепленного района, а 27-го над городом было водружено знамя НОАК. Ч. вместе с сыном бежал на Тайвань. Цзян Цзинго оставался с отцом до конца его дней. Еще при жизни отца он начал прибирать к рукам основные рычаги власти на острове. В 1966—69 гг. он являлся министром обороны Тайваньского правительства, в 1969—72 гг. — заместитель премьера, а с 1972 г. — премьер-министр.

5 апреля 1975 г. на 82-м году жизни глава Гоминьдана и президент Тайваня генералиссимус Ч. умер. Смерть отца дала толчок для активизации политической деятельности его сына, Цзян Цзинго: с 1975 г. он президент Тайваня.

ЧЖАН ЦЗО-ЛИНЬ (1876—1928), китайский генералиссимус, глава Фынтяньской клики милитаристов. Во время русско-японской войны (1904—05) Ч. был главарем банды хункузов, которая действовала на стороне японцев на территории Маньчжурии. В 1906 г. вместе со своим отрядом включен в состав китайской армии и очень скоро был назначен командиром дивизии. В период Синьхайской революции (1911—13 гг.) Ч. стал фактическим правителем, а после смерти Юань Шикая (см.) — неограниченным диктатором Маньчжурии. В своей политике опирался на поддержку Японии и ее правящих кругов. В 1926—27 гг. стал генералиссимусом и возглавил командование над объединенной армией войск Центр. и Сев. Китая, которая сражалась с революционной армией Национального (Гуанчжоуского, а затем Уханьского) правительства.

В апреле 1927 г. по приказу Ч. был совершен налет и погром советского посольства в Пекине. Тогда же были арестованы и казнены 25 китайских коммунистов во главе с Ли Дачжао. В 1928 г. пытался переориентироваться на США, однако не успел закончить переговоры. 21 июня того же года Ч. погиб при взрыве поезда, который организовала японская разведка.

ЧЕРЧ РИЧАРД (1784—1873), британский офицер, греческий генералиссимус.

Ч. родился в графстве Корк в Ирландии и был вторым сыном торговца-квакера. Рано бросив школу, Ч. вступил в армию и 16-летним юношей отправился в составе 13-го Сомерсетширского пехотного полка под командованием сэра Ральфа Аберкомби в Египет (1801 г.). Затем он воевал в южной Италии. За время военной службы зарекомендовал себя храбрым солдатом, сумел выдвинуться и заслужить чин старшего лейтенанта.

С 1809 по 1815 г. Ч. во главе отряда дважды высаживался на Ионических островах, откуда позже с другими отрядами — греческих патриотов — отправился в изгнание, разойдясь с Теодоросом Колокotronисом.

В 1815—22 гг. Ч. состоял на неополитанской службе в чине генерала. В марте 1827 г. греческие друзья позвали Ч. обратно в Грецию в качестве генералиссимуса сухопутных войск. Здесь ему пришлось столкнуться с давней проблемой разногласий в рядах самих греческих патриотов. Ч. и английский представитель лорд Кокрен тщетно пытались их примирить. Здесь же Ч. принял участие в реорганизации греческой армии.

В 1827 г. президентом Греции с согласия трех держав стал Каподистрия. Ч. остался на посту главнокомандующего сухопутными войсками, а адмиралом флота был назначен лорд Кокрен. В их задачу входили блокада и осада Акрополиса с последующим освобождением от турок. Но их усилия не увенчались успехом. Крепость Акрополис, а также порты Пирей и Фалерос оказались в руках турок. Россия и Англия предложили Турции заключить с Грецией мир, однако та отказалась. Соединенный

турецко-египетский флот под командованием Ибрагима-паши собрался в Наваринском заливе. В Море начались новые турецкие бесчинства. Тогда эскадры Франции, России и Англии вошли в Наваринский залив. 8 октября 1827 г. между ними и турецко-египетским флотом произошло грандиозное жестокое сражение, в котором турки были наголову разбиты, а их флот уничтожен.

Между тем действия вновь сформированных греческих сухопутных войск под командованием Ч. оставались неудачными. Причиной того стала не только трусость греческих солдат, но и нежелание подчиняться. И все же к концу года Ч. удалось принудить к сдаче крепости Лепант и Месолунги, а также освободить Вонницу.

Ч. вынужден был покинуть Грецию из-за возобновившихся трений с Каподистрией, президентом страны. Однако позже, когда правителем Греции был назначен Оттон Баварский, генералиссимус Ч. был призван обратно и в 1843 г. назначен сенатором. Умер Ч. 30 марта 1873 г. в Афинах.

ШАМИЛЬ (1797, по другим сведениям — 1799—1871), знаменитый вождь и объединитель горцев Дагестана и Чечни, турецкий генералиссимус.

Родился в селении Гимрах около 1797 г., по другим сведениям около 1799 г., от аварского узденя Дэнгау Мохаммеда. Одаренный блестящими способностями, он слушал лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логики и риторики арабского языка и очень быстро прославился как выдающийся ученый. Однако самого Ш. увлекли проповеди Кази-муллы (Гази-Мохаммеда), первого проповедника газавата — священной войны против русских. Вскоре он стал учеником Кази-муллы, а потом — другом и ярким сторонником. Последователи нового учения, проповедовавшего спасение души и очищения от грехов путем священной войны против русских, назывались мюридами. Когда народ воспринял эту идею и обещания полной независимости от каких бы то ни было властей, кроме Аллаха и его шариата, Кази-мулла в 1827—29 гг. повел за собой Койсубу, Гумбет, Андию и др. мелкие общества по Аварскому и Андийскому Койсу, а также большую часть шамхальства Тарковского, кумыков и аварии. Рассчитывая, что власть его будет прочна в Дагестане только тогда, когда он окончательно овладеет Аварией, центром Дагестана, и ее столицей Хунзахом, Кази-мулла собрал 6-тысячную армию и 4 февраля 1830 г. выступил с ней против ханши Пахубике. 12 февраля того же года армия, одной половиной которой командовал Гамзат-бек, а второй — Ш., будущий третий имам Дагестана, пошла на приступ Хунзаха. Однако штурм оказался неудачным и Ш. вместе с Кази-муллой возвратился в Гимры. Сопровождая своего учителя в походах, он в 1832 г. был осажден русскими в Гимрах. Страшно изранен-

ный, Ш. сумел пробиться и спастись, тогда как Кази-мулла погиб, исколотый штыками.

Смерть Кази-муллы и тяжелые ранения Ш., господство Гамзат-бека, объявившего себя преемником Кази-муллы и новым имамом — все это держало Ш. на втором плане до смерти Гамзат-бека (сентябрь 1834 г.). Но и до этого Ш. оставался главным помощником нового имама. В его обязанности входило соби- рание войск, добывание материальных средств и командование экспедициями против русских и вра- гов имама.

Узнав о смерти Гамзат-бека, Ш. собрал отряд самых отчаянных и верных мюридов, бросился с ними в Новый Гоцатль, захватил там награбленные Гамзатом богатства и велел убить уцелевшего младшего сына Пару-Бике, единственного наслед- ника Аварского ханства. Этим убийством Ш. окон- чательно устранил последнее препятствие к рас- пространению власти имама. Ханы Аварии были заинтересованы в том, чтобы в Дагестане не было единой сильной власти и поэтому действовали в со- юзе с русскими против Кази-муллы, а позже про- тив Гамзат-бека.

25 лет Ш. властвовал над горцами Дагестана и Чечни. В это время он успешно боролся против ог- ромных военных сил России. Менее религиозный, чем Кази-мулла, менее торопливый и опрометчи- вый, чем Гамзат-бек, Ш. обладал военным талан- том, большими организаторскими способностями, выдержкой, настойчивостью, умением выбирать ме- сто и время для нанесения удара по противнику, а также помощников для исполнения своих предна- чертаний. Он отличался твердой и непреклонной волей, умел воодушевлять горцев, возбуждать их к самопожертвованию и повиновению своей власти.

что было для них особенно тяжело и непривычно. Ш. превосходил своих предшественников умом; он, подобно им, не разбирал средств для достижений своих целей.

Весь 1835 г. Ш. работал втайне. В это время он набирал приверженцев, агитировал их и оттеснял или мирился с соперниками. В апреле 1836 г. он во главе 2-тысячного отряда увещеваниями и угрозами принудил койсу-булинцев и другие соседские общества к принятию его учения и признанию его имамом. Командующий кавказским корпусом барон Розен, желая подорвать возрастающее влияние Ш., в июле отправил против него генерал-майора Реута. Заняв несколько населенных пунктов, тот получил заявление старшин об их покорности и не стал преследовать Ш.

Тем временем Ш. для приобретения большего влияния среди населения Аварии женился на вдове Гамзат-бека. К концу 1836 г. он достиг того, что все свободные дагестанские общества от Чечни до Аварии, а также значительная часть аварцев признали его власть. Непрерывные нападения Ш. на аварские селения заставили управлявшего Аварским ханством Ахмет-хана Мехтулинского предложить русским занять столицу ханства Хунзах, что и было сделано генералом Фезе 28 мая 1837 г. Отсюда русский отряд выступил к селению Ашильта, близ которого, на неприступном утесе Ахульга, находилось все семейство и имущество имама. Сам же Ш. с большим отрядом находился в селении Талитла и старался отвлечь внимание генерала Фезе от Ашильта, нападая на него с разных сторон. Против него был выставлен отдельный отряд под командование подполковника Бучкиева. В ночь с 7 на 8 июня Ш. пытался прорвать эту преграду и атаковал

отряд, но после ожесточенного боя вынужден был отступить. А на следующий день Ашильта была взята русскими приступом и после отчаянного сражения с 2-тысячным отрядом мюридов сожжена. Мюриды защищали каждую саклю, каждую улицу, а потом 6 раз бросались на русские войска, чтобы отбить Ашилту, но тщетно.

12 июня штурмом был взят утес Ахульга, а 5 июля генерал Фезе двинул войска на приступ Тилитла. Повторились все ужасы ашильтинского погрома, когда одни не просили, а другие не давали пощады. Ш. увидел, что его дело почти проиграно. Он выслал парламентаря и выразил покорность. Генерал Фезе поверил слову Ш. и вступил в переговоры. Ш. выдал русским троих аманатов (заложников), в том числе своего племянника, и присягнул в верности русскому императору. Упустив случай взять его в плен, генерал Фезе затянул войну на последующие 22 года. А заключив с ним мир, как с равной стороной, поднял его значение в глазах всего Дагестана и Чечни.

Но и после этого положение Ш. было отчаянным. Горцы были потрясены появлением русских войск в самой недоступной части Дагестана, а погром, произведенный русскими, смерть многих храбрых мюридов и потеря имущества подорвали их силы и на некоторое время заставили прекратить сопротивление. Лишь к началу 1839 г. Ш. удалось собрать 5-тысячный отряд и укрепить селение Аргун. Этот отряд под командованием Ш. совершал набеги на мелкие гарнизоны и покоренные русскими селения. В горных ущельях и на перевалах он был в своей стихии, прекрасно знал местность и, нанеся неожиданный удар, успевал вовремя уйти.

30 мая 1839 г. генерал Граббе, назначенный ко-

мандиром специального т. н. «чеченского» отряда, подошел к Аргуну. После 12-часового рукопашного боя, в котором обе стороны понесли большие потери, Ш. вынужден был отступить и бежал в Новый Ахульго, где заперся с преданными ему мюридами. 12 июня к Ахульго подошел и отряд генерала Граббе. Началась 10-недельная осада. Но прекрасно знающему местность Ш. удавалось свободно поддерживать отношение с ближайшими обществами, а также совершать мелкие нападения на русские поселения. Постепенно он сумел собрать дополнительные силы и стал брать в кольцо отряд Граббе. Неизвестно, чем бы все кончилось, но к Граббе подоспел отряд генерала Головина. Теперь уже русским удалось сомкнуть кольцо вокруг Нового Ахульго. Предвидя падение своей твердыни, Ш. пытался вступить в переговоры с генералом Граббе, требуя свободного пропуски из Ахульго, но получил отказ.

17 августа после короткого артобстрела начался приступ. В это время Ш. снова попытался завязать переговоры, и снова не имел успеха. 21 августа приступ возобновился. После двухдневного боя Ахульго и Новый Ахульго были взяты. Большая часть защитников погибла. Сам Ш. успел бежать. По дороге он был ранен, но скрылся и через Салатау направился в Чечню, где и поселился в Аргунском ущелье.

Впечатление от этого погрома было очень сильным. Многие общества прислали русским атаманов и изъявили покорность. Бывшие сподвижники Ш., в том числе Ташав-хаджа, задумали присвоить себе имамскую власть и стали набирать приверженцев. Но они ошиблись в своих расчетах. Как из пепла феникс, возродился Ш. и уже в 1840 г. вновь

начал борьбу с русскими в Чечне. Он воспользовался недовольством горцев русскими приставами и попытками отобрать у них оружие. Генерал Граббе считал Ш. безвредным беглецом и не думал о его преследовании. Этим Ш. также воспользовался, постепенно возвращая потерянное было влияние. Недовольство чеченцев он усилил ловко пущенных слухом, что русские намерены превратить горцев в крестьян и привлечь к отбыванию воинской повинности. Это дало результат. Среди горцев тут же стали усиливаться волнения, и они вспомнили о Ш., противопоставляя справедливость и мудрость его решений деятельности русских приставов. К нему потянулись чеченские делегации с предложением стать во главе восстания. Ш. согласился на это только после неоднократных просьб, взяв с посланцев присягу и заложников из лучших семейств. По его приказу вся Малая Чечня и присунженские аулы стали вооружаться. Ш. постоянно тревожил русских набегами больших и малых отрядов, которые с такой быстротой переносились с места на место, избегая открытого боя с неприятельскими войсками, что последние совершенно измучились, гоняясь за ними. Ш. использовал и это. Он нападал на оставшиеся без защиты покорные русским общества и подчинял их своей власти, а затем переселял в горы.

К концу мая Ш. собрал довольно значительное ополчение. Малая Чечня вся опустела. Население бросило свои дома, богатые земли и скрылось в дремучих лесах за Сунжей и в Черных горах. Русские войска шли по следу Ш., но он, умело маневрируя, постоянно уклонялся от сражения.

К концу 1840 г. он был так силен, что командующий корпусом генерал Головин посчитал нужным

вступить с ним в переговоры и вызвать на примирение с русскими. Но это еще больше подняло значение имама среди горцев. Мелкие отряды, признавшие власть Ш., продолжали совершать набеги на подчиненные русским селения, угоняли скот, разоряли аулы, уводили с собой в горы жен и детей и заставляли чеченцев выдавать своих дочерей замуж за лезгин, и наоборот, чтобы родством связать эти народы между собой.

В конце мая 1842 г. с 15-тысячным войском Ш. вторгся в Казикумух, однако был разбит 2 июня при Кюлюли и отступил. Всю весну и лето следующего года он занимался организацией своей армии, а к концу того же года, в результате незначительных, но весьма важных побед, он стал полным властелином Дагестана и Чечни.

В 1844 г. русские оказались в таком положении, что вынуждены были начинать покорение Дагестана и Чечни с начала. В 1845 г. император Николай I приказал новому наместнику графу Воронцову взять резиденцию Ш., Дарго, хотя против этого высказались все авторитетные кавказские боевые генералы. Экспедиция, действительно, оказалась напрасной. Она 31 мая 1845 г. заняла Дарго, брошенное и сожженное Ш., но потеряла без малейшей пользы 3 тыс. 631 человек и 20 июля вернулась обратно. Во время этой экспедиции Ш. окружил русские войска таким количеством своих сил, что каждый вершок пути русские должны были завоевывать ценой крови. Все дороги были испорчены, перекопаны и перегорожены десятками завалов и засек, все селения приходилось брать приступом, и они доставались русским разрушенными и сожженными. Из этой экспедиции русское командование вынесло убеждение, что путь к владычеству в Даге-

стане идет через Чечню и что действовать нужно не набегами, а прорубанием дорог в лесах, основанием крепостей и заселением занятых мест русскими поселенцами. Эти работы и были начаты в 1845 г.

В январе 1848 г. Ш. собрал в Ведено наибольшее собрание старшин и духовных лиц. Он объявил им, что не видит помощи от народа в своих предприятых и усердия в военных действиях против русских. Из-за этих причин он объявил о сложении с себя звания имама. Но собрание тут же ответило, что не допустит этого, т. к. в горах нет человека, более достойного носить звание имама. Они уверяли, что народ не только готов подчиниться требованиям Ш., но и обязывается послушанием и его сыну, к которому после смерти отца должно перейти звание имама.

В последние годы (до 1852 г.) Ш. продолжал заниматься набегами на селения, возведенные гарнизоны, пытался разрушать построенные русскими укрепления. Русские войска, однако, неуклонно продолжали проникать в глубь подвластных Ш. горных районов. Развязка наступила в 1859 г. 1 апреля генерал Евдакимов штурмом взял и разрушил до основания Ведено. Множество обществ перешло на сторону русских. Положение Ш. с каждым днем все ухудшалось. Однако он не терял надежды и продолжал собирать новое ополчение. Главный отряд русских свободно шел вперед. Он обходил неприятельские укрепления и позиции, которые вследствие этого оставлялись без боя. Встречавшиеся по пути селения также сдавались без боя. С жителями было приказано везде обходиться мирно, о чем скоро узнали все горцы и еще более охотно стали отпадать от Ш., который удалился в Андалаял и укрепился на горе Гуниб. 28 июля к барону Вранге-

лю, командиру отряда, явилась депутация от Кибит-Магомы с известием, что он задержал тестя и учителя Ш., Джелал-эд-Дина, и одного из главных проповедников мюридизма Аслана. 2 августа Даниель-бек сдал барону Врангелю свою резиденцию Ириб и аул Дусрек, а 7-го сам явился к Барятинскому. Он был прощен и возвращен в бывшие свои владения, где занялся установлением спокойствия и порядка среди покорившихся русским обществ. Примирение до такой степени охватило Дагистан, что в середине августа главнокомандующий Барятинский беспрепятственно проехал через всю Аварию до самого Гуниба. Русские войска окружили Гуниб со всех сторон; Ш. заперся там с небольшим отрядом в 400 человек, считая и жителей селения. Барон Врангель от имени главнокомандующего предложил Ш. покориться государю. Он также передал разрешение ему свободного выезда в Мекку с обязательством избрать ее своим постоянным местопребыванием. Однако Ш. отклонил это предложение.

25 августа 1859 г. апшеронцы поднялись по отвесным скалам Гуниба, перекололи отчаянно защищавших завалы мюридов и подошли к самому аулу, куда к этому времени собрались и другие войска. Ш. пригрозили немедленным штурмом. После некоторого колебания он решил сдаться и был доставлен к главнокомандующему Барятинскому. Тот принял его ласково, а затем Ш. вместе с семьей был отправлен в Россию. Это произошло 26 августа 1859 г., в день коронавания Александра II. Перед отправкой в Петербург князь Барятинский в дар от себя лично передал Ш. шубу из черного медведя стоимостью 3 тыс. рублей, подарки женам, дочерям и невесткам.

На всем пути следования пленного Ш. встречали удивительно радушно. Под Чугуевом, где проводились маневры, Александр II обнял и поцеловал имама. Затем они вместе объехали государевы войска. В Петербурге, где его принимали при дворе, Ш. пробыл две недели. Местом постоянного проживания пленника была определена Калуга, куда в январе 1860 г. прибыли вся семья, охрана и прислуга Ш. — всего 21 человек. Их поселили в трехэтажном особняке, а между тем горцы не могли поверить, что русский царь платит Ш. большую пенсию. По их мнению, Ш. следовало бы казнить, как побежденного врага, или же, по крайней мере, постоянно содержать в яме, как это делают горцы со своими пленными. После 9 лет проживания в Калуге и полугода в Киеве (1870 г.) Александр II сдержал обещание и отпустил Ш. «под честное слово» помолиться в Мекку.

Он скончался в марте 1871 г. в возрасте около 73 лет. На его теле были следы от 19 колотых и 3 огнестрельных ран. Похоронен Ш. в Медине, недалеко от могилы пророка Магомеда.

В течение жизни у Ш. было 8 жен, но не более 2 одновременно. Кратковременность этих браков наполовину покрыта тайной. Одни умирали, не выдержав постоянных скитаний, голода и невзгод. Чем же объясняется трехчасовой брак с Хорею и трехдневный с Зайнаб — известно только Аллаху. Самым продолжительным был брак Ш. с дочерью купца первой гильдии из Моздока Анной Улухановой. Пораженный красотой 20-летней пленницы, Ш. тут же поместил ее в свой дом. Улухановы неоднократно пытались выкупить Анну, но имам-генералиссимус был неумолим. Спустя несколько месяцев Анна покорила ему. Она приняла мусульманство и ста-

ла самой любимой его женой. После пленения Ш. брат Анны безуспешно пытался вернуть сестру в отчий дом. Став вдовой, она дожила свой век в Турции, получая пожизненную пенсию от турецкого султана.

У Ш. было пять сыновей и пять дочерей, но наиболее интересна судьба его старшего сына Джемал-Эддина. Его Ш. отдал в заложники российским властям после одного из своих поражений. Его воспитание проходило под личным наблюдением императора Николая I, который ввел его в свою семью. В июле 1854 г. Джемал-Эддину пришлось вернуться в дом отца. Но быт и нравы мусульман оказались не по душе ставшему христианином Джемал-Эддину. Известие о смерти Николая I стало праздником в семье Ш., а для его старшего сына — трауром. Спустя 3 года он скончался от чахотки. Последней просьбой умирающего Джемал-Эддина было обращение к отцу примириться с русскими.

ШВАРЦЕНБЕРГ КАРЛ-ФИЛИПП

(1771—1820), австрийский фельдмаршал, князь, герцог Крумауский.

Офицерская карьера Ш. в рядах австрийской армии началась в 1788 г., когда вспыхнула очередная война с Турцией. Во время войны с Францией участвовал в сражении при Жемаппе (1792), Нервиндене и Валансьенне. В 1794 г. Ш. отличился в битве при Като-Камбрези, где первым ударил по неприятелю во главе кирасирского полка и опрокинул его. В 1795 г. Ш. находился при армии генерала Вурмзера на Ср. Рейне; в 1796 г. он принимал участие в сражениях при Амберге, Вюрцбурге, Лимбурге. В 1799 г. во главе дивизии Ш. находился в авангарде армии эрцгерцога Карла (см. *КАРЛ АВСТРИЙСКИЙ*) и участвовал в его походе в Швейцарию.

В 1800 г. Ш. командовал первой линией правого крыла в сражении при Гогенлиндене и после поражения австрийской армии прикрывал отступление в Энс. В 1805 г. он был назначен вице-президентом гофкригсрата, затем находился в армии генерала Макка и во время Ульмской битвы сумел вывести большую часть кавалерии к Эгеру.

В 1808 г. Ш. был назначен австрийским посланником в Петербург, но за два дня до сражения при Ваграме вернулся в армию и командовал в этом сражении частью левого крыла, а при отступлении австрийцев возглавил арьергард. После этих событий Ш. был назначен посланником в Париж, где вел переговоры о бракосочетании Наполеона I с эрцгерцогиней Марией-Луизой и сумел приобрести особое расположение императора.

В 1812 г. Ш. командовал отдельным вспомогательным австрийским корпусом, с которым перешел Буг и остановился у Пинска. После же поражения

главной французской армии отступил к Варшаве, а затем к Пултуску. В апреле 1813 г. он попытался стать посредником при заключении мира между Францией и Россией; когда же эта миссия не удалась, принял главное начальство над наблюдательным отрядом в Богемии.

Когда Австрия объявила войну Наполеону I, Ш. получил звание генералиссимуса и верховное командование над войсками союзников. Однако его нахождение возле троих монархов было чрезвычайно затруднительно и часто парализовало всякие его действия. Потерпев поражение под Дрезденом, Ш. взял реванш и нанес поражение Наполеону под Лейпцигом. Но и после этого сражения он не решился преследовать Наполеона и действовал вяло и нерешительно, что в определенной степени объясняется и тогдашней политикой Австрии.

Только после победы при Арсисе-на-Обе Ш. решился двинуться на Париж и взятием французской столицы закончил войну. После возвращения Наполеона I с острова Эльба Ш. получил командование над союзной армией на Верхнем Рейне, но Наполеон был разбит еще раньше, чем австрийцы прибыли на театр военных действий. После возвращения Ш. был назначен президентом гофкригсрата и находился на этом посту до своей смерти в 1820 г.

ШЕИН АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ (1662—1700), русский военачальник и полководец, первый русский генералиссимус.

Происходил из одного из древнейших московских боярских родов, ведущего начало от Михаила Прушинина (или Прашанича), выехавшего в XIII в. из Пруссии в Новгород. У Василия Михайловича Морозова по прозвищу Шея (потомок Прушанича в седьмом колене) было два сына, старший из которых и стал боярином Дмитрием Васильевичем Шеиным.

В конце XVI в. от погромов Ивана Грозного уцелело весьма немного известных фамилий древних боярских родов. Среди них были Шереметевы, Морозовы и Шеины.

В 1695 г. III. во главе русского войска был послан к Азову. В составе этого войска находились два потешных полка — Семеновский и Преображенский. Сам царь Петр состоял при III. в звании капитана Преображенского полка. III. в этом походе сумел осадить и взять две каланчи, находившиеся вне города. Сам же город, охранявшийся сильным гарнизоном и получавший съестные и военные припасы с моря, отразил все нападения. Петр, убедившись, что без флота овладеть Азовом невозможно, отступил, но с тем, чтобы уже в следующем году осадить город с суши и с моря.

В 1696 г. III. был назначен генералиссимусом сухопутных войск и снова подступил к Азову, обложил его с суши. Сам же Петр блокировал город с моря на кораблях, построенных в Воронеже. Спустя два месяца Азов сдался, несмотря на то, что крымский султан Нурадин пять раз пытался напасть с сильным войском на русскую армию III. Все его нападения были отражены, и султан с

большими потерями вынужден был отступить.

В 1698 г. Ш. был направлен во главе Семеновского и Преображенского полков против четырех мятежных стрелецких полков, которые воспользовались отсутствием Петра и были возбуждены царевной Софьей. Они захватили пушки и из Торопца двинулись к Москве. 18 июня Ш. встретил бунтовщиков в 46 верстах от Москвы, недалеко от Воскресенского монастыря на берегах Истры. Сначала он пытался образумить непокорных, но потом вступил с ними в сражение и разбил наголову.

Умер внезапно в возрасте 38 лет.

ШЕФКЕТ-паша (МАХМУД-ШЕФКЕТ-паша) (1855—1913), генералиссимус турецкой армии, известный политический деятель.

Первоначальное образование Ш.-п. получил в Багдаде. В 1875 г. он прибыл в Константинополь, прошел курсы военного училища и школы Генерального штаба и принял участие в экспедиции против Араби-паши. После возвращения из этой экспедиции Ш.-п. был назначен в распоряжение фондер-Гольц-паши. Обратив на себя внимание Абдул-Хамида II (1842—1918, тур. султан в 1876—1909 гг.), Ш.-п. в 1886 г. был командирован в Германию для наблюдения за изготовлением ружей для оттоманский войск на заводе Маузера.

После возвращения в Турцию Ш.-п. был назначен в 1895 г. инспектором арсенала и начальником артиллерийской испытательной комиссии. В 1906 г. он был произведен в генерал-лейтенанты и занял должность губернатора Коссовского вилайета. В 1908 г. Ш.-п. был назначен командиром III армейского корпуса и военным губернатором Македонии. Убежденный конституционалист, он в 1909 г. по приказанию младо-турецкого комитета* быстро

* В 1908 г. в Турции произошла буржуазная (Младотурецкая) революция, направленная против режима Абдул-Хамида II. В 1908 г. была провозглашена конституционная монархия. После попытки феодальной реакции восстановить старый режим (1909 г.) Абдул-Хамид II был низложен, а младотурки пришли к власти. Вождем младотурок и национально-освободительного движения был Кемаль Гази Мустафа. Во время путча в Константинополе и похода на город Ш.-п. Кемаль принял участие в этом походе в качестве начальника штаба армии Ш.-п.

двинулся из Салоник во главе своего корпуса на Константинополь. В городе в это время вспыхнула контрреволюция, подготовленная Абдул-Хамидом с целью возвращения к прежнему режиму. Ш.-п. сумел с боем занять столицу и подавить восстание. Он сверг Абдул-Хамида II и возвел на престол Магомета V.

Получив портфель военного министра, Ш.-п. активно взялся за реорганизацию турецкой армии. При его руководстве министерством в стране были вновь учреждены: школы резервных офицеров, пехотная и артиллерийская стрелковая школы, несколько образцово-показательных полков, а также ежегодные маневры в Македонии. Однако многие из задуманных им реформ остались неосуществленными, отчасти и вследствие оставления Ш.-п. должности военного министра незадолго до начала войны с славяно-греческой коалицией. В начале этой войны он был назначен главнокомандующим Македонской армии.

Ш.-п. ничем не проявил себя в боях и был отозван в Константинополь. После убийства Назима-паши* и падения кабинета Кемалья-паши он был на-

* Назим-паша (1852—1913), главнокомандующий турецкой армией в 1-й период войны Турции с Балканскими государствами. Военное воспитание получил в Сен-Сирском военном училище; вернувшись в Турцию, стал адъютантом фон-дер-Гольц-паши. Независимый характер навлек на него опалу султана. Был сослан в Ерзурум, откуда вернулся незадолго до Младотурецкой рев. 1908 г. После рев., командовал II корпусом в Адрианополе, был генерал-губернатором Багдада, но не поладил с англичанами (противился скупке ими земли). В 1911 г. был отозван из Багдада с назначением председателя

значен великим визирем и генералиссимусом. Однако 30 мая 1913 г. он был убит мстителями за Нарима-пашу.

Военного совета. В начале 1912 г. сменил Ш.-п. на посту военного министра и вместе с тем был назначен всеми турецкими вооруженными силами. Главной заслугой перед родиной была организация обороны Четалджинской позиции, задержавшей наступление болгар на Константинополь. Ярый противник политики в армии, чуждый по духу главарям младотурецкого комитета, он был убит 10.01.1913 г. в здании Порты, во время заседания кабинета министров по вопросу об уступке Адрианополя союзникам.

ШОМБЕРГ (ШЕНБЕРГ, ШОМБУРГ) ФРИДРИХ-ГЕРМАН (1615—1690), генерал французской, португальской, нидерландской, бренденбургской и английской армий, английский генералиссимус.

Начальное военное образование получил во Франции*, где и поступил на военную службу. Ш. принял участие в Тридцатилетней войне (1618—

* Отец Ш., гугенот граф Шомберг был одним из первых протеже Ришелье. Шомберг был назначен послом при австрийском дворе. Ришелье высоко ценил его способности, дав ему ответственное поручение. «Главное, что должен сделать граф де Шомберг, отправляясь в Германию, — было сформулировано в инструкции, подписанной королем, — рассеять мятежников, которые могут причинить вред Франции, донести туда (в империю Габсбургов) как можно скорее имя короля и прочно утвердить там его авторитет». Ришелье надеялся, что протестант Шомберг выполнит и другую задачу, поставленную перед последним, — укрепит давние связи Франции с германскими протестантскими княжествами. Граф Шомберг с успехом выполнил поручение Ришелье. Уже по пути в Германию он провел переговоры с владельческими князьями Лотарингии и Эльзаса, курфюрстом Нижнего Пфальца, с некоторыми другими германскими князьями, которым обещал помощь французского короля. Шомбергу удалось нейтрализовать попытки мятежных принцев склонить на свою сторону венский двор. Однако он был не только умелым дипломатом, но и способным военачальником, командовал армией. Затем он занимал пост сюринтенданта финансов, но был смещен, и пост занял маркиз де Ла Вьевиль, главный сокольничий королевства и фаворит Людовика XIII. Ришелье,

1648 г.), сражаясь сначала под знаменами Берггарда Веймарского, а затем перейдя на службу по французскую армию.

После окончания Тридцатилетней войны Ш. некоторое время жил в Голландии при дворе Вильгельма II, а затем, в 1651 г., вернулся во Францию. Здесь он занимал довольно ответственные посты, но в конце войны с испанцами, завершившейся заклю-

однако, не оставил своего протекже и внес его в список кандидатов в члены Королевского совета в числе других честных, энергичных и уважаемых людей. Список этот был утвержден королем. Во время заговора (1626 г.) Шомберг выступал против кардинала. Пока тот был не у дел, Людовик XIII решил по собственной инициативе осуществить реорганизацию Совета, стараясь устранить из него всех явных противников кардинала; в результате этого Шомберг стал государственным секретарем по военным делам. Занимая эту должность, он играл важную роль в обеспечении внешней безопасности французского королевства: уделял большое внимание укреплению пограничных крепостей. В чине маршала Шомберг командовал десантом, высаженным на остров для штурма форта Сен-Мартен (20 октября 1627 г.). Французам удалось прорваться в осажденный форт и доставить туда боеприпасы и дополнительное продовольствие войску маршала Туара. В 1630 г., когда маршал Луи Марильяк, возглавлявший армию в Северной Италии, был объявлен изменником, арестовать его было приказано маршалу Шомбергу. В сентябре 1632 г. он разбил армию маршала Монморанси, поднявшего мятеж в Лангедоке. После его смерти маршальский жезл и титул графа был пожалован Людовиком XIII его сыну, Ш.

чением Пиренейского мира (1659 г.), принял непосредственное участие в боевых действиях. В это же время Ш. сменил свою фамилию с Шенберг на Шомбург и наследовал графский титул.

В 1668 г. Людовик XIV послал Ш. в Португалию, которая отпала от Испании и боролась за свою независимость. 13 ноября Ш. высадился в Лиссабоне с небольшим отрядом опытных офицеров и закаленных в сражениях солдат. Несмотря на жалкое состояние португальской армии, происки и интриги вельмож, ему удалось завершить возложенную на него миссию. Мирный договор (13 февраля 1668 г.) закончил войну, дав Португалии независимость от испанской короны и Браганцскому дому королевскую власть. Всем этим португальцы в значительной степени были обязаны Ш.

Вернувшись во Францию, Ш. жил там до 1672 г., когда Карл II пригласил его в Англию. Но из-за возникших недоразумений Ш. уже в конце 1673 г. возвратился назад во Францию, где вскоре нашел применение своим полководческим способностям в войне во Фландрии, а потом и в Южной Франции против испанцев (1674 г.). Взятие города Бельгарда во время налета на Каталонию (1675 г.) было главным и наиболее ярким событием этой войны.

Во время походов 1676—79 гг. Ш. действовал сначала в Нидерландах, а потом на Нижнем Рейне. Возвращение к мирной жизни было тяжелым. После отмены нантского эдикта пребывание во Франции стало опасным, так как там начались гонения за религиозные убеждения. Положение Ш. в этот момент можно было считать более-менее прочным, если учитывать его брак с француженкой, а также маршальский жезл, полученный незадолго до этого. Но Ш. не пожелал изменить евангелическому испо-

веданию и уехал в Португалию, где католический фанатизм был менее силен.

Однако вскоре он переменял португальскую службу на бранденбургскую, где ему оказали высокую честь, назначив генералиссимусом всех войск (17 апреля 1687 г.). Но и здесь Ш. долго не задержался. Уступая просьбе Вильгельма Оранского, в следующем, 1688 г. он перешел к нему на службу и вместе с ним высадился на английском берегу и мирно вступил в Лондон. За это содействие Вильгельм Оранский назначил его генералиссимусом английской армии и пожаловал ему титул герцога.

В 1689 г. Ш. завоевал Ирландию, а в 1690 г. в сражении при р. Бойне пал в рукопашной схватке.

ЮАНЬ ШИКАЙ (1859—1916), первый президент Китая, китайский генералиссимус.

Получил образование в Европе, что было недоступно для многих его соотечественников. В 1898 г. примкнул к либеральному движению Кан Ювэя, но вскоре предал его, чем заслужил назначение на пост губернатора Шаньдуна. За активное участие в подавлении народного Ихэтуаньского восстания (1899—90 гг.) был назначен губернатором столичной провинции Чжили (Хэбэй) (1901—1908 гг.). Огромная заслуга перед Китаем генерала Ю. заключается в том, что он создал китайскую сухопутную армию.

Ю., умело командуя крупными войсковыми соединениями, сумел приобрести уважение в армии и одновременно навлечь на себя недовольство цинского двора. Из-за неуступчивого характера принц-регент Дай Ли отстранил его от командования армией и снял с поста губернатора провинции Чжили под предлогом «ревматизма ног». Однако после активизации революционной деятельности в стране было принято решение возвратить Ю. в армию. За несколько дней до восстания в Учане (см. об этом **СУНЬ ЯТСЕН**, **ЧАН КАЙШИ**), была даже сделана попытка неофициально установить с ним связь. Об этом докладывал принцу-регенту уполномоченный им для выяснения обстановки И Куан. Обстановка требовала привлечения ко двору способных людей. Дай Ли был осведомлен, что к Ю. революционеры не были расположены и сделал на него ставку. Ю. жил в тот момент в Чжандэ, находясь там на «излечении».

Авторитет его в армии не иссяк, он по-прежнему был лидером партии «реальной силы». Поэтому он как никто другой подходил на роль «усмирителя» революционного движения.

Правительственные учреждения кишели агентами. Когда правительство издало указ о назначении Ю. хугуанским наместником, он понял всю свою значимость. Революция набирала ход, и в этой ситуации маньчжурская династия опасалась за свое дальнейшее существование. Ю. решил не торопиться, помня, как обошлись с ним совсем недавно, лишив его командования армией. Однако напуганный ходом развития событий, Дай Ли приказал немедленно ехать в Чжаидэ и постараться убедить генерала в сотрудничестве с двором. В Пекин уполномоченный вернулся с шестью условиями Ю. и предупреждением, что если эти условия не будут приняты, то он, в свою очередь, примет назначения. Условия заключались в следующем:

- создать в будущем году парламент;
- сформировать ответственный кабинет министров;
- проявить терпимость в отношении участников нынешних событий;
- отменить запрет партий;
- командование сухопутными войсками и флотом поручить ему, предоставив формировать армию по своему усмотрению;
- предоставить возможность неограниченно расходовать средства на военные нужды.

Дай Ли, конечно, не был в восторге от этих требований. Но события развивались стремительно, не оставляя времени на раздумья. 27 октября 1911 г. повстанцами была провозглашена независимость провинций Хунань, Шэньси и Дзянси. Правительство растерялось и назначило Ю. командующим сухопутными войсками и флотом, возведя его в ранг императорского министра. Однако Ю. посчитал, что

его условия еще не выполнены окончательно и остался в Чжандэ.

В это время в Пекине открылась 2-я сессия совещательной палаты (состояла из 300 человек, из которых одна половина назначалась императором, а другая избиралась) при императоре. Конституционалисты воспользовались подходящим моментом, чтобы установить конституционное правление. Дай Ли понял, что разрядить обстановку можно только путем уступок. 30 октября он подписал манифест, которым было отменено запрещение партий, признаны легальными революционные организации, совещательной палате было поручено в кратчайший срок подготовить проект конституции. На следующий день был распущен кабинет министров, состоявший из лиц императорской фамилии. 2 ноября премьер-министром нового кабинета был назначен Ю. А 3 ноября совещательная палата уже представила проект конституции.

Ю. решил изменить свою позицию. 1 ноября он выехал в Сянгань, где произвел осмотр войск. 13 ноября он прибыл в Пекин и после разговора с принцем-регентом отказался от поста премьер-министра, убежденный в том, что должен быть сохранен конституционно-монархический строй.

27 октября революционная армия понесла крупные поражения в боях за Ханькау. Повстанцы тоже задумались о привлечении в свои ряды человека, обладающего авторитетом в императорской армии. Этим они бы добились перехода значительной силы военных на свою сторону. Зная, что Ю. еще не определился окончательно в своем решении сотрудничать с цинским двором, они сделали ставку именно на него. Как только стало

известно, что наместник императора назначил Ю. премьер-министром нового кабинета, группа руководителей учанского военного правительства отправила Ю. письмо. В нем они умоляли генерала «возглавить подчиненных богатырей, поднять на севере знамя и уничтожить власть чужеземного двора». «На Вас одного, Ваше превосходительство, взираем мы как на Вашингтона китайской нации», — писали они.

Ю. был польщен подобным вниманием к своей персоне, но по-прежнему оставался при мнении, что нужно сохранить монархию. Он послал руководителям повстанцев ответ, в котором утверждал, что все будет хорошо — двор примет конституцию, а гонений не будет, так как он, Ю., обо всем позаботился. Он также призвал мятежников к мирному соглашению с императором. Ответа на это послание не последовало. Ю. написал еще одно письмо, затем другое, которые были, в основном, одинакового содержания с первым.

Только на третье письмо был получен ответ, в котором говорилось: если Ю. не выступит против революционной китайской нации, то он будет выдвинут на пост президента и «если он исполнит волю народа, то нам добиться цели будет проще простого».

Для Ю. настал трудный момент. Он понимал, что цинское правительство пользуется плохой репутацией среди основной массы народа и что революционные воззвания руководителей восстания будут восприняты народом гораздо быстрее, чем различные незначительные уступки императорского двора и правительства. Вместе с тем, он не желал кардинальных преобразований в стране.

29 декабря 1911 г. делегаты 17 революционных

провинций собравшиеся в Нанкине, официально провозгласили учреждение в Китае республики и избрали основателя и лидера Гоминьдана Сунь Ятсена (см.) временным президентом.

Англия и США, озабоченные ситуацией на Дальнем Востоке, решили вмешаться и поставить на пост президента Ю., полагая, что пусть даже и с диктатурой Ю., но империя Дай Ли в Китае сохранится. Однако они просчитались. 12 февраля 1912 г. маньчжурский император Пу И отрекся от престола. В его последнем приказе Ю. предписывалось сформировать временное республиканское правительство. 14 февраля Нанкинское собрание единодушно приняло отставку Сунь Ятсена и также единодушно избрало Ю. временным президентом Китайской республики. Для этого имелись основательные причины. Нанское правительство находилось в затруднительном финансовом положении. Поскольку обращение к иностранным державам признать Республику осталось безответным, то нужно было искать другой выход, чтобы получить от них займы. К тому же, Сунь Ятсен призывал к дальнейшей революционной борьбе. В условиях нищеты продолжение гражданской войны становилось губительным для Китайской республики.

Сразу же после избрания президентом Ю. стал на путь установления единоличной диктатуры. Получив в апреле 1913 г. от иностранных держав заем в 25 млн. фунтов стерлингов, он разогнал парламент и политические партии. В мае 1915 г. правительство Ю. приняло кабальное для Китая «21 требование» от Японии. В конце 1915 г. Ю. стал готовиться к провозглашению себя императором. В стране вновь вспыхнула волна негодова-

ния, вследствие чего он вынужден был отказаться от подобной затеи.

Ю. умер в 1916 г. от сердечного приступа. Его смерть избавила Китай от кровопролитной войны.

ЯКОВ II ЙОРКСКИЙ (1633—1701), король Великобритании и Ирландии (1685—88 гг.), внук Якова I, второй сын Карла I.

После рождения получил титул герцога Йоркского. После взятия города Йорка парламентской армией, в 1646 г., Я. с братьями и сестрами был заключен под стражу, однако через два года сумел бежать и перебрался на континент. Здесь он служил под знаменами маршала Тюренна, а позже сражался уже против него в рядах испанской армии. После реставрации Стюартов в качестве генерал-адмирала Я. получил главное командование над морскими силами Англии. В этом качестве в 1665 г. он одержал победу над голландским флотом у Гардвича.

Вместе со склонностью к католицизму в Я. развивалась дружба с Людовиком XIV, ненависть к Голландии и намерение установить абсолютную монархию. Он был душой министерства Кабаль, которое в 1670 г. преследовало те же цели. После смерти первой жены Анны, дочери Кларендона (Гайда), Я. перешел в католицизм. В разразившейся затем войне против Голландии он командовал английским флотом в двух больших морских сражениях.

Вследствие неудачной войны усилилось влияние парламента. Это заставило Я. в очередной раз удалиться от государственных дел. Вопреки его желанию, старшая из двух дочерей от первого брака, Мария (предполагаемая наследница престола, т. к. Карл II был бездетным, а у Якова в то время еще не было сыновей), была выдана замуж за Вильгельма Оранского в 1677 г. Вторая жена Я., Мария Моденская, ревностная католичка, сделала и своего мужа усердным приверженцем католицизма.

Когда в 1679 г. разнеслась молва о католическом заговоре, во главе которого якобы стоял Я., он сно-

ва вынужден был покинуть Англию. Возник даже вопрос об устранении его от престолонаследия, но именно это вызвало реакцию против вигов, и после смерти Карла Я. беспрепятственно вступил на английский престол. Также без труда были подавлены и со страшной жестокостью наказаны восстания Монмута в Англии и лорда Аргайля в Шотландии. Ободренный успехом и рассчитывая на доктрину безусловного повиновения, которую исповедовало тогда значительное большинство англиканского духовенства, Я. задумал с помощью широкого толкования и применения власти заменить все главные должности, военные и гражданские, лицами неангликанского вероисповедания. Протестующее духовенство он смирял посредством так наз. «высокой комиссии», покровительствовал всем направлениям, враждебным господствующей церкви, и поставил своей целью установление абсолютной католической монархии, путем почти нескрываемой пропаганды католицизма и тесного союза с Людовиком XIV. Даже вернейшие слуги короля, английские епископы, были привлечены к судебной ответственности, но оправданы присяжными.

Надеясь, что после смерти Я., при отсутствии мужского потомства, правление перейдет в руки его дочери, верной приверженке протестантства, народ сдерживал свое негодование, и до восстания дело не доходило. Когда 10 июня 1688 г. было объявлено о рождении принца Валлийского, многие отказывались верить в истинность этого факта и даже подозревали подлог. Потеряв надежду на перемену к лучшему, руководители обеих главных партий — вигов и тори — пригласили Вильгельма Оранского в Англию. Я. хотел пойти на уступки, но опоздал.

В ноябре 1688 г. принц Оранский высадился в

Англии, в декабре король, покинутый всеми, даже дочерью Анной, бежал во Францию. Там Людовик XIV предоставил ему убежище в замке С. Жермен. В феврале 1689 г. парламент провозгласил королем и королевой Англии Вильгельма и Марию. Я. из Франции поддерживал постоянные связи со своими приверженцами (яковитами), предпринимавшими попытки совершения заговоров в Англии и открыто восставшими в Шотландии и Нормандии.

В 1689 г. Я. явился в Ирландию и стал во главе инсургентов, которых поддерживали французские войска. Однако завершить задуманное ему не удалось: в 1690 г. он был разбит в сражении при Бойне. Умер Я. в 1701 г.

Научно-популярное издание

ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ

Автор-составитель *Веко Александр Викторович*

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*
Корректор *А. Ф. Филиппенко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.08.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 11 000 экз. Заказ 1577.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181 от 08.08.95.
220050, Минск, ул. Ульяновская, 39—11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.94.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.